

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

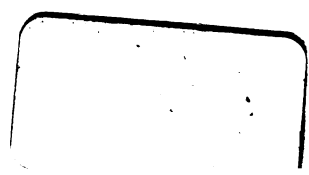
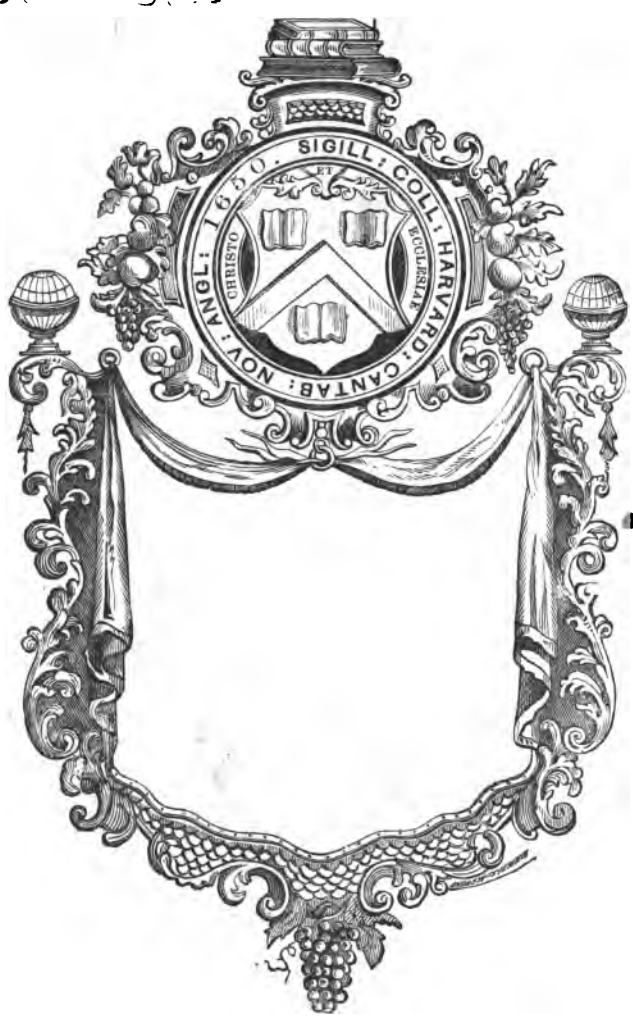
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

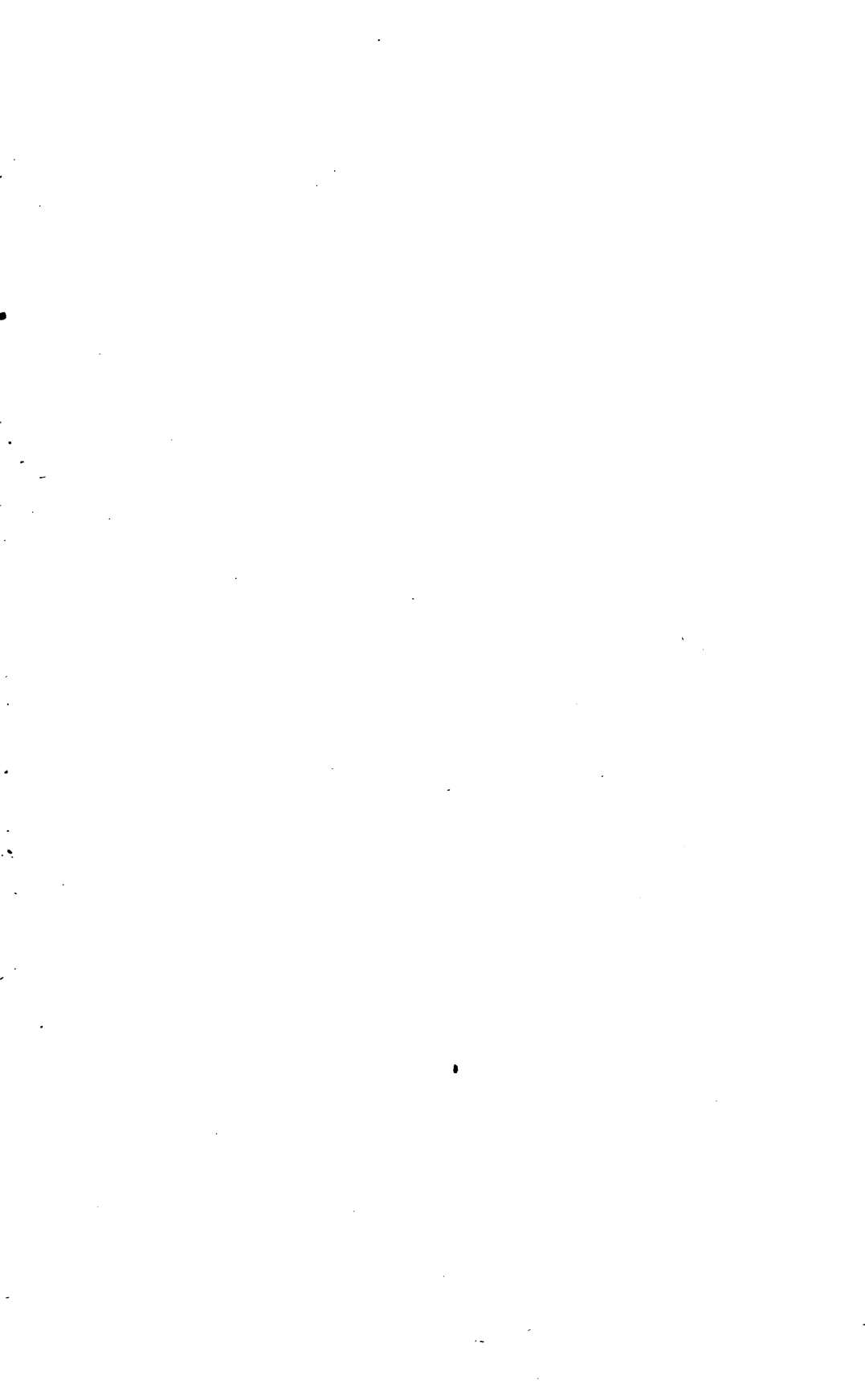
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PSlaw 176.25

~~Slaw 342~~

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩІЙСЯ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.

ВЪ АВГУСТЪ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. А. ШАРАСМАНЪ

Издатель

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1875.

	Стр.
I.—ЭМИГРАНТЪ.—Сатирический романъ Ява Лама.—Окончаніе.—Е. Д.	425
II.—АНГЛИЯ И ЕЯ ВИДЫ НА РОССІЮ ВЪ XVI-мъ ВѢКѢ. — По новымъ доку- ментамъ.—I-X.—Ю. В. Толстого	477
III.—ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ. — Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья вторая.—VIII-XIV.—Д—ева	523
IV.—АМЕРИКАНСКІЕ ШОНЕРЫ.—III.—А. Курбскаго.	568
V.—ПАОЛО И ФРАНЧЕСКА.—Изъ Данта.—Ал. Орлова	610
VI.—ГЕРМАНИЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.—Историческіе этюды.—Окончаніе.— XVI. Союзъ фюрстовъ и нѣмецкая политика Россіи.—XVII. Наполеонъ I и февральская революція.—XVIII. Садовал и Седанъ.—А. С. Тречевскаго	613
VII.—ГРИБОѢДОВСКАЯ МОСКВА, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.— 1812-1818 гг.—Окончаніе.—1817-й и 1818-й годы.—М. Свистуновой	660
VIII.—НОВО-КЕЛЬТСКОЕ И ПРОВАНСАЛЬСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ.— I-IV.—М. П. Драгоманова	688
IX.—ХРОНИКА.—НАШЪ АРГОНАВТЪ.—По поводу новыхъ статей и новыхъ идей г. Любимова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—В. И.	741
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Наше финансовое положеніе. — Пятый выпускъ конзолей.—Сравненіе возрастанія расходовъ и доходовъ. — Производитель- ность отдѣльныхъ статей доходовъ. — Отчетъ министерства народнаго про- свѣщенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣше- ніе вопроса о медико-хирургической академіи. — Полемика объ училищахъ военнаго вѣдомства.	765
XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Финансовыя затрудненія и оп- позиція.—Выборы въ Баваріи.—К.	792
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА. — Рабочій классъ и англійское законодательство.—В.	808
XIII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—V.—Наводненіе.—I-VI.—Е. Z-I-	825
XIV.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	853
XV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., см. ниже.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

~~1871, 84~~
~~Slawson~~
P Slaw 176. 25

ЭМИГРАНТЪ

САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ЯНА ЛАМА.

Окончаніе *).

Ни одинъ благоразумный человекъ въ Галиціи не станетъ утверждать, что демократы и радикалы обязаны непременно жить въ ямѣ, прикрытой хворостомъ, питаться брюквой, желудями и козьимъ молокомъ, одѣваться въ сырыя шкуры хищныхъ звѣрей и пить одну ключевую воду. Напротивъ, идеальное равенство положенія, равенство передъ закономъ, равенство обязанностей и «равенство благосостоянія» вполне мирятся съ понятіемъ о комфортѣ всякаго рода, и даже не лишаютъ представителей демократіи права принимать живѣйшее участіе въ прибыльныхъ предпріятіяхъ, мѣстныхъ и заграничныхъ, и увеличивать — съ помощію «синдикатства» и иныхъ благородныхъ изобрѣтеній — свое благосостояніе на счетъ простофиль и глупцовъ. И если, вмѣсто прикрытой хворостомъ ямы, представитель демократіи соорудитъ себѣ красивый домъ съ мѣдною крышею, заведетъ хорошаго повара и снабдитъ свой погребъ превосходнымъ виномъ, то все это нисколько не противорѣчитъ понятію равенства, потому что все это дозволяется имѣть каждому, и каждый все это имѣть можетъ, лишь бы умѣлъ... во-время покупать и продавать акціи. Имъ болѣе позволителенъ нѣкоторый комфортъ, соединенный даже съ невинною роскошью, такимъ лицамъ, какъ панъ Мелитонъ Кацпровскій, который по наслѣдству получилъ всѣ средства, позволяющія ему жить богато и открыто...

*) См. выше: июль, 278 стр.

Можно бы громадный томъ написать о разницѣ, существующей въ понятіи о комфортѣ, о пышности и роскоши въ разныхъ частяхъ земныхъ полушарій и даже въ разныхъ уголкахъ Польши. Можно держать пари, что, напримѣръ, полякъ въ Познани и Конгрессовѣ съ одной стороны, и полякъ въ Галиціи и на Волыни — съ другой, при однихъ и тѣхъ же средствахъ, устроятъ свою жизнь различнымъ образомъ. Первые двое заведутъ у себя лучшую кухню, стануть курить лучшія сигары и больше стануть расходовать денегъ на книги и журналы; за то двое послѣднихъ выстроитъ болѣе обширные дома, назовутъ ихъ «палацами», окружатъ себя многочислѣннѣйшею дворней и заведутъ великолѣпные экипажи. Само собою разумѣется, что въ этихъ палацахъ половина комнатъ, въ зимнее время, не будетъ отапливаться, дворня будетъ предаваться праздности, лошади окочевать отъ голода и въ великолѣпнѣйшей каретѣ одна по крайней мѣрѣ дверца всегда будетъ испорчена. Для соблюденій условій «хорошаго тона», каждый изъ послѣднихъ станеть переносить мучительнѣйшій голодь до четырехъ и пяти часовъ по-полудни; когда же настанеть обѣденная пора, то окажется, что пьяный поваръ все изгадилъ, продымилъ и прожегъ. Въ владовой всегда чего-нибудь будетъ недоставать, чаще всего... муки и хлѣба, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя изобилуютъ пшеницею и рожью. Одинъ знакомый мнѣ подольскій помѣщикъ продаетъ ежегодно отъ 3 до 10 тысячъ корцовъ пшеницы; но когда пріѣзжаетъ во Львовъ, то не можетъ нарадоваться бѣлому хлѣбу, котораго несчастный никогда не видитъ дома. Если мнѣ доважутъ, что въ Галиціи нѣтъ такихъ помѣщиковъ, которые, имѣя по двѣсти штукъ рогатаго скота, все-таки покупаютъ, въ теченіи болѣе половины года, молоко у деревенскихъ бабъ, я откажусь отъ своихъ словъ и возьму ихъ назадъ.

Господскій домъ въ Цевковицахъ устроенъ былъ вполне по галиційской системѣ. Въ немъ было просторно, но негдѣ было пріютиться; много было дворни, но мало прислуги; громадныя приготовленія на кухнѣ, но нечего было ѣсть; много лошадей, но чрезвычайно мало книгъ.

Владѣлецъ Цевковицъ, панъ Мелитонъ Кацпровскій, отличался высокимъ ростомъ и холодною фізіономіей; волосы на головѣ были у него всегда причесаны гладко и очень старательно, и это служило поводомъ графу Цыбульницкому утверждать, будто панъ Мелитонъ носить парикъ. Какъ бы то ни было, но благодаря этой прическѣ, а также общему очертанію черепа и выраженію лица, съ большими на-выкатъ глазами, голова пана

Мелитона представляла большое сходство съ тѣми произведеніями античнаго искусства, которыя употреблялись для разрушенія стѣнъ и назывались таранами. Когда панъ Мелитонъ, отстаивая легальнымъ путемъ наши права и, ничего не отстоявъ, обращался обыкновенно къ сосѣдямъ съ словами: «головой стѣны не прошибешь», — сосѣды только улыбались, думая про себя, что противъ таковой головы не устоятъ никакой стѣнѣ!...

Панъ Мелитонъ отстаивалъ только легальныя дѣла и путемъ тоже легальнымъ, и тутъ-то скрывается ключъ къ разгадкѣ отношеній его къ графу Цыбульницкому. Первый былъ «легальною головой», по крайней мѣрѣ одною изъ легальныхъ головъ цыбуловскаго округа, а графъ Киприанъ — «не-легальнымъ» ея подобіемъ. Панъ Мелитонъ въ свою продолжительную политическую карьеру могъ убѣдиться, что въ нашихъ аристократическихъ родахъ очень часто глава фамиліи исполняетъ легальныя должности, между тѣмъ какъ сынъ его забавляется не-легальной ролью президента какого-либо общества, ролью отца отечества, моральнаго диктатора и т. п., пока не состарится и не постѣдѣетъ настолько, что будетъ признанъ достойнымъ заправлять дѣлами легальными... Если иные «аристократы» такъ дѣлаютъ, то почему бы не дѣлать этого и мнѣ, — спрашивалъ себя панъ Мелитонъ и порѣшилъ быть легальнымъ представителемъ своего округа, и потому не желалъ лично мѣшаться въ повстанскую организацію, имѣя притомъ въ виду сыграть въ будущемъ роль примирителя и посредника между властями народowymi и цесарско-королевскими; но, въ то же время, онъ желалъ, чтобы первенствующая роль въ окружной организаціи поручена была непременно его сыну, пану Винцентію... Къ сожалѣнію, его желаніе не было исполнено. Должность окружного начальника возложена была на гр. Киприана, панъ же Винцентій едва удостоился избранія въ повѣтовые начальники. Очевидно, панъ Винцентій не могъ не считать себя обиженнымъ: онъ не желалъ посвящать своихъ высокихъ дарованій и глубокихъ политическихъ знаній такой ничтожной сферѣ дѣйствованія... Возложенную на него патриотическую обязанность онъ исполнялъ такъ небрежно и нелѣпно, что вскорѣ лишенъ былъ и этой мизерной должности. Тогда-то панъ Мелитонъ и Винцентій усмотрѣли, что народова организація въ краѣ, и особенно въ цыбуловскомъ округѣ, ведется плохо и непатриотично, тогда-то они принялись группировать вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ, съ цѣлью ниспровергнуть стоявшую во главѣ организаціи «партію»... Если не ошибаюсь, то королевства Галиція и Лодомерія, вмѣстѣ съ великимъ гер-

догствомъ Краковскимъ, весьма часто бывають ареной подобныхъ политическихъ агитацій, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, — агитацій, возбуждаемыхъ какими нибудь X. и У. и направленныхъ исключительно къ удовлетворенію личнаго тщеславія. Антагонизмъ разыгрывается вполне по цыбуловской программѣ. Панъ Винцентій вступилъ въ борьбу съ графомъ Киприаномъ вовсе не изъ-за личныхъ интересовъ или тщеславія — Боже избави! Тутъ сталкиваются принципы «красные» съ принципами «бѣлыми». Въ странѣ выступаетъ на сцену не тщеславная и пустая личность пана X. или пана У., тутъ сталкиваются только «резолуція», «федерація», «демократія», «народная партія» и т. п. Что нужды въ томъ, кто займетъ мѣсто поближе къ министерству и кто будетъ держать въ рукахъ ту тряпку политическаго самоуправленія, которое — свидѣтель Богъ! — выпало на долю Галиціи какими-то непостижимыми судьбами, безъ всякихъ съ ея стороны усилій, заслугъ или преступленій. О, объ этомъ, конечно, никто у насъ никогда не помышляетъ, не такъ ли?...

Панъ Богданъ Колтуновичъ, хотя принадлежалъ къ «бѣлымъ», принять бѣлъ, однако, очень вѣжливо и радушно со стороны пана Мелитона. Пока панъ Богданъ, удалившись съ хозяиномъ на тайную конференцію, посвящалъ его въ тайну высокаго политическаго значенія, представляемаго княземъ А. Ч., панъ Винцентій старался занять эту знаменитость разговоромъ.

Партія была далеко неравная. Каждый варшавякъ, за ничтожными исключеніями, обыкновенно говоритъ столько, сколько двое галичанъ вмѣстѣ взятыхъ. Артуръ же въ обыкновенномъ своемъ состояніи говорилъ за четверыхъ, между тѣмъ какъ панъ Винцентій при всякихъ обстоятельствахъ умѣлъ молчать за восьмерыхъ. Совсѣмъ напрасно Артуръ силился оживить разговоръ неудержимымъ потокомъ своего краснорѣчія — панъ Винцентій молчалъ и курилъ сосредоточенно трубку, и когда переставалъ курить на минуту, желая, повидимому, что-то сказать, то приподнималъ только голову, поглядывалъ на потолокъ и — принимался курить опять. Выведенный изъ крайнихъ границъ терпѣнія, варшавянинъ чувствовалъ сильнѣйшее желаніе вытолкать своего собесѣдника за дверь, но, помня о своемъ княжескомъ достоинствѣ и догадавшись, что имѣетъ дѣло съ галиційскимъ «англичаниномъ», Артуръ рѣшился озадачить его совершеннѣйшимъ хладнокровіемъ и невозмутимою флегмой. Развалившись на диванѣ, онъ принялся курить сигару, упорно глядѣлъ въ потолокъ, или разглядывалъ свои сапоги, не произнося не единого слова. Взаимное молчаніе длилось бы и по настоящую минуту,

еслибы не было прервано паномъ Богданомъ и Мелитономъ, возвратившимися по окончаніи тайной конференціи. Послѣдній при этомъ счелъ нужнымъ почему-то вторично раскланяться съ Артуромъ и сейчасъ же скрылся въ сосѣдней комнатѣ. Когда онъ опять воротился въ гостямъ, въ сосѣднихъ комнатахъ послышалась суетня, бѣганіе, звяканіе ключей, сдержанная брань и руготня, стукъ переставляемыхъ стульевъ и иные признаки, свидѣтельствовавшіе о томъ, что къ достойному принятію гостей готовятся дамы. Артуръ ободрился и ждалъ только минуты, чтобы «задать шикъ».

Въ столовой происходило немалое движеніе. До слуха проголодавшихся гостей долеталъ звонъ ножей, тарелокъ и ставановъ и возбуждительно дѣйствовалъ на ихъ аппетитъ; но суетня длилась часа полтора, и все это время гости и хозяева вынуждены были продолжать принужденный разговоръ о предметахъ «постороннихъ», такъ какъ приличіе не дозволяло касаться политики и текущихъ событій въ присутствіи двухъ политическихъ антагонистовъ, т.-е. Колтуновича и Кацпровскаго, — виновать, въ присутствіи представителей противоположныхъ принциповъ: «бѣлыхъ» и «красныхъ». Всворѣ разговоръ оюнчательно истощился и настало полнѣйшее молчаніе; только панъ Богданъ, мучимый страшнымъ аппетитомъ, вздыхалъ меланхолически, похлопывая рукою по волѣну, и произносилъ иногда: «о, да, да!... Плохія времена, пане-добродѣй!»

— Гм!... Да!... Плохія, пане-добродѣй, — отвѣчалъ панъ Мелитонъ, послѣ долгаго размышленія.

Сообразивъ все относящееся къ этому предмету, панъ Винцентій замѣчалъ, спустя полчаса:

— А!... Что-жъ дѣлать!...

И послѣ значительной паузы прибавлялъ:

— Пане-добродѣй!

Такой разговоръ между тремя свѣтилами цыбуловскаго округа Артуръ находилъ крайне скучнымъ и безтолковымъ. Съ большимъ трудомъ срывалъ онъ свое нетерпѣніе, стараясь казаться хладнокровнымъ, какъ князь и притомъ князь со сплиномъ. Раздражалъ его особенно своимъ волчьимъ и плохо срываемымъ аппетитомъ панъ Богданъ, осужденный на жгучую пытку, такъ какъ пробило уже три, три съ четвертью, половину четвертаго, четыре часа... о дамахъ же и насчетъ обѣда не было ни слуху, ни духу. Принимая во вниманіе, что съ десяти часовъ утра до четырехъ пополудни шляхетскій желудокъ требуетъ, кромѣ свѣжаго воздуха и жалобъ на плохія времена, еще нѣсколько фун-

товъ говядины и соотвѣтственнаго количества овецъ, чтобы поддерживать мыслительныя способности въ такой головѣ, какою обладалъ панъ Богданъ, принявъ все это во вниманіе, легко будетъ понять, почему этотъ достойный мужъ чувствовалъ себя въ эту минуту какъ-то особенно «глупо». Но время мучительно тянулось, а въ столовой царствовала мертвая тишина, какъ-будто поваръ порѣшилъ отсрочить обѣдъ на завтрашній день. Какая ужасная мысль! Панъ Богданъ чувствовалъ себя еще «глупѣе».

Почтенный владѣлецъ Телятина, безъ сомнѣнія, былъ бы гораздо терпѣливѣе, еслибы ему были извѣстны причины продолжительнаго отсутствія дамъ и неприглашенія къ обѣду. Прежде всего, по поводу неожиданнаго прибытія гостей, повару приказано было прибавить къ обѣду четыре цыпленка и какое-то бламанже. Цыплятъ нужно было изловить, убить и изжарить — этого нельзя было сдѣлать вдругъ. Кромѣ того, къ мадамъ Кацпроевской какъ разъ въ это время пришла съ визитомъ жена уніатскаго священника, недавно назначеннаго въ Цевковицы приходскимъ пробощемъ. Невозможно же было пригласить къ обѣду особу столь низкаго происхожденія, нужно было отъ нея какъ-нибудь отдѣлаться; но особа низкаго происхожденія вовсе не предполагала, чтобы, живя въ деревнѣ и занимаясь хозяйствомъ, можно было оставаться безъ обѣда до четырехъ часовъ, и потому продолжала «себѣ» сидѣть, вмѣсто того чтобы «себѣ» убраться. Одно уже это обстоятельство подѣйствовало очень раздражительно на деликатные и крайне нѣжные нервы Кацпроевской; раздраженіе еще усилилось, когда жена пробоща повела рѣчь о своихъ родственныхъ отношеніяхъ.

— Къ моему дѣду должно было перейти въ собственность хорошее имѣніе на Подолѣ, состоявшее изъ двухъ деревень, но старшій братъ моего дѣда обманулъ его и пустилъ по-міру, вслѣдствіе чего и покойный мой отецъ принужденъ былъ вступить въ духовное званіе.

— А какъ звали вашего отца? — спросила небрежно Кацпроевская.

— Фамилія моего отца—Могоричевскій.

Боже великій! Какая-нибудь попададя смѣетъ происходить изъ той же фамиліи, что и Кацпроевская! Это ужъ было слишкомъ для нѣжныхъ нервовъ Кацпроевской, и она упала въ обморокъ. Разумѣется, попададя сейчасъ же ушла; но пока слабо-нервная дама приведена была въ чувство, пробило пять часовъ, и тогда только явился лавей и объявилъ гостямъ, что «пани просить».

Первый вошелъ въ салонъ графъ Цыбульницкій, или князь А. Ч., вслѣдъ за нимъ панъ Богданъ, потомъ панъ Мелитонъ и наконецъ панъ Винцентій. Наружный видъ двухъ салоновъ пани Кацировской былъ великолѣпенъ! Въ одномъ — зеленые обои и голубая мебель, въ другомъ — голубые обои и зеленая мебель. Только сама пани Кацировская, при всѣхъ нравственныхъ совершенствахъ, далеко не отличалась внѣшнею красотою и, вдобавокъ, обладала такимъ какофоническимъ голосомъ, что человѣку постороннему, находящемуся въ другой комнатѣ, трудно было бы догадаться, слушая ея голосъ, человѣкъ ли говоритъ, или гавкаетъ Бижу, любимая собачка слабонервной дамы.

Эта особа, исполненная «дистинкціи», сидѣла на диванѣ; тутъ же были и три ея дочери — всѣ въ черныхъ платьяхъ, съ черными желѣзными крестиками на шеѣ, стянутыя черными ремнями кушаками, съ изображеніемъ бѣлаго орла на пряжкѣ, и съ черными колечками на пальцахъ рукъ. Это было время всеобщаго траура, когда наши дамы оплакивали несчастіе отечества... Теперь нашимъ дамамъ весело, теперь они украшаютъ себя всѣми цвѣтами, какихъ нѣтъ и въ радугѣ, и носятъ на себѣ больше золота, нежели сколько найдется его въ краковскомъ мраморномъ саркофагѣ Казимира Великаго... Чувство патриотическое, какъ и всякое иное, возникаетъ прежде всего въ сердцѣ и обнаруживается посредствомъ траура; потомъ переходитъ оно въ ноги и проявляется въ балахъ и танцахъ съ патриотическими цѣлями; затѣмъ совсѣмъ испаряется, или поручается на сохраненіе писателямъ и журналистамъ, которые провѣтриваютъ его иногда, подобно изношенному платью, чтобы показать, что стоятъ «на стражѣ», хотя лично облакаются въ иной, обще-славянской востюмъ....

Всѣ три Кацировскія были прекрасны. Старшая изъ нихъ, Меланія, обладала личиемъ, носившимъ на себѣ печать глубокой грусти и повѣи. Эта дѣвица любила людей, цвѣты, ласточекъ, луну, оплакивала невинныхъ цыплятъ, погибавшихъ подъ ножомъ повара, таяла отъ восторга при чтеніи сочиненій Ленартовича и питалась рисовою кашей со сметаною и вареньемъ. Вопреки своему имени, она была блондинка, съ темно-сѣрыми глазами, которые назывались голубыми, и съ блѣднымъ лицомъ, имѣвшимъ репутацію алебастрового. По мнѣнію мѣстныхъ филологовъ, слово «меланхолія» произошло отъ имени старшей дочери пана Кацировскаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться, если понятіе «меланхоліи» принять за равнозначущее съ понятіями «сонливость» и «апатія». Очевидно, Меланія была существо очень

интересное, представляла собой крайне нѣжный цвѣтокъ, достойный ближайшаго изученія. Найдись охотникъ до подобныхъ изслѣдованій, мы посовѣтовали бы ему предварительно напиться крѣпкого кофе, для предотвращения катастрофы, случившейся съ паномъ Криспиномъ Криспиновскимъ, молодымъ соседнимъ помѣщикомъ. Подвергнувъ надлежащему изслѣдованію состояніе пана Мелитона, этотъ молодой человекъ сталъ частенько посѣщать Цевковицы и нерѣдко оставался на-единѣ съ Меланіей. Однажды, находясь съ нею на балконѣ, выходившемъ въ садъ, онъ оперся о перила и—задремалъ. Подгнившія перила не выдержали, панъ Криспинъ полетѣлъ внизъ и ударился головой о кирпичъ, лежавшій на землѣ. Голова осталась цѣла, ибо черепъ былъ очень крѣпокъ, но содержаніе ея, крайне жиденькое, подверглось сильному сотрясенію, и панъ Криспинъ вскорѣ поплатился жизнію за свою пламенную любовь. Катастрофа эта неблагоприятно подѣйствовала на всѣхъ остальныхъ искателей сердца Меланіи... Только въ послѣднее время нашелся такой человекъ, который настолько сдумѣлъ владѣть собой, что не только ни разу не заснулъ въ присутствіи панны Меланіи, не только избѣжалъ поврежденія той части своего организма, которая имѣется у него для ношенія шляпы и для почесыванія въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но даже умѣетъ нынѣ избѣгать болѣе опасныхъ испытаній, какъ достойный зависти супругъ Меланіи...

Средняя сестра—Роза. Такъ какъ старшая сестрица взяла въ полное и исключительное свое обладаніе «жанръ» печальный и меланхолическій, то средняя выработала другой «жанръ» и старалась олицетворять собой капризъ и шаловливую злость. Панна Роза имѣла тоже свѣтлорусые волосы, но глаза у нея были цвѣта кофейнаго; такъ какъ подобный цвѣтъ глазъ рѣшительно «не принятъ» въ высшемъ обществѣ, то глаза панны Розы, по желанію мамыши, принято было называть черными. Какъ бы то ни было, но панна Роза была премиленькая дѣвушка, и притомъ она сама очень хорошо знала, что она премиленькая.

Меньшая сестра, Владислава, не олицетворяла пока ничего, ни грусти, ни кокетливаго каприза. Она сидѣла спокойно, съ симметрически сложенными на колѣняхъ руками, между тѣмъ какъ Меланія, держа въ лѣвой рукѣ увядшій цвѣтокъ, молчаливо его разглядывала, склонивъ печально голову. Роза держала себя совсѣмъ иначе: схвативъ Бижю, она теребила его за уши, собачка при этомъ визжала, а Кацпровская полусерььзно шепелявила: «Mais, Rose, soyez donc raisonnable!...»

Въ эту минуту вошелъ и торжественно представленъ былъ

графъ Цыбульницкій, о которомъ всё давно уже знали подь секретомъ, что это князь А. Ч. и маіоръ Янъ Вара. Артуръ превзошелъ самого себя! Онъ поклонился съ неслыханною, съ истинно-княжескою граціей, и восторгъ свой и радость, по случаю пріятной для него чести быть представленнымъ столь прелестнымъ дамамъ, выразилъ протяжнымъ восклицаніемъ: «Mesdames!», исполненнымъ невѣроятнаго изящества и великосвѣтскости. Пригласивъ графа занять мѣсто въ креслахъ, Кацпровская обратилась къ нему сейчасъ же съ вопросомъ:

— Вы недавно въ Галиціи, графъ?

— Недавно, мадамъ.

— Если не ошибаюсь, вы прямо изъ Парижа?

— Нѣтъ, я прямо съ поля битвы, — отвѣчалъ нашъ богатырь, обводя всѣхъ взглядомъ, выразившимъ желѣзную энергію и спартанское безстрашіе.

— Съ поля битвы! — проговорила испуганно Кацпровская, между тѣмъ какъ Меланія испустила глубокій вздохъ и робко взглянула на князя своими печальными глазами, а Роза вожделиво улыбнулась, устремивъ свой взглядъ въ *risce-pez* Артура; только Владислава не знала, повидимому, что дѣлать — вздохнуть или улыбнуться. Когда она собиралась сдѣлать то и другое, вошедшій лакей объявилъ, что обѣдъ поданъ. Съ граціей, которая напоминала времена Людовика XIV или эпоху Станислава Понятовскаго, Артуръ подаль руку Кацпровской, панъ Богданъ предложилъ свою Меланіи, панъ Мелитонъ Розѣ, а панъ Винцентій повелъ Владиславу — съ такою торжественностію, что могъ бы служить образцомъ любому изъ артистовъ львовской сцены, въ роли римлянина, шествующему въ Капитолій, съ цѣлью умертвить Юлія Цезаря. Когда торжественное шествіе приблизилось къ обѣденному столу и всѣ заняли свои мѣста, панъ Богданъ сталъ безповойно оглядываться, ища глазами водки, безъ которой онъ въ столу никогда не садился. Но подобный *mauvais genre* не былъ въ обычаѣ въ Цевковицахъ, и панъ Богданъ, вспомнивъ о томъ, что негры остаются неграми по неизмѣннѣ у себя артистократіи, принялся самоотверженно хлебать супъ.

За обѣдомъ господствовало натянутое и тяжелое молчаніе, которое видимо стѣсняло всѣхъ. Упорнѣе всѣхъ молчалъ панъ Винцентій, молчаливѣйшій изъ смертныхъ. Панъ Богданъ чувствовалъ неутолимый голодъ и былъ страшно сердитъ, когда супъ омазался полухолоднымъ и кажимъ-то водянистымъ, а говядина,

приправленная какимъ-то безбожнымъ соусомъ, напоминавшимъ сажу, разведенную въ водѣ, оказалась жесткою и безвкусною. Панъ Богданъ не испускалъ ни одного звука, приходилъ постепенно все въ большее раздраженіе и въ душѣ ругалъ Кацпровскаго, этого «краснаго», который рѣшился, видно, морить голодною смертію своихъ политическихъ антагонистовъ... Панъ Богданъ находилъ, что въ Телятинѣ у него кухня не въ примѣръ лучше, даромъ, что Кацпровскій — поварской внукъ по прямой линіи... Злость пана Богдана перешла почти въ свирѣпость, когда подали спаржу. Стараясь сохранить всевозможное приличіе, онъ оттолкнулъ, однако, отъ себя тарелку.

— Вы, любезный сосѣдь, очень мало кушаете, — замѣтила Кацпровская.

— А спаржа великолѣпная, — прибавилъ Артуръ.

— О, графъ, я это знаю отлично... Домъ Кацпровскихъ давно у насъ извѣстенъ хорошею кухнею, — отвѣчалъ панъ Богданъ мрачно, взглянувъ искоса на пана Мелитона.

Понятно, что Кацпровской сдѣлалось дурно и она тутъ же упала въ обморокъ... Пока приводили ее на балконъ въ чувство, Артуръ успѣлъ завязать съ Розою разговоръ и рассказывалъ ей объ извѣстныхъ ему по опыту разныхъ видахъ и случаяхъ обморока. Разъ, напр., на рукахъ у него умиралъ кузень его, князь Радзивиллъ, пораженный пулею въ битвѣ съ москалями; въ другой разъ великолѣпный замокъ его объять былъ пламенемъ; москали тиранили жителей... Онъ спѣшить съ своимъ отрядомъ на спасеніе погибавшихъ, врывается въ пылающій замокъ, стѣны котораго съ трескомъ падаютъ и разваливаются и — о ужась! — не находятъ уже тѣхъ, кого искалъ и кого хотѣлъ спасти, не находятъ матери своей и сестры. Въ эту минуту онъ былъ уже близокъ къ обмороку, но — силою воли успѣлъ поддержать въ себѣ всю свою энергію. Вскорѣ онъ узналъ, что княгиня-мать и княжна-сестра находятся въ безопасномъ мѣстѣ, успѣвъ скрыться изъ замка до прибытія москалей. Роза съ большимъ вниманіемъ слушала князя, молчаливо ему улыбалась и находила его въ высшей степени *comme il faut*.

Кацпровская, между тѣмъ, придя въ чувство и оправившись отъ обморока, воротилась къ столу въ сопровожденіи мужа и Меланіи, съ лицомъ нѣсколько измѣнившимся, но полныхъ гордаго спокойствія. Никто изъ семейства Кацпровскихъ не былъ, конечно, настолько безтактенъ, чтобы дать понять, что обморокъ Кацпровской, рожденной Могоричевской, находился въ какой бы то ни было связи съ намекомъ Богдана о кулинарной извѣстности

сти ихъ рода. Обѣдъ продолжался и сдѣлался даже оживленнѣе. Артуръ пустился въ разказы о повстаньѣ, о своихъ кузенахъ Замойскихъ, Плятерахъ, Чарторыйскихъ, Ходкевичахъ, Волловичахъ и Радзивиллахъ, о конференціяхъ своихъ съ принцемъ Наполеономъ и иными французскими знаменитостями. Слыша эти аристократическія имена, панъ Богданъ не могъ не выразить вслухъ чувствъ благодарности къ небесамъ, давшимъ намъ аристократію, безъ которой мы похожи были бы на негровъ и пр.

— Нѣтъ!—возразилъ горячо его сіятельство:—въ Польшѣ нѣтъ аристократіи! Правда, преданія наши не говорятъ объ абсолютномъ гражданскомъ равенствѣ, но было у насъ равенство «шляхетское»; у насъ говорили: «шляхтичъ въ своемъ огородѣ равенъ воеводѣ». Станемъ же лелѣять это равенство, не станемъ возвышаться одни надъ другими, и тогда между нами не будетъ негровъ.

По истинѣ, великолѣпенъ видъ вѣкового дуба, по могучему стволу котораго свободно вѣтся ничтожное ползучее растеніе; величественъ цезарь Октавій-Августъ, протягивающій дружески руку Циннѣ; трогателенъ до слезъ преемникъ Григорія VII, Иннокентія и Льва X, именующій себя смиренно «слугою слугъ Божьихъ»; но для cadaго галиційскаго шляхтича стократъ величественнѣе и достойнѣе благоговѣнія *князь*, который говоритъ о шляхетскомъ равенствѣ и цитируетъ самую фальшивую подъ солнцемъ и самую лживую польскую поговорку о томъ, будто «шляхтичъ въ огородѣ» и пр. Скажи эту нелѣпность любой *князь* или *графъ* польскому шляхтичу, и для послѣдняго, послѣ Господа Бога и Пресвятой Дѣвы, не будетъ въ мірѣ иного святого, иного покровителя и ясно-вельможнаго добродѣя, кромѣ его, князя, и никому шляхтичъ не будетъ такъ низко кланяться и порываться такъ униженно цѣловать руки и ноги, какъ ему, князю... О, мы народъ чрезвычайно демократическій, республиканскій!

Какимъ образомъ Артуръ догадался, какъ нужно говорить въ Цевковицахъ — это для меня остается тайною; вѣрно лишь то, что ему удалось затронуть самую слабую струну и привлечь этимъ къ себѣ всѣ сердца. Панъ Мелитонъ думалъ про себя: «вотъ человѣкъ!»... Супруга его думала: «разумѣется! Да и почему бы Меланія не могла выйти за князя Сангушко?».. Меланія больше чѣмъ когда-либо олицетворяла собой печальный образъ меланхолии, Роза пылала подобно розѣ, а Владислава не олицетворяла ни меланхолии, ни розы; всѣ же три дѣвы думали про себя то же, что думалъ папа, что думала маманъ, а, можетъ быть, еще что-либо и больше.

Когда обѣдъ кончился и всѣ встали изъ-за стола, панъ Богданъ считалъ свою миссію также оконченною и сейчасъ же попрощался съ хозяйками и Артуромъ.

...Воротившись домой, въ свой Телятинъ, панъ Богданъ немедленно отправилъ въ Цыбулово донесеніе слѣдующаго содержания:

«№ 577.—Н. П. Б. К.—Ясно-вельможному Н. Ц. О. К. Ц.—Приказаніе, ваше относительно князя А. Ч. исполнено лично нижеподписавшимся, согласно съ вашими указаніями.

«Н. П. Б. К.»

«Р. С. Кажется, пане графъ-добродѣй, у насъ будетъ хорошая погода. Завтра я прикажу у себя въ Телятинѣ косить пшеницу; панъ графъ-добродѣй у себя сдѣлаетъ, конечно, то же самое. Я намѣренъ платить работникамъ за каждую копу, потому что если подрядить ихъ на поденную работу, то ничего мошенники не стануть дѣлать. Съ величайшимъ почтеніемъ ясно-вельможнаго пана графа-добродѣя низжайшій слуга—*Богданъ Колтуневичъ*».

Донесеніе это не удовлетворило гр. Цыбульницкаго. Панъ Богданъ приглашенъ былъ на другой день лично пожаловать въ Цевковицы, для болѣе подробныхъ объясненій. Кромѣ надлежащаго доклада о спаржѣ и обморокѣ Кацпровской, панъ Богданъ долженъ былъ, по требованію графа, дать полнѣйшій отчетъ о всѣхъ мелочахъ, даже о томъ, часто ли Роза улыбалась и глубоко ли вздыхала Меланія. Узнавъ отъ Богдана о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ Артуромъ въ Цевковицахъ, графъ нисколько не скрывалъ своей радости, въ немалому изумленію почтеннаго начальника повѣта, который напрасно ломалъ голову надъ тѣмъ, съ какою цѣлью начальникъ округа до такой степени интересуется этимъ предметомъ. Коснувшись, для приличія, извѣстнаго уже намъ вопроса о сухаряхъ — такъ какъ бесѣда не могла быть лишена «официальнаго» характера—графъ передалъ пану Богдану, для пересылки Артуру, полученные вчера изъ Забужа паветъ и письмо. Лаконическій адресъ: «маіору Яну Варѣ» написанъ былъ, очевидно, женскою рукою. Изъ рапорта военнаго комиссара, Подборскаго, было видно, что какія-то двѣ дамы прибыли третьяго дня въ Забужь изъ Львова и ищутъ маіора Вару; но такъ какъ онѣ не предъявили со стороны народныхъ властей никакого письменнаго удостовѣренія о своей личности, то военный комиссаръ, боясь измѣны, счелъ нужнымъ

скрыть мѣстопребываніе маіора и обязался только доставить ему врученный дамами пакетъ и письмо.

Лишнее было бы говорить, что дамы эти были—Маргарита и Целина. Узнавъ въ Блотничанахъ о выѣздѣ Артура въ Забужь, и не зная, что съ нимъ случилось, онѣ отправились вслѣдъ за нимъ, неся ему помощь и содѣйствіе... Подборская съ перваго взгляда узнала въ нихъ тѣ же лица, которыя видѣла на фотографическихъ карточкахъ, отнятыхъ Артуромъ у бѣловураго гусара. Произошла крайне любопытная сцена. Напрасно Подборская старалась увѣрить «княгиню» и «княжну», что онѣ не имѣютъ надобности, находясь въ польскомъ шляхетскомъ домѣ, скрывать свое имя и званіе, между тѣмъ какъ Маргарита, съ своей стороны, вынуждена было долго и упорно протестовать противъ предположенія, будто Шелицинская есть не болѣе, какъ псевдонимъ. Затѣмъ, когда такое предположеніе оказалось неосновательнымъ, въ умѣ Подборской возникло иное, еще болѣе ужасное, именно—что «князь» счумѣлъ «понять», кромѣ ея сердца, много еще иныхъ сердецъ!.. Съ этой минуты обращеніе Подборской съ своими гостями сдѣлалось болѣе чѣмъ холоднымъ, и когда ея мужъ, воротившись съ охоты, чуть не проговорился было относительно мѣстопребыванія Артура, пани-добродѣйва прикрикнула на супруга крайне раздраженнымъ и пискливымъ голосомъ: «Молчи! молчи!»... Послѣ взаимныхъ и весьма непріятныхъ недоразумѣній, наши знакомки уѣхали изъ Забужа обратно во Львовъ.

Пакетъ и письмо, адресованные на имя маіора Вары, доставлены были въ Цевковицы чрезъ повѣтоваго курьера, пана Лагошевскаго. Письмо было дружеское и трогательное; въ немъ Маргарита выражала мнѣніе, что женщины обязаны приносить себя въ жертву для тѣхъ, кто жертвуетъ собою для пользы отечества, глубоко скорбѣла о несчастномъ приключеніи въ Блотничанахъ, умоляла всегда и прямо обращаться къ ней, въ случаѣ какой-либо надобности, и не забывать «ихъ», т. е. Маргариту безъ Целины, если это возможно, а если невозможно, то хоть вмѣстѣ съ Целиною. Послѣдняго комментарія въ письмѣ не было; принадлежить онъ, собственно говоря, мнѣ. Пакетъ заключалъ въ себѣ два экземпляра продолговатыхъ билетовъ, съ гравированнымъ на нѣмецкомъ языкѣ удостовѣреніемъ и обѣщаніемъ, что цесарско-королевскій австрійскій національный банкъ выдастъ предъявителю—когда-нибудь, конечно—сто гульденовъ серебромъ. По настоящее время, правду сказать, національный австрійскій банкъ ни разу не исполнилъ еще этого обѣщанія; несмотря на

то, билеты этого рода весьма полезны, и обладающіе значительнымъ ихъ количествомъ могутъ быть глубоко увѣрены въ любви и уваженіи своихъ согражданъ.

Мнѣ приходится въ другой уже разъ сожалѣть о непостоянствѣ и неблагодарности моего героя. Письмо Маргариты служило доказательствомъ ея дружбы и искренней преданности. Между тѣмъ, Артуръ не прижалъ его къ своимъ устамъ, ни къ сердцу — нѣтъ! Онъ сказалъ только: «добрая душа!» спряталъ письмо и деньги въ карманъ и, раскрывъ окно въ садъ, безпокойно сталъ искать чего-то глазами. Утро было пріятное. Въ воздухѣ разлито было благоуханіе и дышало утреннею свѣжестію... Съ Артуромъ происходило что-то странное, чего онъ самъ хорошо не понималъ. Онъ зналъ, что въ Цевковицахъ удалось ему ловко «задать шику» и обворожить всѣхъ, а между тѣмъ успѣхъ этотъ не очень его радовалъ, не столько по крайней мѣрѣ, сколько могъ бы радовать его прежде. Словомъ сказать, Артуръ былъ влюбленъ не шута!.. Вдругъ лицо его вспыхнуло и грудь заволыхалась отъ сильнаго внутренняго волненія. Въ аллеѣ мелькнули два сѣренѣйшихъ платица и двѣ соломенныя шляпки, черная и бѣлая. Черная шляпка взошла въ бесѣдку и сѣла на скамью, принявъ такую позу и выраженіе лица, какъ будто готовилась быть моделью виньетки для собранія элегій и трогательныхъ пѣснопѣній. Это была Меланія. Бѣлая шляпка начала бѣгать по дорожкамъ сада, между крыжовникомъ, малиною, мальвами и георгинами, останавливаясь иногда и наклоняясь надъ кустами цвѣтовъ. Это была Роза. Нравился ли ей князь Артуръ?.. Быть можетъ.

Невозможно быть болѣе княземъ, чѣмъ былъ имъ князь А. Ч. По отношенію къ этому пункту ни малѣйшее сомнѣніе не могло имѣть въ Цевковицахъ мѣста. Артуръ давно уже рассказалъ пану Мелитону и Винцентію всю свою родословную, и вся семья Кацпровскихъ скорѣе усомнилась бы въ существованіи Цевковицъ, чѣмъ въ княжескомъ достоинствѣ Артура. Панъ Мелитонъ и его супруга не безъ глубокаго удовольствія замѣтили, что Роза произвела на князя сильное впечатлѣніе. Если бы спросить графа Кипріана, то онъ сталъ бы утверждать, что князь произвелъ тоже громадное впечатлѣніе на Розу...

Схвативъ щегольскую и легкую *панаму*, Артуръ такъ же выбѣжалъ въ садъ.

...Однажды, въ послѣобѣденное время, рѣшено было сдѣлать маленькую экскурсію въ окрестности, — мужчины верхомъ на ло-

падахъ, а дамы въ экипажѣ. Проѣзжая возлѣ униатской церкви, они увидѣли на крыльцѣ священническаго дома четырехъ мужчинъ, въ обществѣ священника, его жены и двухъ дочерей. Мужчины эти были въ буркахъ изъ толстаго сукна, въ синихъ шараварахъ и въ круглыхъ бараньихъ шапкахъ съ краснымъ верхомъ. Они курили трубки съ коротенькими чубуками и бесѣдовали съ священникомъ и его семьей. Невозможно было усомниться, что это были «цуциглеры»—выдавали ихъ костюмы и фюзіономіи, къ священнику же привела ихъ необходимость. Въ домѣ Кацпровскаго, какъ въ центрѣ красной демократической партіи, находили себѣ пріютъ только такіе цуциглеры, которые носили титулы князей, графовъ и т. п., всѣ же остальные признаваемы были только за «Капоненfutter»—пушечное мясо, и не имѣли доступа къ цевевицскому паладу. Но наши повстанцы вообще обладали удивительнымъ инстинктомъ и сметкой относительно всего того, что предохраняло ихъ отъ голодной смерти. Томимые голодомъ, цуциглеры эмигрировали отъ пана Кацпровскаго къ священнику Ильчишину и приняты были послѣднимъ съ сердечнымъ радушіемъ. Жена его, рожденная Могоричевская, имѣя нервы менѣе слабые, чѣмъ кухня ея, Кацпровская, лучше смотрѣла за кухней и считала своею обязанностію кормить «поляковъ», какъ «на убой». Слѣдуетъ прибавить, что эти «поляки» были всѣ почти изъ Украйны, съ чувствомъ распѣвали малорусскія пѣсни, мечтали о возачествѣ и проникнуты были демократическими принципами.

Панъ Мелитонъ и Винцентій, отвѣчая на поклонъ священника и всего общества, вовсе не замѣтили, что князь пришелъ въ сильное смущеніе и потупилъ глаза, стараясь не глядѣть на цуциглеровъ. Съ другой стороны, панъ Мелитонъ и его сынъ не могли не обратить вниманія на одного цуциглера, который быстро соскочилъ съ крыльца и грознымъ взглядомъ окинулъ кавальбаду.

Это былъ знакомый уже намъ юноша, Владиславъ Квасковскій.

При видѣ бѣлокураго врага, Артуръ не могъ не почувствовать нѣкотораго безповойства. Памятная сцена, происшедшая въ саду въ Забужѣ, служила доказательствомъ, что нынѣшніе хлопоманы вовсе не чужды того задора и отваги, какими отличались въ свое время Хмельницкіе, Дорошени и пр., и такъ какъ ихъ было въ Цевевицахъ четыре человекъ и численное превосходство было, очевидно, на ихъ сторонѣ, то въ перспективѣ улыбались нашему герою, какъ результатъ новой домашней войны,

если не новыя Желтыя-Воды, казацкіе списы и висѣлицы, то по крайней мѣрѣ—нагайки.

...По позвращеніи съ прогулки, Артуръ немедленно ушелъ наверхъ въ свою комнату, съ цѣлью — во-первыхъ—перемѣнить востромъ, во-вторыхъ — обдумать свое положеніе и дальнѣйшій планъ кампаніи. Онъ нимало не сомнѣвался, что Квасковскій откроетъ наступательныя дѣйствія... Въ виду обстоятельствъ трагическихъ, слѣдовало придать своей фізіономіи трагическое выраженіе; подойдя къ зеркалу, Артуръ однимъ движеніемъ руки привелъ свою прическу въ трагическій беспорядокъ, помялъ на шеѣ бантъ и мрачно наморщилъ чело. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, онъ вынулъ изъ чемодана большой шестиствольный револьверъ, спряталъ его подъ фалды скюртука и желалъ уже подойти опять къ зеркалу, чтобы убѣдиться, видѣнъ ли изъ-подъ скюртука револьверъ и насколько присутствіе этого инструмента гармонируетъ съ общимъ выраженіемъ лица, полнаго отчаянной рѣшимости,—какъ на лѣстницѣ слышались тяжелые шаги и вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь... Артуръ быстро оглянулся и увидѣлъ передъ собой пару высочайшихъ голенищъ, надъ которыми поднималась подъ потолокъ громадная, широкоплечая, жилистая и мощная фігура, при видѣ которой становились понятными тѣ пудовыя кирасы, двуручные мечи и пятисаженныя копыя, о которыхъ пишутъ археологи. Фигура почти касалась потолка головою и обладала лицомъ морщинистымъ, которое изрублено было во многихъ мѣстахъ ударами холоднаго оружія.

— Здѣсь Янъ Вара? — проговорила фігура акцентомъ, по которому сразу можно было признать въ ней жмудина.

— Вы находитесь въ присутствіи маіора Яна Вары, состоящаго въ штабѣ IX отдѣленія,—отвѣчалъ Артуръ свысока.

— Пустое, братишка! — проговорилъ великанъ тономъ насмѣшливо-убѣдительнымъ:—я имѣю дѣло не къ маіору какому-то, а къ одному болвану, братишка, который клевететь и чернить женщинъ и прячется самъ за юбку, когда приходится ему плохо — вотъ что, братишка!—Сказавъ это, жмудинъ съ ледянымъ спокойствіемъ сталъ озираться кругомъ, какъ бы желая убѣдиться, нѣтъ ли тутъ еще другого «болвана» — чтобы какъ-нибудь не ошибиться.

— Это дерзость!..—вскричалъ грозно маіоръ.

— Пустое!—проговорилъ опять великанъ съ невѣроятнымъ спокойствіемъ въ голосѣ, подступая ближе къ Артуру, который ретировался къ окну, положивъ руку на револьверъ:—не станемъ терять времени, братишка! Дѣло простое—ты подлець, вотъ

что. Очернить невѣсту Квасковскаго ты очернилъ, а удовлетвореніе дать отказался! Поломать тебѣ кости слѣдуетъ, братишка, вотъ и все!

Артуръ положительно растерялся и инстинктивно направилъ дуло револьвера въ великана.

— Пустое, братишка! — сказалъ послѣдній почти нѣжнымъ голосомъ, спокойно овладѣвая револьверомъ и двумя пальцами сильно сжимая руку Артура:— дѣло ясное, я бы могъ тебя задушить, какъ воробья, но, видишь-ли, Квасковскій прислалъ меня съ инымъ порученіемъ. Это славный малый! У него больше чести, чѣмъ у тебя духовъ и помады. Дратся онъ съ тобою будетъ и проситъ меня быть у него секундантомъ. Ты возьмешь отпускъ изъ штаба, а онъ изъ эскадрона, и оба отправитесь на границу. Въ первой стычкѣ, оба пойдете въ первый огонь, въ сопровожденіи вашихъ секундантовъ. Кого убьютъ перваго, тотъ проигралъ — и шабашъ. Что-жъ, какъ ты объ этомъ думаешь, братишка?

Артуръ растерялся до такой степени, что ничего не понялъ изъ словъ жмудина, пожималъ только плечами и ежеминутно поглядывалъ на дверь, ожидая лакея съ приглашеніемъ на чай. Но лакей не явился, между тѣмъ какъ жмудинъ, развалившись на диванѣ и играя револьверомъ, терпѣливо ожидалъ отвѣта.

Постепенно Артуръ началъ приходить въ себя. Онъ понялъ, наконецъ, что великанъ не имѣетъ намѣренія поломать ему бока, но явился отъ имени Квасковскаго, въ качествѣ его секунданта...

— Хорошо, — сказалъ Артуръ, послѣ нѣкотораго размышленія:— я приищу себѣ секунданта и вы условитесь... Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?..

— Я — Янъ-Креститель Викштвилло, бывшій ротмистръ арміи Кошута, потомъ бимбашъ султанско-турецкой арміи, потомъ гарибальдійскій маіоръ, потомъ баталіонный командиръ въ арміи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, а теперь польскій солдатъ, братишка, — не маіоръ больше, не маіоръ... Проч!.. — проговорилъ онъ въ заключеніе, движеніемъ руки останавливая Артура, который хотѣлъ было пожать ему руку по-товарищески, слыша такое разнообразіе военныхъ чиновъ.

— Ну, жду твоего секунданта у священника, — сказалъ Викштвилло поднявшись. Тяжелые его шаги вскорѣ опять послышались на лѣстницѣ, и если бы Артуръ имѣлъ охоту послѣдовать за великаномъ, то имѣлъ бы удовольствіе выслушать слѣдующій монологъ:

— Маіоръ!.. Ну, маіоръ!.. Штабный!.. Тѣфу!.. Плюнуть и

растереть!.. Срамъ и позоръ!.. Конѣцъ этого монолога состоялъ изъ невѣроятной смѣси энергичнѣйшихъ междометій и ругательствъ мадьярскихъ, англійскихъ, турецкихъ и итальянскихъ, собранныхъ жмудиномъ въ разныхъ концахъ земного шара. Сказать мимоходомъ, самыя безбожныя ругательства были католическо-венгерскія, менѣе ужасны протестантско-англійскія, турецкія же сравнительно съ первыми могли бы показаться почти молитвою.

На другой день вся цѣвковицкая интеллигенція, кромѣ Бижу, по натурѣ своей не любопытнаго, знала уже, что панъ Винцентій отправился въ домъ священника, чтобы опредѣлить условія поединка. Артуръ разсказалъ пану Винцентію, что «невинная шутка» по отношенію къ одной дѣвицѣ, Катеринѣ Одварницкой, была только предлогомъ, въ сущности же вся эта исторія съ Квасковскимъ есть нечто иное, какъ продѣлка «бѣлыхъ», рѣшившихся, во что бы то ни стало, развѣдаться съ нимъ, княземъ... Въ присутствіи пана Мелитона и Винцентія написано было Артуромъ духовное завѣщаніе, къ которому приложенъ былъ русскій паспортъ, для доказательства тождественности лица, и оба документа вручены пану Мелитону на сохраненіе. Не смотря на свою опытность и почтенныя лѣта, панъ Мелитонъ не могъ воздержаться отъ слезъ, при мысли о томъ, что послѣдній мужской потомокъ старшей линіи дома князей Четвертинскихъ (такъ сказано было въ завѣщаніи) такъ легкомысленно рискуетъ жизнію, отказывая свои волости матери и сестрѣ, а польской Рѣчи-Посполитой передавая права свои на великое княжество Кіевское, унаслѣдованныя имъ отъ Владиміра Св. и иныхъ предковъ, превосходящихъ древностію рода Гвельфовъ и Бурбоновъ...

Артуръ сидѣлъ въ голубомъ салонѣ и игралъ съ Бижу. Меланія, подавленная извѣстіемъ о предстоящемъ поединкѣ, страдала мигренью и ушла въ спальню вслѣдъ за матерью, которая, подъ вліяніемъ того же извѣстія, мучилась спазмами. Сердце Розы сжималось отъ боли, но, какъ дѣвушка съ характеромъ, она осталась въ салонѣ съ Владиславою и сидѣла на диванѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Артура.

Трудно было узнавать рѣзвую, веселую и шутливо кокетливую Розу: глубокая печаль отражалась на ея лицѣ, сдвоенные вздохи вырывались изъ груди. Она печально слушала разсказы Артура о разныхъ военныхъ приключеніяхъ, изрѣдка улыбаясь какою-то болѣзненною улыбкою.

— Великій Боже!—проговорила она, глубоко вздыхая:—трусы бѣгутъ съ поля битвы и живутъ себѣ спокойно, а люди мужественные и отважные, избѣгнувъ вражескихъ пуль, нерѣдко гибнутъ подъ ударами братской руки!..

— Что вы хотите сказать,—спросилъ Артуръ, притворяясь крайне удивленнымъ...

Въ эту минуту Роза подошла къ нему, взяла мужественную его руку въ свои крошечныя бѣлыя ручки и дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Вы такъ спокойны, а вскорѣ... Боже мой!.. Обильныя слезы, хлынувшія изъ ея прекрасныхъ глазъ, прервали ея слова; глядя на сестру, зарыдала и Владислава.

— Вы приводите меня въ крайнее изумленіе!

— Напрасно вы стараетесь скрывать передо мною, — я все знаю!.. Вамъ угрожаетъ опасность, къ вамъ подосланъ убійца, простой разбойникъ, чтобы лишить васъ жизни.

— Возможно ли?—вскричалъ Артуръ:—неужели панъ Винцентій?.. Но такія вещи нужно скрывать передъ женщинами: довольно будетъ для нихъ узнать обо всемъ, когда дѣло кончено и когда нужно подумать о похоронахъ!..

Громкія рыданія раздались въ зеленомъ салонѣ, и даже самъ Артуръ не могъ овладѣть собою, Роза проговорила сквозь слезы:

— Вы безжалостны!

— А вы чистѣйшій ангель!—вскричалъ Артуръ и, не взирая на присутствіе Владиславы, опустился съ кресель на колѣни, схватилъ ручку Розы и покрылъ ее горячими поцѣлуями.

— Князь!.. Что вы дѣлаете!.. — проговорила Роза, отнимая руку и обтирая другою глаза.

— О, простите!.. Только вы одна, только такой ангель можетъ сколько-нибудь привязывать къ жизни, — проговорилъ Артуръ, поднимаясь на ноги.

— Если бы это была правда, вы бы не рисковали жизнію безъ надобности, — отвѣчала Роза, не переставая плакать.

— Роза! Но если этого требуетъ честь?

— Но у васъ есть мать, сестра, которыя для васъ должны быть дороже самой чести.

— Нѣтъ, нѣтъ въ мірѣ ничего дороже чести, и даже то святое, сладостное и вмѣстѣ мучительное чувство, которое... — Артуръ мгновенно остановился, вспомнивъ о присутствіи Владиславы, потомъ продолжалъ:

— Такъ какъ вамъ все уже извѣстно, благодаря нескромности пана Винцентія, то я позволю себѣ обратиться къ вамъ

съ двумя маленькими просьбами, которыя вы однѣ можете исполнить и которыя должны быть извѣстны только вамъ однимъ, это—послѣднія просьбы скитальца, гибнущаго далеко отъ родныхъ...

Въ такія минуты, когда человѣкъ виситъ между жизнію и смертію, невозможно отказывать ему въ такихъ пустякахъ, какъ интимный и коротенькій разговоръ наединѣ. Розѣ не оставалось ничего болѣе, какъ выдти съ Артуромъ на балконъ, оставивъ сестру въ зеленомъ салонѣ на диванѣ.

Первая просьба Артура состояла въ томъ, чтобы когда-нибудь, при удобномъ случаѣ, Роза не забыла вручить или переслать матери его, княгинѣ Аглаѣ, небольшой пакетъ съ его портретомъ и локономъ черныхъ его волосъ, а также передать послѣднія его прощальныя слова матери и сестрѣ.

Тутъ Роза опять зарыдала и не могла проговорить долгое время ни одного слова. Успокоившись нѣсколько, она стала самыми трогательными словами умолять князя, чтобы онъ, изъ любви къ своей матери и сестрѣ, не давалъ себя убивать; но князь упорно стоялъ на своемъ и собирался на тотъ свѣтъ съ такою торопливостію, какъ будто боялся опоздать на поѣздъ желѣзной дороги, отходящій черезъ двѣ минуты...

Другая просьба имѣла болѣе личный характеръ и состояла въ томъ, чтобы Роза посвятила когда-либо нѣсколько минутъ воспоминанію о бѣдномъ скитальцѣ, погибшемъ вдали отъ родныхъ и пр. и пр.

Новыя слезы, новыя клятвы, новая торопливость на тотъ свѣтъ и—наконецъ: открытіе важной взаимной тайны.

— Люблю, люблю тебя больше жизни, люблю тебя первую и послѣднею любовью, ангель ты мой, Роза!.. и пр.

— Но... Мы такъ недавно знаемъ другъ друга!

— Ахъ, увидѣть тебя одинъ разъ, значить — полюбить тебя на цѣлую вѣчность и пр.

Принимая во вниманіе короткій срокъ, предоставленный въ семь мірѣ Артуру, трудно было долѣе скрывать отъ него, что онъ тоже любимъ. Еще нѣсколько слезъ, и—пора было воротиться въ зеленый салонъ.

Князь представлялъ собою образецъ спокойствія и готовности умереть хладнокровно. Одна только мысль нѣсколько тревожила его: какъ бы панъ Винцентій не поддался черезчуръ этому жмудскому звѣрю и какъ бы взаправду не пришлось стрѣляться съ Квасковскимъ. Опять на счетъ палашей... не будутъ ли они черезчуръ тяжелы, да и эти хлопоманы ловко рѣжутъ!.. Не лучше

ли, въ самомъ дѣлѣ, отправиться было бы въ застрѣльщики? Тутъ возможны всякія случайности,—неимѣніе подводъ, болѣзнь, жандармы, удрать бы также можно съ дороги и т. п.

Прошелъ еще часть, пока панъ Винцентій воротился. Онъ былъ крайне доволенъ результатомъ своей конференціи съ Викштвилло. Послѣдній сразу не желалъ отказаться отъ своей мысли, т.-е. чтобы предоставить непріятельскимъ пулямъ порѣшить между противниками, но панъ Винцентій весьма убѣдительно доказалъ, что Артуръ никакъ не можетъ отлучиться изъ Цевковиць безъ разрѣшенія высшихъ властей; послѣднія же ни въ какомъ случаѣ не дадутъ такого разрѣшенія, вслѣдствіе невозможности подвергать ослабленію силы, долженствующія «парализовать» Москву... Самъ онъ, панъ Винцентій, безъ ущерба интересамъ отечества, тоже не можетъ, въ качествѣ секунданта, отлучиться изъ Цевковиць.

Викштвилло предложилъ было потомъ какой-то американскій поединокъ, состоящій въ томъ, что оба противника сядутъ каждый на бочонкѣ пороху. Въ обоихъ бочонкахъ пробуровлено будетъ отверстіе, заткнутое фитилемъ, зажженнымъ съ свободнаго конца. Кто взорванъ будетъ на воздухъ первый, тотъ и проигралъ... Понятно, что панъ Винцентій и слышать не хотѣлъ о такомъ пиротехническомъ экспериментѣ, да и самъ Викштвилло призналъ потомъ, что жалко двухъ бочонковъ пороху для такого «дурацкаго» дѣла. Затѣмъ рѣшено было драться на сабляхъ, съ тѣмъ условіемъ, что послѣ первой крови борьба должна быть прекращена.

Имѣя въ виду, что во всемъ округѣ не было никакого холоднаго оружія, кромѣ кухонныхъ ножей, и что единственный транспортъ палашей, предназначенный для народной кавалеріи, долженствующей «парализовать» Москву, зарытъ былъ въ землю въ деревнѣ Бродвискѣ, у пана Дольскаго,—пунетъ этотъ и былъ выбранъ мѣстомъ встрѣчи двухъ противниковъ. На другой день, по-утру, туда отправились панъ Винцентій и Артуръ на лошадяхъ Кацпровскаго, а Викштвилло съ Квасковскимъ на крестьянской подводѣ, которую цевковицскій войтъ, по просьбѣ отца Ильчишина, съ большою готовностію нарядилъ панамъ «полякамъ».

Нежданныхъ гостей Дольскій принялъ съ открытыми объятіями и былъ радъ несказанно, когда узналъ, что одинъ изъ нихъ родомъ съ береговъ Днѣпра, другой съ береговъ Вилии, а третій съ береговъ Буга.

— А я, братецъ ты мой, съ береговъ Вороны, — повто-

рялъ онъ, обнимая каждаго изъ гостей, и угощая ихъ водкой и на-скоро приготовленною закуской. Этотъ шляхтичъ обладалъ чрезвычайно типичною фizioноміей. Извѣстный Каульбахъ увидѣлъ однажды такую фizioномію въ альбомѣ Матейки, и когда узналъ, что это не фантазія, а вѣрный портретъ лица дѣйствительно существующаго, то сказалъ: «теперь я понимаю, отчего у васъ въ Польшѣ почти ежедневно происходятъ возстанія». Необыкновенно живые и огненные глаза, смуглый цвѣтъ лица, большая черная борода и порывистость движеній, превосходящая всякое вѣроятіе, — все это дѣлало изъ пана Дольскаго личность, въ высшей степени подозрительную въ политическомъ отношеніи. Знакомый намъ герръ Финеманъ одинъ разъ только видѣлъ гдѣ-то мелькомъ пана Дольскаго и не могъ скрыть своего удивленія, что такой индивидуумъ свободно вращается въ свѣтѣ, а не сидитъ въ Шпильбергѣ. Но мѣстный бециркс-форштегеръ, честнѣйшій нѣмецъ, не имѣлъ привычки запираить людей на влючъ за ихъ фizioномію, и потому панъ Дольскій нерѣдко оставался на свободѣ даже и тогда, когда иные патріоты «входили въ тюрьму первые и выходили послѣдніе». А между тѣмъ ни одно революціонное движеніе, ни одинъ общественный фактъ не обходились безъ его участія: когда было повстанье, онъ транспортировалъ и скрывалъ оружіе и повстанцевъ, а когда не было повстанья, то агитировалъ на выборахъ; тогда онъ ничего почти не ѣлъ и вовсе не спалъ, но присутствовалъ вездѣ... Патріотическая дѣятельность его представляла самый рѣзкій контрастъ съ такъ-называемымъ «самопожертвованіемъ во имя общественной пользы», проповѣдуемымъ нашими великими аристократами и великими демократами. Дольскій былъ небогатый арендаторъ небольшого имѣнія, но онъ готовъ былъ каждую минуту бросить хозяйство, вскочить въ полночь съ постели, пренебечь болѣзнью и сказать сотни верстъ ради какихъ-либо пустяковъ, лишь бы они имѣли малѣйшую связь съ общественною пользою. Если народъ постигнуть былъ какимъ-нибудь несчастіемъ — Дольскій былъ несчастенъ, но никогда не падалъ духомъ; когда же блеснетъ малѣйшій лучъ надежды, радости его не было тогда предѣловъ, между тѣмъ какъ въ личнымъ своимъ огорченіямъ и радостямъ, удачамъ и неудачамъ, онъ относился съ невѣроятнымъ равнодушіемъ. Иначе нѣсколько понимаютъ общественные интересы ихъ руководители и высокородные опекуны, для которыхъ эти интересы служатъ развлеченіемъ за чашкою ароматическаго кофе, если только не имѣютъ прямого отношенія въ личной ихъ пользѣ. Еще недавно одинъ ясно-вельможный и едва ли даже не сія-

тельный благодѣтель заявлялъ всѣмъ, что въ предстоящую бытность свою въ Вѣнѣ, или въ Дрезденѣ и Берлинѣ онъ сдѣлаетъ нѣчто спасительное для отечества, что именно — не помню, но нѣчто весьма полезное и благодѣтельное. По возвращеніи его народъ сбѣжался, чтобы скорѣе узнать о совершеніи великаго дѣла.

— Ну, виновать! — произнесъ сѣятельный благодѣтель:—совсѣмъ не было свободнаго времени,—столько хлопотъ съ этими желѣзно-дорожными дѣлами! Притомъ жена моя была въ Карльсбадѣ, нужно было туда съѣздить...

Дольскій былъ не таковъ. Для самаго малозначительнаго дѣла онъ всякую минуту готовъ былъ бросить жену, дѣтей, всѣ желѣзныя дороги и всѣ личные интересы. Но такихъ личностей у насъ мало, а въ Цыбуловскомъ округѣ личность Дольскаго является исключительнымъ явленіемъ. Въ одномъ можно было его упрекнуть — въ страсти говорить рѣчи при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Узнавъ о кровожадныхъ намѣреніяхъ Артура и Квасковскаго, онъ и теперь сталъ краснорѣчиво доказывать, что пролитіе братской крови... и пр., но видя полнѣйшую безуспѣшность своихъ убѣжденій, сейчасъ же приказалъ парубку принести четыре палаша изъ какой-то ямы, гдѣ они были спрятаны, и лично повелъ своихъ гостей въ полуразвалившійся сарай, какъ самое удобное и безопасное для поединка мѣсто.

Жмудинъ поставилъ противниковъ на позицію. Было очевидно, что ни тотъ, ни другой не умѣютъ обращаться съ оружіемъ. Зажмуривъ глаза и широко размахивая саблей, Квасковскій бѣшено наскочилъ на Артура, который, протянувъ саблю впередъ, какъ будто желая, согнать муху, съвшую на брюхѣ хлопомана, поспѣшно отступалъ къ стѣнѣ.

— Кровь!—проговорилъ флегматическн панъ Винцентій.

— Стой!—вскричалъ Вижштеилло.

Кровь дѣйствительно показалась. Квасковскій слегка ранилъ Артура въ руку. Завидя кровь, студентъ бросилъ палашь... Въ одно мгновеніе изъ запальчиваго врага онъ превратился въ нѣжнаго друга и сталъ вытаскивать изъ своихъ кармановъ корпю и иные предметы, нужные для перевязки раны. Последняя состояла въ томъ, что остриемъ сабли онъ разрѣзалъ кожу на мизинцѣ Артура.

— Пустое, братишка!—проговорилъ Вижштеилло:—заживетъ сама, пока доѣдемъ до Цевковиць. Кусокъ англійскаго пластыря —и больше ничего не надо.

Тревожимый безпокойствомъ, Дольскій сбѣжалъ въ сарай; но,

узнавъ, что дѣло кончено благополучно и «удовлетвореніе» дано, онъ сейчасъ же самъ сталъ въ надлежащую позицію и обратился къ противникамъ съ рѣчью, убѣждая ихъ подать взаимно другъ другу руку. Когда тѣ исполнили его желаніе, всѣ гости тотчасъ же отправились обратно въ Цевковицы. Дорогою панъ Винцентій упорно молчалъ, радуясь тому, что такъ ловко удалось ему уничтожить интриги «бѣлыхъ», составившихъ заговоръ на жизнь Артура; молчалъ также и Артуръ, воображая тотъ эффектъ, каковой произведетъ онъ, раненый, на Розу. Квасковскій былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и всю дорогу распѣвалъ веселыя пѣсни. За то Викштекилло былъ весьма мраченъ, во-первыхъ, потому, что жмудинъ всегда и всѣмъ бываетъ не доволенъ, во-вторыхъ, потому, что онъ никакъ не могъ понять, на какомъ основаніи глупое размахиваніе палашемъ въ какомъ-то сараѣ позволительно считать «благороднымъ удовлетвореніемъ»!.. А между тѣмъ такъ именно и бываетъ, и въ наше время такъ именно и понимаютъ честь, какъ равно и «удовлетвореніе»!

По возвращеніи въ Цевковицы, Артуръ отправился прямо въ свою комнату; какъ раненому, ему необходимо было спокойствіе. Но спокойствіе это было постоянно нарушаемо прислугою, посылаемою снизу узнать, не нуждается ли въ чемъ ясне-панъ графъ? Но ясне-панъ графъ не нуждался ни въ чемъ; онъ ждалъ только времени, когда ему можно будетъ явиться въ общество, не возбуждая подозрѣній, что онъ вовсе раненъ не былъ. Если бы не подобное опасеніе, онъ давно бы предъявилъ дамамъ свою физиономію, осѣненную блистательнымъ ореоломъ безстрашія. Но онъ долженъ былъ ждать, скучать и страдать, утѣшаясь мыслию, что симпатіи Розы *теперь* окончательно принадлежать ему, если бы даже и не принадлежали уже раньше. Желая отдать полную и надлежащую справедливость моему герою и отстранить упреки читателей въ томъ, что выводимыя мною на сцену лица представляютъ весьма мало честныхъ и благородныхъ сторонъ, я долженъ сказать, что къ чувству радости, одушевлявшему Артура, примѣшивалось чувство глубокой тоски. Сказать ли правду? Ахъ, я долженъ сознаться, что присвоенный Артуромъ громкій титулъ составлялъ для него въ эту минуту страшно-тяжелое бремя и что онъ сожалѣлъ искренно о своемъ необдуманномъ и рискованномъ поведеніи, сожалѣлъ о томъ, что не сыгралъ глупой своей роли у Шелицинской или въ какихъ-нибудь Блотничанахъ, но не здѣсь, не въ Цевковицахъ!.. Онъ сторулъ желаніемъ въ

эту минуту обладать сердцемъ Розы не какъ самозванный князь или графъ, а какъ простой Артуръ Кувельскій. Онъ пришелъ къ соннаю, нѣсколько позднему, что играть роль князя можно нѣкоторое время для развлеченія, но играть подобную роль постоянно, всю жизнь, особенно передъ Розою — это было выше его силъ. Влюбленные, подобно пьянымъ, чувствуютъ неодолимое влеченіе говорить правду, особенно передъ существомъ обожаемымъ. Артуръ предвидѣлъ, что раньше или позже ему невозможно будетъ не «выйти изъ роли», и въ такія минуты онъ чувствовалъ въ душѣ желаніе броситься къ ногамъ Розы и высказать ей всю правду. Но всякій разъ его удерживало отъ подобнаго шага страшное опасеніе... Что, если дочь Кацпровскаго любила его, Артура, не ради его самого и личныхъ его достоинствъ, а только ради мнимаго его титула и вымышленнаго соціального положенія?.. При этой мысли онъ обливался холоднымъ потомъ, въ глазахъ у него темнѣло и мутилось въ головѣ, и онъ продолжалъ свою роль, подавляя голосъ совѣсти...

Прошло недѣли двѣ. Въ продолженіе этого времени Артура постоянно навѣщали панъ Мелитонъ и Винцентій, даже Кацпровскія считали христіанскимъ и патриотическимъ долгомъ посѣщать больного какъ можно чаще. Обыкновенно приходила Меланія съ Владиславою, или Роза съ Владиславою. Въ присутствіи Меланіи, князь бывалъ полонъ свойственной ему фантазіи, рассказывалъ о своихъ родственныхъ аристократическихъ связяхъ, о княжескихъ своихъ помѣстьяхъ и о своемъ княжескомъ поединкѣ съ Квасковскимъ.

— Дрался я, какъ левъ—je vous assure! И говорятъ еще, будто раса ничего не значить! Плебей можетъ быть отваженъ, mais il n'a pas cet entraîn, въ отвагѣ его есть что-то медвѣжье...

Слушая всѣ эти рѣчи, Меланія становилась болѣе и болѣе печальною и молчаливою; только глаза ея, казавшіеся прежде двумя грустными элегіями на смерть сорваннаго цвѣтка, теперь сдѣлались похожими на исполненный отчаянія монологъ изъ четвертаго или пятаго дѣйствія трагедіи. Но Артуръ былъ безчувственъ къ элегіямъ и равнодушенъ къ трагическимъ монологамъ; онъ тосковалъ только за Розой, онъ думалъ только о ней.

Прошло лѣто, прошла и осень. На пятнадцать миль въ окружности всѣ уже знали, что Роза Кацпровская влюблена въ вузена гр. Цыбульницкаго, квартирующаго въ Цевковицахъ, который, съ своей стороны, влюбленъ въ Розу, и что взаимная ихъ любовь не составляетъ больше и тайны...

Между тѣмъ отряды, «парализующіе» Москву, безъ конца

парализовали ее. Съ театра военныхъ дѣйствій приходили извѣстія болѣе и болѣе трагическія; необходимость бросить скорѣе на непріятеля резервы, долго сберегаемые, становилась болѣе и болѣе очевидною и настойчивою. Цуциглеры теряли всякое терпѣніе, уходили тайкомъ съ постоянныхъ квартиръ и спѣшили на бой. Многіе жаловались на голодъ, многихъ хватала австрійская полиція и наполняла ими тюрьмы. Попли учащенные обыски, и только чудомъ какимъ-то нѣсколько сотенъ цуциглеровъ спаслось отъ ареста. Въ концѣ декабря 1863 г. всѣ стали громко выражать свое удивленіе и неудовольствіе, что «народовыя военныя власти» не посылаютъ «парализующихъ» отрядовъ на театр дѣйствія, дивились тому даже окружныя начальники и военные комиссары... Настало общее охлажденіе, разочарованіе, перешедшія вскорѣ въ общій переполохъ. Глубокое малодушіе объяло шляхту, воображившую, что партія «красныхъ», пользуясь беспорядками и общимъ разстройствомъ дѣлъ, подниметъ хлопотъ, съ помощію которыхъ перерѣжетъ всю шляхту и произведетъ рѣшительную революцію въ Галиціи. Графъ Цыбульницкій вытребовалъ къ себѣ пана Богдана и живо изобразилъ передъ нимъ неслыханныя бѣдствія, грозящія странѣ.

— Видите сами, — говорилъ онъ, — что необходимо на что-нибудь рѣшиться. Лично на себя я не могу взять ничего... Но вы, пане Богданъ, пригласите къ себѣ всѣхъ сосѣдникъ помѣщиковъ для необходимыхъ совѣщаній и старайтесь предупредить зло общими силами.

Немедленно по всѣмъ направленіямъ панъ Богданъ разослалъ депеши, и, спустя нѣсколько дней, въ Телятинѣ съѣхалось нѣсколько десятковъ представителей «бѣлой» партіи. Раздавались разные голоса, высказывались разные мнѣнія, но всѣ согласны были въ томъ, что Галиціи неизбѣжно грозитъ снова 1846-й годъ ¹⁾. Далекое не вся Галиція была подобнаго мнѣнія, но въ Цыбуловскомъ округѣ направленіе умовъ было свое, особенное. Собранные въ Телятинѣ представители поражены были ужасомъ и сами не знали, что предпринять и на что рѣшиться. Ждали, что скажетъ панъ Броевскій, одинъ изъ повѣтовыхъ начальниковъ и одна изъ умнѣйшихъ головъ въ повѣтѣ. Панъ Броевскій, самъ про себя говорившій, что онъ — «Korf», произнесъ приблизительно слѣдующее:

— Намъ не остается ничего болѣе, какъ отдать себя подъ покровительство австрійскихъ властей. Нужно составить письмен-

¹⁾ Известное возстаніе крестьянъ, сопровождавшееся истребленіемъ пановъ.

ную декларацію, въ которой прямо слѣдуетъ заявить, что на будущее время мы рѣшительно отказываемся отъ какого бы то ни было содѣйствія повстанью, изъ опасенія неизбежной революціи, готовой вспыхнуть въ цыбуловскомъ округѣ.

— Но это доносъ! — вскричалъ какой-то шляхтичъ: — это было бы безчестно и подло, и я никогда не подпишу такой бумаги.

— Да!—да!.. Это было бы безчестно,—отозвалось нѣсколько голосовъ. Но мнѣніе ихъ не было уважено. Они бросили совѣщаніе и уѣхали. Всѣ остальные поддались внушенію пана Броевскаго и подписали актъ, о которомъ онъ говорилъ только какъ о проектѣ, но который лежалъ у него въ карманѣ вполнѣ уже готовый.

Въ уголовномъ цесарско-королевскомъ кодексѣ находится параграфъ, по которому повиненъ бываетъ въ «государственной измѣнѣ» не только тотъ, кто совершаетъ преступленіе, но и тотъ, кто, зная о немъ, скрываетъ его отъ властей. Пусть же всѣ недовольные деклараціею, подписанною у пана Богдана, не забываютъ этого параграфа!..

Собравшейся въ Телятинѣ шляхтѣ совершенно ясно было доказано, что «красные» стремятся къ захвату власти, чтобы потомъ двинуть за кордонъ всѣ «парализующіе» отряды. Такое предположеніе, конечно, не подтверждено было никакими доводами, но кто объять страхомъ, тому не нужны доводы. Пбмѣщики глубоко вѣрили, что на почвѣ цыбуловскаго округа замышляется государственная измѣна! Извѣстно, что такое преступленіе сопровождается иногда очень неприятными послѣдствіями. Статья цесарско-королевскаго уголовного кодекса говоритъ лаконически и ясно: «Die Strafe dieses Verbrechens ist der Tod» (наказаніе за это преступленіе—смерть).

Примите въ соображеніе, милостивые государи, какими грозными для отечества послѣдствіями сопровождалась бы подобная кара, еслибы она обрушилась на собравшихся въ Телятинѣ мужей! Возможна ли Польша безъ поляковъ?—Нѣтъ! Откуда взять поляковъ, если цесарско-королевскія власти ихъ перевѣшаютъ? Не отуда!

Такіе аргументы, краснорѣчиво развитые паномъ Броевскимъ, побудили собравшуюся у пана Богдана шляхту подписать составленную первымъ декларацію. Панъ Броевскій, впрочемъ, влялся, что декларація предъявлена будетъ только «высшимъ народонымъ властямъ», съ цѣлію показать имъ, какъ смотреть цыбуловскій округъ на партію «красныхъ». Я убѣжденъ, что

панъ Броевскій остался вѣренъ своей вл�твѣ, и что если декларація, о которой рѣчь, хранится нынѣ въ архивѣ Львовскаго цесарско-королевскаго намѣстничества, гдѣ она очутилась вскорѣ послѣ сеймика въ Телятинѣ, — то это произошло вслѣдствіе ка-кого-нибудь непредвидѣннаго и непріятнаго случая...

Какъ бы то ни было, но цесарско-королевскія власти познакомились съ этимъ документомъ, и, узнавъ изъ него, сколько благомыслящихъ обывателей обитаетъ въ цыбуловскомъ округѣ, немедленно украсили орденомъ старосту этого округа ¹⁾). Имѣя въ виду, съ другой стороны, обезпечить существованіе столь лой-яльныхъ мужей, цесарско-королевское правительство объявило всю Галицію въ осадномъ положеніи, приказало сформировать сельскую стражу и предприняло инныя мѣры, которыя, въ мартѣ 1864 г., какъ громъ поразили весь край и положили конецъ дѣятельности народной организаціи. Суровый тонъ правительственныхъ распоряженій сопровождался всеобщею паникою. Больше всего упали духомъ тѣ, кто всего менѣе сознавалъ себя виновнымъ передъ правительствомъ. Во многихъ мѣстахъ цуциглеры были по просту вытолканы за дверь, а запасы аммуниціи, оружіе и инныя повстанскія вещи — побросаны въ воду. Положеніе повстанцевъ — не-галичанъ было ужасно!.. Правительство дало имъ для явки только два дня сроку; неуспѣвшіе явиться — должны быть переданы русскимъ властямъ. Арестуемые военными патру-лями, или задержанные сельскою стражей, эти несчастные пре-провождаемы были на кордонъ, или наполняли собою тюрьмы.

Слѣдуетъ питать надежду, что когда-нибудь исторія раскроетъ истинный смыслъ и характеръ этихъ событій. Я коснулся ихъ только мелькомъ и потому только, что они весьма сильно по-вляіяли на судьбу моего героя.

Въ своихъ отношеніяхъ къ Розѣ онъ былъ все еще далекъ отъ рѣшительнаго шага, когда осадное положеніе неожиданно застигло его, наравнѣ со всѣми остальными выходцами. Насколько тронула его гибель «народовой sprawy» — этого я не умѣю сказать; но для сердечныхъ его дѣлъ ударъ былъ страшный! Не менѣе ужасенъ былъ онъ и для Розы. Подъ первымъ впечатлѣніемъ грозныхъ извѣстій, влюбленные впади въ глубокое отчаяніе. Со слезами на глазахъ Артуръ изображалъ передъ Розой горькую судьбу скитальца, вдали отъ нея, на чужой землѣ, между тѣмъ какъ она забудетъ его, выйдетъ замужъ и будетъ счастлива. Роза горько плакала, когда онъ говорилъ о своей судьбѣ, и еще больше

¹⁾ Административная должность, соответствующая губернаторской.

плакала, когда онъ выражалъ сомнѣнiе на счетъ ея вѣрности. Никогда, никогда она не забудетъ его и не желаетъ быть женою другого! Съ глубокимъ вздохомъ Артуръ сознался, что въ настоящую минуту онъ не можетъ даже и мечтать о рукѣ Розы, потому что, по полученнымъ имъ свѣдѣнiямъ, москали конфисковали всѣ его имѣнiя, что онъ теперь нищій, родители же Розы не отдадутъ ее за нищаго. Такое признанiе составляло почти половину полнаго сознанiя, которое готово было давно уже сорваться съ устъ Артура, и потому съ беспокойствомъ и бiенiемъ сердца онъ ожидалъ, какое впечатлѣнiе произведетъ оно на Розу. Она задумалась на минуту—но только на минуту—и съ громкимъ рыданiемъ проговорила, что она, какъ полька, готова дѣлать съ нимъ бѣдность, даже изгнанiе, что родители не станутъ препятствовать ей послѣдовать влеченiямъ ея сердца. Въ сотый разъ Артуръ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и высказать всю правду—но и на этотъ разъ рѣшимости у него не хватило.

А между тѣмъ онъ понималъ и чувствовалъ очень хорошо, что скрывать правду дольше было невозможно, что будетъ гораздо хуже, если простая случайность откроетъ истину... Притомъ гр. Цыбульницкiй, съ которымъ въ послѣднее время Артуръ нѣсколько разъ имѣлъ случай встрѣтиться, побуждалъ его постоянно искать руки Розы, причемъ разными намѣками и вообще самымъ деликатнымъ образомъ давалъ ему понять, что вовсе не считаетъ его княземъ или чѣмъ бы то ни было подобнымъ.

— Шляхтичъ готовъ все отдать за громкiй титулъ, — говорилъ графъ: — но ваши отношенiя къ Розѣ до такой степени сдѣлались всѣмъ извѣстны, что панъ Мелитонъ отдастъ вамъ дочь, хоть бы вы даже были не князь, а какой-нибудь кельнеръ...

Артуръ и самъ рассчитывалъ отчасти на то, что разсужденiя графа Киприана были вполне справедливы. Ободренный притомъ признанiемъ Розы, Артуръ рѣшился переговорить съ паномъ Мелитоновымъ о своемъ положенiи и узнать осторожно его мнѣнiе относительно своихъ намѣренiй.

Не менѣе своихъ сосѣдей панъ Мелитонъ пораженъ былъ осаднымъ положенiемъ, но онъ полагалъ, что еслибы графъ Цыбульницкiй пожелалъ взять «князя» подъ свое покровительство, какъ близкаго своего кузена, то дальнѣйшее пребыванiе послѣдняго въ странѣ не встрѣтило бы особенныхъ затрудненiй. Тѣмъ легче можно было это уладить, что, какъ извѣстно, князь имѣлъ легитимационный листъ на имя графа *Эдуарда Цыбуль-*

никако; нужно было лишь убѣдиться, что графъ Киприанъ, въ случаѣ надобности, не откажется признать его официально за своего родственника.

— Молодой графъ Цыбульницкій, — говорилъ панъ Мелитонъ, — можетъ оставаться въ краѣ, не возбуждая подозрѣній полиціи. Онъ можетъ быть въ гостяхъ у родныхъ, или имѣть въ виду женитьбу...

Артуръ, при послѣднемъ намѣкѣ, нѣсколько смѣшался и покраснѣлъ, но панъ Мелитонъ съ чувствомъ пожалъ ему руку и просилъ вѣрить въ дружбу и расположеніе къ нему всего семейства Кацпировскихъ, вполне заслуженныя имъ по его самопожертвованію во имя общаго блага и по рѣдкимъ личнымъ качествамъ. «Мой домъ, — сказалъ въ заключеніе панъ Мелитонъ, — прощу васъ считать за свой собственный».

Герой понялъ, что пану Мелитону было бы очень пріятно, еслибы въ Цевковицахъ князь Артуръ Четвертинскій могъ считаться своимъ человекомъ. Но—увы!—онъ не былъ, онъ не хотѣлъ и не могъ оставаться дольше княземъ Четвертинскимъ. Волнуемый самыми противоположными чувствами и мыслями, встрѣчая повсюду однѣ опасности и бездну серьезныхъ затрудненій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственный для него якорь спасенія, это—графъ Киприанъ. Къ нему-то онъ рѣшился обратиться; послѣ трогательнаго прощанія съ Розою, онъ сѣлъ въ экипажъ и отправился въ Цыбулово.

Дѣвицы Кацпировскія и даже сама маменька, глядя въ окно за отъѣзжающимъ Артуромъ, обливались горькими слезами.

Прошло не болѣе двухъ дней, какъ страна объявлена была въ осадномъ положеніи, и фizioномія ея совершенно измѣнилась, — такъ казалось Артуру. Въ самомъ же дѣлѣ, кромѣ сельскихъ карауловъ на перекресткахъ дорогъ и по всѣмъ деревнямъ (караулы эти нигдѣ не задержали цевковицкаго экипажа, который всѣмъ былъ извѣстенъ) — никакихъ иныхъ перемѣнъ не было. Вслѣдствіе исключительнаго своего положенія, Артуръ находилъ еще, что мартъ мѣсяцъ никогда не казался до такой степени непріятнымъ, какъ въ 1864-мъ году. Но что бы онъ сказалъ, еслибы вздумалъ заглянуть въ дома, мимо которыхъ проѣзжалъ, и посмотрѣлъ бы на фizioноміи, объята паникой!..

У насъ въ Галиціи — много людей отважныхъ и мужественныхъ, есть Бруты и Катоны... до перваго переполоха. Наши Маріи и Граехи уходятъ тогда въ себя, нѣкоторые уходятъ въ

тюрьму, и только одинъ Корнелій Кречуновичъ не перестаетъ доказывать несправедливость кадастра вездѣ и всегда — имѣемъ ли мы конституцію или осадное положеніе, революцію или резолюцію... И если бы Артуръ заглянулъ по дорогѣ въ шляхетскіе дворки, то убѣдился бы, какъ убійственно подѣйствовало одно распоряженіе цесарско-королевскаго намѣстничества на нравственное состояніе «почтенной, просвѣщенной и независимой» части общества въ этой политически-зрѣлой и лояльной странѣ!..

Но Артуръ не заглядывалъ никуда. Проезжая лѣсомъ, онъ встрѣтилъ на дорогѣ двоихъ молодыхъ людей въ буркахъ и синихъ шароварахъ. Это были выходцы изъ Волыни, выгнанные со двора какимъ-то шляхтичемъ. Они рассказали Артуру, что ихъ есть еще въ лѣсу десятка два, что двое сутокъ они скитаются безъ пищи и зимней одежды и что одинъ изъ нихъ боленъ тифомъ и лежитъ въ горячкѣ. Они спрашивали Артура, нѣтъ ли какихъ распоряженій изъ «штаба», но Артуръ не могъ ничего сообщить имъ на этотъ счетъ и совѣтовалъ имъ явиться въ «бецирь». Совѣтъ этотъ отвергнуть былъ съ негодованіемъ повстанцами. Артуръ пожалъ плечами и уѣхалъ дальше, дивясь упорству этихъ людей; самъ онъ давно уже на все махнулъ рукой.

Подобное поведение моего героя можетъ назвать геройскимъ развѣ одинъ авторъ статей въ газетѣ «Przegląd Polski», избравшій себя эпиграфомъ: «Непрерываемость Тарговицы», — его сторонники. Эти люди по «принципу» разорвали всякую связь съ народомъ, Артуръ сдѣлалъ то же самое изъ «страха», и потому, оставивъ въ сторонѣ разницу побужденій, Артуръ можетъ считаться въ мнѣніи этихъ людей богатыремъ. Онъ былъ богатырь и потому, что ѣхалъ въ Цыбулово съ рѣшимостію до такой степени героической, что любой изъ скитающихся въ лѣсу повстанцевъ предпочелъ бы тысячу разъ подставить лобъ подъ непріятельскія пули или очутиться на висѣлицѣ, чѣмъ увидѣть себя въ положеніи Артура. Рѣшимость высказаться откровенно передъ гр. Киприаномъ — служила доводомъ глубокаго самоотверженія и раскаянія. Отказаться отъ блистательной роли князя и вдругъ низойти на степень обманщика, пустого фанфарона и лжеца — это было ужасно! А эта ядовитая улыбка, которая и прежде не сходила съ устъ гр. Киприана, когда онъ обращался къ Артуру!.. Сколько разъ чувствовалъ онъ желаніе высочить, подобно пану Каэтану, изъ экипажа и броситься въ лѣсъ, пристать къ волынцамъ, или явиться съ повинною головою къ австрійскимъ властямъ, — но мысль о Розѣ всякій разъ удерживала его

отъ подобнаго шага... Вскорѣ экипажъ остановился у подъѣзда; прислуга встрѣтила Артура столь же почтительно, какъ и тогда, когда Подборская въ первый разъ привезла его въ Цыбулово.

У гр. Киприана въ это время былъ панъ Стемпецкій. Узнавъ о томъ, что страна объявлена въ осадномъ положеніи, онъ явился къ начальнику округа съ жалобой и упреками на то, что въ пасекѣ у него спрятано большое количество зарядовъ, съ которыми онъ не знаетъ что дѣлать, и что онъ вовсе не желаетъ побрякивать цѣпями въ Шпильбергѣ потому только, что кому-то вздумалось поднимать какое-то повстаніе!.. Онъ приглашалъ начальника округа взять эти заряды, такъ какъ легко можетъ случиться какое несчастіе, можетъ на воздухъ взлетѣть пасека, или мужики сдѣлаютъ доносъ, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ этотъ проклятый газетчикъ Добжанскій уничтожилъ барщину, ванаги хлопны отказались отъ всякаго повиновенія:— «и пускай чортъ возьметъ—мосци-добродѣю — всѣ эти фармазонскія ваши затѣи, телеграфы, *финг-миг* и организаци!.. Прежде, мосци-добродѣю, шляхтичъ жралъ галушки съ сыромъ, сидѣлъ за печкой—и было хорошо! А теперь что? Вотъ у меня всходы пропали совсѣмъ, пшеницу чортъ взялъ, сѣна ни-ни!.. И плати еще тутъ подати, корми повстанцевъ!.. Иной еще курить хочетъ, давай ему «шварцъ-дрей-кенигъ», до венгерскаго и не дотронется»... Невозможно было бы описать все то, что говорилъ панъ Стемпецкій; скажу лишь мимоходомъ, что всякій разъ, когда этотъ знаменитый обыватель бывалъ въ дурномъ расположеніи духа, то уничтоженіе барщины, изобрѣтеніе телеграфовъ, всякія *финг-миг* и тысячу иныхъ безбожностей приписывалъ одному и тому же «проклятому газетчику», который въ его глазахъ являлся истиннымъ олицетвореніемъ антихриста. Графу удалось кое-какъ успокоить пана Стемпецкаго общаніемъ убрать заряды изъ пасеки. Почтенный помѣщикъ, постоянно проваливая Добжанскаго, попрощался съ графомъ и уѣхалъ.

Графъ обратился теперь къ Артуру, скромно сидѣвшему въ уголку, и сразу заявилъ, что въ эту минуту онъ уже не начальникъ округа и что Артуру слѣдуетъ теперь во всемъ обращаться къ своему ближайшему военному начальству. Майоръ отвѣчалъ, что желаетъ переговорить съ графомъ по личному дѣлу; послѣдній выразилъ благосклонную готовность выслушать майора. Во время довольно продолжительной аудіенціи, Артуръ высказалъ всю правду... Въ заключеніе, онъ умолялъ графа взять его подъ свое покровительство, оградить отъ австрійскихъ властей и быть посредникомъ между нимъ и родителями Розы.

Графъ зналъ теперь положительно, что передъ нимъ не князь, а... Артуръ Кувельскій!.. По мѣрѣ того, какъ Артуръ оканчивалъ свою исповѣдь, фюзіономія графа изъ суровой и серьезной превращалась въ улыбающуюся и адски-самодовольную. Сказавъ все, Артуръ съ ужасомъ ожидалъ,—что будетъ?..

— Дѣло не важное,—проговорилъ графъ послѣ нѣкотораго размышленія.—Кацпровскій тоже не отъ Готфрида Бульонскаго происходитъ и не отъ Плантагенетовъ!.. Авось дѣло уладится. Что касается до легитимационнаго листа, то самъ ты посуди, панъ Кувельскій, могу ли я исполнить желаніе Кацпровскаго, переданное мнѣ тобою? Мой кузень вскорѣ лично ко мнѣ пріѣдетъ, и нельзя же будетъ вамъ обоимъ носить одно и то же имя, въ виду частыхъ обысковъ, которыхъ слѣдуетъ неизбежно ожидать теперь. Кацпровскій самъ можетъ имѣть какихъ-нибудь кузеновъ, и ему гораздо легче оказать тебѣ эту маленькую услугу, какъ будущему своему зятю... А жениться-то, я вижу, больно хочешь?..

— Да, графъ,—но...

— Да,—только этотъ княжескій титулъ стоитъ теперь поперекъ дороги?.. Кстати, я долженъ сказать тебѣ, панъ Кувельскій, что роль князя сыгралъ ты мастерски!.. Что-жъ, Кацпровская влюблена въ тебя вѣрно?..

— Да, мы любимъ другъ друга искренно.

— Ну, и прекрасно! Дѣвушка молодая, не имѣющая еще тридцати лѣтъ, и красивый молодой человѣкъ, въ тому же эмигрантъ, говорящій такъ хорошо по-французски—il n'y a aucun inconvénient, напротивъ—прекрасная пара! Я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ удалось васъ женить... Кацпровскому я напишу, панъ Кувельскій, непременно напишу, и отошлю письмо съ его же человѣкомъ.

Кивнувъ благосклонно Артуру головой, графъ направился въ свой кабинетъ.

— Осипъ!—кликнулъ онъ лакея, остановившись въ дверяхъ:—проводи этого пана во флигель...

Спустя часа два панъ Мелитонъ получилъ слѣдующее письмо:

«Любезный сосѣдь! Оба мы попали въ-просакъ. Твой князь Четвертинскій сейчасъ совнался передо мной, что онъ никогда княземъ не былъ. Настоящее имя его и фамилія—Артуръ Кувельскій. Отецъ его служилъ экономомъ у одного изъ болѣе богатыхъ помѣщиковъ царства польскаго; Артуръ воспитывался вмѣстѣ съ его сыномъ. Основаніемъ этого воспитанія служили

путешествія за-границу и французскій языкъ. Легко теперь понять, любезный сосѣдъ, какимъ путемъ панъ Кувельскій приобрѣлъ манеры и усвоилъ привычки, которыя способны обмануть самый опытный глазъ. Въ сожалѣнію, онъ не приобрѣлъ никакихъ знаній, которыя могли бы обезпечить его существованіе. Когда умеръ отецъ его товарища и когда послѣдній—какъ выражается самъ Кувельскій—«пустилъ его въ трубу», то бѣдному молодому человѣку осталось одно: воспользоваться единственнымъ искусствомъ, которое онъ успѣлъ приобрести, наравнѣ съ знаніемъ французскаго языка—именно, ввязаться за завивку волосъ. Не могу не сознаться, что для меня крайне непріятно было узнать, что мнимый нашъ князь—не болѣе, какъ парикмахеръ, непріятно потому особенно, что въ округѣ всѣмъ извѣстны отношенія Кувельскаго—какъ это и самъ онъ призналъ предо мною—къ одной изъ вашихъ дочерей, кажется—средней, и горячая взаимная ихъ любовь, столько же доступная сердцу парикмахерскому, сколько и княжескому.

«Зная ваши демократическіе и радикальные принципы, я принимаю на себя—по просьбѣ того же Кувельскаго—роль посредника между нимъ и вами, любезный сосѣдъ, и увѣдомляю васъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе и желаніе вступить съ дочерью вашею въ законный бракъ.

«Извѣщая васъ объ этомъ, я радъ случаю пожелать молодой четѣ всякаго благополучія, а вамъ и всему вашему дому засвидѣтельствовать должное почтеніе.

«Кипріанъ Цыбульницкій».

«P. S. Молодой человѣкъ ждетъ у меня вашего отвѣта».

Если читатель былъ настолько благосклоненъ, что обратилъ надлежащее вниманіе на все то, что сказано было мною, въ предшествующихъ главахъ, о нравахъ, обычаяхъ, привычкахъ и порядкахъ, установившихся въ цевковицкомъ домѣ, то очень легко можетъ вообразить, какое громовое впечатлѣніе должна была произвести на все семейство Кацпровскихъ неожиданная эпистола гр. Кипріана. Не говоря уже о страшномъ разочарованіи на счетъ князя Артура-Святополка Четвертинскаго, *alias* графа Эдуарда Цыбульницкаго, *alias* маіора Яна Вары, *nes nom* Анри де-ла-Рошъ-Шуара виконта де-Турнброша и барона де-Барвароля, а *recte* Артура Кувельскаго,—не говоря о страшной пыткѣ, соединенной съ такимъ неожиданнымъ разочарованіемъ,

можно было съ ума сойти уже отъ одного саркастическаго тона, какимъ дышало письмо гр. Кипріана, и отъ злостнаго предположенія съ его стороны, будто вельможный, даже почти ясновельможный Мелитонъ Кацпровскій, владѣтель Цевковиць, отецъ отечества и многочисленнаго семейства, способенъ отдать свою дочь за варшавскаго парижмакера!.. Графу Кипріану достаточно было извѣстно, что въ прекрасномъ королевствѣ, Галиціей называемомъ, о демократическихъ принципахъ говорится только для «глухой улицы», и если молодымъ потомкамъ аристократическихъ фамилій,—казовъ, на примѣръ, панъ Винцентій Кацпровскій,—позволительно иногда, для развлеченія, или для популярности и карьеры, играть роль запальчивыхъ демократовъ, то это еще не значить, чтобы подобные принципы позволительно было вносить въ семейныя отношенія и принимать въ семью какую-нибудь голытьбу низкаго происхожденія. Но Артуръ Кузельскій былъ не только голякъ и человѣкъ низкаго происхожденія, но—о horror!—онъ былъ еще парижмакеръ. Пусть онъ не князь, пусть не имѣетъ замка на берегу Днѣпра, пусть не состоитъ въ дружбѣ съ сыномъ вестфальскаго короля,—будь онъ себѣ блюдолизъ, мошеникъ и шулеръ,—преступленіе его все-таки не было бы такъ ужасно и сарказмъ гр. Кипріана не былъ бы такъ убійственъ!.. По понятію «обывательства» цыбуловской провинціи и иныхъ провинцій галиційскихъ, существовать собственнымъ трудомъ—непростительная пошлость. Ни одинъ цыбуловскій «обыватель» не отдалъ бы свою дочь даже за Лелевеля и Мицевича, пока бы эти «щелкоперы» не предъявили доказательствъ на владѣніе какимъ-либо помѣстьемъ, хотя бы послѣднее—это ужъ само собою разумѣется—было заложено *primo loco* въ кредитномъ обществѣ, *secundo* у кого-либо изъ богатыхъ пановъ, и *tertio, quarto et quinto* у Арона Гольдгланца въ Тарнополѣ, въ Бродахъ, и во многихъ иныхъ мѣстахъ. Попадаются, конечно, и болѣе прогрессивные цыбуловцы, которые отдали бы своихъ дочерей даже за голышей,—но никогда за врачей, учителей, ни за купцовъ или ремесленниковъ.

Легко понять послѣ этого, что письмо гр. Кипріана должно было привести въ неописанное негодованіе пана Мелитона, и нѣтъ ничего удивительнаго, что супруга его пала въ обморокъ на всѣхъ диванахъ и креслахъ, въ обоихъ своихъ салонахъ.

А Роза?..

Гм... панна Роза?.. Но, позвольте, мнѣ некогда,—я долженъ возвратиться къ моему герою, который ждетъ уже три дня отвѣта изъ Цевковиць. Ждетъ и—страдаетъ. Онъ сознается пе-

редь собой, что совѣсть его не чиста, что онъ слишкомъ долго игралъ крайне двусмысленную роль, вмѣсто того, чтобы служить дѣлу, которому присягалъ. Но Роза должна ему простить, должна его извинить. Ему казалось, что, съ своей стороны, онъ любилъ бы ее пламенно даже и тогда, еслибы она была не Кацпровская, еслибы оказалось, что она—дочь эконома, что она крестьянка, или воспитанница дома подкидышей. Почему же она перестала бы его любить только за то, что, удовлетворяя свѣтскимъ требованіямъ, онъ вздумалъ прикрываться громкимъ псевдонимомъ?..

А между тѣмъ отвѣта все не было.

Будучи не въ состояніи переносить долге мучительную невѣстность, Артуръ рѣшился возвратиться въ Цевковицы, не дожидаясь отвѣта, и обратился въ гр. Киприану съ просьбою дать ему подводу. Графъ внимательно посмотрѣлъ на Артура. Онъ сильно перемѣнился, былъ блѣденъ и казался больнымъ. Нѣчто въ родѣ сожалѣнія отразилось на дипломатической физиономіи экс-начальника округа. Не безъ нѣкотораго добродушія онъ сталъ убѣждать Артура отказаться отъ своего намѣренія, такъ какъ безъ паспорта невозможно будетъ проѣхать ему и поль-мили и не быть арестованнымъ сельскою стражей. Черезъ нѣсколько дней графъ собирался въ Станиславовъ и предложилъ Артуру свезти его туда, подъ видомъ лакея, а оттуда дать ему возможность безопасно эмигрировать въ Валахію. Подобное предложеніе со стороны столь знатнаго пана было, по-истинѣ, великодушно; но Артуръ его не принялъ. Онъ пересталъ думать о личной безопасности; какая-то неодолимая и тайная сила влекла его въ Цевковицы. Онъ видѣлъ издали Розу, облитую слезами, съѣдаемую тоскою, ожидающую его съ мучительнымъ нетерпѣніемъ...

По странному стеченію обстоятельствъ, Артуръ нигдѣ не былъ задержанъ. Телѣжка его въѣхала во дворъ въ ту минуту, когда Меланія и Роза выходили изъ оранжереи. При видѣ своего божества, онъ сосвочилъ съ телѣги и бросился впередъ съ крикомъ: «Роза!.. ненаглядный мой ангелъ!..»

Но у ангела лицо было до такой степени неподвижно, что если бы не покраснѣвшій нѣсколько отъ холода носикъ, легко можно было бы подумать, что это ходячая мраморная статуя. Артуръ остолбенѣлъ.

— Роза!—вскричалъ онъ дрожащимъ и глухимъ голосомъ.

Роза измѣрила его холоднымъ взоромъ отъ ногъ до головы, какъ будто въ первый разъ его видитъ. Половину жизни отдалъ бы онъ за искру гнѣва, негодованія, даже презрѣнія на ея

лицѣ,—но, нѣтъ!—лицо ея было безмолвно. Спокойно и холодно прошла она мимо и—скрылась въ дверяхъ дома.

Ноги подкосились у Артура, въ глазахъ потемнѣло... Вдругъ онъ почувствовалъ, что чья-то рука коснулась его руки. Онъ взглянулъ—передъ нимъ была Меланія.

— Какъ вы несчастны, Артуръ!—проговорила она съ глубокимъ и истиннымъ сожалѣніемъ.

— Но ваша сестра!.. Роза?..

— Ахъ, Артуръ, не вините насъ!..—Она хотѣла еще сказать что-то, но съ крыльца долетѣлъ въ эту минуту пискливый крикъ.

— Melanie! Melanie!..—вскакала сама Кацпровская.

Бросивъ Артуру прощальный взглядъ, Меланія поспѣшно отошла отъ него.

Артуръ не могъ сомнѣваться, что въ Цевеовицахъ ему дѣлать больше нечего. Добиваться свиданія съ паномъ Мелитономъ или Винцентіемъ онъ и не думалъ, тѣмъ болѣе, что обоихъ ихъ, по словамъ лаея, не было будто бы и дома. Артуръ обратился къ эконому съ просьбою дать ему подводу до ближайшаго мѣстечка, но экономъ объявилъ, что ясене-панъ запретилъ давать лошадей кому бы то ни было безъ его разрѣшенія. Положеніе было въ высшей степени непріятное. Подозвавъ проходившаго крестьянскаго парня, Артуръ упросилъ его снести, за известное вознагражденіе, вещи его къ священнику.

Въ домѣ отца Ильчишина давно уже не было ни одного цуглера, за то тамъ былъ австрійскій патруль, подъ командою унтеръ-офицера. Воины были мертвецки пьяны и не помѣшали Артуру уложить вещи свои на бричку почтеннаго священника и уѣхать—куда? Артуръ и самъ этого не зналъ.

Было холодно. Несмотря на сильнѣйшее нравственное потрясеніе, недавно испытанное, Артуръ почувствовалъ вскорѣ сильный голодъ, потому что весь этотъ день оставался натоцакъ. Но въ Галиціи гораздо легче найти великаго человѣка, чѣмъ тарелку порядочнаго супа, или сколько-нибудь сносную гостиницу. Съ своей тряской брички Артуръ видѣлъ вокругъ, на безграничное разстояніе, только обнаженные поля, безъ всякихъ признаковъ человѣческаго жилья... Чувство одиночества и безпомощности овладѣло молодымъ человѣкомъ. Везшій его пономарь лѣниво понукалъ лошадежку и съ любопытствомъ на него поглядывалъ. Любопытство это отчасти его беспокоило. «Какъ бы онъ меня

не выдалъ!..» думалъ про себя Артуръ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дороги расходились, пономарь оборотился и спросилъ:

— А куда поидемо?

Артуръ не говорилъ по-малорусски, но понялъ вопросъ пономаря. Сообразивъ, что, желая казаться мѣстнымъ уроженцемъ, въ видахъ личной безопасности, нужно обращаться съ народомъ на его языкѣ, Артуръ проговорилъ спокойно:

— Ступай прямо.

— Ге?..—спросилъ пономарь, разинувъ ротъ.

— Што ты не понимаешь? Ступай прямо.

— Та въ яву браму?—спросилъ пономарь, не понимавшій русскаго слова «прямо» и полагавшій, что ему велятъ ѣхать въ *браму* (т.-е. въ ворота).

Артуръ выразилъ удивленіе, что русскій человекъ не понимаетъ русскаго языка. Пономарь утверждалъ, что онъ «Бигъ-мэ!» русинъ, но таковаго русскаго языка, точно, не понимаетъ. Затѣмъ, почесывая затылокъ, онъ спросилъ Артура:

— А препрашаю гоноръ паньски, цы панъ може... москаль?

Мысль эта показалась Артуру гениальною. Конечно,—подумалъ онъ,—москаль долженъ быть дорогимъ гостемъ въ странѣ, въ которой такъ усердно хватаютъ эмигрантовъ.

— Ну, да, да! Я русскій,—подтвердилъ онъ.

Пономарь больше не оглядывался и сталъ энергично гнать лошадь. На поворотѣ стояла корчма, а передъ нею импровизированная застава изъ необтесанныхъ брусевъ. Крестьянскій паренъ въ овчинномъ тулупѣ караулилъ заставу. При видѣ подѣжавшей брички, онъ схватилъ косу, привѣшленную къ длинной палкѣ, и всеричалъ:

— *Halt!*

— Та вступи́сь, чо́го хочешъ?—убѣждалъ его пономарь.

— *Najn!*—отвѣчалъ паренъ,—я маю *befel! Gwerr-raus!*..—крикнулъ онъ во все горло. Изъ корчмы выбѣжали двое пьяныхъ мужиковъ. Бричку и пономаря знали они очень хорошо, но обстоятельство это придадо имъ только болѣе охоты показать свою власть и официальное значеніе.

— А кого то везете? Поляка?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Эй, ни! То явѣсь москаль!.. Та возми́ть го собѣ, най йду до дому!

Въ одно мгновеніе Артуръ былъ схваченъ... Надѣлая его тумазами, мужики связали ему веревкою руки и свели въ корчму. Къ счастью, вскорѣ явился жандармъ съ патрулемъ и отнялъ Артура у пьяныхъ мужиковъ. Развязавъ ему руки, онъ надѣлъ

на нихъ вандалы, посадилъ Артура на подводу и повезъ съ собою—въ Блотничаны.

Благодаря простой случайности, городокъ этотъ въ другой разъ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ Артура. Приняла его та же самая келья. Сойдя съ подводы, онъ замѣтилъ въ толпѣ любопытныхъ—такъ ему показалось—аптекаря Одварнищяго съ Катериною. Холодъ, голодъ, усталость такъ сильно подѣйствовали на Артура, что всякія воспоминанія, въ виду грозной дѣйствительности, совершенно почти въ немъ ступшевывались.

Двери камеры не были заперты на-глухо, но возлѣ нихъ стоялъ часовой съ ружьемъ. Въ самой камерѣ, наполненной арестантами, царствовала унылая тишина. Въ числѣ арестантовъ Артуръ разглядѣлъ Вишткилло и Квасковскаго—опять тяжелое воспоминаніе. Оба они закованы были въ цѣпи, какъ подозрѣваемые въ намѣреніи бѣжать. Ихъ отправляли по этапу въ Броды, для передачи русскимъ властямъ, въ числѣ многихъ иныхъ арестантовъ. Несмотря на грозную перспективу, не слышно было въ камерѣ ни одного болѣзненнаго стона, ни одной жалобы...

Артуръ холодно поздоровался съ товарищами заключенія, присѣлъ на внесенный за нимъ чемоданъ, закрылъ руками лицо и глубоко задумался. Никто не мѣшалъ ему думать, только Вишткилло старался подъ часъ его ободрить и обращался къ нему съ своимъ: «пустое, братишка!»

Въ Блотничанахъ теперь герръ Финеманъ былъ не единственный представитель власти; для надзора за арестантами командированъ былъ ему въ помощники пѣхотный поручикъ. Обстоятельство это послужило къ выгодѣ арестантамъ, потому что поручикъ былъ менѣе суровъ, чѣмъ герръ форштегеръ, и не запрещалъ никому посѣщать арестантовъ и приносить имъ пищу. Какія-то двѣ женщины вскорѣ вошли въ камеру и принесли двѣ корзины съ закусками разнаго рода, чему былъ очень радъ проголодавшійся Артуръ. Подкрѣпивъ свои силы, онъ сдѣлался веселѣе и разговорчивѣе, сталъ рассказывать о своихъ приключеніяхъ съ свойственнымъ ему преувеличеніемъ, не касаясь, впрочемъ, эпизода съ Розою. Всѣ слушали молча, а жмудинъ замѣтилъ: «пустое!»...

Вскорѣ дверь снова отворилась, и въ камеру вошла Катерина съ матерью. Квасковскій быстро всвочилъ съ мѣста; лицо его мгновенно покрылось краскою и опять поблѣднѣло. Всѣ арестанты молча и почтительно поклонились вошедшимъ женщинамъ. Прекрасные глаза Катерины были красны отъ слезъ, вся она казалась убитою, была поражена отчаяніемъ—ни тѣни прежней

живости въ ней не было. Артуръ спрятался въ уголь камеры, стараясь быть незамѣченнымъ: рѣдкій гость — краска стыда, появился на его лицѣ.

— Да спасетъ васъ Пресвятая Дѣва, — проговорила Катерина дрожащимъ голосомъ, — завтра...

Это «завтра» не требовало никакихъ объясненій. Всѣ поняли, что завтра арестанты, подъ сильнымъ конвоемъ, отправлены будутъ на границу и переданы будутъ русскимъ властямъ. Извѣстіе это произвело на всѣхъ подавляющее, мертвящее впечатлѣніе, поразило всѣхъ ужасомъ. Одинъ жмудинъ, повидимому, не поддался ему. Подойдя къ Квасковскому, онъ шепнулъ ему:

— Бѣги, пока есть время!.. Я задушу часового!.. Слышишь ли?.. Спасайся!..

— Боже мой! Неужели это возможно?.. — вскричала Катерина, разслушавъ послѣднее слово жмудина.

— Это невозможно, — проговорилъ Квасковскій, печально опустивъ голову.

Болѣзненный стонъ вырвался изъ груди несчастной дѣвушки и съ громкимъ рыданіемъ она повисла у него на шеѣ. Въ эту минуту одинъ изъ арестантовъ указавъ рукою на дверь, всѣ оглянулись и увидѣли въ рѣшетчатомъ ея оконцѣ усатое лицо стараго венгерскаго солдата, стоявшаго на часахъ. По морщинистому лицу и по усамъ его текли слезы... Проворчавъ какое-то проклятіе, мадьяръ поспѣшно спряталъ голову.

Я не берусь и не сумѣю описать сцену прощанія Катерины съ Квасковскимъ, — она была тяжела. Мать вывела изъ камеры свою несчастную дочь почти въ безсознательномъ состояніи. Въ камерѣ настало глубокое безмолвіе. На дворѣ дулъ порывистый вѣтеръ, въ окно съ желѣзною рѣшеткою стучали капли дождя, смѣшаннаго съ снѣгомъ. На улицѣ слышно было изрѣдка городское, еще неuleгшееся, движеніе...

Въ снѣгахъ снова раздались чьи-то шаги и вскорѣ въ дверяхъ появилась фигура, закутанная въ медвѣжью шубу. Крикъ «а-а» огласилъ камеру. Когда фигура сняла съ себя шубу и очутилась на срединѣ камерѣ, то оказалось, что это былъ панъ Богданъ Колтуновичъ, Н. П. и пр., во всемъ своемъ великолѣпіи.

Почтенный этотъ обыватель сразу началъ рѣчь о дождѣ и снѣгѣ, о вѣроятности плохого урожая и тому подобныхъ предметахъ, крайне интересныхъ для людей, которымъ на другой день предстояла транспортировка въ Броды!.. Выведенный изъ

терпѣнія, жмудинъ прервалъ метеорологическія и агрономическія разсужденія пана Богдана словами:

— Пустое!.. Вотъ, если вы порядочный человѣкъ, то помогите намъ спасти этого вотъ братишку (онъ указалъ на Квасковскаго). А то не можете ли вы всѣхъ насъ выпустить отсюда на свѣжій воздухъ.

— Это трудно!—отвѣчалъ панъ Богданъ,—ничего сдѣлать для васъ мы не можемъ. Наварили ваши—сами и расклебывайте! Да и что вздумалось вамъ затѣвать какіе-то бунты, революціи, заговоры!.. Правительство весьма правильно дѣйствуетъ, приказавъ хватать васъ и передавать въ руки законной вашей власти...

Жмудинъ поднялся во весь ростъ, дыша бѣшенствомъ и грозой... Онъ былъ страшенъ! Я воздерживаюсь отъ всякихъ предположеній,—но несомнѣнно одно, что если майоръ Виештеилло схватить и бросить что-либо о землю, то поднимать ужъ будетъ нечего. Къ счастью, въ эту минуту въ оконцѣ снова появилась фizioномія стараго мадьяра и послышались слова:

— Kapitanyom ugam! gerek idö! (Капитанъ, пожалуйста сюда).

Виештеилло понялъ, что слова эти относились къ нему и что мадьяръ желаетъ ему что-то сказать. Онъ подошелъ въ дверямъ и между нимъ и мадьяромъ произошелъ какой-то интимный разговоръ, частію на венгерскомъ и частію на словацкомъ языкѣ, между тѣмъ какъ панъ Богданъ безпрепятственно продолжалъ свою рѣчь о томъ, что «высшее правительство» вынуждено было положить конецъ беспорядкамъ, во имя общественной безопасности и т. п.

Окончивъ свой разговоръ съ мадьяромъ, жмудинъ проговорилъ шутливо:

— Квасковскій,—поди-на сюда, братишка!

— Что такое?—спросилъ Квасковскій, подходя къ нему какъ-то машинально.

Вмѣсто отвѣта, жмудинъ взялъ шубу пана Богдана и надѣлъ ее на Квасковскаго.

— Ну, что?.. Поглядите, господа,—развѣ не истинный галиційскій шляхтичъ?..

Панъ Богданъ съ нѣкоторымъ безповойствомъ спросилъ: «что все это значитъ?»

— Ничего!.. Хочу посмотрѣть, въ лицу ли Квасковскому этотъ костюмъ. А ты продолжай, продолжай,—ужъ больно красиво говорить изволишь...

Панъ Богданъ не заставилъ просить себя дважды и сталъ

доказывать бунтовщикамъ, что безъ аристокраціи живутъ только негры и что «красные», стремясь къ уничтоженію аристократіи и шляхты, стремились къ отнятію у народа самаго благороднѣйшаго въ его организмѣ члена, непривосновенность котораго признана даже Москвою. Панъ Богданъ до таковой степени былъ тронутъ заботливостію Москвы о непривосновенности аристократіи и шляхты, что открыто сознался въ своей симпатіи къ Москвѣ и заявилъ, что хранить у себя купленную имъ у какого-то словака бумажную салфетку, съ изображеніемъ на ней двуглавого московскаго орла, на одной сторонѣ—бѣлаго на красномъ полѣ, а на другой—краснаго на бѣломъ полѣ. Панъ Богданъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ этой салфетки родъ штандарта и встрѣтить съ нимъ русскія войска, въ случаѣ вторженія ихъ въ Галицію...

— Довольно,—крикнулъ Виешткялло,—можешь теперь убираться себѣ въ чорту!..

Панъ Богданъ оглянулся,—Квасковскаго не было, но не было и шубы. Почтенный владѣтель Телятина оробѣлъ и бросился къ дверямъ, но тутъ встрѣтился съ суровой фізіономіей мадьяра, который грозно прикрикнулъ, загородивъ дорогу штыкомъ:

— Nem szobat! (Нельзя). Только «lengu-el-ur» въ шубѣ могъ выйти изъ камеры!..—проговорилъ онъ мрачно.

Когда какою-нибудь вѣтрогонъ угодить въ тюрьму или очутится подъ висѣлицей, то эти маленькія неприятности не составляютъ для него особеннаго безпокойства, и онъ не любитъ обыкновенно говорить о нихъ. Но для столь почтеннаго обывателя, какъ панъ Богданъ, одна ночь, проведенная въ тюрьмѣ, показалась невыносимымъ мученіемъ. Правственныя страданія его несколько, однако, не смягчили сердца герра Финкмана фонъ-Финкмангаузена, который на другой день приступилъ къ строжайшему допросу и разслѣдованію, какимъ образомъ, вмѣсто «eines ausländischen Wühlers», въ тюрьмѣ очутился одинъ изъ самыхъ лойяльныхъ подданныхъ его цесарско-королевскаго величества!.. Если бы панъ Богданъ былъ менѣ лойяленъ, то не избѣжать бы ему процесса въ военномъ судѣ по обвиненію въ «Vorschubleisten bei Verbrechen», но даже герръ Финкманъ не рѣшился заподозрить столь вѣрнаго подданнаго королевско-апостольскаго величества въ соучастіи въ бѣгствѣ Квасковскаго. Панъ Богданъ былъ выпущенъ на волю, за Квасковскимъ же послана была погоня по всѣмъ трактамъ, но напрасно—онъ словно въ воду канулъ.

За исключеніемъ Артура, всѣ остальные арестанты посажены были на подводы и отправлены, подъ конвоемъ жандармовъ и солдатъ, въ границѣ; Артуръ же приведенъ былъ въ канцелярію герра Финкмана для снятія допроса. На этотъ разъ вещи его подвергнуты были строгой ревизіи, и отняты были у него револьверъ и русскій паспортъ на имя князя Четвертинскаго. Документъ этотъ долженъ былъ сдѣлаться для него роковымъ, потому что герръ Финкманъ, — говоря мимоходомъ, не узнавшій Артура, — порѣшилъ, на основаніи его, препроводить Артура, какъ русскаго подданнаго, вслѣдъ за другими арестантами, въ Броды, для передачи русскимъ властямъ.

По возвращеніи въ камеру, Артуръ подавленъ былъ глубокою тоскою и не далеко былъ отъ отчаянія. По своему характеру, далеко невоинственному, немного зла сдѣлалъ онъ русскимъ, но и сдѣланнаго имъ было достаточно для того, чтобы совершить далекое путешествіе... Погруженный въ печальныя размышленія, герой нашъ сидѣлъ въ тюремной камерѣ, напрасно стараясь примириться съ своею судьбою. Вдругъ кто-то постучалъ осторожно въ дверь, запертую теперь, по случаю бѣгства Квасковскаго, на замокъ. Артуръ подошелъ къ оконцу и увидѣлъ въ немъ честную фізіономію аптекаря Одварницкаго. При этой встрѣчѣ, Артуръ сильно сконфузился, предполагая съ полною достовѣрностію, что Квасковскій разсказалъ ему сцену, случившуюся въ Забужѣ. Аптекарь дѣйствительно зналъ обо всемъ, но это не подѣйствовало нисколько на его рѣшимость оказать Артуру возможную помощь. Онъ пришелъ спросить Артура, не нуждается ли онъ въ чемъ-либо и нѣтъ ли возможности освободить его отъ транспортировки въ Броды? Артуръ находилъ это невозможнымъ, онъ не зналъ въ Галиціи никого, кто бы захотѣлъ хлопотать объ его освобожденіи.

— Не знаете ли вы во Львовѣ кого-либо изъ людей вліятельныхъ?

— Никого, кромѣ одной дамы...

— Не та ли это дама, которая была здѣсь вскорѣ послѣ вашего отъѣзда отсюда и которая про васъ такъ подробно разспрашивала? Не сообщить ли ей о томъ, что васъ желаютъ выдать русскимъ?

Артуръ до такой степени упалъ духомъ, что рѣшительно не вѣрилъ въ возможность освобожденія. Удовлетворяя лишь желанію аптекаря, онъ далъ ему адресъ Шелицинской.

Два дня еще провелъ Артуръ въ блотничанскомъ заключеніи. На третій день у дверей камеры появился отрядъ цесарско-коро-

левской пѣхоты, состоявшій изъ троицхъ солдатъ, которые тутъ же зарядили ружья, чтобы показать арестанту, что всякая попытка съ его стороны къ сопротивленію или бѣгству была бы бесполезна. На дворѣ ждала его подвода.

Путешествіе должно было продолжаться три дня, потому что дороги въ этихъ мѣстахъ, особенно въ это время, были ужасны. По ночамъ арестантъ останавливался въ корчмахъ; если же приходилось ночевать въ повѣтовомъ городѣ, то арестанта отводили въ тюрьму. Кто путешествовалъ по Галиціи подобнымъ образомъ, тотъ согласится, что весьма несправедливо корчмы наши приобрѣли репутацію самыхъ грязныхъ и неудобныхъ мѣстъ отдохновенія; напротивъ — каждый согласится со мною, что царствующій въ нихъ еврейско-польскій беспорядокъ представляетъ высшую степень элегантности и комфорта сравнительно съ повѣтовыми тюрьмами.

Въ самый день выѣзда Артура изъ Блотничанъ, на дорогѣ обогнала подводу, на которой онъ ѣхалъ, наемная коляска съ евреемъ-кучеромъ на возлахъ. Артуру повзало, что изъ коляски бросилъ на него кто-то внимательный взглядъ, но было уже темновато и трудно было разглядѣть сидѣвшихъ въ коляскѣ. На другой день, проѣзжая черезъ повѣтовый городъ, конвойный капраль, сопровождавшій Артура, получилъ приказаніе повернуть съ арестантомъ въ городъ Z., гдѣ былъ военный судъ, и явиться къ военному аудитуру. Одновременно къ подводу подошелъ прилично одѣтый господинъ и спросилъ:

— Это вы Янъ Вара?

— Да—я.

— Очень пріятно познакомиться, — проговорилъ незнакомецъ, протягивая Артуру руку; послѣдній въ эту минуту почувствовалъ въ своей рукѣ клочекъ свернутой бумаги. Незнакомецъ тотчасъ исчезъ. Боясь обратить на себя вниманіе конвойныхъ, Артуръ поспѣшно спряталъ въ карманъ бумагу, не узнавъ ея содержанія. Только дорогой онъ могъ развернуть ее и прочесть украдкой слѣдующее: «Фамилія твоя — Шелицинскій Генрихъ, отъ роду 27 лѣтъ, вѣроисповѣданія римско-католическаго; родился ты въ Римилицахъ, въ Галиціи, отцу твоему было имя Мацей, а матери — Барвара. Назадъ тому шесть лѣтъ вступилъ ты въ законный бракъ съ Маргаритою изъ Конопинскихъ, по первому браку Тржецинскою, вотчинницею Дембовки и Баранца, находящихся въ львовскомъ округѣ, а также владѣлицею каменнаго дома во Львовѣ, № 1966³/₄. Уже три года, какъ бросилъ ты жену и скитаешься за-границей. Заучи все это хорошо навзустъ».

Въ городѣ Z. аудиторъ принялъ Артура съ какою-то горькой улыбкой и приказалъ профосу отвести его въ тюрьму.

Военная тюрьма въ Z. давала довольно вѣрное понятіе объ удобствахъ и пріятностяхъ варшавской цитадели и очень мало свидѣтельствовала о томъ, что при-дунайская имперія принадлежитъ въ числу государствъ сколько-нибудь цивилизованныхъ. Но и грязная яма для больного скитальца—кровать; для лояльнаго галичанина и «Staatsgrundgesetze» — конституція; для Артура же, видѣвшаго въ перспективѣ нѣчто другое, — заключеніе въ Z. и допросъ въ австрійскомъ военномъ судѣ были даже пріятны, потому что возбуждали въ душѣ его какую-то надежду. Онъ на все былъ готовъ, лишь бы не быть выданнымъ въ руки русскихъ властей. Профосъ отвелъ его прежде въ свою комнату и произвелъ тщательную ревизію его вещамъ; при этомъ были конфискованы всѣ письменныя принадлежности, фотографіи и бинокль, который могъ служить — какъ утверждалъ профосъ — для цѣлей военныхъ. Взяты были также всѣ деньги и дозволено было арестанту имѣть на рукахъ не болѣе одного гульдена. Затѣмъ профосъ, — приземистый венгерскій еврей, выбранный на эту должность потому, что судъ не питалъ довѣрія къ мадырамъ, стоявшимъ въ городѣ гарнизономъ, — позвалъ двухъ солдатъ и подъ конвоемъ ихъ отвелъ Артура въ тюремную камеру. Камеры были расположены вдоль длиннаго корридора. Невозможно вообразить что-нибудь менѣе приспособленное къ помѣщенію людей! Камера, въ которую введенъ былъ Артуръ, имѣла въ длину двѣнадцать шаговъ, а въ ширину не болѣе пяти. Въ обыкновенное время камера эта назначалась для шестерыхъ арестантовъ, подозрѣваемыхъ въ кражѣ лошадей, и уголовно-гражданскій судъ, имѣя въ виду здоровье этихъ гражданъ, строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никогда не помѣщалось ихъ болѣе въ этой камерѣ. Гражданскіе судьи позагаютъ, вѣроятно, что хотя гипшическій спортъ, практикуемый на вращенныхъ лошадяхъ, не заслуживаетъ похвалы, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ подвергать спортсменовъ удушенію. Военные судьи — менѣе сантиментальны; они загоняли въ каждую камеру по восемнадцати политическихъ преступниковъ... Ночью особенно камера представляла полнѣйшее подобіе палубы американскаго паветбота... Кромѣ желѣзной печки и кадки съ водой, въ камерѣ стоялъ большой деревянный ушатъ, однимъ запахомъ своимъ достаточно указывавшій на свое назначеніе. На официальномъ языкѣ такой ушатъ извѣстенъ подъ названіемъ «клябля»; его выносили изъ камеры, одинъ разъ въ сутки, съ большою церемоніею и подъ прикрытіемъ военной силы, и вносили обратно

въ камеру съ такими же предосторожностями и церемоніей, въ сопровожденіи самого профоса. Послѣдній въ этомъ случаѣ обнаруживалъ удивительную энергію, сообразительность и бдительность, достойныя не тюремнаго профоса, а по крайней мѣрѣ хранителя государственныхъ сокровищъ какого-нибудь небольшого королевства, въ родѣ напр. Лодомеріи.

Водвореніе Артура въ этомъ приютѣ, изображавшемъ въ «тѣснѣйшемъ» смыслѣ наше цесарско-королевское отечество, совершилось по всѣмъ предписаніямъ формы. При содѣйствіи профоса, возмѣвшаго къ Артуру большое сочувствіе, вслѣдствіе найденныхъ у него десятковъ и сотенъ гульденовъ, отданныхъ въ депозитъ аудитору, — нашему арестанту удалось устроить себѣ въ камерѣ помѣщеніе подалеже отъ «кѣбли».

Трудно было пошевелиться въ камерѣ, переполненной арестантами. Были здѣсь люди разнаго званія и возраста, изъ всѣхъ уголовъ Польши. Былъ здѣсь и эмигрантъ, участвовавшій во всѣхъ мѣстныхъ и заграничныхъ возстаніяхъ, начиная съ 1831 г., совершенно свывшійся съ тюрьмою, которая служила для него почти постояннымъ мѣстопребываніемъ; былъ и молодой студентъ, только и помышлявшій объ освобожденіи, чтобы опять удрать въ шайбу; былъ и львовскій ремесленникъ, буйный и шумливый, всегда недовольный, проклинающій пановъ, штабы, комендоровъ, дурную пищу, вонь и тѣсноту; былъ подольскій мужикъ, отличавшійся рѣдкимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ; былъ и жидъ, обвиненный въ доставкѣ повстанцамъ оружія; былъ и помѣщикъ, которому угрожало восьмидневное заключеніе за укрывательство троихъ цуциглеровъ, и который, чувствуя на главѣ своей ореолъ мученичества, взывалъ въ сокрушенной душѣ: «Высокій Суды! Пусть же будетъ не моя, а Твоя воля!».. Былъ, наконецъ, и одинъ венгерецъ, послѣдившій въ ряды повстанцевъ при первомъ извѣстіи о вооруженномъ возстаніи. Кромѣ этихъ категорій, была еще одна, въ иныхъ мѣстахъ неизвѣстная: въ камерѣ содержался нѣкто Іозефъ Жолевичъ, — арестантъ добровольный, державшійся только для удобства военнаго суда, который, имѣя задачей убѣдить всѣхъ, подсудимыхъ, что они, нарушая общественный порядокъ, совершили преступленіе, самъ по себѣ не совсѣмъ былъ счастливъ въ сопоставленіи доводовъ и не вполне сообразителенъ при производствѣ дознаній. Играя роль неутомимаго мстителя врагамъ отечества, Жолевичъ рассказывалъ о своихъ военныхъ и революціонныхъ подвигахъ товарищамъ заключенія, которые, въ свою очередь, рассказывали ему о себѣ, о своихъ дѣлахъ. Жолевичъ затѣмъ доносилъ обо всемъ ауди-

тору, военный же судъ присуждалъ виновныхъ къ заключенію отъ 1-го до 6-ти мѣсяцевъ, продержавъ каждаго изъ нихъ, во время производства дознаній, отъ 3-хъ до 8-ми мѣсяцевъ.

Жолкевичъ не скрывалъ желанія сблизиться съ Артуромъ; но жестокія испытанія, перенесенныя послѣднимъ въ цыбуловскомъ округѣ, приучили его къ осторожности и сдержанности. Онъ высказалъ только, что онъ изъ царства польскаго, что былъ въ отрядѣ Замечка и называется Кужельскій, но ни слова о княгинѣ-матери, княжнѣ-сестрѣ, ни о замкѣ на берегу Днѣпра... Въ тотъ же день Жолкевичъ отрапортовалъ аудитору, что новый арестантъ—личность скрытная, подозрительная, скрывающая даже свою фамилію.

На другой день Жолкевичъ спросилъ небрежно Артура, не знакомъ ли онъ былъ въ Львовѣ съ Шелицинскою? Артуръ смѣшался, но отвѣчалъ, что знаетъ нѣсколько эту даму. Черезъ часъ аудиторъ зналъ уже объ этомъ признаніи, а Жолкевичъ получилъ за свои заслуги изъ военной кассы 30 крестеровъ. Отводя его въ камеру, копейный капраль толкнулъ его ногой и ругнулъ: «Verfluchter poljak!» — съ цѣлю показать арестантамъ, что изъ числа ихъ военный судъ больше всего ненавидитъ и преслѣдуетъ Жолкевича. Послѣдній сталъ жаловаться передъ Артуромъ на грубость солдатъ и на то, что аудиторъ грозитъ еще ему, Жолкевичу, палками!.. Это тронуло Артура, и онъ сознался откровенно, что Шелицинскую знаетъ очень хорошо, но не желаетъ, чтобы обстоятельство это сдѣлалось суду извѣстнымъ, чтобы не подвергнуть даму эту неприятностямъ...

Въ героѣ нашемъ, очевидно, произошла удивительная перемена—онъ сталъ говорить вдругъ чистую правду!.. Но аудиторъ обладалъ чрезвычайно опытнымъ глазомъ и сразу разгадалъ, что имѣетъ дѣло съ неисправимымъ лжецомъ, — и потому рѣшился не вѣрить ни одному его слову. Призванный къ допросу, Артуръ объявилъ, что онъ называется Кужельскій, родомъ изъ царства польскаго, что участвовалъ въ повстаніи и бѣжалъ на австрійскую территорію. Затѣмъ онъ сталъ убѣдительно просить, чтобы ему дозволено было эмигрировать въ Германію или Швейцарію. Аудиторъ передавалъ все это своему писцу по-нѣмецки и самодовольно и лукаво улыбался. Окончивъ допросъ, аудиторъ объявилъ Артуру, что не выпуститъ его изъ тюрьмы, пока онъ не скажетъ «всю правду».

Аудиторъ былъ правъ, если не вѣрилъ Артуру и лукаво улыбался. Аудиторъ давно уже узналъ «всю правду» — и вотъ какимъ образомъ:

На другой день послѣ отправки Артура изъ Блотничанъ, передъ квартирою окружного старосты остановилась еврейская коляска, изъ которой вышли двѣ женщины, обѣ очень красивыя и обѣ расплаканныя. Онѣ ворвались въ старостѣ, и одна изъ нихъ, старшая, красивая брюнетка, рассказала старостѣ слѣдующую исторію, прерывая рассказъ свой громкимъ плачемъ: «мужъ мой, Генрихъ Щелицинскій, этотъ негодяй большой руки, бродяга и любитель всѣхъ женъ, кромѣ собственной,—бросить меня назадъ тому три года и скитался съ тѣхъ поръ гдѣ-то за-границей. Воротившись недавно назадъ, онъ опять утекъ и присталъ къ повстанцамъ. Случайно я встрѣтила его потомъ во Львовѣ и слѣдила уже за нимъ постоянно, но — что-жъ! — онъ опять успѣлъ скрыться, и только теперь я узнала, что этотъ негодяй выдаетъ себя за какого-то Артура Кувельскаго, будто бы выходца изъ царства польскаго, и желаетъ быть отданнымъ въ руки московскихъ властей, лишь бы убѣжать отъ жены. Въ Москвѣ никто ему не докажетъ, что онъ вретъ, что никакого Кувельскаго никогда на свѣтѣ не было, — продержатъ и выпустятъ, и онъ—о, я его хорошо знаю—женится непременно на какой-нибудь москвичкѣ!.. Ахъ, пане староста, умоляю васъ—не отдавайте его москвичамъ и заставьте его начальническаю вашею властью исполнять супружескія обязанности! Клянусь вамъ, что я, съ своей стороны, выпарапаю ему глаза при первомъ удобномъ случаѣ».

Панъ староста самъ былъ женатъ и зналъ очень хорошо, что сладкое супружеское ярмо дѣйствительно можетъ подъ часъ возбудить въ человѣкѣ охоту убѣжать въ Сибирь, переселиться на луну, или на иную планету, гдѣ земныя узы теряютъ свою обязательную силу. Рассказъ Щелицинской былъ притомъ до такой степени правдоподобенъ, дышалъ такою энергіей, столько было правды въ жалобахъ ея на невѣрность мужа и такъ рѣшительно клялась она выпарапать ему глаза, что панъ староста не колебался ни минуты. Войдя въ соглашеніе съ военнымъ судомъ, онъ приказалъ воротить съ дороги мнимаго московскаго подданнаго Артура Кувельскаго, князя Артура Четвертинскаго тожъ, и доставить его въ Z. для снятія съ него допроса въ военномъ судѣ.

Аудитору приказано было: доказать Кувельскому, что онъ вовсе не Кувельскій, а Генрихъ Щелицинскій, потомъ наказать его, во-первыхъ, за самовольную отлучку изъ края, во-вторыхъ— за нарушеніе общественнаго порядка и, въ-третьихъ,—за незаконное присвоеніе вымышленныхъ именъ и бродяжество съ фаль-

псивыми паспортами; затѣмъ—передать его мѣстной политической власти.

Всѣ усилія аудитора поэтому направлены были къ тому, чтобы во всей точности выполнить такое приказаніе. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ Артуръ много разъ призывается былъ къ допросу и убѣждаемъ сказать «правду»; но онъ упорно стоялъ на своемъ и утверждалъ, что называется Кувельскій. Шелищинская и Целина, выписанныя нарочно изъ Львова горничная и кухарка спрятаны были въ залъ суда за оконными занавѣсками, когда на дворъ выведены были для прогулки арестанты: всѣ сразу указали, кто изъ нихъ—Генрихъ Шелищинскій. Судъ не могъ долѣ колебаться сомнѣніями насчетъ очевиднаго заpiresательства Артура. Въ послѣдній разъ, призвавъ его къ допросу, аудиторъ выставилъ ему на видъ всю бесполезность его упорства и все безразсудство его желанія обмануть судъ, которому давно все извѣстно. Затѣмъ, аудиторъ прочелъ подсудимому показанія Шелищинской, Целины, горничной и кухарки, и потребовалъ чистосердечнаго сознанія, какъ относительно галиційскаго его происхожденія, такъ и относительно дѣйствительнаго имени и фамилии, грозя ему, въ противномъ случаѣ, пожизненнымъ заключеніемъ въ слѣдственной тюрьмѣ.

Не взирая на всю свою ловкость, тутъ только понялъ Артуръ, съ какою цѣлью всунута ему была въ руки извѣстная записка. Но онъ поклялся никогда болѣе не прикрываться чужими именами. Страшась дальнѣйшихъ затрудненій, которыя могли бы еще ухудшить его положеніе, онъ не пожелалъ воспользоваться случаемъ, представлявшимъ всѣ шансы въ его пользу, и потому упорно продолжалъ стоять при первомъ своемъ показаніи.

Такое упорство ни къ чему однако не повело. Аудиторъ потерялъ всякое терпѣніе. Созванъ былъ военный судъ. Шесть странныхъ фигуръ, въ бѣлыхъ мундирахъ и синихъ штанахъ, поднявъ два пальца, исполнили присягу, что будутъ судить Артура—«не взирая на силу или слабость, на бѣдность или богатство, на дружбу или вражду,—по правдѣ и совѣсти, принимая на себя отвѣтственность предъ Богомъ и его величествомъ». Преступникъ былъ спрошенъ, что можетъ онъ сказать въ свою пользу и не желаетъ ли измѣнить въ чемъ-нибудь своихъ показаній? Послѣ отрицательнаго отвѣта, подсудимый удаленъ былъ изъ залы суда. Когда его ввели опять подъ стражею въ залу, прочтенъ былъ торжественно приговоръ, по которому «Генрихъ Шелищинскій, какъ ложно именующій себя Артуромъ Кувельскимъ, а также княземъ Четвертинскимъ, равнымъ образомъ, при-

нимая во вниманіе иныя преступленія его и противозаконныя дѣйствія, присужденъ былъ въ трехмѣсячному заключенію, со включеніемъ въ оное число двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ, во время нахождения подъ судомъ, и съ освобожденіемъ отъ третьяго мѣсяца заключенія, по снисходительному усмотрѣнію мѣстнаго военнаго начальника и въ видѣ особой милости».

Итакъ—Артуръ былъ чистъ. Аудиторъ передалъ его профессору, профессоръ—бецирку, бециръ—магистрату, а магистратъ пьяному десятскому, который на другой день долженъ былъ передать его другому пьяному десятскому и т. д., пока, по истеченіи недѣли, Артуръ не приведенъ былъ «по пѣшему хожденію», во Львовъ, куда онъ вошелъ чрезъ Лычаковскую заставу, и пока не былъ отданъ въ отеческія руки мѣстной цесарско-королевской полицейской дирекціи.

Никто, конечно, не посмѣетъ усумниться въ рѣдкой пронзительности цесарско-королевской полиціи вообще и львовскихъ ея органовъ въ частности, какъ скоро дѣло коснется, натурально, преступленій и проступковъ политическихъ. Вполнѣ достовѣрно, что еслибы тождественность личности нашего героя возбуждала малѣйшее сомнѣніе, цесарско-королевская полиція нарядила бы, не медля ни минуты, строжайшее разслѣдованіе для открытія истины. Но сходство Артура съ Генрихомъ Шелищинскимъ доказано было съ такою очевидностію, а показанія жены его и прислуги отличались такою категоричностію, что органы власти не могли колебаться никакими сомнѣніями. Самъ Артуръ подтвердилъ, наконецъ, все то, чего отъ него требовали. Въ нѣкоторое затрудненіе поставили его было только два пункта: зачѣмъ онъ бросилъ жену и зачѣмъ такъ упорно скрывалъ передъ судомъ свое имя? На оба эти пункта онъ могъ отвѣчать не иначе, какъ жалобой передъ цесарско-королевскою полиціей на Маргариту, которую онъ и описалъ, какъ самую ужасную Ксантиспу, отъ которой онъ готовъ бѣжать даже въ антиподамъ. Тутъ онъ повторилъ прежнюю свою просьбу: дозволить ему выѣхать за границу; но просьба эта встрѣтила крайне неблагоприятный приемъ, и Артуру дано было понять, что отлучаться изъ Львова ему вовсе не дозволяется, подъ угрозой наказанія, указаннаго въ какомъ-то параграфѣ—въ какомъ именно, не помню—второй части уголовного кодекса.

Что же оставалось дѣлать герою? Ему оставалось одно: отправиться на іезуитскую улицу, въ домъ подъ № 1966²/₄ и

увѣдомить Маргариту о странномъ опредѣленіи судьбы и полиціи, по второму онъ долженъ вступить немедленно въ исполненіе обязанностей ея отсутствующаго мужа,—само собою разумѣется, только по отношенію къ вѣнскимъ условіямъ супружескаго сожителства.

Собственно говоря, что же оставалось дѣлать и Маргаритѣ?

Вникнувъ въ сущность дѣла, обѣ стороны пришли къ заключенію, что противодѣйствовать опредѣленіямъ судьбы и цесарско-королевской полиціи—значило бы бунтовать противъ логическаго порядка дѣлъ и противъ законной власти, и что необходимо примириться съ тѣмъ, чего нельзя измѣнить. Съ одной стороны, панъ Артуръ, *post tot discrimina*, не могъ не сознаться, что лучше же ему сдѣлаться образцовымъ мужемъ, счастливымъ отцомъ и мирнымъ обладателемъ каменнаго дома и двухъ помѣстій, нежели быть поселенцемъ гдѣ-нибудь въ отдаленной губерніи. Съ другой стороны, Маргарита уже годъ назадъ усматривала въ Артурѣ поразительное сходство съ своимъ мужемъ; въ настоящее же время, когда почти несомнѣннымъ становилось извѣстіе, что Генрихъ Шелищевскій, напрасно стараясь сорвать въ Монако банкъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ—не было никакого логическаго основанія колебаться въ выборѣ ему преемника. Нужно было только слѣдить зорко, чтобы интернированный Артуръ въ точности подчинился распоряженію власти и не убѣждалъ бы какъ-нибудь изъ Львова, пока не снято будетъ осадное положеніе.

Извѣстно, что оно превращено было только въ апрѣлѣ 1865 г. Но еще до этого времени удалось какъ-то пану и паннѣ Шелищевскимъ выхлопотать заграничный паспортъ. Прибывъ въ Монако и констатировавъ на мѣстѣ фактъ исчезновенія Шелищевскаго № 1 изъ этой юдоли *трантъ-каранта* и рулетки, паннѣ Шелищевская, предъ лицомъ правъ божескихъ и человѣческихъ, сдѣлалась Кувельскою, а Артуръ—законнымъ ея супругомъ, въ силу акта, совершившагося въ маленькой церкви капуциновъ, въ городкѣ Роккабрунѣ, принадлежавшемъ нѣкогда княжеству Монако.

Въ качествѣ правдиваго историка, я долженъ былъ бы здѣсь сказать, что если мой герой, послѣ тѣхъ горькихъ неудачъ, жертвою которыхъ онъ сдѣлался въ Цевковицахъ, питалъ еще какія-либо попопзновенія къ женитьбѣ, то намѣренія его склонялись скорѣе на сторону Целины... Но съ тѣхъ поръ, какъ цесарско-королевская полиція передала его въ руки Маргариты—не могло быть и рѣчи о личныхъ его желаніяхъ и намѣреніяхъ: Марга-

рита сама все за него дѣлала и предпринимала. Артуръ двигался, говорилъ, дѣйствовалъ, повертывался направо и налево, садился и вставалъ—только по волѣ Маргариты. Когда она порѣшила, что нужно отправиться за границу—Артуръ тоже сталъ утверждать, что за-границу съѣздить нужно; когда она заявила желаніе отослать Целину къ какой-то тетѣ—онъ сталъ доказывать совершенную необходимость отослать ее къ тетѣ; когда же она велѣла ему надѣть фракъ и идти въ церковь къ вѣнцу—онъ повиновался безъ малѣйшаго противорѣчія и позволилъ себя обвинять безропотно. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что Артуръ можетъ послужить образцомъ всѣмъ мужьямъ и что пани Маргарита, заполучивъ третьяго мужа, держитъ возжи супружеской колесницы въ опытной и энергической рукѣ!..

По снятіи военнаго положенія, счастливая чета поселилась въ деревнѣ, потому что ничто такъ не портитъ молодыхъ мужей—по мнѣнію Маргариты, какъ постоянное пребываніе во Львовѣ. Общество мужчинъ—куда еще ни шло, но женщины, по общему мнѣнію, чрезвычайно опасны. Даже въ деревнѣ прекрасный польскій совершенно изгнанъ изъ общества Кукельскихъ, и если Артуръ, дѣлая по сосѣдству неизбежныя визиты, сталкивался иногда съ дамами и дѣвицами, то не иначе, какъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ и бдительною опекой заботливой своей жены. Целина вовсе не показывалась уже въ домѣ своей мачихи. Говорятъ, что въ бумагахъ мужа Маргарита нашла какую-то фотографію, подавшую будто бы поводъ къ страшнѣйшей супружеской бурѣ... Но людскіе языки часто болтаютъ зря, а я по принципу воздерживаюсь отъ повторенія всякихъ сплетенъ, особенно въ печати. Говорятъ даже, что Артуръ, для разнообразія, готовъ былъ бы, съ радостью, теперь удрать хоть въ отдаленную губернію, но—это опять-таки едва ли справедливо.

И находятся еще люди, которые осмѣливаются утверждать, будто мы не дюбимъ «эмигрантовъ» и гонимъ ихъ изъ Галиціи!..

Е. Л.

АНГЛІЯ

и

ЕЯ ВИДЫ НА РОССІЮ

въ XVI-мъ вѣкѣ.

По новымъ документамъ.

Въ 1858 году, въ Лондонѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ документами британскаго музея, относящимися къ исторіи первыхъ сношеній Англіи съ Россіей. Я руководился при этомъ указаніями, заключающимися во 2-мъ томѣ изданныхъ А. И. Тургеневымъ въ 1842 году «Актвъ историческихъ, относящихся къ Россіи, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ и библиотекъ». Я нашель, однако, что Тургеневъ далеко не исчерпалъ запасъ любопытныхъ документовъ по этой части, которые находятся въ собраніи рукописей сэра Роберта Коттона (въ британскомъ музеѣ), не воспользовался ни одною изъ имѣющихся въ немъ подлинныхъ грамотъ нашихъ царей, и не всегда руководствовался лучшими списками съ англійскихъ документовъ. Впрочемъ, не всякій даже англичанинъ можетъ свободно разбирать англійскія рукописи XVI столѣтія: онѣ написаны шрифтомъ, подходящимъ къ готическому, съ употребленіемъ извѣстныхъ сокращеній (подъ титлами) и съ ореографіею до того своеобразною и причудливою, что нерѣдко, разобравъ даже всѣ составныя буквы какаго-нибудь слова, приходится задумываться надъ его значеніемъ. Мнѣ пришлось потому начать съ того, чтобы ближе освоиться съ палеографическими особенностями англійской скорописи

XVI вѣка и, научившись свободно читать тѣ рукописи, которыя уже были напечатаны въ сборникахъ Гаклюйта и Тургенева, въ трудахъ Гаклюйтова общества (издаваемаго записки Флетчера и Горсея) и въ англійскомъ переводѣ сочиненія нашего академика Гамеля: «*Tradescant der Aeltere*» (England and Russia),—присутствовать къ снятію копій со всѣхъ документовъ. Вскорѣ однако же я убѣдился, что, для полноты труда, необходимо получить доступъ въ лондонскій королевскій архивъ. Мои личные отношенія облегчили мнѣ этотъ доступъ, и я былъ первымъ изъ русскихъ допущенъ къ просмотру русскихъ дѣлъ въ лондонскомъ архивѣ (State Paper Office). Чтобы дать понятіе объ историческихъ сокровищахъ, которыя въ нихъ содержатся, достаточно будетъ сказать, что дѣла эти заключаютъ не только наказы гонцовъ, и посланниковъ англійскихъ, но также и донесенія толмачей при нашихъ посланникахъ о содержаніи наказовъ, данныхъ этимъ послѣднимъ при отправленіи ихъ изъ Россіи; толмачи были почти безъ исключенія слугами англійскаго общества купцовъ, торговавшихъ съ Московіею, и поэтому считали себя обязанными указывать англійскимъ дипломатамъ, какія именно изъ посольскихъ требованій необходимо удовлетворить и въ какой мѣрѣ ихъ слѣдуетъ удовлетворить.

Послѣднее время своего пребыванія въ Лондонѣ (1859 г.) я посвятилъ на копировку этихъ документовъ, и ихъ собралось у меня значительное количество за періодъ времени съ перваго прибытія англичанъ въ Россію до царствованія Алексѣя Михайловича влючительно. Они были пополнены потомъ документами, списанными мною въ музеѣ Ашмола въ Оксфордѣ, а впоследствии и въ московскомъ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Имѣя въ виду въ непродолжительномъ времени приступить къ полному изданію собранныхъ мною такимъ образомъ документовъ за первыя сорокъ лѣтъ, отъ прибытія Ченслера въ Холмогоры (1553) и до принятія англійскихъ гостей въ Россію подъ личное покровительство Бориса Ѳедоровича Годунова (1593), я намѣренъ въ настоящей статьѣ познакомить читателей съ тѣми новыми историческими данными, которыя заключаются въ тѣхъ документахъ; они бросаютъ во многихъ случаяхъ новый свѣтъ на первыя наши сношенія съ Англіей и значительно дополняютъ то, что было извѣстно до сихъ поръ. Изъ 82 документовъ, которые войдутъ въ составъ предполагаемаго мною изданія, *тридцать-семь* не были еще напечатаны ни въ одномъ ни англійскомъ, ни русскомъ сочиненіи.

I.

Въ половинѣ шестнадцатаго вѣка въ Англіи замѣтили, что запросъ на англійскіе товары и произведенія значительно уменьшился; что то, за чѣмъ въ прежнее время сосѣдніе имъ народы прѣзжали въ Англію, сбывается по низкой цѣнѣ, даже когда привозится на продажу въ страны сосѣднихъ народовъ; напротивъ, мѣстный запросъ на иностранные товары постоянно увеличивается и цѣны на нихъ неизмовѣрно поднимаются. Торговые люди Англіи начали обсуждать средства къ отвращенію такого упадка торговли и остановились на мысли, что имъ слѣдуетъ, по примѣру испанцевъ и португальцевъ, искать новыхъ источниковъ къ обогащенію, открытіемъ новыхъ странъ и учрежденіемъ новыхъ торговыхъ сношеній. Послѣ многихъ совѣщаній съ находившимся въ то время въ Лондонѣ знаменитымъ Себастьяномъ Каботомъ, по его совѣту, было рѣшено снарядить эскадру для отысканія и открытія на сѣверо-востокѣ пути къ новымъ и невѣдомымъ дотолѣ народамъ. Для снаряженія этихъ кораблей постановлено было составить общество, каждый членъ котораго долженъ былъ внести не менѣе 25 фунт. стерл. Скоро собрано было 6 тыс. фунтовъ, и на нихъ куплены, исправлены и снаряжены три корабля: главнымъ начальникомъ надъ ними былъ назначенъ «честный и достойный мужъ» сэръ Югъ Виллогби; главнымъ кормчимъ—Ричардъ Ченслеръ.

Такова сущность разсказа Клемента Адамса о началѣ и учрежденіи англійскаго «общества купцовъ, искателей открытія странъ, земель, острововъ, государствъ и владѣній неизвѣстныхъ, доселѣ не посѣщаемыхъ морскимъ путемъ». Та же мысль лежитъ въ основѣ грамоты Эдуарда V-го, разукрашенной отвлеченными разсужденіями о томъ, что торговлею исполняется завѣтъ Бога Всеблагого и Всемогущаго, данный людямъ «стремиться и желать, да ищетъ каждый вступить въ общеніе съ другими, любить и взаимно быть любимымъ, оказывать благодѣянія и взаимно принимать благодѣянія».

Главнымъ руководителемъ новаго предпріятія былъ Кабота— въ то время одинъ изъ ученѣйшихъ представителей космографіи, науки, которая съ открытіями Колумба и Васко-де-Гамы была ниспровергнута съ своихъ прежнихъ основаній, и искала новыхъ для себя данныхъ. Страсть къ морскимъ путешествіямъ, кромѣ врожденнаго стремленія всѣхъ поморянъ къ морю, поддержива-

лась тогда возвращавшимися съ дальняго запада мореплавателями, которые, вездѣ встрѣчая почетъ, платили за оказываемое имъ гостепріимство разсказами иногда и сказочными, а иногда и въ точности своей похожими на сказки, о всемъ ими видѣнномъ, слышанномъ, испытанномъ... Самыя разсказы о лишеніяхъ, ими претерпѣнныхъ, объ опасностяхъ, которымъ они подвергались, разжигали въ молодежи, ихъ слушавшей, жажду удали, ревность къ подвигамъ, любопытство чрезъ то же пройти и то же испытать.

Если не предположить въ этомъ случаѣ участія наклонности къ приключеніямъ въ англійскомъ народѣ и научной пытливости образованныхъ сословій, то трудно было бы объяснить, что въ числѣ первыхъ учредителей общества встрѣчаются и имена первыхъ сановниковъ: лорда казначея маркиза Винчестера, лорда дворецкаго графа Арёнделя, лорда хранителя государственной печати графа Пемброка, главнаго адмирала лорда Гоуарда Эф-фингемскаго и друг.; трудно такъ же понять, какъ рѣшились 126 человекъ отправиться, сами не зная куда, въ какія-то страны, къ какимъ-то народамъ. Наконецъ, можно ли допустить мысль, чтобы въ послѣднихъ предсмертныхъ мученіяхъ голода и холода, изнемогающею рукою Виллогби сталъ заносить свои научныя наблюденія, еслибы имъ руководила одна корысть прибыли, а не страстная любовь къ наукѣ, не жажда познаній для себя, не жертвованіе собою для добытія знаній своимъ соотечественникамъ.

11-го мая 1553 года, снаряженные корабли вышли изъ Темзы. Имена ихъ были: «Благая Надежда», адмираль сэръ Югъ Виллогби; «Эдуардъ Благое Предпріятіе», главный кормчій Ричардъ Ченслеръ; «Благое Упованіе», швиперъ Корнилій Дёрфуръ. Постоянно задерживаемые вѣтрами около береговъ Англій, въ концѣ іюня они должны были отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія плыть сперва къ берегамъ Шотландіи и рѣшились взять направленіе прямо на востокъ. 14-го іюля они приплыли къ острову Гельголанду; оттуда, поднявшись на сѣверъ, 2-го августа были въ виду Вардегууса, но за вѣтрами не могли войти въ его гавань. Виллогби успѣлъ только назначить эту гавань сборнымъ мѣстомъ, на случай если корабли будутъ разсѣяны бурей: вслѣдъ затѣмъ набѣжавшій шквалъ оправдалъ его предвидѣніе — когда шквалъ миновался, Ченслеръ потерялъ изъ вида «Благою Надежду» и «Благое Упованіе», вошелъ въ Вардегуускую гавань и, напрасно прождавъ ихъ тамъ цѣлые семь дней, рѣшился пуститься въ дальнѣйшій путь. 24-го августа онъ присталъ къ устью Двины, близъ монастыря св. Николая, и узналъ отъ нагнанныхъ имъ рыбаковъ, что онъ во вла-

дѣвнѣхъ царя московскаго. «И царя и великаго князя прикатики, холмогорскіе выборные головы: Филиппъ Родіоновъ, Фотанъ Макаровъ съ Холмогоръ писали къ царю и великому князю въ Москвѣ, о приходѣ отъ англискаго короля Едварта посла Рыцарта и съ нимъ гостей». Въ октябрѣ корабль Ченслера, по ихъ распоряженію, введенъ на зимовье въ Унскую губу, а 23-го ноября, по государеву указу, Ченслеръ отпущенъ съ гостями въ Москву.

Прибытіе Ченслера въ Москву случилось въ самую свѣтлую эпоху жизни Іоанна, когда онъ только-что вышелъ побѣдителемъ изъ конечной борьбы съ Казанью и вынесъ изъ многотруднаго похода славное имя покорителя царства Казанскаго; когда окруженный синелитомъ доблестныхъ «стратилатовъ», какъ называютъ ихъ Курбскій, онъ могъ предвидѣть легкое покореніе царства Астраханскаго, и надѣяться на укрощеніе крымцевъ; обезпечивъ себя со стороны татаръ, окруженный искренней любовью народа, онъ могъ въ обширномъ, истинно государскомъ умѣ своемъ — наслѣдіи своего соименника дѣда, помышлять о совершеніи начатаго дѣдомъ великаго дѣла строенія и образованія своего царства. Огромны были богатства московскія, многочисленны рати, собиравшіяся по слову царя; храбро стояли онѣ въ полѣ, мужественно выдерживали онѣ осады сидѣнья; но не могъ не сознавать царь, что не совладать ему ни со шведомъ, ни съ меченосцами, ни съ поляками и литовцами, пока у него не будетъ «размысловъ хитрыхъ, навичныхъ къ градскому разоренію», строителей, «которые могутъ дѣлать крѣпости, башни и дворцы»; онъ не хуже польскаго короля зналъ, что ему нужно «и оружіе доселѣ ему неизвѣстное, и мастера, и художники»; что доселѣ его побѣждаютъ только потому, что онъ невѣжественъ въ въ художествахъ и незнакомъ съ политикою; — и онъ жаждалъ сближенія съ Западомъ! Но Западъ для него былъ закрытъ: ревнивымъ окомъ слѣдилъ его непримиримый врагъ — сосѣдь, король польскій, чтобы немногіе, отваживающіеся переѣхать за литовскій рубежь, нѣмецкіе купцы не ввозили въ Москву никакихъ товаровъ, могущихъ послужить во вреду Литвы и Польши, и не привозили въ Россію людей, могущихъ способствовать въ увеличенію ея могущества. Напротивъ, король употреблялъ купцовъ этихъ для лазутчества, и по пересылкамъ ихъ зналъ о томъ, что дѣлалось и что замышлялось на Москвѣ.

Этимъ объясняется та ласка, съ какою Іоаннъ принялъ привезенную ему Ченслеромъ грамоту Эдуарда, та готовность, съ которою онъ «Рыцарта и гостей английскія земли пожаловалъ, въ

свое государство Россійское съ торгомъ изъ-за моря на корабляхъ имъ велѣлъ ходить безопасно, и дворянъ имъ покупать и строить невозбранно». Отпуская Ченслера, Іоаннъ увѣрялъ Эдуарда (въ то время уже умершаго) въ своемъ «сердечномъ и доброусердномъ», «съ благонамѣреніемъ дружественномъ желаніи», поручая Ченслеру «для лучшаго уразумѣнія» его грамоты «разумно повѣдать» о семъ желаніи.

15 марта (1554) Ченслеръ съ товарищами былъ отпущенъ изъ Москвы и, приѣхавъ на Двину, жилъ у корабля до весны и «отошелъ въ свою землю». По приѣздѣ же въ Англію составилъ «книгу о великомъ и могущественномъ царѣ (императорѣ) русскомъ и великомъ князѣ московскомъ и о владѣніяхъ, порядкахъ и произведеніяхъ сюда относящихся». Изъ этого сочиненія, написаннаго слогомъ, по своему времени весьма правильнымъ, видно, что Ченслеръ былъ человѣкъ образованный, наблюдательный и много видѣвшій (между прочимъ, одна бѣглая замѣтка указываетъ, что онъ видѣлъ французскій дворъ); нельзя не удивляться, какъ много собралъ онъ свѣдѣній о произведеніяхъ разныхъ частей Россіи, о рынкахъ, на которые они привозятся, о нравахъ, обычаяхъ, религіи, образѣ жизни, военномъ дѣлѣ, порядкѣ судопроизводства и проч. въ Россіи, гдѣ оставался не болѣе восьми мѣсяцевъ, не зная языка, и изъ этого времени едва ли пробывъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Москвѣ, гдѣ единственно и могъ найти иностранцевъ, знавшихъ какой-либо иной языкъ кромѣ русскаго. Впрочемъ, въ отношеніи наблюдательности всѣ первоначальныя извѣстія англійскихъ прикащиковъ московскаго общества поражаютъ всякаго, читающаго ихъ, мѣткостью и вѣрностью своихъ наблюдений: донесенія ихъ, не только свѣдомъ рѣчи, но и самымъ почеркомъ часто обличающія въ писавшихъ непривычку владѣть перомъ, иногда содержать въ себѣ замѣтки, драгоценныя какъ для исторіи торговли, такъ и для узнанія бытвой жизни Россіи времени царя Ивана Васильевича.

Между тѣмъ въ Архангельскѣ слѣдующею зимою заморскіе ворелы принесли чудную вѣсть: «нашли-де они на Мурманскомъ морѣ два корабля: стоятъ на якоряхъ въ становищахъ, а люди на нихъ мертвы; а товаровъ на нихъ связали много». Это былъ злополучный сэръ Югъ Виллогби съ своими товарищами (83 чел.). Разставшись у Вардегууса съ Ченслеромъ, онъ былъ занесенъ въ Бѣлое море и тамъ, войдя 14-го сентября въ губу, образуемую устьемъ рѣки Арзины, видѣлъ постепенное вымираніе своего экипажа отъ голода и холода: изъ собственноручной найденной при немъ записки было видно, что онъ былъ живъ еще въ ян-

варѣ мѣсяцѣ. По государеву указу, посланы были съ Холмогоръ лучшіе люди переписать и запечатать весь товаръ и привести его въ Холмогоры вмѣстѣ съ кораблями, и съ пушками и съ пищалями и со всей корабельною снастью.

Извѣстія, сообщенныя Ченслеромъ о приѣмѣ его въ Россіи и о дозволеніи царя англичанамъ вести торгъ съ его страной, имѣли послѣдствіемъ утвержденіе королевою Маріею и ея супругомъ Филиппомъ устава для «купцовъ, предпринимающихъ открытіе странъ, земель, острововъ и областей невѣдомыхъ и до ихъ предпріятія моремъ обыкновенно не посѣщаемыхъ». Хартія, содержащая этотъ уставъ, удостоена королевскаго утвержденія въ Вестминстерѣ, 6-го февраля 1555. Общество должно было состоять подъ главнымъ завѣдываніемъ правителя, каковымъ назначался Себастьянъ Кабота пожизненно, и 4-хъ консуловъ съ 24-мя помощниками, избираемыхъ на годовой срокъ. Обществу предоставлялось право дѣлать свои открытія по направленію на сѣверъ, сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ; употреблять королевскіе знамена, флаги и штандарты; завоевывать и принимать подъ королевскую англійскую державу всѣ языческіе города, укрѣпленія, селенія, острова и земли невѣрныхъ народовъ; отражать силою иноземцевъ, которые старались бы вредить ихъ плаванію или торговлѣ и сами ѣздить по открываемымъ ими морскимъ путямъ. Англичанамъ, не принадлежащимъ къ обществу, запрещалось также ѣздить или торговать тѣми путями безъ разрѣшенія общества, подъ страхомъ отобранія ихъ кораблей и товаровъ: причемъ половина отобраннаго имѣла поступить въ королевскую казну, а другая—быть отдана въ пользу общества.

Всѣ эти и еще нѣкоторыя другія привилегіи Марія и Филиппъ пожаловали обществу за себя, своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ.

1-го мая того же 1555 г. на торжественномъ собраніи общества было постановлено отправить Ченслера въ Россію на томъ же «Благомъ Предпріятіи» и съ нимъ послать для учрежденія торговли на мѣстѣ двухъ членовъ, Ричарда Грея и Георга Киллингворса; подъ начальствомъ же Ченслера отправлялся на кораблѣ «Филиппъ и Марія» агентъ Иванъ Брукъ, который долженъ былъ остаться въ Вардегуусѣ и стараться учредить тамъ мѣнковой торгъ для вывоза въ Англію сушеной рыбы, тюленьяго жира и другихъ произведеній рыболовства и, смотря по ходу мѣны, ожидать обратнаго проѣзда Ченслера изъ Россіи или прежде его возвратиться въ Англію.

Затѣмъ, всѣ отправлявшіеся въ путь были приведены надѣ

евангелиемъ въ присягѣ на вѣрную службу обществу, и Ченслеру, Грею и Киллингворсу были вручены королевскія грамоты въ царю (отъ 1-го апр. 1555 г.), писанныя на трехъ языкахъ: греческомъ, польскомъ и итальянскомъ.

Наказъ, данный обществомъ агентамъ, въ высшей степени замѣчательнъ своею отчетливостью, подробностію и предусмотрительностью: въ главныхъ чертахъ онъ заключался въ безусловномъ подчиненіи всѣхъ служителей общества агентамъ, которымъ предоставлялась полная власть наказывать ослушныхъ и нерадивыхъ, а если бы они признали нужнымъ, то даже и отдавать ихъ русскимъ властямъ для наказанія по мѣстнымъ законамъ. Подчиненіе было до такой степени полное, что запрещено было даже отлучаться на ночь изъ своего дома безъ особаго дозволенія агента. Мѣстные законы, какъ церковныя, такъ и гражданскія, велѣно было соблюдать строго, всѣ пошлины и подати платить исправно, вести себя добропорядочно и смиренно. Еслибы царь захотѣлъ присвоить себѣ или предоставить кому-либо одному право вести торговлю съ англичанами, то назначить возможно высшую цѣну за англійскіе товары и, наоборотъ, возможно низшую за русскіе, имѣя въ виду, что первоначальныя цѣны будутъ служить руководствомъ на послѣдующее время. Относительно свѣдѣній, собраніе коихъ, по мѣрѣ возможности, возлагалось на всѣхъ служащихъ, имъ поставлялось въ обязанность доносить обществу обо всемъ, что они узнаютъ: о нравахъ, обычаяхъ, приемахъ торговли русскихъ, о тѣхъ товарахъ, которые съ пользою для Англій могутъ быть вывозимы изъ Россіи и привозимы въ нее; о природныхъ произведеніяхъ страны; объ употребляемыхъ въ оной деньгахъ, вѣсахъ, мѣрахъ; о пошлинахъ, способахъ перевозки и проч.

Замѣчательно, между прочимъ, что ѣхавшіе въ Россію обязаны были внести въ общество денежные залого и свидѣтельства благонадежныхъ поручителей въ своемъ добромъ и честномъ поведеніи.

Попытка Брува завести торгъ въ Вардегуусъ, повидимому, не удалась: по крайней мѣрѣ Ченслеръ прибылъ къ пристани св. Николая съ обоими кораблями «Благимъ Предпріятіемъ» и «Филиппомъ и Маріею»; тамъ же засталъ онъ приведенные изъ Арвиной губы два корабля Виллогби: «Благую Надежду» и «Благое Упованіе», и узналъ, что ему не суждено передать первоначальному предпріятію порученіе общества: «что общество скорбитъ объ его долгомъ отсутствіи, желаетъ имѣть извѣстія о

немъ и его спутникахъ, обнять ихъ, свидѣться съ ними, принять ихъ какъ дорогихъ и возлюбленныхъ братьевъ».

Вслѣдъ за Ченслеровыми кораблями на Двинское устье прибыли «Голландскія и Брабантскія земли корабли, а на нихъ торговые иноземцы и съ русскими людьми торговали на Корельскомъ устьѣ по 95 (1587) годъ». Не видно, впрочемъ, чтобы до самага восшествія Елисаветы на престолъ, общество осмѣливалось приносить королевѣ Маріи жалобы на это нарушеніе ихъ привилегій подданными ея супруга Филиппа Испанскаго; за то жалобы эти не прекращаются во все правленіе Елисаветы, которая почти въ каждой изъ своихъ грамотъ въ Іоанну настаиваетъ на запрещеніи нидерландцамъ ходить торгомъ къ Бѣломорскимъ пристанямъ, которыя общество считало своимъ исключительнымъ достояніемъ.

Ченслеръ прибылъ съ Киллингворсомъ въ Москву 4-го октября, оставивъ Грея въ Вологдѣ. Черезъ десять дней они были милостиво приняты царемъ, который, по ихъ просьбѣ о пожалованіи имъ грамоты на повольный торгъ въ Россіи, поручилъ имъ передать свои требованія на письмѣ думному дьяку Михаилу Васильевичу Висковатову. Висковатовъ переговаривался съ ними весьма дружелюбно; совѣтовалъ учредить торгъ въ Холмогорахъ; но Киллингворсъ просилъ отложить этотъ вопросъ до времени, желая разузнать, какіе рынки будутъ для англичанъ выгоднѣе и гдѣ они будутъ менѣе зависѣть отъ русскихъ купцовъ, не безосновательно предполагая, что холмогорская торговля, какъ болѣе отдаленная отъ Москвы, должна быть сосредоточена въ рукахъ немногихъ. Результатомъ переговоровъ было пожалованіе обществу англійскихъ гостей царской грамоты на беспошлинную торговлю всякими товарами по всей Россіи. Споры между гостями и русскими купцами подлежали рѣшенію самого царя; въ случаѣ обвиненія гостя, товары и позитивы его не подлежали отбранію въ царскую казну, а отдавались агенту. Взаимные споры гостей между собою разбирались агентомъ, по требованію коего царскіе приказные люди должны были сажать виновныхъ въ тюрьму или доставлять агенту орудія для наказанія. Кромѣ того, царь повелѣлъ отдать Ченслеру Виллобьевы корабли со всѣмъ описаннымъ на нихъ товаромъ, и рѣшилъ отправить съ нимъ посломъ вологодскаго намѣстника, Осипа Григорьевича Непеку, который, получивъ отпускъ 25-го марта 1556 года, въ сопровожденіи 16 человекъ русскихъ, отправился въ Холмогоры и съѣхъ на Ченслеровъ корабль «Благое Предпріятіе»; на одномъ

изъ прочихъ трехъ кораблей поѣхало еще болѣе десяти человекъ русскихъ.

II.

Корабли пустились въ море 20-го іюля; они везли богатый грузъ: на «Благомъ Предпріятіи» было воска, тюленьяго жира, сала, мѣховъ, войлоковъ, канатной пряжи на шестьдесятъ тысячъ фунт. стерл.; на «Благой Надеждѣ» находилось все имущество Непеи, цѣнностію на шесть тысячъ фунт. стерл. Но изъ всѣхъ четырехъ кораблей только одинъ, «Филиппъ и Марія», прибылъ въ Лондонъ и то уже на слѣдующій годъ (18-го апр. 1557 г.); остальнымъ же тремъ,—именно тѣмъ, которые совершили первое плаваніе въ Бѣлое море,—не суждено было возвратиться къ берегамъ Англій. «Благое Упованіе», разбившись о норвежскія скалы, пошелъ ко дну со всѣмъ экипажемъ; «Благая Надежда» пропала безъ вѣсти; а «Благое Предпріятіе», послѣ четырехъ-сѣчнаго бурнаго плаванія, наконецъ, въ бурную ноябрьскую ночь вошелъ въ шотландскую губу, Петислего, чтобы тамъ разбиться о скалы. Ченслеръ, заботясь единственно о спасеніи посланника, погибъ самъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и съ болѣею частію своего экипажа; потонули и семь русскихъ изъ числа сопровождавшихъ Непею; изъ товаровъ то, что не потонуло, было разграблено прибрежными жителями такъ, что, несмотря на всѣ розыски, сдѣланные, по требованію Маріи, шотландскимъ правительствомъ, общество получило въ возвратъ не болѣе, какъ на 500 фунт. своихъ товаровъ.

Извѣстіе объ этомъ несчастіи, случившемся 7-го ноября, едва получено было въ Лондонѣ черезъ мѣсяць, 6-го декабря: немедленно были отправлены нарочные, чтобы снабдить Непею всѣмъ нужнымъ; слѣдствіе, розыски и другія подобныя промедленія еще болѣе, чѣмъ два мѣсяца задерживали его въ Шотландіи. Наконецъ, 18-го февраля 1557 г., онъ прибылъ въ Бервикъ—первое англійское укрѣпленіе на рубежѣ Шотландіи: отсюда начался ему самый почетный пріемъ, который сопровождался величайшею торжественностію, когда онъ приблизился къ Лондону: за 12 миль отъ столицы онъ былъ встрѣченъ отрядомъ 80 купцовъ, верхами, въ богатыхъ одеждахъ, съ золотыми цѣпами на груди; за 4 мили отъ Лондона ему былъ приготовленъ ночлегъ; на утро, 28-го февраля, ему былъ принесенъ въ даръ богато-убранный армакъ, и 140 купцовъ, членовъ московскаго общества, въ сопро-

вожденіи своихъ слугъ присоединились къ его шествію. На чертѣ города его привѣтствовалъ лордъ мэръ со всѣми старшинами въ алыхъ одеждахъ. Затѣмъ, Непея въѣхалъ въ Лондонъ верхомъ между вивантомъ Монтегю и лордомъ мэромъ, предшествуемый членами общества; весь этотъ конный поѣздъ замыкался отрядомъ слугъ общества также верхами. При вступленіи посланника въ приготовленное ему помѣщеніе, ему поднесены были дары королевскіе.

Король Филиппъ въ это время былъ во Фландріи: приемъ Непеи во дворѣ былъ отложенъ до его возвращенія: до того времени Непея показывали всѣ любопытные предметы въ Лондонѣ. Наконецъ, 25-го марта, въ самую годовщину своего отпуска изъ Москвы, онъ представлялся королевѣ и королю; затѣмъ, переговоры съ нимъ были поручены лорду епископу Илійскому и главному королевскому секретарю сэру Вильяму Нейту, которые съ величайшею похвалою отзывались о степенности, разсудительности и сановитости посланника. 23-го апрѣля, въ день св. Георгія, Непея имѣлъ отпускъ и прямо изъ дворца былъ приведенъ въ Вестминстерскій соборъ, гдѣ на особо для него приготовленномъ сѣдалищѣ, присутствовалъ при торжественномъ богослуженіи, по случаю праздника ордена Подвязки. Въ заключеніе, 29-го апрѣля, ему данъ былъ въ залѣ суконнаго цеха роскошный ужинъ. 3-го мая онъ отправился въ Гравенендъ, гдѣ сѣлъ на корабль «Примрозъ»; корабль этотъ считался адмиральскимъ во флотиліи, состоявшей еще изъ трехъ кораблей; капитаномъ на немъ былъ Антонъ Дженкинсонъ. Лидо это слишкомъ замѣчательно, чтобы не упомянуть о предшествовавшей его службѣ.

Изъ сохраненной Гаклюйтомъ автобіографической его записки видно, что Дженкинсонъ началъ свои путешествія 2-го октября 1546 г.; въ теченіи десяти лѣтъ, предшествовавшихъ поступленію его на службу общества, онъ проѣхалъ Фландрію, Нидерланды, ѣздилъ черезъ Германію въ Италію, оттуда черезъ Пьемонтъ во Францію, былъ въ Испаніи и въ Португаліи, плавалъ по Средиземному морю, посѣтилъ острова Родосъ, Мальту, Сицилію, Кипръ, Кандію и друг., объѣзжалъ всю Грецію, большую часть Турціи, былъ въ Малой Азіи, на Ливанѣ, въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ, видѣлъ побережия города Африки: Алжиръ, Триполи, Тунисъ и проч., и проч., и проч. Свидѣтельствомъ его ума и его наблюдательности остались многочисленныя его замѣтки, встречающіяся въ отчетахъ объ его путешествіяхъ; а за его умѣнье вести переговоры ручается успѣхъ его въ сношеніяхъ съ разными владѣтелями Каспійскаго побережья и югозападной Азіи,

основаніе торговли Англійи съ Персіей черезъ Россію и, наконецъ, настоятельное требованіе, выраженное во многихъ грамотахъ царя Ивана Васильевича, чтобы Елисавета прислала говорить съ нимъ о *государскихъ дѣлахъ* именно *Антоня Янкина*, а не кого-либо иного.

Корабли прибыли къ пристани св. Ниволая 12-го іюля, Непея съ тѣми англичанами, которые были имъ наняты въ Лондонѣ на службу царскую, отправился въ Москву 20-го числа, немедленно по выгрузкѣ предметовъ, купленныхъ имъ въ Англійи для царской казны; но Дженкинсонъ выѣхалъ въ Холмогоры не прежде, какъ когда всѣ привезенные на корабляхъ англійскіе товары были выгружены, а заготовленные русскіе товары нагружены на корабли и затѣмъ самые корабли отправлены обратно въ Англію. Въ Холмогорахъ и въ Вологдѣ онъ также дѣлалъ довольно продолжительныя остановки, знакомясь съ ходомъ торговли, такъ что въ Москву онъ пріѣхалъ лишь 6-го декабря. Ласково принятый царемъ, онъ прожилъ въ Москвѣ всю зиму и сумѣлъ снискать отъ царя такое благоволеніе, что когда имъ была заявлена просьба о дозволеніи ѣхать для открытія новыхъ торговыхъ путей за Волгою, то царь не только на это соизволилъ, но велѣлъ ему ѣхать изъ Нижняго Новгорода до Астрахани съ вновь назначеннымъ въ Астрахань воеводой, а на дальнѣйшій путь приказалъ снабдить его охранными грамотами на имя разныхъ владѣтелей, чрезъ области которыхъ ему могло случиться проѣзжать.

Изъ Москвы Дженкинсонъ выѣхалъ 23-го апрѣля 1558 г., въ Астрахань пріѣхалъ 14-го іюля. Маршрутъ его по Волгѣ весьма любопытенъ: въ него поденно записаны мѣста, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ. Между прочимъ, онъ пишетъ, что въ это самое время почти все Ногайское побережье совершенно обезлюдѣло: междоусобныя войны, голодъ, моръ истребили большую часть ногайскихъ ордъ, остальные ногайцы потянулись къ Астрахани, надѣясь тамъ найти себѣ пропитаніе, но, прогнанные оттуда, гибли отъ голода въ такомъ огромномъ числѣ, что берега Волги около города были покрыты горами мертвыхъ и смердящихъ тѣлъ.

10-го августа Дженкинсонъ, первый изъ англичанъ, выкинулъ флагъ съ краснымъ крестомъ св. Георгія на каспійскихъ водахъ; съ нимъ было всего двое англичанъ; товаровъ везъ онъ съ собою такое количество; что впоследствии, для подъема ихъ, потребовалась тысяча верблюдовъ. Истинная цѣль его путешествія была, сколько можно догадываться, — открытіе пути въ сва-

вочный *Катай*. Онъ плылъ сперва на востокъ и, держась береговъ, наконецъ, вышелъ на землю, на Мангышлакскомъ полуостровѣ; здѣсь, навьючивъ товары свои на верблюдовъ, нанятыхъ у кочевыхъ туркменовъ, онъ началъ свои блужданія по степямъ туркменскимъ; послѣ мѣсячнаго похода, 14-го октября прибылъ въ Ургенджъ, 23-го декабря—въ Бухару, откуда выѣхалъ въ обратный путь, 8-го марта 1559 г., за нѣсколько дней до разграбленія Бухары владѣтелемъ самаркандскимъ. Послѣ шестинедѣльнаго перехода по песчанымъ пустынямъ, послѣ мѣсячнаго бурнаго плаванія по Каспійскому морю, 28-го мая, Дженкинсонъ съ своими товарищами прибылъ въ Астрахань, откуда отпущенъ подъ прикрытіемъ 100 стрѣльцовъ и, наконецъ, 2-го сентября, пріѣхалъ въ Москву, везя съ собою посланцевъ, отправленныхъ къ царю владѣтелями: бухарскимъ, балхскимъ и ургенчскимъ, и 25 русскихъ, вывезенныхъ имъ изъ плѣна туркменскаго. Пріѣздъ его былъ угоденъ царю; привезенные подарки: бѣлый буйволоный хвостъ и татарскій барабанъ—милостиво приняты. Товаровъ для общества привезено имъ 600 верблюжьихъ вьюковъ. Съ наступленіемъ весны, выждавъ въ Вологдѣ вскрытія рѣкъ, Дженкинсонъ, наконецъ, отправился въ Англію, послѣ четырехлѣтняго отсутствія. Въ Лондонѣ онъ представилъ королевѣ Елисаветѣ (въ его отсутствіе наследовавшей престолъ послѣ Маріи) привезенную имъ татарскую дѣвушку Ауру-султаншу.

Нельзя довольно дивиться отвагѣ Дженкинсона въ совершеніи этого путешествія: втроемъ, съ двумя своими соотечественниками, не зная языка тѣхъ странъ, куда отправлялся, не зная даже, куда онъ отправляется, десять мѣсяцевъ провелъ онъ, то странствуя по невѣдомымъ степямъ, окруженный хищниками, постоянно слѣдившими за его караваномъ, то проживая въ поселеніяхъ, среди этихъ самыхъ хищниковъ. Онъ вывелъ убѣжденіе, что торговля въ этихъ странахъ невозможна, но въ то же время развѣдалъ о томъ, какъ завести торговлю съ Персією, и представилъ обществу всѣ свѣдѣнія, какія только могъ собрать по этому предмету. Результатомъ его путешествія было рѣшеніе общества пригласить его на дальнѣйшее служеніе и поручить ему учрежденіе торговли съ Персією ¹⁾; за успѣхъ таковой торговли, повидимому, ручались и непрерывныя войны шаха Томаса (второго шаха изъ династіи Софіевъ) съ султаномъ Солиманомъ II,

¹⁾ Дженкинсонъ, при отправленіи Непеи изъ Англіи, началъ въ службу общества на четыре года (1556—1560), за ежегодное жалованье по 40 фунт. ст., т. е. около 300 рублей въ годъ.

которыя препятствовали привозу европейскихъ товаровъ въ Персію со стороны Турціи.

III.

14-го мая 1561 г. Дженкинсонъ вновь отправился въ Россію: онъ везъ съ собою грамоту Елисаветы къ Іоанну съ просьбою о пропускѣ его въ Персію, и другія ея грамоты, писанныя на латинскомъ, итальянскомъ и еврейскомъ языкахъ, на имя «могущественнѣйшаго и непобѣдимѣйшаго государя великаго Софія, повелителя персовъ, мидянъ, парянъ, гирканцевъ, варманійцевъ, марянъ, народовъ по сю сторону и по ту сторону рѣки Тигра и всѣхъ племенъ и обитателей между моремъ Каспійскимъ и Персидскимъ заливомъ». Общество, съ своей стороны, въ наказъ своемъ, поручая Дженкинсону стараться о проѣздѣ съ товарами въ Персію, Каспійскимъ ли моремъ или инымъ путемъ, предоставляло ему самыя неограниченныя полномочія: его усмотрѣнію предоставлялось опредѣлить количество товаровъ, которые онъ признаетъ нужнымъ взять въ Персію, и тѣхъ, которые онъ сочтетъ за лучшее продать въ Россіи; при невозможности ѣхать въ Персію и невыгодности цѣнъ, даваемыхъ въ Россіи, онъ могъ направить товары въ Польшу или какимъ-либо способомъ въ Константинополь. Ему предоставлялось также, по своему выбору, поднести царю драгоценности изъ особаго сундука, отъ котораго ему былъ врученъ ключъ. Онъ могъ исправлять недостатки, которые найдеть въ счетоводствѣ и веденіи торговли агентовъ. При этомъ—все съ мыслію объ открытіи сѣверо-восточнаго проѣзда въ Китай, ему поручалось послать особое лицо, изъ служителей общества, для изслѣдованія пролива около Новой Земли.

20-го августа Дженкинсонъ пріѣхалъ въ Москву и просилъ дьяка доложить царю объ его пріѣздѣ. «Но его высочество былъ занятъ великими дѣлами: онъ готовился вступить въ бракъ съ княжною Черкесскою, Магометова закона (Марією Темгрюковною), и повелѣлъ, чтобы нѣсколько времени никакой чужестранецъ, ни посланникъ, ни иной, не былъ къ нему допускаемъ; кромѣ того, онъ повелѣлъ, чтобы *въ продолженіи трехъ дней, пока будетъ праздноваться это торжество, городскія ворота оставались запертыми, и чтобы никто ни иноземецъ, ни русскій (кромѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ его двора) не выходилъ во время сего торжества изъ своего дома: причина такового повелѣнія неизвѣстна и по сей день*».

Дженкинсонъ не сразу получилъ разрѣшеніе ѣхать въ Персію: отказъ его сообщить грамоту Елисаветы на предварительный просмотръ, прежде личнаго поднесенія ея царю, вызвалъ нерасположеніе дьяка посольскаго приказа (Висковатова), и слѣдствіемъ этого было объявленіе Дженкинсону, что ему пропуска въ Персію дать нельзя, потому будто бы, что царь воюетъ съ черкесами. Дженкинсонъ уже потерялъ-было всякую надежду и распродалъ въ Москвѣ часть товаровъ, назначенныхъ для Персіи. Но Непея дружелюбно вступился за него и успѣлъ примирить его съ дьякомъ, который тогда только и доложилъ царю ходатайство Дженкинсона. Дженкинсонъ получилъ опасныя грамоты не только къ шаху, но и къ разнымъ другимъ владѣтелямъ и, какъ онъ пишетъ, сверхъ того, получилъ отъ царя нѣкоторыя важныя порученія. Одновременно съ нимъ отпущенъ изъ Москвы персидскій посланникъ, съ которымъ онъ весьма подружился во время плаванія до Астрахани, продолжавшагося цѣлыя шесть недѣль (съ 27-го апрѣля до 10-го іюня). Изъ Астрахани онъ отправился на двухъ стругахъ съ 50-ю стрѣльцами, которые проводили его до Дербента.

Странствованія Дженкинсона въ Персію и обратно не относятся къ предмету настоящей статьи: достаточно будетъ сказать, что въ Казвинѣ (столицѣ шаха Томаса), онъ былъ принятъ весьма недружелюбно и, напротивъ, снискалъ личную пріязнь Абдул-хана, владѣтеля Ширванскаго (или, какъ онъ его называетъ, царя Гирванскаго), который далъ англичанамъ жалованную грамоту на повольный и безпошлинный торгъ въ Ширванѣ и Шемахѣ¹⁾.

Одно обстоятельство, о которомъ нельзя умолчать, было посѣщеніе Дженкинсона уже на обратномъ его пути изъ Персіи, въ Шемахѣ, какимъ-то армяниномъ; армянинъ этотъ былъ отправленъ къ нему отъ грузинскаго царя за совѣтомъ: какъ просить у царя Ивана Васильевича покровительства и защиты отъ нападений турокъ и персіянъ, постоянно грабившихъ и разорявшихъ Грузію. Опасаясь лазутчиковъ, которые бы могли разсорить его съ Абдул-ханомъ Ширванскимъ, Дженкинсонъ ограничился совѣтомъ обратиться съ этою просьбою къ царю чрезъ посредство его тестя, черкесскаго князя Темгрюка.

¹⁾ Послѣ Дженкинсона были отправлены туда еще пять транспортовъ съ англійскими товарами; но убіеніе прикащиковъ, частое разграбленіе товаровъ и самая невѣрность и ненадежность уплаты въ этой торговлѣ, представлявшей опасности и на сухомъ пути, и на морѣ, и на самой Волгѣ, имѣли послѣдствіемъ совершенное ея прекращеніе въ 1581 г.

Дженкинсонъ возвратился въ Москву 20-го августа 1563 г.: царь былъ весьма доволенъ отчетомъ объ его путешествіи, объявилъ, что употребить его на дальнѣйшія сношенія и, въ знакъ своей къ нему милости, далъ новую жалованную грамоту англійскимъ гостямъ. Около года пришлось Дженкинсону оставаться еще въ Россіи и уже, при отплытіи прибывшихъ по весѣмъ кораблей, онъ 9-го іюля 1564 г. отправился въ обратный путь въ Англію, изъ которой выѣхалъ за три года передъ тѣмъ.

IV.

Можно догадываться, что труды, подъятыя Дженкинсономъ въ томъ путешествіи, были вознаграждены принятіемъ его въ число членовъ купеческаго общества: по крайней мѣрѣ въ первой пожалованной послѣ того царемъ грамотѣ (1567 г.), его имя стоитъ въ числѣ именъ тѣхъ англійскихъ гостей, которымъ она была пожалована. Во всякомъ случаѣ, какъ только представилась необходимость обратиться съ ходатайствомъ къ царю, выборъ общества вновь палъ на Дженкинсона, который 4-го мая 1566 г. опять отплылъ изъ Англіи въ Россію. Поводомъ къ его отправленію на этотъ разъ послужили весьма потревожившіе общество слухи, что нѣкій итальянецъ, Рафаэль Барберини, поселившись въ Россіи, старается вредить англійской торговлѣ, внушая царю, что товары, привозимые англичанами, не суть англійскіе и могутъ быть гораздо выгоднѣе приобретаемы изъ первыхъ рукъ отъ голландцевъ и нѣмцевъ. Данное Дженкинсону порученіе—требовать высылки Барберини и недопущенія никакихъ иноземцевъ къ устью Двины, было тѣмъ затруднительнѣе, что Барберини былъ принятъ царемъ по привезенному имъ письму отъ самой Елисаветы, у которой онъ его выманить подъ предлогомъ, что ѣдетъ въ Россію для взысканія долговъ съ разныхъ англичанъ, тамъ пребывающихъ. Дженкинсонъ исполнилъ это порученіе съ совершеннымъ успѣхомъ, и, сверхъ того, испросилъ у царя новую жалованную грамоту, по которой всякому, англичанину ли или иноземцу, не принадлежащему обществу, запрещался пріѣздъ въ устья Двины, въ Холмогоры, въ Колу, въ Мезень, въ Печенгу, на Соловецкіе острова, въ Печору, на Обь,—даже въ Вардегуусъ. Обществу же не только подтверждалось владѣніе даннаго ему въ Москвѣ двора «у Максима Святого за торгомъ» (на Варварѣ) и разрѣшалось учредить свои склады на Двинѣ, въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани,

Астрахани, Новгородѣ Великомѣ, Псковѣ, Ругодиѣ (Нарвѣ) и Юрьевѣ Ливонскомѣ (Дерптѣ), но, сверхъ того, предоставлялось беспошлинно провозить товары въ Шемаху, въ Бухару и въ Чагатай, т.-е. Самаркандѣ (*Чадаи*—откуда и пресловутый *Катаи*).

Разгадку такой готовности Иоанна слѣдуетъ, кажется, искать въ тогдашнемъ состояніи его духа: со времени брака его съ черешенкою начался тотъ дикій, необузданный разгулъ его страстей, который вродилою чертою выдѣляетъ его царствование въ бытописаніяхъ Россіи; напрасно дѣлать его казни на эпохи—сплошнымъ, вродивымъ потокомъ заливають онѣ послѣднія двадцать лѣтъ его жизни, по временамъ служивая, но ни на минуту не прекращая своего бурнаго теченія. Едва ли проходитъ день безъ пытокъ и казней: въ нихъ однихъ онъ видитъ залогъ своей безопасности отъ измѣны, которая всюду ему чудится; всѣ заботы его устремлены на охраненіе своего здоровья, на скопленіе себѣ богатствъ, на сооруженіе твердынь для храненія ихъ, на подборъ вокругъ себя такихъ людей, для которыхъ единственнымъ оплотомъ отъ ненависти народа была бы невредимость грознаго властителя. Вотъ почему Дженкинсонъ на пути въ Москву видитъ, какъ 10 тысячъ рабочихъ спѣшатъ сооруженіемъ неприступныхъ твердынь въ Вологдѣ. Вотъ почему въ Москвѣ онъ застаётъ и все царство и самую столицу раздѣленными на «земщину» и «опричнину». Вотъ почему царь, самъ сознавая, какъ нестерпимо его мучительство для его народа, являетъ угодливость во всѣмъ просьбамъ Елисаветы и заискиваетъ ея доброжелательства на случай, если бы «по тайному ли заговору, по вѣршней ли враждѣ онъ былъ вынужденъ покинуть Россію» и искать у нея, единственной своей союзницы, убѣжища для себя и для своей семьи.

Предположеніе это объясняетъ многое: становится понятнымъ, почему Иоаннъ въ грамотѣ, посланной съ Дженкинсономъ, требуетъ присылки архитектора, который умѣетъ строить крѣпости, башни и дворцы—онъ соорудитъ для царя безопасное жилище; доктора и аптекаря—они будутъ блюсти его здоровье; мастеровъ для отысканія золота и серебра—они увеличатъ его казну. Невольно представляется воображенію, какъ Иоаннъ, подъ покровомъ ночи, самъ, скрытыми переходами, вводитъ Дженкинсона въ свой теремъ и тамъ, въ присутствіи только одного своего совѣтника, черезъ толмача Рютгера, даетъ тайный наказъ о предложеніи Елисаветѣ союза дружбы, но союза такого, чтобы врагъ одного изъ нихъ былъ врагомъ другого, чтобы невзгода каждаго была бы невзгодою обоихъ, чтобы если одинъ покинеть свое го-

сударство, то государство другого было бы для него открыто, какъ свое собственное владѣніе.

Съ этимъ порученіемъ Дженкинсонъ былъ отпущенъ въ Англію тою же осенью, вѣроятно черезъ Литву, потому что въ ноябрѣ того же 1567 г. онъ уже письменно изложилъ его въ Лондонѣ: царь спѣшилъ—онъ требовалъ отвѣта въ Петрову дню (29-го іюня), слѣдовательно, съ весенними кораблями.

Но въ расчетъ Елисаветы не могло входить заключеніе наступательнаго и оборонительнаго союза съ Іоанномъ: ожидать отъ Россіи помощи въ своихъ войнахъ съ католическими державами она не могла; вступать въ борьбу съ враждебными Россіи Польшею и Швеціею было также противно выгодамъ Англіи. Россія была для Англіи не государствомъ, имѣющимъ какое-либо политическое значеніе, а не болѣе какъ выгоднымъ торговымъ рынкомъ, на которомъ сбывались издѣлія англійскія и откуда получались сырыя произведенія, необходимыя для поддержанія англійской промышленности. Назначенный царемъ срокъ миновалъ, а отвѣта на посланное имъ предложеніе ему дано не было: онъ оставался даже въ неизвѣстности, выполнилъ ли Дженкинсонъ данное ему порученіе.

V.

Тѣмъ временемъ для англійскаго общества купцовъ, торгующихъ съ Московіею, возникла важная опасность—утратить свое до сихъ поръ безраздѣльное господство въ русской торговлѣ: съ уничтоженіемъ ордена меченосцевъ, владѣнія его распредѣлились между королями шведскимъ и польскимъ, и упрочилось за царемъ владѣніе восточныхъ частей Эстляндіи и Лифляндіи. Еще дѣдъ Іоанна, основаніемъ Ивангородской крѣпости, отдѣленной только рѣкою отъ города Нарвы, указавъ на то значеніе, которое онъ придавалъ господству надъ этой мѣстностью, предоставившею Россіи пристань на Балтійскомъ морѣ; съ приведеніемъ подъ власть Россіи западной окраины Волхова, Пейпуса и Нарвы открывалась для Іоанна возможность учредить безопасный торговый путь изъ Пскова и изъ Новгорода въ Нарву и, ставъ твердою ногою на Балтійскомъ побережьѣ, прорубить въ Европу то окно, которое открытъ суждено было Петру не ранѣе какъ черезъ полтора вѣка. Іоаннъ не только усвоилъ себѣ мысль великаго своего дѣда о важномъ значеніи Нарвы, но въ овладѣніи ею усмотрѣлъ еще возможность исправить огромную ошибку

этого дѣда, разореніемъ Новгорода уничтожившаго сношенія съ Ганвою. Іоаннъ вознамѣрился привлечь въ Нарву торговлю любчанъ и, соглашаясь, въ угоду Елисаветѣ, закрыть Бѣломорскія пристанища для всѣхъ иноземцевъ, кромѣ англичанъ, въ то же время открылъ въ Нарвѣ торгъ всѣмъ иноземцамъ и по преимуществу любчанамъ. Московскій агентъ англійскаго общества также учредилъ тамъ свою контору; но посланные имъ туда приказчики Рюттеръ и Гловеръ, чрезъ посредство Чапеля, вступили въ прямыя сношенія съ англійскими купцами, принадлежавшими къ другому обществу англичанъ, торговавшихъ въ Любекѣ и въ Германіи, и такимъ образомъ способствовали подрыву Бѣломорскаго общества. Послѣднее взволновалось и спѣшило въ самомъ началѣ положить предѣлъ опасному совмѣстничеству: по его настояніямъ, вслѣдъ за возвращеніемъ Дженкинсона Елисавета послала въ Нарву гонцовъ Манлея (въ октябрѣ 1567) и Мидлтона (въ февралѣ 1568) съ требованіемъ схватить означенныхъ приказчиковъ и отправить ихъ въ Англію; но Іоаннъ особенно благоволилъ къ Рюттеру, бывшему переводчикомъ при Дженкинсонѣ, и къ Гловеру, также участнику «въ томъ дѣлѣ съ начала, какъ у царя съ королевною быти братству и любви»; Чапелъ также, съ опасностью жизни, исполнялъ разныя порученія царя въ Любекѣ; при томъ Манлей и Мидлтонъ, «обнявся гордостью, ни котораго отвѣту не учинили» о томъ, исполнилъ ли Дженкинсонъ царское порученіе? Оба гонца, равно какъ и третій—Гудманъ, по повелѣнію царя, были задержаны впредь до полученія отвѣта Елисаветы. Къ принятію этой мѣры побудили его и навѣты отложившихся приказчиковъ, увѣрявшихъ, что гонцы не имѣютъ никакого полномочія отъ Елисаветы, что грамоты, привезенныя ими, подложны и что они лазутчики короля польскаго, всячески старающагося препятствовать нарвской торговлѣ; послѣднее же могло казаться Іоанну тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что еще до пріѣзда Дженкинсона въ 1567 году, Сигизмундъ II, надѣясь возбудить подозрѣнія царя на англійскихъ гостей, подсылалъ подложныя отъ себя на ихъ имя благодарственныя грамоты, снаряжалъ въ Данцигѣ корабли для захвата судовъ, идущихъ къ Нарвѣ, убѣждалъ датчанъ и шведовъ не допускать этого плаванія и угрожалъ Елисаветѣ, что «лишить жизни, свободы, женъ и дѣтей» тѣхъ изъ ея подданныхъ, которые будутъ возить товары, оружіе, мастеровъ и художниковъ въ Нарву къ «москалю—этому не только временному недругу короны польской, но и истинному врагу всѣхъ свободныхъ народовъ».

Въ этихъ обстоятельствахъ Елисавета рѣшилась отправить

чрезвычайнаго своего посланника къ царю: для порученія этого она избрала одного изъ своихъ царедворцевъ, бывшаго уже въ посольствахъ, начальника почтъ Тому Рандольфа; главное его порученіе состояло въ томъ, чтобы съ помощью посланныхъ съ нимъ двухъ агентовъ возстановить порядокъ въ дѣлахъ торговыхъ и требовать высылки приказчиковъ, вредившихъ торговлѣ общества; о договорѣ союза онъ не долженъ былъ самъ заводить рѣчи; если же съ нимъ заговорятъ, то отвѣчать уклончиво, чтобы избѣгнуть приглашенія Англіи къ участию въ войнахъ Россіи съ Польшею и Швеціею; о тайномъ порученіи Дженкинсона велѣно объявить царю, что королева, зная могущество и мудрость царя, усумнилась въ достовѣрности словъ, переданныхъ Дженкинсономъ; что, впрочемъ, въ случаѣ непредвидѣннаго бѣдствія, царь будетъ дружески принять ея въ Англіи; съ своей же стороны она, упова на милость Божію, вполне увѣрена въ своей безопасности какъ отъ своихъ подданныхъ, такъ и отъ внѣшнихъ враговъ.

Въ грамотѣ своей къ царю Елисавета упоминала лишь о торговыхъ дѣлахъ; остальную часть своего наказа Рандольфъ долженъ былъ изложить словесно, избѣгая всякихъ письменныхъ документовъ.

Рандольфъ прибылъ къ пристани св. Николая 23-го іюля 1568 года, но въ Москву пріѣхалъ только 15-го октября: англичанамъ было запрещено его встрѣтить, его и его свиту не выпускали нигуда изъ отведеннаго имъ дома и никого не допускали къ нимъ; въ грамотахъ своихъ къ Елисаветѣ Іоаннъ объясняетъ это тѣмъ, что Рандольфъ не хотѣлъ совѣщаться съ боярами ни о какихъ дѣлахъ, прежде чѣмъ будетъ принять царемъ; но вѣрнѣе, кажется, предположить, что царь не хотѣлъ, чтобы посоль и посольскіе люди знали о томъ, что дѣлалось на Москвѣ, гдѣ въ это время происходили казни, неистовствовали опричники, лишался сана митрополитъ Филиппъ... Могли также вліять на царя и навѣты московскихъ приказчиковъ общества, которые, опасаясь обличенія своихъ злоупотребленій агентами, прибывшими съ Рандольфомъ, старались клеветать на посла, даже возбуждали подозрѣніе въ подлинности грамотъ, привезенныхъ имъ отъ королевы. Послѣдняя догадка подтверждается жалобою Рандольфа на то, что какъ письма, присланныя на его имя изъ Англіи, такъ и тѣ, которыя были имъ туда отправлены, были, по проискамъ и доносамъ Беннета и Рюттера, перехвачены въ Нарвѣ и переданы для перевода одному изъ главныхъ зачинщиковъ—Ральфу Рюттеру.

Впрочемъ, Іоаннъ въ послѣдующихъ своихъ письмахъ объяс-

няеть долгое непріятіе Рандольфа Божиимъ посѣщеніемъ — моровымъ повѣтріемъ.

Наконецъ, Рандольфъ 9-го февраля 1569 года былъ принять царемъ; но ему не было оказано обыкновеннаго посольскаго почета: часъ для пріема былъ назначенъ весьма ранній—8 часовъ утра; ни для него, ни для его свиты не было прислано лошадей, такъ что онъ принужденъ былъ занять верховую лошадь для себя, а свиту вести во дворецъ пѣшкомъ; по прибытіи въ посольскій приказъ, его заставили ждать тамъ цѣлые два часа, а по представленіи царю, онъ не удостоился приглашенія къ царскому столу.

Нѣсколько дней спустя царь потребовалъ его къ себѣ вечеромъ на совѣщаніе. Совѣщаніе это было обставлено большою таинственностію: присланный отъ царя бояринъ (внѣзь Вяземскій?) въ темную, холодную ночь самъ провелъ во дворецъ Рандольфа, переодѣтаго въ русское платье. Совѣщаніе длилось около трехъ часовъ и Рандольфъ возвратился домой только подъ утро. На другой день царь отправился въ Александровскую слободу и принялъ Рандольфа уже только въ началѣ апрѣля, но на этотъ разъ принялъ весьма милостиво, даровалъ англійскимъ гостямъ новыя привилегіи, разрѣшивъ имъ вести черезъ Россію торгъ съ Персіею, искать желѣзную руду въ Вычегдѣ и переплавлять монету въ Москвѣ, въ Новгородѣ и во Псковѣ; англичанамъ, заведшимъ отдѣльную отъ общества торговлю въ Нарвѣ, запрещено было ее продолжать и обществу предоставлено право захватывать иноземные корабли, которые стали бы ходить къ Бѣломорскому побережью, съ тѣмъ, чтобы половина добычи шла въ царскую казну. Но особенно замѣчательна статья жалованной грамоты, по которой англійскій дворъ въ Москвѣ изъ земщины передавался въ вѣдѣніе опричины. Соображеніе этого обстоятельства съ тѣмъ, что всѣ переговоры съ Рандольфомъ были ведены извѣстнымъ любимцемъ Іоанна, однимъ изъ главныхъ опричниковъ, княземъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, указываетъ, что Іоаннъ смотрѣлъ на сношенія свои съ Англіею не какъ на дѣло международное, но какъ на лично его и Елисаветы касавшееся.

Вручая Рандольфу эту грамоту, царь велѣлъ ему ѣхать за собою въ Вологду, объявивъ, что оттуда отпустить съ нимъ посланникомъ къ Елисаветѣ Андрея Григорьевича Совина. Отправленіемъ этого посла царь такъ торопился, что, на другой же день по отпускѣ Рандольфа въ Вологдѣ, Совинъ объявилъ Рандольфу

дольфу, что ему на отъѣздъ дано три дня, по истеченіи которыхъ его пожитки будутъ вывинуты.

Цѣль посольства Рандольфа, повидимому, была достигнута: общество англійскихъ гостей получило не только подтвержденіе, но и распространеніе своихъ повольностей; совмѣстничество иноземцевъ въ бѣломорской торговлѣ было устранено, подорваніе этой торговли тѣми англичанами, которые завели было собственный торгъ въ Нарвѣ, прекращено въ самомъ началѣ, и главный зачинщикъ этой торговой смуты — Гловерь, выданъ Рандольфу для отвѣта передъ обществомъ. Но требованіе Іоанномъ заключенія наступательнаго и оборонительнаго договора обозначилось настоятельнѣе, и хотя Рандольфу удалось устранивъ себя отъ заключенія такого договора, но онъ не могъ отговориться отъ отвоза въ Англію Совина, а Совину былъ данъ наказъ съ прописаніемъ условій, которыя должны были быть включены въ договоръ и въ которыхъ ему запрещено было допустить какія-либо измѣненія.

Требованія царя заключались въ томъ, чтобы Елисаветѣ и ему стоять за одно противъ обоюдныхъ враговъ; помогать другъ другу войскомъ, казною и всѣми военными потребностями, подданныхъ своихъ невозбранно допускать селиться въ обоихъ государствахъ и дозволить имъ вести торговлю, свободную отъ пошлинъ и отъ всякихъ ограниченій. Тайною статей оба государя должны были обязаться, въ случаѣ невзгоды одного изъ нихъ, дать союзнику убѣжище въ своемъ государствѣ. Договоръ долженъ былъ быть обоюдно уврѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ, выдачею грамотъ за государственными печатами и взаимною присылкою посланниковъ для присутствованія при крестномъ цѣлованіи. Посланникомъ отъ Елисаветы долженъ былъ быть Антонъ Дженкинсонъ и онъ долженъ былъ ѣхать въ Россію при обратномъ отъѣздѣ туда Совина.

Для совѣщаній съ Совинымъ Елисавета назначила довѣреннѣйшихъ своихъ сановниковъ — лордовъ своего тайнаго совѣта. Переговоры эти длились около года (съ іюля 1569 до мая 1570); но они не привели ни къ какому результату. Лорды объясняли, что королева, прежде чѣмъ вовлечь Англію въ войны царя съ его недругами, должна была убѣдиться въ справедливости поводовъ къ этимъ войнамъ и испытать успѣхъ своего посредничества въ устраненіи ихъ. Совинъ настаивалъ на дословной перепискѣ требованій царя, считая несообразнымъ съ достоинствомъ своего государя, чтобы правильность его дѣйствій была обсуждаема Елисаветой. — Елисавета надѣялась, что царь,

одумавшись, отказется отъ своихъ требованій, и когда, съ наступленіемъ весны, Совинъ настоятельно просилъ отпуска, отпустила его безъ Дженкинсона, въ то время (можетъ быть, и не безъ намѣренія) находившагося внѣ Лондона, и, снабдивъ его не договоромъ, а двумя грамотами: одною «обычною, какъ проѣзжею» (какъ называлъ ее въ послѣдствіи Іоаннъ), другою тайною, за своею подписью и собственною, малою, печатью. Первою, составлявшею отвѣтъ на явные предметы посольства Совина, она обязывалась блюсти союзъ съ Россіею, оказывая взаимную помощь противъ общихъ враговъ и предотвращая всякій вредъ, который кто-либо пожелалъ нанести Россіи, вторую, тайною—она обѣщала Іоанну съ семействомъ и приближенными убѣжище въ Англіи, на случай—еслибы «по тайному ли заговору, по внѣшней ли враждѣ»—онъ будетъ вынужденъ оставить Россію.

Подобный отвѣтъ не могъ удовлетворить Іоанна, достигшаго въ это время полного разгара того безпримѣрнаго въ исторіи тиранства, когда уже не поименно, не десятками, не сотнями, а болѣе чѣмъ тысячею вписывались въ синодики казнимыя по его повелѣнію жертвы ¹⁾. Неистовою бранью разразился онъ въ письмѣ въ Елисаветѣ, посланномъ вслѣдъ за возвращеніемъ Совина (24-го окт. 1570). «Мы думали, — пишетъ онъ, — что ты въ своемъ государствѣ государыня, что ты имѣешь государскую власть и заботишься о своей государской чести и о выгодахъ своего государства; поэтому мы и хотѣли дѣлать съ тобою дѣла по-государски. Но мы видимъ, что твоимъ государствомъ править помимо тебя люди, даже не то, что люди, но «мужики торговые», а ты какъ есть дѣвица, таеъ по дѣвичью и ведешь себя («а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая дѣвица»). Послѣ того намъ нечего продолжать съ тобою нашихъ сношеній: возврати намъ нашу жалованную грамоту; впрочемъ, если и не возвратишь ее—все равно уничтожаемъ и ее и всѣ прежнія ей подобныя грамоты. Посмотримъ, каково-то будетъ безъ нихъ тѣмъ «торговымъ мужикамъ», которые изъ-за своихъ торговыхъ прибылей пренебрегли нашею государскою честью и государственными выгодами. И безъ англійскихъ гостей Московское государство «нескудно» было».

Грамоту эту привезъ состоявшій на службѣ общества, бывшій при Совинѣ толмачемъ, Данило Сильвестръ. Но еще до его пріѣзда въ Лондонѣ получено извѣстіе, вѣроятно черезъ Нарву,

¹⁾ См. въ синодикѣ: „Помяни Господи души рабъ своихъ тысящу пятьсотъ пяти человекъ“ (Н. Устряловъ „Сказанія князя Курбскаго“, изд. 2-е. Спб. 1842; стр. 417).

что царь не только отнялъ повольности у англійскихъ гостей, но велѣлъ захватить всѣ ихъ товары и прекратить торговлю общества, не принимая никакихъ жалобъ гостей на неплатежъ имъ долговъ. Обществу грозила опасность лишиться выгодной торговли съ Россією, и видѣть прекращеніе только-что учрежденныхъ имъ сношеній съ Шемахою и Персією, черезъ которыя Англія имѣла надежду подорвать торговлю венеціанцевъ и португальцевъ съ востокомъ.

Недоумѣвая о причинахъ такихъ поступковъ царя, Елисавета послѣшно отправила къ нему гонцомъ Роберта Беста, прося объяснить, чѣмъ заслужили ея подданные такую опалу? Какъ видно изъ отвѣта Іоанна на грамоту, привезенную Бестомъ ¹⁾, Елисавета высказываетъ предположеніе, что царь прогнѣвался на то, что нанятые Совинимъ въ Англіи корабельные мастера не были отпущены изъ Англіи; что съ привезенныхъ имъ пожитковъ и товаровъ взята въ Англіи пошлина и что ему не оказано должнаго почета; и затѣмъ оправдывается въ этихъ, ею же высказанныхъ обвиненіяхъ. Но не на то гнѣвался Іоаннъ: о корабленникахъ ему «ручины не бывало», на пошлины ему никто не жаловался, а если Совину и было задержаніе въ переговорахъ и безчестіе въ кормахъ, не на то его гнѣвъ, а на то, что она не цѣловала креста на своей грамотѣ передъ Совинимъ и не учинила съ нимъ никакого договора. «И до тѣхъ поръ продолжится наша опала на твоихъ гостей,—пишетъ царь,— пока не пришлешь къ намъ своего посла (добраго человѣка) и съ нимъ Дженкинсона». И тутъ же въ концѣ грамоты добавляетъ: «и теперь дошелъ до насъ слухъ, что Дженкинсонъ къ намъ пріѣхалъ; и когда мы его выслушаемъ, то увѣдомимъ тебя о послѣдующемъ».

Дѣйствительно, во время написанія этой грамоты (въ августѣ 1571 г.), Дженкинсонъ уже былъ въ Холмогорахъ, откуда немедленно отправилъ Сильвестра въ Москву извѣстить царя о своемъ пріѣздѣ. Но на всѣхъ путяхъ къ Москвѣ были поставлены заставы по причинѣ морового повѣтрія и Сильвестръ за 90 верстъ до Вологды былъ задержанъ въ Шуйскомъ острогѣ, такъ что Дженкинсонъ цѣлые четыре мѣсяца не зналъ, что съ нимъ стало. Онъ рѣшился послать другого гонца окольною дорогою (вѣроятно черезъ Повѣнецъ на Новгородъ); но и эта попытка оказалась неудачною: гонецъ вскорѣ возвратился съ извѣстіемъ,

¹⁾ Грамоты этой я въ рукахъ своихъ не имѣлъ, но содержаніе ея подробно описано въ отвѣтной грамотѣ царя.

что, попавшись на заставу, едва избѣгнувъ опасности быть сожженнымъ вмѣстѣ съ своею лошадью (ибо такъ велѣно было поступать со всѣми, кто будетъ пытаться миновать сторожевыя заставы). До половины января пребылъ Дженкинсонъ въ Холмогорахъ, подвергаясь всякимъ обидамъ со стороны начальныхъ людей и получая отовсюду самыя тревожныя слухи: съ наложеніемъ царской опалы на англійскихъ гостей, все ихъ имущество, всѣ ихъ товары были отъ нихъ отобраны; имъ отказывали въ платежѣ должныхъ имъ денегъ; выстроенное въ Ярославлѣ судно для плаванія въ Шемаху, за находившимися тамъ приказчиками общества и за купленными ими въ Персіи товарами, было задержано въ Астрахани; наконецъ, въ самой Москвѣ, выжженной въ маѣ того года Девлетъ-Гиреемъ, сгорѣло товаровъ, сложенныхъ на англійскомъ подворьѣ, цѣнностію до 10 тысячъ рублей. Вѣроятно, доходили до Дженкинсона слухи и о томъ, что царю было не до заботъ не только о дѣлахъ англійскихъ «торговыхъ мужиковъ», но и объ устройствѣ своего государства, разореннаго голодомъ, моромъ, нашествіемъ крымцевъ. Сперва царь Ицанъ Васильевичъ отомщаль позоръ своего бѣгства передъ Девлетъ-Гиреемъ казнию тѣхъ бояръ, которыхъ обвинялъ въ призваніи его; потомъ занялся смотринами себѣ невѣсты, изъ числа созванныхъ со всего государства красавицъ, леченіемъ избранной между ними Мары Собакиной, устройствомъ брачнаго съ нею торжества; наконецъ, сѣтованіемъ о преждевременной ея кончинѣ, сѣтованіемъ, сопровождавшимся, какъ бы въ тризну по ней, новыми казнями людей, обвиняемыхъ въ томъ, что они напустили на нее порчу!

Повидимому, казни эти успокоили Грознаго и вселили въ немъ убѣжденіе, что со смертію своихъ внутреннихъ супостатовъ онъ прочно утвердилъ свою личную безопасность; по крайней мѣрѣ, когда Дженкинсонъ былъ, наконецъ, допущенъ предстать предъ него въ Александровской слободѣ и потомъ, когда получилъ въ Старицѣ свой отпускъ, Иоаннъ объявилъ ему, что онъ на время отлагаетъ свои тайныя дѣла, т. е. переговоры о взаимной клятвѣ его и Елисаветы во всякое время дать другъ другу убѣжище. При этомъ царь объявилъ, что предастъ забвенію свое неудовольствіе на англичанъ, возвращаетъ имъ всѣ ихъ повольности и велитъ на будущее время давать имъ охранную стражу при плаваніи ихъ по Волгѣ для торговли съ странами за-каспійскими.

Пересматривая бумаги, касающіяся этого посольства Дженкинсона, нельзя не остановить вниманія на исполненномъ цар-

ственного достоинства отвѣтъ Елисаветы на уворъ царя, что, какъ настоящая дѣвица она дозволяетъ другимъ править своимъ государствомъ. «Никакіе купцы,—пишетъ она,—не правятъ нашимъ государствомъ; управляемъ мы имъ сами, и управляемъ, какъ причествуетъ дѣвѣ и королевѣ, Богомъ поставленной; и нѣтъ того государя, которому бы столь охотно повиновались подданные, какъ намъ; за что мы воздаемъ благодареніе Богу!» Не лишень достоинства и отвѣтъ Іоанна, когда, по его жалобамъ на поведеніе англійскихъ гостей, Дженкинсонъ просилъ его назвать имена виновныхъ. «Ты ихъ не узнаешь: я простилъ ихъ,—отвѣчалъ царь,—а что значило бы мое царское прощеніе, если бы я предоставилъ твоей королевѣ ихъ наказывать!»

Главная цѣль посольства Дженкинсона была такимъ образомъ достигнута: онъ восстановилъ бѣломорскую и за-каспійскую торговлю лондонскаго общества. Однако же вознагражденіе убытковъ хотя отчасти было обѣщано, но не послѣдовало. Притомъ обращеніе съ нимъ царя показываетъ большое измѣненіе въ презрѣніи къ нему благорасположеніи: изъ года, проведеннаго имъ въ Россіи (съ 26-го іюля 1571 до 23-го іюля 1572 г.), семь мѣсяцевъ былъ онъ продержанъ въ Холмогорахъ (до 18-го января), полтора мѣсяца въ Переяславль (съ 3-го февраля до 23-го марта); по принятіи его царемъ въ Слободѣ высланъ въ Тверь, гдѣ еще около двухъ мѣсяцевъ (до 13-го мая) безъ дѣла ожидалъ пріѣзда царя въ Старицу и на другой же день по полученіи отпуска отправленъ обратно въ Холмогоры. Въ Москву онъ не былъ допущенъ. Оставить Сильвестра въ Старицѣ для полученія новой жалованной грамоты, денегъ, должныхъ царемъ обществу, и англичанъ, которыхъ выдача, по требованію Елисаветы, была ему обѣщана, — не было ему дозволено, съ обѣщаніемъ, что и грамота, и деньги, и англичане будутъ сданы ему въ Вологдѣ. Посланный отъ него въ Новгородъ съ напоминаніемъ о семъ слуга не отпущенъ къ нему обратно; наконецъ, по жалобамъ его на какого-то царскаго чиновника Безсона, оскорблявшаго его (въ Холмогорахъ?), и въ его присутствіи бившаго англичанъ и поносившаго королеву, обѣщано наказаніе этого Безсона лишь подъ условіемъ, чтобы пріѣзжавшіе въ Нарву въ 1568 году гонцы королевы Манлей и Мидьтонъ были также наказаны.

23-го іюля 1572 г. Дженкинсонъ навсегда простился съ Россією. По прибытіи въ Лондонъ онъ представилъ отчетъ о своемъ посольствѣ и затѣмъ подалъ обществу записку, въ которой, изложивъ перечень своихъ двадцатипятилѣтнихъ странство-

ваній въ Европѣ, Азїи, Африкѣ и Россіи, онъ говоритъ въ заключеніе: «и нынѣ, утомленный и состарившійся, я намѣренъ отдохнуть въ своемъ домѣ, утѣшенный главнѣйше тѣмъ, что моя служба была достойно оцѣнена и вознаграждена ея величествомъ и другими, кому я служилъ».

VI.

За увольненіемъ Дженкинсона отъ службы обществу, переговоры съ царемъ были въ слѣдующіе годы поручаемы Данилѣ Сильвестру. Посланный къ царю въ 1573 году, онъ привезъ Елисаветѣ письмо отъ него, отъ 20-го августа 1574 г., съ извѣстіемъ, что царь вновь опалился на англійскихъ купцовъ по случаю открытія сношеній Тома Гловера и Ральфа Рюттера съ его недругомъ, королемъ польскимъ, и привазалъ по этому случаю захватить въ царскую казну всѣ товары, находившіеся въ англійской конторѣ въ Вологдѣ; гнѣвался онъ на нихъ и за то, что въ числѣ взятыхъ у шведовъ нашими войсками плѣнныхъ были шотландцы, которыхъ русскіе, какъ говорящихъ по-англійски, принимали за англичанъ. За то и привилегіи англійскихъ гостей были возобновлены уже не въ прежней силѣ и, вмѣсто прежней, совершенно безпошлинной торговли, имъ разрѣшено торговать лишь съ уплатою таможенныхъ пошлинъ, впрочемъ, на-половину меньшихъ противъ платимыхъ другими иноземцами. Но, по донесенію Сильвестра, главное неудовольствіе Іоанна заключалось въ томъ, что Елисавета не возобновляла прежнихъ съ нимъ переговоровъ и, по неумѣстной, какъ находилъ царь, горделивости, не хотѣла включить въ тайный договоръ условія о томъ, что и сама, на случай нужды, желаетъ имѣть убѣжище въ Россіи, а также и въ томъ, что она не изъявляетъ готовности утвердить тайный договоръ крестнымъ цѣлованіемъ, подписью членовъ своего совѣта и привѣщеніемъ большой государственной печати. Удовлетвореніе этихъ требованій, по словамъ Сильвестра, совершенно бы обезопасило положеніе англійскаго общества въ Россіи и доставило бы великія выгоды его торговлѣ.

Справедливость указанія Сильвестра доказывается заключительными словами привезенной имъ грамоты царя (20-го августа 1574 г.). «А если захочешь отъ насъ бѣльшей къ себѣ любви и дружбы, то обдумай и исполни то дѣло, которымъ можешь увеличить свою любовь къ намъ».

Елисавета была крайне изумлена этими требованіями царя,

который еще за два года передъ тѣмъ, въ послѣдній къ нему прїѣздъ Дженкинсона, повидимому, совершенно отъ нихъ отказался. По опыту зная, чего могутъ ожидать ея подданные отъ самовластиа Іоанна, она опасалась его раздражить, но въ то же время сдѣлала послѣднюю попытку уклониться отъ прямого исполненія его желаній. Попытка эта выразилась въ новой послылѣ къ царю Сильвестра, наказъ коего написанъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Сильвестру было поручено объяснить, что королева прежде всего заботилась о соблюденіи тайны своихъ переговоровъ съ царемъ: поэтому она и не могла ни учинить крестнаго дѣлованія, ни приказать привѣсить государственную печать къ своей грамотѣ, ибо, по установленіямъ королевства Англіи, какъ то, такъ и другое требуетъ участія столькихъ сановниковъ, что соблюденіе тайны послѣ сего будетъ невозможно; что допускать подписаніе совѣтниками грамотъ, подписанныхъ королевою, по англійскому обычаю, было бы несомнѣнно съ государскимъ достоинствомъ. Но замѣчательнѣе всего изложеніе отказа Елисаветы на требованіе царя, чтобы она, подобно ему, просила на случай нужды убѣжища въ Россіи. «Вы объясните царю, — наказываетъ она Сильвестру, — что подобная просьба съ нашей стороны подаетъ нашимъ подданнымъ мысль, что мы имѣемъ поводъ чего-либо отъ нихъ опасаться; а таковой мысли для нихъ достаточно будетъ, чтобы дѣйствительно поставить насъ въ опасное положеніе. Не сомнѣваемся, что царь, оказывающій намъ столь великую дружбу, не захочетъ подать къ сему поводъ».

Сильвестръ засталъ царя Івана Васильевича въ ту невѣроятную эпоху его жизни, когда объявивъ касимовскаго царя Саинъ-Булата «великимъ княземъ Семіономъ Бекбулатовичемъ всеа Русіи» и называя себя и своихъ сыновей въ подаваемыхъ ему челобитныхъ московскими князьями: «Иванцомъ Васильевымъ съ дѣтишками съ Иванцомъ, да съ Ѳеодорцомъ», онъ проживалъ въ Москвѣ внѣ Кремля въ своемъ опричномъ домѣ, гдѣ и былъ принятъ Сильвестръ 29-го ноября 1575 г. «Ты видишь, — сказалъ ему царь, — какъ сбылись наши опасенія, побудившія насъ вести тайные переговоры съ нашею сестрою, королевною! Измѣны нашихъ подданныхъ довели насъ до того, что мы передали правленіе государствомъ чужеродцу! Зачѣмъ не согласилась она на наши предложенія: твердый взаимный союзъ упрочилъ бы нашу державу, и побудилъ бы насъ дать ея подданнымъ всякія повольности, какихъ бы только они могли пожелать. Неразумно поступила сестра наша, не принявъ наше предложеніе».

Но иначе заговорилъ царь два мѣсяца позже (29-го января 1576 г.), отпуская Сильвестра, послѣ того, какъ заключилъ дружественный договоръ съ присланными отъ Цезаря послами: рѣчь царя при этомъ случаѣ очевидно записана Сильвестромъ съ дословною точностью. Смысль ея таковъ: «Мы знаемъ, какъ велики выгоды, извлекаемыя англійскими гостями отъ повольностей, которыя имъ были милостиво пожалованы нами. Между тѣмъ не видимъ отъ сестры нашей никакой взаимности за нашу къ ней дружбу. Ни одно изъ нашихъ желаній не было ею исполнено. Даже нынѣ она неумѣстно возноится надъ нами и находитъ неприличнымъ для себя выразить намъ ту же просьбу (объ убѣжищѣ), съ какою мы къ ней обратились. Поэтому объяви ей, что мы требуемъ отъ нея безусловнаго согласія на наши предложенія. Отказъ ея будетъ имѣть послѣдствіемъ передачу всей торговли, которая теперь усугублена нами англичанамъ, въ руки венеціанцевъ и германцевъ, отъ которыхъ они получаютъ большую часть товаровъ, въ намъ привозимыхъ. Не думай, чтобы мы не были властны сіе учинить: правда, мы передали другому нашу державу; но мы можемъ, по своему произволу, вновь во всякое время ее воспріять: наши семь вѣнцовъ, нашъ свинцетръ, вся царская утварь, все царскія сокровища, вся казна государственная въ нашихъ рукахъ».

Елисавета видѣла, что невозможно было долѣе уклоняться, и спѣшила отправить обратно Сильвестра съ своимъ отвѣтомъ къ царю: но отвѣту этому не суждено было дойти до царя. По прибытіи въ Холмогоры, — пишетъ Горсей, — Данило Сильвестръ «сталъ пересматривать свои платья, собираясь вести къ царю грамоту королевы; портней только-что примѣрилъ на немъ въ одной изъ комнатъ верхняго жилища англійскаго подворья ивоную одежду изъ желтаго атласа и едва успѣлъ сойти съ лѣстницы, какъ ударила громовая стрѣла и убила Сильвестра на мѣстѣ, пройдя черезъ внутренней вѣртокъ его новаго платья и выйдя изъ правой стороны его тѣла. Молніей были также убиты находившіеся при немъ мальчикъ и собака, и въ одно мгновеніе сожжены его дарчигъ, письма и весь домъ. Царь былъ крайне пораженъ; когда онъ о семъ услышалъ, и сказалъ: да будетъ воля Божія!»

VII.

Въ слѣдующіе затѣмъ три года Іоаннъ, кажется, не имѣлъ никакихъ особенныхъ сношеній съ Англійей. Заботы о войнѣ съ Швеціей и въ особенности съ Польшей, повидимому, поглощали все его вниманіе: нужно было заботиться не столько о сохраненіи завоеваній въ Ливоніи, сколько объ охраненіи областей русскихъ уже Полоцкъ, Соколь, Нарва (Ругодивъ) съ Ивангородомъ были отвоеваны неприятелемъ; Великія Луи въ области нсковской, Яма (Ямбургъ), Копорье, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), Корела (Кевсгольмъ) въ бывшей Вотской пятинѣ прежней области новгородской—были отвоеваны врагами. Царь имѣлъ необходимость и необходимость неотложную въ боевыхъ припасахъ—мѣди, свинца, селитры, сѣры, пороха и проч. Съ требованіемъ о присылкѣ этихъ припасовъ Іоаннъ рѣшился отправить въ Елисаветѣ *корами*, т. е. сухимъ путемъ, одного изъ приказчиковъ общества, нѣкоего Еремѣя Горсея, который успѣлъ обратить на себя его вниманіе своею находчивостію и своими разсказами объ устройствѣ англійскихъ кораблей и ихъ вооруженіи. Горсей подвергался большой опасности: ему предстояло пробѣжать всю Ливонію и Курляндію, гдѣ его могли схватить поляки какъ русскаго лазутчика, Померанію и Мекленбургъ, гдѣ того же могъ онъ ожидать отъ шведовъ; не прежде, какъ по пріѣздѣ въ Любежь и Гамбургъ, могъ онъ считать жизнь свою въ безопасности. Въ такой мѣрѣ отчаянность его попытки была сознаваема самимъ царемъ, видно изъ того, что, по приказанію царскому, грамота Іоанна была вложена въ деревянную бѣлажку съ водою, которую онъ долженъ былъ держать спрятанною въ грибѣ своего воя. Послѣ разныхъ приключеній, Горсею удалось, однако же, достигнуть Гамбурга, откуда онъ прибылъ въ Лондонъ; вручилъ Елисаветѣ вынутую изъ бѣлаги грамоту и весною 1581 года привелъ въ Россію тринадцать судовъ, нагруженныхъ требованными царемъ припасами, цѣнностію всего на девять тысячъ фунтовъ стерл. Царь милостиво похвалилъ Горсея за успѣшное и скорое исполненіе порученія: отъ королевы же былъ онъ награжденъ возведеніемъ въ званіе ея тѣлохранителя (званіе, со- отвѣтствовавшее дворянскому). Съ этого времени Горсей присвоилъ себѣ первенствующее мѣсто въ средѣ англійскихъ гостей въ Москвѣ, которое, какъ видно, совершенно самопроизвольно продолжалъ занимать до самой кончины Іоанна, и позже, въ первые года царствованія Θεодора.

Въ слѣдующемъ 1582 году Іоаннъ отправилъ къ Елисаветѣ посла, дворянина Федора Андреевича Писемскаго и при немъ подъячаго Епифана-Неудачу Васильевича Ховраева. Имъ поручено было привести къ окончанію дѣло о союзѣ дружбы и любви и сватать за царя одну изъ родственницъ королевы: «внучку хантинскую» — Марію Гастингсъ, дочь графа Гонтиндонскаго. Англійскому толмачу Писемскаго, Эгидію Кроу, было кромѣ того, приказано тайно передать королевѣ, что царь имѣеть намѣреніе прибыть въ Англію.

Извѣстіе объ этомъ намѣреніи не оставалось тайною: народный голосъ приписывалъ его нѣмчину (Бомелію), за два года передъ тѣмъ зажаренному въ Москвѣ, лютому волхву, нарицаемому «Елисію», который, по словамъ псковскаго лѣтописца, «приведе царя на конецъ ¹⁾, еже обѣжати въ англійскую землю и тамо женитися». Съ болъшею еще подробностью говорить объ этомъ Горсей, прибывшій въ Россію въ 1572 году и съ того времени до 1591 года, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ поѣздокъ въ Англію, постоянно пребывавшій въ Москвѣ, имѣвшій доступъ въ царскому двору и лично извѣстный самому Іоанну: «Елисей Бомелій ввелъ царя въ заблужденіе, увѣривъ его, что англійская королева молода и что ему весьма возможно на ней жениться».

Какъ лѣтописное сказаніе, такъ и замѣтка Горсея относительно Бомелія опровергаются соображеніемъ чисель начала тайныхъ переговоровъ царя съ Елисаветою, приѣзда Бомелія въ Россію и обстоятельство жизни Іоанна. Записка съ изложеніемъ требованія Іоанна о клятвенномъ обѣщаніи ему убѣжища въ Англіи подана Дженкинсономъ въ ноябрѣ 1567 года; а Бомелій, содержавшійся за свои предсказанія въ тюрьмѣ, былъ отпущенъ изъ Англіи въ Россію по просьбѣ Совина, посланнаго царемъ къ Елисаветѣ для переговоровъ объ этомъ убѣжищѣ, только два съ половиною года спустя, въ маѣ 1570 года. Обманывать царя относительно лѣтъ и наружности королевы также едва ли могъ рѣшиться Бомелій: Совинъ нѣсколько разъ былъ ею принимаемъ и въ теченіи своего десятилѣтняго пребыванія въ Лондонѣ едва ли могъ не узнать, что Елисаветѣ въ то время было уже 37 лѣтъ и что она только тремя годами моложе царя. Притомъ

¹⁾ Т.-е. навелъ на мысль, какъ правильно напечатано въ Псковской Лѣтописи М. П. Погодина. М. 1837 г. стр. 209. Въ изданіи же Археографической Комиссіи (Поим. Собр. Лѣт. Слб. 1848 г. Т. IV, стр. 318) ошибочно напечатано: „наконецъ“ въ одномъ словѣ, что уничтожаетъ смыслъ всего предложенія.

начавшееся еще въ 1560 году сватовство на дочери Олгизмунда польскаго, продолжавшееся уже и по выходѣ ея въ замужество (въ 1562 году), окончательно прервалось по высылкѣ ея мужемъ, королемъ Іоанномъ шведскимъ, московскихъ пословъ въ іюль 1567 г., т.-е. за два мѣсяца до написанія (въ сентябрѣ) грамоты, посланныхъ съ Дженкинсономъ. Слѣдовательно, до сего отправленія Іоаннъ едва ли могъ думать о бракѣ съ Елисаветою. Невѣроятно также предполагать въ немъ эту мысль и по возвращеніи Совина изъ Англіи, потому что въ концѣ слѣдующаго 1571 года Іоаннъ вступилъ въ третій бракъ съ Маріею Собакиною, а по ея смерти, созвалъ соборъ для утвержденія своего четвертаго брака съ Анною Болтовскою. Затѣмъ и изъ всѣхъ переговоровъ царя съ Дженкинсономъ въ 1572 г. и съ Сильвестромъ въ 1574 и 1575 годахъ, видно, что Іоаннъ высказывалъ относительно Елисаветы раздраженіе, несовмѣстное съ мыслью о вступленіи съ нею въ бракъ.

На основаніи всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ данныхъ можно утвердительно сказать, что Іоаннъ имѣлъ мысль бѣжать въ Англію почти за три года до пріѣзда Бомелія, и что преданіе о сватовствѣ его на Елисаветѣ представляется совершенно безосновательнымъ.

VIII.

По пріѣздѣ своемъ въ Англію, Писемскій не могъ быть скорѣе принятъ королевою по причинѣ свирѣпствовавшей въ то время прилипчивой болѣзни, вѣроятно оспы, которою болѣла и избранная царемъ невѣста: осмотръ Маріи Гастингсъ, который былъ порученъ Писемскому, былъ отложенъ до совершеннаго ея выздоровленія; на снятіе съ нея портрета Елисавета не соглашалась до того времени, пока рябины, оставшіяся на лицѣ Маріи, не побѣлѣютъ и не произгладятся. Переговоры о союзѣ также шли весьма медленно по причинѣ неуступчивости посланника. Сама избранная невѣста, повидимому, не прельщалась предлагаемою ей будущностью и, хотя въ Англіи еще живы были современники шестибрачнаго Генриха VIII, но едва ли молодая англичанка могла плѣняться мыслью, что будетъ шестою или седьмою супругою 50-лѣтняго царя. Къ тому же во время пребыванія Писемскаго въ Лондонѣ пришло извѣстіе, что тогдашняя супруга Іоанна (Марія Нагая) разрѣшилась отъ бремени сыномъ (царевичемъ Димитріемъ). Наконецъ, назначенный для отправле-

ніи съ Писемскимъ, сэръ Вильямъ Россель не хотѣлъ ѣхать въ Россію. Между тѣмъ посланникъ скучалъ бездѣйствиємъ и съ наступленіемъ весны торопиль окончаніемъ порученныхъ ему дѣлъ: 18-го мая онъ былъ допущенъ видѣть невѣсту; 5-го іюня назначенъ посломъ къ Іоанну сэръ Еремѣй Баусъ, и двѣ недѣли спустя (21-го іюня), Писемскій съ Баусомъ отплыли въ Россію.

Баусу были даны самыя подробныя наказы: относительно союзнаго договора онъ долженъ былъ настоять на включеніи условія, чтобы одинъ союзникъ не былъ обязанъ вступать въ войну съ противникомъ другого, не истощивъ сперва всѣхъ усилій къ умирненію враждующихъ сторонъ; приемъ Баусъ долженъ былъ предложить посредничество королевы въ войнѣ царя съ королемъ шведскимъ, не принимая однако же на себя обязательства самому ѣхать въ Швецію и не откладывая изъ-за этого дѣла своего выѣзда изъ Россіи. Сватовство Маріи Гастингсъ Баусу было поручено отклонить сперва подъ предлогомъ нездоровья ея, а если царь будетъ настаивать, то по причинѣ несогласія ея сродниковъ на этотъ бракъ и невозможности королевѣ ихъ къ тому принудить. Въ случаѣ прибытія царя въ Англію, ему обѣщалось отъ королевы, что онъ будетъ принять съ тою ласкою, каковою можетъ ожидать любезный союзникъ и что для него будетъ сдѣлано все, что можетъ королева *при своихъ малыхъ средствахъ*. Главная цѣль настояній Бауса должна была заключаться въ подтвержденіи обществу всѣхъ его повольностей, исключительнаго права торговли въ Бѣломъ морѣ и свободы отъ всякихъ поборовъ.

О посольствѣ Бауса сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ: собственная его записка съ краткимъ отчетомъ объ его пребываніи въ Россіи — она исполнена самохвальства; представленныя имъ по возвращеніи въ Англію жалобы на претерпѣнныя оскорбленія — онѣ обличаютъ тщеславіе, придирчивость, склонность къ сплетнямъ; разсказъ объ его посольствѣ въ запискахъ Горсея, изъ которыхъ невозможно не вынести убѣжденія въ наглости и въ тщеславіи Бауса; и наконецъ официальные записи посольскаго приваза, неопровержимо доказывающія, что въ веденіи переговоровъ Баусъ безпрестанно путался въ своихъ отвѣтахъ, отрекался отъ собственныхъ своихъ словъ, и когда былъ уличаемъ, ссылался на недостаточность своихъ наказовъ. Онъ обвинялъ передъ царемъ думнаго дьява Щелкалова въ подкупѣ нидерландскимъ купцомъ де-Валемъ, чиновниковъ царскихъ въ невыдачѣ сполна отпускаемыхъ кормовъ, пристава, сопровождавшаго его изъ Холмогоръ, въ намѣреніи потопить его ладью. Не соглашаясь на перемѣну Марією Гастингсъ вѣры, онъ увѣрялъ царя, что

Елисавета можетъ предложить на выборъ десять другихъ невѣстъ, которыя и болѣе близки ей по родству и красотѣ по наружности, чѣмъ Марія, а на другой день въ отвѣтной палатѣ говорилъ, что такихъ увѣреній не дѣлалъ; когда же былъ уличенъ въ неправдѣ, то отзывался, что у него нѣтъ наваза называть этихъ невѣстъ, а что если Елисавета разрѣшитъ, то готовъ будетъ прислать царю ихъ портреты. Въ самый день представленія къ царю, Баусъ пошелъ въ Кремль пѣшкомъ оттого, что приведенная ему подъ-верхъ лошадь была, на его взглядъ, не столь хороша какъ, та, на которой сидѣлъ назначенный его сопровождать бояринъ. Наконецъ, при самомъ первомъ своемъ приемѣ царемъ, когда, по обычаю, посольскій дьякъ хотѣлъ взять отъ него грамоту Елисаветы, въ присутствіи царя, окруженнаго всѣмъ своимъ дворомъ, сталъ препираться о томъ, что королева не въ нему, Щелкалову, пишетъ. Въ личныхъ переговорахъ съ царемъ, выводилъ Иоанна изъ терпѣнія: на замѣчаніе царя, что онъ, Баусъ, не знаетъ посольскихъ обычаевъ, отвѣчалъ, что знаетъ и изучилъ ихъ на посольствѣ во Франціи; на упоминаніе царя объ императорѣ Римскомъ, о короляхъ французскомъ и испанскомъ—отвѣчалъ, что они не чета его государынѣ.

И между тѣмъ грозный царь Иванъ Васильевичъ не только терпѣлъ всѣ эти наглыя выходки Бауса, но ставилъ ихъ въ примѣръ вѣрноподданнической преданности и даже снисходилъ до извиненій передъ Баусомъ, когда не могъ воздерживать своего нетерпѣнія: однажды онъ назвалъ Бауса неучемъ, но въ тотъ же вечеръ прислалъ къ нему своего любимца Бѣльскаго для объясненій, изъ своихъ царскихъ рукъ избилъ Щелкалова и велѣлъ бросить въ тюрьмы чиновниковъ, на которыхъ жаловался Баусъ; другой разъ, въ порывѣ гнѣва, прогналъ Бауса изъ дворца: но вслѣдъ затѣмъ прислалъ удостовѣрить его, что переговоры не прерваны, увеличивалъ его кормы, соглашался на всѣ его просьбы, подтверждалъ и распространялъ, по его ходатайству, повольности англійскихъ гостей, громогласно, предъ своими боярами, объявлялъ ему, что если Елисавета не пришлетъ ему невѣсты, онъ самъ поѣдетъ за нею въ Англію. Понятно, сколько злобы навигло въ это время въ русскихъ къ ненавистному свату, который, въ своей кичливости, самъ хвалится въ своихъ запискахъ, что въ это время, кто только хотѣлъ милости у царя, искалъ знаковъ его, Бауса, вниманія.

Непродолжительно было самообольщеніе Бауса: 18-го марта 1584 г., распѣвая, по своему обычаю, веселыя пѣсни, царь Иванъ Васильевичъ, послѣ ванны сидѣлъ полуодѣтый на постели,

потребовалъ шахматы, началъ ихъ разставлять, но только-что хотѣлъ поставить короля, повалился навзничь въ обморогъ, которымъ и овончилось его царствованіе. Въ ту же ночь управление государствомъ перешло въ руки назначенныхъ имъ пѣстунами въ слабоумному сыну пяти боярамъ, а на утро во всѣ концы московскаго царства полетѣли гонцы съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ царя Теодора Ивановича. На самомъ же дѣлѣ захватилъ всю власть дядя его, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ: — ближайшимъ исполнителемъ его велѣній сдѣлался давнипшій недоброжелатель англичанъ и личный, непримиримый врагъ Бауса — думный дьякъ Андрей Щелкаловъ. — «Твой англійскій царь умер!» — прислалъ онъ сказать Баусу, велѣлъ оцѣпить его домъ, держать его со всѣми его слугами подъ строгимъ карауломъ и никого не допускать до какихъ-либо съ нимъ сношеній, закидывая грязью и камнями всякаго, кто посмѣетъ высунуть голову съ его двора.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ содержался Баусъ въ этомъ заточеніи, трепеща каждую минуту за свою жизнь; и опасенія его были небезосновательны: ожесточеніе противъ него было такъ велико, что, если вѣрить Горсею, въ пятичленной верховной думѣ вѣрникалъ вопросъ о преданіи его смертной казни и только представленія Горсея о томъ, что Елисавета не оставитъ его смерть неотомщенной, успѣли спасти ему жизнь. Наконецъ, черезъ девять недѣль вытребовали Бауса въ Кремль: въ Посольской палатѣ онъ былъ встрѣченъ Щелкаловымъ и его братомъ, которые объявили ему, что новый царь не намѣренъ продолжать переговоровъ, начатыхъ прежнимъ; несмотря на сопротивленіе Бауса, насильно отняли у него его шпагу, не дали ему даже накинуть епанчи, и потащили предъ царя, не допустивъ, чтобы его сопровождалъ толмачъ. Въ заключеніе, несмотря на его отказъ, ему вручили грамоту царя на имя королевы, и, подхвативъ подъ руки, вывели изъ палаты съ объявленіемъ, что на выѣздъ изъ Москвы ему дается трое сутокъ.

«Еще благодаря Бога», велѣлъ ему передать на другой день Щелкаловъ, «что не случилось съ тобою ничего худшаго: заупрямься ты идти къ царю — тебя бы изрубили на куски и выкинули бы за Кремлевскія стѣны!»

И болѣе благоразумнаго человѣка, чѣмъ Баусъ, могли бы вывести изъ терпѣнія подобныя поступки: онъ же кипѣлъ бѣшенствомъ бессильной злобы и въ то же время трепеталъ за свою безопасность; онъ велѣлъ было всѣмъ англійскимъ гостямъ выѣзжать изъ Москвы и провожать его до моря, но, разумѣется, его

не послушали. Горсей, однако же, проводилъ его до перваго привала, тайно вручилъ ему подарокъ (сорокъ соболей) отъ Бориса Феодоровича Годунова съ просьбою передать королевѣ увѣреніе въ его преданности и съ обнадеживаніемъ, что всѣ дѣла устроятся.

Наконецъ, послѣ долгаго пути до пристани Св. Николая, послѣ новыхъ (мнимыхъ или дѣйствительныхъ) оскорбленій отъ своего пристава (ничтожнаго сына боярскаго Никифора Суцова), 12-го августа 1584 г., едва ставъ на палубу англійскаго корабля, Баусъ отослалъ ему и царскую не содержавшую ничего важнаго грамоту и царскій поминокъ—три сорока соболей, «которые не стоили и 40 ф. ст. и дряннѣе конкъ не сыщешь во всей Москвѣ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ письмо, въ которомъ излилъ всю свою желчь на боярина Юрьева и на дьява Шелкалова, выразивъ надежду, что «Феодоръ, который, какъ онъ слышалъ, вѣнчался на царство, велить срубить головы съ плечъ этихъ двухъ самозванныхъ царей».

«Зачѣмъ было ему пріѣзжать сюда! Да помилуетъ насъ всѣхъ Господь!» писалъ лондонскому обществу англійскій холмогорскій приващикъ, посылая на томъ же кораблѣ, на которомъ ѣхалъ Баусъ, наскоро снятый списокъ съ его ругательнаго письма.

IX.

Со вступленіемъ на престолъ Феодора исчезло всякое иное вліяніе, кромѣ власти его знаменитаго шурина, многоумнаго Бориса, — который во всѣхъ современныхъ англійскихъ запискахъ величается *бояриномъ-покровителемъ*. Благорасположеніе Бориса къ англичанамъ и личная его пріязнь къ Горсею были всенародно заявлены въ самый день царскаго вѣнчанія (10-го іюня 1584 г.), когда, при возникшемъ въ царскихъ палатахъ спорѣ, кому изъ иноземныхъ гостей первому поднести царю подарки, Борисъ велѣлъ Брабантскому купцу де-Валю уступить первенство Горсею. Еще и прежде Борисъ оказывалъ Горсею милость: во время смятеній, послѣдовавшихъ въ Москвѣ за смертію царя Ивана Васильевича, по просьбѣ Горсея онъ приставилъ охранную стражу къ англійскому подворью, давалъ Горсею совѣты, какъ вести себя по отношенію къ Баусу во время содержанія этого послѣдняго подъ карауломъ, далъ ему свободный къ себѣ доступъ и проч. Судя по сохранившимся оффиціальнымъ запис-

такъ лондонскаго общества, Герсей часто употреблялъ такое до-
вѣріе во вредъ общества. Поводомъ въ тому были неустройства,
возникшія въ управленіи дѣлами общества въ Москвѣ.

До времени, пока единственнымъ морскимъ путемъ въ Россію
было плаваніе бѣломорское, бѣломорская торговля привнавалась
достояніемъ однихъ англичанъ и при томъ одного лондонскаго
т. н. московскаго общества; правда, приходили туда и корабли
<земли Брабантскія>, но плаваніе ихъ производилось какъ бы
тайномъ, и въ каждой кахованной грамотѣ царь подтверждалъ
за обществомъ исключительное право приходить въ бѣломорскія
пристани. Но, съ покореніемъ Нарвы, царь открылъ этотъ при-
морскій рынокъ для всѣхъ иностранныхъ гостей и черезъ Нарву,
вмѣстѣ съ любчанами и гамбургцами, проникли въ Москву ан-
глийскіе гости, не принадлежавшіе московскому обществу, а тор-
говавшіе въ Ганзейскихъ городахъ. Когда Нарва отошла отъ
Россіи, то нѣкоторые изъ этихъ гостей продолжали свой само-
стоятельный, отдѣльный отъ общества торгъ, провозя свои товары
сухимъ путемъ черезъ Литовскій рубежъ или, какъ говорится въ
тогдашнихъ грамотахъ, *черезъ горы*. Къ этимъ гостямъ присоеди-
нились впоследствии многіе приказчики общества, отказывавшіеся
отдавать отчетъ въ имѣвшихся у нихъ на рукахъ товарахъ и
въ полученныхъ за нихъ деньгахъ: въ особенности число этихъ
приказчиковъ увеличилось въ то время, когда царь Иванъ Ва-
сильевичъ, опалившись на *терроры мужиновъ* королевы Ели-
саветы, захватилъ ихъ товары, отнял ихъ повольности и запрети-
лъ принимать отъ нихъ какія-либо жалобы на неплатежъ имъ
долговъ. Баусъ успѣлъ было склонить его на восстановленіе ис-
ключительныхъ правъ общества: но кончина Иоанна уничтожила
все, чего Баусъ достигъ своими домогательствами, и все, что Ио-
аннъ отдавалъ на жертву покровительствуемому Елисаветою об-
ществу въ угоду ей и въ надеждѣ найти въ ней подобную же
угодливость по повѣду своихъ *великихъ государскихъ дѣлъ*—убѣ-
жища въ Англіи и женитьбы на англичанѣ. Позорно высланный
изъ Россіи, ознаменовавшій дерзостями отплытіе свое отъ рус-
скихъ береговъ, негодуя на агента общества за ослушаніе его
приказанія, чтобы всѣ англичане выѣхали за нимъ изъ Москвы,
Баусъ, по прибытіи въ Лондонъ, безъ сомнѣнія представилъ въ
самыхъ черныхъ краскахъ положеніе дѣлъ общества въ Москвѣ:
слѣдствіемъ сего было отправленіе въ томъ же году двухъ аген-
товъ для повѣрки счетовъ: Пивока въ Москву и Чаппеля въ
Казань; московскій агентъ Трумбуль выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу

въ Холмогоры и на время своего отсутствія передать московскую контору Горсею.

По прибытіи въ Москву, Пивокъ открылъ большія злоупотребленія: недостатокъ товаровъ, вымышленные счета, недочетъ суммъ; тоже нашелъ и Чапель въ Казани. Пивокъ рѣшился немедленно отправить донесеніе обществу; но, опасаясь, чтобы Горсей не получилъ о томъ извѣстія, онъ отправилъ это донесеніе съ довѣреннымъ приказчикомъ Горнби, котораго послалъ съ какимъ-то вунцомъ, ѣхавшимъ изъ Москвы въ Польшу. Горсей успѣлъ однако-же заблаговременно о томъ узнать и донесъ, что Пивокъ и Чапель сносятся съ Литвою во вредъ Россіи: Горнби былъ схваченъ, письма его переданы для перевода Горсею и Горсею сообщнику Маршу; послѣдствіемъ было преданіе Горнби пыткѣ на дыбѣ и огнемъ (отъ чего онъ потомъ умеръ) и заключеніе Пивока и Чапеля въ тюрьму.

Между тѣмъ, при посылкѣ гонцовъ съ извѣщеніемъ о восшествіи Θεодора на престоль, рѣшено было отправить гонца въ Елисаветѣ. Гонцами въ Англію посылались обыкновенно толмачи, знавшіе англійскій языкъ, и для того избирались преимущественно слуги общества, немедленно по приѣздѣ въ Лондонъ сообщавшіе обо всемъ происходившемъ на Москвѣ; это не могло входить въ расчеты Горсея и потому, вѣроятно по его указанію, на этотъ разъ былъ избранъ приѣзжавшій въ 1569 г. въ Лондонъ толмачомъ при Совинѣ, лифляндецъ Регинальдъ (Романецъ) Бекманъ, бывшій когда-то на службѣ общества; но впоследствии сдѣлавшійся сторонникомъ фламандцевъ и, слѣдовательно враждебный Англіи.

По возвращеніи своемъ въ Москву (лѣтомъ 1585 г.), Бекманъ жаловался на худой приѣмъ Елисаветы: говорилъ, что она безъ дѣла держала его съ марта по іюнь мѣсяць; что онъ три раза былъ въ ней приглашаемъ и принять только на четвертый разъ «въ капустномъ огородѣ, гдѣ съюютъ лукъ да чеснокъ»; что отпускъ ему данъ не самой королевой, а какимъ-то писцомъ, который поручилъ ему передать поклоны царю.

На самомъ же дѣлѣ, Елисавета, въ то время занятая смутами, возбуждаемыми Марією Стюартъ внутри королевства, подсылкою католическихъ эмиссаровъ изъ Рима, вѣстями о заготовленіи знаменитой «армады» въ Испаніи, не спѣшила приѣмомъ царскаго гонца, который не могъ отправиться въ Россію ранѣе лѣтнаго плаванія кораблей общества; но приняла его милостиво не въ огородѣ, какъ говорилъ Бекманъ, а въ паркѣ, куда допускались для бесѣды съ нею одни приближенные и отличенные

ею сановники; отпускъ Бекману чинилъ не писецъ, а государственный ея секретарь Вэльсингемъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ политическихъ дѣятелей ея правленія, столь справедливо прославленнаго мудростію своихъ политическихъ дѣяній.

Но дѣйствительно нельзя не предполагать, чтобы въ рѣчахъ она не высказала, хотя отчасти, того огорченія, которымъ отзывается посланная ею съ Бекманомъ грамота въ царю: да и трудно было надменной Елисаветѣ примириться съ мыслью, что ея посланникъ, представитель ея величества, могъ подвергнуться поруганію дьяка Щелкалова, что у него вырвали его шпагу, что его насильно тащили предъ лицо чужого государя и потомъ за руки выводили изъ дворца!

Х.

Вслѣдъ за возвращеніемъ Бекмана въ Москву (въ августѣ 1585 г.), съ отвѣтомъ царя на привезенную имъ грамоту королевы былъ посланъ Горсей. Для Горсея весьма важно было предупредить тѣ извѣстія, которыя должны были быть получены въ Лондонѣ объ его самовольствѣ и объ его злоупотребленіяхъ по управленію московскою конторою: поэтому, не ожидая весеннихъ кораблей, онъ отправился въ Ригу, гдѣ между прочимъ исполнилъ порученіе Годунова убѣдить вдову Магнуса (короля ливонскаго), дочь князя Владиміра Андреевича Старицкаго и, слѣдовательно, внучатную сестру царя, Евимію, возвратиться въ Россію; изъ Риги Горсей чрезъ Курляндію, Пруссію, Мекленбургъ и Померанію, прибылъ въ Гамбургъ, а оттуда моремъ въ Лондонъ. Повидимому онъ успѣлъ удовлетворительно объяснить положеніе дѣлъ обществу и внушить высокое понятіе о своемъ значеніи въ Россіи: послѣднее, впрочемъ, подерѣжлялось тайнымъ порученіемъ, даннымъ ему отъ Бориса Годунова, привезти изъ Англіи искуснаго врача и повивальную бабу. Борисъ въ то время, сознавая, что его власть зависитъ лишь отъ продолжительности жизни царя, заботился о продолженіи царскаго рода и, за долго до отъѣзда Горсея, говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ: по крайней мѣрѣ этимъ объясняется выраженіе въ сохраненной Горсеемъ запискѣ его отъ 15-го августа 1585 г. «По тому дѣлу, о коемъ мы въ послѣдній разъ совѣщались въ Троицынъ день, мы не сомнѣваемся, что ты о немъ поваботишься усердно и поступишь разсудительно относительно доктора Якоби, такъ, чтобы онъ пріѣзжалъ, *запасшись вѣсми нужнымъ*».

Грамота Елисаветы, привезенная Горсеемъ къ царю, написана въ самомъ примирительномъ духѣ: она какъ бы извиняется за Бауса, не знавшаго обычая являться предъ царемъ безъ оружія, въ первое время по кончинѣ его отца; проситъ снисхожденія за тайную посылку гонца на Литву, объясняя ее желаніемъ Пивова скорѣе доставить отчетъ обществу; ручается за то, что Чапфель не любчанинъ, а англичанинъ; проситъ царя снять съ ея гостей опалу и возвратить имъ всѣ ихъ повольности въ полномъ ихъ пространствѣ; но съ негодованіемъ отвергаетъ всѣ жалобы Бекмана на его приемъ въ Англію, называя ихъ клеветою.

По возвращеніи Горсея съ лѣтними кораблями велѣно было повивальную бабку задержать въ Вологдѣ: можно предполагать, что, неохотно допуская лекаря-иновѣрца до леченія, русскіе нашли бы слишкомъ большимъ соблазномъ допустить воспріятіе царскаго дѣтища повитухою-бусурманкою; во всякомъ случаѣ, она, послѣ содержанія въ Вологдѣ въ продолженіе цѣлаго года, была прямо оттуда отослана обратно въ Англію. Самъ же Горсей былъ принятъ съ прежнею милостію Годуновымъ и, получивъ для общества новую жалованную грамоту, въ августѣ слѣдующаго 1587 года вновь былъ отправленъ къ Елисаветѣ.

Но въ этотъ пріѣздъ Горсей уже не встрѣтилъ прежняго приема отъ общества: напротивъ, отъ него потребованъ былъ отчетъ въ его самовольныхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ пришли извѣстія въ Лондонъ; притомъ онъ узналъ, что для разъясненія настоящаго положенія англійскихъ дѣлъ въ Москвѣ туда назначается къ отправленію одинъ изъ королевинныхъ секретарей у принятія челобитныхъ, Эгидій Флетчеръ, и при немъ довѣренный отъ общества агентъ, Августинъ Фульксъ. Горсей рѣшился скрытно уѣхать изъ Лондона и отправился въ Россію. Но и здѣсь онъ нашелъ относительно себя совершенную переměну: причиною этой переměны былъ давнишній врагъ англійской торговли, думный дьякъ Андрей Щелваловъ, питавшій личную вражду къ Горсею за бранныя слова, которыми Горсей его по какому-то случаю оскорбилъ.

При самомъ началѣ учрежденія обществомъ торговли съ Персіею однимъ изъ приващивовъ по этой торговлѣ былъ нѣкто Антонъ Маршъ; вполнѣдствіи этотъ Маршъ воспользовался опалой Іоанна на общество, чтобы, не отдавъ своихъ отчетовъ, испросить себѣ отдѣльную привилегію на торгъ съ Сибирью и съ Астраханью; въ этомъ торгѣ, хотя и производившемся въ пользу обществу, принималъ участіе Горсей, посредствомъ кото-

раго Маршъ успѣлъ даже сдѣлать значительныя денежныя займы изъ царской казны и у Бориса Годунова. Вѣроятно въ послѣдствіи Горсей поссорился съ Маршемъ, котораго, какъ видно, не безкорыстно принялъ подъ свою защиту Щелкаловъ: по указанію сего послѣдняго, Маршъ переписалъ все свои личныя долги на имя общества: кабалы его (заемныя письма) были предъявлены во взысканію и, несмотря на указанія агентовъ, что Маршъ не только имъ не товарищъ, а еще ихъ должникъ и противникъ, Щелкаловъ обратилъ все взысканіе (на сумму болѣе 23 тысячъ рублей) на имущество общества, основываясь на данныхъ ему Маршемъ доказательствахъ, что онъ имѣлъ у себя въ товарищахъ между прочимъ Горсея въ то время, когда Горсей управлялъ англійскою конторою въ Москвѣ. Негодованіе англійскихъ гостей обращлось на Горсея, котораго единственнымъ покровителемъ остался Борисъ Годуновъ. Но и этотъ послѣдній не могъ принять его открыто подъ свою защиту, потому что Щелкалову удалось предъявить противъ Горсея два важныя обвиненія: собственноручное письмо, въ которомъ Горсей, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, подговаривалъ холмогорскаго агента снарядить корабли для захвата всѣхъ иностранныхъ судовъ, приходящихъ въ Бѣлое море; и показаніе англичанина — слуги Горсея, будто Горсей однажды сказалъ про Федора Ивановича: «не царемъ бы ему быть, а монахомъ!»

Едва ли, впрочемъ, не вліянію Бориса Федоровича слѣдуетъ приписать, что, прежде окончательнаго отобранія у англичанъ законфискованныхъ Щелкаловымъ товаровъ, рѣшено было отправить Марша съ гондомъ Бекманомъ въ Лондонъ, для пересмотра его дѣла совѣтниками Елисаветы. По странному совпаденію времени, случилось, что Бекманъ прибылъ въ Лондонъ 7-го сентября, а 17-го того же мѣсяца прибылъ въ Холмогоры посланникъ королевы, Флетчеръ; Бекманъ былъ принятъ Елисаветою 3-го ноября; Флетчеръ пріѣхалъ въ Москву 25-го ноября и принятъ царемъ 19-го декабря.

Отправленіе Флетчера въ Россію изъ Англіи произошло въ то самое время, когда совершалось величайшее событіе Елисаветина царствованія, истребленіе знаменитой *Необходимой Армады*, когда рѣшался вопросъ быть или не быть Англіи! 1) По-

1) Любопытно донесеніе о томъ Бекмана (оно было написано имъ по-нѣмецки и сохранилось въ современномъ русскомъ переводѣ): „А вѣстай довыкъ уздалъ я, что до моего пріѣзда, іюля 19-го, сюда приходили корабли испанскаго короля съ тѣмъ, чтобъ покорить англійскую землю, и они были разбиты и обращены въ бѣгство съ

нату, что въ виду всепоглощающаго интереса приготовленій къ отраженію испанцевъ, Елисавета, какъ сама сознавала въ послѣдствіи, хотя и повелѣла послать приличный подарокъ, но подарокъ, который былъ посланъ отъ ея имени, былъ дѣйствительно неудовлетворителенъ: онъ состоялъ, какъ видно изъ грамоты Бориса Федоровича на ея имя, изъ монетъ — «поминковъ золотыхъ и въ полъ-золотаго и въ четверть золотаго, и въ деньгу золотаго; поминковъ, какихъ прежде между ею и царемъ не бывало». Подарки эти, поднесенные Флетчеромъ царю, были на другой же день возвращены ему, а, по примѣру царя, и Годуновъ отказался отъ принятія тѣхъ подарковъ, которые были присланы ему королевою; кромѣ того, когда Флетчеръ вручилъ въ отвѣтной палатѣ письма королевы къ царицѣ Иринѣ и къ нему, Годуновъ оскорбился тѣмъ, что съ нимъ еще присланы были грамоты отъ совѣтниковъ королевы къ нему, Годунову, и къ дьяку Андрею Щелкалову. «Немалая поруха моему боярскому сану», писалъ онъ Горсею, «что королева и ея сановники писали мнѣ не пригоже, смѣшивая дьяка со мною». При такихъ обстоятельствахъ Флетчеру трудно было ожидать какого-либо успѣха въ своихъ переговорахъ, тѣмъ болѣе, что веденіе этихъ переговоровъ поручено было Щелкалову. Но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1589 г. прибылъ изъ Англіи гонецъ Митчель съ грамотою, въ которой Елисавета уже прямо обвиняла Щелкалова. Маршъ передъ ея совѣтниками и передъ правленіемъ общества былъ доведенъ до письменнаго признанія, что всѣ показанія его въ Москвѣ даны изъ страха и по принужденію Щелкалова, что Щелкалову хорошо извѣстно, что Маршъ вель особенный отъ общества торгъ,

великимъ срамомъ; кораблей этихъ было, какъ говорятъ сами испанцы, всего 142 большихъ и малыхъ и на нихъ было 30 тыс. человекъ. Июля 27-го былъ у нихъ бой съ кораблями королевны, и испанскихъ кораблей было взято и приведено въ Англію 4 малыхъ и 2 большихъ и испанцевъ много побито, а остальные испанскіе корабли едва успѣли спастись во Флиссингенъ въ Зеландію; англійскіе корабли ихъ преслѣдовали съ такимъ ожесточеніемъ, что ни одинъ человекъ не могъ высадиться на землю, и испанцы, не могли устоять противъ нихъ, обратились вспять, но, встрѣченные противными вѣтрами, были прибиты бурей къ нидерландскимъ берегамъ, гдѣ погибло 19 большихъ кораблей, со всѣми бывшими на нихъ людьми; много другихъ кораблей было брошено къ берегамъ Голландіи, такъ-что, по достовернымъ извѣстіямъ, въ Испанію возвратилось только 42 корабля и на нихъ едва ли 3,200 человекъ; всѣ остальные побиты и потонули; большіе корабли были до того разстрѣляны англичанами, что потонули всѣ. Королева же не потеряла ни одного корабля, а людей ея, по здѣшнимъ извѣстіямъ, убито всего отъ 40 до 43 человекъ». (Статейный списокъ прѣзда и пребыванія въ Россіи англійскаго посла Елизара Флетчера, стр. 57—58).

имѣя повольную грамоту на торговлю въ Астрахани и въ Печорѣ, что Щелкаловъ имѣеть въ рукахъ своихъ его товаровъ на 10 тыс. руб., что Щелкаловъ же, вопреки требованію агента общества, отпустилъ съ устьевъ-Колы въ Гамбургъ его корабль, съ грузомъ товаровъ, которыхъ достаточно было бы для уплаты его долговъ. Въ заключеніе, Елисавета просила передать все дѣло на обсужденіе Бориса Ѳедоровича и требовала освобожденія своихъ гостей отъ всякихъ уплатъ за Марша. Флетчеръ былъ допущенъ въ царю для полученія отпуска, 22-го апрѣля, еще до пріѣзда Митчеля; напрасно онъ настаивалъ на новомъ представленіи царю, для подачи ему привезенной Митчелемъ грамоты королевы; ему отвѣчено, по государеву приказу, что ему самому быть у государя непригоже, какъ потому, что онъ уже получилъ отпускъ, такъ и по той причинѣ, что Елисавета, мимо прежняго обычая, не сама приняла царскую грамоту отъ Бекмана, а велѣла ее взять у него своему лорду казначею. Флетчеръ принужденъ былъ покориться: 2-го мая, онъ прислалъ грамоту въ посольскій приказъ, въ дьякамъ Андрею Щелканову и Постылику Дмитріеву, а 6-го мая выѣхалъ изъ Москвы; вмѣстѣ съ нимъ отосланъ въ Англію, по требованію Елисаветы, бѣглый Горсей ¹⁾.

Между тѣмъ, розыскъ Маршева дѣла былъ порученъ боярамъ Ивану Васил. Годунову и князю Василию Иван. Шуйскому. Не соглашаясь совершенно освободить общество отъ отвѣтственности за Марша, они рѣшили, что оно должно уплатить сполна его долги только въ царскую казну (2,700 р.) и Борису Ѳедоровичу (4 тыс. р.), другимъ же, частнымъ лицамъ, признали возможнымъ сбавить долги на половину, ограничивъ ихъ суммою 8375¹/₄ руб. Но еще не успѣлъ Флетчеръ доѣхать до Вологды, какъ тамошнему воеводѣ, князю Вадбольскому, велѣно задержать его въ этомъ городѣ; причиною тому былъ пріѣздъ новаго англійскаго гонца, Юрія Боуза, который привезъ съ собою Антона Марша и весь розыскъ объ его долгахъ, произведенный въ Лондонѣ. Дѣло было пересмотрѣно вновь и, за

1) Любопытно сравненіе подлинника того мѣста грамоты Елисаветы, гдѣ она пишетъ о Горсей, съ современнымъ русскимъ переводомъ. Елисавета писала: „мы не мало дивимся, что онъ (Горсей) такъ неразумно вѣдумалъ уѣхать, и мы не полагаемъ, чтобы тѣ (предъявленные противъ него споры) касались вашего пресвѣтлѣйшества или вашихъ совѣтниковъ“. *Въ переводѣ*: „А тому са добръ дивимъ, что онъ дуракъ такъ сдѣлалъ, и въ той брани начаемся, что онъ вашего пресвѣтлѣйшества много доуеи чинилъ“.

челобитьемъ и печалованьемъ «царскаго величества шурима, боярина и конюшаго, *содержателя* государства вазальскаго и астраханскаго, Бориса Федоровича Годунова», велѣно вмѣсто признанныхъ подлежащими уплатѣ 23,553 р., удовольствоваться взятыми у англійскихъ гостей товарами на сумму 7,800 руб. Двѣ же лично ему принадлежавшія кабалы: Марша, одну въ 5,700 руб., другую въ 3000 р., Борисъ Федоровичъ отослалъ королевѣ, «положивъ ихъ на ея волѣ, какъ она произволитъ». Рѣшеніе это посланъ былъ объявить Флетчеру въ Вологду двинскій воевода Розгильдей Любучениновъ, которому, кромѣ того, было поручено передать ему Марша и распорядиться отправленіемъ посла въ Англію, куда Флетчеръ и отправился, везя съ собою Горсея и Марша, въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1589 года.

Надобно предполагать много ловкости и много изворотливости въ Горсеѣ, чтобы вонзая, какими путями онъ успѣлъ послѣ своего бѣгства изъ Англіи въ Россію и послѣ высылки обратно изъ Россіи въ Англію, вновь снискать себѣ благорасположеніе Елисаветы. Не позже какъ въ апрѣлѣ слѣдующаго же 1590 года онъ былъ уже отправленъ ею въ Москву съ грамотою, въ которой она укоряла царя въ оскорбленіи ея посланника Флетчера давнишнимъ врагомъ англичанъ Щелкаловымъ; требовала отвѣта отъ царя: сдѣлано ли сіе съ его вѣдома? И въ заключеніе просила снять съ Горсея опалу, которой онъ подвергся напрасно, по наветамъ своихъ недоброжелателей.

Нельзя не упомянуть, что, какъ видно изъ бумагъ лондонскаго архива государственныхъ бумагъ, лондонское общество купцовъ усиленно ходатайствовало: о томъ, чтобы Горсей не былъ посылаемъ въ Москву и что послала эта совершилась единственно по настоянію государственнаго секретаря, сэра Франциска Вельсингтама; между тѣмъ извѣстно, что этотъ знаменитый дипломатъ Елисаветы, лично честный (онъ умеръ едва не въ бѣдности), отличался двоядушіемъ въ дѣлахъ политики и выбиралъ себѣ въ агенты или, точнѣе сказать, въ лазутчики преимущественно людей опороченныхъ и именно потому вполне ему преданнымъ и неразборчивыхъ въ средствахъ въ исполненію его повелѣній. Поэтому едва ли ошибочно будетъ предположить, что выборъ Вельсингтама остановился на Горсеѣ именно потому, что порученіе, данное Горсею къ царю, не было пріятно и что притомъ еще до пріѣзда въ Москву онъ обязывался исполнить другія порученія, сопряженные съ немалыми опасностями: Горсей долженъ былъ объявить въ Гамбургѣ и другихъ ганзейскихъ горо-

дахъ запрещеніе Елисаветою всякихъ ссылокъ съ Испанією, проѣхать въ Кёльнъ на предполагавшійся (но не состоявшійся) съѣздъ протестантскихъ сторонниковъ королевы; проѣхать въ Копенгагенъ для переговоровъ съ датскимъ королемъ, негодовавшимъ на Елисавету за то, что она противилась браку датской принцессы съ Іаковомъ шотландскимъ (впослѣдствіи преемникомъ Елисаветы на англійскомъ престолѣ); наконецъ проѣхать въ Варшаву для переговоровъ съ королемъ польскимъ, также не хорошо расположеннымъ къ Елисаветѣ.

Горсей прибылъ изъ Варшавы черезъ Вильну въ Смоленскъ и хотѣлъ скрыть свое имя, но былъ узнавъ тамошнимъ воеводою княземъ Иваномъ Голицынымъ, который хорошо зналъ его въ Москвѣ, имѣя тамъ домъ по сосѣдству съ англійскимъ дворомъ. По пріѣздѣ въ Москву Горсей не былъ допущенъ предъ царя. Когда отъ него вытребовали грамоты, онѣ оказались запечатанными, не по обычаю, малою печатью королевы; царскій титулъ былъ въ нихъ написанъ съ умаленьемъ чести, безъ полнаго перечисленія всѣхъ княжествъ и областей. Щелкаловъ, сильно уличаемый въ этихъ грамотахъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, настаивалъ на непріятіи ихъ; но всегдашній печальникъ за англичанъ, Борисъ Ѳеодоровичъ, убѣдилъ царя принять ихъ и велѣть выслушать Горсея въ посольскомъ приказѣ. Послѣ того, Горсей былъ однакоже высланъ изъ Москвы въ Ярославль, гдѣ содержался до лѣта слѣдующаго года; въ іюлѣ 1591 года онъ былъ отправленъ въ Англію при грамотѣ, которая была поручена англійскому гостю Франциску Черри и въ которой Ѳеодоръ писалъ Елисаветѣ, чтобы если она желаетъ сохранить съ нимъ дружбу и любовь, то пересылалась бы съ нимъ черезъ хорошихъ людей, а не черезъ такихъ плутовъ и негодаевъ, каковъ Горсей.

Дружба и любовь русскаго царя была залогомъ слишкомъ большихъ выгодъ для Англіи, чтобы Елисаветѣ пренебречь ею: она отвѣчала Ѳеодору грамотою, въ которой представляла свои оправданія на высказанныя имъ обвиненія; соглашалась на соблюденіе впредь требованій царя о прописаніи полнаго титула; объявляла себя удовлетворенною по всѣмъ имѣвшимся съ ея стороны неудовольствіямъ; высказывала еще нѣкоторыя просьбы по денежнымъ дѣламъ ея гостей московскаго общества; но, не ставя ничего выше полнаго союза и дружбы съ царемъ, просила ни въ какомъ случаѣ не нарушать ихъ, а прилагать попеченіе о содержаніи ихъ навѣки ненарушимо. Къ Годунову она писала столь же

дружественно, отзывалась въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о знатности его рода, объ его мудрости и великихъ заслугахъ, содѣлавшихъ его главнымъ совѣтникомъ и правителемъ столь великаго монарха; извиняясь своими великими государственными дѣлами, просила сноситься по всѣмъ дѣламъ англійскихъ гостей съ ея государственнымъ казначеемъ лордомъ Бёрлеемъ.

И Борисъ Ѳеодоровичъ принялъ англичанъ подъ свою высокую руку, даровалъ имъ во всѣхъ дѣлахъ свою могущественную защиту и оборону и заслуженно стяжалъ приписываемый ими ему титулъ *боярина-покровителя* (лорда протектора). Съ слѣдующаго же 1593 года прекратились всякіе поводы англійскимъ гостямъ жаловаться на притязанія русскихъ приказныхъ людей и уже не представлялось съ тѣхъ поръ случаевъ, которые бы угрожали нарушеніемъ между королевою и царемъ того дружества и той любви, каковыя бывали между ею и «благороднѣйшимъ родителемъ его, преславной памяти Иваномъ Васильевичемъ, государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи».

Юрій Толстой.

ШЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et Cie. 1875. Tomes I-VIII.

VIII *).

Рѣшительный, въ судьбѣ Прудона, 1848-й годъ засталъ его въ Парижѣ. Переписка тотчасъ же оживаетъ, и число сохранившихся писемъ восходитъ почти до тридцати. Конецъ 1847-го года принесъ ему горькую вѣсть о кончинѣ матери, о чемъ онъ извѣщаетъ пріятеля своего Мориса, отъ 22-го января. «Вотъ я и одинъ, — говоритъ онъ, съ видимою душевною тоской, достаточно-таки охладѣвшій, разочарованный, до тошноты брезгливый. — Но какъ я себѣ ни повторяю, съ тѣхъ поръ, какъ пови-нулъ Лионъ, что у меня больше нѣтъ ни семьи, ни дома, ни званія, ни положенія, я все-таки не могу вѣрить въ такое полное, нищенское, одиночество, я не привыкаю къ той мысли, что никто больше не занимается мною, что у меня нѣтъ больше этой старушки-матери...

«Я чертовски работаю, я нахожусь въ полнѣйшей увѣренности, преслѣдуя съ такою рѣшительностью цѣль мою, добиваясь ея съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ; я ни въ чемъ не дѣлаю никакихъ уступокъ, ни отъ чего не отказываюсь. Я знаю людей, оцѣниваю прекрасно дѣйствительность, мое одиночество, мое стѣс-

*) См. выше: мартъ, 154; май, 78; июль, 33 стр.

ненное положеніе; и со всѣмъ тѣмъ, не обольщая себя лживыми надеждами, я все-таки не теряю въ будущее и въ себя самого вѣры, на которую я минутами смотрю, какъ на безуміе. Одна вещь, сводящая меня, какъ слѣдуетъ, къ дѣйствительности и дѣлающая мнѣ жизнь горькою — это старья привязанности: онѣ уходятъ, и ничто не является имъ на смѣну».

И точно пророчествуя (и на этотъ разъ довольно удачно), Прудонъ такъ резюмируетъ свое положеніе: «какъ я уже вамъ говорилъ, уѣзжая: я твердо надѣюсь на то, что вопросъ разрѣшится для меня черезъ пять-шесть мѣсяцевъ; я буду чѣмъ-нибудь, я буду тѣмъ, чего я стою, у меня будетъ ясное положеніе, или я все брошу и займусь дѣлами, чтобы ничѣмъ больше уже не заниматься». Замѣчательнъ также и конецъ письма, гдѣ онъ, наканунѣ революціи, высказываетъ чувство негодованія противъ вожаковъ оппозиціи, съ которыми ему придется вскорѣ идти если не рука объ руку, то все-таки подъ однимъ общереспубликанскимъ знаменемъ: «самое большое счастье, какое могло бы выпасть на долю французскому народу: еслибъ сто оппозиціонныхъ депутатовъ были брошены въ Сену съ жерновымъ камнемъ на шеѣ. Они во сто разъ хуже консерваторовъ, ибо въ нихъ сидитъ еще лицемеріе».

На другой день революціи, 25-го февраля, т.-е. черезъ мѣсяцъ, Прудонъ пишетъ тому же Морису, и ему первому говорить о днѣ 24-го февраля. «Революція,—пишетъ онъ, въ видѣ вступленія,—можетъ показаться любопытной, когда о ней судятъ по рассказамъ; но когда вы бываете свидѣтелемъ ея, она страшно утомляетъ вашъ умъ—тѣмъ смятеніемъ и той пустотой, какія въ ней заключаются». И затѣмъ слѣдуетъ изложеніе событій, всѣмъ извѣстныхъ, съ разными замѣтками о поведеніи и роли оппозиціи съ О. Баррô во главѣ. Самыя характерныя строки изъ этого письма—слѣдующія: «республика отдана въ опеку нѣсколькимъ честнымъ людямъ и болтунамъ перваго разряда, совершенно бездарнымъ. *День 24-го февраля продѣланъ былъ безъ идеи*». «Конечно, прогрессъ Франціи пойдетъ своимъ чередомъ, что бы ни случилось, посредствомъ ли революціи, или иначе; но онъ могъ бы быть совершенъ и съ падшимъ правительствомъ, каково бы оно ни было, и это обошлось бы дешевле».

«Вы знаете, любезный Морисъ, какъ мало для меня значатъ всѣ эти политическія прибаутки, громко величаемыя неприкосновенными правами народа: всеобщая подача голосовъ, правительство большинства, парламентская система и проч., и проч. Я ищу кое-чего по-положительнѣе; вотъ почему, мало уважая по-

рядокъ, ниспровергнутый вчера, я также мало вѣрю въ сегодняшнюю систему».

Свое собственное участіе въ революціонной катастрофѣ 24-го февраля Прудонъ описываетъ довольно подробно. Хотя отрывокъ, который мы выпишемъ, и не относится прямо къ нашей задачѣ, но мы его приводимъ какъ характерный образецъ Прудонова «себѣ на умѣ», не увлекшагося внѣшностью чисто-политическаго переворота, ни мало не измѣнившаго социальной неурядицы современнаго общества: «съ самаго утра, вчера — въ четвергъ, я пустился на развѣдки. Больше пятьсотъ баррикадъ перерѣзываютъ улицы Парижа и перекрестки: это — лабиринтъ изъ цѣлыхъ пятьсотъ Термопилъ. Къ полудню, хорошо все осмотрѣвъ, я отправился въ бюро *Реформы*, въ улицу Жанъ-Жака Руссо, около почтамта. Радикальный комитетъ требовалъ лишь отмѣны сентябрьскихъ законовъ съ кое-какими ничтожными поправками; вчера утромъ онъ прибавилъ уже избирательную реформу на *широкихъ основахъ*; въ полдень требовалъ сверхъ того *организации труда*, еще съ какою-то тамъ плоскостью (*platitude*), а въ два часа говорилъ уже о провозглашеніи республики. Послѣ того, какъ президентъ Фловонъ подтвердилъ насъ цитатой изъ Робеспьера, точно полководецъ, дѣлающій раздачу воды своимъ солдатамъ, мнѣ поручили набрать у типографщика слѣдующія трескучія слова:

«Граждане, Луи-Филиппъ приказываетъ бить васъ, какъ и Карлъ X; пускай онъ и отправится туда же, куда и Карлъ X».

«Кажется, это была счетомъ первая республиканская манифестация.

«Граждане, — сказалъ мнѣ отецъ Фловонъ (*père Flocon*), въ той типографіи, гдѣ я работалъ: — вы занимаете революціонный постъ; мы полагаемся на вашъ патриотизмъ». «Вы можете положиться, — смѣясь отвѣтилъ я ему: — я не покину моей работы до тѣхъ поръ, пока не кончу ея».

«Спустя четверть часа по раздачѣ этой прокламаціи, перестрѣлка началась въ Пале-Рояль, а вскорѣ и Тюльери были взяты. Вотъ какое участіе принималъ я въ революціи.

«Я былъ въ центрѣ возстанія, и была минута, когда эти господа думали, что армія гнала инсургентовъ въ нашу сторону, чтобы освободить почтамтъ; мы были бы, слѣдовательно, такъ сильно скомпрометтированы. Поэтому бюро *Реформы* и было покинуто. Я не хвалюсь храбростью, но увѣряю васъ: я очень

былъ счастливъ, глядя, какъ вся эта братія переполошилась въ то самое время, какъ я отмѣчалъ черты высокаго и смѣшнаго.

«Долженъ я себя упрекнуть еще въ томъ, что вырылъ одно дерево на Биржевой площади, выломалъ рѣшетку на бульварѣ «*Bonne Nouvelle*» и носилъ камни для баррикады.

«Молодой человекъ, въ мундирѣ воспитанника Лѣсной Школы, проходя мимо одной баррикады, гдѣ былъ я, былъ привѣтствованъ криками: «*Да здравствуютъ школы!*» Онъ отвѣтилъ на нихъ граціознымъ и аристократическимъ движеніемъ руки. «Позвольте,—строго сказалъ я ему:—куда же вы идете? Надо оставаться здѣсь и работать наравнѣ съ другими!» Если бы вы видѣли, какъ онъ перепугался, и я отвернулся, чтобы онъ не видѣлъ моего смѣха. Онъ, навѣрно, принялъ меня за ужаснаго яковинца.

«Вообще же, рабочій лучше своихъ жокавовъ. Онъ, въ одно и то же время, веселъ, храбръ, забавенъ и честенъ. Восемьдесятъ-тысячъ солдатъ, собранныхъ вокругъ Парижа, не больше сдѣлали, чѣмъ одинъ простой патруль. Только и набрались страху, что буржуа да умные люди. Но надо и то сказать, что если рабочій выказалъ отвагу, онъ въ сущности не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія. Все сдѣлала деморализація власти и арміи. Успѣхъ возстанія не зависитъ, какъ обыкновенно думаютъ, отъ настоящаго сраженія; онъ происходитъ главнымъ образомъ, и даже единственно, отъ общности и быстроты движенія. Чтобы добиться этого, надо занять войско на нѣсколькихъ пунктахъ, заставить его бѣгать за инсургентами отъ баррикады къ баррикадѣ, пока ихъ вездѣ строятъ; а когда первый-толчокъ всѣхъ увлечетъ, когда городъ будетъ весь взбудораженъ, войско одумается, начнетъ колебаться; правительство отступаетъ и входитъ въ переговоры; народъ дѣлаетъ натискъ—и все кончено. Я тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ томъ, что съ десятию тысячами солдатъ, желающихъ исполнить свой долгъ, генераль легко сладитъ съ возстаніемъ; почему я и ожидалъ новаго вандемьера.

«Вчера вечеромъ, провозглашеніе республики казалось очень смѣшнымъ: точно, будто слово республика совсѣмъ не существуетъ по-французски. Но увлеченіе овладѣетъ массой; радикальная партія съумѣетъ воспользоваться вчерашней побѣдой, и даже, несмотря на подчиненіе республиканцевъ всеобщей подачѣ голосовъ, республика не уступитъ и народному голосованію. Найдутъ средства сдѣлать такъ, чтобы всеобщее голосованіе было за республику,—на это есть свои приемы. Республиканцы предпріимъ-

чивы, а люди благой середины такъ разстроены, такъ нерѣшительны!

«Завтрашняя биржа, сберегательныя кассы, банковыя операціи и поведеніе другихъ державъ повѣдаютъ намъ скоро, какую степень довѣрія возбуждаетъ временное правительство. А пока, — война для пропаганды, и потомъ разстройство нашихъ финансовъ, торговый и финансовый кризисъ со всѣми ихъ послѣдствіями кажутся мнѣ съ нынѣшняго же дня неизбежными.

«Что касается до меня, я останусь въ моемъ одиночествѣ и постараюсь осмотрѣться. Время теперь плохое для научныхъ занятій, а мнѣ всё-таки нельзя терять времени на шатанье. Быть-можетъ, новый порядокъ вещей употребитъ меня на что-нибудь? Какъ знать? Быть-можетъ, я буду въ оппозиціи? И этого нельзя знать.

«Слышу, какъ увіеры кричатъ: *Да здравствуетъ республика! Долой плутовство! Бѣдняви! Плутовство* со всѣхъ сторонъ опутало ихъ; даже тѣ, кто собирается управлять, слѣпыя орудія и первыя жертвы этого плутовства. Интрига забралась повсюду; болтовня торжествуетъ: мы сдѣлали повтореніе 10-го августа и 29-го іюля, увлеченные нашими историческими романами, не замѣчая того, мы всѣ превратились въ комическія фигуры.

«То, что происходитъ на моихъ глазахъ, и въ чемъ я самъ участвовать, не имѣя вѣры — совершенно искусственная вещь (factice), или я не могу распознать ничего самороднаго и непосредственнаго. Хорошо, еслибъ я ошибся! Съ этого дня я начинаю вѣрить въ наше паденіе, если здоровыя и серьезныя идеи, заимствованныя кое-гдѣ помимо рѣчей Робеспьера, не оживятъ нашихъ умовъ и характеровъ.

«Можетъ быть и то, что я плохо поставленъ, чтобъ хорошо судить. Тѣло мое находится — посреди народа, но мысль моя — въ другомъ мѣстѣ! Направленіе моихъ идей уже привело меня къ тому, что я ни съ кѣмъ не могу сойтись изъ моихъ современниковъ; лучше я самъ обвиню въ лживости свою точку зрѣнія, чѣмъ ихъ осуждать за безуміе».

Брядь-ли хоть еще одинъ парижанинъ, или вообще французъ передового склада мыслей, съ такою трезвостью отнесся къ революціи 1848 года, въ которой самъ, волей-неволей, принималъ участіе. *Иначе* Прудонъ и не могъ писать о февральской катастрофѣ. *Иначе* могъ писать только человекъ, для котораго внѣшнія политическія формы значили все, человекъ формальнаго радикализма, а не мыслитель, любившій во всемъ добираться до корня. Каковы бы ни были недодѣланности Прудонова міровоз-

зрѣнія, у него въ 24-му февраля 1848 года сидѣла въ головѣ совокупность философскихъ и социальныхъ идей, не позволяющая удовлетворяться ни шумихой якобинства, ни мистицизмомъ коммунистическихъ шквалъ, потерпѣвшихъ также полнѣйшее фиаско въ февральскую республику. Развѣ все письмо не дышетъ здоровымъ скептицизмомъ чловѣка съ научными стремлениями, не желающаго уступать подъ натискомъ революціонной вспышки того, что онъ долгими годами выработалъ и систематизировалъ? Но боекъ-о-бокъ сидѣлъ въ немъ и живой чловѣкъ изъ народа. Признавши революцію и республику, какъ факты, онъ хочетъ, чтобъ изъ нихъ вышло что-нибудь порядочное; онъ отълигается съ явной симпатіей на движеніе, охватившее Европу, тотчасъ послѣ февральскихъ дней, что мы видимъ уже въ письмѣ отъ 26-го февраля, къ тому же Морису. Намѣтивъ, какъ можетъ пойти революціонная пропаганда въ Европѣ, онъ продолжаетъ:

«Внутри (Франціи) идетъ то же движеніе, социальный вопросъ поставленъ, и надо работать надъ его разрѣшеніемъ. Всѣ партіи, даже простофили (*les dupes*) становятся на сторону народа; каждый жертвуетъ на алтарь отечества—это легитимизмомъ, это конституціонной монархіей, и проч. Надо, чтобы всѣ согласились ладиться съ республикой; прочь—всякая благая средина, всякое колебаніе».

Онъ вѣритъ, что новое правительство расположено къ социальнымъ реформамъ, и рѣшается пристать къ нему. Въ постскриптумѣ Прудонъ сообщаетъ, что нѣсколько «гражданъ съ ружьями въ рукахъ» приходили спрашивать его: когда онъ выпуститъ свою новую книгу? «Какъ я уже вамъ говорилъ,—прибавляетъ онъ,—республика лишена идей. И наверху объ этомъ толкуютъ, и внизу доказываютъ то же. Пиши я такъ, какъ Ламартинъ, я черезъ мѣсяцъ былъ бы первый чловѣкъ во Франціи», и онъ кончаетъ просьбой никому объ этомъ не говорить: могутъ подумать, что онъ желаетъ играть роль, а въ сущности онъ остается тѣмъ же скептикомъ, смѣющимся даже надъ тѣмъ, «чему самъ вѣритъ».

Доктору Magé—доброму своему знакомому—Прудонъ пишетъ отъ 1-го марта въ томъ же тонѣ: «То, что случилось, хорошо потому уже, что оно — совершившійся фактъ; но влянусь вамъ, я нисколько не взволнованъ, и, быть можетъ, я единственный чловѣкъ во Франціи, не увлеченный революціоннымъ духомъ послѣ того, какъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ. Что было вѣрно для меня вчера, то вѣрно и сегодня: республика журнала *National* ничего въ этомъ не измѣнитъ. Куклы пляшутъ

теперь въ ратушѣ, какъ онѣ плясали, недѣлю тому назадъ, въ Бурбонскомъ дворцѣ. Нравственная порча—та же, эгоизмъ также великъ, мистификаціи—также потѣшны, надувательства также громадны. Только одинъ добрый и честный народъ остается все тотъ же: онъ всегда доволенъ, всегда полонъ вѣры, всегда—жертва обмана, онъ одинъ чего-нибудь стоить.

«Когда вы найдете удобнымъ побывать здѣсь, вы меня отыщете въ моей философской бочкѣ; я живу безвѣстно и скрытно, собираю республиканскія дурачества и готовлюсь пробирать вартечью временное правительство».

Каждое новое письмо съ политическими взглядами проявляетъ то же здорово-скептическое отношеніе къ революціи и республикѣ съ ея вожаками, хотя Прудонъ и не можетъ не отълижаться сочувственно на движеніе, охватившее тогда весь западъ. Фактору своей бывшей типографіи, Югенэ, съ которымъ давно уже не переписывался, онъ сообщаетъ о выходѣ своего новаго труда. «Надѣюсь,—прибавляетъ онъ,—что это сочиненіе приведетъ меня, наконецъ, въ чему-нибудь. Въ настоящую минуту я могу сказать, что мнѣ принадлежитъ монополія тѣхъ идей, въ которыхъ всего болѣе нуждаются,—идей экономическихъ. Созидатели утопій потратили все свое знаніе; въ ихъ рукахъ—власть, они рубятъ, рѣжутъ и ничего не производятъ. Всѣ смѣются надъ національными мастерскими; г. Луи-Бланъ освистанъ; г. Консидеранъ—бессиленъ. Наконецъ-то распознаютъ, что у этихъ шарлатановъ социализма нѣтъ ничего въ головѣ, и множество народа становится на мою сторону. Я жду. Я болѣе, чѣмъ когда-либо, увѣренъ въ моихъ идеяхъ. Деньги спрятались: я обойдусь и безъ нихъ; кредитъ умеръ, я заставляю его воскреснуть безъ всякаго насилія. Но надо ждать; минута для меня еще не наступила, она только приближается.

«Въ Безансонѣ пронесся слухъ, какъ мнѣ говорятъ, будто я правительственный комиссаръ. Еслибъ немножко подумали, то конечно сейчасъ бы сообразили, что это—невозможно. Люди, находящіеся, въ настоящую минуту, во власти, почти всѣ мои враги; это—секта журнала *National*, въ которой также мало идей, какъ и сердца; а она меня боится больше Гизо. Люди эти смѣются надъ социальной реформой и стараются только о томъ, какъ бы имъ исподволь надѣть на народъ намордникъ, совершенно такъ, какъ дѣлалъ Луи-Филиппъ; поэтому-то мы уже находимся въ полной реакціи.

«Соціальныя идеи отгиснуты назадъ—подобно тому, какъ республиканскія идеи были послѣ 1830 г. Теперь даютъ гг. Луи-

Блану и Консидерану уходить, и въ одинъ прекрасный день закроютъ Люксембургъ и распускаютъ комиссію. Словомъ, собираются, подъ шумокъ, похоронить социальный вопросъ. Объявятъ войну, чтобы занять 50,000 рабочихъ; издержать 100 милліоновъ для забавы другихъ 50,000; дадутъ кое-какія бездѣлушки, на томъ и повончатъ.

«Какъ видите, все то же ослѣпленіе; но успѣхъ не будетъ отвѣчать надеждамъ контръ-революціонеровъ. Здѣсь 15,000 вооруженныхъ пролетаріевъ, и они не дадутся даромъ въ руки. Социальный вопросъ долженъ получить разрѣшеніе, или горе странѣ!»..

Нѣсколько ниже Прудонъ сообщаетъ о томъ, что онъ попалъ въ два парижскихъ избирательныхъ списка; но на свое избраніе онъ рассчитываетъ мало, такъ какъ партія *National'*я ему враждебна и боится его. Онъ всю надежду движенія возлагаетъ на клубы, и собирается издать свой проектъ социальной организаціи, чтобы потомъ обсуждать его въ клубахъ и отправляться въ палату подавать петицію: «*avec nos fusils*» — подчеркиваетъ онъ, иначе дѣло кажетъ ему невыполнимымъ.

«Въ головахъ совсѣмъ нѣтъ идей, — замѣчаетъ онъ, — всѣ видятъ въ этой революціи — простую случайность; никто не понимаетъ, что она значитъ; самые пылкіе какъ ни стараются, все же не больше, какъ яacobинцы; а это слишкомъ старо для насъ».

Морису, отъ 21-го марта, онъ пишетъ, что его кандидатура быстро поднимается въ Парижѣ, и что онъ ее принимаетъ хотя бы для того, чтобы судить хорошенько о состояніи умовъ. Въ политическомъ смыслѣ онъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, и разсуждаетъ объ этомъ съ обычной смѣсью искренности и ѣдкости: «Мое положеніе — несравненно! Я — человекъ, внушающій больше всѣхъ страха, слѣдовательно, моя примирительная рѣчь можетъ имѣть всего больше эффекта. Никто не можетъ говорить пролетаріямъ и буржуа, правительству и массѣ такъ, какъ я: такъ хорошо и съ равнымъ авторитетомъ. Еслибъ кто-нибудь напалъ на правительство, какъ я нападаю — былъ бы разорванъ на части; а кто повторилъ бы мои прежнія положенія — былъ бы разстрѣлянъ. Одинъ я могу выдти сухъ, и, быть можетъ, высвободить и республику. Чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ больше я вижу, что я одинъ пользуюсь монополіей моихъ идей. Развѣ только со мной случится бѣда, или несправедливость неразлучна съ судьбой общества; а то я долженъ пойти далеко и высоко подняться. Но я ничего больше не потребую (если вы надеетесь на мою долю счастья — служить странѣ своей) — какъ на-

учнаго назначенія, позволяющаго мнѣ изучать на свободѣ французскій народъ и продолжать мои экономическія прогулки (Vagaries).

Прудонъ сообщаетъ дальше слухи о всеевропейскомъ революціонномъ броженіи, и считаетъ себя однимъ изъ стимуловъ нѣмецкой революціи. Все это, по его мнѣнію, дѣлаетъ ненужной войну изъ-за пропаганды революціонной идеи. «Черезъ три дня, кончается онъ письмо, — а издамъ, послѣ двухъ первыхъ выпусковъ моей книги, предложеніе правительству о трудѣ, кредитѣ и обращеніи. Это будетъ частное приложение моего принципа и даже все разрѣшеніе, предлагаемое мною». Очевидно, онъ разумѣетъ этюды, вошедшіе впоследствии въ VI-й томъ полнаго собранія его сочиненій: «Solution du problème social. Organisation du crédit et de la circulation. Banque d'échange. Banque du peuple».

IX.

Кромѣ Парижа, и въ родномъ департаментѣ Прудона — въ Дубсѣ — нашлось не мало согражданъ, пожелавшихъ послать его въ «учредительное собраніе». Онъ отвѣчаетъ этимъ землякамъ письмомъ отъ 3-го апрѣля, изъ Парижа. Его исповѣданіе вѣры, конечно, таково, какимъ ему слѣдовало быть, т.-е. на первомъ планѣ стоитъ: *соціальный вопросъ*, благо рабочаго класса и разрѣшеніе общественной неурядицы путемъ *мирнымъ*, а не дальнѣйшими насильственными вспышками: «нѣтъ другого спасенія, — пишетъ онъ, — для рабочаго класса, для буржуазіи, для всей націи, какъ въ дружественномъ соглашеніи всѣхъ партій въ дѣлѣ разрѣшенія соціальной задачи». Онъ нисколько не желаетъ гладить по головѣ своихъ единомышленниковъ и вдаваться въ тогдашній яacobинскій оптимизмъ.

«Любезные земляки, — восклицаетъ онъ, — я не желаю бы увеличивать тревогу; но мнѣ невозможно скрыть отъ васъ: отечество въ опасности! Его можно спасти лишь доброй волей, добросовѣстностью всѣхъ и cadaго. Его можно спасти лишь коренной реформой нашихъ экономическихъ учреждений. А эта реформа предполагаетъ справедливую оцѣнку всѣхъ интересовъ, она не исключаетъ ничьей жертвы: борьба за (или для) васъ — это смерть». Письмо кончается цѣлымъ рядомъ обвиненій, направленныхъ противъ временнаго правительства. Прудонъ обвиняетъ его въ томъ, что оно поселило раздоръ между рабочими и буржуазіей, тратитъ суммы на такую затѣю, какъ «національ-

ныя мастерскія», и въ томъ, что оно преступило предѣлы своей власти, настрапавъ различныхъ законовъ; но ниспроверженія временнаго правительства Прудонъ все-таки не желаетъ.

«Соціальный вопросъ, — взываетъ онъ, въ видѣ заключенія, къ своимъ землякамъ,—поставленъ; вы отъ него не уйдете. Работайте, протаните руку вашимъ патронамъ; а вы, патроны, не отталкивайте тѣхъ, кто были вашими рабочими».

Вслѣдъ за этимъ кандидатскимъ посланіемъ идетъ письмо отъ 8-го апрѣля, къ «гражданину Луи-Блану, секретарю временнаго правительства», хотя Прудонъ жестоко нападалъ всегда на устроителя «національныхъ мастерскихъ»; но онъ все-таки нашелъ нужнымъ послать ему экземпляръ перваго выпуска своей книги: «*Solution du problème social*», вмѣстѣ съ *Specimen'омъ* этюда о кредитѣ и обращеніи. Прудонъ сразу заявляетъ, что въ обѣихъ вещахъ есть немало неприятнаго для временнаго правительства и лично для Луи-Блана, въ чемъ онъ и извиняется, давая искреннія объясненія. Онъ имѣлъ право судить о поведеніи правительства; а оно надѣлало, по его мнѣнію, разныхъ ошибокъ; только его сужденія вышли, по обыкновенію, черезчуръ рѣзки. «Несчастіе мое,—поясняетъ онъ,—состоитъ въ томъ, что страсти мои смѣшиваются съ моими идеями; тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ другихъ, меня сожигаетъ. Когда я критикую какую-нибудь теорію, невольно предполагая, что авторъ похожъ на меня, я рассуждаю такъ, какъ будто бы въ немъ — воля и пониманіе—вещи тождественныя. А когда я самъ ошибаюсь, мнѣ дѣлается совѣстно, и я обвиняю себя точно въ преступленіи. Мнѣ невозможно измѣнить это несчастное расположеніе ума». А въ Луи-Бланѣ онъ видитъ совершенно противное свойство, и думаетъ, что изъ нихъ двоихъ вышелъ бы «полный человѣкъ». У Прудона, по собственному сознанію, страсти исходятъ изъ головы, а у Луи-Блана изъ сердца. Поэтому, онъ предлагаетъ Луи-Блану союзъ противъ ихъ общаго врага — *буржуазіи съ капиталомъ*, чтобы хорошенько послужить республикѣ. Въ своемъ примирительномъ обращеніи Прудонъ идетъ такъ далеко, что говоритъ слѣдующее о «національныхъ мастерскихъ»:

«Вашъ проектъ—организовать національныя мастерскія, заключаетъ въ себѣ одну вѣрную мысль, которую я одобряю, не смотря на мои нападки.

«Мысль эта вамъ самимъ ясна; но, кажется, вы ее считаете второстепенною, тогда какъ по-моему она — все: я хочу сказать, что подъ именемъ національныхъ мастерскихъ вы разумѣете *мастерскія основнаго характера, мастерскія-принципы*, если я

могу такъ выразиться, ибо всѣ мастерскія — національныя, хотя онѣ и остаются, да и должны всегда остаться свободными.

«Васъ наполняетъ необходимость осуществить принципъ, дать плоть и видъ новому праву, новому учрежденію, потомуъ предоставить его собственному развитію силою идеи, энергіей принципа.

«Хотите ли вы, гражданинъ, взять на себя хлопоты передъ временнымъ правительствомъ о разсмотрѣніи и, если состоится принятіе моего проекта, организациі кредита? Я же, за это, возьмусь за организацию вашихъ мастерскихъ.

«Мой проектъ *многого банка*, составляющей существенную часть моего *Spécimen'a*—столько же моя идея, сколько и ваша. Ее-то вы искали и, быть можетъ, остановились на ней, въ вашихъ этюдахъ о системѣ Лоу; ее имѣли въ виду всѣ экономисты. *Многовой банкъ*, посредствомъ обобщеннаго полномочія (*par la généralisation du mandat*), представляетъ собою великую дружину организациі труда.

«Если вы найдете, по прочтеніи, что я ошибся, мнѣ остается—опустить глаза; я отказываюсь отъ занятій экономическими вопросами.

«Въ противномъ же случаѣ, возьмите мою идею подъ свое покровительство, и уступите мнѣ вашу идею; позвольте мнѣ вамъ сказать, гражданинъ, устройство національныхъ мастерскихъ — дѣло, выходящее изъ круга вашей дѣятельности, — не потому, чтобы вы не были на него способны, но ваше положеніе запрещаетъ вамъ это.

«Вы — членъ правительства; вы представляете собою не какую-либо партію, но совокупные интересы общества. Вы болѣе не членъ *Реформы*, ни авторъ книги: «*Организациа труда*»; и всякій починъ, окрашенный въ тенденцію, противную какому-либо классу общества, — вамъ запрещенъ. Вы настолько же принадлежите буржуазіи, какъ и пролетаріату. Покровительствуйте эмансипациі рабочихъ классовъ, поощряйте ее; научите рабочихъ тому, что имъ слѣдуетъ дѣлать; но сами не вмѣшивайтесь; не компромитируйте вашу отвѣтственность. Вы — государственный человѣкъ, вы представитель прошлаго и будущаго».

Въ обмѣнъ за услугу, о которой Прудонъ просить, онъ предлагаетъ Луи-Блану заняться разработкой матеріаловъ, собранныхъ люксанбургской комиссіей по рабочему вопросу, и написать проектъ тѣхъ новыхъ социальныхъ формъ, какія слѣдуетъ создать въ средѣ рабочихъ. Кончая, Прудонъ говоритъ, что письмо его написано имъ подъ преобладающимъ вліяніемъ

чувства (*sensibilité*), возстановляющаго въ немъ душевную гармонию. И въ самомъ дѣлѣ, въ письмѣ слышится нѣкоторое возбужденіе и какая-то особая мягкость. Онъ, конечно, просить не за себя, но онъ, во всякомъ случаѣ, *проситъ*; а не будь у него такого серьезнаго мотива, онъ не сталъ-бы просительно предлагать обмѣнъ услугъ человѣку, какъ Луи-Бланъ, къ которому онъ никогда не чувствовалъ ни теоретической, ни человѣчной симпатіи.

На другой же день, 9-го апрѣля, онъ отправляетъ большое письмо къ Морису и спрашиваетъ его вначалѣ: получилъ-ли онъ его финансовый проектъ? Я отложилъ къ сторонѣ,—поясняетъ Прудонъ,—всѣ соображенія по философіи, политикѣ и праву, чтобы поставить на видъ одну экономическую комбинацію. Этого не поймутъ, а если-бы и поняли, то оно мало придется по вкусу. Всѣ мечтали о счастіи безъ труда, а я начинаю возгласомъ: надо работать!..

«Постоянно работать! Работать все больше и больше! Ибо уменьшить для всѣхъ задѣльную плату пропорціонально, значитъ: увеличить для всѣхъ же количество труда. Какъ я ни толкую, что, увеличивая на половину труды, каждый изъ насъ будетъ вдвое болѣе тратить, среднимъ числомъ, и что бѣднымъ придется лучше богатыхъ,—хотятъ имѣть избытокъ богатства, но безъ труда!..

«Не знаю: хорошо ли будутъ приняты мои идеи—такія простыя и разительныя—которыя я разовью въ менѣ сухой формѣ. Одно могу сказать: чрезъ все это нужно будетъ пройти, или иначе—настанетъ избытокъ нищеты и беспорядка».

Этого предисловія достаточно, чтобы сообразить, въ какомъ тонѣ будетъ Прудонъ говорить о временномъ правительствѣ. Съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше раздражается противъ якобинцевъ; но его здравый смыслъ не терпитъ безпредметныхъ криковъ и возгласовъ. Онъ любитъ формулировать свои нападки ясно и точно. Такъ и въ этомъ письмѣ мы находимъ фактическую филиппику.

«Комедія—въ полномъ разгарѣ: она тѣмъ лучше разыгрывается, чѣмъ убѣжденнѣе актеры, смотрящіе на себя совершенно серьезно. По болѣе части это—хорошій народъ; но такого невѣжества и такой умственной узости, что я просто въ отчаяніи! Ни въ правительствѣ, ни среди клубистовъ нѣтъ ни единого человѣка, кто бы понималъ эпоху, революцію, вопросъ и положеніе дѣлъ. Модная литература, болтливая демократія, всевозможныя утопіи, всевозможныя мечты—находятся во власти. Они не ви-

дать, несчастные, слѣдующихъ простыхъ вещей: 1) что департаменты, если правительство не измѣнится, откажутся платить подати; 2) что армія, уже находящаяся въ разстройствѣ, будетъ бессильна противъ народа; 3) что новобранцы не пойдутъ на службу; 4) что остановка въ дѣлахъ вызоветъ голодъ въ Парижѣ; 5) что у правительства нѣтъ ничего, изъ чего-бы оно могло извлечь деньги; 6) что всѣ, даже богатые люди, живутъ въ кредитъ, и потому реквизиціи, прогрессивные налоги и всякая другая дрянь—ничего не дадутъ.

«Временное правительство идетъ на всѣхъ парусахъ; оно опредѣлило штрафъ въ 50 франковъ за первый разъ, и въ 100 франковъ за второй—противъ хозяевъ мастерскихъ, которые будутъ заставлять работать болѣе десяти часовъ; оно платитъ 1 фр. 50 с. и 2 фр. въ день цѣлой массѣ тунеядцевъ, дѣлающихъ видъ, что копаютъ вдоль дорогъ, а вечеромъ присутствующихъ въ клубахъ, гдѣ они поддерживаютъ революціонныя предложенія. Декреты изготавливаются, отмѣняются, измѣняются; въ нихъ есть доводы, достойные господина де-ла Палисса (т.-е. комическія общія мѣста); все, что дѣлается—выходки, которыя поведутъ къ какой-нибудь катастрофѣ.

«Нивогда еще подобный вихрь не охватывалъ какую-либо страну».

О своей кандидатурѣ Прудонъ говоритъ Морису съ совершеннымъ равнодушіемъ, почти съ презрѣніемъ. Кандидатовъ явилось такъ много, что ему просто тошно становится. Въ такомъ же духѣ пишетъ онъ и Пильсу, демократу, о которомъ еще будетъ рѣчь въ его послѣдующей корреспонденціи. Въ письмѣ—отъ 13-го апрѣля, послѣ характеристики партіи журнала *National* и якобинцевъ съ Ледрю-Ролленомъ и Барбесомъ во главѣ, онъ переходитъ къ «сектѣ коммунистовъ», т.-е. къ Луи-Блану. Еще недѣли не прошло съ того письма, которое мы привели выше, но Прудонъ не чувствуетъ, вѣроятно, возможности мѣнять свои взгляды на этого вожака тогдашнихъ «утопистовъ», какъ онъ называетъ всѣхъ творцовъ апіорическихъ социальныхъ доктринъ.

«Въ Л.-Бланѣ одномъ—все почти зло,—не обинуясь говорить онъ.—Л.-Бланъ стѣбитъ Франціи, каждый день, 100 милліоновъ. Его планы ведутъ ее силою къ коммунизму; а такъ какъ Франція не коммунистка, то и выходитъ остановка въ работѣ, торговлѣ, дѣлахъ; мы таемъ, мы топцаемъ, не двигаясь съ мѣста, какъ кусокъ льду на солнцѣ. Здѣсь, всѣ почти освистываютъ и срамятъ *этихъ кретинновъ*, которые увѣряютъ насъ, что готовы

жертвовать своими головами; но каковой республикѣ прокъ въ ихъ головахъ?!»

Покончивъ характеристику партій и направлений, Прудонъ извѣщаетъ о появленіи въ свѣтъ своего проекта организациі труда. Журналы отнесли къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Одинъ только Эмиль де-Жиранденъ, редакторъ тогдашней «*Presse*», обѣщаль ему перепечатать проектъ цѣликомъ. За мѣчательно сужденіе о немъ Прудона: «этотъ человекъ, котораго считают глубоко-одареннымъ, способнымъ, умнымъ и т. д.— непонятое существо. Это—болѣзненная голова, безъ царя (*cerveau félé*), горячечный темпераментъ, маглакъ, забіяка, болтунъ. Мнѣ занимательно было взглянуть на эту личность; никогда я съ нимъ не поссорюсь, потому что не буду смотрѣть на него серьезно».

Черезъ нѣсколько строкъ Прудонъ снова возвращается къ Луи-Блану и говоритъ: «Л.-Бланъ ненавидитъ меня (*me veut mal de mort*). Мои насмѣшки и критическія нападки взяли его за живое; негодованіе перешло въ комиссію, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ, и рѣшено: — вычеркнуть мое имя изъ списка кандидатовъ».

Если оно было такъ, то Прудону слѣдовало пожалѣть о своемъ письмѣ отъ 8-го апрѣля къ «гражданину» Луи-Блану, тѣмъ болѣе, что оно было написано не въ насмѣшку, не въ видѣ мистификаціи, а вполнѣ искренно, даже съ особымъ колоритомъ задушевности, о которомъ онъ самъ упомянулъ. Такихъ промаховъ приходится немало на всю его жизнь: они происходили не отъ легкомыслія, и не изъ тщеславія, а отъ желанія что-нибудь сдѣлать для разрѣшенія экономической неурядицы и отъ слишкомъ дѣловаго отношенія къ вопросамъ, предполагающаго и въ другихъ такую же прямоту и простоту.

Какъ мы видѣли, Прудонъ жаловался на то, что журналы умышленно умалчиваютъ объ его этюдахъ и проектахъ. Но вотъ въ «*Débats*» уже и тогда очень извѣстный политико-экономъ, Мишель Шевалье, въ статьѣ объ организациі труда, цитироваль Прудона вмѣстѣ съ нѣкимъ Пекёромъ, какъ главу особой секты коммунистовъ, которыхъ онъ называетъ *коммунистами равенства и продолжателями Бабефа*. Прудонъ, разумѣется, возмущился и пишетъ Мишелю Шевалье, видя, что ученый профессоръ приравнялъ его къ Луи-Блану и объявилъ, что его *система* такъ же безсильна и бесплодна, какъ и Луи-Блановская «*Organisation du travail*».

Письмо писано 14-го апрѣля. Оно замѣчательно, какъ экономическое «исповѣданіе вѣры» и доказываетъ, что даже при

жизни Прудона, въ самый разгаръ его дѣятельности, случались такіе примѣры непониманія и ложныхъ «вличень», и *въ какомъ мірѣ?*—Въ мірѣ ученыхъ профессоровъ политической экономіи. Удивительно ли, послѣ того, что Прудонъ и по-днесъ, въ глазахъ многихъ, грубый и закоренѣлый коммунистъ.

«Выходитъ (пишетъ онъ Шевалье, изложивъ мотивъ своего обращенія), что я, который опровергъ коммунизмъ такъ, что избавилъ отъ этого труда кого бы то ни было въ будущемъ, я очутился вдругъ въ рядахъ коммунистической проскрипціи.

«Я, идеи котораго не имѣютъ ничего общаго съ идеями г. Луи-Блана; я, не бывавшій ни разу въ Люксанбургѣ,—я похороненъ вами въ одной ямѣ съ г. Луи-Бланомъ!

«Наконецъ я, не напечатавшій по сіе время ничего, кромѣ критикъ (критика политической экономіи, критика социализма, коммунизма, фурьеризма, сенъ-симонизма; критика монархіи, демократіи, собственности и проч. и проч.), я слышу какъ провозносятъ приговоръ надъ моею *системой*, а эта система никогда и не нарождалась.

«Третьяго дня, «*Constitutionnel*» цитировалъ меня, какъ коммуниста; на-дняхъ «*Revue des Deux Mondes*» представляла меня читателямъ тоже, какъ коммуниста; *естъ*, кромѣ тѣхъ, кто меня читаетъ, думаютъ, что я — коммунистъ, и всякій непременно тотчасъ же объявитъ мою *систему* ложною, невыполнимою, противною свободѣ, пагубною для общества, для семейства, и разнымъ другимъ, болѣе или менѣе нелюбезнымъ опредѣленіямъ.

«Я оставлялъ безъ вниманія всѣ эти пошлости, боясь, что мои возраженія будутъ приняты за рекламы, и если, въ настоящую минуту, я рѣшился обратиться къ вамъ, то потому, что считаю дѣломъ общаго интереса нарушить мое молчаніе. Было бы слишкомъ удобно отвѣчать: что критическія нападки, дѣлаемыя вотъ уже двадцать лѣтъ на социальныя учрежденія—не что иное, какъ *коммунизмъ*; и враги февральской революціи слишкомъ бы скоро повончили съ пролетаріатомъ.

«Оставимте же, пожалуйста, г. Луи-Блана и его утопію. Г. Луи-Бланъ вовсе не олицетвореніе новой социальной системы. Вотъ какъ, для каждаго добросовѣстнаго писателя, долженъ быть поставленъ вопросъ».

«Народъ, сдѣлавшій февральскую революцію—ни сенъ-симонистъ, ни фурьеристъ, ни коммунистъ, ни бабувистъ; онъ даже ни якобинецъ, ни жирондистъ».

«Но народъ прекрасно понялъ вотъ эти двѣ вещи: во-первыхъ, что политика ровно ничего не значить; во-вторыхъ, что

политическая экономія, въ такомъ видѣ, какъ ей учили: гг. Сэй, Росси, Бланкй, Воловскій, Шевалье и проч., въ сущности—экономія собственниковъ; а примѣненіе ея къ обществу—рововымъ органическимъ путемъ рождаетъ нищету.

«Мнѣ кажется, что я больше всѣхъ способствовалъ установленію этого мнѣнія. То, что экономически вѣрно относительно частнаго лица, ложно, какъ только пожелаютъ распространить это на все общество; это положеніе заключаетъ въ себѣ всѣ мои критическіе этюды. Такимъ образомъ, на примѣръ, *чистый и валовой* продуктъ, различные для индустріи, для народа—тождественны; пониженіе задѣльной платы—объединеніе для рабочаго, если оно его касается, но оно же дѣлается увеличеніемъ богатства, когда примѣняется во всѣмъ; а съ точки зрѣнія коллективной—то же выходитъ со всѣми теоремами старой политической экономіи, которая, повторяю еще разъ, есть *не что иное, какъ домашняя экономія*. Но чего требуетъ теперь народъ? Народъ требуетъ, и этотъ-то вопросъ онъ и поставилъ 24-го февраля, чтобы, — не касаясь личной свободы, подъ какимъ-бы лицомъ она себя ни проявляла,—передѣляли политическую экономію (публичную или социальную, какъ вамъ угодно) на такую, которая не представляла бы собою лжи; ибо это значитъ: лгать предъ народомъ и справедливостью—объяснять обществу навыки (*pratiques*) эгоизма. Факты на лицо для доказательствъ.

«Что-же дѣлаютъ социалисты для удовлетворенія такого желанія народа?

«По такой же ошибкѣ, какъ и экономисты, они хотятъ на все общество распространить принципъ братства, существующій въ семействѣ, и принципъ солидарности, составляющій основу гражданскихъ и торговыхъ обществъ, опредѣляемыхъ закономъ. Отсюда фаланстерьянская утопія и столько другихъ, не менѣе вамъ извѣстныхъ, чѣмъ мнѣ.

«Между тѣмъ, братство и солидарность въ социальномъ тѣлѣ такъ же непохожи на домашнее братство и солидарность коллективныхъ обществъ, какъ законы кредита, производства и обращенія, съ точки зрѣнія народа, непохожи на правила частнаго кредита, частнаго производства и потребленія.

«Я развилъ въ сочиненіи, появившемся восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, это основное различіе. Еслибъ экономистамъ угодно было взять въ соображеніе мои замѣчанія, они бы могли предупредить февральскія событія, и социальная революція совершилась бы безъ катастрофы. И еслибъ социализмъ, въ частности же г. Луи-Бланъ, были способны принять добрый совѣтъ,

который я противопоставлялъ ихъ мечтаніямъ, мы бы не имѣли теперь печальнаго зрѣлища, доставляемаго намъ Люксембургомъ. Но, относясь ко всѣмъ критически, я долженъ былъ ожидать того, что меня никто не станетъ слушать; поэтому-то я и требую одного: чтобы на меня, по крайней мѣрѣ, не клеветали! По-моему выходить, стало быть, что экономисты и социалисты преслѣдуютъ одинаковымъ образомъ недостижимую цѣль: первые примѣняя къ обществу правила частной экономіи; вторые—примѣняя къ нему частное братство. Все это прежній и всегдашній индивидуализмъ, субъективность, противорѣчіе.

«Вотъ что я не перестаю говорить въ теченіи восьми лѣтъ. Вообще же я былъ скупъ на утвержденія (affirmations), я не обнаруживалъ никакой системы, и никто не вправѣ говорить, что я способенъ или нѣтъ—излечить нищету.

«Желая однако дать понятіе о томъ, чѣмъ должно быть, по моему мнѣнію, разрѣшеніе социальной задачи, я напечаталъ проектъ организаціи обращенія и кредита, который и позволяю себѣ доставить вамъ.

«Или я очень ошибаюсь, или вы не найдете въ немъ и тѣни коммунизма, или бабунизма; но увидите политическую экономію, построенную на иныхъ основахъ, чѣмъ принципы Ж. Б. Сая и Ривардо.

«Такъ какъ и по вашему выходитъ, государь мой, что наступилъ день обсужденія всякихъ системъ, вы меня премного обяжете и поступите справедливо, разобравъ образчикъ моей системы. Народъ слишкомъ далеко зашелъ, чтобы пятиться назадъ; абсолютно надо установить одинъ изъ новыхъ принциповъ: право капиталиста и рабочихъ; надо, словомъ, чтобы социальный вопросъ былъ исчерпанъ. Если же этого не будетъ — ожидайте всѣхъ ужасовъ гражданской войны, всѣхъ жалкихъ выходовъ аграрнаго переворота».

Письмо это, изъ котораго мы выкинули нѣсколько незначительныхъ фразъ конца, стоило бы вдѣлать въ рамку и ставить въ видѣ зеркала при всѣхъ преніяхъ о существѣ и средствахъ социальныхъ реформъ. Не одинъ здравый смыслъ видѣнъ въ словахъ Прудона. Различіе, противоположность, какія онъ указываетъ между домашними, частными свойствами и коллективными сторонами человѣческой жизни—глубокая, научно-вѣрная и плодотворная мысль. До тѣхъ поръ, пока научно не будетъ установлено, что *частныя* свойства человѣка нельзя обобщать и, на основаніи ихъ, строить апріорныя теории социального прогресса, какъ бы эти обобщенія ни были радужны, до тѣхъ поръ всевоз-

ложныя дивости будутъ находить послѣдователей, а люди съ любовью въ ближнему и съ дарованіемъ предаваться искренно своимъ выдумкамъ или поспѣшнымъ выводамъ. На пути расчлененія соціально-коллективныхъ и частныхъ общественныхъ явленій Прудонъ стоитъ впереди всѣхъ своихъ современниковъ, и его доводы остаются до сихъ поръ разительныо вѣрными!

Х.

Въ промежутокъ между письмами къ Луи-Блану и Мишелю Шевалье, и пріятельскими сообщеніями Прудона доктору Магё, былъ основанъ журналъ «*Le Peuple*», о которомъ Прудонъ пишетъ отъ 3-го мая, что журналъ пошелъ бойко, а отъ 18-го успокоиваетъ Магё на счетъ финансоваго положенія журнала, приводя тотъ фактъ, что въ кассѣ находится 25,000 франковъ. Магё, судя по послѣднему письму Прудона, великодушно предлагалъ свою денежную помощь. А конфискаціи нумеровъ начались съ первыхъ же недѣль существованія журнала.

«Что же касается политики,—разсказываетъ Прудонъ своему пріятелю,—вы можете судить по отчету о засѣданіи національнаго собранія, отъ 28-го текущаго мѣсяца, и по тому, что вамъ говорятъ журналы про агитаціи въ клубахъ,—какъ я добъжаю правительству моимъ законнымъ сопротивленіемъ и моимъ республиканскимъ правомъ, принципы котораго я, въ отдѣльности, развиваю отъ времени до времени.

«Словомъ, консерваторы всякихъ оттѣнковъ мало-по-малу дошли до заявленія, что они хотятъ республики, если угодно, *честной*, но все-таки республики. У меня остается еще хвостъ монтаньяровъ (крайняя лѣвая), соціалистическихъ клубистовъ и проч., не стоющій четырехъ су; а мое возрастающее вліяніе ужасно ихъ развадориваетъ. Вотъ какова будетъ, приблизительно, моя тактика.

«Вы уже знаете, что я хотѣлъ, прежде чѣмъ приму участіе въ свалѣ (*avant de descendre dans la rue*), скомпрометтировать вожаковъ. Это пришло не по вкусу, такъ что я, въ свою очередь, хочу оставить совсѣмъ заговорщиковъ и революціонныхъ дѣлъ мастеровъ и показать всю ихъ механику (*la ficelle*) народу, который все прекрасно понимаетъ.

«Послѣ того «*Peuple*» будетъ дѣлать замѣчанія, предостереженія, будетъ судить, смѣяться, отдѣлывать монтаньяровъ и соціалистовъ, когда они пойдутъ по кривой дорогѣ».

Письмо это не помѣчено Парижемъ, и Прудонъ говоритъ въ концѣ его, что проѣхался по всей Бельгiи, боясь гдѣ-либо останавливаться, такъ какъ преслѣдованіе и поиски полиціи уже начались. Онъ прибѣгаетъ къ разнымъ хитростямъ для обозначенія простаго адреса, боясь конечно, что письмо будетъ перехвачено. Неудивительно, что вкушая, на первыхъ же порахъ, сладости февральской республики, онъ восклицаетъ въ послѣднихъ строкахъ того же письма: «республика — проститутка, не стоящая того, чтобы я пожертвовалъ ей собою вполне».

Черезъ десять-двѣнадцать дней, онъ пишетъ какому-то товарищу-земляку, Абраму, званіемъ нотариусу, изъ Парижа, отъ 31-го мая, и излагаетъ ему цѣлое *profession de foi*, которое тотъ вытребовалъ отъ него, предлагая ему не менѣе трехсотъ избирателей. Вся эта программа стоить сообщенія—цѣликомъ, хотя въ ней и нѣтъ ничего такого, чего нельзя бы было ожидать отъ Прудона на основаніи всего предыдущаго.

«Прочитывая безчисленные циркуляры; видя, съ какою легкостью люди самые умные компрометируютъ себя, даже не подозрѣвая этого, своими парламентскими глупостями; перебирая, наконецъ, въ головѣ—опасность подобнаго испытанія, признаюсь тебѣ откровенно, мнѣ пріятнѣе было бы, въ интересахъ своей репутаціи, совсѣмъ не высказываться.

«Но слѣдуетъ все-таки отвѣтить на твое письмо: оно такъ категорично и требовательно, что, читая его, я думалъ, что держу въ рукахъ судебную повѣстку. Какъ ты себя ни облегаешь въ равенство и братство, я сейчасъ же распозналъ человѣка формы (*l'homme du protocole*). Если ты этого хочешь, скажу тебѣ по-просту и въ самомъ понятномъ изложеніи: чтó я такое, и чего я хочу. Ты можешь, если желаешь, сдѣлать изъ моей немного гальской (*gauloise*) деклараціи экстра-судебный актъ.

«Фамилія моя горскаго происхожденія, извѣстна своимъ благородіемъ, гражданской доблестью, уваженіемъ къ традиціямъ Франшконтѣ; все это вещи, которыя привлекутъ къ моей кандидатурѣ сочувствіе жителей кантона Мартó.

«Мое политическое прошедшее извѣстно, и ты можешь его засвидѣтельствовать. Я республиканецъ не вчерашняго дня, а по-завчерашняго (*de l'avant veille*); мои мнѣнія сложились уже, если не ошибаюсь, въ 1827 или 1828 году, когда никто еще не зналъ, чтó такое *марсельеза*. Въ этомъ отношеніи я представляю собою всѣ желаемыя гарантіи вѣрности республикѣ.

«Но я долженъ добавить, что съ 1827 идеи мои немного измѣнились, въ томъ смыслѣ, что я ни жирондистъ, ни мон-

таньярь, ни даже бабувистъ; умъ мой шель въ уровень съ вѣ-комъ. Поэтому, я считаю конституцію 1793 г. совершенно такъ же лишенной значенія, какъ и хартію 1830, и если я не одобряю политики временного правительства, то потому именно, что оно дало намъ повтореніе 92 г., не понимая того, что мы живемъ въ 1848 г. Стало быть, еслибъ я былъ членомъ національнаго собранія, я потребовалъ бы отчета у временного правительства, когда оно явится читать намъ свою тронную рѣчь, въ томъ ложномъ революціонномъ духѣ, какой заключается во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и которому я приписываю три-четверти теперешняго всеобщаго недомогательства.

«Что же до моихъ соціальныхъ идей — это пунктъ самый щекотливый. Конечно, не преминуть рассказать простодушнымъ горцамъ, что я написалъ ужасные слова: *собственность—кража*. Отсюда будутъ заключать, что я хочу общности состояній, женъ, дѣтей, не знаю еще чего: быть можетъ общности ногъ и рукъ!

«Ты смѣло и громко говори, что я не желаю вовсе, чтобы кого бы то ни было разводили; напротивъ, я желаю, чтобы всѣ тѣ, кто взялъ себѣ жену, держались своихъ женъ; я недостаточно филантропъ, чтобы раздѣлять то, что соединила любовь. Вообще же, я такъ мало коммунистъ, что меня, какъ противника общности, иварійцы вычеркнули изъ списка ихъ кандидатовъ.

«Мое знаменитое опредѣленіе: *собственность—кража*, есть вопросъ умозрительной экономіи, подлежащій преніямъ между коммиссаромъ временного правительства, г. Древономъ, и мною, ни мало не касающійся дѣловой практики, т.-е. единственнаго предмета, интересующаго нашихъ согражданъ. Когда я говорю, что *собственность—кража*, я разумѣю, напр., что крестьяне вообще очень мало важиточны, что они не ѣдятъ достаточно мяса, не пьютъ довольно вина, что ихъ хлѣбъ слишкомъ смѣшанъ съ ячменемъ, овсомъ и другими крахмалистыми веществами, что они слишкомъ дорого платятъ за соль; словомъ, что черезъ ихъ руки не проходитъ достаточно денегъ. Для нихъ звонкая монета такъ же рѣдка, какъ въ Парижѣ вотъ уже съ мѣсяць; все это — безпорядокъ, который я рассчитываю устранить.

«Я не стану напирать на мою религіозную вѣру. Когда мнѣ ничего не говорятъ — я пожалуй всему вѣрю (j'ai la religion du charbonnier). Но какъ только хотятъ меня заставить вѣрить, умъ мой сейчасъ же становится на дыбы; въ моей натурѣ лежитъ всегдашнее противорѣчіе авторитету. Я вообще очень уважаю духовныхъ, какъ и всѣхъ исполнителей публичныхъ должностей;

но я всегда возмущался противъ церкви, не менѣе чѣмъ противъ правительства.

«Я желаю, чтобы государство платило священникамъ до тѣхъ поръ, пока религія составляетъ одинъ изъ принциповъ общества; но я не хочу, чтобы заработная плата, даваемая государствомъ, дѣлалась для религіи средствомъ къ существованію, ибо она превращалась бы сама въ паразитный продуктъ, она перестала бы быть принципомъ. Вотъ почему я потребую въ національномъ собраніи, чтобы каждый священникъ, который будетъ засматриваться на женщинъ во время обѣдни, былъ лишенъ своего званія и сдѣланъ женатымъ».

Все это правдиво и вытекаетъ изъ прошедшей жизни Прудона; только фразу насчетъ возмущенія противъ правительства должно принимать не въ смыслѣ якобинскаго доктринаризма, а въ смыслѣ дѣловаго соціального протеста во имя общественной гармоніи и справедливости. Рѣзкій языкъ Прудона, и въ печати, и въ интимной перепискѣ, подавалъ непрерывные поводы къ недоразумѣніямъ, выдумкамъ и даже просто бессмысленному вранью на его счетъ. Что же мудренаго, что и въ республиканскомъ Парижѣ 1848 года на него смотрѣли, какъ на какое-то *чудище*, о чемъ онъ и пишетъ отъ 17-го іюня Югенэ, кончая свое письмо: «я здѣсь — предметъ страннаго любопытства. Почти удивляются тому, что у меня нѣтъ ни рога, ни когтей. Ужась, внушаемый мною (т.-е. его именемъ) въ нѣкоторыхъ департаментахъ — просто смѣшонъ»; точно также и Магэ пишетъ онъ отъ 28-го іюня, все изъ Парижа, что онъ: «для столькихъ — предметъ ужаса». И такъ противно ему все, что творится въ Парижѣ, и въ правительствѣ, и среди буржуазіи, и въ журналахъ, что у него выпрывается фраза: «я тогда только утѣшусь, когда народъ всѣхъ насъ выгонитъ пинзами». Эти слова вызваны іюльскими событіями, въ которыхъ Прудонъ не принималъ участія, какъ открытый врагъ правительства; но въ качествѣ депутата онъ «постоянно ходилъ по театру битвы», и нѣсколько разъ, когда онъ, для пропуска, называлъ свое имя національнымъ гвардейцамъ, онъ видѣлъ, какъ они «блѣднѣли и пятились на четыре шага назадъ». Формально онъ остался на сторонѣ собранія; да онъ, и не будучи депутатомъ, не сталъ бы драться, не считая таковаго исхода разумнымъ. Но это не мѣшаетъ ему въ письмѣ къ Магэ разсуждать съ полной беспощадностью мыслящаго соціалиста.

«Увѣряю васъ, что это осталось до другого раза (онъ говорить такъ, сообщивъ выше, что возмущеніе подавлено); половина, если не три-четверти населенія Парижа, — поколеблено; я это самъ

видѣлъ; если они не принимали участія въ возстаніи, причиною была внезапность (*spontanéité*) движенія и неточность мотива. Красное знамя, черное знамя, бѣлое знамя, трехцвѣтное знамя, социалисты, бонапартисты, англичане, русскіе, каторжники: слово, невозможный маседуанъ.

«Злосчастный парижскій буржуа — выбился изъ силъ. Онъ требуетъ также громко, какъ и рабочій, труда, кредита и хлѣба. И будьте благонадежны, не собраніе дастъ ему все это. Черезъ двѣ недѣли мы попадемъ на самое дно бездны; обыкновенными путями нельзя направить дѣловой міръ. Второй взрывъ, но уже рѣшительный — неизбѣженъ.

«Национальное собраніе представляетъ собою жалчайшее зрѣлище по своей нерѣшительности и глупости. Это — торгоши (евангельскаго) храма, ажіотирующие на республику. (Тутъ вставлена фраза, уже цитированная нами). П. Леру провалился, какъ и Л.-Бланъ. Только я еще ничего не говорилъ; но я буду говорить объ однихъ лишь положительныхъ вопросахъ. Я буду ясенъ и категориченъ, я поставлю *casus belli*. Надѣюсь, что всѣ распознаютъ, по первой моей рѣчи, въ какомъ мы положеніи». Брату своему Шарлю онъ пишетъ отъ 6-го іюля маленькое письмецо, гдѣ стоятъ слѣдующія строки, показывающія, что Прудонъ, не желая служить «и нашимъ, и вашимъ», умѣлъ однако сохранять особаго рода объективизмъ въ минуты политическихъ катастрофъ: «вопреки всеобщей ненависти, — пишетъ онъ, — обращенной на меня, у меня всегда есть какой-нибудь министръ, который, при случаѣ, можетъ помочь мнѣ».

Раздраженіе противъ національнаго собранія идетъ у Прудона *crescendo*. Въ письмѣ къ своему новому корреспонденту, Ланглюа, тогда еще морскому офицеру, выразившему симпатію его личности и идеямъ, онъ сообщаетъ ему, что «въ эту минуту (письмо отъ 16-го іюля), поглощенъ *мизерабельными* законодательными занятіями». Въ письмѣ къ Потье, отъ 7-го августа, онъ называетъ національное собраніе «курятникомъ». Объ эту пору журналъ «*Le Peuple*» превратился уже въ «*Représentant du Peuple*». Преслѣдованія обрушились на него съ новою силою. Доктору Магэ пишетъ онъ отъ 16-го августа (письмо не помѣчено никакимъ годомъ):

«Я, какъ саламандра, живу въ огнѣ. Покинутый, преданный, изгнанный, ненавидимый всѣми, я борюсь со всѣмъ свѣтомъ и привожу въ разстройство реакцію и всѣхъ враговъ республики». Большія подробности содержатся въ письмѣ, отъ 24-го августа, къ Потье, гдѣ онъ начинаетъ тѣмъ, что просить у него

гостеприимства на нѣсколько дней въ Виль-Эврарѣ, и продолжаетъ:

«Мой журналъ запрещенъ во второй разъ рѣшеніемъ совѣта министровъ. Примѣненіе закона показалось недостаточнымъ этимъ господамъ: имъ больше правится осадное положеніе. Но когда это осадное положеніе кончится? Осмѣливаюсь отвѣтить: никогда! Нѣтъ, никогда осадное положеніе не кончится по волѣ правительства; кончится оно лишь по волѣ народа. Другими словами: Франція — подъ режимомъ сабли до тѣхъ поръ, пока она не поступитъ подъ режимъ *республики, демократической и социальной*. Вотъ и устройвайтесь!

«Внидите въ наше положеніе. Я старался дать цѣль, имя, дѣло, реальность, сущность февральской революціи, провозглашая принципъ *безвозмездности кредита* и прогрессивнаго сокращенія всѣхъ рентъ и процентовъ, выполняемаго безъ насилія, безъ лишенія собственности и съ выгодой для всѣхъ. Вотъ на это-то и накидываются съ клеветой. Но *идея*, сѣмя—уже заброшены; *что бы ни толковали*, сѣмя выростетъ и покроетъ землю своими вѣтвями. Мнѣ остается поливать его и ждать.

«Мы находимся въ ужасной путаницѣ. Кромѣ меня, со-знающаго чего она стоить, ясно понимающаго положеніе, я не вижу ни одной интеллигенціи, которая бы не сбилась съ пути. Въ этой электрической грозѣ искра не замедлитъ вылетѣть; что же она произведетъ? Я въ безпокойствѣ и даже почти въ испугѣ. Всѣ виды реакцій: легитимистская, бонапартистская, орлеанистская поднимаютъ голову; партизаны трехъ претендентовъ составили коалицію, и я ни мало не сомнѣваюсь, что само правительство въ заговорѣ. Ждутъ только случая, чтобы снять маску; нуждаются въ какомъ-нибудь взрывѣ и ищутъ его. Народъ предупрежденъ и стоитъ на-сторожѣ, недвижно; а это выводитъ изъ себя интригановъ. Но такое положеніе слишкомъ двойственно, чтобы долго длиться; надо всего ждать».

Кончая письмо, Прудонъ спрашиваетъ: можетъ ли онъ, въ случаѣ надобности, располагать квартирой Потье, въ Rue St. Dominique? Онъ серьезно боится ареста и замѣчаетъ: «вы видите, я беру предосторожности. Я еще не заговорщикъ; но я долженъ думать о своей безопасности, все равно, что заговорщикъ».

Послѣ травли, какую февральское правительство произвело съ журналомъ «*Représentant du Peuple*», Прудонъ со своими сотрудниками рѣшился появиться подъ возобновленнымъ заглавіемъ: «*Peuple*», о чемъ онъ и сообщаетъ, отъ 2-го сентября,

Абраму, изъ самаго зданія палаты. Большой промежутокъ времени, вплоть до 18-го декабря, остался совсѣмъ безъ писемъ. Прудонъ былъ въ эти слишкомъ три мѣсяца поглощенъ работой журналиста и политической борьбой. Въ этотъ же промежутокъ случилась и дуэль Прудона съ Феликсомъ Пиа, о чемъ онъ говорить въ большомъ письмѣ къ Антуану Готьё, помѣченномъ, какъ мы сказали, 18-мъ декабря:

«Ты правъ въ одномъ: я сдѣлалъ большую глупость, выйдя на дуэль. Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось, я собрался схватиться съ этимъ предрасудкомъ, какъ и со столькими другими. Я взялъ въ свидѣтели двухъ дуэлистовъ, двухъ экспертовъ, которые показали мнѣ, что я ровно ничего не смыслю. Мы выстрѣлили другъ въ друга, Пиа и я, какъ два звѣря, въ двадцати-пяти шагахъ. Я бы не прочь былъ получить пулю въ бедро или въ икру, чтобы отдохнуть недѣль шесть.

«Мнѣ показалось, что Пиа немногимъ больше смыслилъ, чѣмъ я; мы пожали другъ другу руку, чтобы не говорить потомъ другъ съ другомъ».

Свое политическо-соціальное «profession de foi» онъ опять высказываетъ съ обычною рѣзкостью и прямою:

«Конечно, въ февралѣ, я хотѣлъ, чтобы революція случилась по-повдѣе; и здѣсь ты найдешь людей, которые тебѣ поразкажутъ, что я дѣлалъ для этого, что могъ. Но разъ дѣло завязалось, я не могъ не пользоваться случаемъ; я рассудилъ, что слѣдовало повалить сначала людей *National'a* и *Реформы*, а потомъ поставить соціальный вопросъ нѣсколько посильнѣе, чѣмъ Луи-Бланъ. Этимъ я и занимался съ первыхъ выборовъ до сей минуты».

Ему кажется, что его идеи усваиваются, и онъ такъ формулируетъ извѣстные ему факты:

«Идея уничтоженія денежнаго процента и всякаго рода ренты — въ настоящую минуту популярна; двадцать писателей пропагандируютъ мои идеи, и пропаганда дѣлаетъ ужасающіе шаги. Вскорѣ пять милліоновъ голосовъ, доставшихся Бонапарту, закричатъ: *долой капиталъ!*»

А нѣсколько дальше Прудонъ, какъ говорится, «безъ ложной скромности», заявляетъ: «безъ меня, безъ того, что я сдѣлалъ съ 23-го апрѣля по 1-е декабря, соціальная революція была бы разрушена и погребена съ Луи-Бланомъ, Кабэ, Консидераномъ, Пьеромъ Леру и всѣми прочими. Ты думаешь — это мало: произвести всю эту возню?»

О своемъ же матеріальномъ положеніи онъ прибавляетъ

ниже: «ты увидишь, что я выйду изъ національнаго собранія и изъ республики такимъ же, какимъ я вошелъ въ нихъ, т.-е. бѣднымъ Говомъ».

Еще одно письмо, отъ 26-го декабря, къ доктору Magé, заканчивается собою 1848 г. и къ нему же принадлежитъ, непомѣченное никакимъ числомъ, письмо къ г. Турнѣ. Въ немъ Прудонъ еще разъ сравниваетъ себя съ саламандрой, живущей въ огнѣ, и говорить, что со дня на день ждетъ своего сожженія. «Но если я упорствую,—поясняетъ онъ,—это потому, что я вижу тутъ большой социальный и философскій интересъ; а смѣлость и трескъ (éclat) были необходимы, чтобъ поставить передъ публикой вопросъ труда и полный пересмотръ нашихъ учреждений. Клеветы, оскорбленія, предательство нашихъ противниковъ, наконецъ преслѣдованія—навозъ, на которомъ выростеть и поднимется новое зерно».

XI.

Не долго еще пришлось Прудону говорить и дѣйствовать на свободѣ. Уже въ первомъ письмѣ изъ 1849 года (всѣхъ писемъ приходится на этотъ годъ до тридцати), отъ 2 февраля, онъ извѣщаетъ доктора Magé, что въ полдень того же дня онъ долженъ явиться въ комиссію, назначенную отъ національнаго собранія для составленія доклада по вопросу о его преслѣдованіи. Какъ онъ самъ выражается, началось «его политическое единоборство съ Бонапартомъ». Видя, какъ его почтенные собраты вообще ведутъ себя, онъ вправѣ вскричать: «то, что здѣсь происходитъ—верхъ мерзости, трусости и измѣны. А собраніе такъ слабо, такъ безпечно и такъ глупо, что можно отчаяваться не въ республикѣ, вступившей въ область чего-то рокового, но во всѣхъ насъ». Менѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, 15-го февраля, собраніе допустило судебную власть преслѣдовать Прудона, о чемъ онъ и даетъ знать Морису въ тотъ же самый день; но такой фактъ не мѣшаетъ ему предаваться усиленной работѣ, какъ редактору и основателю «Банка», которому тоже суждено было погибнуть. Онъ прекрасно сознаетъ опасность своего положенія, но назадъ идти не хочетъ и не намѣренъ власть оружія:

«Вы видите, жизнь моя—борьба, ужасная борьба (une lutte atroce). Сегодня съ фурьеристами, вчера съ монтаньярами; въ другой разъ съ коммунистами, женщинами-соціалистками и проч. Постоянно—съ экономистами, роялистами, католиками. Я уже два или три раза терялъ популярность, и опять ее прибрѣталъ, смотря по тому,

какъ обстоятельства подтверждали мои предвидѣнія и мою тактику. У меня есть до ста писемъ, гдѣ меня хотятъ разстрѣлять, вскрыть мнѣ животъ, отравить, повѣсить; а я все еще живъ. Движеніе въ мою пользу начинается въ Парижѣ захватывать и мелкую буржуазію, что и заставляетъ трепетать *Constitutionnel*. Журналъ мой имѣетъ 200,000 читателей, и съ того времени, какъ я примирился съ Горой, меня поддерживаютъ всѣ провинціальныя республиканскіе журналы, что и связываетъ со мною, путемъ общности идей, болѣе милліона гражданъ. Карьера моя только лишь начинается, и повѣрьте, очень еще далеко до того, чтобы я, подобно столькимъ другимъ, былъ и въ социализмѣ челоуѣкомъ выдохшимся, поконченнымъ».

Какому-то А. М. F*** Прудонъ пишетъ, отъ 2-го марта, изъ національнаго собранія, что онъ — узникъ, рабъ, и проситъ придти къ нему обѣдать въ зданіе собранія, если желаетъ повидаться съ нимъ. Онъ охотно разсуждаетъ съ нимъ на тѣму тогдашняго политическаго положенія, отчасти оправдываясь, отчасти *демонстрируя* по своей привычкѣ:

«Я не подстрекалъ февральской революціи; я желалъ медленнаго, мѣрнаго, рациональнаго, философскаго прогресса; событія, людская глупость, въ особенности глупость этихъ придиричивыхъ и врючкотворныхъ (*mitoyens*) буржуа, въ которымъ вы принадлежите, рѣшили по другому. Я далъ себѣ обѣщаніе, что, насколько она будетъ зависѣть отъ меня, февральская революція не будетъ бесплодной; я сказалъ себѣ, что надо въ одинъ годъ уйти столько, сколько уходятъ въ цѣлое столѣтіе, рискуя иначе сдѣлать глупость.

«Я думаю, что цѣль, предположенная мною, будетъ достигнута. Толкуйте, сколько хотите, что Франція не желаетъ знать красныхъ. Къ чему это приведетъ? Какъ будто тутъ дѣло въ *волю* Франціи! Какъ будто, въ эту минуту, мы не находимся подъ властью *необходимости*.

«А эту необходимость нужно выдѣлать и показать, и этому-то и послужить прекрасно социалистская и демократическая агитация. Старый міръ падаетъ лохмотьями: со всей вашей философией и давнишней практикой вы его не оживите. Волей-неволей, вся Европа, вслѣдъ за Франціей, поплыла на социальной революціи, которая закрутитъ собою, пожалуй, и ея творцовъ, и ея противниковъ. Ни въ чьей власти не лежитъ воспрепятствовать этому; ядъ принять и поглотить социальнымъ тѣломъ; какъ бы больной ни корчился, надо ему обновить свое тѣло и выпустить всѣ кишки (*qu'il rende tripes et boyaux*)».

Отданный собраніемъ на растерзаніе судебной власти, т.-е. клеветамъ принца-президента, Прудонъ распустился въ Бельгію, откуда и пишетъ Гильемону, отъ 8-го марта, изъ Брюсселя. Онъ обращается къ этому книгопродавцу по дѣлу о «*Народномъ банкѣ*», который только-что передъ тѣмъ былъ имъ пущенъ въ ходъ. Онъ защищаетъ это предпріятіе, тотъ духъ порядка, точности и безкорыстія, каковой господствовалъ во всемъ его обиходѣ.

«То, что мы хотѣли совершить медленно, единственно посредствомъ инициативы гражданъ, посредствомъ импульса, даннаго пролетаріатомъ, противники наши хотятъ, чтобы мы сорвали однимъ разомъ, въ одинъ день, съ боя. Ихъ обезпечиваетъ свободный, законный, самобытный опытъ социализма; они хотятъ, чтобы социализмъ навязывалъ себя Франціи, Европѣ путемъ парламентскимъ и правительственнымъ! Пускай посчитаются съ нами».

Все изъ своего тайника, Прудонъ обращается, отъ 26-го апрѣля, и къ «гражданамъ-членамъ социальна-демократическаго парижскаго комитета», назначившаго Прудона своимъ кандидатомъ. Онъ убѣждаетъ ихъ не вдаваться въ нетерпимость, принять въ среду свою всѣхъ, кто можетъ быть полезенъ демократическому движенію, даже послѣ іюньскихъ дней, вырванныхъ глубокую яму между пролетаріемъ и буржуа. Часть рассужденій и доводовъ Прудона—очень характерна.

«Удивляюсь я тому, что почтенные вожди социальной партіи, наговоривши такъ много объ амнистіи на трибунѣ, не явились сказать и вамъ: правительство отказывается намъ въ амнистіи? Хорошо же, даруемъ ее сами тѣмъ изъ нашихъ братьевъ, кто, въ минуту вихря, стали-было нашими врагами; не будемъ производить раскола въ республикѣ: производить въ ней расколъ, это значитъ—желать заново начинать нечестивую іюньскую распрю. Довольно этихъ ужасныхъ возмездій! Развѣ намъ мало легитимистовъ, имперіалистовъ, орлеанистовъ, чтобы такъ обдавать одни другихъ картечью? Нужно ли намъ, среди нашей несчастной безурядицы, брать за образецъ и за законъ неумолимую политику, которая одна ее породила, а потомъ старалась постоянно, систематически, поддерживать? Неужели народъ и буржуазія до такой степени не понимаютъ другъ друга, что принимаютъ себя за враговъ, тогда какъ они представляютъ собою лишь двойную сторону одной и той же идеи.

«Буржуазія—я говорю, главнымъ образомъ, о средней—республиканскаго духа, и по натурѣ, и по темпераменту. Справь-

теть въ исторіи: вотъ уже четырнадцать вѣковъ, какъ она борется съ королевской властью и готовится къ республикѣ, и, повѣрьте, не ея вина, если въ 89 году, думая, что нашла демократію, она попала въ руки доктринѣровъ англомановъ. Никогда, по собственному внушенію, французская буржуазія не подумала бы о теоріи конституціонныхъ качель (*de la bascule constitutionnelle*); путемъ своихъ муниципальных побѣдъ, она выработалась и созрѣла для республики. Пять разъ въ теченіи срока лѣтъ, въ 90, 95, 99, 1814 и въ 1830-мъ г. Журдены революціи, бары-кулаки, соединившись съ педантами доктрины, портили въ странѣ нашей это чисто національное учрежденіе—республику; они испортили ее и въ шестой разъ, въ 1849 г., если вы, по безпричинному упорству, отынете въ ихъ объятія республиканскую буржуазію.

«А народъ, за исключеніемъ рабочаго класса большихъ городовъ, не отличающагося отъ мелкой буржуазіи, естественно наклоненъ болѣе къ социализму, а потому самому менѣе рѣшителенъ въ своемъ республиканствѣ. Это можетъ, на первый взглядъ, показаться страннымъ. Фактъ, однако, вѣренъ. Для социалиста, болѣе занятаго осуществленіемъ матеріальнаго благосостоянія, чѣмъ неотложностью политическаго права, менѣе противна власть, чѣмъ республиканцу. Разспросите на бульварѣ перваго попавшагося каретнаго извозчика: онъ вамъ скажетъ, что если дѣла въ застоѣ — виноватъ не президентъ республики, а конституція. Точно такъ же разсуждаетъ крестьянинъ: по его сужденію, выходить, что нужны не демократы, вещь слишкомъ теоретическая, а господинъ, король, императоръ, для уменьшенія податей, уничтоженія ростовщичества и уравниенія состояній; то, чего городской республиканецъ ждетъ отъ науки и закона, утопистъ деревни ожидаетъ отъ щедрости государя.—Такъ же точно разсуждаютъ вѣдь и отцы социализма: Платонъ, Муръ, Сень-Симонъ, вплоть до автора *Икаріи*—все они взяли точкой отправленія монарха, диктатора или законодателя, котораго они облакали верховною властью, воображая, что достаточно абсолютнаго самодержавства, чтобъ сдѣлать все возможное добро. Деспотизмъ — не диктатура, это—крайняя ступень подавленія и мизеріи, это—смерть республикѣ.

«Республика — говорю съ точки зрѣнія философіи исторіи, не касаясь личностей—въ высокой степени буржуазна; социализмъ, монархія, утопія—въ высокой степени народны. Теперь же надо согласить оба термина, осуществить за-разъ и политическое и матеріальное равенство, а вы произвели бы расколъ въ респуб-

лигѣ потому только, что часть республиканцевъ — буржуа: лучше же сразу объявить, что вы не желаете совсѣмъ республики. Но тогда скажите мнѣ, на какихъ основахъ укрѣпите вы социализмъ, въ ожиданіи того момента, когда онъ найдетъ и заставитъ всѣхъ признать свою формулу?

«Я знаю, что васъ щемитъ за сердце и останавливаетъ порывъ вашего сочувствія: это печальные іюньскіе дни. Іюнь сдѣлался несмыслаемымъ пятномъ для двухъ-третей націи».

И тутъ Прудонъ защищаетъ нѣкоего Гинара, бывшаго въ іюнѣ на сторонѣ буржуа. «Истинные іюньскіе люди, — восклицаетъ онъ, — тѣ, кто хладнокровно и съ преднамѣреніемъ разжегъ междусобицу и до сихъ поръ старается раздуть потухающія головки».

«Граждане, — кончаетъ Прудонъ свое увѣщаніе, — не будемъ навязывать никогда народу мыслей мщенія и ненависти. Такія мысли никогда не заходятъ ему на душу, а если и приходятъ, такъ не долго тамъ остаются. Сильно ошибутся тѣ, кто, желая быть пріятными народу, будутъ льстить его обидамъ. Рано или поздно онъ взглянетъ, какъ на предателей, на тѣхъ, кто, служа его злобнымъ возмездіямъ, произведетъ раздоръ въ демократіи: знайте, что это такъ же вѣрно, какъ и республиканскій духъ огромнаго большинства національной гвардіи».

Послѣднія письма были писаны или изъ Бельгіи, или изъ парижской засады Прудона, гдѣ онъ скрывался отъ полиціи; но одинъ изъ его «прітелей» донесъ на него. Его арестовали какъ разъ передъ отбѣздомъ въ Швейцарію, гдѣ онъ рассчитывалъ выждать событія. Обо всемъ этомъ Прудонъ сообщаетъ пріятелю своему Морису, отъ 7-го іюня, уже изъ тюрьмы С.-Пелажи. Съ этого момента начинается тюремный періодъ жизни Прудона, когда его переписка получаетъ чисто-журнальный, такъ-сказать, «ежедневный» характеръ. Письмо въ Морису предпоследнее во 2-мъ томѣ.

«Вотъ я и въ безопасности (бодро пишетъ онъ), на нѣкоторое время. Я — узникъ; но мой умъ свободенъ, такъ веселъ и живъ, какъ никогда не былъ. Я устроюсь такъ, чтобы какъ можно больше работать и наполнить скуку тюрьмы. Для этого надо никакъ не меньше, чѣмъ всѣ ресурсы моего воображенія, вмѣстѣ съ научной и политической борьбой. Постараюсь не быть ниже моего прошедшаго и дѣлаться болѣе и болѣе достойнымъ уваженія честныхъ людей».

Въ концѣ письма онъ спрашиваетъ:

«Вы навѣрно слышали, въ послѣднее время, о моей поле-

миѣ съ красными журналами. Сначала они меня обдали ругательствами за то, что я защищаль *конституцію*, а потомъ пристали къ моему мѣнью. Благодаря мѣѣ, революціонеры будутъ все больше и больше входить въ законность, и тамъ, непобѣдимые, они не преминуть, если только большинство будетъ также продолжать, какъ начало, сдѣлаться господами».

Посылая свои привѣтствія семейству Мориса, Прудонъ восклицаетъ: «а вѣдь я вовсе не былъ созданъ такимъ ужаснымъ революціонеромъ», намекая на яростное преслѣдованіе, которое на долгіе годы лишило его свободы.

Черезъ нѣсколько дней его перевели въ историческую тюрьму Консьержери.

ХП.

Въ третій томъ «Переписки» переходитъ еще 20 писемъ 1849 года. Всѣ они носятъ на себѣ тотъ уже *практическій* характеръ, какимъ отмѣчены тюремныя сношенія Прудона съ близкими людьми и разными личностями журнальнаго и другихъ міровъ. Не мѣшаетъ припомнить здѣсь, что кружокъ ближайшихъ единомышленниковъ Прудона, сплотившійся съ 1846 года, въ которомъ Даримонъ игралъ роль главнаго популяризатора его идей, вошелъ и въ кадръ редакціи Прудоновыхъ журналовъ, мѣнявшихъ заглавія, послѣ запрещеній, но не мѣнявшихъ духа. Къ именамъ Даримона, Шарля Эдмона, Матея, Кретена и другихъ, присоединяется имя Ланглуа, съ которымъ Прудонъ, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ своего заключенія, начинаетъ усердно переписываться по текущимъ дѣламъ.

Первое письмо 3-го тома, отъ 22-го іюня 1849 г., адресовано главному редактору газеты «*Presse*», Эмилю Жирардену, игравшему тогда такую видную роль въ журнализмѣ. Прудонъ, хоть и понималъ нравственную несостоятельность этой личности, но не разъ обращался къ нему съ различными предложеніями и даже просьбами, считая солидарность съ нимъ, до известной степени, возможною. Въ письмѣ отъ 22-го іюля, сообщивъ о запрещеніи газеты «*Peuple*», редакція которой была занята «*militairement*», Прудонъ прямо просилъ Жирардена о поддержкѣ, говоря, что «*Peuple*» и «*Presse*» должны современемъ образовать «могущественный союзъ». Онъ хвалитъ поведеніе Жирардена, какъ журналиста, находить даже, что съ 13-го мая этотъ политическій хамелеонъ «съ-разу и безъ усилій занялъ первое

мѣсто въ республиканской Франціи». Дальше заявленія дѣлаются еще сильнѣе: «мало того, что мы собраты, мы стали почти-что единомышленники (co-religionnaires)». Если эти строки искренни, значить, Жирарденъ сумѣлъ показать себя съ «казоваго конца» даже такому здоровому скептику, какъ Прудонъ; если же это—дипломатія, слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что, въ интересахъ дѣла, Прудонъ льстилъ ему.

Отъ 2-го іюля, продолжая сидѣть въ Консьержері, онъ опять пишетъ Эмилю Жирардену и вдается въ пространныя политическія соображенія. Дѣльность Прудона вездѣ брала свое. Коль скоро онъ призналъ полезнымъ, для торжества дорогихъ ему идей, содѣйствіе Жирардена, онъ тотчасъ же начинаетъ съ нимъ искреннія и дѣльныя сношенія. И третье посланіе отправляетъ онъ ему, 11-го іюля, но уже въ другомъ тонѣ. Поводомъ къ письму послужила нескромность Жирардена, рассказавшаго своимъ читателямъ, что будто—первое лицо, какое пожелалъ увидать Луи-Наполеонъ, по прїѣздѣ въ Парижъ, былъ Прудонъ, и что его же приглашалъ къ себѣ въ Фросдорфъ—графъ Шамборъ. Не желая, чтобы злоупотребляли его именемъ и подробностями его частной жизни, Прудонъ самъ рассказываетъ, какъ состоялось его свиданіе съ Луи-Наполеономъ. Было это 26-го сентября 1848. Прудонъ былъ приглашенъ Бонапартомъ и отправился къ нему съ членомъ крайней республиканской партіи, г. Шмельцомъ, желая нарочно, чтобы при свиданіи былъ посторонній свидѣтель.

«Разговоръ,—сообщаетъ онъ дальше,—шелъ объ организаціи труда, финансахъ, внѣшней политикѣ, конституціи. Г. Луи Бонапартъ говорилъ мало, слушалъ меня благосклонно и казался согласнымъ со мною почти во всемъ. Онъ вовсе не поддается клеветамъ, распространяемымъ противъ социалистовъ; онъ норицалъ, безъ околичностей, политику генерала Кавэньяка, запрещенія журналовъ, осадное положеніе и эту альпійскую армію, которая, казалось, говорила Италіи, возставшей для своей независимости: *«сердце мое и хочетъ, и не хочетъ»*; онъ находилъ какъ нельзя больше смѣшными и нелѣпыми финансовыя выдумки гг. Гарнье-Пажеса, Гудшю и Дювлера, не умѣвшихъ, подъ влияніемъ финансоваго комитета, отвѣтить на всѣ запросы организаціи кредита чѣмъ-либо инымъ, какъ словами: *«ассигнаціи и бу-мажныя деньги»*.

Прудонъ подаль Бонапарту совѣтъ, разъ попавши въ президенту, оставить всякія притязанія на престолъ Франціи и под-

чиниться волѣ народа и конституціи. На это кандидатъ въ президенты отвѣчалъ уклончиво и въ общихъ выраженіяхъ.

«Вообще же, — добавляетъ Прудонъ, — мы могли полагать, — и г. Жоли, и г. Шмельцъ и я, — что человѣкъ, бывшій въ бесѣдѣ съ нами, не имѣлъ уже ничего общаго съ заговорщикомъ Страсбурга и Булони и что возможно было республикѣ, погибшей когда-то отъ руки Бонапарта, быть основанной въ наши дни другимъ Бонапартомъ».

Собесѣдники Луи-Наполеона были слишкомъ честны и прямы, почему и вдалились въ обманъ. Но Прудонъ приводитъ замѣтку изъ своей записной книжки, отъ 26 сентября, показывающую, что онъ все-таки кое-что разсмотрѣлъ:

«26-го сентября. Визитъ Луи Бонапарту. Этотъ человѣкъ кажется благонамѣреннымъ: рыцарская голова и сердце; болѣе наполненъ славой своего дяди, чѣмъ личнымъ самолюбіемъ. Вообще же будничныи умъ. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ добился громкой судьбы, когда къ нему поближе присмотрятся и узнаютъ. Скорѣе *недоотпрать*. Это — привычка всѣхъ претендентовъ искать сначала вожаковъ партій».

На счетъ же Шамбора Прудонъ объявляетъ извѣстіе «Прессы» чистою выдумкой.

Все это дѣло вышло изъ того, что приспѣшникъ Бонапарта, Бассано (черезъ посредство котораго состоялось свиданіе 26-го сентября), началъ обвинять Прудона чуть не въ измѣнѣ послѣ его рѣзкихъ нападокъ на политику принца-президента. Прудонъ пишетъ длинное объяснительное посланіе и этому Бассано, отъ 16-го іюля. Слѣдующимъ за тѣмъ письмомъ начинается рядъ пріятельскихъ записокъ, въ которыхъ, кромѣ «текущихъ дѣлъ», изрѣдка попадаются фразы, возгласы, мысли, напоминающіе Прудона прежнихъ эпохъ. Такъ въ письмѣ къ Морису, отъ 29-го октября уже изъ тюрьмы С.-Пелажи, мы читаемъ: «повѣрьте, черезъ шесть мѣсяцевъ, черезъ годъ, или я сильно ошибаюсь, или обо мнѣ заговорятъ въ Европѣ сильнѣе, чѣмъ говорили во Франціи, въ прошломъ году; быть можетъ, гвалтъ начнется съ появленіемъ «Признаній» (книга его — *Confessions*, только-что имъ оконченная). Дай-то Богъ, чтобы консервативная публика хорошо ее приняла».

Въ теченіи 1849 года должны были судиться по политическому процессу его ближайшіе пріатели. Прудонъ даетъ имъ совѣты, и въ частности одному изъ нихъ — Ланглуа, котораго правительство считало душою заговора. Въ журналѣ Прудона — *Voix du Peuple* — Ланглуа дѣйствительно игралъ роль и въ концѣ

1849 года Прудонъ то-и-дѣло пишетъ ему по дѣламъ журнала. Эмиль де-Жиранденъ продолжаетъ его занимать, и въ письмѣ отъ 10-го ноября онъ, прочтя жирарденовскую статью, говоритъ: «мы съ вами—два полюса революции; отъ васъ будетъ зависеть, чтобы мы черезъ шесть мѣсяцевъ потрясли весь старый мѣръ». Но онъ собирается критиковать «систему» Жирандена и объявляетъ ему: «главный пунктъ, на который будетъ обращена моя критика, это то, что, по-моему, вы слишкомъ рѣзко нападаете на собственность и клонитесь, сами о томъ не догадываясь, къ всеобщей регламентаціи посредствомъ государства; такъ что вы, гораздо больше меня, социалистъ, чему я конечно не завидую, но я нахожу это весьма опаснымъ для вашего проекта».

Для любителей пикантнаго такой отрывокъ особенно курьезенъ: Прудонъ, выговаривающій Жирандену за то, что тотъ слишкомъ рѣзко нападаетъ на собственность!..

Книгопродавцу Гильемени онъ сообщаетъ не менѣе пикантную новость, отъ 3-го декабря:

«Кстати о Народномъ Банкѣ. Я долженъ извѣстить васъ о большомъ дѣлѣ, затѣянномъ между С.-Пелажи и Елисейскимъ дворцомъ. Луи Бонапартъ долженъ ни больше, ни меньше, какъ сдѣлаться компаньономъ Народнаго Банка. Я доставлю публикаціи, статуты и т. д.; дѣло пойдетъ на разсмотрѣніе и, быть можетъ, правительство или президентъ, не знаю ужъ кто изъ нихъ, сдѣлаетъ для насъ то, что сдѣлано было для *cités ouvrières*; возьметъ на себя починъ акціонерной компаніи, посредствомъ крупной подписки».

Это — вовсе не наивность. Полстраницы ниже мы читаемъ въ томъ же письмѣ:

«Если это дѣло уладится, Гора, экономисты, икарійцы, фаланстерьянцы — все будетъ раздавлено; Луи Бонапартъ, такъ или иначе, займетъ мѣсто въ республикѣ, что меня, въ сущности, очень мало трогаетъ: лучше ужъ онъ, чѣмъ Луи-Бланъ».

Тутъ нѣтъ и никакой непослѣдовательности, хотя на иное обоняніе это и не совсѣмъ хорошо пахнетъ: для Прудона личности и политическія формы были всегда до такой степени второстепенными вещами, что онъ готовъ былъ бы сейчасъ же заключить союзъ на жизнь и смерть съ тогдашнимъ президентомъ республики, лишь бы тотъ исполнялъ сущность его стремленій. Въ этой попыткѣ онъ видѣлъ исполнимое дѣло; а въ идеяхъ и системахъ идеалистовъ, въ родѣ Луи-Блана, — «проклятую ложь», какъ онъ выражался...

Душа газеты «Voix du peuple» жила вмѣстѣ съ Прудономъ

въ тюрьмѣ С.-Пелажи. Оттуда получались инструкціи, идеи и обобщенія. Письма въ Ланглуа, помѣченные 4-мъ и 14-мъ декабря, могутъ служить образцами такихъ руководящихъ посланій. Въ первомъ изъ нихъ Прудонъ говоритъ между прочимъ: «мы все идемъ впередъ, мы основываемъ, мы развиваемъ, мы покровительствуемъ, мы охраняемъ. А эти глупые и неблагодарные демократы говорятъ, что мы—продались; все сплочивается противъ насъ еще разъ, все рычитъ противъ «Voix du peuple». Люди же, въ родѣ Ланглуа, сидя въ своей тюремной кельѣ, желаютъ, какъ обличаетъ ихъ Прудонъ, автократически командовать республикой. Такіе же строгіе и правдивые выговоры находимъ мы и въ письмѣ отъ 14-го декабря: «Нѣтъ,—воскликаетъ Прудонъ,—вы не имѣли права возмущаться (vous insurger), ибо большинство народа, созданнаго вами, высказалось въ смыслѣ большинства представителей; меньшинство же народа не имѣло бы также права производить возстаніе. А чего не могло дѣлать меньшинство народа, какое право на то имѣло меньшинство парламента?»

«Конечно, не я принадлежу къ вѣрующимъ въ непогрѣшимость большинства; но до тѣхъ поръ, пока не существуетъ другого мѣрила достовѣрности, какъ баллотировка и законъ количества (du nombre), надо имъ подчиняться».

XIII.

Съ 1850 года начинается длинный списокъ журнальных писемъ, большею частью адресованныхъ Прудону Даримону—какъ главному своему сотруднику; а въ лицѣ его и во всѣмъ членамъ кружка, работавшаго въ Прудоновомъ органѣ. Переписка 1850 года, едва не достигающая внушительной цифры ста писемъ, занимаетъ весь почти третій томъ, за исключеніемъ первыхъ 75 страницъ. Но вся эта масса писемъ представляетъ для характеристики Прудона сравнительно малую добычу. Въ большинствѣ случаевъ такъ бы могъ писать и другой редакторъ, сидящій взаперти, своимъ сотрудникамъ. Прудонъ много работалъ въ тюрьмѣ, писалъ цѣлыя книги; но переписывался онъ почти исключительно съ редакціей своего журнала, и вопросы его интеллигентнаго развитія имъ почти не задѣвались. Онъ каждый день долженъ былъ дѣлать замѣчанія, остерегать, поощрять, оуждаты или хвалить. Хотя въ тонѣ его записокъ и объясни-

тельныхъ посланій не чувствуется ничего начальническаго, какъ у насъ говорить — «генеральскаго»; но все-таки онъ имѣлъ дѣло съ людьми моложе себя, менѣ развитыми и знающими, находящимися подъ нравственнымъ авторитетомъ его личности. Вездѣ сказывается сильная натура, дѣловой умъ, твердый характеръ, и не смотря на то — впечатлѣннѣе переписки гораздо мельче, скажемъ больше: менѣ выгодно для Прудона, какъ исторической фигуры. Такова уже сфера ежедневной печатной возни съ публикой и сверстниками по эпохѣ и ремеслу. И въ письмахъ Прудона вы найдете такіе компромиссы, такія противорѣчія, такія спѣшныя сужденія, какихъ бы не было, еслибъ не спѣшность самой дѣятельности, еслибъ не безпощадная «злоба дня». Реакціонное направленіе тогдашняго правительства республики, пошлость разныхъ органовъ печати, — все это раздражало Прудона, лишеннаго свободы и возможности дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, и вызывало проявленія его натуры, не всегда строго соотвѣтствовавшія его общимъ принципамъ. Такъ, уже въ письмѣ отъ 15-го января въ Даримону онъ говоритъ: «прежде чѣмъ умремъ, надѣюсь, что успѣемъ привить ядъ возмущенія всей странѣ», — и сказано это черезъ мѣсяць послѣ строгаго выговора Ланглуа. Нѣсколькими строчками ниже находимъ таковой крикъ политической ярости: «надо разбить общество, если мы хотимъ его спасти; нашъ послѣдній аргументъ, санкція нашей критики — возмущеніе. Я не хочу нести на себѣ позоръ, оставаясь журналистомъ, когда свобода печати уничтожена; надо или говорить, или переломать перья». Черезъ мѣсяць, отъ 14-го февраля, Прудонъ пишетъ все тому же Даримону: «наша идея *анархїи* — пущена; *безправительство* (non-gouvernement) растетъ также, какъ когда-то *безсобственность* (non-propriété). Надо, стало быть, дѣйствовать теперь подобнымъ же образомъ. Послѣ отрицанія собственности, денежнаго роста, мы засѣли за учрежденіе банка дароваго кредита. Также точно, послѣ отрицанія государства, мы должны дать почувствовать, что дѣло идетъ о довершеніи прогрессивнаго движенія, состоящаго въ упрощеніи *usque ad nihilum*, а не въ осуществленіи внезапной и прямой анархїи. Вы понимаете!.. Все это — основанное на свободѣ, на свободномъ обсужденіи».

Слова Прудона заключаютъ въ себѣ совѣтъ не тотъ смыслъ, какой обыкновенно придаютъ своей «анархїи» такъ называемые «анархисты», силящіеся создать изъ ученія о всеобщемъ уничтоженіи нѣчто въ родѣ системы. Прудонъ, даже въ жару публицическаго гнѣва, разумѣлъ подъ своей *анархїей* упраздненіе

всякой государственной регламентаціи, самую высшую ступень самоуправленія; а вовсе не *уничтоженіе всего*, выработаннаго цивилизаціей и полный хаосъ общественнаго броженія. Въ его крестьянскомъ умѣ, воспитанномъ на изысканіяхъ метода и закона, ничего подобнаго не могло ни зародиться, ни созрѣть. Но недоразумѣнія были очень возможны, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на современниковъ такіа фразы и формулы дѣйствовали самой худшей своей стороной.

Даже въ полемическомъ раздраженіи Прудонъ не переставалъ быть защитникомъ правильной, нормальной самостоятельности, безъ всякаго вмѣшательства диктатуры или мистическо-соціального догматизма. По поводу новаго изданія «Спора» между Бастіа и имъ самимъ, онъ пишетъ Даримону отъ 16-го февраля, что «невозможно» было бы «сдѣлать взаимный кредитъ обязательнымъ посредствомъ государственнаго декрета». Ниже онъ такъ говоритъ про умѣтность народнаго возстанія: «менѣе, чѣмъ когда-либо, нужно, чтобы народъ думалъ о сопротивленіи; надо, чтобы онъ скользилъ, какъ угорь, въ рукахъ реакціи». А на другой день тому же Даримону онъ «наказываетъ»: «пожалуйста, не по-тавайте тѣмъ безумцамъ, которые требуютъ, чтобы кандидаты непременно дрались въ іюньскіе дни; этого нельзя допускать». Всей редакціи онъ шлетъ, отъ 19-го февраля, программу, по которой слѣдовало бы спрашивать кандидатовъ. Вотъ она:

„Общая амнистія;

„Уничтоженіе законовъ о печати;

„Реформа законовъ о податяхъ;

„Рекрутская система для арміи;

„Народное образованіе;

„Тарифы таможенный и водяной;

„Уничтоженіе транзита;

„Упрошеніе администраціи;

„Уничтоженіе компаній, имѣющихъ монополіи на эксплуатацію каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и проч. и проч.“.

Программа эта резюмируетъ всѣ тогдашнія *pia desideria* Прудона, какъ журналиста и соціальнаго писателя, примѣненныя къ потребностямъ и *возможностямъ минуты*. Какъ читатель видитъ, въ ней нѣтъ ничего утопическаго. Журналомъ «Voix du peuple» онъ вообще доволенъ и говоритъ, что чѣмъ меньше онъ самъ въ немъ пишетъ, тѣмъ онъ ему больше нравится. Около того же времени (отъ 20-го февраля) Прудонъ обращается съ большимъ просительнымъ письмомъ къ префекту полиціи. Въ это время онъ былъ уже женатъ. Въ тюрьмѣ С.-Пелажи, гдѣ онъ

высиживалъ свой срокъ, ему жилось еще сравнительно недурно. Онъ могъ принимать друзей, видѣться съ женой и даже выходить на честное слово. Но журналъ «Voix du Peuple» продолжалъ издаваться по его идеямъ. Правительство Луи-Бонапарта подозрѣвало его во всѣхъ рѣзкихъ статьяхъ, и затѣяло противъ него новое преслѣдованіе. Онъ былъ переведенъ въ Консьержери, стѣсненъ въ выходѣ и приѣмѣ посѣтителей; и въ перспективѣ у него была *секретная*, при первой сильной выходѣ журнала его единомышленниковъ. Положеніе сдѣлалось слишкомъ тягостнымъ. Прудонъ и пожелалъ его исправить. Не отрезаясь отъ своего прошедшаго, онъ напоминаетъ префекту полиціи, у котораго просить прежнихъ послабленій, что его направленіе никогда не было разрушительнымъ, что на возмущеніе 13-го іюня онъ не переставалъ смотрѣть какъ на дѣло противозаконное, такъ какъ: «право возстанія погашается учрежденіемъ всеобщей подачи голосовъ». Далѣе онъ указываетъ на свою постоянную примирительную роль, на неустанное желаніе согласить интересы классовъ, для чего собственно онъ и напечаталъ свои *Признанія*, и наконецъ на свою безпощадную критику всѣхъ социалистскихъ утопій, ссылаясь даже на толки, ходившіе на биржѣ—что онъ, Прудонъ, содѣйствовалъ порядку и восстановленію нормальнаго хода дѣлъ своими нападками на утопистовъ и либерализмомъ своихъ стремленій. Это письмо вызвано, конечно, тяжелой дѣйствительностью; но Прудону все-таки не слѣдовало писать его съ такими доводами. Слова его—правдивы; только не префекту полиціи говорить ихъ, обращаясь къ нему съ просьбою о послабленіи... Слухъ о письмѣ тотчасъ же разнесся по демократическимъ кружкамъ Парижа, и мы видимъ, что позднѣе Прудонъ раздражительно говоритъ на эту тѣму въ запискѣ Даримону, совѣтуя въ видѣ отвѣта пропечатать все письмо въ журналѣ. Такое средство врядъ ли послужило цѣли. Ему могли всегда сказать, что просилъ онъ исключительно *о себѣ*; не имѣлъ, стало-быть, за себя и смягчающихъ обстоятельствъ ходатайства за другихъ. Первымъ же слѣдствіемъ этого неудачнаго, хотя, быть можетъ, и пракческаго шага было то, что Прудонъ отказался отъ всякаго участія въ «Voix du peuple», о чемъ онъ писалъ и Карлье—префекту полиціи, завѣряя, что онъ жаждетъ предаться научнымъ и философскимъ трудамъ во весь періодъ своего заключенія. Да и Даримону онъ «ставитъ на видъ», чтобы «Voix du peuple» поддержалъ его обращеніе къ префекту «умѣренностью» и «примирительнымъ духомъ». Свою переписку съ редакціей онъ не сократилъ. Письма и записки идутъ своимъ

чередомъ, и мы находимъ даже большое посланіе отъ 26-го февраля по виѣшной политикѣ, гдѣ заключительная нота враждебна, какъ всегда, крайностямъ демагогіи и коммунизма. «Ограничимся тѣмъ, заключаетъ онъ, что успокоимъ буржуазію, чтобы сдѣлать потомъ революціонный порывъ болѣе общимъ и могучимъ». Въ предпоследнемъ февральскомъ письмѣ отъ 27-го числа нельзя обойти молчаніемъ тирады: «Франція, когда она не представляетъ благой среды (*juste milieu*)—монтаньярка; когда она не лобызаетъ... деспота, она прячется въ юбки Конвента! Спасемъ ее отъ нея самой, путемъ самаго широкаго примѣненія принциповъ: народъ, народъ, непрерывно и повсюду». А въ письмѣ отъ 28-го февраля, бьетъ въ глаза характерный возгласъ на счетъ Э. Жирардена: «*Que set homme est bête*». Въ продолженіи марта, отъ котораго сохранилось 14 писемъ, стбитъ отмѣтить, какъ выходяція изъ рамокъ журнальныхъ инструкцій и замѣтокъ, адресованныхъ Даримону, два письма: опять префекту полиціи и какому-то «Г. Б***-сыну изъ Ферте-Бернара». Изъ письма къ префекту видно, что Прудонъ былъ, послѣ перваго своего обращенія, возвращенъ въ С.-Пелажи, откуда его перевели опять въ Консьержери, гдѣ помѣстили такъ хорошо, что онъ не можетъ не видѣть въ этомъ тюремномъ комфорта доказательствъ вниманія къ нему префекта, за что онъ усердно благодаритъ его; но сожалѣетъ все-таки о своей высокой и неудобной комнатѣ въ С.-Пелажи. Онъ проситъ перевести его снова туда, такъ какъ тамъ у него цѣлый кружокъ друзей и демократовъ, находящихся подъ его вліяніемъ, за которыхъ онъ, такъ сказать, нравственно обязанъ отвѣчать. Письмо это, даже и на совершенно объективный взглядъ, не производитъ хорошаго впечатлѣнія, хотя вполне вѣрно, что такой человѣкъ, какъ Прудонъ, никогда не вдавался въ абсолютизмъ и нетерпимость. Но онъ ненавидѣлъ и презиралъ правительство президента, зналъ прекрасно, чего ждать отъ его вліянія... и находилъ возможнымъ очень мягко переписываться съ префектомъ полиціи. Г. Б*** обратился къ нему за совѣтомъ и руководствомъ: Прудонъ, видя, что ему всего 17 лѣтъ, весьма сурово отклоняетъ отъ себя всякія сношенія съ нимъ и чуть не говоритъ, что на мѣстѣ «*monsieur son père*» онъ его разложилъ бы... въ ожиданіи совершеннолѣтія.

На апрѣль приходится слѣдующимъ пятнадцать писемъ—редаціоннаго содержанія, за исключеніемъ двухъ писемъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 27-го и 28-го апрѣля, и одного къ префекту полиціи. Прудона внезапно перевели въ крѣпость Дюл-

ленсъ (Dullens) и посадили въ секретную. Онъ жалуется на это министру и говоритъ въ письмѣ отъ 27-го числа: «разумѣя социализмъ и революцію иначе, чѣмъ другія социальныя школы, я предполагалъ, защищая республиканскіе принципы и побуждая къ экономическимъ реформамъ,—энергически опровергать то, что я называю *утопией*, т.-е. съ одной стороны коммунистическую коалицію, которая меня ненавидитъ, съ другой демагогическую партію, на которую я не менѣе могу жаловаться, чѣмъ на клеветы реакціонеровъ». Префекту онъ писалъ о томъ-же, отъ 24-го апрѣля. Въ редакціонной перепискѣ выдѣляются двѣ фразы о ничтожествѣ Жиардена, какъ политическаго кандидата, и о кандидатурѣ романиста Е. Сю, на которую Прудонъ смотритъ, какъ на величайшую неловкость и якобинскій макіавелизмъ. Въ Дюлленсѣ у Прудона было слишкомъ мало свободы, и это отражается на числѣ писемъ: ихъ въ маѣ насчитывается всего одиннадцать: всѣ въ редакцію, или какимъ-нибудь членамъ журнальнаго кружка, опять-таки за исключеніемъ одного письменнаго обращенія къ директору крѣпости. Въ письмѣ къ «редакторамъ *Voix du peuple*», отъ 1-го мая, стоитъ фраза, резюмирующая собою всю публицистическую политику Прудона: «*Inflexibilité dans les principes, transaction perpetuelle avec les circonstances et les hommes*»¹⁾. Имъ же отъ 5-го мая онъ пишетъ: «могу лишь подтвердить вамъ то, что я уже вамъ говорилъ во всѣхъ моихъ письмахъ: приготовляйтесь рѣзко различать нашу школу, *школу неограниченной, прогрессивной свободы*, отъ социалистическихъ сектъ, которыя подъ различными именами стремятся, во имя общества, къ тому лишь, чтобы убить личность». Въ томъ же письмѣ есть и другое поученіе: «оставьте немного политику; народъ жаждетъ науки, а вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ, какъ мы продѣлываемъ съ нимъ одни маневры». Письмо къ Матѳею, отъ 6-го мая, есть также обращеніе ко всей редакціи. Въ немъ Прудонъ отговариваетъ своихъ единомышленниковъ отъ всякой попытки новаго народнаго возмущенія. Его доводы дышатъ простотой, честностью, дѣльностью истиннаго друга народной массы. «*Le pays avant tout!*» восклицаетъ онъ, и въ его устахъ это—не фраза. Только Прудонъ умѣлъ, не отдавая ни малѣйшей дани буржуазной пошлости, оставаться человѣкомъ дѣла и умѣренности на высотѣ самыхъ прогрессивныхъ и великодушныхъ принциповъ. Въ концѣ письма онъ сообщаетъ о своихъ товарищахъ по заключенію въ крѣпости Дюлленсъ:

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

«Я здѣсь вмѣстѣ съ Распайлемъ; онъ живетъ схимникомъ и совершенно серьезно смотритъ на свою бывшую кандидатуру въ президенты; вмѣстѣ съ Барбесомъ, республиканцемъ съ того свѣта; съ Бланкѣй, обладающимъ рѣдкой проницательностью, немного пессимистомъ, холоднаго характера, который всегда будетъ портить его крупные замыслы; съ Сорбье — большимъ головою и сердцемъ; наконецъ съ двумя молодыми руанцами, которыхъ я не знаю. Я забылъ про Альбера — этого Пилада Луи-Блана.

«Право, не знаю, почему я очутился со всѣми этими гражданами, которыхъ я необычайно уважаю; но ни съ однимъ изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ Гюбера, я не имѣю никакой связи; я — новый человѣкъ, *человѣкъ полемики, а не баррикады, человѣкъ, который могъ-бы достигъ своей цѣли, обѣдая каждый день съ префектомъ полиціи...* Это забавно!» Въ крѣпости Прудону приходилось такъ плохо, что онъ предлагаетъ редакціоннымъ друзьямъ особый языкъ, гдѣ, напр., «*Voix du peuple*» будетъ называться *Maison*, а правительство или реакція: *la Compagnie des Gondoles*. Шарлю Эдмону (т.-е. опять-таки своему оружену) онъ пишетъ отъ 12-го мая, что заключеніе въ крѣпости Дюленсъ позволило ему изучить весь генеральный штабъ революціи, всю «медвѣжью яму», какъ онъ выражается. Онъ перечисляетъ эти личности — отъ Консидерана до Делеклюза, и присоединяетъ къ нимъ Ламартина, Кремье, Бюшеза, Кавеньяка, Марраста и Жирардена, которыхъ достаточно изучилъ въ палатѣ и въ прессѣ. Ему пришла мысль составить объ нихъ родъ *rapорта*, который, по его мнѣнію, «въ двадцать-четыре часа уничтожилъ бы демагогическую партію»; но онъ видитъ, что это слишкомъ бы было на руку торжествующей реакціи. Молодому единомышленнику своему, Ланглуа, Прудонъ пишетъ, отъ 18-го мая, цѣлое посланіе, самое интересное въ мыслительномъ отношеніи за весь этотъ періодъ. Вначалѣ онъ оспариваетъ теорію безконечнаго прогресса, которую выставилъ, повидимому, Ланглуа въ своихъ соображеніяхъ. Прудонъ указываетъ ему на важную роль свободы, личной и коллективной, и стоитъ за возможность застоя цивилизаціи и даже преждевременнаго уничтоженія нашего *земною* человѣчества. Форма Прудоновыхъ доводовъ отзывается метафизикою, что читатель увидитъ изъ слѣдующаго мѣста: «Вы забываете, мой другъ, что человѣчество непогрѣшимо гораздо больше въ своихъ мысляхъ, чѣмъ въ своихъ дѣлахъ, что, во всякомъ случаѣ, идея человѣчества не поглощена еще вся этимъ бѣднымъ земнымъ (*terraqüée*) человѣчествомъ, часть котораго составляемъ мы съ вами, что *человѣкъ*, т.-е. свободный и прогрессивный умъ —

вѣченъ и безконеченъ, какъ Богъ, его противо-образъ; словомъ, что мы, жители этого шара, очень легко можемъ заблудиться и погибнуть, какъ погибла идея (другіе скажутъ, раса) египетская, ассирійская и проч., причѣмъ человѣческая непогрѣшимость останется непривосновенной». Отъ этого метафизическаго взгляда Прудонъ переходитъ къ тогдашней внутренней политикѣ, и не скрываетъ своего пессимизма. По его мнѣнію, во Франціи и въ Европѣ дѣло республики и широкаго прогресса потеряно. Упрекаетъ онъ Ланглуа и за нетерпимость по поводу толковъ о сношеніяхъ Прудона съ префектомъ полиціи. Онъ ставитъ себя выше подобныхъ якобинскихъ мелочей и приводитъ примѣры, доказывающіе, что и въ демократическомъ мірѣ господствуетъ вражда и исключительность сектантовъ. Кончаетъ онъ формулированіемъ уже извѣстнаго намъ *profession de foi*: всегда и во всемъ хотѣлъ онъ быть примирителемъ интересовъ, всегда желалъ онъ основать, на революціонной почвѣ, «партію, могучую умомъ, честностью, принципами, такую партію, которая бы поглотила всѣ другія и дѣйствовала правильно, мирно, скоро — для осуществленія всѣхъ предвидѣнныхъ и приготовленныхъ реформъ». Съ новой силой объявляетъ Прудонъ, что онъ — врагъ республиканскаго формализма и догматизма, политики à la Робеспьеръ, котораго онъ не переставалъ ненавидѣть. Было бы лучше всего, по его прежнему убѣжденію, добиться того, чтобы народъ *отказался платить подати*, видя, какъ его лишаютъ правъ, чѣмъ науськивать его на возстаніе. Но отказа въ податяхъ якобинцы бояться не меньше правительства, потому что они сами держатся за принципъ власти и абсолютизма — и безъ него погибли. Въ такомъ же духѣ написано посланіе къ редакціи отъ 22-го мая, гдѣ онъ требуетъ воздерживаться отъ политическихъ статей и давать «соціальную науку: положительную, глубокую, практическую, всемірную, неумолимую». Журналъ «*Voix du peuple*» былъ снова остановленъ; но Прудонъ считаетъ это выгоднымъ для редакціи, предлагая ей программу, заключающуюся въ приведенныхъ нами строкахъ. Последнее майское письмо на имя Ланглуа, отъ 25-го числа, наполненное разными подробностями минуты, содержитъ въ себѣ такой энергическій протестъ: «вся эта каналья: люксембургская, иварійская, фаланстерьянская, якобинская, эти людодѣды, желавшіе быть *сами собою* прежде всего, они-то что дѣлаютъ? А интриганы, говорившіе объ отказѣ податей, когда «*La Voix du peuple*» подхлѣстывалъ ихъ, что они говорятъ, что предлагаютъ?»

XIV.

На іюнь приходится всего шесть писемъ такого же характера. Первое, отъ 2-го іюня, къ Марку Дюфрессу, написанное уже въ парижской Консьержери, есть не что иное, какъ рядъ отвѣтовъ на вопросы, поставленные Дюфрессомъ и касающіеся программы журнала. Посланіе это занимаетъ цѣлыхъ 14 страницъ. Многіе изъ отвѣтовъ Прудона нуждаются въ особыхъ комментаріяхъ. Нѣкоторые пункты интересны тѣмъ, что знакомятъ въ сжатой формѣ съ такими взглядами Прудона, которые онъ не развивалъ въ другихъ письмахъ того же періода. Такъ, въ отвѣтъ на XI-й вопросъ, Прудонъ высказывается противъ обязательнаго обученія, доставляемаго государствомъ; но онъ въ то же время желаетъ отнять у духовенства всякое вліяніе въ этомъ дѣлѣ. Такое же противорѣчіе есть и въ отвѣтъ на XII-й вопросъ, гдѣ съ *терпимостью* онъ требуетъ полнѣйшаго уничтоженія католичества путемъ преслѣдованій, вѣроятно нравственныхъ, а не матеріальныхъ. *Общину* онъ признаетъ верховною вершительницей всѣхъ вопросовъ внутренней политики и прибавляетъ, что это для него — самый вѣрный принципъ, хотя его и называли глупо *жирондинизмомъ*. По внѣшней политикѣ стоятъ обмолвки, кажущіяся теперь курьезами; но не слѣдуетъ забывать, что съ этими «обмолвками» Прудонъ такъ и умеръ. Про Италію онъ рѣшительнымъ тономъ говоритъ, что она *никогда* не составитъ одной національности, а про нѣмцевъ, что «германское единство — теорія нѣмецкаго метафизика». Въ заключеніи онъ высказывается такъ:

«Мой планъ былъ бы—если бы я сдѣлался вашимъ сотрудникомъ—послѣ новаго подтвержденія и защиты всѣхъ моихъ предыдущихъ заключеній, овладѣть мнѣніемъ посредствомъ новой грандіозной теоріи, которая бы предупредила и поглотила всѣ критики, *теорію прогресса по себѣ* ¹⁾, т. е. вѣчнаго движенія революціонныхъ идей; однимъ словомъ, философіи реформъ. Этимъ я спасъ бы все: абсолютизмъ принциповъ и медленность примѣненій. Тогда бы поняли, что если истина есть то, что *есть*, она еще болѣе то, что *дѣлается* (*devient*); тогда бы журналъ, даже въ своихъ исключеніяхъ изъ общихъ правилъ, могъ быть оправ-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

данъ и защищенъ отъ всякихъ упрековъ. Тогда революціонная партія представляется разомъ непоколебимой въ своихъ принципахъ, практической и возможной».

Отъ юля сохранилось всего два письма: къ Даримону, отъ 17-го, и къ Буттвилю (бывшему учителю въ коллежѣ S-te Barbe, умершему въ Парижѣ въ 1870 г.), отъ 20-го юля, гдѣ Прудонъ благодаритъ его за переводъ предисловія Грюна, которое онъ желалъ-было прежде помѣстить во главѣ одной изъ своихъ книгъ. Теперь онъ остался равнодушнѣе къ выводу Грюна—будто бы «Феноменологія духа» Гегеля содержитъ въ себѣ его экономическія заключенія *potentialiter*, какъ говорятъ метафизики, и будто бы нѣмцы обязаны, «по Гегелю», сдѣлаться социалистами. Изъ восьми писемъ, приходящихся на августъ, замѣчательнѣе всѣхъ остальныхъ большое теоретическое письмо къ г-ну Х***, приславшему Прудону вслѣдъ послѣднихъ шестидесяти лѣтъ «Французской Исторіи». Прудонъ разбираетъ значеніе *демагогіи*, и съ обычной ясностью и вѣскостью указаній доказываетъ тотъ, все еще неизвѣстный реакціонерамъ фактъ, что такъ-называемые «демагоги», т.-е. вожаки народныхъ массъ, люди партій, играютъ самую незначительную роль въ минуту государственныхъ катастрофъ. Кромѣ указаній на прошлое, на свидѣтельство Робеспьера и Марата, Прудонъ приводитъ собственный опытъ съ 24-го февраля. Въ тюрьмѣ, гдѣ онъ перезнакомился со всѣми «демагогами», онъ былъ изумленъ той «малой долей настоящей власти всѣхъ этихъ демагогическихъ *мухъ*, которыхъ реакціи обдають взрывами своего негодованія». Народная масса, въ роковую минуту, не слушается людей строгаго мышленія, послѣдовательности, логики. Поэтому-то люди, какъ Барбесъ—глава тогдашней воинствующей демократіи—въ сущности были ея первыми солдатами, а вовсе не вождями; а человекъ, какъ Бланки, «l'homme de conseil», по выраженію Прудона, вовсе не давалъ самъ толчка, а всегда принужденъ былъ ему слѣдовать. Поэтому-то демагогія, если на нее взглянуть съ этой точки зрѣнія, и должна получить совсѣмъ иной интересъ: въ глазахъ историка «она становится,—заключаетъ Прудонъ,—почти достойной уваженія и святой». Про себя же онъ прибавляетъ, что не будь онъ «homme de réflexion», человекъ, задавшійся цѣлью превращать инстинктивные проявленія народа въ сознательныя дѣйствія, будь онъ «идолопоклонникъ, какъ фурьеристы», онъ сдѣлался бы «партизаномъ и панегиристомъ демагогіи». Въ письмѣ на имя Даримона, отъ 24-го августа, есть такая фраза о Луи-Наполеонѣ: *Cet homme, d'ail-*

leurs, est de ceux que l'on conspuе, mais qu'on ne tue pas. Почему такъ и неприятно натѣнуться въ концѣ третьяго тома на письмо къ президенту республики, отъ 28-го ноября, съ просьбою объ облегченіи участи, хотя письмо это и было потомъ уничтожено, какъ слишкомъ «личное», по замѣчанію самого автора, находящемуся подъ текстомъ. Письмо это, названное «петиціей», было замѣнено ходатайствомъ объ общей амнистии.

Во всякомъ случаѣ, врядъ ли слѣдовало Прудону обращаться къ человѣку, замышлявшему 2-е декабря, во имя солидарности, объединяющей ихъ, какъ враговъ «старыхъ партій». На этой фальшивой нотѣ намъ приходится закончить обзоръ 1850 года, гдѣ всѣ остальные письма съ сентября по конецъ декабря писаны изъ Консьержери. Считая съ петиціей, на всѣ четыре послѣднихъ мѣсяца приходится всего одиннадцать писемъ, журнальнаго или дѣлового содержанія, адресованныхъ Даримону, Дюфрессу, Жирардену, Морису, Лалу и Гильемону. Въ приложеніи къ третьему тому есть еще три письма къ г-ну Деларажазу (два изъ 1843 года и одно изъ 1847 г.) и г-ну G***, по содержанію—для нашей задачи существенныя лишь въ томъ смыслѣ, что и въ 1843 году, какъ мы это знаемъ, Прудонъ стоялъ за положительный взглядъ на общество, какъ на образующійся организмъ, «измѣняющій» свои формы, почему и нельзя никогда утверждать, что оно находится въ абсолютномъ безпорядкѣ.

Вторая наша статья обняла, кромѣ расцвѣта мыслительныхъ силъ Прудона—въ смыслѣ теоріи и метода—и разгаръ его публицистической дѣятельности, ослабленной, но не задушенной вполне его тюремнымъ заключеніемъ. Надѣмся, что теперь читателю достаточно ясно, съ чѣмъ Прудонъ приступилъ къ дѣятельности журналиста. На всѣ вопросы, относившіеся къ «злобѣ дня», у него были готовы: положенія, афоризмы, или доводы и *ria desideria*. Никакой поворотъ внутренней политики не заставлялъ его врасплохъ. Натискъ борьбы былъ такъ силенъ, что ему некогда было продолжать систематическую разработку своихъ соціально-философскихъ идей; а ежедневное примѣненіе его запаса къ журнальной пропагандѣ постарались придушить, насколько это было въ средствахъ реакціонной власти. Сидя въ различныхъ тюрьмахъ, облеченный на относительное бездѣйствіе, какъ журналистъ, Прудонъ могъ бы предаться чисто-мысли-

тельными, научно-критическими трудами. Онъ въ немъ и взыскаетъ каждый разъ, какъ хочетъ расположить въ себѣ администрацію, но журналъ, основанный имъ, не даетъ ему возможности удалиться въ тихія сферы спокойнаго анализа и синтеза. Онъ продолжаетъ быть душой изданія, и вся его переписка изъ тюремъ пронизана интересомъ минуты. Прудонъ, какъ мы уже замѣтили выше, — мыслитель и изслѣдователь — является въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ до половины 1849 года. Чаше, чѣмъ желательно, наталкиваетесь вы на противорѣчія, уступки, даже софизмы и то, что, французы зовутъ: «des expédients» — рядомъ съ рѣзвостями и обмолвками. Но можно ли судить объ этихъ проявленіяхъ тревожнаго жданья, объ этихъ нервныхъ припадкахъ могучей интеллигенціи, забывая, что все это писано въ теченіи тюремной неволи, поглотившей цѣлый періодъ жизни человѣка въ полномъ блескѣ своихъ душевныхъ даровъ. Нельзя привести лучшаго оправданія.

Д-Е ВЪ.

АМЕРИКАНСКІЕ ПІОНЕРЫ

III *).

Искусство метисовъ подражаться.—Проспекторы.—Свинцовая руда и компанія для разработки ея.—Кочующіе скватеры.—Осѣдлые скватеры.—Артели скватеровъ.—Лѣсопильня скватеровъ.—Плоты лѣса.—Охота за скальпами.—Ссора двухъ скватеровъ.—Уголовный кодексъ скватеровъ.—Понятіи скватеровъ о воровствѣ и частной собственности.—Корчевальная машина.—Постройка блокгауза.—Колоніальный плугъ.—Работа плугомъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ.—Нападеніе разбойниковъ.—Конокрады.—Преслѣдованіе конокрадовъ.—Четвероногій вожакъ.—Поимка конокрадовъ.—Ночной карауль.—Судъ Линча.—Исполненіе приговора.—Приготовленія къ экспедиціи въ преріи на правомъ берегу Красной-Рѣки.

Устроивъ карауль переправы, я все-таки принималъ мѣры, чтобы изыскать способы сдѣлать его дешевле. Пробовалъ сдать его въ аренду, съ тѣмъ, чтобы взявшійся караулить плоты брать съ проѣзжающихъ умѣренную плату. Это оказалось невозможнымъ по причинѣ еще рѣдкаго проѣзда и неопредѣленности могущаго получиться дохода.

Во время своихъ разѣздовъ я часто заѣзжалъ къ піонеру, на лѣсопильню скватеровъ и въ венту. Иногда бывали и у насъ, на бивуакѣ, гости. Семейство дяди Боя сошло съ своими новыми сосѣдками, составлявшими семейство піонера. Это были, правда, почти необразованныя женщины, но хорошія, работающія семьянинки, и отличныя хозяйки. Женщины, переправляясь другъ къ другу въ гости, изъ венты къ піонеру и обратно, заходили и къ намъ на бивуакъ. Все это нѣсколько разнообразило первое время скучное занятіе караула. Но, недѣли черезъ двѣ,

*) См. выше: июль, 214 стр.

отсутствіе живого дѣла дало себя знать. Мною овладѣла невообразимая тоска. Только проживъ самъ нѣсколько дней жизнью вачеро, приставленнаго караулить что-либо отъ неизвѣстной опасности, могущей явиться каждую минуту, но ббльшею частью вовсе не существующей, я могъ понять, почему вачеро, окончивъ свою работу, ищеть, во что бы то ни стало, какого-нибудь развлеченія, и, не имѣя подъ руками ничего другого, находить это развлеченіе въ пьянствѣ, буйствѣ и игрѣ.

Понятно, что люди, не имѣющіе впереди ни ясно опредѣленной цѣли, ни нравственныхъ интересовъ, по ббльшей части мало развитые, предаются разгулу, чтобы избавиться отъ ужасной скуки и тоски, противъ которыхъ не могли помочь мнѣ и книги изъ небольшой библіотеки венты.

Невообразимо долго тянулись дни, которые приходилось проводить въ длинныхъ разѣздахъ и въ осматриваньи приглядѣвшейся мѣстности съ вершины скалы во время караула у бивуака. Во время отдыховъ какъ-то плохо читалось. Съ нетерпѣніемъ считалъ я, сколько дней осталось до того времени, когда могутъ прибыть къ переправѣ наши компаньоны и измѣнить мою скучную обязанность караульнаго на какое-нибудь болѣе интересное дѣло.

Пьеръ возвратился изъ своего посольства къ индійцамъ. По его мнѣнію, индійскіе начальники не особенно враждебно относятся къ переправѣ, устроенной въ гористой мѣстности, неудобной для охоты.

Хотя не слѣдовало слишкомъ полагаться на видимое равнодушіе краснокожихъ, можно было все-таки предполагать, что съ ихъ стороны врядъ ли скоро начнутся какія-либо враждебныя дѣйствія.

Подарки, о которыхъ сговорился Пьеръ съ начальниками ближайшихъ племенъ, должны были состоять изъ табаку, виски и одѣяль. Все было привезено къ вентѣ транспортомъ съ подарками для скватеровъ. По возвращеніи Пьера, мы воспользовались тѣмъ, что какой-то торговецъ ѣхалъ въ ту сторону, гдѣ находились индійцы, присоединили къ его транспорту два своихъ фургона, и, подъ конвоемъ четырехъ вачеро, отправили подарки по назначенію.

По возвращеніи Пьера, моя обязанность стала значительно легче. Я могъ отлучаться на большее время изъ бивуака, зная, что тамъ есть вполне надежный человекъ.

Утромъ и вечеромъ высылались разѣзды въ прерію. По возвращеніи разѣзда, всякій разъ приходилось выслушивать сте-

реотипную фразу, что все спокойно и не замѣчено ничего подозрительнаго.

Было даже досадно, что не встрѣчается ничего, что бы могло сколько-нибудь разсѣять тоскливое разнообразіе караула.

Разъ, посланный въ разъѣздъ, вачеро возвратился ранѣе обыкновеннаго, и не шагомъ, а вскачь. Очевидно, онъ замѣтилъ что-нибудь и спѣшилъ довести до свѣдѣнія.

Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ ущелья, онъ замѣтилъ партію бѣлыхъ, человѣкъ въ сорокъ, появленіе которыхъ казалось подозрительнымъ. Это не могли быть ни торговцы, ни переселенцы, такъ какъ съ ними было всего три не очень нагруженныхъ фургона. Это не были также вачеро. Вачеро не имѣютъ съ собою фургоновъ, а могутъ быть узнаны по кожаному костюму, оружію, и главное по тому, что пускаются въ преріи не иначе, какъ верхомъ.

Замѣченная партія была пѣшая и, насколько позволяла разсмотрѣть дальность разстоянія, была вооружена короткими карабинами и одѣта въ лохмотья городского платья.

Согласно данному мною приказанію, вачеро не подъѣзжалъ близко къ стоянкѣ, и поспѣшилъ къ бивуаку.

Нужно было узнать, что это за люди и съ какими намѣреніями они подошли такъ близко къ охраняемой нами переправѣ.

Пославъ четырехъ человѣкъ для усиленія караула на платформахъ и распорядившись, чтобы Пьеръ, съ свободными отъ караула вачеро, слѣдилъ, что будетъ происходить въ преріи, и былъ готовъ спѣшить мнѣ на помощь въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій, я, въ сопровожденіи четырехъ вачеро и одного метиса, отправился къ тому мѣсту, гдѣ, по указанію разъѣзднаго, расположилась подозрительная партія.

Хотя численное превосходство было на сторонѣ вновь прибывшихъ, я счелъ лишнимъ поднимать тревогу въ вентѣ или въ лагерѣ піонера, не узнавъ истинныхъ намѣреній пришельцевъ. Мы были на лошадяхъ, слѣдовательно, въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій могли всегда ускорать и успѣть призвать на помощь скватеровъ, піонеровъ и авантюристовъ изъ венты.

Метисъ, разспросивъ разъѣзднаго, взялся провести насъ незамѣченными до стоянки пришельцевъ.

Дѣйствительно, пользуясь оврагами, онъ подвелъ насъ такъ близко, что мы могли слышать гулъ голосовъ и трескъ сухого валежника, разложеннаго среди стоянки костра.

Пришельцы остановились довольно далеко отъ оврага и при-

близиться къ нимъ еще незамѣченными было уже невозможно. Оставивъ насъ дожидаться въ оврагѣ, метись соскочилъ съ лошади и, пользуясь неровностями мѣстности и кустами высокой травы, неслышно, какъ змѣя, поползъ къ лагерю.

Въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть искусство, которымъ обладаютъ индѣйцы и метисы подкрадываться. Понятна мнѣ стала постоянная бдительность, и кажуціяся съ перваго раза бесполезными предосторожности, какія постоянно принимаютъ жители пустыни во время своихъ поѣздокъ въ преріи. Безъ постояннаго караула и разныхъ предосторожностей, нельзя уберечься отъ шайки краснокожихъ, имѣющихъ способность и обыкновеніе незамѣтно подкрасться къ самому лагерю и сдѣлать свое нападеніе съ такою быстротою, что нѣтъ возможности приготовиться къ защитѣ.

Нашъ метись подползъ почти къ самому костру, обползъ вокругъ стоянки, высмотрѣлъ все, сосчиталъ не только людей, но и число ружей, револьверовъ, ножей и, подслушавъ нѣсколько словъ изъ разговоровъ пришельцевъ, возвратился къ намъ, не возбудивъ никакого подозрѣнія, не заставивъ даже оглянуться двухъ караульныхъ у фургоновъ.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ метисомъ, стало ясно, что эти люди пришли сюда безъ дурныхъ намѣреній. Хотя вся партія была вооружена очень хорошо, но по разорванной обуви и платью, по отсутствію хлѣба заужиномъ, состоявшимъ изъ какой-то дичи, наконецъ, по тому, что въ фургоны запрягались лошади, бѣлыя пятна на спинахъ которыхъ ясно говорили о томъ, что онѣ взяты изъ-подъ сѣдла, и что пришельцы курили по нѣсколько человѣкъ изъ одной трубки, вслѣдствіе недостаточнаго запаса табаку, можно было заключить, что эти люди давно странствуютъ по преріи и не только не въ состояніи напасть на кого-нибудь, а скорѣе нуждаются въ помощи.

Считая дальнѣйшія предосторожности излишними, мы выѣхали изъ оврага и подѣхали прямо къ стоянкѣ. Караульные вполнились-было, замѣтивъ, что передъ ними, какъ изъ земли, выросли вооруженные всадники, но видя, что насъ всего шестеро и наши карабины закинута за спину, успѣлись.

За крутымъ берегомъ оврага, въ которомъ насъ оставилъ метись, нельзя было видѣть стоянки. Но какъ только мы выбрались на ровное мѣсто, вачеро узнали тотчасъ въ незнакомцахъ проспекторовъ. Лопаты, кирки и буры, видѣвшіеся на фургонахъ, ясно говорили объ ихъ занятіи.

«Прспекторами» называются на западѣ искатели золота и раз-

личныхъ металлическихъ рудъ. Обыкновенно люди, которымъ окончательно не повезло на золотыхъ приискахъ Калифорніи, или на другихъ рудникахъ, подыскиваютъ себѣ партію изъ такихъ же, какъ они сами, разорившихся джентльменовъ, общими силами запасаются нужными инструментами, оружіемъ, небольшимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, и отправляются въ глухія неизслѣдованныя пустыни проспектировать или искать счастья. Иногда, хотя очень рѣдко, проспекторамъ удается напасть на золото или какую-нибудь руду и поправить свои денежные обстоятельства. По большей же части, они уже болѣе не возвращаются; вѣроятно, дѣлаются жертвами красновожихъ, или погибаютъ отъ лишеній, забравшись въ какую-нибудь тущубу. Если же и возвращаются, то въ такомъ несчастномъ видѣ, что уже теряютъ охоту въ другой разъ искать золото и принимаются за какое-либо занятіе, не сулящее такихъ громадныхъ барышей, но за то дающее болѣе обеспеченный доходъ.

Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, я напрямикъ сказалъ имъ о цѣли нашего пріѣзда, и просилъ ихъ отвѣчать мнѣ также откровенно. Начальникъ партіи, французскій горный инженеръ, какъ я узналъ впоследствии, объяснилъ мнѣ, что мѣсяцевъ шесть тому назадъ они вышли проспектировать изъ Канзаса. Пока были средства, возобновляли запасы у встрѣчныхъ торговцевъ, потомъ стали страшно бѣдствовать. Мулы пали отъ истомленія. Пришлось впрягать въ фургоны съ инструментами верховыхъ лошадей, которыя тоже не выдерживали воевъ по горнымъ дорогамъ и безпрестанно падали. Хлѣбъ и виски давно вышли. Кормилась охотою, да и то рассчитывая заряды, приходившіе къ концу. Табаку осталось очень немного. Поиски какой-либо руды, стоящей разработки, оказались тщетны, и проспекторы рѣшили какъ-нибудь добраться до штатовъ. Но, дойдя до мѣста сегодняшней стоянки, оказалось, что идти далѣе невозможно. Измученныя лошади не могли тащить фургоны; люди тоже съ трудомъ передвигали ноги. Затѣмъ партіей овладѣло какое-то отчаяніе, и, несмотря на то, что самъ начальникъ не терялъ бодрости, онъ уже не въ силахъ поддержать долѣе бодрости духа въ другихъ, и не знаетъ, что съ ними будетъ дальше. Наружный видъ партіи не оставлялъ никакого сомнѣнія, что французъ говорилъ правду. Удивительно, какъ они изнурили лошадей въ богатой травой преріи до такой степени, что бѣдныя исхудалыя животныя легли не далеко отъ фургоновъ, пощипывая траву, растущую около нихъ. Утомленіе ихъ было такъ велико, что видъ хорошаго пастбища не могъ заставить ихъ подняться на ноги.

Не въ лучшемъ состояніи были и люди. Изнуренныя лица ясно говорили о перенесенныхъ лишеніяхъ, и приняли какое-то тупое выраженіе; платье обратилось въ неопредѣленные лохмотья. Отъ обуви не осталось никакихъ остатковъ. У многихъ ноги были обвязаны тряпичами. Оружіе было въ порядкѣ. Но что въ немъ пользы, когда нѣтъ зарядовъ!

Я предложилъ проспекторамъ пройти къ намъ на бивуакъ, оставивъ фургоны подъ карауломъ моихъ вачеро. Оказалось, что у всѣхъ ноги были до того изранены и обиты долгою ходьбою по скаламъ и колючкамъ, что пройти десятокъ миль до бивуака почти невозможно для несчастныхъ свитальцевъ.

Пославъ сопровождавшихъ меня вачеро на бивуакъ за хлѣбомъ и виски для ужина проспекторовъ, я поспѣшилъ въ лагерь піонера, чтобы потолковать съ нимъ, какъ лучше выручить попавшихъ въ бѣду людей.

Услышавъ о бѣдственномъ положеніи проспекторовъ, женщины въ лагерѣ живо собрали разныхъ състныхъ припасовъ, бѣлья и холста для перевязки израненныхъ ногъ, и отправили это на стоянку. Самъ піонеръ сѣлъ на одну изъ стоявшихъ всегда на-готовѣ лошадей, и поскакалъ со мною въ венту, куда мы пріѣхали уже подъ вечеръ, когда тамъ собрались по окончаніи работъ скватеры.

Піонеръ такъ хорошо сумѣлъ объяснить необходимость помочь проспекторамъ, и дать имъ возможность добраться до границы, что положено было тотчасъ же устроить въ пользу несчастныхъ складчину. Дядя Бой снялъ свою шляпу и предложилъ желающимъ власть въ нее, кто сколько можетъ.

Въ одну минуту всѣ запустили руки въ пояса, и въ шляпу частымъ дождемъ посыпались иглы, дѣбель-иглы, золотые и серебряные доллары, испанскіе доллары, нѣмецкіе талеры. Мелкой монеты не бросалъ никто.

Въ вентѣ не осталось ничего, кто бы не далъ чего-нибудь. Одинъ авантюристъ, пропившій уже всѣ деньги, продалъ тутъ же съ аукціона одинъ изъ своихъ револьверовъ, и бросилъ вырученныя деньги въ шляпу.

Собранныхъ денегъ оказалось не только достаточно для покупки изъ запаснаго магазина венты полныхъ костюмовъ, обуви и одѣялъ для сорока двухъ проспекторовъ, но и осталось до шестисотъ долларовъ на покупку муловъ и на расходы въ первое время по возвращеніи въ штаты.

Несмотря на то, что была уже ночь, старый піонеръ, я и нѣсколько человекъ авантюристовъ тотчасъ же отправились на

стоянку проспекторовъ и отвезли имъ купленные вещи и остальные деньги.

Мы застали проспекторовъ за ужиномъ. Вѣски и сытный ужинъ съ хлѣбомъ, котораго они давно не ѣли, произвели на нихъ отличное дѣйствіе. Куда дѣвалось прежнее отчаяніе! Привезенное нами платье и деньги совсѣмъ развеселили искателей золота, шумно изъяслявшихъ свою радость.

Сознаніе, что они вышли изъ крайне затруднительнаго положенія, и находятся вблизи отъ бѣлыхъ, готовыхъ оказать имъ помощь, заставило ихъ забыть всѣ перенесенныя лишенія и опасности. Они еще не составили себѣ плана дальнѣйшихъ дѣйствій, но понимали, что съ возвращеніемъ бодрости такъ или иначе сдумаютъ поправить свои дѣла. Они бы и сейчасъ готовы были приняться за какую-либо работу, еслибы физическое изнуреніе и раны на ногахъ не дѣлали отдыхъ на нѣсколько дней необходимымъ. Общимъ совѣтомъ было рѣшено, что проспекторы переберутся на другой день къ вентѣ, гдѣ стоянка для нихъ удобнѣе, и, отдохнувъ нѣсколько дней, рѣшатъ: возвратиться ли въ штаты, гдѣ ихъ не ждало ничего хорошаго, или наняться работать у піонера.

Такъ какъ лошади проспекторовъ были не въ состояніи везти фургоновъ до венты, то піонеръ обѣщалъ на другой день прислать своихъ быковъ.

Піонеръ уѣхалъ въ свой лагерь, а я на бивуакъ.

Мало-по-малу проспекторы стали оправляться отъ послѣдствій своего странствованія.

Прежде всѣхъ оправился Вилье, горный инженеръ. Дня черезъ два онъ ходилъ уже по горамъ, производя изслѣдованія. Это былъ замѣчательно веселый малый. Во время своихъ экскурсій онъ часто заходилъ къ намъ на бивуакъ, гдѣ у него нашелся землякъ, то же французъ, вачеро, свальпированный Пьеръ.

Дядя Бой, всмотрѣвшись въ характеръ веселаго француза, пригласилъ его къ себѣ на домашнюю половину, гдѣ Вилье чрезвычайно остроумно и увлекательно сообщалъ обитательницамъ основанія горнаго дѣла, и вообще естествознанія. Въ этихъ отрасляхъ обитательницы венты были недалеки, и Бетси не упустила случая дополнить свѣдѣнія своихъ дѣтей въ предметахъ, которые не преподаются въ общеобразовательныхъ школахъ, и о которыхъ сама она имѣла не совсѣмъ ясное понятіе.

У Вилье была коллекція минераловъ, собранная во время его странствованій. Какъ-то разъ онъ показалъ своимъ ученикамъ

коллекцію. Вильямъ, разсматривая кусочки минераловъ, увидѣлъ кусокъ свинцоваго блеска и сообщилъ, что такого камня много на берегу Ридъ-Ривера, не очень далеко отъ венту.

На другой день, когда Вилье, не обратившій большого вниманія на сообщенія молодого человѣка, пришелъ въ венту, Вильямъ подавъ ему нѣсколько кусковъ свинцовой руды. Вилье тотчасъ же отправился съ нимъ на мѣсто и нашелъ дѣйствительно довольно богатую залежь свинцовой руды, содержащей небольшое количество серебра.

Вилье, обрадованный находкой, почти бѣгомъ прибѣжалъ на нашъ бивуакъ и сообщилъ, что теперь нашлось средство поправить дѣла партіи проспекторовъ. Конечно, выплавка свинца по дешевизнѣ металла не такъ выгодна, какъ золотая россыпь, но, при благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, можетъ дать хорошій заработокъ.

Устройство плавильныхъ печей и другихъ принадлежностей не можетъ обойтись дорого. Топливо подъ руками—зги лѣса сколько хочешь.

Выплавленный металлъ, правда, съ нѣкоторыми затрудненіями можетъ сплавляться по Ридъ-Риверу въ штаты. Часть свинца можетъ быть распродана въ преріи, куда теперь ввозится изъ штатовъ значительное количество этого необходимаго для жителей пустыни металла. Остановка была только за денежными средствами для перваго обзаведенія, хотя въ маломъ видѣ. "Этому горю можно было помочь. Мѣстонахождение руды отстояло недалеко отъ нашихъ плотовъ. Если проспекторы начнутъ разработку руды, и поселятся около нашей переправы, то имъ ничего не стоить взять на себя караулъ. Въ такомъ случаѣ я могъ сдѣлать имъ кредитъ изъ суммы, предназначенной патрономъ для обезпеченія переправы. Однако я не рѣшился предложить кредитъ неизвѣстному человѣку, не посовѣтовавшись первоначально съ піонеромъ и дядей Боемъ. Сильно подмывало меня вступить въ компанію съ проспекторами, но такъ какъ въ данной мнѣ инструкціи я былъ уполномоченъ открыть кредитъ насчетъ компаніи, а никакъ не на вступленіе отъ ея имени въ казія-либо спекуляціи, удержался, боясь могущей пасть на меня отвѣтственности. Въ то время, какъ къ намъ пришелъ Вилье, была моя очередь караула, почему я не могъ самъ тотчасъ отлучиться и посовѣтовалъ Вилье, взявъ одну изъ нашихъ лошадей, сѣздить въ лагерь піонера, и переговорить съ нимъ о найденной рудѣ. Черезъ нѣсколько времени я видѣлъ со своей скалы, какъ ста-

рый пионеръ и Вилье проѣхали въ венту. Отъѣзжая въ очередь, я поспѣшилъ туда же.

Разработка свинцовой руды нисколько не противорѣчила интересамъ дяди Боя и пионера. Напротивъ, она могла способствовать привлеченію большаго числа переселенцевъ въ эту мѣстность. Пріѣздъ жителей преріи за свинцомъ могъ оживить торговлю. А этотъ пріѣздъ долженъ непремѣнно усилиться еще и потому, что, какъ сообщилъ Вилье, на одномъ изъ притоковъ Ридъ-Ривера, въ горахъ вулканическаго происхожденія, есть самородная сѣра. Подвозя селитру изъ Техаса, гдѣ ее готовятъ въ большомъ количествѣ изъ навоза, при дешевизнѣ угля, можно воспользоваться этою сѣрою, и устроить со временемъ, когда выплавка свинца пойдетъ удачно, пороховой заводъ.

Естественно, что въ мѣстности, гдѣ находится самая удобная переправа, извѣстная далеко вента, наконецъ, есть возможность достать изъ первыхъ рукъ порохъ и свинець,—вещи болѣе необходимыя въ пустынѣ, чѣмъ хлѣбъ, гдѣ, наконецъ, по близости можно приобрести продукты сельскаго хозяйства и производить промѣнъ сырья, не можетъ не произойти большого скопленія народа; а тамъ—до образованія города—всего одинъ шагъ. Старый пионеръ и дядя Бой какъ нельзя лучше понимали выгоды отъ разработки руды, и рѣшились принять участіе въ предпріятіи Вилье и его товарищей, давъ нужную сумму денегъ.

По расчету инженера, на покупку принадлежностей въ штатахъ нужно употребить около шести тысячъ долларовъ.

Необходимыя плавильныя печи, выломка руды и заготовленіе топлива могли быть произведены самими проспекторами.

Шесть тысячъ долларовъ были собраны такимъ образомъ: вся сумма разбивалась на шесть паевъ, изъ которыхъ по два приходилось на долю пионера и дяди Боя, и по одному—Пьеру, имѣвшему свой капиталецъ, и мнѣ. Трудъ проспекторовъ долженъ былъ цѣниться по средней заработной платѣ въ сосѣднихъ штатахъ, и затѣмъ чистая прибыль дѣлилась такъ: семьдесятъ процентовъ поступало проспекторамъ, а тридцать на внесенный капиталъ, по пяти на каждый пай. Я рѣшился взять пай не иначе, какъ только потому, что проспекторы обязались караулить переправу, и рассчитывая, въ случаѣ, если компанія признаетъ эту затрату неправильною, оставить прибрѣтенный пай за собою.

Пионеръ и дядя Бой положительно отсовѣтовали мнѣ распорядиться компанейскими деньгами для усиленія предпріятія Вилье, такъ какъ въ инструкціи была ясно опредѣлена цѣль, для которой я имѣлъ право отырывать кредитъ. По достиженіи этой

цѣли, понятно, мое уполномочіе прекращалось. Вилье не былъ извѣстенъ никому изъ давшихъ на предпріятіе деньги, почему піонеръ послалъ одного изъ своихъ сыновей сопровождать его въ штаты. Проспекторы начали мало-по-малу выздоравливать и участвовать въ караулѣ переправы, что дало мнѣ возможность отослать лишнихъ вачеро и значительно сократить расходъ по караулу.

Къ устройству построекъ для свинцово-плавильнаго завода предполагалось приступить не ранѣе, какъ черезъ три недѣли по возвращеніи Вилье съ покупками изъ штатовъ; тогда же долженъ былъ быть окончательно переданъ мною караулъ переправы проспекторамъ, если до того времени мой патронъ не признаетъ нужнымъ сдѣлать какое-нибудь новое распоряженіе. Въ свободное отъ караула время проспекторы начали рубить лѣсъ и жечь его на уголь.

Пустынные окрестности венты дяди Боя, въ теченіи моего пятинедѣльнаго пребыванія, значительно оживились. Съ верховьевъ безпрестанно прибывали къ лѣсопильнямъ новыя партіи скватеровъ съ своимъ лѣсомъ. Скоро набралось на лѣсопильняхъ до четырехъ-сотъ человѣкъ. Изъ штатовъ пришло также слишкомъ двѣсти человѣкъ скватеровъ, успѣвшихъ сплавить, сбыть свой товаръ, и возвратившихся для новой рубки. Вновь прибывшія партіи пристали къ бывшимъ на лѣсопильняхъ.

Благодаря изобилію и высокому паденію воды, лѣсопильни были устроены очень хорошо, и работали успѣшно. Скватеры сами говорили, что рѣдко случалось находить имъ такое удобное мѣсто для лѣсопильень, которыя должны, по ихъ мнѣнію, просуществовать на этомъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ. Верховья Ридъ-Ривера и его притоки со своими нетронутыми лѣсами могли доставить работу всѣмъ здѣшнимъ скватерамъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять. Все огромное количество лѣса, вырубленнаго въ этотъ промежутокъ времени, должно быть распилено на этихъ лѣсопильняхъ, такъ какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ распила не будетъ такъ удобна и не обойдется такъ дешево. Мой прежній врагъ, а потомъ пріятель, старый Бенъ, чрезвычайно гордился удачнымъ выборомъ мѣста для лѣсопильень, такъ какъ онъ первый нашелъ это мѣсто и указалъ товарищамъ.

Старый піонеръ, осмотрѣвъ внимательно окрестности, нашелъ также, что выбранная имъ полянка удовлетворяетъ его желаніямъ, и рѣшилъ строить блонгаузъ немного повыше того мѣста, гдѣ стоялъ его лагерь. Проспекторы устроили временныя жилища или шалаши нѣсколько ниже нашей переправы, у са-

мага мѣста нахождения руды. Такимъ образомъ наша переправа находилась внутри неправильнаго четырехугольника, между вентой, лѣсопильнями, рудникомъ и лагеремъ пионеровъ, защищавшимъ въ то же время и горный проходъ со стороны преріи.

При такомъ положеніи трудно бы предположить, чтобы кто-либо могъ пробраться съ дурнымъ намѣреніемъ въ нашия плотамъ. Нападеніе сильной партіи индійцевъ было также немислимо. Благоприятное время для враждебныхъ дѣйствій было пропущено. Въ случаѣ нападенія пришлось бы имѣть дѣло почти съ тысячею рѣшительныхъ, привычныхъ къ схваткамъ, людей. На такое число бѣлыхъ индійцы не рѣшаются нападать. Къ тому же по свѣдѣніямъ, полученнымъ чрезъ авантюристовъ и торговцевъ, незамѣтно было никакихъ враждебныхъ намѣреній со стороны ближайшихъ племенъ, продолжавшихъ удаляться на юго-западъ, слѣдомъ за стадами бизоновъ.

Наблюдательный постъ на скалѣ оказался почти бесполезнымъ, такъ-какъ ночью съ него ничего не было видно по темнотѣ, а днемъ всю окрестность застилалъ туманъ. Почему, отославъ всѣхъ вачеро, кромѣ Пьера и трехъ вачеро изъ сопровождавшихъ меня съ самаго начала, я снова перебрался въ венту.

Возможность помѣститься не на открытомъ воздухѣ, — мнѣ и Пьеру въ вентѣ, а вачеро въ одной изъ хижинъ проспекторовъ, явилась очень кстати. Ночи стали невыносимо холодны. Часто падали небольшіе дожди и туманы, предвзвѣстники тѣхъ страшныхъ ливней, которые бывають въ этой мѣстности въ концѣ января и въ февралѣ, и продолжаются обыкновенно нѣсколько недѣль сряду. Смочшее кожаное платье не успѣвало высыхать въ теченіи дня, и причиняло во время ночей такой сильнѣйшей холодъ, что не было возможности согрѣться подъ нѣсколькими теплыми одѣялами. По утрамъ руки у меня такъ коченѣли, что часто я не былъ въ состояніи отвязать свою лошадь отъ лассо. Поддерживать огонь на бивуакѣ по причинѣ дождя и росы было крайне затруднительно.

Частыя посѣщенія лѣсопиленъ дали мнѣ возможность ознакомиться съ бытовыми условіями и ходомъ занятій скватеровъ. Скватеры раздѣляются на два разряда. Одни занимаются исключительно рубкою и сплавомъ лѣса, не строятъ постоянныхъ жилищъ, устраивають временныя лѣсопильни, и, вырубивъ лѣсъ въ одномъ мѣстѣ, переходятъ на другое, куда переносятъ свои лѣсопильни. Другой видъ скватеровъ составляетъ переходную ступень къ пионерамъ или хлѣбопашцамъ, въ которыхъ со временемъ, когда вырубать по близости лѣсъ, они и переходятъ. Эти скватеры

кромѣ рубки лѣса, устраиваютъ, смотря по средствамъ, цѣдныя блокгаузы или укрѣпленныя хижины, постоянныя лѣсопильни, рубятъ лѣсъ по близости своихъ жилищъ и занимаются на вырубленныхъ мѣстахъ хлѣбопашествомъ, иногда скотоводствомъ. Такіе поселки устраиваются старыми скватерами, имѣющими большое число взрослыхъ женатыхъ сыновей; въ нимъ пристають въ качествѣ работниковъ малосемейныя скватеры, не желающіе разставаться на долгіе промежутки времени съ своими семействами. Мало-по-малу, цѣнный лѣсъ около поселка исчезаетъ, уступая мѣсто пахатымъ полямъ, приносящимъ несравненно болѣе выгодъ, чѣмъ рубка лѣсовъ, и обитатели поселковъ перестаютъ заниматься сплавомъ лѣса, продаютъ принадлежности лѣсопильныхъ заводовъ и устремляютъ всю свою дѣятельность на хлѣбопашество и скотоводство.

На верховьяхъ Ридъ-Ривера, въ мою бытность, было всего два или три такихъ скватерскихъ поселка, но число ихъ должно было быстро возрастать, по мѣрѣ того, какъ мѣстность стала безопаснѣе отъ индійцевъ. Скватеры, работавшіе по близости венты, принадлежали къ первому разряду, т. е. исключительно занимались рубкой лѣса, и вели кочевую жизнь, оставаясь на одномъ мѣстѣ только такой промежутокъ времени, какъ позволялъ имъ ихъ промыселъ.

Между этими скватерами много женатыхъ, но они не берутъ съ собою семействъ, оставляя ихъ въ штатахъ, на низовьяхъ рѣкъ, по которымъ сплавляютъ лѣса. Съ семействами они видятся раза два или три въ годъ, когда сплавляютъ свои плоты. Женщины и дѣти моложе 17—18 лѣтъ почти нивогда не сопровождаютъ партіи скватеровъ.

Партіи или артели состоятъ изъ 50—100 человекъ, подъ распоряженіемъ выборнаго начальника. Условія между членами партій бывають различныя. Иногда на первоначальное обзаведеніе складываются всѣ по-ровну, ведутъ общіе расходы и дѣлятъ также по-ровну барыши. Случается, что только нѣкоторые члены вносятъ деньги на первоначальныя издержки, и за это пользуются болѣею долею въ барышахъ. Иногда, несмотря на то, что вклады денегъ одинаковы, не всѣ члены пользуются равною долей барыша, а по степени способности въ работѣ. Наконецъ, когда одинъ скватеръ беретъ всю первоначальную затрату, то, кромѣ доли за свою работу, онъ получаетъ половину всей чистой прибыли. Топоры и другіе инструменты или составляютъ общую собственность, или же каждый скватеръ долженъ самъ приобрѣтать и поддерживать ихъ собственными средствами. Въ

одномъ всѣ партіи сходятся—это въ томъ, что начальники у нихъ выборные на извѣстный срокъ. Начальникъ получаетъ на свою долю пятую часть всей чистой прибыли и не можетъ быть смѣненъ до окончанія срока выбора. Какъ я уже сказалъ, скватеры выбираютъ себѣ въ начальники опытныхъ, преимущественно немолодыхъ людей и оказываютъ имъ слѣпое повиновеніе. Даже тѣ изъ скватеровъ, насчетъ которыхъ собрана экспедиція, не пользуются никакими преимуществами при выборахъ начальника. Самихъ ихъ рѣдко выбираютъ и впоследствии они работаютъ наравнѣ съ другими, также повинуются начальнику и только при окончаніи операціи отличаются отъ другихъ тѣмъ, что получаютъ болѣе денегъ. Когда скватеръ, состарившись, начинаетъ чувствовать, что уже неспособенъ работать, какъ прежде, то спѣшитъ выдти изъ артели. Обыкновенно въ этому времени у него подрастаютъ сыновья и уже по нѣскольку лѣтъ работаютъ съ отцомъ. Устарѣвшій скватеръ, забравъ своихъ сыновей и подготовивъ еще небольшое число своихъ товарищей, устраиваетъ себѣ постоянное жилище и пополняетъ собою ряды полу-скватеровъ, полу-хлѣбопашцевъ.

При рубкѣ лѣсовъ вблизи штатовъ, въ мѣстностяхъ сравнительно безопасныхъ отъ индійцевъ и гдѣ сплавъ лѣса не представляетъ большихъ затрудненій, партіи работаютъ поодиночкѣ, не строятъ своихъ лѣсопиленъ и доставляютъ бревна на ближайшіе лѣсные склады.

Удаляясь отъ границъ въ дикія мѣстности, нѣсколько партій вступаютъ между собою въ союзъ и работаютъ сообща. Распоряженіе дѣлами такихъ соединенныхъ партій принадлежитъ совѣту начальниковъ партій, рѣшающихъ вопросы большинствомъ голосовъ, или избирающихъ изъ среды себя главнаго начальника. Какъ совѣты, такъ и избранные ими начальники заботятся объ общихъ дѣлахъ, отнюдь не вмѣшиваясь въ частныя дѣла каждой партіи, и дѣлаютъ свои распоряженія чрезъ начальниковъ отдѣльныхъ партій. Скватеры, устроившіе лѣсопилины близъ венты дяди Боя, принадлежали къ двѣнадцати артелямъ, вступившимъ въ союзъ на три года подъ управленіемъ совѣта начальниковъ. Четыремъ партіямъ, помогавшимъ мнѣ устроить переправу, поручена была постройка лѣсопиленъ и вырубка ближайшаго къ нимъ лѣса. Остальныя восемь партій все время рубили лѣсъ на верховьяхъ и притокахъ. Выручка за лѣсъ должна была дѣлиться пропорціонально численности партій. Прибывшія изъ штатовъ три артели, увидѣвъ, въ какомъ удобномъ мѣстѣ поставлены лѣсопилины, присоединились въ прежде прибывшимъ, съ условіемъ

получить при продажѣ лѣса перваго сплава меньшую долю, такъ какъ они не участвовали въ первоначальныхъ работахъ.

Старый Бенъ, первый увидавшій мѣсто для лѣсопиленъ, могъ вполне гордиться своею находкою.

Горный берегъ Ридъ-Ривера отступаетъ на нѣсколько саженъ отъ рѣки, образуя широкое песчаное побережье, и спускается къ этому побережью пятью уступами или террасами. Довольно глубокой ручей, взявъ свое начало въ горномъ озеркѣ, течетъ нѣкоторое пространство по плоской возвышенности, и, достигая уступовъ, образуетъ пять водопадовъ. При впадении въ рѣку быстрое теченіе ручья размыло прибрежный песокъ и образовало широкую, доходящую до нижняго уступа бухту. Террасы на уступахъ достаточно широки, чтобы устроить на нихъ лѣсопильные сараи.

Скватеры воспользовались какъ нельзя лучше удобствами этого мѣста. По числу уступовъ, устроены пять лѣсопиленъ съ наливными колесами. Ручей запруженъ на самомъ верху перваго уступа и его вода проведена, деревянными желобами, на колеса перваго сарая. Отработавъ здѣсь, вода идетъ на колеса втораго сарая и т. д. Верхній сарай предназначенъ для того, чтобы имѣющійся въ немъ механизмъ встаскивалъ бревна изъ бухты въ нижній сарай, потомъ во второй, и такъ до четвертаго. Обработанный во всѣхъ четырехъ сараяхъ лѣсъ спускаютъ по наклонному дощатому желобу обратно въ бухту.

Бухта, образованная впадениемъ ручья, была расширена и сдѣлана удобною, какъ для ввода въ нее лѣса съ рѣки, такъ и для сплава обработанныхъ на лѣсопильняхъ бревенъ. Между сараями были устроены наклонныя плоскости для перетаскиванья бревенъ, и удобныя лѣстницы для людей. Вообще шлюзы, колеса, и другія принадлежности отличались чрезвычайною прочностью и замѣчательною вѣрностью работы и расчета. Очевидно, между скватерами были опытные механики, достигшіе, вслѣдствіе многолѣтней практики, замѣчательной степени совершенства въ устройствѣ лѣсопиленъ.

Порядокъ работы по лѣсопильнямъ былъ такой: пригнанный въ бухту лѣсъ тщательно осматривался и изъ него выбирались длинныя, ровныя, мачтовые бревна, которыя не поступали на лѣсопильни, а сплавлялись цѣликомъ. Бревна, въ которыхъ при наружномъ осмотрѣ оказались какіе бы ни было недостатки, напр. небольшая кривизна, толстые сучья или даже простое утолщеніе коры, поступали въ нижній сарай, гдѣ четыре ленточныя пилы, обрѣзая обаполю, приготавливали изъ него четырехъ-угольный брусъ.

Если брусъ оказывался безъ недостатковъ, его переправляли въ наклонный желобъ, по которому и спускали обратно въ бухту. Оказись въ брусѣ самыя незначительныя недостатки, его перетаскивали во второй сарай, гдѣ рѣзали на широкія, толстыя пластины. Хорошія пластины спускались въ бухту, а имѣющія недостатки въ третій сарай, гдѣ ихъ рѣзали на брусья такой толщины, каковою обыкновенно дѣлаютъ основанія подъ деревянныя дома. Забракованные брусья рѣжутся въ четвертомъ сараѣ на доски.

Скватеры, во время своихъ прежнихъ путешествій съ плотами внизъ по Ридъ-Риверу, успѣли очистить фарватеръ отъ затонувшихъ деревьевъ, взорвать нѣкоторые камни, уничтожить пороги. Они полагали возможнымъ, связавъ плоты у лѣсопиленъ, прямо гнать ихъ отсюда, не перевязывая, а счаливая плоты между собою, по мѣрѣ того, какъ рѣка будетъ становиться шире, и дѣлать менѣе крутыя повороты. Нижній ярусъ плотовъ состоялъ изъ мачтоваго лѣса. На нихъ влялся ярусъ пластинъ, затѣмъ, тонкіе брусья въ три или четыре яруса. Одинъ или два яруса этихъ брусевъ должны были при полной нагрузкѣ плота быть выше поверхности воды, тогда какъ мачтовый лѣсъ, пластины, и нижній ярусъ бревенъ были въ водѣ. Дальше, уже выше уровня воды, помѣщались толстыя брусья, предназначавшіеся для столярныхъ фабрикъ, а на самомъ верху, какъ-бы служа крышею, лежали доски.

Бывая на лѣсопиляхъ, я не зналъ, чему больше удивляться, — толщинѣ, длинѣ и отличному качеству бревенъ, или силѣ и ловкости, съ которою скватеры справлялись съ этими страшно-тяжелыми бревнами.

Старый Бенъ охотно отвѣчалъ мнѣ на разспросы о ремеслѣ скватеровъ, объ ихъ бытовыхъ условіяхъ, рассказывалъ эпизоды изъ своей долгой, полной приключеній, жизни въ пустынныхъ лѣсахъ.

Разъ, сидя на борту желоба, служившаго для спуска бревенъ, Бенъ рассказывалъ мнѣ и сидѣвшимъ съ нами начальникамъ партій, не принимавшимъ личнаго участія въ работахъ, а наблюдавшимъ за общимъ ходомъ работъ и распилюей, что-то изъ своей давно прошедшей молодости. Въ то время онъ не былъ скватеромъ и занимался охотою за скальпами. Это было чрезвычайно выгодное занятіе, такъ какъ правительство платило за каждый представленный скальпъ индійца порядочную сумму денегъ, доходившую по временамъ до 25 долларовъ. Понятно, что находилось много охотниковъ, убивавшихъ краснокожихъ только

для того, чтобы снять скальпы. Эта безнравственная мѣра немало способствовала къ увеличенію ненависти между бѣлыми и краснокожими обитателями преріи. Въ настоящее время премія за доставленный скальп отмѣнена, и число охотниковъ за скальпами стало меньше, хотя эта безчеловѣчная охота не прекратилась со-всѣмъ. Ею занимаются и теперь такъ-называемые разорители индійскихъ кладбищъ. Индійцы помѣщаютъ на могилахъ своихъ воиновъ высокой шесть, къ которому привязываютъ всѣ скальпы, добытые умершимъ. Снять съ песта эти скальпы считается у индійцевъ величайшимъ преступленіемъ и кровной обидой, не только для родственниковъ, но и для всего племени, къ которому принадлежалъ умершій.

Разорители кладбищъ, собравшись партіями или поодиночѣ, обираютъ высохшіе скальпы, убиваютъ и скальпируютъ попавшихся въ ихъ руки индійцевъ и продаютъ скальпы торговцамъ волосами, которые въ свою очередь перепродаютъ сѣзанные съ кожи и разсортированные волосы парикмахерамъ и отправляютъ партіями въ Европу, гдѣ они идутъ для приготовленія шиньоновъ и др. украшеній. Скальпы, снятые съ индійцевъ, по жидкости и исключительно черному цвѣту волосъ, не такъ цѣнятся въ торговлѣ, какъ скальпы бѣлыхъ, особенно женщинъ, приобретенные на кладбищахъ индійскихъ племенъ, близкихъ отъ границы.

Бенъ умѣлъ разсказывать. Слушая его, казалось, переживаешь самъ всѣ тревоженія жизни охотника за скальпами. Волосы становились дыбомъ при описаніи ужасныхъ истязаній, которымъ подвергались бѣлые, попавшіе въ руки индійца, — и индійца, захваченнаго бѣлыми.

Вдругъ, несмотря на то, что самъ Бенъ увлекся своимъ разсказомъ и не обращалъ никакого вниманія на окружающее, онъ остановился на полсловѣ, вскочилъ и, крикнувъ: «подожди, Робъ!» — бросился внизъ къ бухтѣ. То же сдѣлалъ и другой, бывший съ нами начальникъ, крикнувъ, чтобы подождалъ какой-то Виль. Остальные скватеры не тронулись съ мѣста и завели совершенно спокойно разговоръ о только-что слышанномъ разсказѣ. Я взглянулъ въ ту сторону, куда побѣжалъ Бенъ. Внизу, на берегу бухты стояли два молодыхъ скватера съ револьверами въ рукахъ, готовые стрѣлять другъ въ друга. Услышавъ возгласы начальниковъ, они остановились въ нерѣшимости. Оказалось, что пока мы сидѣли у нижняго сарая, скватеры, работавшіе у бухты, начали перекидываться насмѣшками. Одинъ изъ скватеровъ, не отличавшійся умомъ, Виль, служилъ, какъ обыкновенно, мишенью

для остроты. Надоѣли ли Вилю постоянныя насмѣшки, или Робъ ужъ слишкомъ задѣлъ его за живое, только Виль, не находя словъ отвѣтить насмѣшнику, схватилъ смозшую въ водѣ щепу или осколокъ коры, и швырнулъ Робу въ лицо. Такое оскорбленіе дѣйствиємъ возбѣсило Роба. Не надѣясь одолѣть очень развитого физически Виля, онъ выхватилъ револьверъ; то же сдѣлалъ Виль, и безъ вмѣшательства начальниковъ, сцена, начавшаяся съ шутокъ, могла окончиться очень печально для одного изъ молодыхъ скватеровъ. Начальники, пользуясь своимъ авторитетомъ, порядкомъ распекали спорщиковъ, доказывая одному, что шутки не должны переходить извѣстныхъ границъ, другому, что можно болтать языкомъ, а рукамъ не давать воли, заставили спрятать револьверы и помириться.

Другіе начальники не вмѣшивались въ дѣло, потому что поспорившіеся скватеры принадлежали не къ ихъ партіямъ и ссора касалась только начальниковъ, къ артелямъ которыхъ принадлежали Робъ и Виль.

Послѣ того, какъ состоялась мировая, Бенъ возвратился на свое мѣсто, и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свой рассказъ. Я не могъ удержаться, чтобы не спросить, какія бы вышли послѣдствія, если бы начальникамъ не удалось во-время предупредить перестрѣлку, или если бы который-нибудь изъ скватеровъ ослушался. На это мнѣ передали содержаніе выработаннаго скватерами уголовного кодекса, вошедшаго въ обычаи скватеровъ съ давнихъ временъ. Вотъ главные пункты этого оригинальнаго не писаннаго, но строго исполняемаго кодекса:

На обязанности начальника партіи лежитъ принимать мѣры для предупрежденія столкновеній съ оружіемъ въ рукахъ между членами артелей. На этотъ предметъ начальникъ можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., когда скватеръ буйствуетъ въ пьяномъ видѣ, велѣть скватерамъ обезоружить буяна. Въ перебранки и драки безъ оружія начальникъ не вмѣшивается.

Если ссора произошла между скватерами двухъ партій, то къ прекращенію ея принимаютъ мѣры начальники обѣихъ партій сообща.

Если одинъ скватеръ убьетъ другого, то убійца судится судомъ, состоящимъ изъ имѣющихся на лицо начальниковъ и равныхъ имъ по числу выборныхъ, на этотъ случай, отъ скватеровъ.

Число судей не можетъ быть менѣ двѣнадцати, и если не имѣется на лицо шести начальниковъ, то недостающіе до этого числа пополняются по выбору присутствующихъ начальниковъ.

Судъ разбираетъ причины, побудившія къ убійству.

Если убитый первый выстрѣлилъ, т.-е. былъ зачинщикомъ ссоры, то убійца оправдывается.

Если убійство произошло въ горячности, безъ обдуманнаго впередъ намѣренія и зачинщикомъ оказался убійца, то его приговариваютъ къ значительной пенѣ въ пользу семейства убитаго, если у него таковое осталось; если же нѣтъ, то въ пользу артели, къ которой принадлежалъ убитый.

Убійство заранѣе обдуманное наказывается смертью, повѣшеніемъ.

Раны наказываются штрафомъ.

За воровство самой ничтожной вещи у члена своей партіи или партіи, вступившей въ союзъ, виноватый изгоняется со срамомъ, и лишается всѣхъ затраченныхъ въ предпріятіе денегъ.

До ссоръ, дракъ съ посторонними, убійствъ и воровства у непринадлежащихъ къ артелямъ, скватеры не касаются. Въ случаѣ явнаго нападенія съ цѣлью грабежа или убійства на одного изъ товарищей, скватеры, понятно, заступятся за него.

Если кто-либо изъ скватеровъ занимается воровствомъ у постороннихъ, то хотя артели не изгоняютъ его до окончанія срока, но впоследствии ему трудно уже вступить въ какую-либо артель. Это дѣлается для того, чтобы воровство нѣсколькихъ личностей не испортило отношеній всѣхъ скватеровъ съ прибрежными жителями тѣхъ рѣвъ, по которымъ они сплавливаютъ лѣсъ.

Понятія скватеровъ о воровствѣ и частной собственности тоже своеобразны, если можно такъ выразиться. Я говорилъ уже, что они придерживаются того мнѣнія, что лѣсъ, гдѣ бы онъ ни росъ, можетъ рубить всякій, кто вздумаетъ, поэтому рубить лѣса землевладѣльцевъ не есть воровство. Кража осѣдланной лошади, упряжного мула и заводскаго жеребца считается преступленіемъ болѣе важнымъ, чѣмъ убійство.

Если бы скватеръ оказался виновнымъ въ такомъ преступленіи, то сами товарищи приговорили бы его къ повѣшенію. Дѣло другое поймать въ случаѣ нужды лошадь изъ степного табуна; это даже не проступокъ. Воровство дойной коровы съ фермы, или причиненіе ей какого-либо вреда, хотя не уголовное преступленіе, но поступокъ крайне предосудительный, влекущій за собою непріятіе въ артели. Но застрѣлить быка, корову или теленка, отбившихся отъ стада въ преріи, для того, чтобы вырѣзать кусокъ мяса на жаркое, дѣло обыкновенное. Зачѣмъ же вчеро не караулили свое стадо и дали животному отбиться.

Свиньи, также какъ и лѣсъ, не могутъ быть частною соб-

ственностью. Стоить только пустить кому-либо пару свиней въ лѣсъ и прикармливать ихъ время-отъ-времени разными негодными остатками отъ хозяйства, и они безъ всякой помощи и караула ховяина скоро расплодятся въ лѣсу. Нѣтъ основанія, чтобы пустившій въ лѣсъ свиней имѣлъ большее право на ихъ потомство, чѣмъ первый встрѣчный. На этомъ основаніи скватеры стрѣляютъ чужихъ свиней какъ лѣсную дичь. Свинина составляетъ, между прочимъ, ихъ любимую пищу. Застрѣливъ свинью, скватеры обрѣзаютъ ей уши и тщательно зарываютъ ихъ въ землю, чтобы хозяинъ не узналъ какъ-нибудь свою свинью по нарѣзамъ на ушахъ. Скрываютъ свои поступки скватеры не потому, что считаютъ ихъ дурными, а чтобы не разсердить хозяина свиньи, глупаго фермера, неспособнаго постигнуть справедливость теоріи скватеровъ на право владѣнія свиньями.

Вообще, вслѣдствіе оригинальности взглядовъ, усвоенныхъ скватерами, а еще больше вслѣдствіе ихъ до крайности безцеремоннаго, даже дерзкаго обращенія и грубости, проглядывающей въ ихъ манерахъ и поступкахъ, человѣку, который сталкивается съ ними въ первый разъ, трудно избѣгнуть недоразумѣній и непріятностей. Но, познакомившись ближе съ ихъ обычаями, какъ я убѣдился на опытѣ, съ этими странными людьми легко поддерживать дружескія отношенія.

Время дождей приближалось, и піонеръ, не желая оставаться при таковой непріятной погодѣ подъ открытымъ небомъ, принялся за постройку блокгауза. Семейство піонера и его работники не гуляли въ то время, какъ стояли лагеремъ на избранномъ мѣстѣ. Они успѣли приготовить большое пространство для полей. Изъ не очень толстаго лѣса приготовили большой запасъ бревенъ. Мелкую поросль и вѣтви сложили въ большія кучи, сожгли и разсыпали по землѣ золу. На толстыхъ деревьяхъ, которыя рубить было бы трудно, обрубили сучья, ободрали кольцомъ кору у борна, и, подложивъ въ выкопанную подъ стволомъ яму дровъ, обожгли. Этимъ способомъ замариваются слишкомъ большія и толстыя деревья. Они тотчасъ высыхаютъ, скоро гниютъ и падаютъ года черезъ три или четыре. Чтобы пни отъ срубленныхъ деревьевъ не мѣшали дальнѣйшей обработкѣ, ихъ частью выжгли, частью вырвали помощью ворчевальной машины, состоящей изъ горизонтальнаго вала, укрѣпленнаго на прочныхъ подставкахъ. Въ валу придѣлано вертикальное колесо или воротъ съ нѣсколькими рукоятками. Толстая цѣпь съ желѣзными складными крючьями на одномъ концѣ наворачивается на валъ при вращеніи ворота. Заложивъ крючья въ то мѣсто пня, гдѣ отъ него начинаютъ рас-

ходиться толстые корни, человек четыре пионеровъ начинаютъ поворачивать воротъ, и цѣпь, навиваясь на валъ, вытягиваетъ пень изъ земли. Когда нижняя часть пня поднялась дюймовъ на пять надъ поверхностью земли, корни обрубають и откатывають пень къ краю поля. Изъ пней, сложенныхъ рядомъ и наваленныхъ одинъ на другой, устроиваютъ некрасивую, но очень прочную ограду вокругъ участка. Ліаны скоро начинаютъ расти на пняхъ, перепутываютъ ихъ своими стеблями, и, несмотря на то, что самыя пни гнивають черезъ нѣсколько лѣтъ, все-таки вокругъ поля остается непроницаемая для животныхъ изгородь изъ густо-перелетшихся ліанъ и кусковъ гнилого дерева. Несмотря на то, что м-ръ Джекинсъ, — такъ звали стараго пионера, — увеличилъ число своихъ работниковъ, нанявъ нѣсколько человекъ авантюристовъ и проспекторовъ, не пожелавшихъ участвовать въ разработкѣ руды, онъ не считалъ число людей, бывшихъ въ его распоряженіи, достаточнымъ для быстрой постройки блокгауза, — тѣмъ болѣе, что освобожденный отъ лѣса кусокъ поля долженъ былъ быть непременно поднять плугомъ до дождей, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ дождей, съ открытіемъ весны, приступить къ посѣву маиса и пшеницы.

Нанявъ поденно проспекторовъ, не имѣвшихъ до пріѣзда Вилье неотложной работы, онъ съ своею обычною ловкостью уговорилъ скватеровъ остановить на нѣсколько дней свои лѣсопильни и помочь ему въ постройкѣ.

Точно также какъ при устройствѣ плотовъ, скватеры согласились работать безъ платы, за одно угощеніе. На мѣстѣ, назначенномъ для постройки, собралось до восьмисотъ человекъ и, понятно, что блокгаузъ началъ выростать съ чрезвычайною быстротою.

Блокгаузъ строился по плану, принятому въ пустынѣ для блокгаузовъ крупныхъ пионеровъ. Все трехъ-этажное зданіе окружало большой четырехъ-угольный дворъ, въ который вели только одни кованыя желѣзомъ ворота. Всѣ входы въ блокгаузъ шли со двора. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась кухня, она же и столовая, конюшни и хлѣвы. Во второмъ — жилия помѣщенія и кладовая. Въ третьемъ — амбары для зернового хлѣба. Въ нижнемъ этажѣ всѣ окна выходили на дворъ. Выходящія наружу окна были узки и служили бойницами.

Постройка производилась очень простымъ способомъ: размѣтивъ кольями мѣсто постройки, вкопали въ землю и обложили камнями толстые столбы, длиною во всю вышину постройки. Столбы отстояли на такое разстояніе другъ отъ друга, чтобы заготовленные при рас-

чистѣй лѣса бревна хватали отъ одного столба до другого. Въ столбахъ были протесаны пазы. Отесавъ бревна съ двухъ сторонъ и стесавъ нѣсколько концы, ихъ вкладывали горизонтально между двумя столбами—такъ, что стесанные концы плотно садятся въ пазы столбовъ, а отесанные стороны приходились одна вверхъ, другая внизъ. Бревна выбирались совершенно прямыя, такъ что тесаная нижняя сторона одного дерева приходилась очень плотно въ тесаной сторонѣ другого.

Коробки для дверей и оконъ дѣлались изъ нетесанныхъ бревенъ, въ которыхъ вынималась четверть для рамы. Нельзя сказать, чтобы эта работа отличалась большою аккуратностью и чистотой.

Выведя стѣны перваго этажа, для ббльшей прочности прибили деревянными гвоздями, на-крестъ, между столбами съ наружной стороны стѣны, обаполки, привезенныя съ лѣсопилень; настлали полъ изъ толстыхъ пластинъ, взятыхъ оттуда же, и принялись за постройку стѣнъ втораго этажа, тѣмъ же порядкомъ, какъ вывели стѣны нижняго. За вторымъ этажемъ вывели третій. Для крыши стропиль не ставили, такъ какъ она состояла вся изъ неотесанныхъ бревенъ, укрѣпленныхъ однимъ концомъ на верхнемъ бревнѣ наружной стѣны, и другимъ, верхнимъ концомъ, наверху внутренней стѣны, выведенной нѣсколькими футами выше наружной. Поверхъ бревенъ настлали рядъ обаполокъ. При расчистѣ поля было заготовлено столько бревенъ, что ихъ достало не только на блокгаузъ, но еще и на три большихъ, постоянныхъ корабля, устроенныхъ за-одно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ блокгауза. Обаполки были взяты съ лѣсопилень даромъ, такъ какъ ихъ не сплавляли въ штаты по малоцѣнности и жгли, чтобы не занимали даромъ мѣста. Пластины и доски для дверей, рамъ, столовъ и скамеекъ, которые сколачивались тутъ же болѣе опытными плотниками, сватеры продали м-ру Джевинсу по очень выгодной цѣнѣ.

Окончивъ деревянную работу законопатили щели между бревнами разбитыми или, скорѣе, раздавленными стеблями сухой лианы, заготовили большое количество размоченной глины и обмазали ею всю наружную сторону стѣнъ. Крышу тоже обмазали глиной, а поверхъ ея укрѣпили деревянными шпильками пластины дерна, нарѣзаннаго плугомъ на длинныя полосы.

Черезъ четыре дня послѣ закладки, въ новомъ блокгаузѣ уже праздновали новоселье. Затѣмъ сватеры отправились на свои лѣсопилни, проспекторы жечь уголь, а пионеры, размѣстившись въ новомъ жилищѣ, принялись за обработку своего поля.

Меня очень интересовало, какъ піонеры будутъ работать плугомъ на мѣстѣ, только-что освобожденномъ изъ-подъ гѣса. Правда, они были частью выжжены, частью выкорчеваны. Но въ землѣ осталось очень много толстыхъ корней, переплетшихся между собою и представлявшихъ, повидимому, непреодолимые препятствія для плуга.

Однако, благодаря навыку и приспособленнымъ въ дѣлу инструментамъ, піонеры успѣшно продолжали затрудненіе. Работа производилась большимъ, двухколеснымъ, колониальнымъ плугомъ, снабженнымъ вѣрвѣмъ, длиннымъ, наклоннымъ рѣзакомъ. Рѣзакъ, вмѣщая на верхней части два зубца, подходит острымъ концомъ подъ корень, и выворачиваетъ его, дѣйствуя какъ клинъ, или разрываетъ своими зубцами. Если корень оказывается слишкомъ толстъ, то плугъ останавливается и корень приходится устранять уже другими средствами. То же самое повторяется и съ камнями. Не очень крупные камни выворачиваются, а передъ большими плугъ останавливается.

Въ плуги впрягли по шести паръ хорошо сѣзженныхъ быковъ. Кромѣ плугатора и двухъ вожаковъ, у cadaго плуга шли человекъ 8 или 10 рабочихъ, вооруженные ломами, кирками, широкими топорами и специально приспособленными для распилики корней въ землѣ короткими, толстыми пилами. Каждому плугу былъ отведенъ особый участокъ, чтобы остановка одного плуга не задерживала работы другихъ. Когда плуги рѣзѣхались по своимъ мѣстамъ, началась работа, нѣсколько похожая на ориво лядъ у насъ, въ Россіи. Но соха пашеть не глубоко и по своей легкости можетъ быть легко перенесена черезъ толстый корень или пень, тогда какъ тяжелый колониальный плугъ не можетъ пройти препятствія, прежде чѣмъ оно не будетъ уничтожено. Широкий лемешъ идетъ на глубинѣ 8 — 10 вершковъ и выворачиваетъ полосу въ 12 вершковъ шириною. Понуждаемые крикомъ вожаковъ, быки съ усиліемъ, но ровно, тащатъ плугъ. Слышится трескъ перерываемыхъ рѣзакомъ корней и прочный отваль медленно переворачиваетъ черную ленту плодородной земли, состоящей преимущественно изъ перегноя ливны, падавшей въ теченіи тысячелѣтій на землю. Болѣе или менѣе толстые корни наполняютъ эту ленту и портятъ ея правильную форму. Большая часть корней перерывается только съ одной стороны или не перерывается вовсе, а вытягивается изъ земли. Согнувшись отъ напора плуга, они даютъ ему пройти, потомъ выпрямляются и торчатъ изъ земли. Сопровождающіе плугъ рабочіе вытаскиваютъ эти торчащіе корни, обрубаютъ или опиши-

ваютъ крѣпко сидящіе въ землѣ и складываютъ въ кучи. Пройдя нѣсколько шаговъ, быки останавливаются. При крикѣ возжаконъ, переведа духъ, быки дѣлаютъ усилія, чтобы сдвинуть плугъ. Напрасно: рѣзецъ зацѣпилъ за слишкомъ толстый корень, и плугъ не трогается съ мѣста.

Привычныя животныя, видя бесполезность своихъ усилій, не повторяютъ ихъ понапрасну, и спокойно ждутъ, пережевывая жвачку, пока рабочіе не уничтожатъ препятствія и не перепахаютъ или не выворотятъ борна, часто болѣе фута толщиною.

Даже смотрѣть тяжело на такую медленную, прерывающуюся безпрестанно работу, а участвовать въ ней—чистое мученье.

Проработавъ свои четыре часа, быки и люди выбиваются изъ силъ и должны отдыхать до слѣдующаго дня. Привычныя къ тяжелой работѣ, сильные пионеры до того утомлялись, что, возвратившись въ блокгаузъ, отказывались отъ обѣда, и только послѣ продолжительнаго отдыха могли приняться за ѣду.

Не легко достаются переселенцамъ въ дѣвственные лѣса эти богатые урожаи, которымъ такъ завидуютъ хлѣбопашцы заселенныхъ штатовъ.

Самъ м-ръ Джеинсъ, несмотря на свои лѣта, ходилъ наравнѣ съ другими плугаторами на работу и выбиралъ для своего плуга самый трудный участокъ. Правда, сопровождавшіе его отборные работники не давали слишкомъ утомляться старику, но все-таки примѣръ хозяина чрезвычайно поддерживалъ бодрость и энергію пионеровъ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней мучительной работы, участокъ, предназначенный для посѣва тотчасъ послѣ дождей, былъ взорванъ, вывороченъ и сложенный въ кучи корни сожжены.

Пионеры принялись за менѣе утомительныя занятія, и м-ръ Джеинсъ могъ отдохнуть отъ несоотвѣтствующихъ его лѣтамъ трудовъ. Въ это время онъ часто пріѣзжалъ въ венту поболтать съ дядей Боемъ.

Во время одного изъ такихъ посѣщеній, онъ пригласилъ меня проѣхать съ нимъ до блокгауза, переночевать тамъ и возвратиться на другой день въ очереди караулить плоты. Какъ всегда, въ мое отсутствіе начальство надъ карауломъ принялъ на себя Пьеръ, и мы со старымъ пионеромъ, переправясь на паромѣ черезъ рѣку, углубились въ ущелье. Отъѣхавъ около пяти миль отъ переправы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье, идущее до этихъ поръ довольно прямо, дѣлаетъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ, на близкомъ одинъ отъ другого разстояніи, мы увидѣли впереди четырехъ всадниковъ, въ которыхъ узнали авантюристовъ, уѣхав-

шихъ за нѣсколько часовъ изъ венты, гдѣ они пьянствовали два дня и гдѣ другіе авантюристы удалялись отъ нихъ, какъ отъ людей, пользующихся незавидной репутаціей въ преріи.

«У этихъ молодцовъ недоброе на умѣ», замѣтилъ м-ръ Джекинсъ. Дѣйствительно, зачѣмъ они могли стоять тутъ? изъ венты они поѣхали совсѣмъ въ другую сторону. По мокрымъ лошадямъ видно, что они переправлялись черезъ рѣку вплавь, въ чемъ не имѣлось никакой надобности, такъ какъ у самой венты есть паромы. Очевидно, они выѣхали изъ венты, сдѣлали большой кругъ, чтобы отклонить подозрѣніе, переплыли рѣку и караулятъ кого-то въ ущельѣ. Завидѣвъ насъ, всадники поѣхали шагомъ, по одному съ нами направленію. Мы догнали авантюристовъ, не доѣзжая нѣсколько до одного изъ поворотовъ ущелья, гдѣ дорога была пошире. Приготовивъ на случай револьверы, мы обмѣнялись обычнымъ, при встрѣчѣ, Halo! и, стараясь держаться подалеже отъ непрошенныхъ спутниковъ, на рыскахъ проѣхали мимо.

— Пойдите, старый джентльменъ!—крикнулъ намъ вслѣдъ одинъ изъ авантюристовъ,—мнѣ надо переговорить съ вами.

— Некогда,—отвѣтилъ ему м-ръ Джекинсъ, заворачивая за скалу и пуская свою лошадь въ карьеръ. Я послѣдовалъ его примѣру. На счастье, подо мною былъ мой полукровный жеребецъ, котораго я обыкновенно берегъ, разѣзжая на запасныхъ лошадяхъ. Онъ могъ поспорить въ быстротѣ съ лошадью м-ра Джекинса и оставить далеко за собою степныхъ лошадей. Намѣренія авантюристовъ скоро выяснились. Они тоже показались изъ за скалы и гнались за нами. Четыре пули прожужжали около насъ и, не сдѣлавъ никакого вреда, прошли мимо, такъ какъ разстояніе между нами и авантюристами было уже достаточно велико. Очевидно, они караулили м-ра Джекинса, полагая, что онъ поѣдетъ домой одинъ и рассчитывая легко одолѣть и ограбить его. Увидавъ, что піонеръ не одинъ, они не рѣшились сдѣлать открытаго нападенія и хотѣли остановить его, чтобы застрѣлить въ упоръ, а потомъ покончить и со мною. Этого имъ не удалось, и они рѣшили гнаться за нами и стрѣлять въ догонку. Послѣ перваго выстрѣла они не успѣли зарядить карабины, какъ другой поворотъ ущелья скрылъ насъ у нихъ изъ вида.

Далѣе, оглядываясь, я видѣлъ, что они не теряютъ надежды насъ настигнуть и продолжаютъ гнаться за нами; но, благодаря быстротѣ нашихъ лошадей, разстояніе между нами и нашими преслѣдователями возрастало такъ быстро, что стрѣлять не было возможности.

Прискакавъ въ блокгаузу, м-ръ Джекинсъ распорядился, чтобы

нѣсколько человекъ пионеровъ сѣли на лошадей, и мы поехали обратно къ ущелью, съ цѣлью поймать разбойниковъ.

Но этого не удалось. Авантюристы успѣли выѣхать изъ ущелья. Встрѣвившійся намъ разъѣздъ, состоявшій изъ моего вачеро и пионера изъ блокауза, видѣлъ, что какіе-то четыре человека проскакали по направленію къ сѣверу и скрылись въ горахъ.

Уже вечерѣло. Было бы бесполезно производить поиски въ темнотѣ, когда не видно слѣда. Къ тому же авантюристы не станутъ ждать, пока ихъ схватятъ, а вѣроятно уже теперь стараются ускользнуть подальше, запутавъ слѣды, насколько это возможно. Пришлось возвратиться въ блокаузъ, такъ сказать, съ пустыми руками, къ великой досадѣ стараго пионера, поклявшагося раздѣлаться съ негодяями, если они попадутся когда-либо ему въ руки.

Мало-по-малу, впечатлѣніе непріятной встрѣчи въ ущельѣ изгладилось. М-ръ Джекинсъ увлекся разговоромъ о хозяйствѣ, и долго послѣ ужина рассказывалъ мнѣ о своихъ прежнихъ занятіяхъ, мечталъ о томъ, что можно сдѣлать на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь устроилъ свой блокаузъ. Было далеко за полночь, когда мы разошлись спать.

Но авантюристы рѣшились, кажется, не давать намъ покоя въ эти сутки. Не успѣлъ я раздѣться, какъ недалеко отъ блокауза раздались два выстрѣла изъ револьвера—обычный призывъ на помощь, и въ блокаузѣ поднялась тревога. Захвативъ оружіе, я высочилъ, узнать въ чемъ дѣло. Пионеры спѣшили къ мѣсту, откуда слышались выстрѣлы. Я побѣжалъ за ними.

Выстрѣлы раздались со стороны корала, куда загоняли на ночь лошадей. Для караула корала были назначены два человека, которые должны были спать поочереды. Подбѣжавъ къ коралю, мы услышали слабые стоны и увидѣли, при свѣтѣ зажженныхъ сосновыхъ корней, употребляемыхъ вмѣсто факеловъ, что лошади угнаны изъ корала и у раствореннаго входа лежатъ безъ чувствъ оба караульные. По тому, что въ рукахъ одного изъ нихъ былъ револьверъ, можно было догадаться, что это онъ поднялъ тревогу. Около обоихъ раненыхъ стояли порядочныя лужи крови, тѣшей изъ нѣсколькихъ ранъ ножомъ въ грудь. Три собаки, бывшія при караульныхъ, лежали удушенные въ разныхъ мѣстахъ, неподалеку отъ корала. Раненыхъ тотчасъ же перенесли въ блокаузъ для поданія возможной помощи.

— Это работа тѣхъ четырехъ негодяевъ, — воскликнулъ м-ръ Джекинсъ: — во что бы то ни стало, ихъ надо изловить.

Не совсѣмъ легко было исполнить это желаніе пионера.

Воры утнали всѣхъ лошадей, бывшихъ въ коралѣ, такъ что для преслѣдованія могли быть употреблены только 14 лошадей, оставленныхъ по обыкновенію на всякій случай въ коралѣ. Кромѣ этихъ лошадей, приходилось пустить въ погоню лошадей, на которой ѣдигъ самъ м-ръ Джекинсъ и мою. Такимъ образомъ могло образоваться 16 всадниковъ,—число совершенно достаточное, чтобы захватить воровъ, еслибы удалось настичь ихъ. Но въ этомъ-то и было главное затрудненіе. Неизвѣстно, сколько времени назадъ было сдѣлано нападеніе и въ какую сторону усакали воры. Какъ припомнили караульные въ блокгаузѣ, лай собакъ, со стороны корала, былъ слышенъ въ послѣдній разъ слишкомъ за часъ времени; онъ вдругъ прекратился, и слышавшіе полагали, что собакъ уняли хозяева. Ночью не было возможности рассмотреть слѣды и распутать тѣ петли и объѣзды, какіе обыкновенно дѣлаютъ въ преріи, чтобы сбить съ толку погоню. Отложить преслѣдованіе до утра было тоже нельзя. Воры могли усакавать на такое разстояніе, что ихъ не будетъ возможности догнать. Даже и теперь на ихъ сторонѣ было большое преимущество.

Кромѣ того, что конокрады выѣхали значительно раньше погони, они могли пересаживаться съ одной лошади на другую и менѣе утомлять ихъ, чѣмъ мы, принужденные скакать все время на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ. Кромѣ того, лошадь м-ра Джекинса и моя сдѣлали нѣсколько часовъ назадъ оволо пятнадцати миль въ карьеръ и не успѣли еще совершенно оправиться отъ такой усиленной работы.

Разсчитывать, что угнанныя лошади произведутъ задержку, было нельзя, такъ какъ свышшіяся лошади піонеровъ ни за что не станутъ отставать одна отъ другой и отбиваться въ сторону.

Для насъ же, при разыскиваніи слѣда, остановки были неизбежны. Но главное затрудненіе состояло въ томъ, какъ опредѣлить направленіе, по которому усакали воры и не сбиться съ толку во время самаго преслѣдованія.

Но эти затрудненія, казавшіяся мнѣ неразрѣшимыми, ничего не значили для постоянныхъ жителей преріи. Одинъ изъ нанятыхъ піонеромъ вачеро, мексиканецъ, обладалъ очень тонкимъ слухомъ. Приложивъ ухо въ землѣ, что дѣлали безуспѣшно многіе изъ насъ, онъ услышалъ отдаленный топотъ удалявшихся конокрадовъ. Кромѣ того, въ блокгаузѣ осталась лошадь, очень дружная съ одною изъ угнанныхъ. Сидѣвшій на ней піонеръ отпустилъ поводъ, давая ей идти, куда она захочетъ, и умное животное, заржавъ, направилось въ ту сторону, откуда слышался топотъ.

Такимъ образомъ ужь не было возможности сбиться со слѣда. Передавъ раненыхъ на попеченія женщинъ, м-ръ Джекинсъ, въ сопровожденіи меня и 13-ти піонеровъ, пустились въ погоню. Лошадь, долженствовавшая служить проводникомъ, была пущена впередъ, безъ сѣдла. До разсвѣта скакали мы за нашимъ четвероногимъ вожакъ. Время отъ времени, мексиканецъ соскакивалъ съ лошади, прикладывая на секунду ухо къ землѣ, вскакивалъ опять въ сѣдло и сообщалъ, что топотъ слышится впереди, хотя нельзя опредѣлить, дальше или ближе чѣмъ прежде.

На разсвѣтѣ мы убѣдились, что слухъ авантюриста и инстинктъ лошади не ошиблись. Передъ нами ясно виднѣлся слѣдъ проскакавшаго табуна.

Нашъ четвероногій вожакъ велъ насъ однако не постоянно по слѣду. Часто на какомъ-нибудь поворотѣ лошадь пріостанавливалась, какъ-бы соображая что-то, потомъ, испутивъ громкое ржаніе, бросала слѣдъ и скакала цѣликомъ черезъ прерію. Сначала думали, что она не хочетъ больше догонять своего пріятеля, но, по совѣту вачеро, послѣдовали за нею. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени выѣхали опять на слѣдъ, оставивъ за собою замысловатую петлю, сдѣланную ворами, и могущую надолго задержать погоню, еслибы людямъ пришлось разбирать хитро перепутанные слѣды. Лошадь не поддавалась на обманъ, который сбиль бы съ толку самаго опытнаго рыцаря пустыни, и заставила воровъ даромъ потерять добрыхъ полчаса времени.

По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ блокгауза, петли и круги стали чаще. Часто слѣдъ пропадалъ у ручья и выходилъ на другой берегъ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ выше или ниже. Благодаря лошади, за которой мы скакали, намъ не пришлось потерять ни минуты времени и мексиканецъ сообщилъ, что топотъ табуна слышится совершенно ясно и что мы, очевидно, приближаемся къ нему. Было уже за полдень. Долгая скачка до крайности утомила лошадей. Лошадь м-ра Джекинса и моя не отставали еще отъ свободной лошади, хотя движенія ихъ стали замѣтно тяжелѣе и медленнѣе. Другихъ лошадей приходилось уже подгонять ударами. Человѣка два отстали далеко.

Не менѣе лошадей утомились и люди. Про себя я могу сказать, что едва держался въ сѣдлѣ и готовъ былъ бранить себя за участіе, принятое мною въ погонѣ. Спина и ноги болѣли невыносимо.

Мексиканецъ сообщилъ намъ, что ясно слышанный передъ тѣмъ топотъ прекратился вовсе. Это значило, что воюокрады тоже утомились, и, считая себя, благодаря искусному запутыванью слѣ-

довъ и дальности разстоянія, въ опасности, расположились отдохнуть.

Это свѣдѣніе придало всѣмъ бодрости, и мы стали-было погонять своихъ усталыхъ лошадей. Но м-ръ Джевинсъ счелъ болѣе разумнымъ остановиться часа на два, отдохнуть. Воры уже не могутъ уйти отъ насъ, не перепортивъ украденныхъ лошадей, на что они рѣшатся только въ крайности. Не было основанія и намъ загонять своихъ лошадей. Во время отдыха, разстояніе между нами и ворами не увеличится, а продолжая преслѣдованіе на измученныхъ лошадяхъ, мы встревожимъ воровъ и дадимъ имъ возможность опередить насъ на успѣвшихъ вздохнуть украденныхъ лошадяхъ.

Прошло много времени, пока мы выводили своихъ лошадей, отерли лившуюся съ нихъ пѣну и, навязавъ на лассо, пустили пастись. Мексиканецъ все время лежалъ, приложивъ ухо къ землѣ. Топота не было слышно. Лошади и люди успѣли уже отдохнуть, а по словамъ мексиканца воры не трогались съ мѣста. Очевидно, они считали себя въ полнѣйшей безопасности и остановились на продолжительный отдыхъ. М-ръ Джевинсъ велѣлъ садиться въ сѣдла. Нашъ жогакъ отдохнулъ скорѣе другихъ лошадей, нетерпѣливо поглядывалъ въ ту сторону, куда слѣдовало ѣхать, и звалъ, время отъ времени, своего товарища пронзительнымъ ржаніемъ. Чтобы не встревожить воровъ, мы поѣхали шагомъ, навязавъ на лассо нетерпѣливаго провозжатаго.

Часа черезъ два ѣзды, лошадь стала ржать чаще и издали донеслось такое же отгвѣтное ржаніе. Чтобы эта переключка лошадей не подняла преждевременной тревоги, одинъ изъ пионеровъ пересѣлъ на нашего жогака и сдерживалъ его слишкомъ громкія выраженія радости. Къ мѣсту, гдѣ былъ табунъ, можно уже было теперь проѣхать безъ жогака. Слѣдъ, котораго мы продолжали держаться, привелъ насъ къ крутому берегу ручья. Выѣзда на другой берегъ не было видно. Значитъ воры спрятались гдѣ-нибудь подъ обрывомъ, проѣхавъ нѣкоторое разстояніе ручьемъ. Сквозь прозрачную воду ручья привычный глазъ вачеро разсмотрѣлъ нѣсколько конскихъ слѣдовъ, направленныхъ вверхъ по теченію. Раздавшееся не вдали ржаніе лошади подтвердило догадку вачеро, что воры остановились на полянкѣ подъ обрывомъ; миляхъ въ полутора отъ того мѣста, гдѣ мы находились.

Осторожно поѣхали мы враземъ обрыва, ожидая увидѣть внизу табунъ и конокрадовъ.

Дѣйствительно, на небольшой полянкѣ, у ручья, паслись укра-

денныя лошади. Сначала людей не было видно, но скоро замѣтили, что прямо подъ нами, подъ защитою нависшаго обрыва, помѣстились тѣ самые четыре авантюриста, которые стрѣляли по м-ру Джекинсу и по мнѣ въ ущельѣ. Двое изъ нихъ спали, а двое, вмѣсто того чтобы караулить, до того увлеклись игрою въ восты, что не слыхали, какъ мы подъѣхали.

Громкое ржаніе нашего вожака, раздавшееся надъ ихъ головами, заставило опомниться игроковъ и проснуться отдохавшихъ.

Увидѣвъ насъ, конокрады схватили свои карабины и прижались къ обрагу, такъ-что сверху стрѣлать въ нихъ было нельзя, изъ-за нависшаго обрыва.

— Сдавайтесь!—крикнулъ имъ м-ръ Джекинсъ.

Отвѣта не послѣдовало. Снизу слышалось только щелканье вводимыхъ курковъ. Конокрады, зная, что имъ, въ случаѣ сдачи, не миновать петли, рѣшились защищаться до послѣдней крайности.

Пионеры не хотѣли убивать конокрадовъ безъ суда, хотя въ сущности приговоръ суда Линча въ этихъ случаяхъ заранѣе извѣстенъ. Конокрады, покусившіеся на жизнь караульныхъ, должны быть повѣшены. Было бы короче прямо перестрѣлать ихъ, но пионеры смотрѣли на дѣло иначе. Имъ недостаточно было лишить жизни вредныхъ людей. Лишеніе жизни должно быть совершено легальнымъ порядкомъ, съ соблюденіемъ обычныхъ формальностей.

Но взять живьемъ четырехъ вооруженныхъ человѣкъ, рѣшившихся защищаться, тоже не совсѣмъ легко. Прежде, чѣмъ ихъ схватить, они успѣютъ положить на мѣстѣ не одного человѣка. Это обстоятельство однако не смутило пионеровъ. Пославъ восемь человѣкъ въ объѣздъ, такъ чтобы, спустившись къ ручью, они могли подъѣхать въ самымъ конокрадамъ, м-ръ Джекинсъ велѣлъ остальнымъ слѣпить и выбрать такое мѣсто, откуда, подъ защитою неровностей обрыва, можно бы было цѣлить въ четырехъ человѣкъ, прижавшихся къ обрыву. Между слѣпившейся партией, къ которой принадлежалъ и я, и конокрадами было разстояніе шаговъ въ двадцать-пять, такъ что стрѣлать въ нихъ было легко.

Увидѣвъ подъѣжающую конную партію, конокрады приложились съ намѣреніемъ выстрѣлить, но пѣшіе пионеры предупредили ихъ. Четыре выстрѣла, сдѣланные сыновьями м-ра Джекинса, отличными стрѣлками, выбили карабины изъ рукъ осажденныхъ авантюристовъ. Неудачно пущенная пуля перебила руку одному изъ нихъ. Прежде чѣмъ авантюристы опомнились, послан-

ные въ объѣздѣ піонеры накинули на нихъ свои лассо, сбили съ ногъ, отобрали оружіе и скрутили такъ, что ни о защитѣ, ни о побѣгѣ нечего было и думать.

Раненому авантюристу перевязали раздробленную руку и затѣмъ, положивъ плѣнниковъ рядомъ на землю, казалось, забыли объ ихъ существованіи. Переловивъ угнанныхъ лошадей, осмотрѣли, насколько они пострадали отъ усиленнаго перегона и, убѣдившись, что онѣ не испорчены и находятся всё на лицо, снова выпустили на пастбу, вмѣстѣ съ лошадьми, на которыхъ мы пріѣхали. Уже вечерѣло. М-ръ Джекинсъ предложилъ переночевать на мѣстѣ и утромъ двинуться въ обратный путь. Понятно, всё охотно приняли предложеніе.

Объ ужинѣ заботиться было нечего, такъ какъ, согласно принятому въ преріи благоразумному обычаю, у всякаго было въ мѣшкѣ для фуража небольшое количество хлѣба и нѣсколько шишекъ маиса. У захваченныхъ въ плѣнъ авантюристовъ имѣлся небольшой походный котелокъ, такъ что хлѣбомъ и отвареннымъ въ водѣ маисомъ мы могли утолить свой голодъ.

Плѣнники тоже получили свою порцію. На время ужина имъ развязали руки. Теперь я только могъ хорошо рассмотреть коноврадовъ. Трое изъ нихъ были люди пожилые, тогда какъ четвертый едва ли достигъ двадцати-лѣтняго возраста. Мнѣ жаль было смотрѣть на этого молодого человѣка, который могъ бы еще исправиться, еслибы попалъ въ другое общество. Но я хорошо зналъ, что судъ суровыхъ жителей пустыни врядъ ли пощадитъ его. Вѣроятно, завтра же, его повѣсятъ, какъ стараго неисправимаго негодая.

Послѣ ужина развели большой костеръ, назначили очередь караула и улеглись спать.

Мнѣ пришлось караулить вмѣстѣ съ мексиканцемъ. Вачеро помѣстился поближе къ лошадямъ, а сидѣлъ у костра.

Несмотря на нѣкоторую привычку, врядъ ли часы тянутся когда бы то ни было такъ долго, какъ во время ночного караула, въ зимнюю ночь, среди преріи. Безмолвіе ночи, прерываемое изрѣдка какимъ-то злобѣщимъ шумомъ высокой степной травы, колеблемой рѣзкимъ порывистымъ вѣтромъ, мутное темное небо, падающій, въ видѣ мелкихъ капель, туманъ или дождь, сами по себѣ способны нагнать сплинъ на самаго веселаго человѣка. Но вотъ, вдали раздался какой-то странный звукъ. Не то кто-то призываетъ на помощь, не то вѣтеръ завываетъ въ какой-нибудь далекой разсѣлинѣ горъ. Пронесся этотъ звукъ, какъ-бы прокатился по преріи, и замеръ. Съ другой стороны

послышался другой такой же отвѣтный звукъ, явственнѣе, ближе; потомъ третій, четвертый, пятый, все ближе и слышнѣе. Это мелкіе степные волки вышли на добычу, бродятъ около лагеря и заводятъ свой концертъ, наводящій на душу тоску, граничащую съ ужасомъ. Раздирающій ухо вой, похожій то на плачь ребенка, то на вопль умирающаго, то на какое-то погребальное пѣніе, то на визгъ побитой собаки, не прекращается до разсвѣта, то затихая, то возобновляясь съ новою силою, то гдѣ-то далеко, то чуть не у самаго лагеря.

Этотъ вой не беспокоитъ никого. Піонеры храпятъ себѣ въ своихъ одѣялахъ; лошади спокойно пасутся или лежатъ, изрѣдка пофыркивая и бряча вынутыми изо рта удилами. Даже собаки, свернувшіяся у востра, встрепенулись и наострили уши только при первомъ завываніи, но, распознавъ въ чемъ дѣло, спрятали морды и не трогались съ мѣста.

Не знаю, какъ на другихъ караульныхъ, но на меня этотъ вой всегда производилъ до крайности неприятное впечатлѣніе и дѣлалъ то, что я смотрѣлъ на ночной караулъ, какъ на пытку. Обычное, неприятное во время ночного караула чувство усиливалось еще тѣмъ, что, несмотря на всѣ старанія, я не могъ отогнать мысли объ участи четырехъ взятыхъ плѣнниковъ, лежавшихъ близко отъ меня, и которыхъ я долженъ былъ теперь караулить и сберегать для неизбѣжной петли. Во время погони я испытывалъ чувство охотника, преслѣдующаго дичь. Теперь, когда увлеченіе прошло, я почти раскаявался, что принялъ участіе въ этой погонѣ. Вѣдь эти четыре человѣка хорошо знаютъ, что ихъ ожидаетъ. Что-то они чувствуютъ и думаютъ въ эти послѣдніе часы своей жизни? Признаюсь, у меня не хватило духу посмотрѣть, спятъ они или нѣтъ. Я старался думать о чемъ-либо другомъ. Но мысли объ участи захваченныхъ авантюристовъ, въ особенности молодого человѣка, не выходили изъ головы. Уже время караула приходило въ концу, какъ я услышалъ не то стонъ, не то сдержанное рыданіе. Это плакалъ молодой плѣнникъ. Днемъ, при людяхъ, онъ сдерживался и казался такимъ же равнодушнымъ въ своей участи, какъ и его товарищи, не выразившіе ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ страха или отчаянія, въ виду того, что ихъ ожидало. Даже раненый не стоналъ, несмотря на боль въ ругѣ. Молча лежали они до ужина, молча поужинали и также молча позволили себя связать опять, и улеглись у востра. Ночью молодой человѣкъ не выдержалъ и заплакалъ. Мнѣ хотѣлось его утѣшить. Но что

сказать, когда мы оба очень хорошо знали, что я рѣшительно ничѣмъ не могу помочь ему.

Я слыхалъ, что вачеро иногда позволяють бѣжать плѣнникамъ. Нѣсколько разъ приходила мнѣ мысль перерѣзать ремни, которыми былъ связанъ молодой человѣкъ и дать ему уйти. Но къ чему бы повело это? Пѣшкомъ онъ не можетъ уйти далеко и будетъ пойманъ, какъ только замѣтятъ его побѣгъ. Угнать лошадей изъ-подъ надзора мексиканца невозможно. Оставляя въ сторонѣ то, что мнѣ самому придется дорого заплатить за помощь коновраду, если піонеры догадаются, что я помогъ ему бѣжать, Богъ знаетъ, исправится ли самъ молодой человѣкъ, если случайно вырвется на свободу? И къ тому же, какое право имѣлъ я идти наперекоръ обычаямъ людей, принявшихъ меня такъ хорошо, и не оправдать довѣрія, которое они мнѣ выказали. Хоть жаль молодого плѣнника, а дѣлать нечего: надо было предоставить его собственной судьбѣ.

Наконецъ, время караула кончилось. Мексиканецъ подошелъ къ костру и спросилъ меня, не пора ли будить очередныхъ. Услыхавъ всхлипыванья юноши, онъ обратился къ нему:

— Нечего теперъ плакать, какъ бабѣ! Вѣдь говорили тебѣ не разъ: брось свою скверную компанію! Ну, теперъ и не на кого пенять, коли придется поскакать на веревкѣ.

Всхлипыванья утихли.

Еще больше стало мнѣ жаль молодого человѣка, и я, самъ плохо вѣря своимъ словамъ, сталъ опровергать мексиканца, говоря, что повѣсятъ ли еще плѣнниковъ—неизвѣстно, такъ какъ это зависитъ отъ приговора суда. Мексиканецъ пожалъ плечами и принялся будить очередныхъ піонеровъ.

Утромъ, навязавъ табунъ на лассо и прикрутивъ плѣнниковъ къ ихъ лошадямъ, мы направились обратно въ блоггаузу, куда доѣхали уже поздно вечеромъ.

Караульные при коралѣ, раненные во время нападенія коноврадовъ, пришли въ чувство. Хотя ихъ раны были глубоки, но за ихъ жизнь опасаться было нечего. Это извѣстіе видимо обрадовало м-ра Джекинса, бросавшаго во время дороги не совсѣмъ дружелюбные взгляды на плѣнниковъ.

Узнавъ, что во время нашего отсутствія Пьеръ, не зная причины моей долгой отлучки, уже пріѣзжалъ въ блоггаузъ разсказывать меня, я, простившись съ піонерами, проѣхалъ въ венгу.

На другой день утромъ пріѣхалъ туда же м-ръ Джекинсъ, въ сопровожденіи начальниковъ скватеровъ. Разсказавъ о кражѣ

лошадей и поймѣ воровъ, пионеръ потребовалъ, чтобы они были тотчасъ судимы по закону Линча. Самъ м-ръ Джекинсъ отказался принимать участіе въ судѣ, такъ какъ онъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ и долженъ былъ явиться въ судъ въ качествѣ обвинителя.

По старинному обычаю, для дѣйствительности приговора достаточно, чтобы судъ состоялъ изъ трехъ добросовѣстныхъ постороннихъ лицъ. Но такимъ числомъ судей довольствуются только въ тѣхъ случаяхъ, когда негдѣ взять большаго числа. Теперь же судъ долженъ былъ состоять изъ представителей всѣхъ отдѣльныхъ группъ, собравшихся по близости блокгауза, въ которомъ было совершено преступленіе.

Сквтеры дали двадцать-восемь представителей: четырнадцать начальниковъ и четырнадцать выборныхъ отъ партій. Проспекторы выбрали изъ среды себя двухъ представителей; авантюристы, бывшіе въ вентѣ, тоже двухъ; пионеры четырехъ, въ томъ числѣ сына м-ра Джекинса и, наконецъ, наша, самая малочисленная партія, одного — Пьера. Я не могъ быть судьей, потому что не пробылъ еще пяти лѣтъ въ Америкѣ и какъ соприкосновенный въ дѣлу, такъ какъ конокрады стрѣляли по мнѣ въ ущельѣ. Предсѣдателемъ суда былъ избранъ дядя Бой, что чрезвычайно льстило самолюбію метиса.

Судъ въ полномъ составѣ отправился въ блокгаузу, осмотрѣлъ кораль, откуда были угнаны лошади, мѣсто, гдѣ лежали раненные караульные и убитыя собаки. Осмотрѣли также мѣсто, гдѣ предъ совершеніемъ воровства скрывались конокрады, и убѣдились, что слѣдъ къ этому мѣсту шель изъ ущелья, гдѣ произведено было нападеніе на м-ра Джекинса и меня.

Осмотръ мѣста и слѣдовъ производился съ такою тщательностію и добросовѣстностію, которая сдѣлала бы честь любому слѣдователю.

По слѣду оказалось несомнѣннымъ, что пойманные авантюристы были тѣ самые, которые нападали на м-ра Джекинса и меня. Послѣ неудачнаго нападенія, авантюристы дождались ночи въ лѣсу, подѣхали на разстояніе одной мили къ блокгаузу, привязали лошадей и ползкомъ подерались къ коралю, куда загнаны были лошади пионеровъ. Бросившихся-было къ нимъ собакъ удавили ловко накинутымъ лассо, такъ что ни одна изъ нихъ не успѣла взвизгнуть. Затѣмъ набросились на караульныхъ, накинули на стоявшаго на очереди лассо и нанесли какъ ему, такъ и спавшему тутъ же товарищу нѣсколько ранъ ножомъ.

Раны, очевидно, были сдѣланы двумя небольшими, окровавленными ножами, отобранными во время поимки у двухъ вонокрадовъ.

Окончивъ осмотръ, судьи размѣстились полукругомъ, подъ высокимъ орѣхомъ, росшимъ невдалекѣ отъ блокгауза, и начали опросъ подсудимыхъ и свидѣтелей. Кругомъ размѣстилась большая толпа любопытныхъ, собравшихся съ лѣсопилень, изъ венты, стоянки проспекторовъ и блокгауза.

Подсудимые рѣшительно отказывались отвѣчать на вопросы. Они упорно молчали, бросая злобные взгляды на судей. Показанія свидѣтелей вполнѣ подтвердили виновность подсудимыхъ. М-ръ Джекинсъ разсказалъ о произведенномъ на насъ нападении. Я подтвердилъ его показаніе. Одинъ изъ раненыхъ караульныхъ заявилъ, что, стоя поочереды на караулѣ, онъ замѣтилъ, что сабаки бросились съ лаемъ отъ короля въ темноту, но тотчасъ же замолкли. Затѣмъ онъ почувствовалъ, что лассо охватило его шею и сбilo съ ногъ. Чтѣ-то холодное съ болью вошло въ грудь; затѣмъ онъ уже ничего не помнилъ до тѣхъ поръ, какъ въ блокгаузѣ его привели въ чувство. Другой пионеръ проснулся отъ удара ножомъ, но тотчасъ же потерялъ сознание. Придя на минуту въ себя, онъ пробовалъ приподняться, но не могъ. Сдѣлавъ почти безсознательно два выстрѣла изъ револьвера, онъ опять впалъ въ безпамятство, въ которомъ и нашли его прибѣжавшіе на выстрѣлы. Раненые не могли сами придти для дачи показаній, почему ихъ принесли на носилкахъ изъ блокгауза, и послѣ снятія допроса снова унесли обратно.

Участвовавшіе въ поимкѣ вонокрадовъ влѣтвенно подтвердили, что представленныя четыре человѣка именно тѣ, которые были схвачены съ поличнымъ.

Сомнѣнія въ виновности подсудимыхъ не могло быть.

По окончаніи судебного слѣдствія, судъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, дяди Боя, обратился въ толпѣ, молча стоявшей кругомъ, съ вопросомъ: не знаетъ ли кто-нибудь подсудимыхъ и не можетъ ли разсказать что-либо изъ ихъ прошлой жизни, чтѣ могло бы повліять на степень строгости приговора. Нѣсколько человѣкъ авантюристовъ, пріѣхавшихъ изъ венты, выступили изъ толпы и поочереды высказали, что они давно знаютъ двухъ изъ обвиняемыхъ, какъ людей дурного поведенія, подозрѣваемыхъ въ разнаго рода грабежахъ и воровствѣ. Было даже совершено два или три убійства, въ которыхъ явно подозрѣвались эти два рыцаря пустыни, хотя не имѣлось явныхъ уликъ. Про третьяго ни-

кто не могъ сказать ничего, такъ какъ онъ недавно прибылъ въ прерію. Про молодого человѣка знали, что онъ, прїѣхавъ въ прерію, нѣсколько разъ занимался какъ вачеро, пропивалъ заработанныя деньги, сошелся съ разбойниками и разъѣзжалъ съ ними послѣ того, какъ разъ, пьяный, упустилъ свою лошадь въ прерію и былъ вырученъ случайно наѣхавшими на него теперешними товарищами изъ самаго затруднительнаго положенія.

Судъ обратился къ обвиняемымъ, предлагая имъ сказать что-либо для опроверженія взводимыхъ на нихъ обвиненій, но, не получивъ никакого отвѣта, удалился въ блокгаузъ для совѣщаній.

Зная мнѣніе судей до суда, я не сомнѣвался относительно того, каковъ будетъ приговоръ. Рѣдко судъ Линча произноситъ другой приговоръ, кромѣ приговора къ повѣшенію. Это и немудрено, такъ какъ этотъ судъ собирается только въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ вполне изобличенъ въ совершенномъ имъ преступленіи. На этотъ разъ я ошибся нѣсколько въ своихъ предположеніяхъ. Когда судъ вышелъ изъ блокгауза, дядя Бой, какъ предсѣдатель, объявилъ приговоръ:

«Два авантюриста, завѣдомо занимавшіеся грабежомъ, еще до совершенія послѣдняго преступленія, приговорены къ повѣшенію, такъ какъ, кромѣ кражи лошадей и вооруженнаго нападенія на проѣзжающихъ, съ нихъ были сняты окровавленные ножи, которыми были нанесены караульнымъ раны, не имѣвшія своимъ слѣдствіемъ смерти независимо отъ желанія наносившихъ раны.

«Третій авантюристъ, не уличенный въ нанесеніи ранъ караульнымъ, былъ признанъ виновнымъ въ соучастіи въ вооруженномъ нападеніи, не имѣвшемъ вредныхъ послѣдствій, и въ соучастіи въ кражѣ лошадей, — почему судъ не рѣшается наказать его смертію, а налагаетъ на него, въ видѣ наказанія, обязанность исполнить смертный приговоръ надъ своими осужденными товарищами.

«Четвертаго, молодого человѣка, судъ не призналъ виновнымъ и постановилъ, посоветовавъ ему избѣгать впередъ дурныхъ товарищей, отпустить послѣ исполненія приговора надъ осужденными».

Пока дядя Бой сообщалъ рѣшеніе суда, я смотрѣлъ на подсудимыхъ, желая видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ приговоръ. Осужденные оставались такъ же равнодушны, какъ прежде. Ни однимъ движеніемъ не выразили они волновавшихъ ихъ чувствъ, какъ будто все это до нихъ вовсе не касалось.

Приговоренный судомъ исполнять должность палача, услыжавъ

приговоръ, громко протестовалъ противъ него, говоря, что пусть и его повѣсятъ самого, а онъ ни за что не станетъ вѣшать товарищей.

— Не хочешь по добру, такъ заставить! — замѣтилъ ему одинъ изъ скваттеровъ.

Услыхавъ, что судъ приговорилъ освободить его, молодой человекъ не могъ скрыть своей радости; но взглядъ, брошенный на бывшихъ товарищей, заставилъ его снова опечалиться. Очевидно, ему было жаль ихъ. Но сдѣлать что-либо для нихъ было не въ его власти.

Приговоръ долженъ былъ быть исполненъ тотчасъ же.

Осужденнымъ развязали ноги, посадили на лошадей и повезли къ высочему дубу, стоявшему на дорогѣ къ ущелью. Дубъ долженъ былъ служить висѣлицей. Нѣсколько человекъ скваттеровъ и авантюристовъ взяли на себя заставить освобожденнаго конокрада исполнить обязанность палача. Молодой человекъ долженъ былъ присутствовать при казни въ качествѣ зрителя. Толпа, бывшая на судѣ, отправилась на мѣсто казни посмотреть на ея исполненіе. Мнѣ было противно присутствовать при этой операціи, и я отправился вмѣстѣ съ судьями въ блокгаузъ. Изъ окна комнаты, гдѣ мы находились, былъ видѣнъ дубъ съ собравшеюся подъ нимъ толпою народа. Случайно выглянувъ въ окно, я увидѣлъ это мѣсто казни, хотѣлъ-было отойти, но какое-то странное чувство, чувство, котораго я не могу вполне объяснить, но которое не даетъ человеку возможности оторвать глазъ отъ зрѣлища, дѣйствующаго на него крайне непріятно, какъ-бы невольно заставило меня прослѣдить за концомъ разыгравшейся сегодня драмы. Несмотря на дальность разстоянія, я видѣлъ какъ человекъ взлѣзъ на дерево и привѣшилъ петли къ двумъ сучьямъ; подъ эти петли подвели на лошадяхъ осужденныхъ; человекъ, сидѣвшій на деревѣ, навинулъ на нихъ петли. Лошадей заставили выскочить изъ-подъ осужденныхъ, — и послѣ нѣсколькихъ судорожныхъ движеній все было для нихъ кончено.

Отъ толпы отдѣлились два всадника и поскакали въ прерію; отбѣжавъ на нѣкоторое разстояніе отъ мѣста казни, они пожали другъ другу руки и, направляясь въ разные стороны, скрылись вдали.

Судьи, подобно мнѣ, не могли, кажется, оторваться отъ ужаснаго зрѣлища. Неужели, думалось мнѣ, въ нихъ не шевельнулся вопросъ: «по какому праву они присвоили себѣ власть отнять жизнь у себѣ подобныхъ?»

Впрочемъ, они могли успокоить свою совѣсть необходимостью.

Не позволять же въ самомъ дѣлѣ разнымъ негодямъ безнаказанно воровать, грабить и убивать другихъ людей. Вѣдь этакъ отъ нихъ житья не будетъ въ преріи. И во всякомъ случаѣ судъ, по закону Линча, все же лучше, чѣмъ отсутствіе всякаго суда, когда естественно развилась бы между жителями месть, и могли бы производиться убійства только затѣмъ, чтобы оградить себя, можетъ быть, отъ воображаемой опасности.

По окончаніи казни всѣ отправились въ венту, чтобы по возможности освободиться отъ непріятнаго чувства, произведеннаго этимъ происшествіемъ, кто виномъ и игрою, кто разговорами о совершенно постороннихъ предметахъ.

Дубъ, на которомъ повѣсили конокрадовъ, находился у самой дороги. Я замѣтилъ, что не совсѣмъ удобно было выбирать это мѣсто; мнѣ отвѣтили, что обыкновенно вѣшаютъ вблизи дороги съ цѣлью предупредить подозрительныя личности о томъ, что ихъ ожидаетъ, если они осмѣлятся совершить преступленіе въ этой мѣстности, и показать проходящимъ транспортамъ, что они могутъ считать себя въ нѣкоторой безопасности, такъ какъ грабежъ и конокрадство не сходятъ даромъ.

Не знаю, можетъ быть, оставлять разлагающіеся трупы болтаться на деревѣ, близъ дороги, очень назидательно для жителей пустыни; на меня, по крайней мѣрѣ, видъ посинѣлыхъ висѣльниковъ, съ высунутыми языками, производилъ впечатлѣніе близкое къ ужасу, и съ этихъ поръ я избѣгалъ ѣздить мимо дуба и сталъ рѣже посѣщать блокгаузъ м-ра Джекинса. Я замѣтилъ, что и на видъ равнодушнымъ ко всему вачеро тоже не нравилось это непріятное зрѣлище, особенно ночью, и они стали возвращаться изъ развѣзда гораздо ранѣе прежняго, стараясь проѣзжать за свѣтло мимо дуба. Впрочемъ, дней черезъ пять кто-то догадался перерѣзать веревки и сбросить трупы на землю, гдѣ волки въ одну ночь не оставили ни косточки, ни клочка кожаной одежды.

Разъ вечеромъ, когда я, по обыкновенію, сидѣлъ на домашней половинѣ венты, вбѣжалъ въ комнату сынъ дяди Боя съ извѣстіемъ, что въ вентѣ приближается очень большой транспортъ на мулахъ. Выйдя изъ венты, я тотчасъ узналъ въ числѣ всадниковъ, сопровождавшихъ транспортъ, нашего патрона, м-ра Макса Требера и Вилье. Наконецъ-то кончился срокъ моего скучнаго караула переправы!

М-ръ Максъ и Вилье встрѣтились въ Товсонѣ и, узнавъ, что имъ приходится идти по одному направленію, соединили свои транспорты въ одинъ и прибыли вмѣстѣ къ переправѣ.

Транспортъ м-ра Макса былъ нагруженъ товаромъ для про-

мѣна на скотъ въ преріи, лежащей на правомъ берегу Ридъ-Ривера.

Чтобы отдохнуть хорошенько до предстоявшаго труднаго путешествія въ малоизвѣстныя еще преріи, рѣшено было, что транспортъ простоятъ у венты трое сутокъ. Этимъ временемъ м-ръ Максъ осмотрѣлъ устроенную мною переправу и принялъ отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Переправа оказалась устроена хорошо; расходы значительно ниже предполагаемыхъ; безопасность переправы вполне обезпечена. Вообще патронъ остался доволенъ исполненіемъ возложеннаго на меня порученія и призналъ всѣ мои распоряженія, включая затрату тысячи долларовъ на свинцово-плавильный заводъ, вполне правильными. Караулъ плотовъ передалъ окончательно Виле и его партіи, а я и Пьеръ должны были отправиться вмѣстѣ съ транспортомъ въ преріи для закупки скота.

М-ръ Максъ поблагодарилъ скватеровъ за оказанную ими помощь, устроилъ отличное угощеніе начальникамъ партій и подарилъ имъ нѣсколько отличныхъ машинныхъ ремней для лѣсопили и вновь изобрѣтенную машинку, для оттачиванья большихъ пилъ, отъ которой скватеры пришли въ восторгъ. Въ то же время онъ со своею всегдашнею ловкостью вызвалъ скватеровъ на предложеніе помочь проспекторамъ въ постройкѣ свинцово-плавильнаго завода.

Съ семействомъ дяди Боя онъ былъ чрезвычайно любезенъ. Пригласилъ Бетси и ея дочерей пріѣзжать къ нему въ блокгаузъ, чтобы познакомиться съ м-сь Треберъ и ея дочерьми. Это приглашеніе гордаго янки пришлось какъ нельзя болѣе по вкусу дяди Боя, не знавшаго, какъ выразить свою благодарность и услужить м-ру Максу.

Сдавъ переправу проспекторамъ, м-ръ Максъ отправился со мною къ м-ру Джекину. Оказалось, что они были нѣсколько знакомы, такъ какъ часто встрѣчались на пограничныхъ выставкахъ.

Безъ всякихъ затрудненій былъ составленъ планъ дѣйствій при закупкѣ скота сообща. Блокгаузъ м-ра Джекинса былъ избранъ главнымъ складомъ привозимыхъ изъ штатовъ товаровъ и сборнымъ пунктомъ для купленнаго скота. Такимъ образомъ, намъ не приходилось таскать съ собою по преріи огромный транспортъ товаровъ и гуртъ закупленнаго скота. Разбившись на нѣсколько партій, мы могли разѣзжаться по преріи съ небольшимъ количествомъ товара и, промѣнявъ его на скотъ, возвращаться къ блокгаузу м-ра Джекинса за новымъ количествомъ. Товары

м-ра Джекинса, предназначенные для промѣна на скотъ, были присоединены по оцѣнѣ къ нашимъ. Пріятно было видѣть, какъ два янки, м-ръ Максъ и м-ръ Джекинсъ, заключали между собою договоръ. По возможности, всё мелочи были предусмотрѣны. Это дѣлалось для предупрежденія могущихъ возникнуть впоследствии недоразумѣній, а отнюдь не имѣло въ себѣ того торгашничества, того желанія закрутить своего будущаго компаньона какимъ-нибудь пунтникомъ контракта, чтобы при первой возможности начать судебное дѣло и заставить порядкомъ поплатиться за недосмотръ при заключеніи договора, какъ мнѣ случалось это видѣть при мелкихъ и крупныхъ сдѣлкахъ въ нашемъ отечествѣ. М-ръ Максъ и м-ръ Джекинсъ настолько уважали себя и другъ друга, что считали недостойнымъ прибѣгать къ такому рода ухищреніямъ. Въ расцѣнѣ товаровъ тоже, какъ вообще въ торговыхъ сдѣлкахъ между чистыми американцами, не было желанія, съ одной стороны какъ-нибудь сбить цѣну, а съ другой—повысить противъ дѣйствительной. Цѣна товарамъ опредѣлялась съ двухъ словъ, безъ длинныхъ торговъ и ни къ чему неведущихъ споровъ.

Первую экспедицію въ преріи рѣшено было сдѣлать вмѣстѣ всѣмъ участвующимъ въ предпріятіи, чтобы на практикѣ, съ общаго совѣта, опредѣлить образъ дѣйствій, долженствующій быть возможно одинаковымъ во всѣхъ отдѣльныхъ партіяхъ, имѣющихъ развѣзжать современемъ по преріи. Такое однообразіе въ дѣйствіяхъ начальниковъ отдѣльныхъ экспедицій было крайне необходимо для успѣшнаго хода предпріятія. Еслибы кто-нибудь изъ агентовъ сталъ давать за скотъ высшую цѣну, или легче браковать, то скотовладѣльцы, вступившіе въ сдѣлку съ другими агентами, могли бы имѣть претензіи на то, что должны были подчиниться менѣе выгоднымъ условіямъ. Пожалуй, сочли бы такой образъ дѣйствій обманомъ. При болѣе стѣснительной покупкѣ которой-либо партіи могъ получиться такой же результатъ. А возбуждать неудовольствіе или сомнѣніе въ честномъ веденіи дѣла въ полудивихъ, упрямыхъ скотовладѣльцахъ преріи было не только неблагоуразумно, но даже опасно. Запади разъ въ голову богатаго жителя преріи, что его обманули, съ нимъ ни за что не вступишь впередъ ни въ какую сдѣлку. Онъ лучше перебьетъ весь свой скотъ на шкуры, чѣмъ продастъ хоть одну штуку челоуѣку, которому не довѣряетъ, а при случаѣ и нарочно постарается еще сдѣлать какую-либо неприятность.

По заключеніи договора съ м-ромъ Джекинсомъ, компанейскіе товары перевезли къ нему въ блоггаузъ, отобрали нужное количество для первой экспедиціи, уложили ихъ на двадцать

фургоновъ и подъ конвоемъ шестидесяти вачеро направились въ преріи. Кромѣ нанятыхъ вачеро, въ экспедиціи участвовали: м-ръ Джекинсъ съ двумя старшими сыновьями и всѣ члены нашей компаніи, въ томъ числѣ и я. Вагенмейстеромъ, или главнымъ распорядителемъ во время пути былъ избранъ м-ръ Максъ, хотѣвшій-было уступить этотъ постъ болѣе пожилому и опытному м-ру Джекинсу. Но старый піонеръ отказался наотрѣзъ, говоря, что уже отвыкъ отъ преріи, посѣщаемой индійцами, проживъ нѣсколько лѣтъ въ безопасной мѣстности.

Во время однообразной, скучной жизни, которую приходилось вести въ вентѣ и ея окрестностяхъ, въ качествѣ караульнаго, я не могъ дожидаться той минуты, когда придется промѣнять эту скучную жизнь на болѣе разнообразное странствование по малоизвѣстной преріи, познакомиться съ которой ближе мнѣ очень хотѣлось. Но когда мое желаніе исполнилось и, распростившись съ обитателями венты и ея окрестностей, мы вышли въ открытую прерію, мною овладѣла тоска. Жаль мнѣ стало мѣстности, съ которою я успѣлъ нѣсколько свыкнуться, и съ людьми, которыхъ я, несмотря на ихъ недостатки, полюбилъ.

Не знаю, вслѣдствіе ли способности скоро сживаться со всякой обстановкой, привыкать ко всякому положенію, или вслѣдствіе того, что дѣйствительно нельзя не привязаться къ обитателямъ преріи, но только мнѣ, послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ вентѣ, не хотѣлось уѣзжать изъ мѣстности, обратившейся на моихъ глазахъ изъ пустыни въ довольно многолюдный уголокъ.

Нѣсколько времени постоянныхъ, близкихъ сношеній со скватерами, піонерами, наѣздниками и проспекторами дало мнѣ возможность освоиться съ характеромъ и привычками этихъ людей.

Одна изъ причинъ, заставляющая привыкаться къ обитателямъ преріи, состоитъ, по моему мнѣнію, въ замѣчательной прямотѣ характера этихъ людей. Въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ они не прибѣгаютъ ко лжи или виланью. Всякій изъ нихъ считаетъ себя въ правѣ, и даже обязаннымъ, говорить и дѣйствовать согласно съ своими мыслями, не надѣвая на себя маски, чтобы угодить кому бы то ни было. Такой способъ высказывать свои мнѣнія и поступать согласно съ ними кажется, съ непривычки, нѣсколько грубымъ, но эта прямодушная грубость нравится мнѣ больше, чѣмъ ни къ чему не ведущая, лицемѣрная вѣжливость, скрывающая часто затаенную вражду. При откровенности скватеровъ знаешь, по крайней мѣрѣ, какъ держать себя съ каждымъ изъ нихъ. Ихъ склонность къ самоуправству и насилію есть от-

части слѣдствіе ихъ прямого характера. Разъ житель преріи пришелъ къ какому-нибудь убѣжденію, онъ готовъ поддерживать его всѣмъ, что только отъ него зависитъ. Исключительная обстановка даетъ ему возможность прибѣгать къ насилию, какъ къ ближайшему и вѣрнѣйшему средству, и житель преріи прибѣгаетъ къ этому средству предпочтительно передъ всякими другими. Измѣнилась обстановка такъ, чтобы можно было обходиться безъ помощи ножа или револьвера, — и обитатель преріи будетъ употреблять ихъ въ дѣло такъ же рѣдко, какъ и любой горожанинъ изъ самаго цивилизованнаго общества.

Но, кромѣ прямоты и твердости характера, этихъ передовыхъ застрѣльщиковъ цивилизаціи нельзя не уважать за ихъ стойкость въ исполненіи обязательствъ и договоровъ, неутомимую энергію въ работѣ и инстинктивное, если можно такъ выразиться, стремленіе къ общественному порядку. Нельзя не удивляться строгой дисциплинѣ, которой добровольно подчиняются, не признающіе надъ собою никакой власти люди, въ артеляхъ скватеровъ, въ блоггаузахъ піонеровъ и въ партіяхъ вачеро, сопровождающихъ транспорты. Едва соберутся нѣсколько человѣкъ въ данной мѣстности, какъ они начинаютъ уже заботиться объ общественной безопасности и благоустройствѣ. Сейчасъ же заключаются свято исполняемые договоры между сосѣдями; для пресѣченія преступленій является судъ Линча.

Судъ Линча, несмотря на свою суровость, носитъ однако въ себѣ зародышъ, лежащій въ основаніи всего уголовного права Соединенныхъ Штатовъ, именно, что человѣкъ можетъ быть осужденъ и наказанъ только тогда, когда совершенное имъ преступленіе будетъ доказано съ очевидною ясностью. Кромѣ того, судьи обыкновенно рѣшаются на смертные приговоры только въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый оказывается закоренѣлымъ преступникомъ.

Конечно, судъ Линча, въ мало заселенныхъ мѣстностяхъ, не можетъ водворить полной безопасности, такъ какъ на мѣсто одного осужденнаго явятся изъ штатовъ нѣсколько подобныхъ ему негодяевъ. Но достаточно и того, что первые переселенцы въ пустыни приносятъ съ собою и распространяютъ понятіе, что какой бы то ни было судъ предпочтительнѣе самоуправства и полной анархіи.

Переселенцамъ, слѣдующимъ за скватерами и піонерами, не приходится переименовывать или вводить новые порядки, а только развивать зачатки общественныхъ отношеній, учрежденныхъ ихъ

предшественниками, чтобы завести въ мѣстности порядокъ, одинаковый съ заселенными штатами. Какъ бы презрительно ни относились къ первымъ переселенцамъ въ пустыню, гордые своею цивилизаціею жители большихъ городовъ восточныхъ штатовъ, имъ не слѣдуетъ забывать, что, только благодаря труду, энергіи и здравому смыслу піонеровъ, при первоначальномъ устройствѣ занимаемой ими мѣстности, можетъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ распространяться цивилизація въ пустыняхъ дальняго запада.

Кто знаетъ,—не обладай піонеры присущими имъ качествами, цивилизація англо-саксонской расы не одолѣла бы пустынь и достигла бы, быть можетъ, такихъ же жалкихъ результатовъ, какъ цивилизація испанцевъ, предпринятая въ болѣе одаренныхъ природою странахъ, при несравненно благопріятнѣйшихъ условіяхъ.

А. Курвскій.

ПАОЛО и ФРАНЧЕСКА

ИЗЪ ДАНТА.

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.

Inferno. Canto V.

.....И сказалъ я ¹⁾: поэтъ! мои взоры влекутся
Къ той четѣ неразлучныхъ и скорбныхъ тѣней,
Что, какъ вѣтеръ безплотны, по вѣтру несутся...
И поэтъ отвѣчалъ: ты узнаешь о ней.
Злополучной любовью, что ихъ погубила,
Заклинай ихъ,—и будетъ по просьбѣ твоей.
И едва сила вихря ихъ къ намъ обратила,
Я воскликнулъ: о скорбныя тѣни, куда!
Прилетайте повѣдать о томъ, что вамъ мило,
Если вамъ не отказано въ этомъ! Тогда—
Словно голуби, нѣжной заботой томимы
О завѣтныхъ утѣхахъ родного гнѣзда,
Быстрокрылые, мчатся подъ кровъ свой родимый,—
Такъ онѣ, вострепнувшись, покинули строй
Безотрадныхъ тѣней, ураганомъ гонимый:
Такъ могучъ былъ призывъ мой. Мы здѣсь, предъ тобой,
Чья благая душа такъ полна сожалѣньемъ
Къ намъ, омывшимъ грѣхи свои кровью живой!

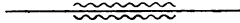
¹⁾ Данте, сопровождаемый Виргилиемъ, спускается во второй кругъ ада; въ толпѣ грѣшныхъ тѣней, которыхъ мчатъ и крутитъ адскій вихрь, вниманіе Данте особенно привлекаютъ двѣ тѣни, о которыхъ онъ и спрашиваетъ Виргилія.

Еслибъ небо отвѣтило нашимъ молениямъ,
 Мы молили-бъ его тебѣ миръ даровать
 За твое состраданіе къ нашимъ мученіямъ.
 Что желаешь, скажи намъ,—тебѣ отвѣчать
 Не замедлимъ мы, волю твою исполняя,
 Пока вѣтеръ утихнувшій будетъ молчать.
 Родилась я на взморьѣ, гдѣ По, ниспадая,
 Въ лонѣ моря находить желанный покой,
 Своихъ спутниковъ быстрыхъ съ собой увлекая.
 О любовь, сердца нѣжнаго пламень родной!
 Она Паоло сердце глубоко плѣнила
 Моей юной, моею убитой красой.
 О любовь! равнодушьемъ она запретила
 Намъ платить за нее: я была ей вѣрна,
 И—ты видишь, и здѣсь я люблю, какъ любила.
 О любовь! насъ обоихъ сгубила она:
 Ждетъ Кайна ¹⁾ того, чьей злодѣйской рукою
 Наша жизнь молодая на смерть предана!
 Такъ повѣдала тѣнь. Я понижъ головою,
 Состраданія полный, и долго молчалъ,
 Пока дивный поэтъ не спросилъ: что съ тобою?
 О, мнѣ тяжело, учитель,—ему я сказалъ:
 Сколько сладостныхъ грезъ, сколько пылкихъ желаній
 Привели ихъ сюда!—И потомъ продолжалъ,
 Обратясь къ этимъ жертвамъ преступныхъ мечтаній:
 О Франческа, я плачу, и скорбной душой
 Преклоняюсь предъ силой твоихъ я страданій.
 Но припомни то время изъ жизни былой,
 Время первыхъ и сладостныхъ вздоховъ желанья...
 Какъ отъ нихъ вы до страсти дошли роковой?
 И она мнѣ въ отвѣтъ: нѣтъ сильнѣе страданья
 (Твой сопутникъ ученый то долженъ понять),
 Какъ въ несчастѣ о счастьи воспоминанье.
 Но когда ты такъ сильно желаешь узнать,
 Какъ впервые любовь наши души плѣнила,
 Свой рассказъ со слезами я стану мѣшать.
 Мы однажды вдвоемъ,—время праздное было,—
 О любви Ланчелотта читали рассказъ.
 Мы сидѣли одни, намъ ничто не грозило.

¹⁾ Кайна—мѣсто братоубійцы въ аду.

О любви мы читали тогда, и не разъ
Наши взоры сливались, сердца замирали,
И румянецъ въ лицѣ загорался и гасъ.
Но одно насъ стубило: когда прочитали,
Какъ лобзаньемъ съ устъ милой улыбку онъ снялъ,—
Тотъ, съ кѣмъ я неразлучна и въ мирѣ печали,
Самъ, дрожа весь, къ устамъ моимъ жадно припалъ...
Галеотто былъ авторъ той повѣсти грѣшной...
Дальше мы не читали... Такъ призракъ вѣщаль,
А другой, весь внимая ему, безутѣпный,
Такъ ужасно рыдалъ, удрученный тоской,
Что я обмеръ при видѣ той муки кромѣшной,
И безъ чувства на землю упалъ, чуть живой.

Александръ Орловъ.

ГЕРМАНІЯ

НАБАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ

Окончаніе.

XVI *).

Союзъ фюрстовъ и нѣмецкая политика Россіи.

Создать нѣмецкую націю не въ одной теоріи, но въ политическомъ смыслѣ, можно было только разрушивши имперскую конституцію. Уже не говоря о Габсбургѣ, каждый значительный фюрстъ желалъ попользоваться наслѣдіемъ покойницы, но неудачно. Лучшимъ примѣромъ служить Баварія — самая крупная нѣмецкая земля до возвышенія Бранденбурга. Ея Виттельсбахи постоянно стремились захватить въ свои руки судьбы Германіи. Но ихъ усилія были тщетны и даже смѣшны. Баварія — вторая Австрія. Въ ней только населеніе нѣмецкое, но по духу, она не нѣмецкая земля. Въ борьбѣ съ Габсбургами Виттельсбахи старались затмить ихъ, стоя на одной съ ними почвѣ, — и стали болѣе консервативны и католичны, чѣмъ императоры. Поэтому они не могли рассчитывать на сочувствіе въ Германіи и, ища опоры извнѣ, стали орудіемъ Франціи. Все нѣкогда важное значеніе Баваріи израсходовалось на эту коварную, исключительно династическую политику — и Габсбургъ нѣсколько разъ едва не захватилъ ея. А курфюрстъ Карль-Теодоръ самъ согласился отдать ее императору за австрійскіе Нидерланды. Безсмысленно

*) См. выше: май, 198; июнь, 595; іюль, 78 стр.

смотрѣлъ онъ, какъ Фридрихъ II, Екатерина II и Людовикъ XVI встревожились за его интересы, и равнодушно принялъ обратно свою родину изъ ихъ рукъ.

Разрушить ветхую имперію могла только молодая Пруссія. Самое ея существованіе было протестомъ противъ средневѣковщины. Ея общественный и государственный строй былъ отрицаніемъ феодализма. Въ ней находило приютъ все гонимое стариной. Она была средоточіемъ протестантизма и нѣмецкой культуры. Она взростила Фридриха II, этого передового бойца «просвѣщенія» на тронѣ. Къ ней были обращены надежды нѣмцевъ, оппозиціонныя направленія, симпатіи юношества и новой литературы.

Пруссію называютъ нѣмецкимъ Пьемонтомъ. Здѣсь центръ тяжести нѣмецкой націи. Отсюда вышло собраніе нѣмецкой земли. Всѣ условія, какъ естественныя, такъ и историческія, предназначали эту роль Пруссіи. А между тѣмъ ей было трудно исполнить нѣмецкую задачу.

Попробуемъ объяснить это любопытное явленіе.

Пруссія — государство безспорно свѣжее, современнаго типа, и чисто нѣмецкое. Къ ней подходилъ и Гогенцоллернъ, какъ типъ новаго времени. Юношеская отвага и революціонный задоръ необходимы странѣ, которой суждено было разрушить имперскую конституцію. Но нѣмецкіе историки эпохи объединенія Германіи грѣшатъ очевидными натяжками, когда, забывая свои собственные взгляды недавняго времени, стараются дальше проводить параллель между Гогенцоллерномъ и Пруссіей. Они указываютъ на патриотическія фразы великаго курфюрста и даже Фридриха-Вильгельма I. Не будемъ говорить о нѣмецкомъ фельдфебелѣ на тронѣ. Но неужели курфюрстъ XVII вѣка, хотя бы и Великій, понималъ, какъ нынѣшніе историки, предметъ, котораго тогда не было и въ поминѣ, котораго не понимали, сто лѣтъ спустя, Лессинги, Гердеры, Гёте, Канта и даже самъ Фридрихъ II? Указываютъ еще на то, что великій курфюрстъ не дружилъ, а воевалъ съ врагами нѣмецкаго отечества. Но это одна изъ самыхъ слабыхъ натяжекъ, къ которымъ приводитъ сентиментализмъ въ исторіи. Великій курфюрстъ воевалъ со шведами, потому что они владѣли Помераніей необходимой для Бранденбурга. Съ другой стороны, иностранные союзы не составляютъ преступленія противъ патриотизма. Извѣстно, въ какія отношенія вступалъ нѣмецкій «патріотъ», Фридрихъ II, съ главными врагами нѣмецкаго отечества — съ Росіей и Франціей, и какъ Гогенцоллернъ отнесся къ нѣмецкой націи въ 1848 году.

Мы уже имѣли случай высказаться о свойствахъ династическаго интереса. Кто не хочетъ вносить романтизма и идеализаціи въ науку, тотъ согласится, что эти свойства всегда и вездѣ одинаковы. Слѣдовательно, должно или устраниваться отъ приговоровъ, или же относиться съ особенной строгостью къ тому династическому интересу, который обставленъ условиями наиболее благоприятными для націи.

Трудно гдѣ-либо найти болѣе такихъ условий, чѣмъ въ Пруссіи. Здѣсь можно было каждый династическій шагъ сливать съ національнымъ интересомъ. Посмотримъ, какъ поступали Гогенцоллерны.

Гогенцоллернъ точно также смотрѣлъ на имперію, какъ Габсбургъ и Виттельсбахъ. Онъ желалъ поглотить ее для собственнаго возвышенія. Онъ и сдѣлалъ бы это сразу, еслибы былъ въ силахъ. Но такъ какъ онъ самъ увѣривался постепенно, то и поглощеніе имперіи происходило по частямъ. Путь, избранный Гогенцоллерномъ для достиженія своей цѣли, былъ тотъ самый, къ которому стремился каждый крупный фюрстъ: это — уничтоженіе Габсбурга, съ цѣлю надѣть на себя его корону.

Но Гогенцоллернъ былъ обставленъ самыми счастливыми условиями, между тѣмъ какъ каждый фюрстъ, вступавшій на этотъ самый путь, вызывалъ всеобщее негодованіе: нѣмцы видѣли за Гогенцоллерномъ чисто-нѣмецкую Пруссію, которая устраняла мрачную перспективу превращенія Германіи въ Австрію и тѣмъ спасала ихъ культуру.

Фюрсты могли бороться съ Габсбургомъ только при помощи европейскихъ державъ, — Пруссія была сама европейская держава. У нея были союзы, армія и казна. Гогенцоллернъ былъ настолько силенъ, что могъ открыто бросить перчатку Габсбургу, не прибѣгая къ интригамъ, которыя подрываютъ нравственное вліяніе государствъ.

Конечно, Гогенцоллернъ не могъ одинъ уничтожить Габсбурга. Онъ долженъ былъ искать союзниковъ въ имперіи. И Габсбургъ, и всякій крупный фюрстъ дѣлалъ то же самое. Но и здѣсь на долю Гогенцоллерна выпала благодарная роль: Габсбургъ набиралъ свою партію изъ феодальныхъ остатковъ, а Гогенцоллернъ — изъ болѣе живыхъ элементовъ. Задача Гогенцоллерна состояла въ усиленіи федераціи. Только посредствомъ союза сильныхъ князей надѣялся онъ покончить съ своимъ соперникомъ, а потомъ уже не трудно было поглотить свое орудіе, превратить федерацію въ гогенцоллернскую имперію.

Мы воснулись такимъ образомъ вопроса о политическихъ

партіяхъ въ Германіи. Партіи — признакъ развитія социальныхъ и государственныхъ формъ. Онѣ встрѣчаются тамъ, гдѣ есть общественное сознание. Онѣ представляютъ борьбу не сословій или властолюбивыхъ фамилій и кружковъ, а разныхъ точекъ зрѣнія на средства къ достиженію одной и той же цѣли—національнаго прогресса. Понятно, что въ Германіи партіи возникли поздно и подѣ чуждымъ вліяніемъ. Онѣ зародились лишь послѣ толчка, даннаго французской революціей. Онѣ вытекли изъ теоріи, изъ политическихъ школъ эпохи «просвѣщенія» и лишь подѣ военнымъ вліяніемъ Англии. Оттого-то онѣ доселѣ представляютъ незаконченный и подчасъ даже неясный видъ.

Впрочемъ, до Вестфальскаго мира въ Германіи еще было нѣкоторое оживленіе и намеки на партіи. Боролись то гвельфы съ гибеллинами, то паписты съ протестантами. Лже-партіями были эти междоусобія; но въ нихъ все-таки была своя историческая жизнь. Съ Вестфальскаго же мира до Фридриха (1648—1740) была самая глухая пора въ германской политикѣ. Здѣсь не было даже сословныхъ партій, не говоря уже про торіевъ и виговъ. По словамъ полинявшей связки, великій Гогенштауфенъ дремалъ въ Киффгейдерѣ, поджидая лучшей поры; а послѣдній Гвельфъ на нѣмецкой землѣ служилъ прусскимъ генераломъ.

Впрочемъ, и въ это время встрѣчается громкое названіе партій. Но это даже—не эгоистическіе Бургиньоны и Арманьяки или Бѣлая и Алая Роза: это—сворѣе голубые и зеленые византійскаго гипподрома. Они препирались на имперскомъ сеймѣ о томъ, кому сидѣть на красномъ, кому на зеленомъ креслѣ. То были *партіи имперскихъ чиновъ*, а не націи. Онѣ настолько же понимали общее благо, насколько ихъ Staatsraison подходилъ къ понятію народнаго интереса. Онѣ смотрѣли на имперію, какъ на дойную корову, выкармливавшую ихъ династическій интересъ.

Тогда уже созрѣвало соперничество между Габсбургомъ и Гогенцоллерномъ. Австрія и Пруссія искали союзниковъ въ имперіи. По всей Германіи проходили ихъ мины. Онѣ чернили другъ друга въ глазахъ фюрстовъ, какъ измѣнниковъ отечества, т.-е. нарушителей имперской конституціи. Въ канцеляріяхъ Вѣны и Потсдама продажные публицисты уже очинивали перья для замысловатыхъ дедукцій, комментаріевъ, сентенцій, консультаций и т. д., на основаніи одного и того же «нѣмецкаго государственнаго права». Фюрсты, въ свою очередь, сознавали, что пришла пора стать имъ открыто подѣ то или другое знамя. Одни изъ нихъ склонялись къ императору и назывались *цезаріанцами*

или австрійцами. Другіе придерживались Гогенцоллерна: это — *конфедераты* или пруссаки.

Цезаріанцы—огромное большинство имперских чиновъ. Но все это мелочь, дряблые остатки феодализма, которые могли прозябать только подъ сѣнью конституціи. Тутъ видимъ графовъ, какъ простыхъ, такъ и окняженныхъ, конвертовъ, аббатовъ, имперскіе города и села,—словомъ, богоспасаемый хаосъ, патриархально-дремлющій юго-западъ «отечества». Эти господа были дѣйствительно послушными орудіями Габсбурга. Они косились на него, только когда онъ требовалъ у нихъ денегъ и войскъ. Они воображали, что будутъ вѣчно жить у него на содержаніи, потому что онъ очень любитъ ихъ. Конфедераты — тузы имперскаго наряда. Они даже назывались еще «курфюрстіанцами». Они ощущали въ себѣ признаки силы и воображали, что могутъ жить безъ конституціи, европейскими потентатами. Гогенцоллернъ понималъ вліяніе этихъ тузовъ на сеймъ и старался обратить ихъ въ своихъ адвокатовъ.

Конфедераты дѣйствительно считались пруссаками. Но они вовсе не были послушными орудіями Гогенцоллерна. Даже для такихъ умныхъ политиковъ, какъ они, было очевидно, какъ стѣснительно числиться въ пруссакахъ. Конфедераты болѣе побаивались своего Гогенцоллерна, чѣмъ цезаріанцы своего Габсбурга. Инстинктъ самосохраненія внушалъ имъ недоувѣріе и отвращеніе къ нему, какъ къ журавлю, присланному къ лягушкамъ. Нѣкоторые додумывались даже до новой идеи, служившей основаніемъ третьей партіи. Это—*особняки* или приверженцы «особаго союза» (Sonderbundspartei). Они замышляли составить союзъ, независимый отъ обоихъ коварныхъ опекуновъ отечества, даже враждебный имъ. Такъ какъ особнякомъ приходилось бороться съ европейскими державами Германіи, то они искали покровительства иностранцевъ, и именно Франціи.

Фридрихъ II, въ первую половину своего царствованія, поступилъ безтактно, увлекаясь своей матеріальной силой и «просвѣщеннымъ» остроуміемъ. Онъ думалъ, что сразу вытѣснить Габсбурга изъ «отечества» и тотчасъ же поглотить фюрстовъ. Онъ жестоко насмѣхался не только надъ имперскимъ нарядомъ, но и надъ крупными фюрстами. Онъ отзывался о нихъ, какъ о продажныхъ душахъ. «Point d'argent, point de prince d'Allemagne» (Нѣтъ денегъ—нѣтъ тебѣ и фюрста!), восклицалъ Фридрихъ на всю Европу. «Фюрсты, — говорилъ онъ, — позоръ нашего вѣка: изъ-за нихъ я краснѣю за Германію». Онъ называлъ ихъ ропотъ «кваганьемъ лягушекъ», а имперскій сеймъ—«при-

зравомъ и собраніемъ формалистовъ, которые играютъ роль дворняшекъ, лающихъ на луну». Конечно, фюрсты отвѣчали Фридриху тѣмъ же. Они называли его измѣнникомъ отечества, Макіавелемъ. Противъ него было написано много желчныхъ памфлетовъ. Въ то же время выяснилась та гогенцоллернская, династическая политика Фридриха II, которая возбудила негодованіе даже по всей Европѣ.

Оттого-то трудно было Фридриху сдѣлать выгодный подборъ фюрстовъ. Въ первые четыре года своего царствованія, онъ четыре раза пытался устроить союзъ фюрстовъ и бросался во всѣ стороны—не только къ конфедератамъ, но даже и къ цезаріанцамъ. Но удачи не было. Фюрсты или стояли за Австрію, или держались въ сторонѣ, частью опасаясь мести Габсбурга, а больше изъ недовѣрія къ своему новому другу и благодѣтелю. Фридрихъ побинулъ дипломатическія мины и взялся за мечъ, чтобы уничтожить Габсбурга безъ помощи фюрстовъ. Дерзость пруссаковъ и ужасы затѣянныхъ ими войнъ окончательно запугали фюрстовъ и восстановили ихъ противъ Фридриха. Партія цезаріанцевъ росла, партія особняковъ оживилась и даже составила планъ независимаго и вооруженнаго союза.

При такихъ отношеніяхъ только особенная сила могла толкнуть фюрстовъ въ объятія Гогенцоллерна. Этою силой былъ Габсбургъ, Іосифъ II.

Іосифъ II—дитя «просвѣщенія», и по немъ можно судить о нравственной силѣ этого направленія. Онъ болѣе походилъ на Гогенцоллерна, чѣмъ на Габсбурга. Это—любопытный типъ Габсбурга-революціонера. Но Іосифу не доставало практичности Гогенцоллерна.

Мы говоримъ только про личность Іосифа. Идея же у него старая, габсбургская. Совершенно новъ былъ только способъ ея осуществленія, да нѣкоторые мотивы. И Іосифъ заботился о династическомъ интересѣ. Все, даже себя самого, приносилъ онъ въ жертву этому кумиру. Ему хотѣлось замѣнить у него глиняныя ноги несокрушимою «Rocher von Bronze», выражаясь неподражаемымъ жаргономъ прусскаго короля. Къ этому древнему мотиву присоединялся новый, который раздражалъ Іосифа до болѣзненности и приводилъ въ трепетъ всю маститую атмосферу Габсбурга. Іосифъ былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ приверженцевъ «просвѣщенія» и не могъ сдерживать своей ненависти къ старинѣ. По силѣ этой разрушительной страсти онъ стоялъ выше Фридриха.

Вопреки габсбургскимъ преданіямъ, Іосифъ рѣшился смѣло

рукой сразу уничтожить имперскій нарядъ и стать могущественнымъ монархомъ Германіи. Вскорѣ про него уже начали говорить, какъ про отъявленнаго нарушителя имперской конституціи, что равнялось названію: «измѣнникъ отечеству». Въ эту-то минуту Іосифъ выдвинулъ свой знаменитый баварскій планъ, который долженъ былъ перевернуть вверхъ дномъ все въ Германіи. Мы уже упоминали, какъ курфюрстъ Карлъ-Теодоръ согласился уступить Іосифу Баварію за австрійскіе Нидерланды. Присоединить богатую, многолюдную и сосѣднюю съ Вѣной Баварію къ Австріи значило рѣшить судьбу Германіи въ смыслѣ габсбургскаго монархизма. Былъ прямо поставленъ великій германскій вопросъ: Габсбургъ или Гогенцоллернъ?

Уже пятнадцать лѣтъ протекло послѣ семилѣтней войны. Фридрихъ утомился. Онъ понялъ, что сразу не уничтожишь Габсбурга. Довольно было съ него, что онъ предрѣшилъ германскій вопросъ, выдержавши войну почти со всей Европой. Къ тому же, его маленькая и бѣдная страна обанкротилась отъ этого подвига. Да и самъ Фридрихъ былъ уже не прежній герой. Онъ изнашивался физически и нравственно, извѣрился въ людей и въ собственныя силы. Онъ боялся войны, какъ огня, и готовъ былъ продать всю Германію, лишь бы избѣгнуть войны безъ ущерба для себя. Онъ обратился къ орудію слабыхъ—къ хитрости. Последняя половина его царствованія (1763—1786)—дипломатическій походъ, и не лишенный блеска.

Къ одрахлавленному Фрицу какъ нельзя лучше шла роль охранителя не только у себя дома, но и въ имперіи. Лѣтъ за пятнадцать передъ тѣмъ это было не возможно. Это значило бы соперничать съ специалистами по части консерватизма, съ Габсбургами, и даже работать въ ихъ пользу. Но теперь на австрійскомъ престолѣ сидѣлъ выродокъ въ семьѣ Габсбурговъ—и Гогенцоллернъ съ Габсбургомъ помѣнялся ролями. Фридрихъ сталъ уличать вѣнскаго революціонера въ рабствѣ. Изъ его канцелярій расходились по дворамъ фюрстовъ дедукціи, комментаріи и т. д., достойные Габсбурга или какого-нибудь дюжиннаго фюрста. Въ нихъ съ грубымъ прусскимъ паэосомъ изливались чувства любви Гогенцоллерновъ къ «отечеству», къ «нѣмецкой свободѣ», къ священной хартіи—имперской конституціи.

Странныя слова въ устахъ Гогенцоллерна, и еще какого! Конечно, фюрсты не вѣрили имъ. Они встревожились, не знали, что дѣлать, очутившись между двухъ огней, какъ вдругъ умеръ послѣдній Виттельсбахъ—и австрійскія войска заняли Баварію. Партіи особняковъ и конфедератовъ слились, цезаріанцы смути-

лись. Фюрсты, скрѣпя сердце, склонились къ Пруссіи, а Фридрихъ внезапно явился въ Богеміи съ арміями.

Фридрихъ рѣшился воевать, зная притомъ, что Австрія была хорошо подготовлена къ войнѣ! Вотъ лучшее доказательство тому, что уничтоженіе Габсбурга — жизненная задача Гогенцоллерна, для которой онъ поставитъ на карту все на свѣтѣ. Судьба Австріи была ясна уже тогда. Война за баварское наслѣдство началась точно такъ же, какъ война 1866 года. Прусскія арміи вторглись въ Богемію по тѣмъ же самымъ дорогамъ и, по всей вѣроятности, кровопролитіе произошло бы при Садовой.

Но то была безкровная война. Фридрихъ струсилъ тотчасъ же. Иосифъ подражалъ ему. Противники въ развели иностранныя державы, и во главѣ ихъ Россія.

Далѣе германская исторія уже непонятна безъ объясненія политики Россіи относительно Германіи.

Съ XV-го вѣка, когда начались дипломатическія сношенія между Москвой и Вѣной, до появленія Пруссіи, Россія была въ дружбѣ съ Австріей. Съ возвышеніемъ Пруссіи наши отношенія въ Германіи стали сложнѣе и запутаннѣе. Мы должны были зорко слѣдить за *нѣмецкимъ равновѣсіемъ*, безъ котораго намъ угрожала опасность въ будущемъ. Отъ проницательности Петра I-го не могло ускользнуть значеніе германскаго междуособія. Онъ хотѣлъ «основать *новую систему въ Германіи*», при которой можно бы было «держатъ въ почтеніи тѣ державы, которыя хотятъ всѣмъ предписывать законы».

Изъ этихъ державъ одна была старая, всѣмъ понятная. Отношенія Россіи къ Австріи уже стали преданіемъ семи поколѣній. Пруссія же ставила новую международную задачу, къ которой должна была прилаживаться русская политика.

Соперничество между юною Пруссіей и обновленною Россіей лежало, такъ сказать, въ самыхъ зародышахъ этихъ сосѣднихъ государствъ, которыя въ одно время стали одно имперіей, другое — королевствомъ. Задачей Пруссіи было объединеніе Германіи. Задачей Россіи было соблюденіе нѣмецкаго равновѣсія. Стоитъ прослѣдить архивскія откровенія ¹⁾, начиная съ Петра I-го, чтобы убѣдиться въ этомъ. И эти отношенія обнаруживались тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе усиливалось то или другое государство, чѣмъ даровитѣе было правительство въ Петербургѣ или Берлинѣ. Ко-

¹⁾ Русский архивъ до смерти Елисаветы Петровны разработанъ С. М. Соловьевымъ. Сношенія Россіи съ Германіей въ 1780 годахъ исследованы нами по московскому архиву мин. ин. дѣлъ.

нечно, наибольшій интересъ представляетъ здѣсь эпоха Фридриха II и Екатерины II.

Фридрихъ сначала не придавалъ значенія Россіи и даже употреблялъ въ сношеніяхъ съ нею угрожающій тонъ. Онъ не ошибался. При дворѣ Анны Леопольдовны шла борьба партій. Минихъ, преданный Берлину, преодолѣлъ — и Россія заключила оборонительный союзъ съ Пруссіей: въ это самое время союзница Фридриха, Франція, подняла противъ насъ Швецію и интриговала въ Турціи! Но вслѣдъ за тѣмъ вступила на престолъ дочь Петра Великаго.

Тогда положеніе дѣлъ выяснилось, благодаря силезскимъ войнамъ. Всѣ дипломаты били тревогу, замѣтивъ, что, въ лицѣ Пруссіи, въ Европѣ завелся безпокойный революціонный элементъ. Въ Петербургѣ всѣ правительственныя лица, даже личные враги, сходились въ этомъ мнѣніи. Они думали, выражаясь словами канцлера Бестужева, что противодействовать Пруссіи значило «соблюдать славную систему Петра I», и что «поведеніе и поступки прусскаго короля будутъ всегда натуральнѣйшимъ предметомъ и вѣдостоинѣйшею аттестаціей нашему отечеству». Братъ канцлера пояснялъ систему Петра такъ: «главное правило всякой здравой политики — заблаговременно не допускать, чтобы сосѣдъ мой пришелъ въ наибольшую силу, мнѣ самому весьма предосудительную». Россія заключила оборонительный союзъ съ Австріей, который продолжался во все царствованіе Елисаветы и привелъ ее къ участию въ семилѣтней войнѣ.

При Петрѣ III былъ заключенъ союзъ между Россіей и Пруссіей, который поразилъ всѣхъ своей внезапностью точно такъ же, какъ при Аннѣ Леопольдовнѣ.

Сверхъ всякаго ожиданія, Екатерина II послѣдовала примѣру Петра III. Въ 1764 году она заключила союзъ съ Пруссіей на восемь лѣтъ. Но старые договоры съ Австріей остались въ силѣ. Это было началомъ той нѣмецкой политики, которой Екатерина никогда не измѣняла. Вѣрная преданіямъ Петра Великаго, она сразу поставила себѣ цѣлью — *пользоваться нѣмецкими互相帮助 для выгоды своей страны.*

Послѣдствія союза Екатерины съ Фридрихомъ важны для объясненія мотивовъ обоихъ монарховъ. Они были выгодны Россіи и Пруссіи: всякому понятно значеніе раздѣла Польши и присоединенія Крыма. Больше всѣхъ выиграла Россія, которую самъ же прусскій герой считалъ главнымъ врагомъ Германіи.

Этотъ *прусскій* смыслъ политики Фридриха еще болѣе выяснился въ слѣдующіе годы. Тогда Екатерина серьезно стара-

лась упрочить «новую систему» Петра. Фридрихъ помогаль ей. Онъ всячески усиливался вовлечь ее во внутреннія дѣла Германіи, рассчитывая, что она станетъ его орудіемъ для низверженія Габсбурга.

Какъ только провѣдалъ Фридрихъ о баварскомъ планѣ Иосифа, онъ тотчасъ же донесъ о немъ Екатеринѣ. «Здѣшнему двору это весьма на руку,—писаль тогда саксонскій посланникъ въ Петербургъ:—Россія теперь можетъ стать для Германіи тѣмъ же, чѣмъ была для нея Франція при Лудовикѣ XIV. Это—великая и лестная роль»¹⁾. Впрочемъ, Екатерина притворилась равнодушной къ дѣламъ Германіи. Чтобы подороже продать свое участіе въ нихъ, она промолчала.

Вслѣдъ затѣмъ въ головѣ Фридриха зародился планъ *союза фюрстовъ* (Fürstenbund), направленнаго противъ Габсбурга. Дѣло было трудное. Восторженный почитатель и агентъ Фридриха, Домъ²⁾, говоритъ: «Большинство думало, что Фридрихъ не будетъ равнодушнымъ зрителемъ безправія (т.-е. захвата Баваріи Иосифомъ), что онъ или воспротивится ему, или *одобрить его и станетъ подражать ему. Многие были склонны приписать ему последнее...* У всѣхъ еще сохранялось свѣжее воспоминаніе о раздѣлѣ Польши. Чтѣ же, спрашивали, развѣ германская конституція неприкосновеннѣе и священнѣе польской? А обстоятельства, повидимому, благопріятствовали разрушенію и этой конституціи... Даже изъ приближенныхъ Фридриха многіе раздѣляли мнѣніе, что прежде всего нужно стоять за очевидную пользу и не упускать удобнаго случая, предлагаемаго старымъ соперникомъ, доставить Пруссіи внутреннюю силу и округленіе, котораго ей еще недостаетъ. Полагали, что братья короля, принцъ Генрихъ и Фердинандъ, были того же мнѣнія. Конечно, и отъ самого короля не ускользнула заманчивость этого искушенія; но, безъ сомнѣнія, никто вѣрнѣе его не могъ звѣснить всѣ опасности для Пруссіи, если поддаться соблазну... Правда, насиліе, совершенное надъ Польшей, удалось и еще оставалось безнаказаннымъ, но Европа была возмущена имъ и, пожалуй, не стерпѣла бы другого, и еще болѣе вопіющаго. Отпоръ могъ явиться даже въ самой Германіи. Во всякомъ случаѣ слѣдовало ожидать, что вся ненависть за несправедливость обрушится на Пруссію, а всѣ выгоды достанутся Австріи. Правленіе послѣдней было во многихъ отношеніяхъ мягче, не такъ ненавистно сосѣдямъ. Различныя

¹⁾ *Hermann*: Geschichte des russ. Staates, VI, 6.

²⁾ *Dohm*: Denkwürdigkeiten meiner Zeit. Lemgo u. Hannover, 1814. I, 40, 43—46.

условія давали возможность Австріи обличь подчиненіе имперскихъ земель въ смягчающія (mildernde) формы... Не таково было положеніе Пруссіи. Сравнительно большія государства на сѣверѣ Германіи уже и до этого съ завистью смотрѣли на недавнее возвышеніе и возрастающее величіе Пруссіи. При всякомъ удобномъ случаѣ, они заботливо препятствовали курфюрсту бранденбургскому выставлять чрезмѣрные притязанія, опираясь на свой новоприобрѣтенный королевскій титулъ. Саксонцы, ганноверцы, гессенцы и другіе сѣверные нѣмцы никогда не превратились бы въ пруссаковъ такъ быстро и послушно, какъ жители раздробленной южной Германіи — въ австрійцевъ*.

Фридрихъ самъ понималъ, какъ трудно было привлечь фюрстовъ, осмѣянныхъ имъ самимъ передъ Европой. Онъ не задумался обратиться въ Екатерину за поддержкой. По его настояніямъ, нѣкоторые фюрсты пожаловались ей на своего императора и заявили о своемъ намѣреніи составить княжескій союзъ. Но Екатерина снова промолчала. Фридрихъ разгнѣвался на «тупоумныхъ» министровъ «варварской» Россіи — и принужденъ былъ начать баварскую войну.

Въ то же время и Австрія старалась склонить Россію въ свою пользу. Но Екатерина отдѣлывалась то молчаніемъ, то вѣжливыми фразами. Въ Вѣнѣ разозлились на петербургскій дворъ: не рѣшаемся привести по этому поводу слишкомъ сильныя выраженія скромной Маріи-Терезіи ¹⁾.

Почти полгода спустя послѣ начала баварской войны, Екатерина прервала молчаніе, но такъ, что на нее снова разозлились оба соперника. Она потребовала у Іосифа оставить Баварію въ покоѣ, но дала почувствовать, что не намѣрена оружіемъ защищать Фридриха. Старый Фрицъ теперь только понялъ, что «знаки дружбы Россіи въ Пруссіи служили лишь желанію Екатерины вмѣшиваться въ дѣла Германіи, и чрезъ то распространить свое вліяніе на всю Европу ²⁾». И опять записки прусскаго цезаря уснащаются такими отзывами о русскихъ министрахъ: «неспособность, невѣжество, глупость» и т. под.

Тешенскій миръ, которымъ окончилась баварская война (1779), имѣеть большое значеніе въ нашей исторіи. Онъ далъ право Россіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла нѣмцевъ, т.-е. *доставилъ ей вліяніе въ Германіи*. Но еще важнѣе его значеніе въ

¹⁾ *Maria-Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz, herausgeg. v. Arneht. Wien. 1868. II, 313.*

²⁾ *Oeuvres de Frédéric le Grand, édit. par Preuss. Berlin. 1874. VI, 165.*

судьбахъ Германіи: Австрія *утратила свое политическое значеніе въ Германіи, и оно перешло къ Пруссіи.*

Баварская война доставила Фридриху популярность въ «отечествѣ», которой онъ искалъ подъ конецъ своей жизни, какъ дипломатъ. Большинство, которое доселѣ отвращалось отъ него, какъ отъ безбожника, революціонера и макиавелиста, начало примиряться съ нимъ. Старый Фрицъ становился національнымъ героемъ. Его называли «Великимъ», «Единственнымъ». О немъ ходили рассказы съ легендарнымъ оттѣнкомъ. Въ гнѣздѣ нѣмецкаго католичества—въ избѣ баварскаго крестьянина—затеплилась лампада передъ его портретомъ, повѣшеннымъ рядомъ съ иконою святаго патрона страны.

Теперь Фридриху легче было устроить союзъ фюрстовъ. А онъ нуждался въ немъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Иосифъ оказался опаснымъ Габсбургомъ. Онъ принудилъ Фридриха къ войнѣ, на избѣжаніе которой старикъ тратилъ всѣ свои силы въ теченіи пятнадцати лѣтъ. Къ тому же выяснилось, что на иностранныхъ друзей рассчитывать нельзя. Фридрихъ слишкомъ поздно убѣдился, что самолюбіе мѣшало ему понять патріотическую политику Екатерины.

Этого мало. Вслѣдъ за Тешенскимъ миромъ, въ 1781 году, Екатерина внезапно перемѣнила свою дипломатическую позицію. Она извлекла всѣ выгоды изъ прусскаго союза — и взялась за Вѣну, которая тогда могла доставить намъ больше пользы, чѣмъ Берлинъ. Къ тому же Австрія, получившая хорошій урокъ отъ Екатерины, сама заискивала въ Петербургѣ. Такое выжиманіе сова изъ нѣмецкаго междоусобія считалось тогда примѣненіемъ «новой системы» Петра I. Насколько сознательна была эта идея, видно изъ документовъ. Вотъ мнѣніе, поданное Екатериной, 12-го (23) января 1781 г., конференціей, составленной для обсужденія союзнаго проекта, присланнаго изъ Вѣны: ...«При извѣстномъ и безпрестанномъ между собою соперничествѣ австрійскаго и бранденбургскаго домовъ можетъ съ перваго взгляда показаться, что равной третьяго съ однимъ и другимъ изъ нихъ союзъ, въ существѣ вещей, не вмѣстителенъ, и что потому всѣсы интереса и дружбы должны будутъ скоро на одну сторону уступить. Подлинно таково положеніе курфюрста саксонскаго: ему надобно быть другомъ и другомъ явнымъ одной или другой стороны, а инако бѣдственной жертвою обѣихъ: но положеніе ея императорскаго величества совсѣмъ инаково. Ея слава, ея могущество возрасли до таковой высоты, что ей свойственно стало быть арбитромъ сего соперничества домовъ австрійскаго и бранденбургскаго, слѣдо-

вательно же, и удерживать ихъ обоихъ своимъ правосудіемъ въ предѣлахъ умѣренности. Каждый изъ нихъ, имѣя съ ея императорскимъ величествомъ непосредственныя обязательства взаимной обороны и гарантіи, будетъ, конечно, наперерывъ предъ соперникомъ своимъ стараться о непостановленіи себя въ случай обратити оныя въ противническую пользу. Такимъ образомъ, доколѣ со стороны Россіи будутъ наблюдаемы строгая справедливость и совершенное равенство къ обоимъ союзникамъ, старому и новому, до тѣхъ поръ можно съ величайшею вѣроятностію ручаться за цѣлость мира и тишины въ Германіи; а по онымъ и за постоянное въ ней возвращеніе высочайшей ея императорскаго величества инфлуенціи, которой положено между тѣмъ въ Тешенѣ славное и прочное основаніе. Всѣ нѣмецкіе дворы и области начали уже понимать и чувствовать, что безопасность и благосостояніе ихъ зависятъ много отъ руки ея величества*.

Екатерина одобрила идею конференціи. Россія стала врагомъ Фридриха. Другая старая его союзница, Франція, была вовлечена въ борьбу Англии съ ея американскими колоніями. Фридрихъ былъ одинокъ въ Европѣ. Онъ энергически взялся за идею союза фюрстовъ, повинутую сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Но, видно, даже теперь трудно было совсѣмъ преодолѣть колебленное отвращеніе фюрстовъ къ Пруссіи. По крайней мѣрѣ, Фридрихъ опять началъ съ иностранныхъ державъ, съ Россіи и Франціи. Этотъ нѣмецкій патріотъ приглашалъ ихъ устроить дѣла отечества, т. е. запугать фюрстовъ. Онъ живыми красками описывалъ имъ опасность, угрожающую Петербургу и Версалю отъ Германіи, объединенной Габсбургомъ. Мало того. Онъ представилъ Екатеринѣ планъ, какъ утвердить вліяніе Россіи въ Германіи, и предлагалъ устроить союзъ фюрстовъ «подъ покровительствомъ русскаго двора»¹⁾.

Но Гогенцоллерну опять помогъ Габсбургъ. Стремленіе къ Баваріи стало болѣзнью Іосифа. Первая неудача только разожгла его. Въ 1784 г., въ Вѣнѣ возникъ проектъ «обмѣна земель» (т. е. австрійскихъ Нидерландовъ на Баварію). Подобно Тешенскому миру, этотъ проектъ былъ рѣшительнымъ ударомъ Габсбургу и торжествомъ Гогенцоллерна. Онъ не только не удался, но еще свелъ фюрстовъ съ Фридрихомъ.

И здѣсь дѣло не обошлось безъ Россіи. По сознанію самого

¹⁾ См. признанія прусскаго агента на русской службѣ, барона Ассесбурга: *Denk würdigkeiten*, Berlin, 1842, p. 70.

Иосифа, его проектъ былъ плодомъ надеждъ, возбужденныхъ въ немъ союзомъ 1781 года ¹⁾. Екатерина дѣйствительно исполнила условія договора. Она поддерживала проектъ и даже испытала за него дипломатическое оскорбленіе. Но она не шла дальше переговоровъ и съ примѣрнымъ благоразуміемъ не обратила вниманія на обиду. Не Екатерина виновата въ новой неудачѣ Иосифа, а онъ самъ. Сначала Фридрихъ самъ себя обманулъ, вообразивъ, что Россія заключаетъ союзы не въ свою, а въ чужую пользу. Теперь Иосифъ точно также ложно вообразилъ, будто Екатерина станетъ воевать изъ-за того, чтобы усилить своего союзда, который притомъ постоянно вредилъ ей въ турецкихъ дѣлахъ. Еслибы даже Екатерина была недогадлива, то не даромъ же Фридрихъ читалъ ей лекціи насчетъ опасности, угрожающей Россіи отъ сильной, объединенной Германіи.

Замѣчательно, какъ при всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ Фридриху все еще не легко было добиться своей цѣли въ отечества. Какъ ни устрашилъ фюрстовъ проектъ обмѣна земель, они не сразу кинулись въ объятія Фридриха. Сначала они задумывались о томъ, какъ бы избавиться отъ когтей и Габсбурга, и Гогенцоллерна. Этимъ объясняется множество проектовъ «дигъ» и «уній», возникшихъ въ ихъ средѣ, съ конца 1783 года ²⁾. Но сами фюрсты, по обыкновенію, ничего не могли сдѣлать. Ихъ планы—столпотвореніе вавилонское. Каждый предлагалъ свое—кто единый все-германскій союзъ, кто союзъ нѣсколькихъ фюрстовъ. Почти повсюду встрѣчаемся только съ надеждами на помощь иностранцевъ—то Россіи, то Франціи. Наконецъ, Фридрихъ встрѣчалъ препятствія въ кругу своихъ приближенныхъ. Берлинская министерія старалась угождать не старику, дышавшему на ладонь, а наследнику престола.

Но затрудненія только подстрекали Фридриха. Казалось, воскресъ юный Фрицъ. Союзъ фюрстовъ возбуждалъ угасавшія силы старика. Онъ былъ послѣднимъ исходомъ его непримиримой ненависти къ Габсбургу. Фридрихъ считалъ его заклинаніемъ близкой бѣды. Онъ писалъ своимъ министрамъ: «Это—послѣднее средство нѣмецкой имперіи противъ честолюбивой прозорливости императора, питающаго тиранническіе замыслы... Пришла ми-

¹⁾ *Joseph II und Katharina v. Russland. Ihr Correspondenz, herausgeg. v. Arneth, Wien, 1869, p. 224.*

²⁾ Для ихъ уясненія важны обстоятельныя депеши нашего посланника въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, Николая Румянцова.

нута... Это—не бездѣлица: Пруссія погибла, если не устроитъ себѣ этой единственной опоры... Огня, огня, господа!»¹⁾

Фридрихъ побѣдилъ всѣ препятствія. Въ 1785 году состоялся союзъ князей. Сначала это былъ договоръ только между тремя курфюрстами — бранденбургскимъ, саксонскимъ и брауншвейгскимъ. Потомъ присоединилось девять фюрстовъ: Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Гота, Цвейбрюкенъ, Майнцъ, герцогъ Брауншвейгскій, Баденъ, Гессенъ-Кассель, оба Ангальта (Кетенъ и Дессау) и Оснабрюкъ. Еще позже, уже послѣ Фридриха, въ 1786—1789 годахъ, пристали: Анспахъ, Бирьенфельдъ, оба Мекленбурга (Шверинъ и Стрелицъ) и коадьюторъ Буръ-Майнца.

Въ текстѣ союзнаго договора нѣтъ ничего особеннаго и новаго. Тутъ обычная фразеологія имперскихъ канцелярій: «соблюденіе системы нѣмецкой имперіи», «поддержаніе свободы и безопасности каждаго члена имперіи», и т. под. Исчислены подробно *desideria* насчетъ имперскихъ учрежденій, которыя рисуются здѣсь въ томъ самомъ свѣтѣ, въ которомъ они изображены у насъ. Вся сила договора была скрыта въ его приложеніяхъ—въ «секретныхъ» и «секретнѣйшихъ» статьяхъ. Здѣсь союзники обязывались выставить опредѣленное число войскъ для защиты своихъ владѣній отъ всякихъ посягательствъ, причемъ прямо было указано на баварскій планъ Іосифа.

Такъ осуществилась любимая идея грознаго Гогенцоллерна, освѣщавшая закатъ его жизни.

По своему историческому значенію, союзъ фюрстовъ напоминаетъ войну за баварское наслѣдство.

Непосредственно, въ *ту минуту*, это значеніе казалось неважнымъ. Несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, договоръ былъ, такъ сказать, выжатъ Пруссіей. И для этого понядалась со стороны Фридриха вся сила воли, глубокое убѣжденіе въ необходимости дѣла, даже небывалая уступчивость! Понятно, что на союзномъ актѣ отразились слѣды неискренности и опасеній, окружавшихъ переговоры. Онъ страдаетъ неопредѣленностью и недосказанностью. Онъ былъ лишенъ нравственной силы. Никто изъ союзниковъ не вѣрилъ въ исполнимость «секретныхъ» статей, какъ ни блѣдны были онѣ сами по себѣ. Самъ Фридрихъ считалъ такой союзъ «слабымъ средствомъ», которымъ нужно было воспользоваться лишь «за недостаткомъ лучшаго».

¹⁾ Кабинетныя записки Фридриха министрамъ, см. у Шмидта: *Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen*. Berl., 1861, pass.

И въ самомъ дѣлѣ, чего же добился Фридрихъ? Выразаясь его собственными словами, онъ стремился «подобрать всѣ головы подъ одну шапку» ¹⁾, а приобрѣлъ только половину курфюрстовъ (считая въ томъ числѣ его самого), да мелочь. Притомъ эти союзники вступили скорѣе въ международныя, такъ сказать, канцелярскія, чѣмъ во внутреннія отношенія къ Пруссіи. Да и на нихъ нельзя было положиться. Они были приневолены крутыми обстоятельствами и съ трудомъ подавляли свое отвращеніе къ Гогенцоллерну. Переговоры нѣсколько разъ прерывались и почти разстраивались, когда Фридрихъ уже бралъ перо, чтобы подписать договоръ. Дѣмъ говорить: «многимъ фюрстамъ, радѣвшимъ о благѣ Германіи, не нравился союзъ трехъ могущественныхъ курфюрстовъ: они опасались, что послѣдніе вздумаютъ воспользоваться силами союза для собственныхъ цѣлей. Нѣкоторые еще болѣе страшились союзомъ съ Пруссіей навлечь на себя неприятели, возбуждени подозрительность и недовольство императорскаго двора. Благонамѣренные фюрсты боялись также, что имъ придется испытать опасную зависимость отъ Пруссіи. Эта держава, — говорили они, — весьма легко можетъ вовлечь союзниковъ въ войны и замѣшательства, не имѣющія отношенія къ благу Германіи». Это настроеніе фюрстовъ «было побуждено лишь однимъ соображеніемъ: то, *что конечно было бы лучше*, невозможно. Не видѣли другого исхода. Думали, что если даже и подвергнутся опасности, происходящей изъ тѣснаго соединенія съ Пруссіей, то это не будетъ значить слишкомъ дорого купить спасеніе независимости Германіи. Къ тому же, такой опасности нельзя было ожидать въ *ближайшемъ будущемъ*. А огражденіе отъ того, что возможно *далеко впереди*, можно предоставить *потомкамъ*» ²⁾.

Наконецъ, и Европа не встревожилась, когда провѣдала о союзѣ фюрстовъ. Мало того: сохранила спойствіе даже Россія. Очевидно, Екатерина не считала этого союза опорой Пруссіи. Иначе подняла бы европейскую бурю монархія, которая поставила тогда своей задачей — «всячески обуздывать безпокойный и ревнивый нравъ прусскаго короля и пользоваться первымъ случаемъ, чтобы лишить его соперничество вѣса и значенія», ибо «вся его политика сосредоточена на единственной цѣли, — ставить всевозможныя препятствія каждому плану, задуманному

¹⁾ „Ne croyez pas que ce soit une affaire de quinze jours, de mettre tant de têtes sous un chapeau“, писалъ Фридрихъ своимъ министрамъ. Schmidt, p. 52.

²⁾ Dohm: Denkwürdigkeiten, III, 83—86.

союзниками (Екатериной и Іосифомъ) въ общемъ интересѣ ихъ имперій» ¹⁾.

А между тѣмъ Фридрихъ радовался. Только теперь онъ угомонился и умеръ спойно, когда смерть пришла за нимъ, годъ спустя послѣ союза фюрстовъ.

Онъ достигъ всего, что только было возможно въ ту минуту. Не забудемъ, что тогда Австрія все еще была сильнѣе Пруссіи матеріально, и за нею стояла Екатерининская Россія. Фридрихъ одержалъ дипломатическую побѣду надъ обѣими могущественными союзницами и подорвалъ ихъ вліяніе въ Германіи. Онъ добился этого блестящаго результата съ такими же слабыми средствами, съ какими бросился въ кровавую борьбу съ Габсбургами, за сорокъ пять лѣтъ передъ тѣмъ. Проницательный и опытный Фридрихъ не преувеличивалъ нравственнаго значенія Пруссіи въ Германіи. Онъ сознавалъ, что оно было плодомъ дерзкой политики, опиравшейся на остріе меча и на насиліе. Онъ понималъ мотивы и чувства фюрстовъ, вступившихъ въ союзъ съ нимъ. Подобно имъ, онъ думалъ: «то, что возможно въ далекомъ будущемъ, можно предоставить потомкамъ».

Фридрихъ именно постигалъ важное значеніе союза фюрстовъ *для будущности Пруссіи*. По врожденному гогенцоллернскому инстинкту, онъ чувствовалъ, что Германія должна превратиться въ Пруссію, но не иначе, какъ путемъ излюбленной ею федераціи. Нужно было только умѣючи и постепенно превращать гегемонію въ державу. Союзъ фюрстовъ былъ первою попыткой *прусской* гегемоніи. Фридрихъ полагалъ первый камень въ основаніе великаго зданія — прусскаго объединенія Германіи.

Исторія свидѣтельствуетъ, что путь, избранный Фридрихомъ для прусско-гогенцоллернской идеи, былъ вѣренъ. Переходная форма союза постоянно повторялась въ Германіи.

Но любопытно, что рядомъ съ нею мы видимъ и другое средство — насиліе. Въ исторіи Пруссіи живутъ оба Фридриха — какъ отважный революціонеръ, герой Росбаха, Лейтена, Цорндорфа, такъ и хитрый консерваторъ, творецъ союза фюрстовъ.

Въ ту самую минуту, когда устраивался союзъ фюрстовъ, при берлинскомъ дворѣ была партія дѣйствія. Она негодовала на эту сдѣлку. Она презирала Фридриха, какъ трусливаго старца и охранителя всякой дряни въ «отечествѣ». Она смѣялась надъ его союзомъ, какъ надъ «незаряженнымъ ружьемъ». Единствен-

¹⁾ Денеша Остермана нашему послу въ Вѣнѣ, Голицыну, отъ 5/16 мая 1784 года.

нымъ ея утѣшеніемъ была увѣренность, что «потратится немного времени на зарядженіе ружья»¹⁾.

Душой «партіи дѣйствія» былъ наслѣдный принцъ.

Собственно говоря, наша задача исчерпывается этимъ моментомъ, но въ настоящую минуту германскій вопросъ такъ важенъ, что мы сочли необходимымъ присоединить къ своему изслѣдованію эпилогъ, съ цѣлью намѣтить въ главныхъ чертахъ судьбу и дальнѣйшее развитіе идеи германскаго единства въ нашемъ вѣкѣ.

XVII.

Наполеонъ I и февральская революція.

Идея *прусскаго* объединенія Германіи впервые обнаружилась въ 1785 году. Ея представители дѣйствовали сознательно. «Союзъ фюрстовъ достигнетъ чего-нибудь страшнаго», говорилъ Фридрихъ. Тогда же Иоганнъ Мюллеръ объяснялъ нѣмцамъ, что Фридрихъ основалъ этимъ союзомъ «новую систему въ Германіи». Фридрихъ хотѣлъ тотчасъ заключить военную конвенцію съ фюрстами, чтобы взять ихъ войска къ себѣ на жалованье. Но фюрсты отвѣчали, что не желаютъ «предоставлять свои войска чужому произволу». Они понимали, что Гогенцоллернъ дѣйствительно хочетъ защищать ихъ отъ Австріи, но лишь съ тѣмъ, чтобы самому поглотить ихъ. Слѣдовательно, и съ этой стороны новая идея уяснилась.

Съ этихъ поръ политическая исторія Германіи состоитъ въ развитіи основъ союза фюрстовъ, т.-е. прусской идеи. Она распадается на четыре главныхъ момента — 1806, 1849, 1866 и 1870 годы. Въ каждомъ изъ этихъ моментовъ мы видимъ, въ различныхъ формахъ, дѣйствіе однѣхъ и тѣхъ же силъ.

Съ одной стороны, историческія условія, независація отъ главныхъ дѣятелей, влекутъ Германію къ прусскому объединенію. Пруссія становится средоточіемъ нѣмецкой культуры и національнаго сознанія. Самыя внѣшнія препятствія и даже несчастія подталкиваютъ ее на этомъ пути къ популярности. Мы видѣли, какъ союзу фюрстовъ отчасти помогла Россія, которая, поддерживая Иосифа, дала возможность Фридриху порисоваться въ роли за-

¹⁾ *Dohm*, III, 114.

щитника отечества. Потомъ роль Россіи перешла къ Франціи. Война съ Наполеономъ I-мъ, начатая Пруссіей совсѣмъ по другимъ побужденіямъ, имѣла видъ національной.

Съ другой стороны, постоянно обнаруживается нерасположеніе нѣмцевъ къ Берлину, съ его гогенцоллернскимъ интересомъ. И оно не было лишено основаній.

Бездарное правительство Фридриха - Вильгельма II (1786—1797) было противоположностью Фридриху только по внутреннимъ дѣламъ. Германская же политика Пруссіи нисколько не измѣнилась. Это лучше всего доказываетъ неудача, постигшая благороднаго патріота, герцога саксенъ-веймарскаго, Карла-Августа. Этотъ выродокъ изъ фюрстовъ поставилъ цѣлью своей жизни развить союзъ Фридриха на современныхъ началахъ, но вовсе не въ пользу чьихъ-либо династическихъ интересовъ. Съ этой цѣлью онъ все развѣзжалъ по «отечеству», такъ что его прозвали «курьеромъ союза фюрстовъ». Но Гогенцоллернъ объявилъ ему, что союзъ фюрстовъ устроенъ не для серьезнаго преобразованія отечества, а для сохраненія гнилого status quo. Это значило поступить съ Германіей, какъ Пруссія и Россія поступали съ Польшей наканунѣ ея гибели. Горько было разочарованіе Карла-Августа. «А мы,—воскликнулъ онъ,—льстили себя надеждой, что можно пробудить въ нашемъ отечествѣ національный духъ, послѣдніе слѣды котораго ежедневно исчезаютъ. Мы думали, что лѣнивая дремота, овладѣвшая Германіей съ Вестфальскаго мира, наконецъ разсѣется»¹⁾.

А между тѣмъ, тогда въ Берлинѣ заботились о союзѣ фюрстовъ²⁾, только по-своему. Гогенцоллернъ хотѣлъ самъ устроить его, по собственной программѣ, а не получить его изъ рукъ патріотовъ. Въ это же ничтожное царствованіе Пруссія приобрѣла новый кусокъ Польши и Байрейтъ съ Аншпахомъ. А въ 1795 г. Гогенцоллернъ отдалъ французамъ лѣвый берегъ Рейна и провелъ роковую Майнскую линію, предоставивъ югъ Германіи на разграбленіе врагамъ. При этомъ постыдномъ договорѣ съ французской республикой его увлекала надежда захватить въ свои руки сѣверъ Германіи и округлить свои границы въ Вестфалии и Франконіи.

¹⁾ Письмо Карла-Августа къ министрамъ Пруссіи и Саксоніи. *Häusser: Deutsche Geschichte*. Berlin. 1856. I, 280—281.

²⁾ См., между прочимъ, *Ranko: Die deutschen Mächte und der Fürstenbund*. Berlin. 1872. I, 356—380.

Прусская политика еще болѣе выяснилась при второмъ преѣзѣ Фридриха, Фридрихъ-Вильгельмъ III (1797—1840).

Когда Наполеонъ уничтожалъ Австрію при Маренго, Пруссія получила въ его руцѣ нѣсколько духовныхъ владѣній и городовъ нѣмецкой имперіи. Когда, въ 1805 году, вся Европа возстала противъ Наполеона, который двинулся въ Австрію, опустошая южную Германію, одна Пруссія сохраняла нейтралитетъ. Правда, Россіи удалось купить ея участіе цѣной Ганновера, который она обязалась добыть для нея у Англіи, души коалиціи. Но Пруссія, не сдѣлавъ выстрѣла, первая заключила союзъ съ Наполеономъ, который подтвердилъ ей обѣщаніе Россіи: при этомъ она отдала французамъ еще клочокъ «отечества» за Ганноверъ. Затѣмъ Гогенцоллернъ не потревожила такая расправа Наполеона съ Германіей, какъ устройство «Рейнскаго союза», который подчинилъ Франціи около десяти милліоновъ нѣмцевъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III даже не безъ удовольствія смотрѣлъ на эту «революцію въ южной Германіи», которая разрушала римско-нѣмецкую имперію, чего не могъ сдѣлать даже Фридрихъ II, при всемъ его желаніи.

Все выносилъ Гогенцоллернъ отъ Бонапарта, не стерпѣлъ только одного—утраты Ганновера. Когда Фридрихъ-Вильгельмъ III узналъ, что Наполеонъ соблазняетъ Англію возвращеніемъ этого курфюршества, «печаль его была безгранична» — и прусская армія была мобилизована. Эта минута въ прусской исторіи похожа на ту, которая предшествовала войнѣ за баварское наследство. Фридрихъ-Вильгельмъ III такъ же, какъ тогда Фридрихъ, боялся войны, какъ огня, и бросился въ нее съ предчувствіемъ катастрофы, когда затронули его гогенцоллернскій интересъ. Правда, была и другая причина войны съ Наполеономъ, но значеніе ея точно такое же. Это—стремленіе образовать сѣверо-германскій союзъ.

Въ 1800 году, когда уже приближалась буря изъ-за Рейна, явился любопытный планъ знакомаго намъ Дома ¹⁾. Тутъ была и незабвенная въ судьбахъ Германіи майнская линія, и великая идея *сѣверо-германскаго союза*. Этотъ союзъ имѣлъ цѣлью «не покидать Германію на произволъ судьбы» — и бросалъ весь югъ на произволъ Наполеона. Онъ заботился «о сохраненіи имперскихъ чиновъ» — и требовалъ предоставить Пруссіи «руководство и инициативу», причемъ намекалось и на «вознагражденіе» Пруссіи неизвѣстно за что. Разгромы Наполеона въ «отечествѣ» за-

¹⁾ Гейссеръ читалъ его въ подлинникѣ: Deutsche Geschichte, II, 508—520.

держали планъ Дома, но берлинское правительство возобновило его въ 1804 году,—въ тѣ самыя минуты, когда французы безпощадно распоряжались въ Германіи. На этотъ разъ проектъ сѣверо-германскаго союза былъ подвращенъ патриотическою цѣлью: онъ долженъ былъ противодѣйствовать Франціи и отстранить «русскихъ отъ вмѣшательства въ дѣла Германіи»,—русскихъ, которые умирали тогда на поляхъ Аустерлица, защищая нѣмцевъ отъ Наполеона. Тогда же Австрія предложила составить обще-германскій союзъ противъ французовъ. Карлъ-Августъ веймарскій горячо схватился за эту идею и бросился въ Берлинъ. Здѣсь холодно дали ему замѣтить, что желаютъ только сѣверо-германскаго союза.

Идея сѣверо-германскаго союза была правильнымъ развитіемъ «системы» Фридриха. Это—ея неизбѣжный второй моментъ. Поэтому она сразу прочно засѣла въ головѣ Гогенцоллерна. Уже майнская линія, навлекшая проклятія всѣхъ нѣмцевъ на Пруссію, была ея подготовкой. Съ воцаренія Фридриха-Вильгельма III эта идея постоянно носилась вокругъ гогенцоллернскаго трона ¹⁾. У принцевъ, генераловъ, дипломатовъ и даже у такихъ министровъ, какъ Штейнъ, главною задачей прусской политики считалось—«присоединить къ прусской монархіи важнѣйшія нѣмецкія государства, особенно на сѣверѣ». Они называли это «системой Фридриха и мудрости». Прямо говорили, что «желательно соединить всю Германію подъ одною главою», но пока можно ограничиться сѣверомъ. И постоянно эта мысль подрашивалась патриотической цѣлью: «назначеніе Пруссіи—быть оплотомъ противъ двоякаго рода варварства, грозящаго Германіи—противъ папства и сѣверо-восточныхъ ордъ». Правда, до плана Дома ничего не дѣлали, но причину бездѣйствія хорошо объяснилъ одинъ приближенный Фридриха-Вильгельма III: «охотно взялись бы за дѣло, да не знаютъ, какъ начать», ибо фюрсты заявляли, что «не хотятъ стать вассалами Пруссіи». Даже министръ Гаугвицъ поджидалъ только «событій» (événements).

Пока Гогенцоллернъ не зналъ, съ чего начать, явился «рейнскій союзъ». Этотъ небывалый ударъ «отечеству» оказался желаннымъ событіемъ для Гогенцоллерна. Въ Берлинѣ тотчасъ же схватились за мысль овладѣть уцѣлѣвшими отъ наполеоновскаго разгрома фюрстами: они же именно были сѣверными. Да встали задумали «сѣверное императорство» (nordisches Kaiserthum).

Вѣрное счастье не покидало Гогенцоллерна. Нѣмцы, совсѣмъ

¹⁾ Объ интересномъ зарожденіи сѣверо-германскаго союза см. у Шмидта, стр. 80—90.

придущенные Наполеономъ, заговорили о спасеніи уцѣлѣвшаго хоть посредствомъ сѣвернаго императорства, хотя все-таки преобладало желаніе создать сѣверное «союзное государство (norddeutsches Bundesstaat)». Какъ во время войны за баварское наслѣдство, стала развиваться мысль, что Пруссія—оплотъ нѣмецкой національности и культуры.

Мало того. Наполеонъ, котораго сильно боялись въ Берлинѣ, вдругъ выказалъ самое трогательное дружелюбіе. Въ 1806 году, тотчасъ послѣ «рейнскаго союза», онъ самъ предложилъ Фридриху-Вильгельму III какъ сѣверо-германскій союзъ, такъ и сѣверное императорство. Въ Берлинѣ отвѣчали на это французскому посланнику: «въ своемъ радостномъ очарованіи (Freudentaumel) король считаетъ себя не только союзникомъ Франціи, но и личнымъ другомъ императора. И какъ другъ, онъ ревностно будетъ содѣйствовать всему, что послужитъ къ утвержденію его династіи».

Необыкновенная радость Фридриха-Вильгельма III объясняется тѣмъ, что уже за недѣлю до этого берлинскій кабинетъ самъ приступилъ къ осуществленію именно того, что предлагалъ Наполеонъ. Здѣсь былъ изготовленъ проектъ сѣверо-германскаго союза. Вотъ его основанія. Главные дѣятели—Пруссія, Саксонія и Гессенъ, какъ самые крупные изъ фюрстовъ, не вошедшихъ въ составъ «рейнскаго союза». Пруссія становится главой союза и сѣверо-германской имперіей, Саксонія и Гессенъ—королевствами. Триумvirатъ приглашаетъ пристать къ союзу всѣхъ фюрстовъ, состоящихъ внѣ «рейнскаго союза», и низлагаетъ ихъ съ престоловъ, если они не согласятся. Въ вознагражденіе за свои труды онъ беретъ у нихъ, во всякомъ случаѣ, часть земель.

Этотъ проектъ встрѣтилъ больше сопротивленія, чѣмъ даже союзъ Фридриха. Дѣло въ томъ, что какъ только исчезла нѣмецкая имперія, всѣ фюрсты и даже сенаты имперскихъ городовъ возмечтали стать «суверенами» и «потентатами». Притомъ одни возлагали свои надежды на Россію, другіе на Францію. Нѣкоторые заявляли, что скорѣе пристанутъ къ «рейнскому союзу», т.-е. къ Наполеону, чѣмъ подчинятся Гогенцоллерну. Особенно упирались сами триумвиры. Они страшились «первенства Пруссіи», въ которомъ видѣли желаніе Гогенцоллерна поглотить ихъ. Саксонія задавалась мыслью, въ отвращеніе этой бѣды, создать «особый саксонскій союзъ».

Пруссія пожинала плоды своей династической политики. Когда, вслѣдъ затѣмъ, Наполеонъ выступилъ противъ нея, никто въ Германіи не хотѣлъ помочь ей. Гогенцоллернъ дошелъ до того,

что обратился за помощью къ Габсбургу. Тотъ донесъ объ этомъ Наполеону. Могло ли быть иначе? Неужели Габсбургъ долженъ былъ помочь Пруссiи, воевавшей за идею сѣверо-германскаго союза, которую тщательно скрывали отъ него? Къ тому же, Австрія именно тогда предлагала Пруссiи устроить двѣ Германіи— южную и сѣверную. И это было не болѣе, какъ развитіе плана знаменитаго пруссака, Штейна, предложеннаго еще въ 1804 году. Но тогда Штейны не были въ ходу въ Берлинѣ. Тамъ замерли на мысли о гогенцоллернскомъ сѣверномъ союзѣ. Тамъ объявили войну Наполеону именно изъ-за этой идеи да изъ-за Ганновера, т.-е. изъ-за чисто гогенцоллернскихъ интересовъ. Этотъ странный фактъ объясняется политикой Франціи въ 1806 году.

Наполеонъ нуждался въ признаніи «рейнскаго союза» Пруссiей. Какъ хорошо зналъ онъ гогенцоллернское сердце, видно изъ того «радостнаго очарованія», въ которое былъ приведенъ Фридрихъ-Вильгельмъ III его предложеніями. Наполеонъ тотчасъ же сообщилъ фюрстамъ объ этомъ «очарованіи» и сталъ разоблачать предъ ними гогенцоллернскую идею сѣверо-германскаго союза. Онъ достигъ всего, чего желалъ:—усыпилъ Гогенцоллерна, получилъ отъ него признаніе «рейнскаго союза» и приобрѣлъ новыхъ членовъ для этого союза. Затѣмъ Наполеонъ сталъ открыто «упрекать» Фридриха-Вильгельма III за проектъ сѣверо-германскаго союза и объявилъ фюрстамъ, что, «сдѣлавъ ихъ государями, онъ не потерпитъ чьей-либо власти надъ ними». Самъ Гогенцоллернъ признался въ своемъ манифестѣ о войнѣ съ Пруссiей, что сѣверо-германскій союзъ былъ «приманкой» (Lockspreiße) со стороны Наполеона!

Этотъ манифестъ—незабвенный аттестатъ германской политикѣ Гогенцоллерна. Въ немъ откровенно выставлено причиной войны желаніе Наполеона уничтожить сѣверо-германскій проектъ и возвратить Ганноверъ Англіи. Въ самую критическую минуту, наканунѣ Іены, Пруссiя готова была на все, чтобы привлечь Англію, безъ денегъ которой ей нельзя было и думать о войнѣ. Она даже предлагала ей помочь завоевать Голландію. Только Ганновера Гогенцоллернъ не могъ уступить.

Іенскій разгромъ уничтожилъ проектъ сѣверо-германскаго союза. А «рейнскій союзъ» охватилъ Саксонію и сѣверъ Германіи.

Гогенцоллернъ поступилъ въ вѣдѣніе Бонапарта и сталъ его орудіемъ. Понятно, какое чувство въ Гогенцоллерну преобладало на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Германія Вѣнскаго конгресса вышла вовсе гогенцоллернскою. *Нѣмецкій союзъ* былъ въ сущности восстановленіемъ римско-

нѣмецкой имперіи. Онъ сохранялъ преобладаніе Австріи, предоставивъ ей предсѣдательство въ союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Впрочемъ, Гогенцоллернъ получилъ «вознагражденіе» въ видѣ земель на Рейнѣ, которыя усиливали его вліяніе въ сѣверной Германіи. Въ сущности, идея сѣверо-германскаго союза развивалась.

Теперь задача патриотовъ была ясна. Если нѣмецкій союзъ былъ старою имперіей, то должна была возникнуть и старая оппозиція. Въ этой оппозиціи отчетливо обнаруживаются двѣ черты — либерализмъ, и недовѣріе къ Пруссіи и Австріи. Въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ общественное мнѣніе въ Германіи было ярко окрашено политическимъ отгнѣнкомъ. Вопросъ о конституціонной свободѣ сильнѣе занималъ умы, чѣмъ идея національнаго единства. Для послѣдней было сдѣлано весьма мало. За то возникли вынужденныя конституціи, впрочемъ, только у мелкихъ фюрстовъ. Габсбургъ же и особенно Гогенцоллернъ оказались крайними реакціонерами. Понятно, что оппозиція нѣмецкому союзу проявлялась въ формахъ, враждебныхъ имъ. Тогда мечтали объ особомъ, южномъ союзѣ на современныхъ началахъ, какъ о зернѣ новой Германіи.

Практическая оппозиція нѣмецкому союзу явилась въ концѣ 1820-хъ годовъ со стороны Пруссіи. Это — *Таможенный Союзъ* (Zollverein). Гогенцоллернъ, замѣтивъ, что его дѣло въ «отечествѣ» проиграно нравственно, схватился за матеріальные интересы. Германія была усѣяна внутренними таможенными, губившими ея промышленность. Но онѣ были слѣдствіемъ ея раздробленности, и уничтожить ихъ значило подготовить *coup d'état* въ Германіи. Ни отъ кого не скрылось политическое значеніе этой, повидимому, невинной мѣры. Ей противодѣйствовали не только Австрія съ Франціей, но и всѣ патриоты, т.-е. именно тѣ люди, которые желали единства Германіи. Они громко негодовали на «извиванія (Schlingen) абсолютистической политики». Но у талеровъ своя политика. Послѣ долгой борьбы, Таможенный Союзъ состоялся. Въ 1828—1835 годахъ въ немъ числилось до 25 милліоновъ жителей.

На этой основѣ Гогенцоллернъ могъ строить свое зданіе. Къ тому же, у него совершилась перемѣна въ пользу погони за популярностью. Въ 1840 году вступилъ на престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Впослѣдствіи онъ, какъ и его отецъ, преслѣдовалъ печать и демагоговъ, но сначала блеснулъ либерализмомъ, заговорилъ о реформахъ — и не только прусскихъ, но даже германскихъ.

Въ 1840-хъ годахъ національная идея стала выдвигаться на первый планъ, рядомъ съ политической. Единство «отечества» и конституціонная свобода начали сливаться въ одинъ лозунгъ всѣхъ лучшихъ умовъ. Появилась партія «національныхъ либераловъ». Національная идея проникала даже въ науку. Тогда же поднялся шлезвигъ-голлштейнскій вопросъ, которому суждено было долго разжигать національное чувство нѣмцевъ.

Въ это же время Гогенцоллернъ выступилъ съ весьма смѣлымъ планомъ «возрожденія Германіи». Конечно, никто не повѣрилъ этому припадку либерализма, тѣмъ болѣе, что тогда же Фридрихъ-Вильгельмъ IV далъ пруссакамъ, вмѣсто конституціи, средневѣковыя сословныя собранія. Тогда пылкій Гогенцоллернъ началъ уже превращаться въ революціонера. Онъ объявилъ, что готовъ «одинъ безъ страха» идти по новому пути. Въ его прокламаціяхъ читаемъ: «Пруссія должна расплыться въ высшемъ нѣмецкомъ единеніи! Фридрихъ-Вильгельмъ IV сталъ во главѣ всего свободнаго отечества» (Gesammt-Vaterland)! И Гогенцоллернъ развѣзжалъ по улицамъ Берлина, облекшись въ древніе нѣмецкіе цвѣта.

Это поведеніе Гогенцоллерна объясняется берлинскими баррикадами 1848 года. Оно запоздало. Фюрсты объясняли поведеніе Гогенцоллерна высовомѣріемъ и погоней за популярностью. Общественное мнѣніе радовалось, что кровавая баня въ Берлинѣ сдѣлала невозможной прусскую гегемонію. Дѣйствительно, поведеніе Гогенцоллерна было обидно для націи.

Во все-нѣмецкомъ парламентѣ, въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ, рѣзко обнаружилось недовѣріе націи къ Гогенцоллерну. Кронпринца тогда ненавидѣли. Въ представители временной центральной власти выбрали популярнаго австрійскаго принца. И только ради испытанія, Пруссія поручила защиту нѣмецкой идеи въ Шлезвигѣ.

Гогенцоллернъ, съ своей стороны, высказалъ презрѣніе къ «демагогамъ», какъ называлъ онъ все-нѣмецкій парламентъ. Онъ разгнѣвался и за предпочтеніе австрійскаго принца и за то, что нація отнимала у него возможность преобразовать Германію въ гогенцоллернскомъ смыслѣ. Его армія отказалась присягнуть австрійскому принцу. И въ Шлезвигѣ она дѣйствовала вопреки національнымъ требованіямъ. При такихъ условіяхъ мало впечатлѣнія произвела конституція, «дарованная» Гогенцоллерномъ пруссакамъ, наканунѣ 1849 года. А тосты Фридриха-Вильгельма IV за все-нѣмецкій парламентъ и обниманія съ австрійскимъ принцемъ на кѣльнскомъ празднествѣ произвели взрывъ негодо-

ванія въ обществѣ. Тогда въ церкви св. Павла за Пруссію была ничтожная группа людей—человѣкъ тридцать. И та должна была ступеваться, когда въ Берлинѣ появилось реакціонное министерство Мантейфеля. Парламентъ сдѣлалъ замѣчаніе Гогенцоллерну по поводу «правъ и свободы прусскаго народа». Прусскій кронпринцъ долженъ былъ удалиться въ Англію.

Но счастье опять выручило Гогенцоллерна. По обыкновенію, болѣе всего помогъ ему Габсбургъ.

Во все-нѣмецкомъ парламентѣ выяснились два взгляда на судьбу Германіи. Партія *велико-германцевъ* стремилась къ «широкому» союзу, въ цѣльной Германіи, со включеніемъ нѣмецкихъ земель Австріи. Партія *мало-германцевъ* стояла за «узкій» союзъ, безъ Австріи и съ гегемоніей Пруссіи. За велико-германцевъ было большинство. Они были также популярны, какъ ихъ лозунгъ—пѣсенка Арндта на тѣму: «Германія должна быть цѣльная!» Они уличали своихъ противниковъ въ «раздѣлъ Германіи», волко намекая на судьбу Польши. Велико-германцы уже были близки къ побѣдѣ, какъ вдругъ Габсбургъ не только высказалъ взглядъ, подходившій къ идеѣ мало-германцевъ, но даже намекнулъ на свое желаніе разогнать парламентъ и не иначе слиться съ Германіей, какъ подчинивъ ее себѣ. У нѣмцевъ снова возникъ роковой вопросъ: Габсбургъ или Гогенцоллернъ? И, конечно, они опять отвѣчали, что лучше прусское, чѣмъ австрійское плѣненіе.

Заявленіе Габсбурга дало толчокъ къ выработкѣ новой все-нѣмецкой конституціи въ смыслѣ мало-германцевъ. Она явилась, въ началѣ 1849 года, въ церкви св. Павла. Это современная конституціонная монархія, но съ демократическимъ оттѣнкомъ. При этомъ замѣчательно, что, несмотря на огромную услугу, оказанную Габсбургомъ Гогенцоллерну, вопросъ о центральной власти, которая должна была достаться Пруссіи, рѣшили съ большимъ трудомъ. Въ собраніи, состоявшемъ изъ 538 человѣкъ, новый императорскій титулъ прошелъ большинствомъ 24-хъ, а его наследственность — большинствомъ всего четырехъ голосовъ! За предоставленіе императорской короны Гогенцоллерну оказалось большинство 42 голосовъ.

Наконецъ, настало вождѣнное единство, притомъ основанное на конституціи, выработанной лучшими умами Германіи. Нѣмцы уже считали его совершившимся фактомъ. Не было мѣста опасеніямъ. Передъ волей всей націи умогла бы зависть иностранныхъ державъ, Габсбурга и фюрстовъ. Къ тому же, всѣ правительства заняты были тогда борьбой съ революціоннымъ

движеніемъ. Въ Пруссіи также, казалось, наступала лучшая пора. Именно въ тѣ дни національное собраніе въ Берлинѣ утверждало дарованную Гогенцоллерномъ конституцію. Министры уже намекали на радостное посольство изъ церкви св. Павла, которое привезетъ Гогенцоллерну императорскую корону. Придворные весело поджидали дорогихъ гостей. Въ Германіи хорошо помнили, какъ, за годъ передъ тѣмъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV горячо возвѣстилъ о своемъ призваніи «стать во главѣ всего отечества». Знали, что въ его романтическомъ воображеніи рисовалась картина монарха Германіи, «избраннаго королями, фюрстами, римскимъ императоромъ и голосомъ народа»¹⁾.

Радость нѣмцевъ была безгранична. Путешествіе почтеннѣйшихъ представителей все-нѣмецкаго парламента въ Берлинъ, для поднесенія Гогенцоллерну дара націи, весной 1849 года, было народнымъ праздникомъ.

Гогенцоллернъ отвѣчалъ посламъ нѣмецкаго народа: «Императорскую корону можно приобрѣсти только на полѣ битвы!»²⁾ Онъ отклонилъ корону, потому что она была предложена ему «народомъ», а не «коронованными главами, фюрстами». Онъ писалъ тогда Арндту: «эта вещь не носить на себѣ знаменія св. креста и печати «Божіей милостью». Это не корона. Это желѣзный ошейникъ рабства. Это значитъ обратить въ крѣпостного революціи, сына болѣе чѣмъ 24 государей, курфюрстовъ и королей, главу 16 милліоновъ, повелителя самаго вѣрнаго и храбраго войска».

Отвѣтъ Гогенцоллерна былъ смертельнымъ ударомъ все-нѣмецкому парламенту. Лучшие люди утратили вѣру въ спасеніе отечества, и вышли. Остались дѣйствительно демагоги, да и они переселились въ Штутгартъ, гдѣ вскорѣ были разогнаны войсками.

Между тѣмъ примѣръ Гогенцоллерна подѣйствовалъ на фюрстовъ. Они приободрились и стали отвѣчать на требованія патриотовъ знаменитымъ «никогда, никогда, никогда!» гогенцоллернскаго министра, графа Бранденбурга. Слѣдствія понятны. Вспыхнула революція, знаменемъ которой было «признаніе имперской конституціи». Въ ней участвовали не только демагоги, но и та самая интеллигенція, которая вчера только была опорой порядка

¹⁾ См. переписку Фридриха-Вильгельма IV съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ: Schmidt, p. 198.

²⁾ Эти слова припомнилъ Вильгельму I великій герцогъ баденскій въ Версалѣ 1-го января 1871 г., когда ему поднесли титулъ нѣмецкаго императора.

противъ демагоговъ. Конституція,—созданіе того парламента, который сохранилъ троны фюрстовъ въ 1848 году,—теперь сломала бы ихъ, еслибы не поднялся самъ виновникъ нѣмецкой революціи. Гогенцоллернъ предложилъ фюрстамъ свое войско противъ подданныхъ.

Даже нѣмецкіе историки эпохи объединенія Германіи стараются набросить завѣсу на эту страницу въ исторіи Пруссіи. Дѣйствительно, здѣсь не можетъ быть двойкаго объясненія. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV тогда же объявилъ (въ депешѣ къ своему посланнику во Франкфуртѣ): «король одинъ изъ первыхъ рѣшился, по свободному побужденію, преобразовать Германію въ союзное государство—и онъ послѣдній усомнится въ успѣхѣ этого великаго дѣла. Ни въ какомъ случаѣ Пруссія не устранилась отъ задачи нѣмецкаго единства. Напротивъ, она даже теперь употребитъ всѣ свои силы, чтобы подвинуть его». И дѣйствительно, въ то самое время, когда была отвергнута корона, предложенная народомъ, и былъ распущенъ прусскій парламентъ за просьбу о принятіи ея, Гогенцоллернъ хлопоталъ у фюрстовъ, чтобы они доставили ему эту самую корону. Конечно, фюрсты объявили ему въ сотый разъ, что не желаютъ быть поглощенными имъ. Нѣкоторые даже со страху признали ненавистную франкфуртскую конституцію.

Итакъ, Гогенцоллернъ остался вѣренъ своей природѣ и фамильнымъ преданіямъ. Его поведеніе въ 1849 году—правильное развитіе «системы» Фридриха Великаго.

Лучшимъ доказательствомъ тому, что «система» продолжалась, служить новый союзъ *трехъ королей*, заключенный Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV въ томъ же, 1849, году. На этотъ разъ Пруссія соединилась съ Саксоніей и Ганноверомъ. Но теперь Гогенцоллерну снова пришлось пожинать плоды своей политики. Габсбургъ, который задумалъ тогда «сначала унизить, а потомъ уничтожить Пруссію (avilir et démolir)», воспользовался его нравственнымъ паденіемъ въ «отечествѣ». Въ 1850 году, по его наущенію, Саксонія и Ганноверъ покинули союзъ трехъ королей. Вслѣдъ затѣмъ возникъ планъ враждебнаго Пруссіи «союза четырехъ королей» (Саксонія, Ганноверъ, Баварія, Виртембергъ). Наконецъ, въ то самое время, какъ Гогенцоллернъ устраивалъ въ Берлинѣ сеймъ фюрстовъ для развитія союза трехъ королей, Габсбургъ возстановилъ созданіе Вѣнскаго конгресса—союзный сеймъ во Франкфуртѣ. «Отечество» разомъ получило два правительства!

Борьба была неравная. Нравственный кредитъ Гогенцоллерна

былъ совершенно подорванъ. Курфюрстъ гессенскій, изгнанный народомъ за недарованіе обѣщанной конституціи, попросилъ помощи не въ Берлинѣ, а во Франкфуртѣ. Габсбургъ обрадовался случаю вкусить сладость экзекуціи, которая составляла привилегію Гогенцоллерна. Но Гогенцоллернъ не желалъ уступать этой привилегіи. Уже были кровавыя «недоразумѣнія» между прусскими и австрійскими войсками въ Гессенѣ, какъ вдругъ Гогенцоллернъ одумался. Онъ сообразилъ, что вовлекается въ интересы «демагоговъ» — и предоставилъ Гессенъ Австріи.

Печально для Гогенцоллерна окончилась его борьба съ Габсбургомъ за экзекуцію. Наслѣдный принцъ говорилъ, что это вторая Иена. И за нею послѣдовали новыя униженія. Гогенцоллернъ съ завистью смотрѣлъ, какъ австрійцы ходили въ Шлезвигъ искоренять послѣдніе слѣды «революціи», т. е. подавлять нѣмецкое національное движеніе. Онъ призналъ союзный сеймъ со всѣми его старыми пороками и съ первенствомъ Габсбурга. Торговымъ договоромъ съ Австріей онъ подорвалъ національное значеніе своего Таможенного союза.

XVIII.

САДОВАЯ И СЕДАНЪ.

Поразительнымъ явленіемъ начиналась вторая половина XIX вѣка. Казалось, воскресли времена до Фридриха Великаго. Габсбургъ господствовалъ въ Германіи; Гогенцоллернъ повиновался и подражалъ ему. Повсюду распоряжались іезуиты перваго и жандармы втораго. Оба соперника одинаково усердно служили старому кумиру съ новымъ названіемъ: вмѣсто «государственной пользы (Staatsraison)» явилась «солидарность консервативныхъ интересовъ».

О національной идеѣ никто не думалъ. Союзный сеймъ дремалъ, какъ встарину, и былъ поприщемъ эгоистическаго соперничества между Австріей и Пруссіей. Гогенцоллернъ даже не прерывалъ своихъ династическихъ цѣлей патріотическою маской. Онъ, за-одно съ Габсбургомъ, былъ душой союзнаго правительства, прозваннаго «реакціоннымъ комитетомъ». Онъ уничтожилъ союзный флотъ, созданный тѣмъ самымъ народомъ, который подносилъ ему корону, и тутъ же самъ сталъ готовить все-нѣмецкій флотъ. Онъ подрывалъ всеюю національную мѣру союзнаго сейма, чтобы отнять у послѣдняго даже тѣнь популярности. Въ

то же время Фридрихъ-Вильгельмъ IV, припоминая внушенія Фридриха II въ Петербургѣ, вовлекать императора Николая I во внутреннія дѣла Германіи. Въ 1850 году онъ просилъ у него, какъ у родственника, помощи противъ Габсбурга. Но мы стали за Австрію, которую считали настолько же консервативной, насколько Пруссію «революціонной». Объясненіе было не вѣрно, но полезно для Россіи.

Въ 1850-хъ годахъ все въ Германіи или презирало, или ненавидѣло Гогенцоллерна. У нѣмцевъ слалось убѣжденіе, что вообще прусская государственная форма неспособна къ осуществленію національной идеи. Негодовали даже приближенные Фридриха-Вильгельма IV, и во главѣ ихъ, конечно, наслѣдный принцъ, который былъ вождемъ «партіи дѣйствія», какъ всѣ прусскіе наслѣдники престола. Впечатлѣніями этой эпохи объясняется холодность, съ которой былъ встрѣченъ, въ 1866 году, Бисмарковъ планъ преобразованія нѣмецкаго союза. Слѣды ихъ замѣтны даже въ 1870 году.

Первымъ изъ событій, подготовлявшихъ окончательный успѣхъ Гогенцоллерна въ борьбѣ съ Габсбургомъ, была крымская война. Тогда Австрія и ея нѣмецкій союзъ много суетились, но ничего не сдѣлали: они только возстановили противъ себя Россію. Союзъ еще разъ доказалъ свою негодность и опротивѣлъ всѣмъ. Австрія очутилась въ одиночествѣ, а Пруссія привлекла къ себѣ Россію нейтралитетомъ, что обезпечило за ней побѣды 1866 и 1870 годовъ.

Въ 1858 году правителемъ Пруссіи былъ объявленъ нынѣ царствующій *Вильгельмъ I*. Въ лицѣ либеральнаго министерства князя Гогенцоллернъ-Зигмарингена явилось новое направленіе, прозванное «новою эрой». Правитель объявилъ, что теперь Пруссія будетъ дѣлать «нравственныя завоеванія», но тутъ же замѣтилъ, что она создастъ, не щадя денегъ, «могучую армію». Онъ прибавилъ, что Пруссія станетъ «энергически» развивать, какъ монархизмъ «Божіей милостью», такъ и «національную» политику, совершенствуя такіе «элементы объединенія», какъ Таможенный союзъ.

Въ 1859 году разразилась итальянская война. Весь нѣмецкій міръ всколыхался. Въ немъ внезапно загорѣлось желаніе возвратитъ лѣвый берегъ Рейна. Даже либералы были убѣждены, что «нужно защищать Рейнъ на По». Они требовали только у Габсбурга ручательства въ восстановленіи германской конституціи и въ патриотической расправѣ въ Шлезвигѣ. Конечно, Габсбургъ не спѣшилъ съ этимъ ручательствомъ.

Гогенцоллернъ не раздѣлялъ чувствъ «отечества». Еще въ 1858 году онъ очень обрадовался, когда Кавуръ заговорилъ съ нимъ, послѣ свиданія съ Наполеономъ III. Когда били австрийцевъ у Мадженты и Сольферино, онъ подсмѣивался надъ патриотической восторженностью Германіи. Онъ называлъ «признаками дѣтской болѣзни» бойкія анти-французскія заявленія въ палатахъ нѣмецкихъ государствъ. Впрочемъ, Гогенцоллернъ заявлялъ готовность двинуться на Рейнъ, но только если ему предоставлять «иниціативу», т.-е. предводительство надъ союзными войсками. Тутъ онъ натолкнулся на достойнаго соперника. Совсѣмъ погибавшій Габсбургъ объявилъ, что «скорѣе пожертвуетъ тремя Ломбардіями, чѣмъ потерпитъ прусскую гегемонію въ Германіи». Ему вторили фюрсты, руководимые саксонцемъ, графомъ Бейстомъ.

Понятно, что виллафранкскій поворотъ Австріи, которая могла еще бороться съ надеждой на успѣхъ, былъ сюрпризомъ для всѣхъ, въ особенности же для «отечества». Габсбургъ объявилъ, что это—дѣло Гогенцоллерна, и любопытно, что большинство нѣмцевъ признало Пруссію «измѣнницей».

Итальянская война играетъ важную роль въ исторіи Германіи. Она приблизила развязку нѣмецкаго вопроса. Габсбургъ и Гогенцоллернъ окончательно поняли, что имъ пора драться. Было даже замѣтно, что бурю подниметь Гогенцоллернъ. Тогда явилась любопытная брошюра, требовавшая немедленно воспользоваться случаемъ, чтобы погубить Австрію. Ее приписывали Бисмарку, прусскому посланнику во Франкфуртѣ, котораго тотчасъ же отправили въ Петербургъ,—по его словамъ, «какъ шампанское, которое держать во льду для позднѣйшаго употребленія». Въ то же время Гогенцоллернъ приобрѣлъ драгоцѣнный военный опытъ. Занимаясь передвиженіемъ своихъ войскъ, передъ Виллафранкскимъ договоромъ, онъ замѣтилъ слабыя стороны своей арміи, а недостатки австрийскаго войска хорошо обнаружили въ Италіи. И вотъ, «задушевнѣйшею» (eigenste) мыслію Вильгельма I становится «военная организація», т.-е. увеличеніе и улучшеніе арміи.

Но самымъ важнымъ слѣдствіемъ итальянской войны было пробужденіе національнаго чувства у нѣмцевъ. По примѣру Италіи, національная идея рѣшительно овладѣваетъ общественнымъ мнѣніемъ. Ради нея по всей Германіи собираются съѣзды политиковъ, ученыхъ, юристовъ, финансистовъ. Она проходитъ по мелкимъ жизненнымъ отношеніямъ. Наконецъ образуется національное общество (Nationalverein), на подобіе той società nazionale, которая такъ много помогла Кавуру. Здѣсь сосредоточилась

значительная часть нѣмецкой интеллигенціи. Нравственному авторитету общества помогали фюрсты, которые провидѣли въ немъ революцію и гоняли его членовъ съ мѣста на мѣсто, отдали ихъ подъ надзоръ полиціи. Но сами же эти премудрые фюрсты понимали, что для сохраненія троновъ имъ также нужно надѣть маску друзей единства. Изъ ихъ среды стали появляться проекты реформъ союзнаго сейма, направленныхъ противъ Пруссіи; они считали Гогенцоллерна способнымъ воспользоваться національнымъ движеніемъ для своихъ выгодъ. Габсбургъ покровительствовалъ этому стремленію фюрстовъ, и въ началѣ 60-хъ годовъ составилъ съѣздъ ихъ въ Вѣнѣ.

Опасенія фюрстовъ не были лишены основанія. Тогда возникла популярность Пруссіи. Нѣмцы, которыми вдругъ овладѣла національная горячка, невольно подумывали о Берлинѣ. У нихъ не было другого выбора. Должно помнить, что идея національности, которая въ свое время надѣлала (и можетъ еще надѣлать) не мало бѣдъ человѣчеству, на тогдашней степени своего развитія была идея либеральная и просвѣтительная. Италіи сочувствовали не потому только, что она объединилась, но и потому, что она освобождалась отъ деспотизма и иезуитства. Ослабленіе гнѣзда германской реакціи, Австріи, было настолько же торжествомъ нѣмцевъ, насколько побѣдой итальянцевъ. Гогенцоллернъ, выказавшій сочувствіе Италіи, рисовался въ хорошемъ свѣтѣ. Къ тому же онъ замаскировался тогда либеральнымъ министерствомъ «новой эры». Наконецъ, нѣмецкій патриотизмъ немислимъ безъ ненависти къ иностранцамъ. Фюрсты поддерживали Пруссію своими намеками на союзъ съ Наполеономъ, если Гогенцоллернъ вдумаетъ стѣснить ихъ. А Гогенцоллернъ именно тогда началъ распространяться въ своихъ палатахъ о «неприкосновенности почвы отечества».

Правда, Пруссіи нужно было сдѣлать еще много «нравственныхъ завоеваній». Нѣмцы не довѣряли ея правительству. Но стѣбло только Гогенцоллерну повести дѣло въ національномъ духѣ — и онъ тогда же мирно объединилъ бы Германію. Но онъ поступалъ такъ же, какъ въ 1849 году. Онъ выказывалъ презрѣніе къ національному обществу и своими интригами разрушалъ всякую попытку ввести благодѣтельные преобразованія въ союзный сеймъ. Онъ вредилъ нѣмцамъ въ вопросахъ гессенскомъ и шлезвигскомъ и разстроилъ заведеніе нѣмецкаго флота тѣмъ, что не хотѣлъ подѣлиться съ Ганноверомъ начальствомъ надъ нимъ.

Но важнѣе всего было то, что дѣлалъ Гогенцоллернъ у себя дома.

Никогда еще не обнаруживалась такъ ярко гогенцоллернская политика, отгвняемая высокимъ политическимъ развитіемъ европейскихъ обществъ. Никогда еще гогенцоллернскій интересъ не былъ такъ неисправимо упрямъ. Онъ ставилъ на карту будущность не только «отечества», въ чему привыкла исторія, но и свою собственную. Казалось, что Гогенцоллерну доставляло особенное удовольствіе противорѣчить общественному мнѣнію, выказывать презрѣніе къ господствующимъ принципамъ.

Весьма умѣренная либеральная партія въ нижней палатѣ, бывшая опорой министерства «новой эры», требовала соблюденія конституціи въ Пруссіи и «узлаго союза» или «союзнаго государства» въ Германіи. А правительство намедало, что желаетъ опираться только на свои собственные штыеи. Оно внезапно выступило въ нижней палатѣ съ своей «задушевнѣйшей» мыслью, по которой армія увеличивалась на 50 тысячъ, а расходы на 10 милліоновъ въ годъ. Конечно, не только прусское, но и германское общество ужаснулось. Но любопытнѣе всего, что, по несомнѣннымъ доказательствамъ, эта мѣра прошла бы, и даже безъ особеннаго труда, еслибы съумѣли взяться за нее. Нужно было только, чтобы правительство снизошло до краткаго объясненія съ палатою, и хоть намекнуло на національную цѣль. Но правительство придерживалось старыхъ приемовъ. Слѣдствіемъ этой политической безтактности была смѣна умѣренныхъ либераловъ демократической партіей *прогрессистовъ* (Fortschrittspartei). Правда, это — крайняя партія въ прусскомъ смыслѣ, т.-е. вовсе не ужасная. Принципы у нея были такіе же, какъ у либераловъ. Она только прямо возстала противъ «задушевнѣйшей» мысли и потребовала кореннаго преобразованія палаты господъ.

Правительство отвѣчало новою безтактностью, какъ будто ему хотѣлось непременно вызвать кровавый приврагъ въ самое спокойное время и среди самаго мирнаго населенія. Оно устроило пышное коронованіе, причемъ были всѣ, употребительные въ этихъ случаяхъ, рѣчи и атрибуты, кромѣ упоминанія о народѣ и конституціи и кромѣ нѣмецкихъ національныхъ флаговъ. Понятно, что было отвѣтомъ на эту демонстрацію. Вездѣ заговорили, что правительство вовсе не думаетъ о Пруссіи и отечествѣ, и что «задушевнѣйшая» мысль означаетъ лишь желаніе окружить власть военною силой. Пожертвованія на нѣмецкій флотъ, которыя собирало національное общество и отсылало въ Берлинъ, вдругъ прекратились. Даже появилось въ газетахъ множество протестовъ противъ отправки ихъ въ Пруссію. Само національное общество отшатнулось отъ Гогенцоллерновъ. Въ прус-

своей палатѣ прогрессисты уже образовали рѣшительное большинство. Правительство закрыло ее и смѣнило дѣятелей «новой эры» феодальнымъ министерствомъ. Но новые выборы въ палату оказались краснѣе прежнихъ. «Задушевнѣйшая» мысль была отвергнута большинствомъ 308 голосовъ противъ 11! Тутъ впервые Вильгельму пришла-было въ голову мысль отречься отъ престола. Но его остановилъ гогенцоллернскій долгъ. Онъ сдѣлалъ насиліе надъ собой — и осенью 1862 года вручилъ бразды правленія весьма неприятному для него, но надежному человеку — Бисмарку.

Бисмаркъ спасъ «систему», совсѣмъ-было погибавшую, — вотъ въ чемъ состояло значеніе этого государственнаго человѣка.

Магическое средство, которымъ онъ легко совершилъ это чудо, была національная идея. Ею онъ заглушилъ патріотическое негодованіе, шумѣвшее надъ головой Гогенцоллерна. Съ ея помощью онъ осуществилъ «завѣтнѣйшую» мысль Вильгельма и стяжалъ за это не проклятіе, а восторгъ нѣмцевъ. Бисмаркъ открылъ секретъ, который предчувствовали одинъ Фридрихъ Великій. То, что всѣмъ казалось гогенцоллернскою гибелью, онъ обратилъ въ гогенцоллернское торжество. Безъ этого секрета Бисмаркъ остался бы дерзкимъ юнгеромъ, разбивающимъ кружки на головахъ мирныхъ гражданъ въ полпивныхъ, и терся бы въ переднихъ Потсдама, въ толпѣ своихъ товарищей-феодаловъ. А съ нимъ онъ сталъ маіоръ-домомъ Гогенцоллерна.

Секретъ былъ такъ простъ, что допускалъ только политику послѣдовательную и энергичную. Уже въ 1859 году Бисмарку приписывали брошюру, которая дерзко требовала разсѣчь мечомъ Гордіевъ узелъ, связывавшій Германію съ Австріей. Въ 1861 году Бисмаркъ изумилъ всѣхъ бойкимъ протестомъ противъ феодализма. Онъ прислалъ изъ Петербурга своимъ товарищамъ, членамъ палаты господъ, строгое предостереженіе. Онъ беспощадно поносилъ фюрстовъ, «помѣшанныхъ на верховныхъ правахъ», и «нелѣпный» нѣмецкій союзъ, эту «теплицу революціоннаго партикуляризма». Этотъ прусскій «юнгеръ» сразу развертывалъ въ «отечествѣ» революціонное знамя Фридриха Великаго. Но въ то же время онъ давалъ замѣтить, что раздѣляетъ гогенцоллернскую идею, съ ея «задушевнѣйшею» мыслью, и считаетъ уступки духу времени лишь ея орудіемъ. Никогда еще «система» не находила болѣе краснорѣчиваго и бойкаго истолкователя.

Наканунѣ вступленія Бисмарка въ министерство національная идея была въ разгарѣ. Даже оплоты старины принуждены

были маскироваться ею. Фюрсты начали слегка либеральничать и предаваться патриотизму. Особенно горячился великій герцог баденскій, Фридрихъ, патриотическую ревность котораго объясняли его родствомъ съ Пруссіей и инстинктомъ самосохраненія. Душа партикуляризма, Бейстъ, выступилъ съ планомъ нѣмецкаго парламента на основахъ союзнаго сейма и, конечно, «широкаго» союза. Пруссія отвѣчала Бейсту проектомъ «узкаго» союза, подъ курьезнымъ именемъ «союзнаго государства въ союзѣ государствъ» (Bundesstaat im Staatenbunde). Тогда Габсбургъ съ фюрстами прислали общую ноту, грозившую войной. Но это значило оказать услугу Гогенцоллерну. Общественное мнѣніе, ислугавшись Габсбурга, стало на сторону Пруссіи. Національное общество потребовало, чтобы Гогенцоллернъ, опираясь на «единственно вѣрнаго союзника, на нѣмецкій народъ, не колебался, вступился за интересы нѣмецкаго и прусскаго народа».

Министерская программа Бисмарка была прямымъ отвѣтомъ на голосъ общественнаго мнѣнія. Она объявляла, что «великіе вопросы времени разрѣшаются кровью и желѣзомъ». Бисмаркъ тотчасъ же предложилъ Габсбургу удалиться изъ Вѣны въ Офенъ, чтобы оттуда совершать свою «восточную» миссію и помочь Гогенцоллерну въ его «нѣмецкой» миссіи. Въ противномъ случаѣ прямо угрожалъ войной. Габсбургъ перенесъ дѣло въ союзный сеймъ, гдѣ проигралъ его. Тогда онъ устроилъ (1863 г.) съѣздъ фюрстовъ, на которомъ было рѣшено вытѣснить Пруссію изъ Германіи. Австро-Прусская война разразилась бы тремя годами раньше, еслибы не возникъ шлезвигскій вопросъ. Но намъ прежде нужно рассмотреть внутреннюю политику Бисмарка.

Палата, не поладившая даже съ либеральнымъ министерствомъ «новой эры», считала Бисмарка палачомъ, котораго разгнѣванный Гогенцоллернъ избралъ въ наказаніе ей. Она основывалась на опытѣ. Въ 1847—1850 годахъ Бисмаркъ былъ душой феодальной партіи въ берлинскомъ парламентѣ. Съ истинно-юнкерскою дерзостью издѣвался онъ надъ «верховными правами народа», защищалъ помѣщичьи суды, осмѣивалъ національную идею, требовалъ подчиниться Австріи, передъ которою онъ благоговѣлъ. Правда, затѣмъ въ Бисмаркѣ произошелъ переворотъ. Во Франкфуртѣ (1851 — 1859) онъ сталъ столь же горячимъ врагомъ Австріи и повлялся истребить ее, не смущаясь ничѣмъ — «ни изгнаніемъ, ни даже эшафотомъ».

Однако прусская палата была права. Въ Бисмаркѣ произошелъ переворотъ только относительно германскаго вопроса. Бисмаркъ не конституціонный министръ. Все значеніе его въ ино-

странной политикѣ. Онъ самъ признался однажды, что не понимаетъ «внутренней». Здѣсь онъ не находивъ и мелочень. Онъ не повялъ даже, что военная реформа — важнѣйшій изъ вопросовъ внутренней политики. Онъ вообразилъ, что всѣ станутъ за нее, и не приготовился къ конституціонной борьбѣ, а потому запутался въ ней. Рѣшившись съ самаго начала подружиться съ палатой, какъ съ «могущественнѣйшей опорой своей внѣшней политики», онъ кончилъ тѣмъ, что раздражилъ ее до негодованія.

Бисмаркъ смѣло, самоувѣренно выступилъ въ палатѣ съ «задушевнѣйшею» мыслью и съ теоріей финансоваго произвола. Палата обвинила его въ нарушеніи конституціи, а онъ отвѣчалъ ей знаменитымъ афоризмомъ: «сила предшествуетъ праву». Затѣмъ послѣдовали гоненія на печать и ссылки прогрессистовъ.

Во внутренней политикѣ Пруссіи шлезвигъ-голлштейнскій вопросъ игралъ важную роль. Онъ спасъ совсѣмъ запутавшагося Бисмарка. Нѣмцы съ рѣдкимъ единодушіемъ требовали отдать При-эльбскія герцогства принцу Августенбургскому и присоединить ихъ къ Германіи. Одинъ Бисмаркъ, желавшій приобрѣсти эти земли для Гогенцоллерна, выступилъ противъ кандидатуры принца. Мало того. Онъ успѣлъ убѣдить Габсбурга, что все это — «происки революціонеровъ», и привлечь его къ союзу съ Пруссіей Бисмарку оставалось провести свой планъ въ берлинской палатѣ. Ему стѣбало только шепнуть о своихъ цѣляхъ вождамъ прусскихъ партій — и дѣло было бы слажено. Но онъ ограничился заявленіемъ палатѣ, что она неспособна судить о политикѣ. Палата отказала въ займѣ для предстоящей войны съ Даніей, и вся Германія выказала сочувствіе къ ней.

Но война состоялась. Данія уступила Шлезвигъ-Голлштейнъ Австріи и Пруссіи «совмѣстно». Въ сущности Бисмаркъ вышелъ побѣдителемъ: онъ насильно вовлекъ Австрію въ свою политику. Затѣмъ онъ вздумалъ тотчасъ же присоединить герцогства къ Пруссіи, хотя противъ этого было общественное мнѣніе Германіи и самое населеніе герцогствъ. Въ то же время Австрія напоминала о «совмѣстномъ» владѣніи герцогствами. Бисмаркъ былъ уже совсѣмъ готовъ воевать съ нею. Лишь по настояніямъ короля согласился онъ на голлштейнскій договоръ, по которому Голлштейнъ оставался за Австріей, Шлезвигъ за Пруссіей, а Лауэнбургъ Габсбургъ продавалъ Гогенцоллерну за 2¹/₂ милліона талеровъ.

Голлштейнскій договоръ былъ сильнымъ ударомъ Бисмарку. Онъ вызвалъ негодованіе Европы и отнялъ у Бисмарка всякую

надежду на популярность. Лордъ Россель назвалъ его «заслуживающимъ порицанія и недостойнымъ нашего времени». Тогда сложилось невыгодное мнѣніе не только о политической нравственности, но и о способностяхъ Бисмарка.

Но для Бисмарка голштейнскій договоръ былъ только перемиріемъ. Онъ уже рѣшился воевать. Чтобы палата не мѣшала ему, онъ распустилъ ее. А чтобы вызвать сочувствіе «отечества», онъ взялся наканунѣ войны за реформу «союзнаго сейма, на основаніи «вытѣсненія Австріи» изъ Германіи». Говорятъ даже, будто онъ совѣтовалъ Вильгельму провозгласить имперскую конституцію 1849 года. Такъ какъ Бисмаркъ зналъ, что никто не повѣрилъ бы этой конституціи, еслибы она была предложена имъ, то онъ готовъ былъ выдти въ отставку.

Но на этотъ разъ Бисмаркъ ошибся. Никогда еще онъ не былъ такъ непопуляренъ. Всѣ видѣли, какъ ему хочется войны — и протестовали противъ нея. Въ Пруссіи рассчитывали, что даже побѣда была бы гибельна, ибо она утвердила бы бисмаркизмъ. Въ «отечествѣ» сожалѣли, что не удалось покушеніе на жизнь Бисмарка въ маѣ 1866 года. Національное Общество объявило, что нѣмцамъ угрожаетъ «произвольная кабинетная политика». На всемъ югѣ Германіи обнаруживалось негодованіе на Пруссію. Въ газетахъ говорилось, что «господство Пруссіи было бы бѣльшимъ національнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ присоединеніе къ Франціи». Палаты единодушно давали кредитъ правительствамъ на войну съ Бисмаркомъ. Даже великій герцогъ баденскій долженъ былъ заглушить свои родственныя чувства, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія.

Точно также не удалось Бисмарку свалить нравственную отвѣтственность за начало кровопролитія на Габсбурга. Въ іюнѣ 1866 года пруссаки, безъ объявленія войны, выгнали австрійскія войска изъ Голштейна.

Послѣдовала битва при Садовой. Самая непопулярная въ Европѣ личность вышла изъ борьбы увѣнчанною самыми завидными лаврами. Это должно было послужить новою политическою зрѣй въ Европѣ...

Гогенцоллернъ приобрѣлъ около 1000 кв. миль и 4 миліона жителей, и объединилъ сѣверную Германію по-своему. Габсбургъ былъ вытѣсненъ изъ Германіи. Одно только было несогласно съ планами Бисмарка — майнская линія: она была дѣломъ Наполеона III. Южныя государства обязались выставить свои войска, когда потребуетъ Гогенцоллернъ, который будетъ и командовать ими. Остальные фюрсты почти совсѣмъ лишились сво-

ихъ верховныхъ правъ. Изъ нихъ образовался *Сѣверо-германскій Союзъ*. Въ этомъ союзѣ законодательная власть предоставлена союзному совѣту (Bundesrath), состоящему изъ уполномоченныхъ отъ фюрстовъ. Глава совѣта—союзный канцлеръ, назначаемый президентомъ союза. Президентство, т.-е. исполнительная власть, наследственно въ домѣ Гогенцоллерна. Она имѣетъ право совершать экзекуціи, которыя простираются до низверженія фюрстовъ съ престола. Имперскій сеймъ (Reichstag), состоящій изъ депутатовъ, избранныхъ народомъ, надзираетъ за дѣйствіями совѣта и президентства.

Выражаясь словами Бисмарка, это—«сложная и тяжелая машина». Кромѣ того, Германія не достигла полного единства даже на сѣверѣ. Но главное было сдѣлано: остальное составляло лишь вопросъ времени. Бисмаркъ мѣтко сказалъ тогда: «наше дѣло было посадить Германію въ сѣдло, а тамъ ужъ она поѣдетъ». Власть Гогенцоллерна въ сѣверномъ союзѣ была могущественна, вслѣдствіе своей неопредѣленности. Пруссія во всемъ «отечествѣ» владѣла своимъ «инструментомъ побѣды», какъ называлъ король войско. Сверхъ того, Бисмаркъ тотчасъ же взялся за восстановление Таможенного союза, который прекратился на югѣ вслѣдствіе войны.

Въ 1868 году явился новый таможенный уставъ—сколомъ съ конституціи сѣверо-германскаго союза, но обнимающій, какъ сѣверъ, такъ и югъ Германіи. Въ сущности, это было прямымъ нарушеніемъ майнской линіи. Первое же засѣданіе таможеннаго парламента (въ Берлинѣ) отличалось не коммерческимъ, а политическимъ характеромъ. Здѣсь и правительство, и депутаты только и говорили, что объ «единой Германіи». Здѣсь дѣйствовали тѣ же самыя лица и партіи, которыя заправляли имперскимъ сеймомъ. *Національные либералы* требовали «превращенія таможеннаго парламента въ нѣмецкій полный парламентъ». *Партикуляристы* или «южно-германская фракція» стояла за «энергическое охраненіе независимости южныхъ государствъ»—такъ, чтобы «они не опасались поглощенія Пруссіей». Пруссаки и самъ Бисмаркъ говорили съ несвойственной имъ мягкостью. «Второй Бисмаркъ», Ласверъ, возвѣстилъ, что «спокойно будутъ ждать, когда обстоятельства принудятъ южанъ просить сѣверянъ о принятіи ихъ въ союзъ». А на улицахъ Берлина были устроены трогательныя демонстраціи въ честь братьевъ изъ «отечества». Въ то же самое время южныя правительства энергически передѣлывали свою военную организацію на прусскій ладъ.

Впрочемъ, до полного единства было еще далеко. Таможен-

ный парламентъ лучше всего доказалъ это. Въ его первомъ засѣданіи побѣдили партикуляристы, и это подѣйствовало на имперскій сеймъ. Наполеонъ счѣнилъ воспользоваться этимъ. Произошло свиданіе его съ Францемъ-Иосифомъ, въ Зальцбургѣ—и онъ потребовалъ Люксембурга. А иностранныя державы не ополчились за Пруссію...

Положеніе Бисмарка стало затруднительнымъ. И вотъ, въ немъ происходитъ новый переворотъ. Передъ нами другой человѣкъ. Исчезли фамиліиыя черты прусскаго «юнкера». Явился современный государственный мужъ—защитникъ права до педантизма, поборникъ народной воли и мира, человѣкъ умѣренный и почти уступчивый, вѣжливый и почти благодушный. Онъ проситъ у палаты снисхожденія (Indemnität) за произвольное правленіе. Онъ восторгается передъ нею конституціонными принципами и окончательно разрываетъ связи съ юнкерами. Онъ преподаетъ уроки скромности палатѣ, которая превратилась тогда изъ «прогрессивной» въ «національно-либеральную» и хотѣла сразу присоединить къ Пруссіи чуть не всю Германію. Онъ обнаруживаетъ передъ всей Европой трогательную привязанность къ трактатамъ, къ праву и даже къ несчастіямъ фюрстовъ. Онъ отстаиваетъ верховныя права послѣднихъ и указываетъ на майнскую линію, которую онъ обязанъ соблюдать, какъ честный человѣкъ. Мало того. Бисмаркъ прямо говоритъ о правѣ, предшествующемъ насилію ¹⁾. Онъ горячо заступаетъ за демократическія прямыя выборы въ парламентъ и громитъ теорію прусскихъ трехклассныхъ выборовъ, какъ созданіе консерваторовъ. Онъ осмѣиваетъ, какъ радикаль, идею двухъ-палатнаго парламента. Наконецъ, чтобы усыпить Наполеона и приобрѣсти довѣріе Европы, Бисмаркъ дѣлаетъ дипломатическую уступку, связанную съ униженіемъ Пруссіи: онъ срываетъ люксембургскую крѣпость—этотъ важный нѣмецкій оплотъ противъ Франціи, и проповѣдуетъ о мирѣ, наперерывъ съ Вильгельмомъ I и Мольтке... По его словамъ, именно ради сохраненія мира, Пруссія должна была улучшать свою армію и быть первою военною державою въ Европѣ...

Именно тогда рѣшилъ Бисмаркъ борьбу съ Наполеономъ.

¹⁾ 11 марта 1867 г., Бисмаркъ говорилъ, между прочимъ, въ имперскомъ сеймѣ: „Насиліемъ не приобрѣтешь ни фюрстовъ, ни нѣмецкаго народа... Основаніемъ новыхъ отношеній должно быть довѣріе къ соблюденію Пруссіей договоровъ... Мы хотимъ общей жизни, но основанной на правѣ, а не на насиліи“. Klüpfel, Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen. Berlin, 1873. II, 186—187.

У Мольте уже былъ готовъ планъ «оборонительной войны въ формѣ наступательной». Весь смыслъ 1866—1870 годовъ состоитъ во всесторонней военной подготовкѣ Пруссіи.

Война была необходима Бисмарку для объединенія «отечества». На силу національной идеи нельзя было полагаться. Именно, въ 1867—1870 годахъ, партикуляризмъ поднялъ голову на югъ. Онъ проявлялся не только въ органахъ общественнаго мнѣнія, но также въ палатахъ и даже министерствахъ. Для южанъ сѣверо-германскій союзъ сталъ «проклятіемъ, прусскимъ цезаризмомъ, военнымъ опрусеніемъ, податнымъ прессомъ, ложнымъ единствомъ, ведущимъ лишь къ блеску одной династіи». Въ Баваріи клерикалы, въ Виртембергѣ демократы только и говорили, что про «южные соединенные штаты Германіи». Вообще *весной 1870 года національныя стремленія были слабѣе, чѣмъ осенью 1866 года*. И, какъ нарочно, весной 1870 года самъ Бисмаркъ заставилъ имперскій сеймъ отвергнуть просьбу Бадена о принятіи его въ сѣверный союзъ. Националы были поражены этой непослѣдовательностью... Они не знали, что тогда Бисмаркъ уже рѣшилъ, что для Гогенцоллерна выгоднѣе мечомъ присоединить весь югъ, чѣмъ мирно—одинъ Баденъ...

Нужно было только вызвать Францію на объявленіе войны, чтобы поставить ее въ невыгодное положеніе виновницы кровопролитія. Гогенцоллернская кандидатура въ Испаніи произвела дѣйствіе—и Пруссія обнажила мечъ за національную идею, за свободу вездѣ, даже въ самой Франціи, за цивилизацію и за миръ, нарушенный Наполеономъ. Югъ тотчасъ же предложилъ свои войска Бисмарку. Правда, въ Баваріи, въ Виртембергѣ палаты говорили о «прусской фамиліиной политикѣ» и о томъ, что Бисмаркъ вызвалъ войну; но идея «неприкосновенности нѣмецкой земли», и страхъ передъ игольчатымъ ружьемъ рѣшили дѣло въ пользу Гогенцоллерна.

Германскіе результаты французской войны были блистательны. Всѣмъ извѣстно значеніе версальскихъ договоровъ 1870 года. Германія объединилась, ибо уничтоженіе южныхъ титулярныхъ фюрстовъ — не болѣе, какъ вопросъ времени, притомъ не важный. вмѣсто сѣвернаго союза образовался обще-германскій. Роква майнская линія была прервана. Чтобы не оставалось сомнѣнія въ фактическомъ объединеніи Германіи, 1-го января 1871 года Гогенцоллернъ сталъ *нѣмецкимъ императоромъ*. Въ то же время въ Виртембергѣ упорный и даровитый вождь демократовъ, редакторъ популярнаго «*Beobachter*», Карлъ Мейеръ, бросилъ свою газету и удалился съ политическаго поприща.

«Система» Фридриха Великаго была завершена. Начатое имъ зданіе увѣнчалось, спустя четыре поколѣнія. Гогенцоллернъ поглотилъ Германію—и ничего не уступилъ изъ своихъ фамильныхъ преданій.

Новая нѣмецкая имперія подходитъ къ современному типу конституціонной монархіи. Но въ ней есть нѣсколько любопытныхъ и важныхъ особенностей. Прежде всего, это — имперія только по имени, въ сущности же—союзное государство (Bundesstaat). Съ одной стороны, это—собраніе государствъ, что вывало введеніе союзнаго совѣта (Bundesrath), подлѣ нѣмецкаго парламента или имперскаго сейма (Reichstag). Союзный совѣтъ — нигдѣ не существующее учрежденіе, нѣсколько напоминающее старый имперскій сеймъ и своей неповоротливостью, и своимъ феодальнымъ отгвѣномъ. Онъ состоитъ изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ государствъ союза, назначаемыхъ ихъ правительствами. Съ другой стороны, всѣ союзныя государства представляютъ одно цѣлое, по силѣ центральной власти. Эта власть—наслѣдственное достояніе Гогенцоллерна, въ качествѣ «президента совѣта» или нѣмецкаго императора. Она очень обширна, потому что не опредѣлена законами. Императоръ почти полный хозяинъ въ военныхъ и иностранныхъ дѣлахъ. Онъ слѣдитъ за исполненіемъ законовъ и наказываетъ за нарушеніе ихъ. Контроль надъ нимъ принадлежитъ только союзному совѣту, но послѣдній устроенъ такъ, что важнѣйшія дѣла зависятъ въ немъ отъ союзнаго канцлера, назначаемаго императоромъ. Наконецъ, центральная власть безотвѣтственна,—и это составляетъ вторую отличительную черту нѣмецкой имперіи. Имперскихъ министровъ вовсе нѣтъ. Ихъ замѣняетъ союзный канцлеръ, отвѣтственность котораго не опредѣлена въ конституціи. Оттого-то въ самомъ началѣ имперскій сеймъ требовалъ коллегіальнаго отвѣтственнаго министерства, но Бисмаркъ горячо возсталъ противъ этого. И до сихъ поръ высказывается это желаніе, но безуспѣшно. Бисмаркъ создалъ себѣ прочную диктатуру и не намѣренъ разставаться съ нею. Третьимъ отличіемъ имперской конституціи служить полный демократизмъ. Только здѣсь встрѣчаемъ мы соединеніе двухъ его основъ—одно-палатнаго парламента и всеобщей, притомъ прямой и тайной, подачи голосовъ.

Нѣмцы изучаютъ свое «имперское государственное право» свойственнымъ имъ трудолюбіемъ. Уже образовалась цѣлая литература о немъ, и ей не предвидится конца. Вообще оно подвергается сильной критикѣ, и по большей части все съ точки зрѣнія національнаго единства. Образцомъ этой критики, характе-

ризующей современное настроеніе умовъ въ Германіи, можетъ служить недавно вышедшее сочиненіе Нестора нынѣшней нѣмецкой публицистики, Роберта Моля ¹⁾.

Въ глазахъ Моля, имперская конституція — работа поспѣшная и небрежная. Она лишена системы, такъ что трудно уловить ея основы. Въ ней много случайнаго и даже пустыхъ фразъ, а еще больше пробѣловъ, противорѣчій, путаницы между опредѣленіями властей. Любопытно, напримѣръ, что въ конституціи допускаются самыя дивовишныя государственныя формы. Здѣсь и императоръ, и короли, похожіе то на подданныхъ, то на претензатовъ. Здѣсь и отдѣльные государи, и личная унія всѣхъ ихъ съ Гогенцоллерномъ. Есть даже монархи съ однимъ титуломъ безъ власти (Вальдекъ).

Но Моль вездѣ скользятъ по общимъ, научнымъ или нравственнымъ, основаніямъ и упирается въ практическую идею *нѣмецкаго единства*. Онъ даже называетъ науку доктринерствомъ, которое должно преклоняться передъ «великой государственной головой». По его мнѣнію, она должна слѣпо служить національной идеѣ, въ пользу которой онъ объясняетъ всѣ недомолвки конституціи, и нерѣдко съ очевидными натяжками.

Закончимъ взглядомъ Моля на слабыя стороны современной Германіи и на мѣры въ ихъ устраненію.

Конечно, прежде всего Моля возмущаетъ то, что нѣмецкое единство все еще составляетъ вопросъ. «Невольно, — говоритъ онъ, — возникаетъ опасеніе, что явится большое разномысліе при толкованіи конституціи. Въ порядкѣ вещей, чтобы у имперіи было стремленіе возможно больше расширить свои права, а у отдѣльныхъ государствъ — желаніе возможно меньше уступать изъ своихъ верховныхъ правъ. Нечего объяснять, какъ такія распри неприяты, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже опасны, — именно, когда страсти толпы овладѣютъ спорнымъ пунктомъ, когда одни будутъ жаловаться на беззаконное насиліе со стороны имперіи или, какъ обыкновенно говорятъ, Пруссіи, другіе — на не-патріотическое неповиновеніе партикуляристовъ... Неизвѣстно, суждено ли намъ спокойно довершить наше внутреннее дѣло, или же внезапная, внѣшняя или внутренняя, опасность принудитъ насъ собрать всѣ наличныя силы и освободить ихъ отъ формальныхъ узъ». Моль согласенъ, что имперія обладаетъ достаточной силой, чтобы вступить въ открытую борьбу съ партикуляризмомъ. «Но это породило бы много важныхъ, внутреннихъ

¹⁾ *Rob. Mohl, Das deutsche Reichsstaatsrecht. Tübingen. 1873.*

враговъ. Задачи имперіи особенно трудны и обширны. Она должна употреблять свою могучую силу такъ, чтобы избѣгнуть далеко распространеннаго, серьезнаго и заслуженнаго недовольства... Конечно, пока нѣтъ основанія думать, что она не понимает или не выполнить своихъ задачъ. Но опытъ былъ еще очень кратокъ, и еще не доказано, что при личной переменѣ останется необходимое пониманіе и сила. Поэтому невозможно съ извѣстной вѣроятностью предвидѣть будущее, и въ этомъ случаѣ мнѣнія гораздо болѣе расходятся, чѣмъ при сужденіи о настоящемъ. Именно, существуетъ большое разномысліе относительно вопроса—обратится ли имперія въ единое государство, или нѣтъ? Одни желаютъ этого, другіе боятся, третьи (пока это—огромное большинство) не вѣрятъ, да и не желаютъ... На сторонѣ послѣднихъ важныя доводы—историческая привязанность къ особенности, большіе размѣры многихъ среднихъ государствъ, далеко распространенное отвращеніе къ центру, чуждому болѣе части націи, поглощающему всякое постороннее вліяніе, всякій иной бытъ». Мольтке напоминаетъ, какъ наканунѣ войны 1870 года, «просто приходили въ трепетъ при мысли объ отдаленной, непривлекательной и дорогой столицѣ имперіи. Чувствовали, что погибнуть тамъ въ одиночествѣ, безъ всякихъ личныхъ связей. Не вѣрили, чтобы въ сердцѣ вытянутаго въ струнку прусскаго чиновника, привыкшаго лишь къ интересамъ, формамъ и склонностямъ собственнаго отечества, нашелся уголокъ для потребностей и желаній, чуждыхъ ему и, пожалуй, кажущихся мелочными... А образованные люди видѣли во множествѣ столицъ и резиденцій, разбросанныхъ по всей Германіи, средоточія высшей духовной жизни. Они признавали, что здѣсь главная причина, почему у насъ, въ счастливую противоположность съ Франціей, утонченная культура и вкусъ къ ней не ограничиваются одною имперскою столицей, и каждый живой талантъ не стремится туда».

Рядомъ съ партикуляризмомъ стоитъ другой опасный врагъ Германіи—ультрамонтанство или клерикалы. По словамъ Мольтке, «пока эта сторона нѣмецкаго быта вовсе неутѣшительна. Она даже способна отравить пруссакамъ наслажденіе приобрѣтеніями въ имперіи».

Немного менѣе значенія придаетъ Мольтке третьему врагу, о которомъ онъ говоритъ неохотно. Это—демократы-соціалисты. По его мнѣнію, имперская конституція страдаетъ «недостаткомъ умереннаго элемента, демагогическими стремленіями».

Наконецъ, Мольтке не разъ возвращается къ вопросу о національномъ элементѣ и о границахъ, который онъ также причис-

ляеть къ слабымъ сторонамъ Германіи. Его беспокоитъ то, что названіе *нѣмецкая имперія* «не совсѣмъ вѣрно въ этнологическомъ отношеніи». Во-первыхъ, въ ней есть чуждыя населенія. Познань и Восточная и Западная Пруссія, не входившія въ составъ нѣмецкаго союза 1815 года, нынѣ слиты съ имперіей. Это хорошо для Германіи въ томъ смыслѣ, что Пруссія расплылась въ «отечествѣ» и «должна руководиться нѣмецкою, а не прусскою политикою». Но бѣда въ томъ, что эти части бывшей Рѣчи-Посполитой «и понынѣ населены преимущественно поляками. Почти 2¹/₂ милліона чуждаго и непріязненнаго нѣмцамъ племени соединены съ имперіей совсѣмъ противъ ея воли... Въ большой области можно только вынуждать повиновеніе имперіи, но не вызовешь привязанности къ ней». Еще опаснѣе новое приобрѣтеніе—Эльзась и Лотарингія. «Здѣсь еще жива сильная привязанность къ старому и отвращеніе къ прусскому быту и правленію... Меньшая, національно-французская часть во всѣхъ отношеніяхъ нежелательное приобрѣтеніе, и никогда не будетъ оно желательнымъ; но оно было неизбежно. Касательно же нѣмецкаго населенія мы были обмануты нашимъ собственнымъ наивнымъ самовеличаніемъ и незнаніемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Это населеніе вовсе не было склонно къ воссоединенію съ Германіей; или, по крайней мѣрѣ, его не легко было склонить къ этому. Теперь мы знаемъ, что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ будетъ достигнута наша цѣль, и было бы неблаго-разумно закрывать глаза относительно трудностей и даже опасностей переходнаго состоянія»...

Если, съ одной стороны, въ имперіи есть чуждые этнографическіе элементы, то, съ другой, «въ нее не входятъ всѣ нѣмецкія, или же пропитанныя нѣмецкими частицами, провинціи Австріи, а также нѣмецкія прибалтійскія губерніи (Россіи). Слѣдовательно, имперія и не *чисто-нѣмецкое*, и еще менѣе *все-нѣмецкое* государство. Стало быть, не рѣшенъ національный вопросъ, какъ его понимаютъ нынѣ». По мнѣнію Моля, было бы выгодно приобрѣсти австрійскія провинціи съ 10-милліоннымъ населеніемъ. «Тогда только можно бы было говорить съ полнымъ правомъ о *нѣмецкой имперіи* и гордиться ею». Но это — роза съ шипами. «Тутъ выгоды ослабляются честолюбивымъ, продирающимся впередъ славянствомъ и его ядовитой ненавистью къ нѣмцамъ. Если теперь у имперіи достаточно хлопотъ съ польскимъ и французскимъ элементомъ, то прибавить еще борьбу съ чехами было бы ужъ слишвомъ. Къ тому же, было бы большою опасностью для нея значительное усиленіе католицизма». Впрочемъ, со всѣмъ этимъ

можно бы было примириться, если бы присоединеніе Австріи не гревило безконечной европейской войной. «Что же касается русских остзейскихъ провинцій, то серьезному человѣку неловко (unschicklich) даже и мечтать объ ихъ присоединеніи. Сверхъ того, здѣсь масса населенія вовсе не нѣмецкая... Никто не станетъ утверждать, что положеніе Германіи вполне удовлетворительно. Нужно примириться съ отсутствіемъ австрійскихъ и русскихъ нѣмцевъ, какъ съ фактомъ, во всѣхъ отношеніяхъ практически неизбѣжнымъ». Изъ этого неполнаго рѣшенія національнаго вопроса вытекаетъ и незавидное международное положеніе имперіи. «Собіраніе нѣмецкой національности до возможныхъ предѣловъ замѣтно вліяетъ на натянутыя отношенія Германіи къ иностраннымъ державамъ. Со всѣхъ сторонъ ее окружаетъ или враждебность, или крайне сомнительная и лишь внѣшняя дружба».

Вотъ мѣры, которыя предлагаетъ Мольтке противъ исчисленныхъ имъ золъ.

Такъ какъ имперія окружена врагами, то она должна быть поставлена какъ-бы въ осадное положеніе. Власть, сила, охранительныя начала — вотъ что должно быть ея основаніемъ. «Въ новой конституціи все направлено къ обезпеченію силы и единства, а обезпеченіе свободы стоитъ на самомъ заднемъ планѣ. Слышатся жалобы на то, что въ конституціи нѣтъ общихъ правъ гражданъ (Grundrechte)... Но въ этомъ видно только плохое пониманіе положенія дѣлъ... Нынѣ задача состояла въ созданіи единства и связи, а не правъ отдѣльныхъ лицъ. И эта цѣль еще долго будетъ занимать имперскія власти. Когда достигнуть ея, тогда можно будетъ взяться за установленіе свободы, если только это потребуется и насколько будетъ полезно. Нѣтъ ничего нелѣпнѣе, какъ крики: къ единству путемъ свободы! Наоборотъ: только путемъ единства можно достигнуть значительной и здоровой свободы». Подобныхъ мѣстъ много у Моля. Онъ готовъ на все, чтобы расширить власть. Въ этомъ смыслѣ онъ объясняетъ всѣ недомолвки конституціи и учить, какъ обходить или прерратно толковать ея опасныя статьи. Онъ именемъ науки ободряетъ правительство «подавлять принципиальныя противорѣчія съ твердостью и низвергать врага со всей тяжестью власти». Съ этой же точки зрѣнія онъ хвалитъ неопредѣленность имперской власти, которая едва ли не введена умышленно...

Въ томъ же духѣ ставитъ Мольтке и національный вопросъ. «Не можетъ быть и рѣчи, — говоритъ онъ, — о возвращеніи не-нѣмецкихъ частей Германіи. Это — политическая, военная, географическая невозможность. Здѣсь поможетъ только — не будемъ

боятся этого слова — германизація». Объясненіемъ этого слова можетъ служить слѣдующее разсужденіе: «Должна ли имперія стараться примирить съ собой эльзасцевъ и лотарингцевъ уступками и привилегіями, пощадой ихъ образа мыслей, поддержкой ихъ дѣйствительнаго или мнимаго національнаго вопроса? Не задумываясь, отвѣчаемъ: нѣтъ!.. Толпа постепенно подчиняется силѣ и рѣшительности и принимаетъ ихъ, какъ нѣчто законное и непреодолимое: она не признаетъ робкихъ попытокъ... Неуклонно должно быть совершено втягиваніе въ великое цѣлое... Дерзость и неповиновеніе должно подавлять съ полной силой закона и варать немилосердно».

Моль не предлагаетъ мѣръ относительно другой стороны національнаго вопроса. По крайней мѣрѣ трудно вывести что-нибудь изъ подобныхъ фразъ: «имперія всѣмъ страшна и ненавистна, уже по самому своему существованію. При ея нынѣшнемъ могуществѣ, если бы она даже не притянула къ себѣ ни одной нѣмецкой головы, она все-таки должна бы была содержать такую же стражу на своихъ границахъ и быть такъ же готовой къ отпору. Да, это положеніе незавидно, и оно требуетъ великихъ жертвъ; но оно вовсе не даетъ права порицать національное свойство имперіи. Только въ «борьбѣ за существованіе» побѣждаетъ то, что сильнѣе и лучше организовано. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что неизбѣжная задача Германіи—поддерживать свое могущество».

Точка зрѣнія знаменитаго нѣмецкаго публициста ясна. Это—все та же «система», которую стали называть теперь «бисмаркизмомъ». Моль вездѣ преклоняется передъ «великой государственной головой», и даже подчасъ либеральничаетъ тамъ, гдѣ она находитъ это нужнымъ. Она проповѣдуетъ теорію «совершившагося факта», и вся его критика приводитъ къ восхваленію созданія «мудраго канцлера». И нельзя не согласиться съ нимъ, что самыя несовершенства этого созданія именно таковы, что ведутъ къ конечной цѣли. Неопредѣленность законной почвы всегда служить пьедесталомъ для права сильного...

Судя по всему, въ наше время приходятъ къ концу оба процесса, господствовавшіе въ новой исторіи Германіи. Нѣмцы объединились, феодализмъ почти совсѣмъ искорененъ и гогенцоллернская система сохранилась. Для Европы, быть можетъ, второй процессъ важнѣе перваго.

У того же Моля мы встрѣчаемъ два слѣдующія признанія. Содрогаясь передъ истинно-римской беспощадностью имперскаго правительства, онъ говоритъ: «ни императоръ, ни союзный со-

вѣтъ не имѣютъ права освобождать отъ исполненія законовъ. Но неуклонное слѣдованіе общимъ правиламъ во многихъ случаяхъ приводитъ къ нестерпимой и даже непредвидѣнной строгости, особенно въ наказаніяхъ. Такое исполненіе имперскихъ законовъ было бы великимъ зломъ, и не только для непосредственно-затронутыхъ личностей, но для всѣхъ. Имперія представлялась бы всякому грубою, неразумною силой: она совсѣмъ утратила бы уваженіе и симпатичность». Восхваляя имперскую конституцію за крайнюю щедрость въ военномъ дѣлѣ, Мольтке замѣчаетъ: «конечно, весьма печально, что вводится неисчислимый расходъ на деньги и человѣческія силы. При этомъ страдаютъ всѣ цивилизаторскія задачи и учрежденія, какъ косвенно, такъ и непосредственно: на ихъ долю выпадаютъ лишь крохи, падающія отъ стола военнаго управленія. Такое состояніе можно по справедливости назвать полуварварскимъ. Но не Германія виновата въ этомъ»...

А. ТРАЧЕВСКІЙ.

ГРИБОЋДОВСКАЯ МОСКВА

ВЪ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

Окончаніе *).

1817-й и 1818-й годы.

Послѣдніе два года переписки М. А. Волковой съ В. И. Ланской носятъ на себѣ до такой степени частный и интимный характеръ, что мы присоединяемъ ихъ къ предыдущимъ годамъ въ самомъ небольшомъ извлеченіи, ради полноты изданія. Впрочемъ, извлеченное нами не лишено общественнаго интереса, и для характеристики Москвы того времени найдется въ этихъ послѣднихъ письмахъ М. А. Волковой не одна любопытная черта. Безъ сомнѣнія, болѣзненность автора, его внутренней романъ съ печальнымъ финаломъ, — все это имѣло вліяніе на ослабленіе общественнаго интереса переписки послѣднихъ годовъ; даже самое переселеніе двора въ Москву на 1817 и 1818 гг. мало оживило содержаніе переписки, и только по временамъ, какъ-бы нехотя, въ авторѣ воскресаетъ прежняя его наблюдательность, и въ письмахъ появляются снова черты, которыя можно назвать иногда драгоцѣнными для

*) См. выше: мартъ, 230 стр.

исторіи культуры, вѣ ея официальной стероны. — Читая эти письма, нельзя не вспомнить воздыханій Фамусова о великолѣніи и блескѣ Екатерининскаго двора:

Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!

Изъ писемъ М. А. Волковой видно, что у Грибовдова помѣщена чисто историческая черта, и Фамусовъ только вслухъ сказалъ, что думала про себя Москва, увидѣвъ въ своей средѣ дворъ въ полномъ его составѣ: москвичи были не совсѣмъ пріятно поражены простотою обстановки фамильной жизни двора, и вознаграждали себя только тѣмъ, что сами разорялись въ пухъ и въ прахъ на балы въ честь высокихъ гостей, негодую при этомъ на скарденность петербуржцевъ, которая выразилась дѣйствительно въ предосудительной формѣ: составлявшіе свиту потребовали себѣ отъ обывателей даже даровыхъ квартиръ, на основаніи постоянной повинности. Всѣ такія черты и многія другія занесены авторомъ въ письма къ пріятельницѣ, но онѣ совершенно потонули бы въ массѣ извѣстій личнаго и минутнаго интереса, если бы оставить эту часть переписки безъ соответственнаго ея характеру сокращенія. — *Ред.*

Москва, 8-го января 1817 г. — Съ Шаховскими я видѣлась наканунѣ новаго года, мы вмѣстѣ были на балѣ у кн. Андрея Гагарина. Я уѣхала раньше, а эти дамы остались до 6-ти часовъ утра, вслѣдствіе чего матушка ихъ захворала. Скажи мнѣ пожалуйста, ворчишь ли ты на Полину, также какъ на меня, за ея отвращеніе къ замужеству? Она больше моего ненавидитъ замужство: не только сама не хочетъ выходить замужъ, но желаетъ, чтобъ всѣ особы, которыхъ она любитъ, оставались въ дѣвахъ. Поздравляя меня съ новымъ годомъ, она пожелала мнѣ всякаго благополучія и, между прочимъ, чтобъ я никогда не вышла замужъ. Что ты на это скажешь? Я сама не желаю выдти замужъ, но другимъ не мѣшаю выходить. Тебя позабавило, какъ я росписала жену кн. Сергѣя; вотъ тебѣ еще новость: въ среду она явилась въ собраніе въ сарафанѣ и ковшникѣ, поверхъ котораго надѣла лавровый вѣнокъ. Она одна изволила такъ нарядиться на костюмированный балъ, гдѣ всѣ были въ обыкновенныхъ балныхъ платьяхъ. Не могу судить объ ея краснорѣчій, потому что до слуха моего долетали лишь отрывочныя фразы, но могу сказать положительно, что у нея пренепріятный брѣганъ: она говоритъ какъ изъ-подъ маски.

21-го января. — Мужъ твой исправно передалъ мнѣ твое письмо и отвѣчалъ извѣстно на всѣ мои вопросы о тебѣ, милый другъ. Сегодня вечеромъ мы увидимся съ нимъ на балѣ у Андрея Гагарина.

Теперь признаюсь тебѣ, что вчера я и твой саго спроso посмѣялись надъ тобой. До меня дошла вѣсть, что ты взяла подъ свое покровительство «Валерію»; не удивляюсь, я очень хорошо помню, какое впечатлѣніе произвело на тебя чтеніе «Амалии Мансфильдъ».

Итакъ, вы изволите оказывать свое покровительство самой глупенькой и безтолковой особѣ, между тѣмъ какъ Густавъ, чисто помѣшанный господинъ, котораго всѣ поступки безсмысленны, идетъ купаться въ холодную ночь и до того простужается, что схватываетъ чахотку и отправляется на тотъ свѣтъ. Вотъ какъ я разбираю эту трогательную исторію, которую многіе оплакиваютъ. Мы не мало спорили по поводу этого романа нынѣшней осенью. Вяземскій меня выводилъ изъ терпѣнія, Ипполитъ бѣсился, но молчалъ, а Матѣе раздѣлялъ мое мнѣніе. Наконецъ, всѣ споры кончились между нами. Ипполитъ отправляется въ Петербургъ, и находитъ то же разногласіе между тобой и г-жой Виллеро. Вчера опять заговорили объ этомъ романѣ. Супругъ твой былъ въ восторгѣ, узнавъ, что я раздѣляю его взглядъ на эту исторію. Ипполитъ не осмѣлился идти противъ насъ двоихъ; ты слишкомъ далеко, чтобъ защищаться, итакъ, дѣло твое проиграно. Рѣшено, что Валерія самая глупая изъ дурочекъ; это можно видѣть съ перваго взгляда, не разбирая романа по восточкамъ. Что же касается до героя, — это личность неестественная; у тѣхъ изъ его собратій, которые имъ восхищаются, что ни день, то новая фантазія, а я нахожу, что въ его поступкахъ такъ мало смысла, что онъ вовсе не заслуживаетъ ни малѣйшаго сочувствія. Въ особенности я не могу ему простить этой глупой выходки на улицѣ, когда онъ, поймавъ Біанку, набросилъ ей на голову голубую шаль и удалился, прищуривъ глаза и смотря сквозъ пальцы, стараясь увѣрить себя, что она похожа на Валерію. Я постичь не могу, какъ тебѣ, особѣ разсудительной, можетъ нравиться такая бессмыслица. Впрочемъ, я давно замѣчаю, что людямъ холоднымъ, неспособнымъ увлекаться, въ особенности нравятся такого рода романы. Вотъ тебѣ доказательства: я не встрѣчала человѣка болѣе холоднаго и непостояннаго, чѣмъ Вяземскій, однако онъ въ восторгѣ отъ Густава. Прощай, моя дорогая.

29-го января. — Кончится тѣмъ, что я попрошу твоего супруга отправиться во-своаи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, ты не пишешь мнѣ ни строки, а посылаешь дѣлныя тетради своему саго sproso. Онъ объявилъ мнѣ, что уѣзжаетъ послѣ-завтра, и потому въ воскресенье я буду ждать отъ тебя посланія. Не знаю, муженѣкъ твой отдаетъ ли тебѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, которые далеко не похвальны. Представь, онъ разоряетъ вдовъ и обираетъ молодежь. Третьяго дня онъ у насъ обѣдалъ. Ипполитъ, шутки ради, чтобъ занять матушку, сталъ метать банкъ на 50 рублей. Мужъ твой подошелъ къ столу, поставилъ 25 руб. на карту и въ два приема сорвалъ банкъ у несчастнаго Ипполита; потомъ самъ сталъ метать банкъ на выигранныя деньги, матушка начала понтировать, Ипполитъ горячился, стараясь вернуть свои 50 руб. Наконецъ, черезъ часъ игра прекратилась, потому что мужъ твой выигралъ 280 рублей, и съ нимъ не желали продолжать игры, боясь потерять больше той суммы, которую въ состояніи заплатить. Я хотѣла воспользоваться случаемъ, чтобъ уронить супруга твоего въ общественномъ мнѣніи, однако это мнѣ не удалось; онъ самъ рассказалъ о своемъ подвигѣ Тормазову, который началъ подтрунивать надъ мамѣ и Ипполитомъ, мнѣ не пришлось вставить свое словцо; когда люди располагаютъ власти въ свою пользу, имъ нечего бояться недоброжелателей.

5-го марта. — Какъ я досаую, дружокъ, на несносную особу, помѣшавшую тебѣ докончить письмо. Ты была расположена болтать, что съ тобой рѣдко случается. Ты навѣрно забудешь, что хотѣла мнѣ передать, а возвращеніе мужа окончательно разсѣетъ твои мысли. Смиряюсь, что же дѣлать: съ тѣхъ поръ, какъ живу я на свѣтѣ, мнѣ постоянно приходится подчиняться обстоятельствамъ. Радуюсь, что вѣрно описала тебѣ Ланжерона. Въ настоящее время здѣсь находится еще одинъ французъ, который собирается ѣхать въ Петербургъ, чтобъ выхлопотать себѣ мѣсто въ Москвѣ. Это нѣкто Сень-При, младшій братъ нашего добраго Эмиануила. Конечно, онъ не стоить покойнаго брата, но все-таки онъ лучше Ланжерона, который умѣетъ лишь усыплять своихъ собесѣдниковъ. Жени его пожалуйста. Теперъ самая выгодная пора для вдовцовъ и молодыхъ людей его лѣтъ. У насъ двое его сверстниковъ женятся. Князь Долгорукій, нашъ губернаторъ, обручился съ дѣвицей Текутьевой; впрочемъ, еще не извѣстно, женится ли онъ: уже нѣсколько разъ онъ обручался, а потомъ свадьба разстроивалась. Нѣкто Каверинъ, сенаторъ, гу-

бернаторъ, отецъ и дѣдъ множества внучать тоже собрался жениться, отыскавъ себѣ невѣсту въ калужской губерніи, старую, некрасивую дѣву, но у которой 4,000 душъ, что очень встаетъ Каверину, не имѣющему ни гроша. Онъ давно былъ бы въ богачѣ, еслибъ ему не помогали зять его Малышевъ. По-моему, обѣ эти женитьбы предсказываютъ успѣхъ Ланжерону. Посовѣтуй ему поискать невѣсты въ провинціи, тамъ скорѣе оцѣнить его орденъ.

Погода чудесная, я гуляю и пью разныя травы, которыми угощаетъ меня Скюдери. Сижу или дома, или у Пушкинныхъ, такъ вѣрно и проведу весь постъ.

12-го марта.—Смѣйся сколько тебѣ угодно надъ моимъ желаніемъ бѣжать изъ Москвы, дружожъ, но сперва выслушай хорошенъко, какія я имѣю причины на то, чтобъ помышлять о бѣгствѣ. Еслибъ Ихъ Величества прибыли съ маленькой свитой, и то было бы много шуму, волненій, но недѣли черезъ три всѣ бы успокоились. Представь, какая будетъ возня, если половина вашихъ гордецовъ свалится намъ какъ снѣгъ на голову. Начнутся сплетни да пересуды: если кто-нибудь изъ здѣшнихъ удостоится отличія, не будетъ ему пощады отъ злыхъ язвовой; а наши, въ свою очередь, молчать не стануть. Какова же будетъ тоска людямъ, которые, какъ я, напр., не добиваются милостей и не лнуть ко двору? Я вовсе не шучу; повѣрь, мнѣ бы хотѣлось нигдѣ не показываться, сказаться больной и видѣться только съ нѣсколькими избранными лицами. Но, по милости шифра, мнѣ придется возиться съ разными фигурами, скучать, дѣлать лишнія издержки, словомъ — перспектива у меня крайне печальная.

Не удивляюсь, что жена кн. Сергѣя расхваливаетъ Вяземскихъ; она часто ихъ посѣщала въ бытность свою въ Москвѣ. Четвертинскихъ, кажется, она вовсе не видала, потому что они недавно вернулись изъ деревни. Вѣроятно, Булгаковы тоже удостоились ея похвалы, она съ ними любезничала. Теперь всѣмъ извѣстно, зачѣмъ она пріѣзжала въ Москву. Ей хотѣлось сблизиться съ мужемъ, она пускалась на разныя хитрости, однако не достигла своей цѣли, бывшей долго тайною для всѣхъ. Но ничего нѣтъ тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ; всѣ узнали ея секретъ и провѣдали, что князь не хотѣлъ съ ней помириться. Князь славный человекъ, онъ желалъ дружно жить съ женой, но ея поведеніе заставило и его сбиться съ пути. У него есть связь, дѣти: ихъ ради онъ не рѣшился сойтись съ женой.

Какъ охотницѣ до свадебъ, я сообщу тебѣ, что у насъ при-
строиваютъ не только своихъ дѣвицъ, но и тѣхъ, которыми вы
насъ снабжаете. Нынѣшней зимой вы намъ прислали цѣлый
полкъ дѣвицъ Неклюдовыхъ; онѣ всѣ некрасивы; одна получше,
эта-то и выходитъ замужъ за генерала Шеншина. Женихъ не
выше моего столика, но отличается храбростію и сдѣлалъ много
подвиговъ во время послѣдней войны. По-моему, нѣтъ надобно-
сти, чтобъ мужъ обладалъ храбростію, но если онъ отличается
и другими качествами, то куда нѣ шло, почему же не сдѣ-
латься женой маленькаго героя. Словомъ, по моимъ понятіямъ
о свѣтскихъ условіяхъ—они другъ друга стоютъ.

26-го марта. — Благодарю за поздравленіе и подарки, ми-
лый другъ. Вчера я простудилась въ церевѣ, у меня насморекъ,
я охрипла и вовсе не похожа на имянинницу, однако нынче
вечеромъ придется принимать множество гостей. На второй день
пасхи и рождества всѣ знакомые точно долгомъ считаютъ яв-
ляться къ намъ ужинать; къ тому же всѣмъ извѣстно, что сего-
дня мои именины. Нынче будутъ къ намъ и Шаховскіе, я еще
съ ними не видалась. Когда матушка къ нимъ ѣздила, я лежала
въ постели съ сильной головной болью.

Напрасно не вѣришь ты, что жена кн. Сергѣя старалась съ
нимъ помириться; это вовсе не сплетня. Она очень ловко взя-
лась за дѣло, приплела и священниковъ, и монаховъ, и говѣла
здѣсь, и захотѣла исповѣдываться у мужаина духовника. Ко-
нечно, неизвѣстно, въ чемъ она ему каялась, но знаютъ, что она
поручала ему переговорить съ княземъ. Всѣ эти подробности
слышала я отъ одной особы, которая очень дружна съ Голицы-
ными. Понятно, зачѣмъ она ищетъ помириться съ супругомъ; ты
забываешь, что у князя Сергѣя умерла мать и оставила ему три-
ста тысячъ годового дохода, а княгиня вѣдь любитъ пощеголять,
выказаться. Ей сорокъ лѣтъ, а въ эти годы, увѣ! красота исче-
заетъ! Я знаю, что она совѣтовала г-жѣ де-Бальменъ снова выдти
замужъ, говоря, что для женщины тяжело одиночество; ставила
себя въ примѣръ и повторяла, что дорого бы дала, чтобъ выдти
изъ положенія, въ которое сама себя поставила, и потому ей
жаловаться не на кого. Она такъ искренно, съ такою кротостію
вела рѣчь объ этомъ положеніи, что совершенно очаровала и
попа, и монаха, съ которыми бесѣдовала; а они, будучи со мно-
гими знакомы, всѣмъ ее расхваливаютъ, между прочимъ и Пуш-
кинымъ. Ловкая особа, эта княгиня: она кому захочетъ, тому и
понравится.

7-ю июля.—Знаете ли вы, моя милая сударыня, что я дѣлхъ пять лѣтъ не получала отъ васъ такого длиннаго и любезнаго письма.

Вижу, что слѣдуетъ задѣть твое самолюбіе, тогда ты разговоришься. Изъ восьми страницъ твоего письма четыре наполнены оправданіями; ты увѣраешь, что тебя обвиняютъ несправедливо, что вовсе ты не балуешь сына. Какъ бы то ни было, а я надѣюсь, что неравенство въ обращеніи съ дѣтьми у тебя не такъ замѣтно, какъ у брата моего. Впрочемъ, теперь онъ становится нѣсколько справедливѣе: лаская Лизу, онъ считаетъ долгомъ приласкать и Аббата; ребенокъ, конечно, не понимаетъ, кому отдають предпочтеніе.

Я съ тобой согласна: очень жаль, когда въ семьѣ бываетъ нѣсколько дочерей непристроенныхъ; «черному» генералу слѣдовало жениться на одной изъ Шаховскихъ. Что касается до выгоды имѣть зятьевъ въ случаѣ смерти главы семейства, скажу тебѣ, что отъ нихъ рѣдко бываетъ толкъ, обыкновенно они между собой не ладятъ. Во всемъ есть хорошая и дурная сторона. Жизнь безъ горя и заботъ—химера. Только въ юношескіе годы мечтають о полнѣйшемъ счастіи. Обрекая себя на одиночество, конечно, рискуешь подвергнуться горестямъ, свойственнымъ такому положенію. Но вѣдь и въ замужней жизни есть свои печали; только проживъ счастливо нѣсколько лѣтъ, можешь отвѣчать за будущее. Когда страстно любишь, не думаешь о томъ, что ждетъ тебя впереди; но когда смотришь на замужество хладнокровно, то ясно видишь, что бросаешься въ огонь и быть можетъ сгоришь, вѣдь многіе подверглись такой участи. Я твердо убѣждена, что нѣтъ полнаго счастья на землѣ, и не ищю его. Положенія бываютъ одно лучше, другое поуже—вотъ и все, не сидитъ объ этомъ и думать. Я встрѣчала людей, которые, по видимому, блаженствовали, а между тѣмъ въ семейной жизни они страдали больше тѣхъ, которые имъ завидовали и въ свою очередь неправильно слыли баловнями судьбы. Въ жизни нашей бываютъ проблески счастья безграничнаго, но такое блаженство непродолжительно; тяжело бываетъ съ нимъ разставаться, а разлука неизбежна! Сколько горькихъ сожалѣній оставляють по себѣ эти минуты; надо быть безумцемъ, чтобъ о нихъ мечтать! У меня правило: ничего не жалѣть, брать вещи такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ; не пренебрегать тѣмъ, что легко дается, и не преслѣдовать того, что виднѣется въ туманной дали; иногда вѣсто хорошаго поймашь такую дрянъ! Не горевать о томъ, что мы обыкновенно принимаемъ за горе, помнить, что все, какъ хоро-

пнее, такъ и дурное быстро проходить и со всѣмъ слѣдуетъ мириться. Мы должны убѣдиться, что все, случающееся помимо нашей воли, ведетъ къ лучшему; намъ слѣдуетъ хорошенько проининуться этой мыслию. Воображеніе—врагъ человѣка, оно совершенно губить способности, данныя ему для того, чтобы видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ.

Очень тебѣ благодарна за описаніе религиозныхъ обрядовъ, предшествовавшихъ бракосочетанію в. кн. Николая Павловича. Теперь буду ждать разсказа о великолѣпныхъ празднествахъ, которыя послѣдуютъ за бракосочетаніемъ. Нынѣшней зимой моя будетъ очередь сообщать тебѣ свѣдѣнія о Москвѣ. Я мучаюсь, потому что не вѣдаю, какой образъ жизни буду вести нынѣшней зимой. Воображаю, какъ бы я тревожилась, еслибъ пришлось мнѣ выходить замужъ, то-есть начинать новую жизнь и не вѣдать, что ожидаетъ меня въ будущемъ.

14-ю іюля. — Благодарю тебя за готовность исполнять мои порученія, милый другъ. Пока мнѣ не о чемъ просить тебя. Заботили меня сарафаны, я понятія не имѣю объ этихъ костюмахъ, но Пушкины научили меня какъ ихъ сдѣлать, я передала ихъ наставленія Мари Сумароковой; къ концу мѣсяца она мнѣ вышлетъ два сарафана. Изъ щегольства не бьюсь и не желаю, чтобы туалетъ мой бросался въ глаза своимъ великолѣпіемъ, равно и безобразіемъ. Никогда не любила нарядовъ, мало въ нихъ знаю толку, потому слушаюсь совѣта добрыхъ людей. Мнѣ до смерти надобли эти приготовленія! Другихъ туалетныхъ принадлежностей не спѣшу покупать; навѣрное зимой купцы наши навезутъ всякихъ товаровъ, рассчитывая на большой спросъ. Хорошіе цвѣты всегда можно было достать въ Москвѣ. Впрочемъ, если найдешь букетъ изъ розъ да другой изъ амарантовъ, купи ихъ для меня; но я не могу дать дороже 25 р. за каждый букетъ. У Даманси я купила большой и прелестный букетъ изъ французскихъ цвѣтовъ за 25 р., и проносила его двѣ зимы.

Мишель поступилъ въ гражданскую службу, онъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ; но ему дозволено остаться въ Москвѣ еще на нѣкоторое время. Зимой ему минетъ 18 лѣтъ, тогда окончателно изберутъ ему карьеру.

Скоро пріѣдетъ Матвѣй Вильгорскій; ему очень хотѣлось провести недѣли двѣ въ своемъ любимомъ Высокѣ, но дѣла не позволяютъ ему выѣхать ранѣе половины августа. Только старшая племянница гр. Разумовской получила шифръ; графиня воспользуется этимъ случаемъ, чтобы остаться въ Москвѣ, а потомъ

увѣрить мужа, что изъ благодарности за высочайшую милость необходимо дать праздникъ въ честь двора. Приѣмныя нужно будетъ меблировать, на это уйдетъ тысячь сто; графиня будетъ утверждать, что это все дѣлается изъ благодарности, изъ самаго благороднаго, самаго похвальнаго чувства. Кромѣ того, понадобятся туалеты, да чего будутъ стоить праздники въ Москвѣ и въ Петровскомъ! Словомъ, къ концу зимы у гр. Льва прибавится тысячь чотыреста долгу; не легко ему будетъ уплатить такую сумму. Вотъ что я предвижу; не мало удивить меня, если дѣла у нихъ пойдутъ иначе.

Очень рада, что дочь князя «съ глазами на выкатѣ» получила шифръ. Это хотя на минуту развлечетъ ее и бѣдную мать. Въ 18 лѣтъ все такъ занимаетъ. Шифромъ она обязана Уварову; вотъ другъ, какихъ мало въ нашъ вѣкъ. Щербатовъ тоже могъ похвастаться своей дружбой. Эти люди истинно были дружны. Они готовы были оказать другъ другу всевозможныя услуги; каждый не прочь былъ всѣмъ пожертвовать для другого. Я убѣждена была, что Уваровъ станетъ всячески хлопотать о семьѣ Щербатова, и именно думала, что онъ навѣрно постарается доставить шифръ Софи, по случаю бракосочетанія великаго князя. Когда Щербатовой придется помѣщать сыновей, Уваровъ ей поможетъ.

Касательно г-на де-Полиньяка скажу тебѣ, что мнѣ пришлось услышать изъ вѣрнаго источника странныя вещи объ его женитбѣ. Счастье мое, что избѣгла я участи быть его женой. Онъ отличается вѣтренностью, а это свойство далеко не привлекательно въ супругѣ. Какимъ показался онъ тебѣ, какъ мужъ и отецъ? Повѣрь, что я искренно желаю ему всякаго благополучія. При его легкомысліи и моемъ строгомъ взглядѣ на нѣкоторыя вещи мы не могли бы быть счастливы въ супружествѣ.

28-го июля.—Слышала я о несчастіи, случившемся съ прусскимъ принцемъ. Удивляюсь, какъ это въ вашей просвѣщенной столицѣ прибѣгаютъ къ операціи въ сомнительномъ случаѣ; мы хоть и варвары, а безъ толеу не мучимъ людей такъ жестоко, какъ вы тиранили бѣднаго потомка Фридриха Великаго! Двое изъ лакеевъ моей тетки, Пушкиной, постомъ укушены были дѣйствительно бѣшеной собакой, ихъ не изувѣчивали, а вылечили травой, которую отыскали въ тульской губерніи; она растетъ вездѣ въ болотистыхъ мѣстахъ, и здѣсь попадаетъ. Въ Москвѣ продаютъ печатныя брошюрки, на оберткѣ нарисовано это растеніе; въ книжечкѣ говорится объ его цѣлебныхъ свойствахъ и сю-

собѣ употребленія. Оно уничтожаетъ ядъ, который остается послѣ укушенія бѣшенымъ животнымъ. Вотъ видишь ли, какъ мы васъ опередили.

Праздниковъ, повидимому, было немного. Въ Петергофѣ вѣдъ каждый годъ дается праздникъ, его нечего считать. Говорили, будто такъ великолѣпно отпразднуютъ бракосочетаніе великаго князя, какъ еще никогда не праздновали на Руси. Мы веселимся по-своему въ здѣшней сторонѣ. Вчера провели весь день у Соймоновыхъ и полюбовались на иллюминацію и фейерверкъ, вечеръ былъ чудесный. Нынче ѣдемъ къ сосѣду, кн. Долгорукову, онъ празднуетъ свое рожденіе. Окончивъ письмо, займусь туалетомъ, чтобъ не ударить въ грязь лицомъ передъ здѣшними красавицами и красавцами; число ихъ значительно увеличилось въ нынѣшнемъ году. Всю эту недѣлю мы были въ обществѣ. Часто видаемъ Соймоновыхъ. Ипполитъ провелъ здѣсь три дня. Давно установилась прекрасная погода, фруктовъ бездна. Вишень не знаемъ куда дѣвать. Онѣ величиною равняются маленькимъ яблочкамъ.

Не возьмешься ли ты отдать вышить мнѣ платье серебромъ, я пришлю тебѣ узоры. У вашихъ швей вѣрно много свободнаго времени, а наши положительно завалены работой.

31-го июля.—Совершенно случайно узнала, что въ Клину и въ Воскресенскѣ будутъ стоять войска, недавно вернувшіяся изъ Франціи. Это мнѣ вовсе не по вкусу. Судьба насъ разлучила съ Полиньякомъ, когда я желала, чтобы онъ находился по близости отъ насъ; а теперь, напротивъ, мнѣ хотѣлось бы жить отъ него за тридевять земель, а случай приведетъ его въ наши края. Мертваго, нашъ сосѣдъ по имѣнію, говорилъ намъ, что родственникъ его, Полтарацкій, командующій частію войскъ, о которыхъ идетъ рѣчь, пишетъ ему, что онъ съ своей бригадой расположится въ Клину, Воскресенскѣ и сосѣднихъ деревняхъ, и потому тотчасъ послѣ маневровъ прійдетъ къ нему въ Клинь. Мы отъ Воскресенска въ двадцати верстахъ, и наша деревня находится въ числѣ тѣхъ селеній, въ которыхъ галло-русскія войска должны расположиться на постой. Мы рано вернемся въ городъ; но вѣдъ господа военные навѣрное часто будутъ навѣщать Москву, и мнѣ не избѣжать встрѣчи съ человѣкомъ, котораго я вовсе не желаю видѣть. Странная судьба, не правда ли? Быть можетъ, увидавъ его, я почувствую, что въ нему я также равнодушна, какъ и къ витайскому богдыхану. Однако, вспоминая о свиданіи съ г-жой Виллеро, я невольно страшусь встрѣчи съ Полиньякомъ.

Какую-то скорчу я гримасу? Если онъ не совсѣмъ безсовѣстный человѣкъ, то вѣрно не желаетъ со мной встрѣтиться.

Меня зовутъ въ гостиную. Прощай.

18-го августа.—На почтѣ ужасный беспорядокъ. Какъ вернуться въ Москву, сейчасъ же обращусь къ Булгакову и пожалуюсь на неаккуратность его чиновниковъ. Меня заставляютъ долго ждать твоихъ писемъ, потомъ разомъ приносить нѣсколько пакетовъ.

Нынче, вѣроятно, послѣдній разъ пишу изъ Высогого. Сердце кровью обливается при этой мысли. Погода чудесная, деревня прелестна, и вдругъ—изволь ѣхать глотать московскую пыль.

Весь сентябрь буду возиться съ купцами, да съ рабочимъ народомъ. Въ октябрѣ увижусь съ нѣсколькими хорошими знакомыми, которые, ради приѣзда двора, заглянуть въ Москву. Вышиваю серебромъ въ этотъ жаръ: могу сказать, что тружусь въ потѣ лица. Мѣсяць не было дождя, гулять только и можно при лунномъ свѣтѣ. Мы просто погибаемъ отъ жару. Нѣсколько мельницъ остановились отъ недостатка воды. Вся зелень высохла, листья желтѣютъ, какъ осенью. Мы живемъ точно въ Калабріи или въ Сициліи. Шпанскихъ вишенъ пропасть, ихъ множество увезли за-границу; здѣсь мы ихъ ѣдимъ, варимъ, маринуемъ, и все-таки не знаемъ, куда ихъ подѣвать.

Письмо мое вышло пребезтолковое, сейчасъ его пробѣжала. Пеняй не на меня, а на тѣхъ господъ, которые у меня надухомъ кричатъ и спорятъ о политикѣ. Надо дивиться, что Наполеонъ не очутился у меня посреди вишенъ. Я рано встаю, совсѣмъ было задремала. Прости, моя дорогая.

26-го августа.—Не хочу пропустить удобнаго случая и скажу тебѣ нѣсколько словъ. Если я, бѣгая по лавкамъ, не отыщу себѣ вышитаго платья, то попрошу тебя заказать мнѣ вышивку въ Петербургѣ. Тутолмина выписала себѣ великолѣпное платье изъ Парижа, оно ей стоитъ 150 руб.

Знаю, что половина вашихъ модницъ приѣздитъ въ Москву, почему же такъ горюютъ тѣ, кто дома останется? вѣдь ѣдутъ-то въ Москву. Вотъ оно что, государю извѣстенъ секретъ, какъ заставить людей тосковать о глупой и несносной Москвѣ.

Апперонскій полкъ навѣрное будетъ стоять въ Клину. Вѣроятно, командира этого противнаго полка мнѣ придется встрѣтить въ Москвѣ. Это меня сердить.

Передай пожалуйста письмо Мишелю Вильгорскому. Тебя обнимаю, а мужа привѣтствую. Завтра буду въ Москвѣ.

Москва, 30-го августа.—Спасибо, что успокоила меня насчетъ неприятной встрѣчи. Значить, эту зиму ея нечего бояться. Жаль, что г-жа Виллеро не нашла перемѣны къ лучшему въ характерѣ Полиньяка. Для жены его это не утѣшительно.

Вотъ слухъ достовѣрный: рассказываютъ, что ваши богачи, генераль-адъютанты Шереметевъ, Потоцкій и другіе, просили у государя даровыхъ квартиръ. Государь велѣлъ помѣстить ихъ около Кремля. Вотъ и накинудись на лучшіе дома вблизи дворца, и отбиваютъ ихъ у домовладѣльцевъ, на правахъ постоя,—отъ котораго они освобождены сто лѣтъ тому назадъ. Хозяева не смѣютъ унести изъ дома ни одного стула, пустые дома они обязаны меблировать на свой счетъ. Вспомни, что все это творится въ городѣ, который сожженъ былъ для общаго блага, здѣсь всякій употребилъ послѣднія деньги, чтобы отстроить развалины. Хорошо отличается вашъ beau monde. Щербатовъ на собственные деньги нанялъ домъ у брата своего, Николая, да Трубецкой условился съ своимъ давнишнимъ пріятелемъ Мальцовымъ, и будетъ занимать 3-й этажъ у него въ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Эти господа не изъ богатыхъ, а самыя-то богачи просятъ даровыхъ помѣщеній. Не могу тебѣ передать, до чего всѣхъ возмутила подобная несправедливость. Чтобы заставить людей умолкнуть, рѣшено наложить на всѣ дома въ городѣ по 100 и по 200 р., и такимъ образомъ собрать сумму, которая пойдетъ на наемъ квартиръ для вашихъ господъ. Такимъ образомъ, убытокъ будетъ равенъ для всѣхъ. Я увѣрена, что государю неизвѣстны всѣ подробности, навѣрное эти господа замаскировали свою скарденность. Недѣли черезъ двѣ явится гвардія. Къ концу сентября городъ будетъ полнѣхонекъ.

6-го сентября.—Не знаю, какъ мнѣ и благодарить тебя за быстрое и аккуратное исполненіе моихъ порученій. Наконецъ-то дождались мы утѣшительныхъ извѣстій отъ нашихъ. Въ воскресенье, навѣрное, будетъ письмо отъ Катеньки; она дастъ намъ важныя свѣдѣнія о нашихъ больныхъ.

Какая прекрасная мысль пришла г. де-Полиньяку, радуюсь его возвращенію во Францію. Надѣюсь, что въ этой странѣ его ожидаютъ всевозможныя благополучія; вѣдь это его родина. Скажи пожалуйста, кто такая его дражайшая половина? Я слышала, что онъ женатъ, но не могла узнать, на комъ. Мадемуазель Рах-

мановой изъ Парижа писали, что Полиньякъ женился и черезъ недѣлю рассказывался, что сдѣлалъ подобную глупость; кто его жена—не говорятъ. Рассказывали, что семьѣ своей онъ ее рекомендовалъ, какъ особу хорошенькую—вотъ и все, имени ея не называлъ. Хорошее или плохое, да вѣдь есть же у нея имя! Теперь, зная, что мнѣ не угрожаетъ встрѣча съ г. де-Полиньякомъ, я позволяю себѣ о немъ разспрашивать.

10-го сентября.—Пріѣхавъ въ Москву, я тотчасъ увидала, что не стоить заказывать вышивку въ Петербургѣ. Здѣсь во всѣхъ магазинахъ, даже въ самыхъ маленькихъ, множество вышитыхъ платьевъ, одно другого красивѣе. Самое великолѣпное стоить 350 руб. Какъ видишь, здѣсь онѣ дешевле, чѣмъ у васъ. Одинъ изъ лавеевъ гр. Кутайсовой навезъ изъ Парижа вышитыхъ платьевъ на 18 тысячъ руб. и распродалъ ихъ въ магазины, потому что въ срединѣ лѣта въ городѣ никого не было. Цѣнты я тоже достала, большой бубель за 20, а маленький за 10 руб. Мы платимъ наличными деньгами, не такъ какъ ваши щеголихи, потому и купцы лишняго не берутъ. Пока мнѣ нѣтъ причины тебя беспокоить, за то я буду утруждать твоего мужа. Намъ нужны венкеты для новаго дома; не имѣя никого близкихъ въ Петербургѣ, я рѣшилась обратиться съ порученіемъ въ твоему мужу, вѣрно онъ не откажется его исполнить.

Нѣтъ сомнѣнія, что Вяземскій могъ занять постъ гораздо важнѣе, но такъ какъ онъ еще нигдѣ не служилъ, нельзя же прямо попасть на важное мѣсто. Г-жа Новосильцева, бывшая другомъ его отца, обѣщалась похлопотать объ его повышеніи, а пока онъ рѣшился занять незначительное мѣсто. Я еще не видала ни его, ни жены. Они нынѣшнюю зиму проведутъ въ деревнѣ, сюда будутъ пріѣзжать изрѣдка. Боюсь, чтобы въ Варшавѣ польки не вскружили голову кн. Петру. Прощай.

17-го сентября.—Ты самая аккуратная исполнительница порученій, милый другъ, а у меня развито чувство благодарности. Ты мнѣ вполне угодила.

Знаю, что особы, не состоящія при дворѣ, могутъ обойтись и безъ сарафана. Еслибы я не имѣла шифра, повѣрь, ни за какія блага въ мірѣ не надѣла бы я столь неудобнаго наряда. Мамѣ и многія другія дамы заказали себѣ обыкновенныя платья съ треномъ. Есть особы, напр., Разумовская, которыя ищутъ случая разрядиться въ пухъ. Она мнѣ прошлый разъ показывала простенькіе сарафаны племянницъ и свой роскошный костюмъ.

Что за бархатъ прелестный, я такого и не видывала. Спрашивается, гдѣ она покажется съ богатой золотой вышивкой?

На-дняхъ я осматривала дворецъ; особенной роскоши тамъ не нашла. Покои в. кн. Николая Павловича даже не красиво убраны. У императрицы великолѣпныя залы, въ особенности у императрицы Елизаветы; но покои новобрачныхъ худо меблированы. Я думаю, Юсупову за это достанется.

27-го сентября.—Не знаю, успѣю ли я написать тебѣ въ понедѣльникъ, 1-го октября. Объявили, что ихъ высочества въ этотъ день будутъ у обѣдни въ соборѣ, всѣмъ велѣно явиться туда въ 11 часовъ.

Боюсь я ѣхать въ этотъ большой соборъ: я тамъ недавно была тепло одѣтая, и то продрогла. Каково намъ будетъ въ нарядѣ съ короткими рукавами и въ атласныхъ башмачкахъ! Я приму всевозможныя предосторожности, но врядъ ли удастся мнѣ избѣгнуть простуды; въ соборѣ и лѣтомъ сыро.

Нынче матушка везетъ меня къ гр. Прозоровской, которая очень была дружна съ покойнымъ отцомъ. Она и съ мамѣ дружна, хотя въ лѣтахъ ихъ большая разница. Матушка уже видѣлась съ княгиней, которая три дня какъ пріѣхала и просила мнѣ передать, чтобы я только съ ней ѣздила ко двору. Счастіе, что я нашла такую спутницу. Я едва помню княгиню. Когда она покинула Москву, я была почти ребенкомъ; но она, представь, помнить, какія дарила мнѣ игрушки.

Пришли мнѣ, пожалуйста, три бѣлые пера съ разноцвѣтными кончиками—для шляпы. Здѣсь перья марабу стоять ужасно дорого. Хотя городъ очень населенъ въ настоящее время, но я почти ни съ кѣмъ не видаюсь. Наше общество составляютъ Рихтеръ, акушерка, Иполитъ и Матвѣй Висельгорскій; впрочемъ, Матвѣй вчера уѣхалъ на маневры съ своимъ княземъ. Невѣстка не велѣла пускать въ ея комнату Рихтера, а братъ непременно велѣлъ за нимъ послать; мнѣ и пришлось занимать его три часа. Мы толковали о политикѣ, магнетизмѣ, гальванизмѣ, медицинѣ, словомъ, я поддерживала разговоръ, который можетъ интересовать доктора.

1-го октября.—Звонятъ во всѣ колокола. Я не ѣздила въ соборъ, у мамѣ глаза заболѣли, я и рада была придраться къ этому случаю, тѣмъ болѣе, что многія изъ моихъ товаровъ остались дома. Кавалеры наши всѣ туда отправились. Вся царская фамилія здѣсь, со вчерашняго дня; ихъ величества и ихъ вы-

сочества изволили прибыть въ 8 ч. вечера. Они тихо проѣхали во дворецъ, народу запрещено было ихъ встрѣчать. Слѣдовательно, надо считать ихъ пребываніе въ Москвѣ съ сегодняшняго утра. Разсказъ о постоѣ у васъ преувеличили. Гр. Морзовъ еще не пріѣзжалъ. Христинъ, его управитель или бібліотекаръ (назови какъ хочешь), послѣ уборки всего дома, точно, имѣлъ столкновение съ полиціей, которая требовала, чтобы онъ уступилъ девять лучшихъ комнатъ въ бель-этажѣ, выходящихъ окнами на улицу. Это случилось въ августѣ мѣсяцѣ, когда мы вернулись въ городъ; дѣло было улажено. Христинъ уступилъ свое собственное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ, состоящее изъ 6 комнатъ; ихъ, кажется, готовятъ Киселеву, а Левашова помѣстили у богатаго оптоваго торговца Кирьякова. Первое, что бросилось въ глаза вашему щеголю генералу при входѣ въ гостиную, это былъ листъ бумаги, привѣшенный къ стѣнѣ, съ надписью крупными буквами: *свободенъ отъ постоа*. Во всемъ виноватъ Волконскій: ему поручили написать Тормазову насчетъ найма квартиръ, а онъ все поминалъ о постоѣ. Государь очень недоволенъ этой ошибкой и явно выразилъ свое неудовольствіе. Къ сожалѣнію, теперь трудно поправить вредъ, который исторія эта надѣлала нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. У одной моей знакомой, г-жи Устиновой, есть прекрасный домъ; весною Милорадовичъ писалъ ей и спрашивалъ, не согласится ли она отдать ему въ наемъ бель-этажъ за тридцать тысячъ. Она отказала, потому что у ея свекора 500 тысячъ годового дохода. Теперь у нея помѣстили этого же самаго Милорадовича на постои—то-есть даромъ. Она отдала ему комнаты, которыя ей вздумалось, этимъ и должна утѣшиться. Ее и ста тысячами не вознаградишь за причиненное ей безпокойство. И Морзову, конечно, даромъ не надо было Киселева. Вяземскій не въ духѣ, ему не хочется выѣзжать изъ деревни, они здѣсь на время, и Вѣра накупаетъ наряды и, кажется, хочетъ участвовать на всѣхъ праздникахъ. Избави меня Богъ отъ соперничества въ щегольствѣ съ кн. Голицыными, онѣ тратятъ по 15 тысячъ руб. на туалетъ, а я и 15 коп. даромъ не брошу. Сюда явились нѣкоторые изъ ванихъ портнихъ, гр. Разумовская все съ ними возится. Оболенскій только-что вернулся изъ собора; говорить, что дамъ было очень мало; объявлено было, что входить дозволяется лицамъ, принадлежащимъ къ пяти первымъ классамъ; вообще, въ церкви было пусто.

8-го октября.—Трудно разсказать все, что случилось со мной въ теченіи недѣли. Въ происшествіяхъ много разнообразія. Во-

первыхъ, я чуть не умерла, а во-вторыхъ, меня представили императрицамъ и вел. княгинѣ. Всѣ эти представленія мнѣ кажутся сномъ. Въ понедѣльникъ мы въ соборѣ не были, во вторникъ я заболѣла, у меня сдѣлались спазмы. Это знакомый мнѣ недугъ, я принуждена была сидѣть дома. Въ четвергъ мы только-что встали изъ-за стола, вдругъ намъ докладываютъ, что прѣехала кн. Прозоровская и желаетъ переговорить съ матушкой. Всѣ засуетились. Николинъва, Матьё и Ишполить усѣлись-было съ трубками, готовясь приняться за кофе. Сейчасъ же трубки убрали, не знали чтó дѣлать съ дымомъ,—вдругъ входитъ княгиня, вся въ брильянтахъ и жемчугахъ, посреди ихъ красуются два чудесныхъ пера. Туалетъ соответствовалъ головному убору, видно было, что она явилась съ придворнаго обѣда. Ея великолѣпный нарядъ составлялъ полнѣйшій контрастъ съ моей стриженной головой, съ поношеннымъ капотомъ матушки и съ довольно-небрежнымъ туалетомъ нашихъ кавалеровъ. Княгиня объявила намъ, что императрицы, узнавъ, что въ Москвѣ есть фрейлины, которыхъ онѣ еще не видали, приказываютъ имъ явиться ко двору, съ ихъ родителями. Завтра, въ 6 ч., должны онѣ представиться императрицѣ Елизаветѣ, а въ 7 ч. вдовствующей императрицѣ. Оказалось, что не всѣ фрейлины съѣхались въ городъ и представляться приходится мамѣ и мнѣ, да гр. Разумовской съ племянницей.

Въ пятницу утромъ я занялась туалетомъ, въ обѣду у меня начались спазмы. Дома остаться невозможно, предупредить поздно. Утромъ кн. Прозоровская сообщила намъ, что императрица Елизавета нездорова и не можетъ насъ принять ранѣе воскресенья (послѣ обѣда); мы отвѣчали, что будемъ готовы въ часу, назначенному для представленія вдовствующей императрицѣ.

Я одѣлась съ грѣхомъ пополамъ, мы отправились во дворецъ; сперва зашли въ г-жѣ Ливенъ, которой гостиная рядомъ съ кабинетомъ императрицы Маріи Федоровны, потомъ насъ провели въ кабинетъ ея величества. Вдовствующая императрица приняла насъ очень благосклонно, лестно отзывалась о Москвѣ. Я страдала нестерпимо, не знаю, чтó я отвѣчала ея величеству. Полчаса аудіенціи показались мнѣ цѣлымъ вѣкомъ; когда я вернулась домой, отъ сильной боли у меня сдѣлался нервный припадокъ, послали за Скудерж. Въ субботу я пролежала весь день. Вчера, благодаря лекарствамъ, я встала и одѣлась. Въ 12 ч. насъ представили императрицѣ Елизаветѣ. По-моему, она—ангелъ во плоти. Никогда и никто не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ ея величество. Что за обращеніе, какой го-

лось, грація, какъ она привлекательна! Государыня рождена быть царицей міра! Отъ ея величества мы прошли къ великой княгинѣ. Ея высочество такая блѣдная, худая. Говорятъ, она страдаетъ вслѣдствіе беременности. Послѣ обѣда мы навѣстили штатсъ-дамъ. Къ вечеру я совсѣмъ расклеилась.

Нынче чувствую себя недурно и спѣшу отдать тебѣ отчетъ въ своихъ подвигахъ, въ доказательство, что, несмотря на свѣтскія обязанности, тебѣ я всегда пишу аккуратно.

Теперь мнѣ остается увидать государя и вел. князя. Его величество навѣрное будетъ на праздниѣ въ собраніи. Дворянство даетъ праздниѣ въ честь высочайшихъ гостей. Отправляюсь завтра въ собраніе, если меня не назначать дежурной на время представленія, котораго конца не дождешься, потому что множество особъ будутъ представляться. Въ четвергъ представлялись наши штатскіе кавалеры, а военные ранѣ ихъ удостоились чести быть представленными. Они во вторниѣ были на парадѣ, гдѣ присутствовала вся царская фамилія, а въ среду ихъ представили. Каждое утро были представленія, мужчинъ представляли по порядку, смотря по чинамъ. Въ четвергъ было принято московское дворянство. Теперь очередь дамъ. У насъ еще не было ни одного праздника.

Третьяго дня купцы давали обѣдъ гвардіи. Государь пожелалъ взглянуть на эту трапезу; триста человекъ сидѣли за однимъ столомъ въ залѣ собранія. На нынѣшней недѣлѣ будетъ праздниѣ въ собраніи. 12-го числа готовится большая процессія, будетъ происходить закладка храма, воздвигаемаго въ память освобожденія Москвы.

Неизвѣстно, что будетъ 14-го числа. Говорятъ, что навѣрное придется отправиться въ соборъ къ обѣднѣ въ сарафанахъ. Счастіе будетъ, если никто не схватитъ смертельной простуды, погода отвратительная, снѣгъ идетъ.

Тебѣ хочется знать, каково о насъ мнѣнія? Неизвѣстно, что думаютъ, но, повидимому, отъ Москвы въ восторгѣ. Всѣ члены императорской фамиліи весело смотрятъ. Что касается до куртизановъ, они меня просто потѣшаютъ. Прежде они насъ корили безъ пощады, а теперь хвалятъ напропалую все, что прежде находили никуда негоднымъ. Толкуютъ о томъ, что людямъ благомыслящимъ Москва должна казаться весьма интереснымъ городомъ; одни говорятъ, что зимой она представляетъ болѣе интереса, а другіе утверждаютъ, что лѣтомъ. Словомъ, Москва стала самымъ любопытнымъ мѣстечкомъ земного шара.

Иногда я едва удерживаюсь от смѣха, а иногда готова плюнуть въ лицо этимъ господамъ.

Теперь дворецъ мнѣ кажется болѣе наряднымъ. Въ особенности хороши покои императрицы Елизаветы; но апартаменты его высочества все-таки мнѣ не нравятся. У вдовствующей императрицы великолѣпно убрано. До прїѣзда двора, ваши петербургскіе господа осматривали дворецъ и остались имъ вполне довольны. Это показываетъ, что мы судимъ иначе: по нашему, все недостаточно роскошно для царской фамиліи.

Жду Мари Сумарокову. Кн. Ѳедоръ собирается каждую недѣлю давать балы, когда прїѣдетъ его жена. Гр. Разумовская тоже поговариваетъ о праздникахъ, которыя намѣревается устроить, чтобъ повеселить племянницъ. Вотъ сумасшедшая! Она на седьмомъ небѣ отъ того, что два раза побывала во внутреннихъ покояхъ императрицъ. Бѣгаетъ, всѣхъ обнимаетъ, разоряется на туалетъ, и воображаетъ, что она самая знатная особа, — всѣмъ надоѣла. Княгиня Прозоровская даже жаловалась матушкѣ, не знаетъ, какъ отъ нея избавиться. Племянница графини лицомъ не дурна, но, кажется, не отличается умомъ. Боюсь, чтобъ эти бѣдныя молоденькія дѣвушки, никогда ничего не видавшія, не сблизись съ толку, какъ ихъ тетушка. Гр. Льву не очень-то нравится вся эта суета, однако графиня все дѣлаетъ по-своему. Радуюсь, что мы съ ней не близкія знакомыя, она бы меня вывела изъ всякаго терпѣнія.

Теперь твоя очередь рассказывать мнѣ, что у васъ дѣлается. Многіе, я полагаю, не знаютъ куда дѣваться, совсѣмъ головы повѣсили съ той поры, какъ исчезъ дворъ, котораго присутствіе ихъ оживляло. Соллогубъ прилетитъ сюда въ ноябрѣ, а еще имѣлъ неосторожность сказать, что надѣется никогда не заглядывать въ Москву. Однако, прости, я слишкомъ разболталась, но вспомнила, что серомной москвичкѣ нельзя посылать цѣлыхъ тетрадей на берега Невы, и вотъ перо падаетъ у меня изъ рукъ.

18-го октября. — Досадно, что не пришлось написать тебѣ въ понедѣльникъ. Въ воскресенье я страшно устала, а племянница моя, какъ нарочно, до 3 часовъ утра не дала мнѣ заснуть. На другой день пришлось возиться съ гостями, Мари Сумарокова у меня обѣдала и просидѣла до 8 ч. Нынче всѣмъ, кто прїѣдетъ, велѣла сказать, что у меня болитъ голова. Теперь побесѣдуемъ. Прошлую недѣлю я отдыхала. Въ пятницу заложенъ былъ новый храмъ; когда увижу крышу его, тогда только повѣрю, что онъ выстроится. Церемонія, говорить, была великолѣпная. Воробьевы

Горы сами по себѣ такъ хороши, а въ этомъ случаѣ видъ ихъ былъ еще прелестнѣе. Лица, наименѣе способныя восторгаться, вернулись оттуда въ восхищеніи. Жалѣю, что я тамъ не была. Я страхъ какъ люблю религиозныя процессіи. Съ моей стороны было очень разумно посидѣть дома. Пришлось бы три часа пробыть на воздухѣ въ сырую, холодную погоду. Въ субботу всѣ здѣшнія дамы представлялись императрицѣ въ присутствіи его величества, потомъ ихъ высочествомъ вел. княгинѣ съ супругомъ ея. Церемонія продолжалась съ 11 ч. до 3. Въ воскресенье были въ Успенскомъ соборѣ, совсѣмъ оконченъли; вернувшись, я бредила какъ въ жару, меня во сну клонило, не помню, какъ меня причесывали на балѣ. Въ половинѣ 7-го мы отправились въ Грановитую палату. Всѣ были разряжены, брилліанты такъ и сверкали, ни одного смѣшного туалета я не видала. Насъ всѣхъ было человекъ пятьсотъ, такъ что въ залѣ было не тѣсно и не просторно. Ты знаешь, что такое парадный балъ при дворѣ: приходится стоять или мѣрно выступать въ полонезѣ. Продолжается балъ часа два, домой вернуться въ изнеможеніи. Такъ было и въ этотъ разъ; надо отдать справедливость вечеру, онъ отличался великолѣпіемъ. Холодъ и усталость утромъ да жаръ и утомленіе вечеромъ совсѣмъ меня доканали. Государь танцевалъ со всѣми, и я въ свою очередь прошлась въ полонезѣ съ его величествомъ. На балѣ императрица Елизавета снова очаровала меня; я и не воображала, чтобъ государыня могла быть до такой степени добра, привѣтлива, и это еще не все: въ ней есть нѣчто задушевное. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, въ томъ числѣ и я. Еслибъ не долго пришлось писать, я бы передала тебѣ слово въ слово все, что сказала мнѣ ея величество.

Ваши щеголихи едва не лопнутъ отъ злости. Съ нами ласковы, намъ говорятъ, что довольны своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, хотятъ остаться здѣсь и ждать, когда ея высочество разрѣшится отъ бремени, слѣдовательно, въ Петербургъ вернутся въ іюнѣ. Ваши барыни, чтобъ отомстить намъ, выдумываютъ про насъ сплетни до того глупыя и пошлыя, что и сердиться-то не стоить.

22-го октября.—Теперь можемъ мы сказать, милый другъ, что на нашей улицѣ праздникъ. Я имѣла счастье видѣть ихъ величества, но, говоря вообще, мой образъ жизни нисколько не измѣнился. Живу я среди прежняго общества, да и знакомые мои, я полагаю, видають тѣхъ, съ кѣмъ и прежде встрѣчались. Словомъ, вы ощущаете пустоту вслѣдствіе отъѣзда двора, а намъ отъ него ни холодно, ни жарко.

Вчера въ первый разъ собрались гости у вдовствующей императрицы. Я была дежурной и вдоволь наглядѣлась на всевозможныя ленты: были голубыя, красныя, ранжевыя и бѣлыя, кто съ портретомъ, кто съ шифромъ, на всѣхъ разные мундиры. Вечеръ удался, незамѣтно было стѣсненія; я много смѣялась надъ гримасами, которыя строятъ Альбедилю.

Вернувшись рано домой, я застала гостей у матушки; ея вечера имѣютъ свою прелесть, ея ощущаешь даже по возвращеніи изъ дворца.

По случаю придворнаго траура увеселенія прекратились, но не на долго; въ среду мы будемъ плясать у кн. Федора.

Что касается до представленія во дворѣ, всѣмъ разрѣшено было являться, даже чиновникамъ 14-го класса; позволеніемъ мало кто воспользовался. Вообще, съ жителями Москвы обходятся ласково, благосклонно, за что мы искренно благодарны. Вел. княгиня въ восторгѣ отъ Москвы. Прошлый разъ ея высочество проучила свою штатсъ-даму Волконскую, теперь ваши щеголихи прикусать язычки. Когда ея высочеству представлялись частнымъ образомъ нѣкоторыя дамы, она изволила сказать, что ея весьма интересуется все окружающее, что нельзя не чувствовать благодарности въ Москвѣ, когда подумаешь, что она спасла всю Европу. Ея высочество восхищалась Кремлемъ, его древними зданіями—памятниками столькихъ событій и т. д. Кн. Волконская позволила себѣ замѣтить, что ея высочество измѣняетъ Петербургу. «Сударыня,—возразила вел. княгиня,—здѣсь я чувствую себя въ Россіи. Кажется, всякій русскій долженъ больше всего любить Москву. Никто не можетъ упрекать меня за то, что я ее предпочитаю всѣмъ другимъ городамъ».

Вчера я сама слышала, какъ вел. князь отвѣтилъ m-lle Кочетовой, что по всей вѣроятности слухъ о намѣреніи двора остаться здѣсь—окажется справедливымъ. Вотъ каковы наши отношенія къ Августѣйшей семьѣ; надѣмся, что они не измѣнятся до самаго отъѣзда высочайшихъ гостей.

Вотъ тебѣ маленький отрывокъ изъ скандалѣаной хроники: Кн. З. В. компрометтировала себя, потомъ уѣхала въ Одессу съ синьоромъ Барбери; всѣ, даже самъ государь, совѣтовали ей остаться. Признаюсь, хорошихъ барынь присылаете вы къ намъ. Нѣкая г-жа Д., имѣющая взрослога сына, ведетъ себя черезъ-чуръ легкомысленно, вовсе не по лѣтамъ.

Забыла сказать тебѣ, что на официальномъ представленіи не Шульгинъ, а кн. Федоръ Голицынъ былъ главнымъ церемоній-мейстеромъ, онъ называлъ дамъ тецѣ своей. Должность свою

исполнилъ аккуратно, по порядку перечислилъ множество дамъ. Теперь въ воскресенье будутъ представляться. Вчера представлялись 25 дамъ, всѣ здѣшнія, одна только прїѣзжая.

5-го ноября.—Опять нѣтъ писемъ. Слышала, что ты хвораетъ, но утѣшаю себя мыслию, что не вслѣдствіе твоей болѣзни, а просто по неаккуратности почты не получаю отъ тебя писемъ. Швейцаръ въ почтамтѣ вѣчно пьянъ, письма въ безпорядкѣ. Булгаковъ прекрасный и добрыйшій человекъ, но слишкомъ слабъ съ подчиненными. Будетъ толковать про почту, поговоримъ лучше о свадьбахъ. Вчера ихъ было двѣ: Бибикова вышла за Панкратьева, а Л. Гагарина вышла за Полуехтова. Первая свадьба отличалась торжественностію; государь былъ посаженнымъ отцомъ, вѣнчались у Спаса за золотой рѣшеткой; церковь эта придворная, въ ней происходили бракосочетанія царей и царицъ, но простыхъ смертныхъ вѣнчали здѣсь въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ выстроена церковь. Государь исполнилъ всѣ обязанности посаженнаго отца; не дождавшись конца вѣнчанія, его величество поѣхалъ въ домъ Бибиковыхъ и встрѣтилъ молодыхъ на лѣстницѣ. Ужинать изволилъ посреди многочисленной семьи Бибиковыхъ. Г. Панкратьевъ человекъ вполне достойный, отецъ его въ теченіи 22-хъ лѣтъ былъ губернаторомъ въ разныхъ губерніяхъ и умеръ не оставивъ ни гроша, такъ что не на-что было его похоронить. Понятно, почему Государь такъ благосклоненъ въ сыну его: мало кто можетъ похвастаться такой бѣдностію. Впрочемъ, теперь онъ уже не бѣденъ, онъ получилъ въ аренду имѣніе, приносящее 12-ть тысячъ дохода, а г-жа Бибикова съ своей стороны будетъ выдавать дочери по 12 т. въ годъ.

Въ четвергъ дворянство дастъ балъ въ собраніи въ честь императорской фамиліи. Народу соберется пропасть; государь и государыня, узнавъ, что здѣсь есть много особъ преклонныхъ лѣтъ и болѣзненныхъ, которымъ хочется увидать царскую фамилію, но онѣ не имѣютъ на то возможности—велѣли передать имъ, чтобъ онѣ, если достанетъ у нихъ силъ, велѣли бы себя перевезти или перенести въ одну изъ залъ собранія, гдѣ ихъ величества привазади поставитъ самые удобные диваны. Во главѣ стариковъ явится г. Левашевъ, ему 104 года, онъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе, служилъ въ теченіи десяти царствованій и сохранилъ до сихъ поръ живость ума. Говорятъ, очень интересно послушать его рассказы. Будь я государь, меня бы всего болѣе интересовала комната, гдѣ помѣстятся старики; я не разъ посѣщу эту залу въ продолженіи вечера.

Когда дамы представляются ея величеству, государь тутъ присутствуетъ. Говорять, это тоже нѣчто необыкновенное, только разъ въ воскресенье его не было.

Москва, 14-го января, 1818 г.—Давно не болтала съ тобой, милый другъ. Только-что оправилась послѣ мучительной болѣзни. При малѣйшей простудѣ у меня начинаются сильныя спазмы, такъ что я принуждена бываю лежать неподвижно по нѣскольку дней. На прошлой недѣлѣ кн. Федоръ Голицынъ давалъ балъ въ честь двора, и совсѣмъ-было насъ заморозилъ; простудившись на этомъ вечерѣ, я расхворалась. Нынче встала съ постели. Въ теченіи десяти дней много давалось праздниковъ, а мнѣ только и пришлось быть у Аправсиной да на противномъ балѣ у Голицына. Не удалось побывать у гр. Орловой (объ ея праздникѣхъ до сихъ поръ толкуютъ). Вчера не была на роскошномъ балѣ во дворцѣ. Нынче въ ночь его величество изволилъ уѣхать; праздниковъ не будетъ, пока не вернется государь; значить, недѣли черезъ двѣ снова начнутъя увеселенія.

Тебѣ, конечно, извѣстно, сколько у насъ появилось новыхъ фрейлинъ съ 12-го декабря. Мы положительно тѣснимся въ маленькой придворной церкви, а кавалерамъ приходится стоять въ корридорѣ. Почти что у каждой дѣвицы, извѣстной въ обществѣ, есть шифръ; тѣ, у кого его не имѣется, по всей вѣроятности, получаютъ его, когда вел. княгиня разрѣшится отъ бремени. Всѣ блага міра сего такъ и сыплются на возлюбленную нашу кн. Голицыну, жену кн. Якова. Сынъ ея женится на миллионерѣ, дочь при дворѣ, а къ ней очень благосклонны, потому она въ прекрасномъ расположеніи духа; ни съ кѣмъ не обходится небрежно, всѣхъ даритъ улыбкой, не завидуетъ чужому благополучію, словомъ, она до того счастлива, что даже другимъ позволяетъ наслаждаться бое-кавини удачами.

Я еще не встрѣчала г-жи Кологривовой съ тѣхъ поръ, какъ ея дочка сдѣлалась моей товаркой. Говорять, что она на седьмомъ небѣ и, вѣроятно, потратитъ нѣсколько лишнихъ тысячъ на праздникъ, который готовитъ къ возвращенію государя. Дочь ея, Четвертинская, имѣетъ большой успѣхъ, она прелестна. У нея такія благородныя, изящныя манеры, она такъ красива, нисколько не жеманится, я люблю на нее смотрѣть, когда къ ней подходитъ кто-нибудь изъ царской фамиліи. Вяземская тоже нравится. У насъ появилась одна молоденькая особа, которая начинаетъ пользоваться успѣхомъ въ обществѣ: это нѣкто кн. Урусова, премиленькая дѣвушка. Мать ея, рожденная Татищева, сестра на-

шего посланника въ Испаніи, женщина весьма почтенная, а дочь ея, 16-лѣтняя дѣвочка, очень миленькая и танцуетъ хорошо. Вотъ тебѣ извѣстіе другого рода: Самаринъ сватается за m-lle Нелединскую; она колеблется, а отецъ ея дастъ отвѣтъ по возвращеніи въ Москву. Вчера была свадьба гр. Зубовой и гр. Завадоской.

27-го января. — Сейчасъ получила твое письмо, и спѣшу нынче же отвѣтить тебѣ. Мнѣ принесли объявленіе: завтра надо ѣхать къ обѣднѣ и потомъ, во время обѣда, быть во дворцѣ. Я буду дежурной у императрицы Елизаветы; слѣдовательно, домой вернусь въ 6 ч. вечера. Два раза я отказывалась отъ дежурства, по причинѣ болѣзни, а теперь необходимо ѣхать, хотя я и не совсѣмъ поправилась. Двѣ недѣли тебѣ не писала, все хвораю; мнѣ кажется, что день-отодня здоровье мое слабѣетъ. На прошлой недѣлѣ два дня сряду у меня была сильнѣйшая головная боль, а теперь чувствую ужасную слабость. Страшно похудѣла; это меня не огорчаетъ, но плохо то, что я вовсе не сплю и ничего не ѣмъ; вѣдь это хорошій способъ попасть на тотъ свѣтъ? Меня лечатъ, однако аппетитъ не является, а живу почти-что однимъ воздухомъ.

Вчера принесли мнѣ посылку отъ г-жи Соловой. Братъ и я благодаримъ супруга твоего за кензеты.

Очень вѣрю, что пріѣздъ его величества васъ оживилъ. Недѣли двѣ подышите свободно, а тамъ опять шесть мѣсяцевъ придется томиться отъ скуки, не говоря о будущей зимѣ. Ждемъ его величество дня черезъ два-три. Г-жа Кологривова не жалѣетъ денегъ на приготовленія къ празднику, который намѣревается дать по возвращеніи государя. Говорятъ, она выстроила огромную и предестную залу. Счастье принять у себя ихъ величества будетъ ей стоить тысячъ пятьдесятъ. Весь домъ заново отдѣланъ, чудо какъ хорошъ. Другихъ развлеченій не предвидится вплоть до поста. Радуюсь приближенію поста, теперь такое множество баловъ, они мнѣ надобли. Хочется отдохнуть.

Въ прошлое воскресенье сестру представляли ея величеству, вдовствующей императрицѣ, которая настоятельно этого требовала и говорила объ этомъ магушѣ. Катенька такъ боялась представленія во дворѣ, что отъ страха едва не захворала. Чтобъ придать ей храбрости, мамà пришлось всюду ей сопутствовать и ждать ее въ прихожихъ. Теперь всѣ церемоніи кончились.

Городскія новости все тѣ же: люди пляшутъ, вертятся и увѣряютъ, что имъ весело. Послѣ завтра ѣду къ Разумовскимъ на вечеръ. Графиня таки-поставила на своемъ. Вотъ удивительная

особа: ей все удается, что ни задумаетъ. Всю зиму гр. Левъ твердилъ, что уѣдетъ въ Петербургъ, если появится оркестръ въ его домѣ. Графиня добилаcь позволенія устроить танцы запросто по средамъ, а теперь всѣмъ рассказываетъ, что это лишь проба и что 20-го числа она дастъ большой праздникъ по случаю мужнинныхъ именинъ; навѣрное она пригласитъ дворъ.

Государь ѣдетъ 26-го числа и беретъ съ собою кн. Трубецкого, значить у насъ отнимутъ Матѣю. Это будетъ не малая потеря для нашего кружка.

Недавно была у Шаховскихъ. Полина чувствуетъ себя недурно, но страшно похудѣла — остались кости да кожа. У нихъ прегадное помѣщеніе, такой холодъ, что я флюсь схватила, просидѣвъ тамъ утро. Въ лѣтнее время ихъ квартиры будетъ прелестна, домъ выходитъ на одинъ изъ Прѣсенскихъ прудовъ; тамъ съ каждымъ годомъ все больше и больше публики собирается на гулянье, теперь ихъ величества посѣщаютъ эти пруды; все это прекрасно, однако не желала бы я мерзнуть, какъ Шаховскія.

Какъ тебѣ нравится поступокъ герцогини Бумберландской, тетки ея высочества; мало того, что она подробно описала вел. княгинѣ вончину принц. Шарлотты, да еще прибавила свои собственные разсужденія объ опасности первыхъ родовъ. Ожаровскій, вчера вернувшійся изъ Лондона, привезъ это письмо. Вел. княгиню такъ поразило это посланіе, она до того плакала, что захворала и не могла присутствовать вчера на придворномъ обѣдѣ. Прощай.

22-го апрѣля. — Передъ пасхой я простудилась въ лавкахъ, покупая подарки племяннику Рахманову. Первые дни праздника просидѣла дома, а въ пятницу ѣздила къ гр. Разумовской. Она устроила танцы, гостей было не много; такіе вечера утомительнѣе баловъ. Въ субботу у Аправсиной былъ балъ, послѣдній въ нынѣшнемъ сезонѣ. Вчера была обѣдня во дворцѣ по случаю тезоименитства вел. княгини. Я сочла необходимымъ ѣхать къ обѣднѣ, потому что въ началѣ Святой не показывалась при дворѣ. На улицѣ довольно свѣжо, между тѣмъ во дворцѣ и въ церкви отерывають всѣ оена, такъ что приходится мерзнуть во время дежурства. Императрица Елизавета Алексѣевна простудилась и съ чистаго четверга не выходитъ. Вел. княгиня весьма благополучно разрѣшилась отъ бремени. Ея высочество и новорожденный совершенно здоровы. Вдовствующая императрица и вел. кн. Николай Павловичъ въ восторгѣ. Получивъ отвѣтъ отъ государя,

назначать день крестинъ, обрядъ совершится съ большою торжественностью. У г-жи Ливень, которая будетъ нести на рукахъ новорожденнаго, щека распухла, потому что Пашковъ слишкомъ усердно отворяетъ окна; надо дожидаться, когда у ней пройдетъ флюсъ.

Говорять, что вы катаетесь въ санкахъ? Курьеръ, прибывшій изъ Петербурга, рассказывалъ Матѣ, что отъ Петербурга до Валдая онъ ѣхалъ по зимнему пути. У насъ снѣгу не видно, за то вотъ четыре или пять дней термометръ не поднимается выше 2 и 3°. Сухо, но свѣжо.

Ты, конечно, знаешь, что Матѣ вернулся изъ Варшавы. Онъ здоровъ. 15-го мая ему предстоитъ ѣхать съ своимъ княземъ на встрѣчу прусскому королю и сопровождать его королевское величество до Москвы, куда онъ долженъ прибыть 4-го іюня.

9-го іюня. — Пишу тебѣ передъ отъѣздомъ въ Высокое. Городъ въ настоящее время очень оживленъ. Даютъ праздникъ за праздникомъ, чего добраго, пожалуй, къ вамъ привезутъ прусскаго короля безъ чувствъ отъ усталости. Онъ безпрестанно разѣзжаетъ то по городу, то по окрестностямъ, все желаетъ видѣть; долго разсматривать каждый предметъ ему некогда, вотъ почему, когда она вернется домой, у него все перемѣшается въ головѣ и онъ не отличить Успенскаго собора отъ Воробьевыхъ горъ. Всѣ эти германскія величества и высочества уѣдутъ отсюда, а я даже понятія не имѣю объ ихъ наружности. По отъѣздѣ ихъ все придетъ въ обычный порядокъ и Москва станетъ прежней Москвой, а теперь ее узнать нельзя. Обыкновенно, въ іюнѣ городъ пустѣетъ. Я рада, что не принимаю участія въ этой кутерьмѣ, у насъ стоятъ жары, а въ 25° не весело быть въ парадномъ туалетѣ посреди большого общества.

Въ августѣ вамъ снова придется проститься со дворомъ; кажется, рѣшено, что всѣ члены августѣйшей фамиліи проведутъ зиму въ чужихъ краяхъ. Ваше общество навѣрное разбередится во всѣ стороны. Жена кн. Бориса ѣдетъ на зиму въ Парижъ, а новобрачная, г-жа Полторацкая, будетъ сидѣть въ Клину. Гр. Разумовская просто умретъ со скуки. Благодаря своимъ и братнинымъ роскошнымъ помѣстьямъ, находящимся въ окрестностяхъ города, она удостоилась знакомства съ прусскимъ королемъ, и даже самъ государь свазалъ ей много пріятнаго. Она совсѣмъ рехнулась отъ счастья, тормозитъ ее некому. Гр. Левъ поспѣшилъ обратиться въ свое полтавское имѣніе, гр. Алексѣй въ Батурино; такъ что она осталась одна и съ наслажденіемъ выслушиваетъ похвалы своему

Петровскому, Горенкамъ и даже городскому саду гр. Алексѣя, гдѣ три дня тому назадъ изволила завтракать вся императорская фамилія. Графиня на седьмомъ небѣ, сама не своя отъ радости, нельзя понять, о чемъ она толкуетъ. Вотъ что значитъ богатство! Гр. Толстая, невѣста Закревскаго, получила шифръ; благодаря 200 тыс. годового дохода, она выходитъ за генераль-адъютанта, по мужу и ее будутъ отличать. Государь велѣлъ поздравить Толстыхъ съ выборомъ жениха для дочери и передать имъ много любезнаго и лестнаго для обѣихъ сторонъ. Не будь они богаты, не видать бы имъ и милостей.

Прости, дружокъ, у меня много дѣла, приходится расплачиваться, не весело опрастывать кошелекъ. Что подѣлываетъ твоя кузина Паскевичъ? ей пришлось разстаться съ мужемъ на два года, навѣрное грустить.

Высокое, 21-го июня. — Чему приписать твое молчаніе, дружокъ? Обыкновенно, лишь нѣчто важное мѣшаетъ тебѣ взяться за перо. Всѣ мы смотримъ уныло, здѣсь все напоминаетъ намъ Дашу, всѣ наши бесѣды отзываются грустью, дѣти нѣсколько оживляютъ насъ, подчасъ ихъ беззаботная веселость переходитъ и на насъ. Съ нетерпѣніемъ жду Николинку съ женой, они счастливы, здоровы, на нихъ пріятно будетъ смотрѣть. Деревенскій воздухъ благотворно дѣйствуетъ на мое здоровье; погода чудесная, мнѣ удобно лечиться; беру ванны, пью траву. Теперь самая пора запастись здоровьемъ; посмотримъ, какъ я буду себя чувствовать зимой.

Ни съ кѣмъ изъ москвичей переписки не веду, рѣшительно не знаю, чтó тамъ дѣлается, полагаю, что теперь настала тишина, и всѣ, это ради двора оставался въ городѣ, спѣшатъ отсюда уѣхать. Что до меня касается, я рада буду вернуться въ прежнюю Москву. Не горюю объ отъѣздѣ двора; какъ нарочно, прошлую зиму я все страдала то нравственно, то физически. Прощай, обнимаю тебя.

7-го октября.—Съ мѣсяцъ тому назадъ Бува прислалъ мнѣ въ деревню книгу: «Jean Sbogag», только-что полученную изъ Парижа. Слѣдовательно, я давно прочла эту повѣсть, милый другъ, но не упоминала о ней, потому что не стоить о ней говорить. Очень рада, что ты мнѣ сказала, что это — произведение г-жи Крюднеръ. Выходитъ, я мастерица отгадывать: пробѣжавъ нѣсколько страницъ, я тотчасъ объявила матушкѣ и Мишелю имя автора. Они вѣрить не хотѣли, что эта пророчица,

святоша, словомъ — избранная, написала романъ. Тутъ говорится о видѣнiяхъ, приводятся тексты изъ Св. Писанiя, изъ Апокалипсиса, потомъ она ссылается на нѣмецкихъ философовъ — словомъ, я сейчасъ же узнала эту госпожу по самому слогу. Есть выраженiя, которыхъ я не могу переварить, также какъ и въ другой повѣсти ея: «Валерiя». Что это значитъ, напр.: «легкая какъ мысль»; я указывала матушкѣ на разныя фразы и нелѣпыя сравненiя. Какая странная фантазiя выбрать въ герои романа разбойника, который умираетъ на эшафотѣ, не раскаявшись. Непонятно, зачѣмъ онъ попалъ въ разбойники, неизвѣстно, чѣмъ его очаровала глупая и угрюмая Аманда; она — и слѣпая, и больная и невзрачная, словомъ, вовсе не интересная особа. Полагають, что чтенiе романовъ вредно для молодежи, потому что у нея воображенiе разыгрывается и является желанiе подражать героямъ. Что касается до «Жана Сбогара», его можно смѣло назвать безвреднымъ; согласись, что никто изъ насъ не пожелаетъ имѣть поклонникомъ вора и никому въ голову не придетъ повторять слова Аманды. Вотъ тебѣ мое мнѣнiе о новомъ романѣ.

Въ Москвѣ все по прежнему. Одни ѣздятъ въ Финарди, другiе смотрятъ на Семенову. На этой недѣлѣ я видѣла «Меропу»; теперь не знаю, когда попаду въ театръ, новое зданiе очень красиво, все въ немъ съ иглочки — любо глядѣть. Прости. Отправляюсь къ вн. Оболенской, у нея въ деревнѣ дѣти чуть не умерли отъ скарлатины.

14-го октября. — Ты вѣрно забываешь, милый другъ, что Москва въ 700 верстахъ отъ Петербурга. Лицо, появившееся передъ вашею публикой, сейчасъ же будетъ здѣсь узнано, хотя бы и вздумало переимѣнить свое имя. Про вашего Готье я не слыхала, а вы понятiя не имѣете о Финарди. Онъ прiѣхалъ прямо изъ Варшавы, великiй вн. Константинъ Павловичъ послалъ его въ Москву. Чтобы убѣдить тебя, что онъ не былъ въ Петербургѣ, скажу тебѣ, что всѣ прiѣзжіе изъ Петербурга спѣшатъ на него посмотрѣть. Напрасно ты думаешь, что онъ явился сюда, потому что у васъ на него не обращали вниманiя. На-дняхъ я видѣла Киселева не въ духѣ, потому что онъ не могъ достать билета; въ прошлую субботу онъ смотрѣлъ на Финарди, остался доволенъ его ловкостью и рѣшилъ не пропускать ни одного представленiя. Гр. Бобринская и многiя другiя (всѣхъ не переберешь) въ восторгѣ отъ Финарди.

Если буду здорова, отправлюсь посмотрѣть на вѣнскихъ танцовщиковъ, ихъ прiѣхало трое: двое мужчинъ и одна жен-

щина. Не мѣшало бы имъ выбрать для дебюта балетъ съ хорошей музыкой. Смотри на Дюпора въ балетѣ: «la Rosière de Sarlançau», я ужасно соскучилась, потому что музыка была чересчуръ плоха; по-моему, хорошая музыка необходима, однихъ пѣ и граціи недостаточно.

Братъ лечится у Делонэ и, кажется, доволенъ имъ, и то хорошо: до сихъ поръ онъ по одному разу совѣтовался съ каждымъ докторомъ. Дѣти здоровы, имъ такъ нравятся новыя шубки, что они готовы весь день гулять:

Вяземскіе умираютъ съ тоски въ Варшавѣ, не чаютъ, какъ оттуда выбраться. Кн. Петръ навѣрное желаетъ идти впередъ по службѣ, бросать ее онъ не намѣренъ, а въ другомъ городѣ не легко найти мѣсто. Добраго утра, милый другъ, писать больше не о чемъ.

4-го ноября.—Грустно намъ было всю эту недѣлю, дружокъ. Болѣзнь матушки усилилась отъ неосторожности, всего два дня какъ ей стало полегче, мы тщательно слѣдимъ, чтобъ опять бѣды не случилось. Всѣ сидимъ дома, принимаемъ только близкихъ знакомыхъ. Были у насъ Ухтомская, Апраксина и Спиридовъ. Не знаю, что на свѣтѣ дѣлается. Мнѣ самой нездоровится, однако я все на ногахъ.

Слышала, что недавно явился г. Готье, про котораго ты мнѣ толковала. Онъ нашелъ себѣ покровителей, петербургскихъ господъ, между прочимъ молодого Апраксина, который его усердно расхваливаетъ. Говорятъ, что онъ просто канатный пласунъ, а вовсе не волтижеръ, его нельзя сравнивать съ Финарди. Если встрѣтишься съ кн. Голицыной, рожденной Апраксиной, спроси у нея, каковъ Финарди, она была на представленіи въ субботу и вернулась въ восторгѣ. Княгиня завтра ѣдетъ въ Петербургъ.

Апраксина назначила у себя приемный день — воскресенье. Хотя она и увѣряетъ, что не намѣрена устраивать танцевъ, потому что тревожится о дочери (Щербатовой), но я пари держу, что сыночекъ ее умаслитъ, и она, чтобъ доставить ему удовольствіе, заставитъ насъ плясать. У него страсть въ танцамъ, хотя нельзя сказать, чтобъ онъ былъ отличнымъ танцоромъ.

Василій Олсуфьевъ третьяго дня пріѣхалъ изъ Варшавы и привезъ нѣсколько писемъ отъ Вяземской. Софи Гагарина здѣсь, а Лодомирскій еще не возвращался изъ Бѣлоруссіи. Сдѣлай одолженіе, передай записку Александрѣ Вильгорскому. У насъ погода чудесная, снѣгу нѣтъ. Каково у васъ, въ Лапландіи? Здоровье гр. Разумовскаго очень плохо.

М. СВИСТУНОВА.

НОВО-КЕЛЬТСКОЕ

и

ПРОВАНСАЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВО ФРАНЦИИ.

Извѣстно, что въ числѣ вопросовъ, выдвинутыхъ во Франціи исходомъ послѣдней войны, на первомъ планѣ стоятъ вопросы о народномъ образованіи и о децентрализаціи, или, лучше, мѣстномъ самоуправленіи, ибо и у лицъ, окружавшихъ Наполеона, были планы о такой децентрализаціи, при которой бы префекты и супрефекты получили больше самостоятельности отъ высшей центральной администраціи, но населеніе все-таки осталось бы пассивнымъ объектомъ мѣропріятій администраторовъ. Послѣднія же событія дали практическое значеніе одному элементу жизни народной, который имѣетъ значеніе и для самоуправления и для народнаго образованія, составляя одну изъ основъ перваго и одно изъ могущественныхъ орудій для втораго,—а именно народнымъ нарѣчіямъ.

Собственно и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни, такія событія, какъ война, паденіе Наполеона, только вызвали наружу жизненное движеніе, которое медленнымъ и сложнымъ процессомъ развивалось давно по органическимъ законамъ прогресса общественнаго и культурнаго. Выраженія, въ родѣ того, что Наполеонъ III на 20 лѣтъ остановилъ ростъ Франціи, понятны, какъ проявленія жара полемики,—но въ строго историче-

своимъ смыслѣ невѣрны: во-первыхъ, Наполеоновскій порядокъ былъ самъ произведеніемъ Франціи, а во-вторыхъ, былъ часто невольнымъ орудіемъ ея роста,—и въ третьихъ, среди существовавшаго порядка своимъ путемъ пробивались и росли ростки новаго.

Мысль о децентрализаціи, начиная (если не вспоминать очень стараго) отъ жирондистовъ, не переставала капать на общественное сознаніе во Франціи, исходя отъ людей съ столь различными мнѣніями по другимъ вопросамъ, какъ Токвилль (*L'ancien régime et la révolution*), Прудонъ (*Du principe fédéral*), Лабулэ (*L'état et ses limites* и др.); мысль эта наконецъ порядкомъ источила идеалъ централизованной Франціи королей и конвента. Такъ точно и съ мѣстными народными языками и нарѣчіями:—развитіе науки, преимущественно науки о языкѣ, литературы и политическихъ формъ,—все приготавливало постепенно выдвиганіе вопроса объ этихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, повидимому такъ далеко загнанныхъ и, казалось, убитыхъ навсегда приобрѣвшимъ всемірное значеніе академическимъ французскимъ языкомъ.

Рѣшительное торжество этого языка надъ всѣми другими во Франціи совпадаетъ съ рѣшительнымъ торжествомъ централизаціи, т. е. временемъ Ришелье, Мазарини, Людовика XIV. И здѣсь, какъ во многомъ другомъ, конвентъ только продолжалъ дѣло королевскихъ централизаторовъ Франціи. Конвентъ хотѣлъ истребить «патуа», какъ остатки «феодалнаго рабства», и въ то же время какъ зародышъ «федерализма» (см. докладъ Грегуара, 4-го іюня 1794 г., одобренный конвентомъ). «Федерализмъ и суевѣріе говорятъ по-бретонски, эмиграція и ненависть къ республикѣ говорятъ по-нѣмецки, контръ-революція говоритъ по-итальянски, фанатизмъ говоритъ по-баскски», докладывавъ еще раньше Барреръ:—«уничтожимъ же эти органы печали и заблужденія». Желая распространить повсюду «языкъ свободы, языкъ деклараціи правъ человѣка», и въ то же время «языкъ національный» (точнѣе бы, государственный), «чтобы и рѣчь была едина, какъ республика и какъ сердца населенія»,—конвентъ установилъ сначала въ двѣнадцать «оскверненныхъ» старыми или чужими діалектами департаментахъ (*Morbihan, Finistère, Côtes du Nord, Loire inférieure, Haut-Rhin, Bas-Rhin, Moselle, Nord, Mont-terrible, Alpes Maritimes, Corse*), потомъ еще въ двухъ (*Meurthe, Pyrénées Orientales*), а наконецъ во всей почти южной половинѣ Франціи систему нарочитаго обученія населенія языку французской академіи и отученія его отъ мѣстныхъ старыхъ діалектовъ. Учителя должны были ежедневно преподавать «національный языкъ» и

толковать «декларацию правъ челоуѣка» молодымъ людямъ обоихъ половъ, а въ десятыя дни (замѣнившіе при республикѣ воскресныя) читать всему народу общины законы республики, предпочитая болѣе подходящія къ земледѣлію и правамъ гражданина. Конвентъ, желая организовать всеобщее и даровое обученіе на національномъ языкѣ, не чуждъ былъ и утилитарныхъ цѣлей: онъ желалъ не только, чтобы населеніе забыло свои нарѣчія и усвоило единый языкъ единой и нераздѣльной республики, но чтобы выучилось пониманію своихъ правъ и законовъ, равно какъ и прикладнымъ знаніямъ. Конвентъ только упустилъ изъ виду, что девретомъ нельзя сдѣлать понятнымъ непонятное, и что сознаніе правъ и распространеніе утилитарныхъ знаній пойдетъ легче, если эти права и эти знанія будутъ передаваться народу на языкѣ, которымъ онъ говоритъ. О странномъ противорѣчии провозглашенія свободы и правъ челоуѣка съ административной чистотой органа души челоуѣческой, — языка, — мы ужъ и не говоримъ.

На бѣду, естественнымъ послѣдствіемъ всякой диктатуры бываетъ то, что централизованное государство оставляетъ въ тѣни такія сферы жизни, какъ образованіе, хотя бы оно и думало сдѣлать изъ образованія народа одно изъ орудій централизаціи, — а на первый планъ выдвигаетъ цѣли вышнія, напр. войны, расширеніе предѣловъ. Такъ случилось и во Франціи, гдѣ намѣреніе конвента устроить общее даровое обученіе осталось добрымъ намѣреніемъ, не исполненнымъ и до сихъ поръ за недосугомъ отъ другихъ дѣлъ, занимавшихъ французскія партіи въ XIX в. Народъ остался неграмотнымъ и невѣжественнымъ; провинціальныя элементы и нарѣчія остались не уничтоженными, а только загнанными, раздраженными и еще болѣе отданными въ руки реакціонныхъ партій. Французская мысль и языкъ развивались, конечно, и распространялись въ массы, но почти исключительно въ городахъ, т.-е. въ меньшинствѣ. Въ села же, т.-е. въ большинство народа, не только земледѣльцевъ, но и сельскихъ рабочихъ, рудокоповъ и т. п., — цивилизація и идеи городовъ почти не проникали. Въ то же время и самъ литературный французскій языкъ, оторвавшись отъ народныхъ нарѣчій, подвергся-было вѣка на два окаменѣнію или произвольнымъ операціямъ педагоговъ, отъ коихъ онъ сталъ избавляться только со временъ поэтовъ романтической школы, — предвѣстниковъ и того разнообразнаго вниманія и энтузіазма къ народнымъ нарѣчіямъ, того даже предпочтенія языка необразованныхъ мужиковъ языку ученыхъ акаде-

мировъ, какое мы видимъ повсюду въ наше время ¹⁾. Все сказанное имѣетъ силу и относительно области *langue d'oui*,—а что сказать о роли французскаго литературнаго языка и представляемой имъ цивилизаціи за предѣлами этой области?

Провансальскій поэтъ-патріотъ Мистраль считаетъ, что нарѣчіемъ, близкимъ въ литературному французскому, говорятъ только въ десяти департаментахъ центральной Франціи, слѣдовательно, только тутъ безъ большого напряженія и недоразумѣній понятно сельскому люду писанное по-французски,—замѣчаніе, повторенное и Теофилемъ Готье въ «донесеніи министру народнаго просвѣщенія объ успѣхахъ литературы въ 1867 г.»

¹⁾ У Литтре, въ „Исторіи Французскаго Языка“ (т. II, 102 и слѣд.), можно найти любопытные примѣры, какъ произвольно мѣнялись формы и слова французскаго придворнаго языка въ эпоху начала торжества централизаціи, когда дворъ перемѣщался изъ области въ область, а вмѣстѣ съ тѣмъ случайно набравшіяся формы языка кристаллизировались,—и какъ потомъ началась чистка формъ и лексикона невѣжественными педантами и придворными. Въ образецъ перваго явленія Литтре приводитъ, напр., существующія и теперь выраженія *pois* для существительнаго и *poiser* для глагола, захваченныя изъ двухъ нарѣчій: въ Ильдефрансѣ говорятъ: *pois*,—но и *poiser*, а въ Нормандіи *poiser*, но и *pois*. Нельзя, говоритъ Литтре, назвать обогащеніемъ того процесса, каковой творился тогда во французскомъ языкѣ. Послѣ, когда онъ совершенно сложился, когда онъ отбросилъ далеко отъ себя вародныя нарѣчія, какъ незнатныхъ и отдаленныхъ родственниковъ, которыхъ онъ краснѣлъ, проявилось гордое отвращеніе и отъ всего, что не употреблялось въ тѣсныхъ и уточненныхъ кружкахъ. „Скрупулезные люди,—говоритъ Шиффле въ десятомъ изданіи своей грамматики (1697),—всегда находятся на стражѣ и слушаютъ, не употребляется ли извѣстное слово дамами въ томъ году меньше, чѣмъ въ прошломъ,—и постоянно кричатъ: это слово начинаетъ старѣться,—и если дать имъ волю,—черезъ нѣсколько времени нашъ языкъ будетъ обобранъ, какъ путникъ разбойниками“. Шиффле раскрываетъ курьезную исторію формы *choue* вмѣсто стараго *chouze*. Одинъ поэтъ, который въ первый разъ взялъ риму на слово *roses-choses*, не смѣлъ произнести такъ „въ хорошемъ обществѣ“, и смѣло прочелъ *chouses*. Всѣ про себя засмѣялись, — а послѣ бѣдное *choue* пришло въ такое презрѣніе, что путники говорили, что это самка отъ *chou*. „Это была странная прихоть въ то время,—продолжаетъ Литтре,—уничтожать въ языкѣ то, что старѣлось и чего не допускалъ элегантнѣйшій и образованнѣйшій кружокъ. Обломки всего того остались въ народныхъ нарѣчійяхъ, и было бы дѣломъ вкуса и такта, и потому не недостойнымъ французской академіи и ея лексикона—вновь воспринять то, что можетъ быть воспринято,—т.-е. то, что, будучи легко понимаемо и будучи наиболѣе согласно съ духомъ теперешняго языка, отличается точностью и изяществомъ“. Литтре самъ совершилъ добрую долю этой задачи, издавъ свой *Dictionnaire historique de la langue française*, въ которомъ слова и формы *ratois* заняли видную роль. Онъ простеръ свое уваженіе къ языку старыхъ нарѣчій до того, что даже перевелъ I пѣсню Иліады на языкъ *chansons de geste* XIII в. Такъ далеко за нимъ врядъ ли многіе пойдутъ; но во всякомъ случаѣ его *Dictionnaire* и выванное имъ уваженіе къ *ratois* не останется безъ вліянія на дальнѣйшую исторію французскаго языка.

Положимъ, Мистраль и увлекается, но недавно Тэнъ, обсуждая недостатки всеобщаго избирательства во Франціи, пожаловался, что «крестьянинъ не понимаетъ нашего языка, а мы не имѣемъ народной литературы».

Статистика населенія по языку вообще вещь трудная, но если принять во Франціи болѣе милліона кельтовъ въ Бретани, до полумилліона басковъ, слишкомъ 200.000 фламандцевъ, — не считая отшедшихъ теперь нѣмцевъ, то цифры эти не будутъ преувеличены. Остающаяся еще, за вычетомъ корсиканцевъ, часть населенія вѣтви романско-французской распадается на группы по нарѣчіямъ, изъ коихъ провансальскимъ, наиболѣе далекимъ отъ литературно-французскаго, и почитаемымъ большинствомъ филологовъ за особый языкъ, говорить по самымъ меньшимъ счетамъ 10 милліоновъ. Такимъ образомъ, изъ 36 милліоновъ населенія Франціи около 14—15 милліонамъ доступъ къ цивилизаци, выражающейся на французскомъ языкѣ, затрудненъ, кромѣ малограмотности, еще и отдаленностію ихъ ежедневнаго языка отъ литературнаго французскаго. Съ этой отдаленностію, доходящей до того, что изъ бретанскихъ мобилей во время осады Парижа, 8,000 не понимали ни слова по-французски, — должна такъ или иначе, но считаться и система избирательства, и народнаго образованія, и военной организаціи во Франціи. Вотъ почему въ послѣднее время въ особенности начинаетъ распространяться во Франціи убѣжденіе, что, оставивъ погоню за тѣмъ единообразіемъ сердець и рѣчи, котораго думалъ добиться конвентъ, французская политическая жизнь и образованіе должны снизойти къ народнымъ нарѣчіямъ для того, чтобы скорѣе проникнуть въ массы народа, — безъ чего, особенно при системѣ всеобщаго избирательства, отъ которой теперь отступить трудно, если не невозможно, политическая жизнь государства нивогда не будетъ имѣть устойчивости.

Въ помощь такимъ утилитарнымъ соображеніямъ послужили ученныя и литературныя работы надъ народными языками и провинціальною исторіей, которыя во Франціи, какъ и вездѣ въ Европѣ, постепенно увеличивались въ теченіи настоящаго столѣтія. Какъ и вездѣ, во Франціи обращеніе науки и литературы къ народному мѣстному, средневѣковому, въ противоположность официальному, столичному, новому (но не новѣйшему), было послѣдствіемъ отчасти болѣе послѣдовательнаго проведенія свободныхъ началъ того же самаго революціоннаго времени, которое думало административнымъ порядкомъ вычистить «оскверненную» душу народа, отчасти же романтической клерикально-аристократической

реакціей революціи, буржуазно-вольтеріанской по духу, диктаторско-чиновнической по приѣмамъ. При этомъ вниманіе къ народной жизни и діалектамъ растетъ по мѣрѣ поднятія значенія сельскаго сословія, т.-е. дѣйствительнаго большинства народа, во имя котораго когда-то говорила церковь, королевская власть, потомъ буржуазія, наконецъ городскіе рабочіе, но которое всѣ эти виды меньшинства принимали и принимаютъ до сихъ поръ только за «объектъ мѣропріятій». Начиная съ революціи, освободившей крестьянъ отъ всякаго рода обязательныхъ работъ для дворянства и давшей имъ возможность приобрести кусочки земли при продажѣ конфискованныхъ земель, матеріальное благосостояніе крестьянъ все поднималось, — и надо сказать правду, что правленіе Наполеона III, особенно торговые трактаты его, не остались безъ полезнаго вліянія на это благосостояніе, хотя Наполеонъ далеко не сдѣлалъ всего того, что обѣщалъ и что могъ бы сдѣлать, еслибъ у него достало ума понять ясно свою историческую задачу и честно выполнять ее открыто. Во всякомъ случаѣ, поземельная собственность теперь все больше переходитъ въ руки французскихъ крестьянъ.

Вотъ что, напримѣръ, говоритъ дю-Шателлье въ книгѣ «о земледѣліи и земледѣльческихъ классахъ въ Бретани» ¹⁾: «Съ какою рассчитанною, но вѣрною медленностью эти люди овладѣваютъ землею, которую они по справедливости считаютъ самымъ вѣрнымъ знакомъ своей эмансипаціи. Каждый день даетъ имъ нѣсколько имѣній больше и, какъ только обстоятельства благоприятны производительности, становится невозможнымъ выдерживать ту горячую конкуренцію, съ которой они преслѣдуютъ приобрѣтеніе выгодныхъ имъ кусковъ земли».

Какъ всякій органическій ростъ, этотъ ростъ значенія сельскаго населенія во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, медленъ, скрытъ подъ другими слоями общественной жизни, но тѣмъ не менѣе идетъ, постепенно усиливаясь и проявляясь хотя бы въ томъ, что Наполеонъ III долженъ былъ льстить и обѣщать разныя блага сельскому люду и при послѣднемъ голосованіи прошелъ только на сельскихъ голосахъ, что нынѣшняя палата французская состоитъ въ большинствѣ изъ депутатовъ, которымъ большинство дали села. Селяне, *les giguaux*, сами изъ себя еще не выработали рода людей, которыхъ бы могли посылать въ представительныя собранія, потому они должны исвать

¹⁾ Du Chatellier, L'agriculture et les classes agricoles de la Bretagne. Paris. 1868, стр. 208.

ихъ среди другихъ, болѣе ушедшихъ въ развитіи сословій, — и ищутъ ихъ среди аристократіи и духовенства, чѣмъ и объясняется странное, на первый взглядъ, явленіе, что въ Германіи, Бельгіи клерикально-консервативныя партіи стремятся провести поголовную подачу голосовъ, это исчадіе либерализма и революціи, во Франціи же либералы и притомъ такіе, какъ Литтре, Тэнъ, измышляютъ способы «исправить ошибку, сдѣланную прежними демократами», т.-е. урѣзать всеобщее голосованіе. Для насъ, русскихъ, привывшихъ видѣть щедринскаго помѣщика, который мечтаетъ, какъ бы «мужика истребить», и жалуется на «антагонизмъ», возбужденный между нимъ и Ванькой закономъ 19-го февраля; для насъ, читавшихъ въ «Вѣсти» плачь о томъ, будто даже наша система выборовъ земскихъ гласныхъ есть организація *suffrage universel*, — такого рода явленія, какъ хлопоты бельгійскихъ клерикаловъ о всеобщемъ избирательствѣ, какъ избраніе французскими крестьянами крупныхъ помѣщиковъ, — вещи вдвойнѣ странныя, изъ которыхъ послѣднее мы могли бы объяснить только экономическою зависимоścią крестьянъ отъ помѣщиковъ. А между тѣмъ это объясненіе будетъ всего менѣе вѣрно, потому что, благодаря аукціонамъ конфискованныхъ въ революцію земель, рѣдко гдѣ сельское населеніе такъ мало похоже на батраковъ, какъ во Франціи, а слѣдовательно, рѣдко гдѣ такъ мало зависимо въ экономическомъ отношеніи отъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, какъ во Франціи. Но именно эта независимость и составляетъ причину, почему тотъ старинный антагонизмъ между легитимистскою аристократіей и крестьянствомъ замѣнился во многихъ случаяхъ скорѣе взаимной симпатіей, нежели антипатіей. Крестьянинъ знаетъ, что его помѣщикъ видитъ, что у крестьянина ничего отнять нельзя, — слѣдовательно, ихъ интересы, какъ сосѣдей, какъ землевладѣльцевъ, винодѣловъ и пр., скорѣе солидарны (конечно, насколько возможна солидарность при разныхъ степеняхъ богатства), чѣмъ противоположны. Поворчавъ во время реставраціи на порядки, введенные во время революціи, аристократія, по крайней мѣрѣ часть ея, по необходимости примирилась съ ними, а будучи отторгнута отъ центра политической жизни буржуазіей орлеанской эпохи и сбродомъ наполеоновскою, часть аристократіи, и притомъ болѣе чистая морально, засѣла по деревнямъ, принялась хозяйничать и понемногу сблизилась съ крестьянствомъ. Кто изъ нея имѣлъ охоту къ учено-литературной работѣ, тотъ занялся мѣстной исторіей, археологіей, этнографіей; многіе хотѣли въ старой исторіи найти памятники и доказательства величія своего сословія, а нашли тамъ и слѣды самостоя-

тельной жизни народной, нашли въ средних вѣкахъ проявленія земскаго самоуправленія. Къ тому же, на мѣстѣ, въ провинціальной глуши, для дѣловаго человѣка виднѣе всѣ нецѣпности и недостатки государственной централизаціи; вотъ, вмѣстѣ съ вѣрою въ возможность укрѣпленія вліянія на дѣла,—причины, почему изъ аристократическихъ рядовъ въ послѣднее время слышались сильнѣе всего голоса противъ централизаціи ¹⁾. Въ селахъ же, въ средневѣковыхъ архивахъ и преданіяхъ образованные аристократы нашли и народную рѣчь, несходную съ литературнымъ языкомъ буржуазныхъ городовъ, и сначала дилеттантски, а потомъ все серьезнѣе увлеклись ею. Въ то же время часть духовенства, наученная опытомъ революціи, чего можно дожидаться, если ограничивать свою духовную службу мессами и проповѣдью, въ половину пересыпанною плохой латынью, въ свою очередь призадумалась о средствахъ укрѣпить свое вліяніе на народъ, и прибѣгла къ проповѣди и къ изданію книгъ и журналовъ на народной рѣчи ²⁾. Наконецъ, разъ, когда началось движеніе въ пользу народныхъ нарѣчій, изъ разныхъ сословій стали выходить ученые и поѣты, которые принялись за разработку мѣстныхъ преданій и нарѣчій и, образовавъ по провинціямъ партіи провин-

¹⁾ Впрочемъ, когда оказалось послѣ временнаго закона 1871 года о департаментскихъ совѣтахъ и комиссіяхъ и объ общинахъ, что аристократія далеко не получила ожидаемаго вліянія, то многіе изъ нея сильно охладѣли и къ децентрализаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ толки о необходимости урѣзать всеобщую подачу голосовъ послышались уже со стороны консервативной. Это заставило прогрессистовъ вѣскольکو отступить отъ идеаловъ конвента и стать на защиту всеобщаго голосованія.

²⁾ Эта связь духовной Франціи съ народными нарѣчіями, столь повидимому, противная преданіямъ католицизма, ведетъ свое начало со времени революціи, когда и католицизмъ былъ такъ же гонимъ, какъ народныя нарѣчія. „Оппозиція политическая и религіозная,—говоритъ Pierquin, одинъ изъ защитниковъ *patois*,—будетъ пользоваться всегда народными языками противъ тѣхъ, кто ихъ преслѣдуетъ. Такъ, напр., Арій, отлученный епископомъ александрійскимъ, отвергнутый главами церкви, обратился прямо къ толпѣ и составилъ для всѣхъ земель (провинцій) собранія пѣсенъ. Извѣстно, что за тѣмъ послѣдовало. Развѣ не вышло изъ этого, что выдающіяся лица, которыми онъ овладѣлъ этимъ боковымъ маневромъ, были подвинуты, вовлечены народнымъ потокомъ въ арианизмъ. Этотъ несокрушимый способъ не былъ ли употребляемъ и самими апостолами? Возвышенный Павелъ развѣ не предпочиталъ сельскую латынь языку Цицерона и Virgilia, которымъ народъ никогда не говорилъ? Развѣ нѣкоторые изъ отцовъ церкви не предпочитали народную греческую рѣчь языку Демосеена и Эсхила? Развѣ соборы не требовали, чтобы съ народомъ говорили его нарѣчіемъ, которое онъ понимаетъ?.. А наши миссіонеры развѣ не поступаютъ такъ повсюду? Безъ сомнѣнія, протестантскія церкви обязаны своимъ успѣхомъ этому правилу: и еще царь-пророкъ сказалъ: мы восхвалимъ тѣхъ, кто говоритъ языкомъ нашимъ“ (G. Pont. Origines du patois de la Tarentaise. Préface).

ціальныхъ народолюбцевъ, стали въ политическомъ отношеніи требовать областной автономіи, то съ аристократически-роялистскимъ, то съ демократически-федеральнымъ оттѣнкомъ. Но по большей части до самаго послѣдняго времени, какъ въ политическомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, проповѣдники децентрализаціи и провинціального патріотизма принадлежали скорѣе къ клерикально-аристократическому лагерю, чѣмъ къ либерально-демократическому, а извлекаемыя изъ крестьянскихъ устъ и средневѣковыхъ поэмъ и хроникъ и обрабатываемыя патріотами провинціальныя нарѣчія во Франціи становились органами болѣе ультрамонтанскихъ и роялистскихъ, средневѣковыхъ идей и чувствъ, чѣмъ идей новой цивилизаціи. Причина тому—удаленіе городскихъ классовъ, буржуазіи и даже поземельныхъ собственниковъ, поселившихся въ городахъ, отъ сельскаго населенія. Дю-Шателль говоритъ въ упомянутой выше книгѣ: «Сельскій человекъ, заключаясь все больше и больше въ своемъ небольшомъ владѣніи, отдѣляется съ каждымъ днемъ все больше отъ горожанъ, которыхъ многіе изъ селянъ знаютъ только потому, что должны платить деньги владѣльцамъ фермъ, съ которыми они часто должны объясняться черезъ переводчиковъ. Нѣкоторые помѣщики, отдалившись такъ отъ фермеровъ, довели дѣло до того, что прервали съ ними всякія сношенія и возобновляютъ арендные договоры черезъ нотариусовъ».

Буржуазные классы смотрятъ собственно на селянъ, какъ на низшую, необразованную расу, и въ свою очередь не пользуются почтеніемъ селянъ. Шарль де-Голль ¹⁾ говоритъ о настроеніи селянъ въ Бретани: «Селяне слишкомъ часто не признаваемые и презираемые горожанами, съ которыми они не обмѣниваются чувствами и мыслями, приучаются все больше смотрѣть на нихъ, какъ на иностранцевъ, и платятъ имъ презрѣніемъ за презрѣніе. Откройте народныя пѣсни, и вы увидите свидѣтельства этого чувства, такъ сказать, на каждой страницѣ! Между тѣмъ, — продолжаетъ далѣе де-Голль, — со стороны буржуазіи тѣмъ болѣе неблагоприятно отдѣляться такъ отъ крестьянъ, что эти послѣдніе, изъ которыхъ такъ охотно дѣлаютъ типъ невѣжественной и оупѣлой неподвижности, стремятся, вслѣдствіе любви къ независимости, умнаго и смѣлаго труда, стать вездѣ хозяевами земли и составить въ деревняхъ классъ способный, многочисленный, энергическій и весьма могущій заявить, въ виду городского населенія, свое соперничающее и скоропреобладающее вліяніе».

¹⁾ De Gaulle, Les Celtes au dix-neuvième siècle. Paris, 1865, p. 29.

Последнія событія, начиная съ голосованія Наполеона, вполне оправдали слова бретанскаго патріота.

Либеральные слои французскаго общества, преимущественно столичные, выходящіе изъ буржуазнаго и рабочаго населенія большихъ городовъ, не знали народныхъ нарѣчій, равно какъ и стремленій къ децентрализаціи, — мало того, продолжая традиціи конвента и надѣясь съ помощью централизаціи, разъ добившись власти, перестроить по-своему, декретами, страну, смотрѣли презрительно и даже враждебно на федерализмъ. Усматривая, что провинціальныя патріоты такъ близки къ влержально-аристократическимъ кругамъ, съ двойной враждой смотрѣли либералы на возрожденіе провинціальныя нарѣчій, какъ на покушеніе на самую священную сторону французскаго единства, — единство литературнаго языка, и какъ на возрожденіе не только средневѣковой дробности, но и средневѣбовыхъ идей. Въ довершеніе всего, — и это главное, — французскіе либералы, и вольтеріанскаго и робеспьеровскаго закала, замѣтивъ, что вообще французскій крестьянинъ, говорящій своимъ пауга, а не языкомъ Вольтера, идетъ не съ ними, относились къ этому крестьянству съ чувствомъ не только презрѣнія, но и ненависти, чѣмъ обуславливается существующее и до сихъ поръ явленіе, — поразжающее въ особенности русскаго наблюдателя, — что чѣмъ болѣе кто во Франціи демократъ, то, — какъ только выйдетъ изъ колеи общихъ фразъ о «народѣ», — тѣмъ болѣе относится съ презрѣніемъ къ сельскому населенію, т. е. къ настоящему народу.

Но мало-по-малу консеквентность въ либеральныхъ началахъ, прогрессъ науки историческаго, политическаго и филологическаго стали приводить многихъ во французскомъ обществѣ къ иному взгляду на вопросъ о централизаціи, къ иному взгляду на крестьянство и его рѣчь ¹⁾. Что же до дилетантскаго

¹⁾ Вотъ что говоритъ Abbé G. Pont (Origines du patois de la Tarentaise): „Мы должны прибавить, что нужна смѣлость, чтобъ любить наши деревни, хижины, горы, нашъ народный языкъ, въ то время когда просвѣщенные классы, какъ ихъ называютъ, презираютъ народъ и его высокія созданія, стыдятся роднаго языка, отрицаютъ всѣ способы выраженія, рожденные на народной почвѣ и составляющіе основу нашего языка. Ученые, впрочемъ, далеки отъ того, чтобъ раздѣлять эти предрасудки, и если мы достаточно счастливы, что можемъ цитировать такія имена, какъ Вильменъ, Шампольонъ-Фижакъ, Форіаль, Тастю, Милленъ, Нодье, Ренуаръ, Онора, Цейссъ, Дюканжъ, Домъ-Карпантье и т. п., мы можемъ легко утѣшиться въ виду анаедемъ тѣхъ, которые смотрятъ, какъ на дѣло ниже ихъ, на этнографическое изученіе провинціи, департамента“. А вотъ въ какихъ выраженіяхъ высказываетъ, общую теперь всѣмъ понимающимъ дѣло, мысль о значеніи стариннаго и народнаго языка Литтре: „Эти великіе люди (герои прошлаго) говорили такимъ же хорошимъ фран-

упражнения въ провинціальныхъ нарѣчіяхъ и ученой ихъ обработки, то французское, какъ и всякое западно-европейское общество, слишкомъ благовоспитанно въ литературномъ и ученомъ отношеніи, чтобъ преслѣдовать подобныя попытки и разработку, когда за нее берутся люди свѣдущіе и владѣющіе такими литературными талантами, какъ, напр., провансальскій поэтъ Мистраль. Вотъ почему корифеи французской литературы и критики, какъ, напр., Гюго, Ламартинъ, Т. Готье, С. Р. Тайльяндье, С.-Бѣвъ и другіе отличались всегда самымъ любезнымъ отношеніемъ къ бретонскому и провансальскому литературнымъ движеніямъ, которое раздѣляли съ ними и важнѣйшіе французскіе журналы, напр. *Revue des deux Mondes*. Новѣйшія событія и поднятые въ недавнее время вопросы все болѣе давали хода идеямъ о децентрализаціи во Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигали любителей провинціальныхъ діалектовъ изъ сферы стихотворно-дилеттантской и учено-археологической на политическую и практическую, произвели по вопросу о децентрализаціи извѣстное сближеніе между провинціальною деревенскою аристократіей, представляющею крестьянство, и разными отпрысками либеральныхъ партій, несмотря на значительныя разногласія между ними по другимъ вопросамъ. Легитимисты-дворяне честно бились въ арміяхъ Гамбетты за цѣлость Франціи; «Южная лига защиты» соединяла въ себѣ и республиканскіе, и легитимистскіе элементы; провансальскіе и бретонскіе автономисты и даже чуть не «сепаратисты» едва ли не превосходили людей средней Франціи ревностью въ борьбѣ съ врагомъ. Борьба военная привела въ столеновеніе городскихъ радикаловъ съ крестьянствомъ, — которое потомъ выслало теперешнее *деревенское* большинство палаты. Несмотря на горечь, вынесенную первыми изъ этого столеновенія, и несмотря на то, что *les ruraux* сдѣлалось-было чуть не браннымъ словомъ, человѣкъ, который изъ всѣхъ городскихъ радикаловъ наиболѣе долженъ былъ «потерѣться» между народомъ, Гамбетта, пришелъ къ идеямъ, что Франція не была бы несчастна, еслибы она имѣла настоящее «деревенское большинство»;

цузскимъ языкомъ, какъ и тѣ, кто ихъ осуждалъ; но ихъ французскій языкъ, болѣе общій и вразумительный, былъ почерпнутъ изъ источника болѣе обильнаго, — чѣмъ тотъ, который доставляется первымъ лексикономъ академическимъ. Еще и теперь нужно только безъ предубѣжденія слушать, какъ говорятъ люди неграмотные, особенно изъ извѣстныхъ провинцій, чтобъ признать въ ихъ словахъ, выраженіяхъ, въ произношеніи особенности — столько же законныя и часто гораздо болѣе изящныя, энергическія и приличныя случаю, чѣмъ официальное нарѣчіе (*l'idiome officiel*)⁴. *Hist. de la langue française*, I, 307.

только надо позаботиться, чтобы это большинство представителей народа было настоящее деревенское, мужицкое, т.-е. представляло дѣйствительно интересы большинства народа, для чего надо, чтобы народъ этотъ былъ просвѣщенъ, чтобы партія, называющая себя демократическою, сблизилась съ большинствомъ народа, — крестьянствомъ, деревенщиною. Всѣ эти событія и явленія дали болѣе жизненное, хотя бы пока и не всегда симпатичное, содержаніе литературѣ провинціальныхъ народныхъ нарѣчій, вывода ее изъ круга средневѣковыхъ преданій и идей, и дало довольно важное жизненное значеніе вопросу объ этихъ нарѣчіяхъ. Взятый въ связи съ вопросомъ о децентрализаціи и народномъ образованіи, этотъ вопросъ имѣетъ немаловажное значеніе и есть одно изъ частныхъ проявленій движенія, которое то сильнѣе, то слабѣе замѣчается во всѣхъ европейскихъ обществахъ, — движенія къ тому, чтобы дать если не преобладаніе, то сильную долю участія въ нравственной и политической жизни современныхъ обществъ сельскимъ классамъ, дѣйствительному большинству народа.

То, что французская кличка *les gigaux* дана городскими демократами сельскимъ аристократамъ, а въ другихъ мѣстахъ противъ *мужичества* кричатъ люди и партіи, которыхъ идеи социальныя и нравственныя всего болѣе подходятъ къ идеямъ роялистовъ французскаго собранія, не должно насъ вводить въ заблужденіе на счетъ сущности обоихъ явленій. Вообще *юрализмъ*, *деревенщина*, *мужикоманія* имѣютъ не только въ разныхъ странахъ, а въ одной и той же странѣ различныя оболочки, — но жизненная сущность и стихійная причина, выдвигающая наверхъ то тѣхъ, то другихъ представителей этой идеи, все-таки остается одна и та же. Такъ, во Франціи деревенская крестьянская идея представляется теперь преимущественно, а недавно еще представлялась почти исключительно аристократическими и влеривальными кругами, но силу и опору этимъ кругамъ даютъ только голоса крестьянъ; очевидно, что союзъ этотъ, представителей и представляемыхъ, крѣпокъ только пока крестьяне не найдутъ среди себя или среди другихъ слоевъ болѣе образованнаго общества представителей, которымъ они могли бы довѣриться и пока между интересами крестьянъ, влерикаловъ и аристократіи не окажется противорѣчія. Но и теперь среди городской демократіи есть уже люди, которые начинаютъ понимать значеніе поднятія «новой общественной силы», и стремятся стать ея союзниками и выразителями, и другіе, которые и теперь сблизаются по вопросу о децентрализаціи съ самыми крайними роялистами деревенскаго большинства. При всѣхъ же своихъ общихъ сторонахъ, вопросъ

о децентрализаціи важенъ сначала въ провинціальномъ, а потомъ преимущественно въ деревенскомъ и еще болѣе частно въ мужицкомъ интересѣ. Столица, хотя бы она, какъ это было съ Парижемъ, и была центромъ всѣхъ политическихъ и культурныхъ стремленій страны, а потому заключала въ себѣ болѣе или менѣе сильную партію и децентралистовъ, тѣмъ не менѣе слишкомъ мало чувствуетъ неудобства централизаціи и слишкомъ выигрываетъ отъ централизаціи, чтобы ея даже федералистическія демонстраціи были вполне ясны и искренны. Парижское движеніе коммуналистовъ, съ его сильною яacobинскою примѣсью, это подтвердило вполне. Въ то же время интересы буржуазіи, особенно богатой, склоняются болѣе на сторону централизаціи, чѣмъ децентрализаціи; по крайней мѣрѣ капиталисты, благодаря подвижности главнаго источника своихъ доходовъ, не только менѣе терпятъ, но во многихъ случаяхъ выигрываютъ отъ централизаціи. То же слѣдуетъ сказать и о той части мелкой буржуазіи, которая поставляетъ чиновниковъ, адвокатовъ и даже литераторовъ, а также о фабрикантахъ и рабочихъ, обрабатывающихъ предметы роскоши и продукты привозные. Что же до равныхъ видовъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, равно какъ и до другихъ предпринимателей и рабочихъ добывающей промышленности и обрабатывающей туземные сырые продукты, то при неподвижности ихъ источниковъ дохода, — для нихъ интересы мѣстные, школы элементарныя, дороги сельскія по меньшей мѣрѣ равно близки, какъ и интересы общіе, связь съ землями иностранными и т. д., т. е. для нихъ вопросъ о децентрализаціи есть вопросъ жизненный. Изъ аристократіи служащая только часть можетъ получать выгоды отъ централизаціи, потому чѣмъ больше въ какой странѣ аристократія живетъ службой, тѣмъ болѣе она и держится централизаціи; но аристократія хозяйствующая всегда тянется за децентрализацію, не только потому, что эта послѣдняя сохраняетъ больше капиталовъ въ провинціяхъ, но и потому, что здѣсь, въ мѣстныхъ сферахъ, поземельные собственники могутъ надѣяться приобрести болѣе вліянія на ходъ дѣлъ въ мѣстныхъ распорядительныхъ учрежденіяхъ. Духовенство, особенно католическое, обладаетъ талантомъ приспособляться, для огражденія своихъ интересовъ, въ разныхъ политическихъ системахъ; но и оно теперь почитаетъ болѣе подходящимъ къ своимъ интересамъ децентрализацію, чѣмъ централизацію, болѣе широкое участіе массъ сельскихъ въ дѣлахъ государства черезъ поголовную подачу голосовъ: духовенство, какъ и аристократія, рассчитываетъ на свое вліяніе на мѣстахъ и на сельскія массы, и вообще на бѣдныя свои на-

селения, куда меньше проникли вольтерянскія идеи, порядкомъ заразившія средніе городскіе классы, — хотя событія 1848—52 г. и 1871 г. показали, что вольтерянство это имѣеть много сходнаго съ вольнодумствомъ аристократовъ времени регентства, т. е. что оно имѣеть подкладной своей болѣе сансуализмъ свѣтскаго человѣка, чѣмъ философское убѣжденіе, и держится до первой пробы, послѣ которой буржуазія, также охотно, какъ въ свое время эмиграціонная аристократія, бѣжитъ подъ защиту духовенства, увѣряя въ то же время, что она-то и защищаетъ атрибуты «порядка» ¹⁾. Весьма вѣроятно, что при дѣйствительномъ проведеніи децентрализованнаго (общиннаго) начала на практикѣ, особенно при болѣе дѣятельномъ и сознательномъ участіи сельскаго класса въ дѣлахъ общественныхъ, — въ отношеніяхъ духовенства (какъ и аристократіи) къ началу общинному произойдетъ перемѣна, а именно, высшее духовенство (какъ и аристократія) во Франціи сильно охладѣетъ въ началу общинному, что мы уже и теперь видимъ; но за то въ этому началу еще больше должно привязаться духовенство низшее для своего освобожденія отъ гнета высшаго. Расколъ этотъ совпадаетъ съ начавшимся въ недавнее время своего рода религіознымъ реформаціоннымъ движеніемъ, коего все больше усиливающійся влериализмъ (въ однихъ мѣстахъ ультрамонтанскій, въ другихъ нео-католическій или даже нео-протестантскій) есть только одинъ изъ признаковъ. Весьма вѣроятно, что въ концѣ-вонцовъ имѣннее стремленіе аристократіи и духовенства завладѣть сельскими массами, съ помощью поголовной подачи голосовъ и децентрализаціи, кончится новымъ разладомъ между аристократически-влерикальными элементами, образцы котораго мы видѣли во время реформаціи (не вездѣ, впрочемъ) и во время революціи, — но эти расколы принадлежатъ будущимъ, — хотя, можетъ быть, и не очень далекимъ, —

1) Этой, впрочемъ, приспособительности не лишены и другіе, упомянутые нами политическіе элементы, и если мы говорили о большемъ или меньшемъ тяготѣніи ихъ къ централизаціи или децентрализаціи, то имѣли въ виду только большинство интересовъ и случаевъ, — но иногда бываетъ, что въ какомъ-либо частномъ случаѣ иной элементъ, который всегда тянулъ за централизацію, потянетъ за обратную систему, и наоборотъ... Главная задача наблюдателя процесса политической жизни заключается въ томъ, чтобы понять, куда тянетъ, въ большинствѣ случаевъ, большинство интересовъ разныхъ политическихъ стихій, а главный талантъ политическихъ дѣятелей, представляющихъ эти стихіи, состоитъ въ томъ, чтобы понять, какого рода строй подходитъ къ большинству ихъ интересовъ въ большинствѣ случаевъ. Само собой, что наблюдатель процесса общественнаго развитія не долженъ упускать изъ виду, что иной изъ дѣйствующихъ въ данное время элементовъ можетъ совершенно оправдаться въ послѣдующее время.

временамъ и движеніямъ, долженствующимъ совершенно видоизмѣнить теперешнія отношенія общественныхъ силъ. Теперь же ясно, — и это весьма характерно, — что аристократія и духовенство почти вездѣ въ Западной Европѣ становятся во главѣ крестьянства, и движенія къ децентрализаци, т.-е. къ формѣ повидимому наиболѣе согласной съ идеями и идеалами демократіи; и наоборотъ, многіе изъ старо-демократической партіи подумываютъ объ исправленіи избирательства демократическаго, и почти всѣ то съ ужасомъ, то съ нерѣшительностью смотрятъ на движеніе къ децентрализаци. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ несомнѣнно демократическихъ, особенно изъ социально-демократическихъ элементовъ подаютъ руку феодально-клерикальнымъ партіямъ, иные только по вопросу о децентрализаци, другіе ради борьбы съ буржуазіей, третьи — раздѣляя многія ученія клерикальныя и стремясь къ образованію религіозной демократіи и христіанскаго социализма, — возбуждая горькія сѣтованія и обличенія для либеральничавшей и вольтеріанствующей буржуазіи и бюрократіи. Такъ, кромѣ указанныхъ примѣровъ, во Франціи села, народъ посылаетъ въ палату враговъ республики и демократіи; при помощи республиканскихъ выборовъ, легитимисты сходятся съ послѣдователями Прудона въ антипатіи къ централизму и буржуазной республикѣ. Въ Бельгіи, какъ было уже упомянуто, клерикалы требуютъ поголовной подачи голосовъ; въ Швейцаріи клерикалы за-одно съ интернаціоналами стоятъ за кантонализмъ; въ южной Германіи ультрамонтаны пугаютъ буржуазію радикально-демократическими выходками, а архіепископъ Майнцскій заявляетъ, что общественный строй не для того существуетъ, чтобы масса народа работала въ потѣ лица, а фабрикантъ и купецъ, откормившись на счетъ этого пота, вольтеріанствовали; собраніе епископовъ въ Фульдѣ говоритъ въ пользу рабочихъ ассоціацій, демократы Йоргъ и Россбахъ говорятъ о необходимости устройства государства на болѣе христіанскихъ началахъ, т.-е. равенствѣ, братствѣ и безъ экономической эксплуатаціи; демократы и клерикалы Виртемберга и Баваріи, принявъ названіе патриотовъ, стремятся отстоять мѣстную автономію и «миролюбивый духъ юга» отъ централистскихъ и военныхъ стремленій имперіалистовъ сѣвера; консерваторъ-объединитель Германіи, Бисмаркъ, вводитъ поголовную подачу голосовъ въ государственное право Германской имперіи, «топить» Пруссію въ болѣе или менѣе федеративно устроенной Германіи, и послѣ того, какъ, вопреки даннымъ неоднократно обѣщаніямъ и наперекоръ крикамъ либераловъ, присоединилъ Голштейнъ къ Пруссіи, дѣлаетъ изъ

Эльзаса и Лотарингіи, наперекоръ имперіалистамъ изъ національныхъ либераловъ, имперскую область, которую общааетъ надѣлать областными и общинными правами и даже находить частицы разума въ движеніи парижскихъ федералистовъ, — къ ужасу республиканцевъ, въ родѣ Жюль-Фавра, который въ этомъ заявленіи не находить ничего, кромѣ коварной интриги. Въ Австріи потомки издавна отмеченныхъ родовъ, сами едвали могущіе думать иначе, какъ по-нѣмцки, графы Туны, Мартиницы и т. п., превращаются въ чеховъ — народность, которая еще недавно только и держалась, что у *седлаковъ*, т. е. мужиковъ; демократъ-великогерманецъ профессоръ Шефле, авторъ сочиненія «Capitalismus und Socialismus», разъясняетъ императору, что «пора положить конецъ преобладанію безнравственной бюрократіи, эксплуатирующей рабочія массы, въ которыхъ только и сохранилась австрійская идея», и пристаётъ къ таеъ-называемому клерикально-феодалному министерству, этому «произведенію придворной династической камарилы», врага «мѣщанскаго конституціоннаго министерства», — къ министерству гр. Гогенварта, поставившему было цѣлью устроить Австрію, какъ союзъ областей и народностей, и предохранить ее отъ поглощенія Германіей, къ которому ведетъ буржуазно-централистическая партія и т. д. и т. д.

Таеъ въ разныхъ странахъ повсюду выходитъ наружу процессъ поднятія сельскихъ классовъ и слитія въ томъ или иномъ видѣ съ ними выше стоящихъ — и связанный съ этимъ процессомъ вопросъ о децентрализаци; а вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается и вопросъ о значеніи языковъ и нарѣчій, загнанныхъ исторіей въ глубь провинцій и сель. Мы намѣрены сдѣлать русскимъ читателямъ характеристику положенія одного изъ этихъ вопросовъ, именно вопроса объ областныхъ, мужицкихъ и сельскихъ нарѣчійхъ во Франціи, — въ двухъ наиболѣе характерныхъ въ этомъ отношеніи областяхъ. Франція въ этомъ вопросѣ тѣмъ болѣе интересна для наблюденій, что она считается образцомъ централизованнаго государства. Мы коротко изложимъ исторію этого вопроса во Франціи, — и затѣмъ передадимъ читателю свѣдѣнія о послѣднихъ проявленіяхъ литературнаго провинціализма въ двухъ пунктахъ, гдѣ онъ наиболѣе проявляется во Франціи, и притомъ болѣе о практической, педагогической и политической сторонѣ его, чѣмъ о собственно литературно-художественной. Области, гдѣ наиболѣе проявляется литературный провинціализмъ во Франціи, — Бретань, Фламандскіе округа сѣверовосточныхъ департаментовъ, и Провансъ съ прилегающими южными департаментами.

Изъ этихъ областей фламандское литературное движеніе во Франціи есть только отраженіе движенія, возникшаго и развивающагося въ Бельгіи, а потому мы и оставимъ его въ сторонѣ настоящаго очерка, ограничившись самыми короткими замѣчаніями.

I.

Если выдѣлить изъ общей суммы людей, говорящихъ нижне-нѣмецкими нарѣчіями, — которыхъ область тянется по берегамъ морей Нѣмецкаго и Балтійскаго, отъ Дюнкирхена до нашихъ Остзейскихъ губерній, — т. е. изъ 15—17 милліоновъ, собственно фламандскую вѣтвь, то наибольшая часть ея помѣщается въ Бельгіи и Люксембургѣ, гдѣ изъ 4.782,255 жителей въ 1861 г. было 2.666,290 человекъ фламандцевъ. Во Франціи, въ округахъ около Сентъ-Омера (деп. Pas de Calais), Дюнкирхена и Газебрука (деп. Nord), въ 202 общинахъ говорятъ до сихъ поръ по-фламандски. Что касается до Бельгіи, то здѣсь собственно никогда не прерывалась богатая въ средніе вѣка литература фламандская, равно какъ никогда фламандское нарѣчіе не лишалось совершенно и офіціального значенія; оно только, то во время присоединенія Бельгіи къ Франціи, то въ Голландіи, то потомъ во времена восстановленія самостоятельности Бельгіи отступало, подъ преобладаніемъ французско-валлонскихъ округовъ, на второй, и иногда очень задній, планъ въ управленіи и преподаваніи, оставаясь въ силѣ только въ церковной проповѣди. Въ послѣднее время усилія фламандскихъ патріотовъ въ Бельгіи, достигнуть полнаго равноправія фламандскаго языка съ французскимъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни общественной, близки къ достиженію цѣли. Въ прошломъ году фламандскій языкъ былъ, посредствомъ парламентскаго постановленія, уравненъ въ правахъ съ французскимъ въ судебныхныхъ учрежденіяхъ. Исторія этихъ усилій, отношенія фламандскаго движенія (*De vlaemsche beweging*) въ голландскому, нѣмецкому и французскому элементамъ весьма интересны, но выходятъ изъ предѣловъ нашей настоящей статьи. Конечно, во Франціи фламандское движеніе питается изъ Бельгіи. Но и во Франціи, въ Дюнкирхенѣ, въ 1853 г. образованъ комитетъ, имѣющій цѣлью покровительствовать поддержанію и развитію фламандской рѣчи во Франціи; комитетъ издаетъ свой ежегодникъ и на французскомъ языкѣ (*Annales du comité flamand de France*);

замѣчательно, что комитетъ выбралъ своимъ почетнымъ президентомъ известнаго нѣмца-филолога Якова Гримма, и несмотря на это и на цѣль комитета, уставъ его былъ утвержденъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Нѣмцы смотрятъ на фламандцевъ, какъ на нѣтъ ихъ народа, — что, конечно, съ учено-этнографической стороны и вѣрно, но нѣмецкая журналистика не отдѣляется отъ ученыхъ идей и политической идеи, и старается раздуть у фламандцевъ вражду «германскаго элемента» въ французско-романскому. Но такъ какъ, несмотря на то, что далеко еще не всѣ требованія, которыя кажутся фламандскимъ патриотамъ законными, исполнены, во французскомъ элементѣ въ Бельгии и во Франціи нѣтъ систематическаго, принципиальнаго отрицанія требованій и цѣлей фламандцевъ, то у фламандцевъ замѣчается совершенно не такое отношеніе къ французамъ, каково, напр., у славянъ къ нѣмцамъ, и въ то же время обнаруживается весьма мало готовности погрузиться въ пангерманизмъ даже литературномъ, не говоря уже о политическомъ. Это не мѣшаетъ фламандцамъ считать очень близкими себѣ духовныя произведенія нѣмецкаго племени, а небольшую, но владѣющую нѣсколькими талантами литературу «плат-дейскаго діалекта» считать почти родной себѣ ¹⁾. Какъ нарочно, чтобъ опровергнуть стремленіе присоединять къ нынѣшней Германіи всѣ округа, которые по ученымъ розысканіямъ оказываются германскими, въ послѣднюю войну мобили сѣвернаго департамента въ арміи Федерба показали особенное упорство и стойкость, подобно тому какъ именно эльзасцы упорно желали продолженія войны до крайности, а цюрихцы изъ всѣхъ сосѣдей Германіи наиболее рѣзко протестовали противъ празднованія нѣмецкихъ побѣдъ ²⁾. Еще раньше образованія спеціальнаго фламандскаго комитета во Франціи, въ 1851 г. многіе духовные заявили академическому совѣту сѣвернаго департамента мнѣніе о необходимости допущенія въ элементарное образованіе фламандскаго нарѣчія. До сихъ поръ это требованіе не исполнено, но въ церкви фламандское нарѣчіе употребляется чѣмъ дальше—все больше. Во время выборовъ въ 1870 г. префектъ Лилля, для того, чтобъ подѣйстви-

¹⁾ Объ ней смотри М. Миллера, *Essays*, т. III, и Klaus Groth—*Die Mundart und die mundartige Dichtung*.

²⁾ Въ Эльзасѣ сочиняются стихотворенія на мѣстномъ нѣмецкомъ языкѣ, проповѣдующія ненависть къ нѣмцамъ (*Lieder des Hasses. Politische Gedichte einer Elsasser. Genf. 1871.*) и печальное прощаніе съ Франціей (*Elsaessische Sonnette. Basel. 1871.*)

вать больше на избирателей, долженъ былъ писать циркуляры на фламандскомъ нарѣчїи, которое такимъ образомъ получаетъ официальное признаніе и въ унитарной Франціи.

Движеніе бретонское и провансальское возникло специально на французской почвѣ, хотя и эти движенія имѣютъ свои высшія отношенія: первое къ князеству Уэльскому, второе къ Каталонїи. Начались оба движенія съ археологическихъ, филологическихъ ученыхъ работъ и стихотворныхъ дилеттантскихъ упражненій, отличающихся идилическимъ или близкимъ къ характеру средневѣковыхъ и народныхъ стихотвореній, піэтистическимъ содержаніемъ. За границей, не всѣмъ, даже ученымъ, извѣстно, какъ возрастало по разнымъ угламъ Франціи количество ученыхъ и литературныхъ обществъ, и отдѣльныхъ сочиненій и изданій, посвященныхъ провинціальной археологїи, исторїи, этнографїи. Между тѣмъ, бѣглый взглядъ на библіографію даже 1870 г. показываетъ, что въ этотъ неспокойный годъ провинціальныя учено-литературныя общества и академіи, провинціальныя ученые далеко не оставили своихъ работъ. Въ суммѣ количество ученыхъ обществъ въ провинціяхъ и работъ по изученію провинцій во Франціи въ послѣднее время едва ли не превосходитъ количество таковыхъ въ Германїи, несмотря на то, что въ послѣдней, провинціи—государства, и что уже одни многочисленныя сочиненія и брошюры биографическія, генеалогическія и т. п. о правившихъ и правящихъ въ разныхъ мѣстахъ Германїи домахъ наполняютъ цѣлыя страницы библіографій ¹⁾. Въ этихъ трудахъ и изданіяхъ принимаютъ не малое участіе провинціальныя клерикально-аристократическія кружки, что тѣмъ болѣе естественно, что провинціальная исторія показываетъ не мало дѣйствительныхъ заслугъ то знатныхъ родовъ, то монастырей для колонизаціи, хозяйства, образованія въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ числѣ издателей и собирателей памятниковъ народной словесности, которыхъ съ каждымъ годомъ все больше печатается во Франціи, немалый процентъ составляютъ лица съ титулами марезовъ, виконтовъ, или, по крайней мѣрѣ, съ дворянской частичкой *de*.

Занятія археологїей привели постепенно къ занятіямъ этнографїей и народной поэзіей, — а эта послѣдняя къ идеямъ о сохраненіи

¹⁾ Напр., даже въ 1870 г. вышли толстые томы въ 400 — 600 стр. мемуаровъ: академическаго общества въ Брестѣ, въ Лаонѣ, академіи въ Клермонъ-Ферранѣ, императорскихъ въ Дижонѣ, Мецѣ, Реймсѣ, Савойской въ Шамберн, Станиславовской въ Нанси, не считая ежегодника института провинціального (*Annuaire de l'Institut des provinces, des sociétés savantes et des congrès scientifiques*), *Revue Celtique* и др., и множество монографій по исторїи провинцій, этнографїи и т. п.

и развитіи народныхъ языковъ, — въ вельтофильству, ново-провансальству и т. п. Изъ этихъ движеній вельтофильство любопытно въ томъ отношеніи, что на исторіи его съ прошлаго вѣка до послѣднихъ годовъ мы можемъ видѣть всѣ характеристическія особенности патріотическаго движенія, начавшагося съ археологическаго дилеттанства и перешедшаго черезъ романтизмъ къ идеямъ, важнымъ какъ въ научномъ, такъ и въ социально-политическомъ отношеніи.

Учѣлѣвшіе до XIX в. языки вельтскіе раздѣляются лингвистами на двѣ группы: ирландско-гаэльскую (Gaelic, Ghandelic, Erse) и кимро-бретонскую (Cymraec, Kymrique, Gallic). Къ первой принадлежатъ діалекты: а) гаэльскій, или эрскій, распадающійся на ирландскій (Irish, Fenic, или Gaëlic-Eironach) и горно-шотландскій (Gaëlic-Albanach) и б) менскій (Manx), — языкъ жителей о-ва Менъ; во второй: с) уэльскій (Welsh, Cymrae, Kumbre) — въ Кумберлендѣ и въ велик. вк. Уэльсъ, d) корнуэльскій (Cornish), недавно вымершій, и е) бретонскій или арморическій (Breizal, Brezonek, Bas-Breton, Armoricaïn), распадающійся на нарѣчія: Treger или Trecorien (въ окр. Tréguier), Léon (въ окр. S. Paul-de-Léon) Kerné или cornique (въ окр. Quimper) и Gwened или Vanneton (въ окр. Vannes). Всѣ эти діалекты подвергались большей или меньшей литературной обработкѣ и, кромѣ вымершаго — корнуэльскаго, имѣютъ теперь литературу.

Извѣстны показанія Цезаря и Страбона о богатомъ развитіи религіозно-эпической поэзіи у вельтовъ въ Галліи и особенно на островахъ ¹⁾, — но въ сколько-нибудь цѣломъ видѣ ничего изъ этихъ поэмъ въ нѣсколько тысячъ стиховъ до насъ не дошло. Была одна эпоха, когда земли крайняго вельтскаго запада были едва ли не самыми цивилизованными странами въ Европѣ, кромѣ Византіи; это V—VI вѣка, когда варвары заняли и опустошили всѣ земли западной римской имперіи, кромѣ Уэльса, Ирландіи и Бретани, — которые явились убѣжищами римской культуры и христіанства на Западѣ. Ирландія и Уэльсъ имѣли богатые книгохранилища, высылали миссіонеровъ въ Швейцарію, Германію и

¹⁾ Caesar, de Bello Gallico, VI. Magnum numerum versuum... multa de sideribus et eorum motu, de mundi ac terrarum magnitudine, de rerum natura... Ср. Страбона, Георг. IV, р. 248. То, что говорить Діодоръ Сицилійскій, вслѣдъ за Гекатеємъ, объ островѣ съ храмомъ солнца, гдѣ барды поютъ ему славу, отзывается больше мифическими представленіями о краяхъ свѣта, чѣмъ реальными свѣдѣніями о британскихъ островахъ.

т. и. Нѣсколько столѣтій спустя, рыцарскій міръ наполнился именами короля Артура, Лоэнгрива, Тристана и Изольды, мага Мерлина, которые послужили центрами цикловъ повѣй, романовъ, сказокъ, — къ которымъ привязывались и сказанія французскія, германскія, арабо-сидійскія. И до сихъ поръ еще большинство наслѣдователей видитъ въ этихъ повѣяхъ и романахъ передѣлку стараго вельтскаго друидическаго и героическаго эпоса, — хотя понемногу начинаютъ высказываться и другія мнѣнія о чисто-внѣшномъ и позднѣйшемъ и притомъ восточно-греческомъ происхожденіи всѣхъ этихъ сказаній, только внѣшнимъ образомъ приуроченныхъ къ землямъ вельтскимъ, можетъ быть именно потому, что эти отдаленныя земли были по невѣдомости своей удобнымъ мѣстомъ для приурочиванія героическихъ дѣяній. Есть возможность предположить средній путь для рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ романомъ артуро-мерлинова цикла къ старо-вельтскимъ преданіямъ. Весьма возможно, что тѣмы и подробности многихъ рассказовъ вышли съ Востока черезъ грековъ, — но именно связи Галліи съ Малой Азіей и Византіей въ III — IV в. и послѣ, и потому относительно высокая культура книжная въ Ирландіи до XI в. были причиною, почему адѣсь впервые акклиматизировались и восточные романы, которые должны были принять въ себя и мѣстный элементъ. Какъ бы то ни было, — но вслѣдствіе несчастной исторіи вельтовъ бретанскихъ, ирландскихъ и уэльскихъ, тѣснимыхъ франками, саксами и норманнами, образованность въ земляхъ вельтскихъ упала, — и остатки древней чисто-вельтской литературы, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, — вовсе не такъ богаты, какъ можно было бы ожидать. Чѣмъ дальше въ XVI—XVII в., — въ то время, когда литературы народовъ, взявшихъ политическій перевѣсъ надъ вельтами, все больше растутъ, — вельтскія литературы становятся все слабѣе.

Въ Ирландіи, если не считать архаическихъ гадательныхъ надписей алфавитомъ *ogham*, — чертами, которыми по всей вѣроятности древне-вельтскія, но до сихъ поръ плохо обследованы¹⁾, —

¹⁾ О нихъ: Mac-Meoghegan, Histoire de l'Irlande ancienne et moderne. 3 vol. Paris, 1758, t. I, 32. O'Conor, Rerum Hibernicarum scriptores veteres, 4 vol. Buckinghamiae, 1814, t. I, p. XXXIII. Lagneau-Celtes, le Dictionnaire encyclop. des sciences médicales. Paris. 1873, 1. 732. — Древнѣйшія дешифрованныя надписи по-вельтски, это — писанныя греческимъ алфавитомъ надписи на дольменахъ и монетахъ во Франціи; о нихъ см. у Пюте — Aperçu général sur la numismatique gauloise, въ Dict. Archéol. publ. par la comm. de la topogr. des Gaules. Paris, 1866, и Essai sur quelques inscriptions en langue Gauloise. Genève. Paris. 1859.

древнѣйшіе извѣстные памятники чисто-кельтской литературы не восходятъ дальше VII вѣка: это—глоссы, кельто-ирландскія слова и объясненія въ латинскихъ рукописяхъ. За ними слѣдуютъ религіозные гимны; особенно много ихъ изъ X—XI в. Наибольше памятниковъ кельто-ирландскаго языка дали XI—XII вѣка: это хроники, анналы, законы, такъ-называемые *lois des Brehons* (Brehon—судья), переводы съ французскаго и латинскаго, рожаны и т. п. Съ XVII в. въ Ирландіи почти перестаютъ писать по-ирландски, хотя и теперь 1.200,000 иначе не говорятъ, какъ по-кельтски. Литературная исторія шотландскихъ кельтовъ подобна ирландской. Знаменитая поддѣлка Макферсона обратила всеобщее вниманіе на поэзію горныхъ шотландцевъ. Особая коммиссія ученыхъ и литераторовъ изслѣдовала эту поэзію,—и нашла много балладъ, изъ которыхъ Макферсонъ сдѣлалъ свое изданіе (псевдо-) Оссіана; несомнѣнно, что много кельтскаго вошло и въ англо-шотландскія баллады, изданныя (тоже не безъ подправокъ) Вальтеръ-Скоттомъ (*Minstrelsy of the Scottish border*, 1802—1803). Изданіи Макферсона и Вальтеръ-Скотта, возбуждивъ вообще сочувствіе къ кельтскому, можно сказать, не только открыли эру нео-кельтизма, но и эру изученія средневѣковой и народной поэзіи въ Европѣ,—но спасти кельтскую народность въ Шотландіи было уже поздно. Тамъ она совсѣмъ почти вымерла. Вымерла она совершенно въ Корнуэльсѣ, гдѣ въ XII в. былъ составленъ словарь кельто-латинскій, а въ XIV—XV в. развилась-было довольно обильная литература мистерій. Гораздо благопріятнѣе стояло дѣло кельтской народности въ Уэльсѣ, защищенномъ горами, и благодаря, можетъ быть, тому, что здѣсь рано оставлены были всякія претензіи на политическую отдѣльность отъ англійскихъ повелителей, а потому здѣсь и не было тѣхъ жестокихъ войнъ, конфискацій, выселеній, какимъ подвергались Ирландія и горная Шотландія въ XVII в. Хотя приводимыя нѣкоторыми кельтофилами уэльскія пѣсни изъ VI в. и сомнительны, но изъ VIII—IX в. дошло до насъ много уэльскихъ глоссъ, а изъ XI—XII в. гимновъ. Древнѣйшіе памятники и преданія Уэльса собраны въ изданіи «*The Myvirian Archeology of Wales, collected by Will. Owen*» (3 vols. Wales, London 1801—1807). Реформація отразилась благопріятно на развитіи литературы въ Уэльсѣ, который теперь имѣетъ изъ всѣхъ кельтскихъ земель наиболѣе богатую литературу, о коей мы скажемъ нѣсколько словъ дальше.

Во французской Бретани, или Арморикѣ, горячіе кельтофилы тоже находили, или, лучше сказать, сочиняли пѣсни, будто

бы редакціи VI в. и раньше (см. объ этомъ дальше ¹). Но древнѣйшія рукописи бретонскія врядъ ли восходятъ дальше XV вѣка: это мистеріи (древнѣйшая отъ XIV—XV в.), о коихъ скажемъ ниже, и глоссарій. Въ XVI в. нѣсколько книгъ бретонскихъ разнаго содержанія было напечатано, но чѣмъ дальше къ XVII—XVIII в. — число ихъ становится все меньше. Въ XVIII в. изданія шотландскія и уэльскія начинаютъ обращать вниманіе учено-литературнаго міра и на французскихъ бретонцевъ, которымъ начинаетъ благопріятствовать и вообще усилившееся въ половинѣ XVIII в. вниманіе къ древностямъ Франціи. Но рѣшительный толчокъ къ возрожденію кельтизма во Франціи совпадаетъ съ временемъ революціи, которая однимъ бокомъ своимъ стирала провинціальныя отличія, а другимъ вызывала къ жизни всѣ народныя силы, — то прямо, то косвенно и реактивно, — особенно со временемъ вандейской реакціи, которую слѣдуетъ считать за начало политическаго и культурнаго контръ-революціоннаго романтизма на материкѣ Европы, столь богатаго моральными и политическими послѣдствіями. Кабинетные ученые, потомъ романтики-католики въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., чѣмъ дальше, все чаще начинаютъ изучать кельтскія древности и языкъ, говорить о «кельтскомъ духѣ», а наконецъ и писать по-кельтски, — открываютъ періодъ *кельтомани*, надъ которою смѣются теперь и сами кельтофилы, но которая была неизбежнымъ предисловіемъ и теперешняго серьезнаго кельтофильства. Рядъ трудовъ надъ бретонскою народностью открываютъ духовные: Dom Martin (*La religion des Gaulois*, Paris 1727); Gregoire Rostrenen, издавшій словарь бретонскій въ 1732 г. и грамматику въ 1738 г.; Dom Taillandier издалъ серьезный для своего времени трудъ, Dom Le Pelletier — *Dictionnaire de la langue Bretonne*, въ 1752 г. ²). На бѣду еще показанія этихъ ученыхъ, показанія о древнѣйшихъ имъ попадавшихся памятникахъ кельто-бретонскаго языка и литературы вышли противорѣчивы. Такъ Рострененъ въ предисловіи къ словарю говоритъ о прорицаніяхъ Guinclaw'a, который будто бы

¹) Знаменитые остатки будто бы древней друидической премудрости, въ родѣ пѣсенъ о числахъ, представляютъ весьма распространенныя у разныхъ народовъ измышленія *визиниковъ*; см. напр. у Пипина, „Опытъ Литер. Исторіи русскихъ сказокъ и повѣстей“, 357, 144—145. Wenzel, *Westslavisches Märchenschatz*, 293.

²) Каковы были взгляды и свѣдѣнія самого D. Taillandier, видно изъ того, что онъ говоритъ въ предисловіи къ словарю, — будто старые бретонцы не знали буквъ, и языкъ ихъ, судя по новѣйшему, былъ вѣрно грубый жаргонъ, неспособный къ стику.

жизль въ 240 г. по Р. Х.,—а въ грамматикѣ уже ставить число 450 г. Четырнадцать лѣтъ послѣ, Dom Taillandier говорилъ, что «древнѣйшій манускриптъ, найденный Dom Le Pelletier, — это манускриптъ 1450 г., который содержитъ сборникъ предсказаній d'un prétendu prophète nommé Gwinglaff». Благоразумные патриоты кельтскіе новаго времени (Люэль, — о коемъ ниже, и др.) считаютъ послѣднюю цифру самою вѣроятною, — ибо и редакціи ббльшей части пѣсень брегонскихъ, до насъ дошедшихъ, относятъ наидавнѣе въ XIV в. ¹⁾ Но во время кельтоманіи отдавали предпочтеніе показанію Ростренена. Тогда говорили, какъ le Brigant, авторъ грамматики кельтской, что *negata celtica negatur mundus*.

Съ началомъ явнаго поворота на реакцію, при директоріи и Наполеонѣ, который звалъ les chouans—les géants, нѣсколько кельтомановъ сошлось въ Парижѣ и основали Académie celtique. Между ними выдавались Ле-Бриганъ, Мало-Корре, Латуръ-д'Овернь, прозванный первымъ гренадеромъ Франціи, авторъ «Les Origines Gauloises», Камбри, авторъ «Voyage dans le Finistère». Бреговецъ Элоа Жоанно составилъ проектъ академіи, идею которой выразила выбитая въ память ея основанія медаль: на одной сторонѣ геній съ факеломъ снимаетъ вуаль съ женщины (Галлія), сидящей между дольменомъ и пѣтухомъ (gallus),—женщина подаетъ гецію свертокъ, на коемъ написаны кельтскія слова Jez ha Kizion Gall (языкъ и нравы галловъ); вдали друидическій холмъ съ деревомъ и надпись: Sermonem patrium moresque requirer. На другой сторонѣ вѣнокъ изъ омелы и дуба и надпись: Académie celtique fondée an XIII; около вѣнка: Gloriae majorum.

Академія эта дѣйствовала, съ перерывами въ нѣсколько лѣтъ, до 1863 г. и выдала пять томовъ мемуаровъ съ 1807—1812 г. и 26 томовъ съ 1817—1863 г. Позднѣйшіе кельтофилы признаются сами, что кельтская академія плохо сама знала кельтскій языкъ, — и своими притязаніями всюду искать кельтовъ, всѣ имена географическія въ западной Европѣ объяснять изъ кельтскаго языка, вызвала реакцію и насмѣшки. Но она оставила слѣды своего вліянія надолго.

Образовавшаяся подъ вліяніемъ этой академіи школа кельтофиловъ, сначала впала въ кельтоманію, — которая почти то же говорила

¹⁾ Le Huërou, авторъ Institutions Mérovingiennes и Carlovingiennes и Origines celtiques, въ Dictionnaire historique et géographique d'Ogee, цитируемый Люцелемъ въ книгѣ De l'authenticité des chants du Barzar-Breiz, de M. de la Villemarqué, 9—10.

о кельтахъ и ихъ потомкахъ, что германоманы и славяноманы говорили о своихъ народахъ, т.-е. конфисковали въ пользу своихъ всё человѣческія добродѣтели, то христіански-монархическія, то либеральныя, сообразно субъективнымъ идеямъ авторовъ, то соединяя однѣ съ другими и высказывая, что именно одни кельты (какъ у другихъ германцы, или славяне) истоки и умѣли соединять тѣ противоположности, изъ-за которыхъ дѣлятся люди у другихъ менѣе богато одаренныхъ Провидѣніемъ народовъ. При этомъ произвольное толкованіе фразъ Цезаревой «Исторіи галльской войны» и Тацитовой «Биографіи Агриволы» играло такую же роль, какъ комментаріи на Тацитаго Германію у германомановъ и на Прокію и Константина Багрянороднаго у славяномановъ. Такою, часто совсѣмъ потѣпшною, кельтоманіею отличается особенно сочиненіе Жана Рейно, «Genie de la Gaule» — въ которомъ даже подробно излагается, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ почерпнутая, мудрость друидовъ. Кельтоманія воснула и серьёзныхъ ученыхъ, — братьевъ Тьерри, Ренана, Анри Маршеса, который видитъ въ кельтахъ особенную способность къ правильному свободному пониманію христіанства. Въ 1848 г. еще Прудонъ, прилагая къ борьбѣ социальныхъ слоевъ теорію народностей (которую относительно Франціи примѣняли и Свейсъ, — видѣвшій въ среднемъ сословіи галло-римлянъ, и Булэнвилле и Монтлозье, выводившіе права дворянства изъ франкскаго завоеванія, и потомъ Августъ Тьерри, придавшій теоріи Свейсса научную оболочку и примѣнившій ее къ исторіи Англіи и Франціи), — Прудонъ, усиливъ эту теорію нѣмецкимъ, гегелианскимъ ученіемъ о смѣнѣ народностей, видѣлъ въ социальныхъ требованіяхъ пролетаріата возстаніе галловъ, стремящихся отнестись за Верцингеторевса, — въ чемъ и сходится съ учено-поэтическимъ романомъ Сю: Histoire d'une famille à travers des siècles ¹⁾. Все это вызываетъ теперь улыбки самихъ кельтофиловъ. Но все это повело однакожь къ ученому изслѣдованію кельтскаго вопроса, въ связи съ животрепещущими вопросами дня, — и дало самому кельтофильству болѣе реальное направленіе. Уже во время дѣйствія кельтской академіи изъ ея членовъ выдался человѣкъ большой

¹⁾ Менѣе серьёзные люди заходили, Богъ знаетъ, какъ далеко; такъ Кристофъ Феррьё доказывалъ, что какъ Галилея — Галлія, то и Христосъ и апостолы были италіяны; что большая часть Европы и передней Азіи до Іерусалима включительно были нѣкогда населены кельтами. Это недавно доказывалъ и нѣмецкій ученый Обермиллеръ, который, впрочемъ, кельтовъ соединяетъ съ германцами, т.-е. дѣлаетъ и своихъ соотечественниковъ сопричастными славѣ кельтовъ.

учености и съ искренней любовью къ народу, — человекъ, котораго надо признать настоящимъ отцомъ новаго кельтческаго движенія. Это былъ Le Gonidec (1775 — 1838), котораго биографію даетъ поэтъ Бризе при своемъ изданіи бретонскихъ пословицъ (*Sagesse de Bretagne*, 1843). Ле-Гонидекъ родился въ «благородномъ, но бѣдномъ» семействѣ въ Конкѣ (*Conquet*) на берегу моря, на западномъ концѣ Бретани. Брошенный отцомъ, мальчикъ былъ принятъ на воспитаніе въ замокъ своихъ родственниковъ de Ker-Sauzon'овъ; эти отдали его въ науку подъ надзоръ аббата — наука шла у Гонидека успѣшно, — но политическія волненія заставили юношу прервать ее. Въ 1791 г. де-Керъ-Созонъ, конечно, роялиствъ, эмигрировалъ, и молодой Ле-Гонидекъ занялся управленіемъ замка и сталъ наставникомъ дѣтей бѣжавшаго аристократа. Скоро имѣніе послѣдняго было конфисковано, и Гонидекъ перебрался въ Брестъ. Тамъ ему предложили принять начальство надъ отрядомъ шуановъ, — и хотя онъ не согласился, но какъ послѣ обыска у него нашли небольшой складъ оружія, то Гонидекъ былъ арестованъ и приговоренъ къ казни (1793 г.). Уже на площади передъ гильотиной Гонидекъ былъ освобожденъ небольшимъ отрядомъ неизвѣстныхъ друзей, воимъ удалось сбить солдатъ. Гонидеку пришлось скрываться въ городѣ и деревняхъ, принимать участіе въ гражданской войнѣ, уѣзжать два раза въ Англію, — пока амністія 18 брюмера не дозволила ему вернуться въ спокойной жизни. Съ 1804 г. онъ поступилъ на службу въ лѣсное вѣдомство, — и потомъ занималъ нѣсколько мѣстъ при Наполеонѣ во Франціи и за границей (въ Гамбургѣ, гдѣ у Гонидека, при изгнаніи французовъ въ 1813 г., пропало много книгъ и рукописей); при Бурбонахъ онъ занималъ разныя низшія мѣста въ провинціи, а въ послѣдніе годы въ Парижѣ, въ администраціи des Assurances Générales, бывшей, благодаря директору (*Gougeuff*) своего рода притономъ бретонцевъ въ Парижѣ. Еще во время пребыванія въ замкѣ Керъ-Созонъ, примѣръ хозяина возбудилъ въ Гонидекѣ страсть къ изученію древностей и этнографіи. Странствія по Бретани, жизнь съ крестьянами по лѣсамъ и ландамъ только развили эту страсть и сдѣлали изъ Гонидека отъявленнаго бретонфила. Въ 1807 г. онъ издалъ кельто-бретонскую грамматику, построивъ ее преимущественно на народной рѣчи (нужно замѣтить, что средневѣковые памятники бретонцевъ сильно романизованы) и приспособивъ латинскую азбуку къ передачѣ тончайшихъ ея особенностей. Въ 1821 г. онъ издалъ бретонско-французскій, за которымъ скоро послѣдовалъ

французско-бретонскій словарь. Эти труды Гонидека обратили на него вниманіе ученыхъ авторитетовъ,—какъ Ренуаръ и т. п. Но Гонидекъ не думалъ ограничиться изученіемъ бретонскаго языка, какъ мертвaго или умирающаго. Онъ прямо заявилъ намѣреніе обезпечить жизнь его, сдѣлавъ его орудіемъ нравственныхъ потребностей времени,—разумѣется, какъ понималъ ихъ самъ Гонидекъ. А въ этомъ отношеніи онъ былъ католикъ-романтикъ. Вскорѣ послѣ изданія словаря Гонидекъ напечаталъ переводъ историческаго катихизиса Флери (*Katchiz historik*), а въ 1827 г. Новый Заѣтъ, который Бризе называетъ самымъ лучшимъ памятникомъ бретонскаго языка. Все почти изданіе потребовано было въ Уэльсъ британскимъ библейскимъ обществомъ, которое просило и перевода Ветхаго Заѣта, несмотря на то, что Гонидекъ, какъ усердный католикъ, дѣлалъ свои переводы по Вульгатѣ. Для послѣдняго труда Гонидеку нуженъ былъ лексиконъ латинско-галльскій, изд. въ XVII Девисомъ,—который онъ насилу нашелъ. Работа была долга,—такъ что при жизни Гонидека не успѣли издать этого труда. Гонидекъ издалъ также переводъ знаменитаго «Подражанія Христу» Өомы Кемпійскаго. Переселившись въ Парижъ, Гонидекъ сталъ центромъ кружка бретонцевъ, и привлекъ къ себѣ вниманіе извѣстныхъ специалистовъ по собранію и изученію старины. Въ 1838 г., незадолго до смерти, Гонидекъ президентствовалъ на собраніи бретонцевъ въ Парижѣ, которое постановило ежегодно собираться,—и произнесъ рѣчь на бретонскомъ языкѣ, гдѣ между прочимъ сказалъ такіа слова: «Я хотѣлъ спасти отъ неизбѣжной гибели языкъ нашихъ отцовъ, который давалъ имъ столько силы. Если я сдѣлалъ что-либо, чтобъ заслужить ваши похвалы, — я обязанъ этимъ любви къ отечеству, которая рождается вмѣстѣ съ жизнью въ сердцахъ всѣхъ бретонцевъ». Такъ именно періодъ наибольшаго давленія централизма на провинціально-національныя особенности и породилъ дѣятеля, который сталъ начинателемъ сознательной реакціи на защиту національной особенности Бретани. Случилось это въ силу того закона, о коемъ говорятъ приведенныя выше слова Перкена, — что оппозиція всегда хватается между прочимъ за органическое, національное чувство. Что касается Бретани, то въ виду централистическаго игнорированія французскимъ правительствомъ не-французскихъ народностей и языковъ, всякій сознающій себя бретонецъ есть прирожденный человекъ оппозиціи,—а во времена конвента во Франціи католицизмъ былъ гонимъ вмѣстѣ со всякими мѣстными элементами. Отсюда до союза между католицизмомъ и мѣстнымъ патриотизмомъ было недалеко,—и этотъ

союзъ давалъ, конечно, силу мѣстному патриотизму въ то время, когда послѣдній самъ по себѣ былъ еще слабъ. Да онъ и вообще слишкомъ слабъ, если не свяжется съ широкими всемірными интересами религиозными, или политическими, или социальными. Въ Ле-Гонидекѣ мы видимъ ясно союзъ католицизма съ бретонифильствомъ, союзъ, который не долго остался и у его послѣдователей. Важнѣйшіе по вліянію изъ послѣдователей Ле-Гонидека были: ученый виконтъ Де-ла Вильмаркэ и поэтъ Бризе (Brizeux). Вотъ важнѣйшія изъ сочиненій и изданій Де-ла Вильмаркэ: 1) *Barzaz-Breiz, Chants populaires de la Bretagne*, 1839, и съ тѣхъ поръ семь изданій до 1867 г. 2) *Les Bardes Bretons (poèmes du sixième siècle*, два изд. 3) *Le roman de la table ronde et les contes des anciens bretons*; пять изд. до 1807. 4) *Myrdhinn ou l'enchanteur Merlin*, два изд. 5) *La Légende Celtique en Irlande, en Cambrie et en Bretagne suivie de textes originaux*. 1859. 6) *Le grand mystère de Jesus, drame breton du moyen age*, два изд. 7) *Les bretons d'Angleterre et le breton de France*, въ *Revue des cours scientif.* 1867. t. IV. 8) *Les prières et les textes celtiques*, въ *Rev. archéol.* Fevr. 1868. 9) *De l'avenir des langues Celtiques*. Кроме того, Де-ла Вильмаркэ издалъ съ своими дополненіями лексиконъ Ле-Гонидека, 1850.

Вильмаркэ сталъ собирать народныя пѣсни еще въ ранней молодости. Онъ рассказываетъ, что первыя пѣсни ему достались отъ матери, которая лечила одну нищую пѣвицу. Эта, не зная, чѣмъ отблагодарить за леченіе, пропѣла пѣсню, которая такъ понравилась графинѣ Вильмаркэ, что она стала просить ее пропѣть для нея еще нѣсколько. Впослѣдствіи графиня не разъ призывала эту нищую, уже по просьбѣ сына. Изданія Вильмаркэ оказали очень широкое вліяніе и за предѣлами Бретани. *Barzaz-Breiz* былъ одинъ изъ первыхъ систематическихъ сборниковъ народной поэзіи на материкѣ Европы, приготовленной въ изученію народной словесности романтизмомъ. Во Франціи же онъ долго составлялъ нѣчто въ своемъ родѣ единственное, примѣръ для другихъ провинцій. Можно сказать, что черезъ Вильмаркэ, второй разъ послѣ Макферсона и Вальтеръ - Скотта, кельтская народная поэзія возбуждала вниманіе образованнаго общества въ народной поэзіи вообще, — со всѣми учеными, литературными и общественными послѣдствіями такого вниманія. Когда, въ 1845 г., министръ народнаго просвѣщенія, гр. Сальванди образовалъ комиссію, которая бы «собрала народныя пѣсни, посвященныя религіи, воспоминаніямъ народнымъ, наставленіямъ, — пѣсни, которыя поетъ народъ въ каждой провинціи Фран-

ціи,—всѣ, которыя заключаютъ блестящіе факты народной исторіи, всѣ пѣсни, перешедшія по преданію, способныя научить народъ въ деревняхъ и городахъ любить Бога, отечество и обязанности», онъ передалъ каждому члену этой комиссіи по экземпляру *Barzaz-Breiz* Вильмарке ¹⁾. Къ сожалѣнію, Вильмарке простеръ свою любовь къ народной поэзіи своихъ земляковъ до поддѣлокъ. Ему слишкомъ хотѣлось, чтобъ пѣсни бретонскія представляли поэтическую исторію Бретани, и для этого онъ чередѣлалъ многія изъ нихъ, а другія, кажется, и совсѣмъ сочинилъ.

Любопытно прочесть у Люзеля рассказъ, какъ страдалъ онъ при видѣ того, что ему не удавалось находить въ собственной землѣ у народа такихъ «прекрасныхъ, стройныхъ» пѣсень и куплетовъ, какія будто бы удавалось собирать де-ла-Вильмарке и де-Пангерну. Въ 1857 г. послѣдній напечаталъ въ *Athenaeum Français*, будто бы народную пѣсню «Монахъ Зелѣнаго острова». Люзель записалъ въ разныхъ мѣстахъ пѣсню о монахахъ, которые соблазнили, а потомъ убили дѣвушку: то же, да не то! Какъ ни бился бѣдный Люзель, ища того варьянта, который напечаталъ его счастливый товарищъ, крестьяне отвѣчали ему: нѣтъ, ничего подобнаго мы не слышали. — «А этого ты не находишь нигдѣ?» спрашивалъ Люзель де-Пангернъ, читая ему припѣвъ и Люзелемъ слышанной пѣсни «Морскіе Волеки». — «Нѣтъ, не слыхалъ!» горестно сознавался Люзель: «но я поищу, и найду-таки». «Ищи», говорилъ коварный другъ, «но не найдешь нигдѣ» ²⁾. Въ примѣрѣ самой еще легкой поправки, какую, очевидно, допустилъ Вильмарке въ народной пѣсни, можно указать на ту, которую онъ озаглавилъ *Héloïse et Abailard*. У Люзеля (*Gwerziou*, стр. 50 и слѣд.) приведены два варьянта пѣсни о вѣдмѣ, которая закручиваетъ хлѣбъ, какъ водится это всюду, и потомъ рассказываетъ,

¹⁾ Революція 1848 г. прервала работы этой комиссіи. Послѣ, въ 1852 г., по представленію Фортюла Наполеонъ-президентъ распорядился объ изданіи *Chants populaires de la France*. Амперъ, постоянно находившійся въ связи съ Вильмарке, составилъ *Instructions relatives aux poésies populaires de la France*. Послѣ памятки, присланныя комиссіи, были изданы подъ редакціей Раттри. Другіе замѣчательные сборники пѣсень французскихъ вышли всѣ въ недавнее время подъ вліяніемъ движенія, произведеннаго кружкомъ Вильмарке: 1) *Beaugeraine, Etude sur la poésie popul. en Normandie et spécialement dans l'Avranchin*. P. 1856; 2) *Champfleury, Chants populaires des provinces de France*. P. 1860; 3) *De Puy-maigre, Chants populaires recueillis dans le pays mevin*. Metr. P. 1865. 1 v. 4) *Bujeaud, Chants et chansons populaires de provinces de l'Ouest, Poitou etc. avec les airs originaux*. P. Niort. 1866. 2 v.

²⁾ *Gwerziou Breiz-Izel*, p. 284, 285, 74, 75.

какъ она научилась колдовству. У Вильмарке мы видимъ только одинъ разсказъ вѣдьмы, но начинается онъ такъ: «мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда я оставила домъ моего отца и послѣдовала за моимъ клеркомъ, за моимъ милымъ Абельардомъ; когда я пошла въ Нантъ, съ моимъ милымъ клеркомъ, я не знала другого языка, кромѣ бретонскаго» и т. д. Тутъ, говоритъ Вильмарке, Элоиза становится вѣдьмой, но такое превращеніе не новость: Амперу въ Неаполь говорилъ нищій, указывая на развалины мола: «*lo fese Pietro Baillardo per uia pada*». Очевидно, что эта фраза, сказанная въ Италіи, гдѣ въ народъ проникло изъ книгъ свѣдѣній и именъ гораздо больше, чѣмъ гдѣ либо, и подала Вильмарке, въ качествѣ патриота скорбѣвшему, что въ отечествѣ Абельарда и Элоизы народъ о нихъ не знаетъ,—идею передѣлать упомянутую пѣсню. Самъ же Абельардъ былъ менѣе любезенъ къ кельтской народности, чѣмъ бретонскій патриотъ къ нему: Абельардъ выражался о языкѣ бретонскомъ: «*Lingua mihi ignota et turpis*».

Биографія поэта Бризе (1803—1858) нѣсколько схожа съ биографіей Ле-Гонидека, съ тою только разницею, что, живя нѣсколько позже, въ менѣе смутныя времена, когда романтизмъ сдѣлалъ свое дѣло и парализовалъ то отвращеніе отъ старины, села, провинціи, которымъ отличались передовые люди временъ революціи, Бризе могъ развиться правильнѣе, болѣе согласить свои мѣстныя тенденціи съ общимъ передовымъ направлениемъ Франціи и вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ пойти далѣе Ле-Гонидека въ своихъ требованіяхъ отъ бретонской литературы. Родился Бризе въ Лоріанѣ, въ небогатомъ семействѣ, переселившемся изъ Голландіи, и рано остался безъ отца. Мать, которая имѣла на Бризе большое вліяніе, послала его учиться въ Арзано къ священнику Лениру. Этотъ священникъ былъ самъ по себѣ весьма интересная личность. Онъ едва вышелъ изъ школы, какъ настала революція и терроръ. Молодой Лениръ принадлежалъ къ тѣмъ наивнымъ лицамъ, которыя стали появляться въ вѣвъ сентиментализма, предшествовавшаго романтизму, и которыя, будучи гуманными и отъ всей души стремясь къ той же чистотѣ жизни, среди природы, что и вообще поклонники Руссо, сохраняли однакожь въ себѣ слишкомъ большую долю мистицизма и пѣтизма, чтобы разорвать съ католицизмомъ. Напротивъ, въ силу своего благодушества, они и въ католицизмѣ видѣли только его благодушную, поэтическую сторону, и были на сторонѣ реакціи, не принимая участія ни въ грѣхахъ, ни въ выгодахъ стараго порядка. Бризе опoэтизировалъ своего учителя съ его евангеліемъ и Виргиліемъ въ

тѣхъ поэтическихъ отрывкахъ, которымъ онъ далъ имя «Marie», а нѣсколько лѣтъ спустя видимо имѣлъ передъ собою образъ его, когда, путешествуя въ Итали, написалъ стихотвореніе, гдѣ, немного страннымъ для строгаго доктринерски-католическаго уха образомъ, назвалъ тремя посланниками божественной любви: Рафаэля, который умѣлъ писать прелестныхъ и невинныхъ дѣвъ и дѣтей, апостола Іоанна, который забываетъ говорить о гнѣвѣ божіемъ, казняхъ и гееннахъ, а говорить только о любви, и Виргилія, который, хоть и язычникъ и умеръ безъ крещенія, но достоинъ, чтобъ Іисусъ его любилъ, ибо онъ «кротостью поднимаетъ насъ въ истинному Богу и дѣлаетъ всѣ души сестрами» ¹⁾. Кроткій Лениръ имѣлъ одну страсть: учить дѣтей. Этой-то страсти предавался онъ подъ страхомъ наказанія, во времена конвента, а потомъ онъ далъ ей полную волю, когда былъ сдѣланъ при Наполеонѣ священникомъ въ Арзано. Само собою разумѣется, что училъ онъ главнымъ образомъ катехизису, въ своемъ духѣ, и по-бретонски, что обезпечивало ему необыкновенный интересъ учениковъ, которые приходили нарочно издалѣка ²⁾. Кончивъ ученье у Ленира и побывъ нѣкоторое время у него помощникомъ, Бризѣ въ 1816 г. поступилъ въ коллегію въ Ваннѣ (Vannes) какъ разъ въ то время, когда Бретань только что успокоилась послѣ возстанія, которое она произвела противъ Наполеона, частію изъ ненависти къ тысячамъ смертей, причиненныхъ его войнами, частію изъ легитимизма. И тотъ и другой мотивъ весьма характеренъ: окраина, далекая отъ центра политической жизни, отличная отъ него по народности, Бретань несла всѣ тяжести войны, не принимая непосредственнаго участія не только въ выгодахъ, но даже и въ такъ-называемой гордости національной и славѣ побѣдъ французскихъ; естественно, что она была за миръ, и въ этомъ полезная для челоуѣчества сторона развитія самосознанія такихъ не-государственныхъ группъ, какъ Бретань. Но, съ другой стороны, будучи недовольна тяжелою современностью, Бретань обращала очи не впередъ, какъ бы слѣдовало, а назадъ, и прилѣпила свою анти-бонапартистскую реакцію къ легитимизму, къ Бурбонамъ, при которыхъ вовсе не легче было бѣдной провинціи и которыхъ Наполеонъ былъ прамымъ наслѣдникомъ.

Но черезъ такой періодъ ошибочныхъ помѣщеній противоцентралистическихъ и противо-военныхъ чувствъ прошли возрож-

¹⁾ Brizeux. Oeuvres, II, 81—82.

²⁾ См. въ біогр. Бризѣ, писанной С. Рене-Тальяндье при сочиненіяхъ Бризѣ.

денія всѣхъ племенъ, притѣсненныхъ въ новыхъ государствахъ съ XVIII в. Къ такой ошибкѣ надо причислить и другую, едва ли не болѣе важную, которую мы отмѣтимъ дальше и подробнѣе у бретонфиловъ: тяготаясь подъ давленіемъ воинственной Франціи, бретонцы не могли сразу отрѣшиться отъ воинственно-славолюбиваго идеала, — и утѣшали себя то тѣмъ, что и они тоже не послѣдніе воины среди французскаго государства, то еще чаще тѣмъ, что и у нихъ былъ періодъ своей военной славы, — чѣмъ и показывали, что и они, какъ оппозиція, собственно стоятъ на томъ же полѣ, что и централистическій элементъ, противъ котораго они ведутъ свою оппозицію. Всѣ эти противорѣчія отразились и на Бризѣ, съ тою только разницею, что онъ, какъ бывавшій въ разныхъ кругахъ, получившій болѣе многостороннее, чѣмъ провинціальныя патріоты, образованіе, — особенно одно время былъ болѣе наклоненъ къ либеральнымъ идеямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ обще-французскому патріотизму. Находя естественнымъ, что у «крестьянъ, и сыновей ихъ священниковъ и солдатъ не было другого выхода, кромѣ какъ стать шуанами», — Бризѣ самъ однако воспоминаетъ, «что на его родинѣ не только шуаны бились противъ Наполеоновыхъ войскъ при Ваннѣ», но что тамъ и «монахъ Абельаръ поднималъ свой взглядъ къ свободной мысли», — а потому онъ называетъ царицей Бретани свободу, — и оплакиваетъ часъ, когда «сѣверныя птицы (англичане, нѣмцы) подавили орла (Наполеона) и свободу Франціи». Бризѣ колебался среди двухъ привязанностей, — къ легитимистской Бретани и къ либеральной Франціи; а на бѣду еще въ двадцатыхъ годахъ, какъ извѣстно, не видѣли разницы между либерализмомъ и бонапартизмомъ.

Пребываніе въ Парижѣ во время іюльской революціи расширило идеи Бризѣ, который въ особомъ стихотвореніи воспѣлъ свободу. Тамъ онъ попалъ въ кругъ идей новаго романтизма, Гюго, Ламартина и пр., и издалъ собраніе стихотвореній съ слабою связью между собою, подъ заглавіемъ: *Marie* (1831 г.), послѣ котораго уѣхалъ въ Италію вмѣстѣ съ Барбье, гдѣ написалъ много стихотвореній, изданныхъ послѣ подъ заглавіемъ: *Les ternaires* или *La fleur d'or*. Неоднократныя поѣздки въ Италію повели за собою переводъ «Божественной Комедіи», — но бретонскій патріотизмъ пробудился сильнѣе въ Бризѣ, и онъ воротился въ Бретань. Тамъ онъ занялся собираніемъ народныхъ преданій, для чего ходилъ въ крестьянскомъ костюмѣ — вещь вообще рѣдкая въ западной Европѣ. Плодомъ пребыванія Бризѣ на родинѣ было изданіе книжки стихотвореній по-бретонски:

Telen-Arvoz (La Harpe de l'Armorique, 1844) и раньше сборника пословицъ бретонскихъ: Furnez Breiz (La Sagesse de Bretagne, 1843) съ біографіей Ле-Гонидека, а также и неизданный Dictionnaire de topographie bretonne и этнографическая поэма «Бретонцы» (les Bretons, 1845), увѣнчанная академіей по рекомендаціи Альфр. де-Виньи и В. Гюго. Въ 1847 году Бризэ опять ѣдетъ въ Италію, гдѣ между тѣмъ началось революціонное движеніе, къ которому Бризэ, видимо отставшій, отчасти благодаря своему погруженію въ бретонскія народныя воззрѣнія, отъ того духа, который еще имѣлъ въ 1830 г., относился не очень симпатично. Въ 1849 г. Бризэ вернулся во Францію, и съ тѣхъ поръ издалъ новые сборники стихотвореній, подъ названіемъ Histoires poétiques, между которыми выдается особенно Primel et Nola.

Было бы долго разбирать даже важнѣйшія сочиненія Бризэ, изъ которыхъ трудно коротко передать содержаніе даже поэмъ, такъ какъ это собственно не поэмъ, а сборъ лирическихъ стихотвореній и балладъ. Такова въ особенности «Marie», въ коей авторъ прерываетъ непослѣдовательное изложеніе своей любви къ соученицѣ Маріи воспоминаніями о школѣ, учителѣ, размышленіями и чувствами къ родинѣ, свободѣ и т. д. Больше связи въ «Бретонцахъ»; но и здѣсь, въ исторію любви клерка Лоика и дочери фермера Анны, вплетены описанія разныхъ мѣстъ Бретани, обычаевъ, особенно богомольевъ, *отпустовъ* (pardons), ярмарокъ, свадебъ, похоронъ, полевыхъ работъ, изложеніе преданій и легендъ и т. п.,—что все дѣлаетъ совершенно невозможнымъ резюмировать поэму Бризэ. Мы остановимся только на тѣхъ сторонахъ сочиненій Бризэ, въ которыхъ выразились его идеи, какъ бретонскаго патріота,—его требованія отъ Франціи и отношенія къ народу бретонскому.

Разумѣется, самая главная особенность и заслуга Бризэ въ отношеніи Бретани состоитъ въ томъ, что онъ постоянно говорилъ о ней и старался выставлять такія стороны ея, которыми могъ привлечь симпатію къ ней французскаго общества,—выставлялъ симпатичныя стороны крестьянства бретонскаго и призывалъ высшій классъ Бретани къ соединенію съ народомъ, указывая на вредное вліяніе на народъ того разрыва, какой существуетъ теперь между высшими и низшими классами и какой порождаетъ классъ полународный, полупросвѣщенный,—схватывающій пороки офранцузеннаго городского общества, не имѣя его добродѣтелей. Такъ, уже въ предисловіи къ «Marie», Бризэ говоритъ: «Весьма немногіе обладаютъ точными свѣдѣніями о Бретани. Чтобы оцѣ-

нить простой народъ, нужно быть воспитаннымъ среди него, съ ранней молодости говорить его языкомъ, сидѣть за его столомъ; тогда лишь примѣчается его скрытая, задушевная поэзія и врожденная прелесть его нравовъ. Просвѣщенные села, окружающія Парижъ, слишкомъ извѣстны: здѣсь нѣтъ ни религіи, ни искусства, ни костюма, ни языка; они не обладаютъ болѣе невѣдѣніемъ, которое удерживаетъ при нихъ все доброе, — наука, ведущая въ послѣднемъ, не далась имъ еще. Наука прекрасна для цѣлыхъ народовъ, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, но лишь тогда, когда учащіеся совершаютъ полный кругъ движенія и возвращаются усовершенствованными къ мѣсту отправленія» (Oeuures, I, 3).

Вообще, всю симпатію Бризё отдавалъ своей сельско-народной Бретани, предпочитая жизнь сельскую столицѣ, на примѣръ, въ стихотвореніи, которое мы приведемъ въ подлинникѣ, чтобъ дать понятіе о французскомъ стилѣ бретонскаго поэта: *Le pays*.

Oh, ne quittez jamais, c'est moi qui vous le dis,
 Le devant de la porte où l'on jouait jadis,
 L'église, où tout enfant, d'une voix légère,
 Vous chantiez à la messe auprès de votre mère;
 Et la petite école où, trainant chaque pas,
 Vous alliez le matin, oh! ne la quittez pas!
 Car une fois perdu parmi ces capitales,
 Ces immenses Paris, aux tourmentes fatales,
 Repos, fraîche gaîté, tout s'y vient engloutir,
 Et vous les maudissez sans en pouvoir sortir.
 Croyez qu'il sera doux de voir un jour peut-être
 Vos fils étudier sous votre bon vieux maître,
 Dans l'église avec vous chanter au même banc,
 Et jouer à la porte où l'on jouait enfant. (I, 13) ¹⁾.

Въ самомъ-идеальномъ свѣтѣ представляются потомъ сельскія дѣвушки въ Арморикѣ. «Въ нашихъ кантонахъ, — говоритъ онъ, — молодыя крестьянки, обитательницы лѣсовъ или морскихъ береговъ, всѣ прекрасны; зубы ихъ бѣлы, очи ясны; ихъ разнообразная и причудливая одежда дышетъ какой-то дикою прелестью; и когда въ жары, среди чуднаго іюля, вы входите, задыхаясь, и спрашиваете молока, и когда дѣвушки входятъ прислужить вамъ, какъ всегда, скромныя и непринужденныя, облокачиваясь на столъ, говорятъ съ вами, — или когда, прядя, нагибаются къ землѣ колѣни, — вы, плѣненные ихъ наивнымъ ви-

¹⁾ Это настроеніе прорывается даже у Некрасова, который, впрочемъ, сейчасъ же спѣшитъ изъ него выдти („Родина“, „Возвращеніе“, „Саша“ и особенно „Тамара“).

домъ, ихъ бѣлизнокъ подь столь живыми красками, — вы думаете, что передь вами дочь Эль Орна, игрушка домового духа, или фея съ голубыми очами, прядущая у очага. Любовь, религія, природа! — на зарѣ моей юности такъ призывали вы меня своимъ звучнымъ голосомъ!»¹⁾

Впрочемъ, одну сторону парижской жизни желалъ бы видѣть Бризё и въ своей Бретани, и справедливо скорбитъ, почему ея нѣтъ тамъ; но «Парижъ — это мѣсто искусствъ и училищъ, въ немъ всякая наука имѣетъ свои храмы, — а Арморика, увы! обладаетъ лишь зелеными лѣсами!» (I. 14).

Съ особенною и, конечно, вполне справедливою горечью говоритъ Бризё о тѣхъ типахъ полуобразования, о тѣхъ представителяхъ лакейской и дьячковской цивилизаціи, въ средѣ крестьянской, которые знакомы и въ нашей литературѣ, благодаря Гоголю («Вечера»), Тургеневу («Свиданіе») и др.

Monsieur Flamik aussi, clerc à demi-bourgeois,
Etourdissait chacun des éclats de sa voix;
Tout fier du poil nouveau qui tremble sur sa joue,
Il passait, repassait pigeon qui fait la roue (Primel et Nola, II, 231).

Описавъ идиллическій праздникъ отпуска (pardon), Бризё ужасается, что подь влияніемъ «новаго духа и сыновъ франковъ, которымъ открыта Бретань», опустѣютъ отпусты, забудутся стихи бардовъ, — и поэтъ восклищаетъ:

Bardes et chevaliers, saints des vieux temps, alerte!
Arches des ponts, croulez! Poussez, bois défenseurs,
Et fermez tout chemin à ces envahisseurs! (I, 107).

Свои основныя идеи выразилъ Бризё въ стихотвореніяхъ «Къ бретонскимъ священникамъ» (II, 72) и «Къ провансальскимъ поэтамъ» (II, 162). Въ первомъ онъ говоритъ: «Правда ли? — въ селахъ и въ скромной тиши тысячами являются дѣтскія школы, такъ что шумъ волнъ на берегахъ не могъ бы покрыть голосовъ школьничковъ? Прекрасно! надо, чтобъ земля, обильная жизнью, получала и возвращала на свѣтъ хлѣбныя сѣмена и чтобъ умъ человѣческой, та же земля, оплодотворялъ вѣчные зародыши, въ немъ заключающіеся. Но, священники, правда ли? — въ этихъ классахъ безчисленныхъ никогда не звучитъ нашъ языкъ? Наши старыя святыя плакали въ своихъ мрачныхъ капеллахъ: «увы!

¹⁾ Oeuvres, I, 18—19. Опять вспоминается намъ, — конечно, съ своими отличіями, Некрасовъ съ его «Есть женщины въ русскихъ селеніяхъ» и проч., и Шевченко съ его образами «тихихъ дѣвчатъ».

говорилъ Гоэль, погибли сыны воиновъ, которыхъ я любилъ!» И такъ, когда мы вернемся въ свои ланды, уже не поднимется радостный крикъ *ali-ké*, пастухи затянутъ какую-нибудь норманскую пѣсню, и мы станемъ имъ чужими! О! пылкій соловей, синица, коноплянка не однимъ голосомъ восхваляютъ Господа; во вселенной все соединено, но все и отчѣнно, и разнообразіе—одинъ изъ ея законовъ. Однообразіе—смерть! (*Le niveau, c'est la mort*). О, священники Арморики, столь тихіе, но и столь сильные подъ вашими перстанными стихарями! Если Анна ¹⁾ подвергла кельтовъ игу, сохраните же, по крайней мѣрѣ, сохраните арфу Мерлина! Тамъ, за проливомъ, у нашихъ братьевъ въ Уэльсѣ, еще не забыли голубого знамени, барда съ почтеніемъ сажаютъ въ залы, и воодушевленные книги восхваляютъ великаго Артура. Священники, я говорю вамъ: вы наставники наши, мудрецы, — охладивъ суровостію сердца паствы, вы уничтожили старые обычаи, а скучающій народъ ищетъ новизны. Передъ вами борцы Корнуэльса, вы обрѣзываете волосы молодымъ людямъ Скера, — а у васъ, пастыри душъ, нѣтъ для паствы другого языка, кромѣ неправильной и непріятной мѣшанины. Неблагодарные нивелляторы! когда уничтожится старый языкъ, у васъ явятся всѣ новые пороки, и если вы воздвигнете на алтарь крестъ святой, никто не преклонитъ своего чела у его подножія! Богъ поручилъ вамъ заботу о живой цѣпи; время, — соедините же ея таинственныя кольца, увѣрните скалу, на коей долженъ расти дубъ, поддержите плотину, которая сдерживаетъ воду. А ты, чей верескъ я воспѣлъ первый, ты, которая будешь жить въ моихъ стихахъ съ твоими чистыми нравами, прости, о моя родина, прости меня и братьевъ, если мы издаемъ издали эти печальные вопли. Всякая любовь робка; при томъ же такой кризисъ, кажется, ниспровергаетъ твои стѣны, готовыя разрушиться. Но, вѣрная себѣ и сохраняя свой девизъ, Бретань, ты еще воскликнешь: *лучше умереть!*»

Въ посланіи «*Aux poètes provençaux*» поэтъ говоритъ между прочимъ:

«Нѣтъ, ты воскреснешь, при самомъ концѣ своемъ, звучный языкъ Прованса; а на моей могилѣ еще долго будетъ шептать блуждающій голосъ Мерлина! Матери, сидя за прялкой, расскажите своимъ дѣтямъ древнія преданія родины; мудрые отцы семействъ, на поляхъ, на водахъ вскормите этимъ медомъ вашихъ сыновей. Родной языкъ—это вѣчная цѣпь, которой все держится безъ

¹⁾ Наслѣдница Бретани, жена Людовика XII.

усилій; мы научаемся имъ жизненнымъ дѣламъ, имъ поддерживается память о нихъ... О природа, что за согласіе въ твоихъ лѣсахъ, на твоихъ берегахъ! Во славу царя неба, человекъ тоже долженъ имѣть тысячу и тысячу языковъ въ общемъ концертѣ!»

Но для того, чтобъ указать правильный выходъ изъ того ненормальнаго отношенія между сельскимъ и городскими классами, какое существуетъ вездѣ, а особенно тамъ, гдѣ они раздѣлены и народностями, надо стоять на болѣе широкой точкѣ зрѣнія, чѣмъ романтически-патріотическій и идиллическій взглядъ на село. А именно этого и не доставало Бривѣ, какъ видно изъ его стихотворенія къ Бретани, самаго характеристическаго для уразумѣнія его тенденцій (II, 283—286). Эта «L'Élegie de Bretagne» написана передъ проведеніемъ желѣзной дороги въ Бретань, сильно напугавшей нашего поэта. Бѣгло вспомянувъ событія и героевъ Бретани отъ временъ сооруженія *меннировъ*, и оплакавъ, что повсюду духъ выгоды дышетъ въ Бретани, поэтъ обращается къ героямъ и святымъ, чтобъ они лучше оставили бретонцевъ дикими. Онъ съ ужасомъ смотритъ на «разрушителя вѣковыхъ дубовъ и мрачныхъ гранитовъ, свидѣтелей прошлаго». Этотъ разрушитель — локомотивъ, который изображается поетомъ такъ, что невольно улыбаешься ¹⁾. По словамъ поэта, «наступаетъ уже конецъ послѣдняго дня», такъ какъ локомотивъ — «это красный драконъ, предсказанный Мерлиномъ. Это страшный врагъ! Чтобъ уравнять ему дорогу, — вы падете, *менниры*, стоявшіе такъ долго, и дубы! Падите также и монастыри, которымъ совершали поклоненіе! Холодные строители способны сдѣлать загороду изъ могилы Артура! У нихъ нѣтъ отечества, ихъ Богъ — деньги! Прощайте, старые нравы, прелесть хижины, священный языкъ, коимъ пѣли барды, блестящій костюмъ, который дѣлаетъ душу болѣе гордою, — полезное навсегда изгнало красоту! Земля, давай теперь все, что ты въ состояніи дать! Земледѣлецъ болѣе не другъ твой, а царь; онъ болѣе не протянется, мечтая, въ тѣни: чистой любви въ поляхъ теперь уже нѣтъ ни въ комъ. Скоро тѣ, кто пѣлъ на берегахъ, веселые пастухи возъ, придутъ на городскія площади, — продавать вольныя руи на рабскія работы, — селяне, обезображенные костюмомъ городского рабочаго... О, Боже, который насъ создалъ воинами, или поетами на берегахъ моря и пастухами въ поляхъ, — не склоняй нашихъ головъ передъ гнусными барышами, не дѣлай изъ бретонцевъ народа купцовъ! При-

¹⁾ C'est un dragon de fer, un monstre aveugle et sourd,
Sans ailes,—ce dragon ne vole pas, il court... и т. д.

рода, добрая мать, удали онъ насъ промышленность!.. Наука идетъ съ челомъ, блестящимъ пламенемъ; не одинъ сладкій плодъ упалъ изъ рукъ ея; просвѣти же, благодѣтельница, наши умы, не иссушая сердцецъ... Я видѣлъ варваровъ безъ вѣры, безъ сердца, безъ надеждъ, скучныхъ и состарѣвшихся отъ жадности, — и я пѣлъ мою родину, которая внушала мнѣ любовь. Двадцать лѣтъ пѣлъ я!.. Но если я трудился попусту, если и къ намъ идетъ зло, отъ коего я убѣгалъ нѣкогда, — душа моя, все еще печальная, но безъ ненависти, поднимется въ другую Бретань, въ лучшемъ мірѣ» (Oeuvres, II, 283—287).

И тутъ многое указано вѣрно; — но только далеко не одно удаленіе въ прошлое можетъ сохранить человѣчность въ сельскихъ классахъ и спасти ихъ отъ буржуазнаго варварства, вооруженнаго всѣми матеріальными орудіями цивилизаци. Тутъ можетъ оказать помощь только проведеніе въ народъ именно передовыхъ идей городскихъ классовъ и широкая реформа общественная, которая бы объединила интересы классовъ городскихъ и сельскихъ, и для этого-то, конечно, народный языкъ можетъ послужить хорошимъ орудіемъ, — хотя, конечно также, народу придется поступиться многими изъ своихъ эпическихъ и обрядовыхъ особенностей, которыя въ свою очередь — только временная форма народнаго духа, также продуктъ времени и обстоятельствъ, — иногда даже скорѣе вредныхъ народу, а слѣдовательно и народности, чѣмъ полезныхъ ей. Но Бризе слишкомъ погрузился въ романтическую любовь къ народности, и дошелъ до раздѣленія съ народомъ всѣхъ имъ унаслѣдованныхъ воззрѣній. Это погруженіе особенно видно въ тѣхъ стихахъ его, которые онъ написалъ по-бретонски, и которые онъ самъ читалъ, бывало, крестьянамъ. Этими стихами Бризе только формально поднималъ народность бретонскую, но не вносилъ ничего новаго въ понятія народа. Вотъ для примѣра его стихотвореніе «Молитва земледѣльцевъ» (I, 311).

Святой Аланъ, святой въ странѣ Скера, звѣзда Бретани,
 Радость прекрасныхъ ангеловъ съ двумя крылами,
 Съ твоего золотого престола, возвышающагося надъ луною,
 Обрати взоръ любви къ намъ на землю.
 Увы, мы люди бѣдные, бѣдные деревенскіе люди,
 А между тѣмъ очень часто приходимъ мы къ твоему святому дому;
 Да, по самому скверному пути лѣтомъ, зимою мы приходимъ всѣ,
 Каждое воскресенье, оцѣпенѣлые отъ дождя, или сожигаемые солнцемъ.
 Мы ищемъ защитника: тяжела наша жизнь;
 Съ нами вѣчный трудъ, вѣчная бѣдность;

Мы прозаемъ каждый день сердце земли жегъзомъ,
 А другіе ѣдятъ пшеницу, посѣянную нашими руками.
 Но все равно, взглянемъ вверхъ! Другой свѣтъ настанетъ;
 Каждый тогда получить, сообразно своимъ дѣламъ;
 Плохъ земледѣлецъ, который считаетъ свое бремя тяжкимъ,
 Плохъ крестьянинъ, не умѣющій нести свой крестъ.
 Какъ мама дѣти, тѣснящіяся вокругъ своего отца,
 Мы всѣ тутъ предъ тобою, колѣнопреклоненные, милостивый святой;
 Многіе изъ насъ въ этой странѣ носить твое имя;
 Будь же всегда съ нами на этомъ и на томъ свѣтѣ.

Странное на первый разъ дѣло! Поэтъ-бретонфилъ вышелъ передъ свой народъ съ стихотвореніями на его языкѣ, — и оказался бѣднѣе и образами и идеями, чѣмъ во французскихъ стихотвореніяхъ! Руководящею идеею поэта была любовь къ родинѣ и націонализмъ, и онъ рассказывалъ французамъ горячо и довольно яркими образами о милой ему Бретани и ея народѣ. Но народъ и безъ того любить свою родину, — уже потому, что не знаетъ никакой другой страны, и безъ того націоналенъ, — и у поэта-патріота не хватило содержанія, о чемъ говорить съ народомъ, — и онъ взялъ двѣ-три ходячія идейки, то изъ народнаго обихода, то изъ любимыхъ идей любителей этнографичнаго націонализма: пѣсня, арфа, родной языкъ, религія, храбрость, — вотъ все содержаніе бретонскихъ стиховъ Бризе, какъ будто народу нечего дѣлать, какъ только пѣть и любить, какъ будто сказать: «береги свои длинные волосы, короткіе штаны, палеи», и даже «люби свой языкъ», значить уже дать человѣку весь матеріалъ для міровой жизни. Что же касается до восхваленія храбрости бретонцевъ, то оно какъ-то странно звучитъ рядомъ съ заявленіемъ, что бретонцы — раса мирная; да и куда примѣнить имъ эту храбрость? Поэтъ восклицаетъ: «саксонецъ бѣжитъ прямо, когда мы кричимъ: бей его въ голову». Но гдѣ теперь этотъ саксонецъ? Бретонскій солдатъ, только какъ солдатъ французскій, можетъ воевать съ англичанами, — и при этомъ, конечно, не выигрываетъ ничего, ни какъ бретонецъ въ частности, ни какъ крестьянинъ вообще. Самъ же Бризе, поразмысливъ, говоритъ въ одномъ бретонскомъ стихотвореніи, что «Наполеонъ былъ волею, который безжалостно отнималъ у матерей ихъ дѣтей», — и даже прибавляетъ народный образъ: «говорять, что на томъ свѣтѣ онъ по губы въ болотѣ крови». Но такова обязательность для поэтовъ-націоналовъ говорить о храбрости своего народа, что Бризе нашелся въ необходимости, за неимѣніемъ возможности бретонцу проявить свою воинственность прямымъ образомъ, — какъ встарь надъ саксонцемъ и франкомъ, — писать стихи въ

честь войны, начатой Наполеономъ III вмѣстѣ съ савсонцами противъ Россіи, совершенно безразличной для бретонскаго народа. Націонализмъ привелъ Бризе къ проявленію еще одной особенности, свойственной всѣмъ людямъ и движеніямъ, опирающимся только на мѣстный патриотизмъ. Въ четверостишии къ гасконскому поэту, Янсемину, онъ восклицаетъ: «милый поэтъ, если надо намъ защищаться, — скажемъ злымъ галламъ (французамъ): для того, чтобъ ꙗть Бога въ полѣ, всякая птица, самая маленькая, имѣетъ свой языкъ!» Это, конечно, вѣрно, — но зачѣмъ же злыми названы всѣ галлы, т.-е. французы? Вѣдь изъ этихъ галловъ вышли и А. де-Виньи, В. Гюго, Амперъ, С.-Рене-Тальяндье, которому завѣщаль самъ Бризе издать свои сочиненія. Если были точно между французами такіе, которые неблагоприятно смотрѣли на поднятіе провинціальныхъ народностей, то не вѣрнѣ ли назвать ихъ именемъ соціальной, политической или культурной партіи, которая находитъ несомнѣннымъ съ своими интересами всякое проявленіе самостоятельности народа и областей. Но вѣдь такія партіи могли быть и среди бретонскаго общества, еслибы ему удалось образовать національное государство; и потомъ, если извѣстные слои бретонскаго общества, — хоть тѣ, которыхъ въ карикатурѣ изобразилъ Бризе въ видѣ Фаншива, — оторвались отъ бретанской народности, такъ потому, что оторвались прежде всего отъ бретонскаго народа. Въ свою очередь именно ходъ исторіи соціальной и культурной «злыхъ галловъ» привелъ къ тому, что появились люди, какъ Бризе, появилось бретонофильство. Не станетъ ли это послѣднее прочнѣе, если прямо признаетъ свою связь съ лучшимъ, прогрессивнымъ въ обществѣ этихъ злыхъ галловъ? Но такъ отнестись къ вопросу о бретонской народности, — значитъ, стать на космополитическую, а не національную точку зрѣнія, значитъ — признать болѣе важныя стороны въ вопросѣ народно-національномъ, чѣмъ длинные волосы, пальцы, средневѣковыя традиціи. Для такого пониманія національнаго вопроса, — время Бризе было еще слишкомъ незрѣлымъ. Потому, несмотря на свою узость, — (впрочемъ, у Бризе совершенно не исчезали слѣды болѣе широкихъ французскихъ идей и симпатій; изъ заявленія Тальяндье видно, что онъ не очень-то поддавался и ультра-католическимъ идеямъ), — Бризе составляетъ необходимую ступень бретонскаго національнаго самосознанія, которую мы замѣчаемъ и среди патриотическихъ партій — большихъ и въ болѣе независимое положеніе поставленныхъ народовъ (нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ). Несмотря на извѣстную узость національныхъ идей Бризе, лучшіе представи-

тели французской литературы не только не относились враждебно къ нему и къ его симпатіямъ, но даже, какъ С.-Рене-Тальяндье, говорили, что Бризэ—«принадлежитъ не одной только Бретани, но всей Франціи, всѣмъ сердцамъ, любящимъ благо и красоту, всѣмъ способнымъ понимать деликатность чувствъ, возвышенность мысли, прелесть и мелодію языка. Есть въ нашей поэзіи XIX в. воображенія болѣе разнообразны, болѣе блестящи, но нѣтъ болѣе чистыхъ. Многихъ ли поэтовъ знаете вы, которые могли бы сказать себѣ въ свой послѣдній часъ: «я воспѣвалъ только религію, отечество, любовь къ природѣ и къ искусству и самыя лучшія, самыя святыя движенія человеческой души. Никогда не прислушивался я къ стонамъ отчаянія, къ прельщеніямъ роскоши, къ увлеченіямъ гордости. Исправлять сердца, утѣшать души,—въ этомъ заключалась вся моя поэзія». (т. I, стр. VI—VII) «Любовь къ Бретани, привязанность къ Франціи,—эти два чувства далеко не противорѣчатъ другъ другу, а поддерживаютъ одно другое. Я не вѣрю патриотизму, который исключаетъ любовь къ очагу, также какъ не вѣрю чувству чело-вѣколюбія у тѣхъ, которые преслѣдуютъ патриотизмъ; человекъ, слишкомъ преданный своему маленькому отечеству (есть ли это цѣлая провинція, или только домашній очагъ, все равно), будетъ столь же преданъ и большому» говоритъ С.-Рене-Тальяндье (т. I, стр. XXVII).

II.

Несмотря на такой широко-терпимый взглядъ представителей французской критики на представителей провинціально-національнаго возрожденія, младшіе послѣдователи Бризэ,—выходя только изъ одного традиціоннаго націонализма, и все болѣе погружаясь въ мѣстные интересы бретонскіе,—естественно должны были еще болѣе погрузиться въ романтически-народныя, традиціонныя идеи и еще болѣе раздражительно отнестись и къ самой Франціи. Последнее должно было произойти и оттого, что, несмотря на возрастающее національное самосознаніе кельтовъ, общественное положеніе кельтской народности, сложившееся въ старыя времена подъ вліяніемъ французскаго національнаго централизма, не измѣнялось,—а идеи французскихъ націоналовъ, будучи такъ же узки, какъ и идеи самихъ кельтовъ, были даже противны всякимъ уступкамъ послѣднимъ. Впрочемъ, надо сказать, что раздраженіе кельтофиловъ противъ французскаго народа не было

очень сильно, — что происходило, может быть, оттого, что во французскомъ обществѣ идеи вельтофиловъ; особенно ихъ литературно-ученыя работы, находили всегда сочувствіе — и это фактъ весьма любопытный. Отношеніе вельтскаго народа къ романо-французскому, конечно, похоже на отношеніе славянскаго народа къ нѣмецкому: романское племя романизировало Галлію съ ю.-в., нѣмцы германизировали много славянскихъ племень съ с.-з., — и, между тѣмъ какъ нѣмцы постоянно стараются доказать, что, подвигаясь на востокъ, нѣмцы только возвратили свою старую землю; между тѣмъ какъ національная нѣмецкая исторія воспѣваетъ истребительныя войны нѣмцевъ съ славянами или доказываетъ, что славянскаго элемента вовсе, или очень мало вошло въ составъ восточной Германіи; между тѣмъ какъ всякія попытки славянъ къ нравственно-литературной эмансипаціи встрѣчаются въ нѣмецкомъ обществѣ враждебно, — во Франціи школа вельтическа между историками и этнографами, можно сказать, преобладаетъ, а попытки вельтовъ сохранить свою народность литературнымъ трудомъ встрѣчаютъ сочувствіе въ передовыхъ людяхъ французской литературы и науки, и вельтофиламъ не очень ставятся въ строкъ тѣ фразы раздраженія, которыя срываются съ устъ ихъ по временамъ. Соотвѣтственно этому и вельтофилы не заходятъ дальше фразъ въ своемъ раздраженіи при сравненіи прошлаго и настоящаго своей народности, и умѣютъ цѣнить блага французской культуры. Съ обѣихъ сторонъ интересы науки, искусства, образованія ставятся выше мелочей, случайныхъ выходокъ и т. п.

Представителемъ упомянутаго выше новаго поколѣнія бретонфиловъ является Ф. М. Люзель, насколько онъ выразился въ своихъ стихотвореніяхъ. Люзель уже давно началъ публиковать въ «La Revue de Bretagne et de Vendée» и отдѣльными листами свои стихи на бретонскомъ языкѣ, а въ 1865 году собралъ ихъ въ книжку подъ заглавіемъ: «*Bepred Breizad. Toujours Breton. Poésies bretonnes avec traduction française en regard*». Въ предисловіи, Люзель перепечаталъ статью свою изъ «La Revue de Bretagne», 1859, въ коей онъ выражаетъ свои основныя воззрѣнія. По его мнѣнію, журналъ, носящій титул Бретани, долженъ давать отчетъ обо всемъ, что публикуется въ этой провинціи и по-бретонски, — и что такая критика, такая попытка возрожденія (зачѣмъ бояться произнести это слово?) литературы, мало известной до сихъ поръ и пренебрегаемой даже бретонцами, дастъ новое значеніе и оригинальность, полную интереса, этому изда-

нью. «Безъ этого, — говоритъ Люзель, — бретонскій журналъ будетъ заниматься старыми хрониками, легендами, монетами римскими и т. п., — занятіе почтенное, но не могущее вполне удовлетворить бретонца... Мы, бретонцы, имѣющіе драгоцѣнное преимущество обладать собственнымъ языкомъ, — я говорю, языкомъ, и отвергаю постыдное названіе просторѣчія (*patois*), — мы должны заниматься другимъ дѣломъ, нисколько не пренебрегая, впрочемъ, этими занятіями. Этотъ языкъ, старшая сестра всѣмъ тѣмъ языкамъ, которые процвѣтали поочередно на почвѣ Галліи и Франціи, обогащаясь его останками, — языкъ этотъ обладаетъ цѣлымъ цикломъ народныхъ пѣсней, героическихъ поэмъ, чудесныхъ сказокъ съ отпечаткомъ оригинальности, весьма выразительной и очень характерной, съ драматическими произведеніями, столько же любопытными и интересными, сколько и неизвѣстными, — словомъ, такъ какъ мы имѣемъ счастье обладать цѣлою народною литературою, то долгомъ журнала бретонскаго будетъ розысканіе разбросанныхъ остатковъ этой несчастной литературы, — *disjecta membra* роетъ, — изученіе ихъ, введеніе въ свѣтъ и ознакомленіе съ ними упрямыхъ скептиковъ, которые до сихъ поръ считаютъ нашу прекрасную бретонскую литературу за мифъ.

«Бретонцы! не слѣдуетъ ли намъ бояться, что наше потомство, — ибо мы не послѣдніе изъ бретонцевъ, — проклиная наше равнодушіе, сдѣлаетъ намъ такой ужасный упрекъ: «Каинъ, что сдѣлалъ ты съ своимъ братомъ?» — Недостойные сыны Брейза, что вы сдѣлали съ прекраснымъ поэтическимъ языкомъ вашихъ отцовъ, языкомъ бардовъ, друидовъ и святыхъ, языкомъ, которымъ говорили Талезинъ, и Гвенкланъ, святой Патрикій и святой Кадо? Что вы сдѣлали съ этимъ героическимъ *gwerz* (эпич. пѣсня), съ этимъ нѣжнымъ и чувствительнымъ *sones* (лирич. пѣсня), съ этими поэмами, наполненными именами Артура, Мерлина, Изельты и Женьевры, съ этимъ множествомъ легендъ, которыя выросли на гробницахъ героевъ и святыхъ Армора и Эрина? Что вы сдѣлали, наконецъ, съ этими чудесными сказками домашняго очага, съ ихъ прелестью, волшебствомъ, со всѣми этими сокровищами поэзіи, съ геройствомъ, съ утѣшительными мечтами и съ сверхъ-естественными видѣніями, которыя ваши отцы разносили по всему свѣту и проносили чрезъ цѣлые вѣка, какъ священные палладіумы, отъ счастливыхъ странъ, гдѣ восходитъ солнце, до тумановъ и скалъ нашей Арморіи и ея сестры, Камбріи»...

«Краснорѣчивый и дорогой бретонскій голосъ связалъ: «памятники народности неразрушимы; они могутъ быть затемнены,

повреждены, подчасъ и затоплены среди волненія, но они никогда не погибаютъ; напротивъ, кончаютъ тѣмъ, что преодолеваютъ бездну и снова появляются на поверхности. Въ этомъ видѣнъ какъ бы символъ вѣчности, имъ предопредѣленной». Повторимъ же слова милаго барда, котораго мы будемъ долго еще оплакивать:

Старинныя пѣсни мы поемъ постоянно;
Нѣтъ, мы не послѣдніе изъ бретонцевъ! (IX).

Но нужно, говорить Люзель, работать, — «ибо врагъ у воротъ», — и цитируетъ при этомъ стихи Бризэ о приближеніи краснаго дракона, т.-е. локомотива. Впрочемъ, поэтъ полагается на Бога и думаетъ, что онъ не даромъ вложилъ въ души народовъ, обдѣленныхъ исторіей (*des races deshéritées*), надежду на наступленіе дня, въ который «рука (Провидѣнія), ихъ поразившая, подниметъ ихъ изъ униженія и поставитъ на одномъ уровнѣ съ ихъ господами на столь подвижной сценѣ судебъ и страстей человѣческихъ». «Этотъ день, такъ долго ожидаемый и такъ напрасно призываемый нашими отцами, не настанетъ ли для насъ? Мы, потомки самаго древняго и самаго несчастнаго народа въ Европѣ, неужели будемъ осуждены, какъ евреи, вѣчно ждать Мессію, который никогда не придетъ? Неужели древніе барды лгали, предсказывая намъ воскресеніе Артура? — Нѣтъ, Артуръ явится снова среди своихъ вѣрныхъ бретонцевъ, и древній духъ вельтовъ возродится; и чѣмъ болѣе будетъ онъ угнетенъ, преслѣдуемъ и поруганъ, тѣмъ болѣе почерпнетъ онъ, даже изъ такого положенія, храбрости и силы, чтобъ пройти трудныя времена, въ которыя мы живемъ, тѣмъ болѣе пробужденіе его будетъ блестяще и славно»... «Тогда то, — говоритъ дальше Люзель, — старая и поэтическая земля Армора, вѣрная древнимъ народнымъ традиціямъ, сохранить въ цѣлости свою могущественную оригинальность; тогда какъ все вокругъ нея будетъ измѣняться, она представитъ немалую рѣдкость въ анти-поэтичномъ и всеуравнивающимъ XIX вѣвѣ. И если эта сладостная мечта вызоветъ улыбку недовѣрія или сожалѣнія на уста нѣкоторыхъ фанатиковъ прогресса и прозаическаго однообразія націй, то не разочаровывайте меня, Бога ради, позвольте мнѣ уединиться отъ волненій и беспорядочной дѣятельности въ настоящемъ, чтобы я могъ убаюкивать себя этими сладкими мечтами моего воображенія. Притомъ же, я надѣюсь, найдутся люди, которые раздѣлятъ мои мечты и предпочтутъ ихъ разочарованію и реализму, которые

угрожаютъ захватить насъ со всѣхъ сторонъ. Какъ (V и VI в.) древняя, родственная Ирландія (Эринъ), такъ и наша Арморика могла бы оставаться поэтическимъ оазисомъ среди этой пустыни изъ провы и матеріи, которая затопляетъ насъ». Поэтъ заканчиваетъ свою статью справедливою жалобою, — что во Франціи, гдѣ изучаютъ всѣ языки, до китайскаго и малайскаго, нѣтъ нигдѣ каедры для изученія кельтскаго языка и литературы, — каедры, для которой Le Huegon указываетъ естественное мѣсто въ Реннѣ, — и которая, замѣтимъ мы мимоходомъ, существуетъ теперь въ Берлинѣ. «Почему, — спрашиваетъ нѣсколько разгорячившійся поэтъ, — почему нигдѣ (въ мѣстѣ, посвященномъ наукѣ) не говорятъ по-бретонски, чисто-кельтскимъ языкомъ, у котораго, быть можетъ, всѣ языки въ мірѣ похитили кое-что изъ его сокровищъ? Сколько великихъ и могущественныхъ геніевъ мы представили бы вашимъ изумленнымъ взорамъ, если бы только шли по слѣдамъ кельтскаго вдохновенія, начиная отъ древнихъ бардовъ до Шатобріана, считая тутъ же Оссіана и Шекспира, у котораго вдохновеніе сіяетъ всей своей силой и блескомъ, потому что Шекспиръ истый кельтъ».

Мы видимъ изъ этой статьи, что Люзель представляетъ ту ступень развитія національнаго самосознанія, которая всего сильнѣе проявляется у народовъ, подавленныхъ исторіей, но которая замѣчается и среди народовъ большихъ, если они на время отстанутъ отъ движенія другихъ народовъ и естественно подпадаютъ ихъ вліанію. На первыхъ порахъ, у патриотовъ народа бретонскаго проявляется, вмѣстѣ съ враждою противъ угнетателя или преобладающаго, и вражда противъ «духа прогресса» въ принципѣ, противъ «вѣка» съ его нравственными и матеріальными приобрѣтеніями.

Патриоты-націоналы съ перваго раза не соображаютъ, что эти приобрѣтенія, если, при извѣстныхъ условіяхъ, и составляютъ вѣщнее орудіе для гнетущаго элемента, для эксплуатаціи имъ любезнаго народа, — то только одни могутъ послужить орудіемъ и для освобожденія этого народа отъ эксплуатаціи. Это послѣднее народъ, — по неволѣ реалистъ, — самъ прекрасно чувствуетъ, и въ существѣ дѣла болѣе дорожитъ такими вещами, какъ паръ, чѣмъ самыми прекрасными стихами патриотовъ, поющихъ о прошлой славѣ, о короляхъ Артурахъ и т. п., — и ради того, чтобы овладѣть этимъ реальнымъ знаменіемъ дракона, отказывается и отъ признаковъ національности, языка, одежды, преданій. Патриоты-націоналы, замѣчая это, сердятся пуще на самый народъ, про-

клиная его деморализацію и приписывая ее чужеземцамъ,—и отчасти они правы: то отреченіе отъ своей личности, которое замѣчается въ людяхъ, отказывающихся отъ своей народности, а особенно ради матеріальныхъ благъ, имѣеть въ себѣ много не-симпатичнаго, лакейскаго. Но дѣло въ томъ, что не только процессъ деморализаціи, но и самаго обезнароживанья можно остановить только тогда, когда патріоты-націоналы перестанутъ воевать съ матеріальнымъ и нравственнымъ прогрессомъ, съ духомъ вѣка, а напротивъ, призовутъ его на службу самому дѣлу возрожденія народности. Обратимъ вниманіе хоть на такое орудіе прогресса, какъ локомотивъ, который встрѣтилъ такъ враждебно Бризе, предполагая, что онъ поможетъ стиранію особенностей Бретани. Часто и со стороны централистовъ слышится такая же самая мысль,—а именно, что областныя отличія живутъ только до тѣхъ поръ, пока желѣзныя дороги, телеграфы и т. п. не соединили окраинъ съ нивеллирующимъ центромъ. А между тѣмъ и эти надежды централистовъ, и сѣтованія автономистовъ, какъ Бризе, основаны на ошибкѣ въ расчетѣ. Дѣйствительно, ускореніе движенія отъ центра къ окраинѣ усиливаетъ вліяніе перваго, но и его подвергаетъ вліянію окраины, а главное—гораздо болѣе усиливаетъ движеніе и объединяетъ части самой окраины, т.-е. увеличиваетъ ея силу сопротивленія дѣйствию центра. Благодаря «красному дракону», парижанинъ, точно, можетъ три раза въ годъ побывать въ Реннѣ, Ваннѣ и т. п., но житель Ренна можетъ за то десять разъ побывать въ Ваннѣ, и т. д. Въ то же время, возможность бретонцу быстро и часто переноситься за предѣлы его родины реактивно возбуждаетъ въ немъ сознаніе его индивидуальности. Прибавить нужно, что связь отсталой провинціи съ центромъ культуры дѣлаетъ первую болѣе чуткою къ идеямъ свободы, къ сознанію личнаго достоинства,—которыя ведутъ за собою и сознаніе національности. Вотъ чѣмъ объясняется то обстоятельство, что именно наше время, время ускоренныхъ средствъ сообщенія, есть именно время возрожденія самыхъ заснувшихъ, повидимому, павѣки, разновидностей чело-вѣчества. Если мы подобнымъ образомъ переберемъ и другія орудія прогресса, то увидимъ, что всѣ они не только не враждебны возрожденію народностей, а прямо помогаютъ ему. Бретонскіе патріоты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Люзель, послѣ это стали сознавать,—но книжка стиховъ Люзеля, изданная въ 1865 г., можетъ еще служить образцомъ того, какъ бѣдны идеи, узки интересы, какъ наивны принципы

самаго талантливаго человѣка, если онъ держится только національнаго направленія и чуждъ или враждебенъ широкому общественному движенію.

Главный предметъ обожанія Люзеля—національная Бретань, какъ она есть, со всѣми ея характеристическими особенностями, а съ какими—это видно изъ слѣдующаго стихотворенія: Breiz-Izell, или Нижняя Бретань (стр. 9—15): «Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ на скалѣ растетъ дубъ, гдѣ бардъ поетъ на порогѣ своего дома, гдѣ на берегу шумитъ море? Да, эта страна—Брейзъ-Изелль. Когда я окидываю взоромъ весь міръ, то не вижу нигдѣ ей подобной земли, которая бы вызывала столь великую хвалу себѣ. Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ можно еще найти и слово Божіе, и вѣру во всей ихъ силѣ, честность и справедливость въ сердцахъ людей? Эта страна—Брейзъ-Изелль. Я желалъ бы, подобно ястребу, имѣть два крыла, чтобы улетѣть къ морю, у котораго я появился на свѣтъ. Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ никто не боится смерти, гдѣ люди живутъ, почитая Бога и законы своей родины? Эта страна—Брейзъ-Изелль; и изъ той дали, гдѣ я живу теперь, мои мысли, подобно голубю, летятъ въ мѣста, гдѣ осталось мое сердце. Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ, какъ цвѣты на поляхъ, можно видѣть молодыхъ дѣвушекъ, веселыхъ и прекрасныхъ? Эта страна—Брейзъ-Изелль. Ты, сизый дикій голубокъ, летаешь на одинъ взмахъ крыльевъ отъ моей страны, скажи же, голубочекъ, «здравствуй» моей милой Мона. Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ все еще любятъ древніе обычаи, гдѣ молятся еще въ церквахъ и у могилъ на кладбищахъ? Эта страна—Брейзъ-Изелль. О, облака, гонимыя вѣтромъ, опуститесь ниже къ землѣ и унесите меня въ мою страну! Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ поютъ старыя *gwerz* и *sones* у очага вечеромъ въ воспоминаніе о подвигахъ предковъ? Эта страна—Брейзъ-Изелль. Тамъ желалъ бы я умереть и быть похороненнымъ между моими земляками на ихъ кладбищѣ. Сложившій эти строки, — солдатъ съ опечаленнымъ сердцемъ, который умереть отъ тоски по своей родинѣ, если не возвратится вскорѣ въ Брейзъ».

Еще наивнѣе стихотвореніе *Euz oll vroiou ar bed*:

«Брейзъ-Изелль—первая страна въ мірѣ; она не обладаетъ ни золотомъ, ни серебромъ, но это не важно: у нея есть славныя юноши и честныя дѣвушки, есть вѣра въ сердцахъ и кругомъ все море. Никакого языка въ мірѣ не люблю я такъ, какъ языкъ Брейзъ-Изелля—онъ прекраснѣе всѣхъ, и отъ востока до

сѣвера не найти и столь же древняго, какъ онъ. Первая изъ всѣхъ женщинъ въ мѣрѣ, это—изъ Брейза; она сокровищница ума и вѣры; всегда живая и веселая она въ хозяйствѣ, точно солнце, распространяющее повсюду радость. Изъ всѣхъ обычаевъ въ мѣрѣ я люблю наиболѣе брейзъ-изелльскіе: они не измѣняются, подобно вѣтру, ежедневно, но придають силу и здоровье тѣлу, а спокойствіе разсудку. Изъ всѣхъ пѣсень въ мѣрѣ первая въ Брейзѣ. Когда мнѣ грустно, я начинаю пѣть старинный народный gwerz,—gwerz или sŏne, и сердце мое трепещетъ отъ восторга!» (146 стр.).

Для поэта прошедшее во всѣхъ отношеніяхъ лучше настоящаго:

«Было время, когда между нами слышался только языкъ Брейза; въ деревнѣ и въ городѣ мы всѣ говорили старымъ языкомъ нашихъ отцовъ,—въ Ваннѣ, въ Корнуэльсѣ, въ Леонѣ, въ Трегѣ. Было время, когда мы и одѣвались иначе,—каждый носилъ большую шляпу и панталоны, и мы въ Брейзѣ не ходили на французовъ, и не стригли своихъ длинныхъ волосъ. Было время, когда, вмѣстѣ съ одеждой, и наши обычаи отличались отъ обычаевъ французскихъ, и тогда изъ ста человекъ вы безъ всякаго труда отличили бы бретонца, въ какой бы то ни было странѣ въ мѣрѣ. Было время, когда вы могли увидѣть наши церкви, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, полныя колѣно-преклоненныхъ,—когда почиталось каждое воскресенье и каждый праздникъ, и тогда не танцовали раньше молитвы. Было время, когда въ Бретани, передъ закатомъ солнца, на дорогахъ, въ степи, на вершинѣ горы, повсюду раздавалось пѣніе старыхъ gwerz и новыхъ sŏnes.

«Было время, когда солдаты Брейзъ-Изелля наводили ужасъ повсюду, и проклятый англичанинъ обращался въ бѣгство или погибалъ (потому что оба эти народа никогда не любили другъ друга). Было время, когда мы особенно не любили видѣть у себя иностранцевъ,—англичанъ и французовъ, приходившихъ продавать намъ другой языкъ и другую вѣру. Было время, когда считалось за счастье быть родомъ изъ Бретани, называться бретонцемъ, и тогда говорили: «добрые малые изъ Арморика!» И совершенно справедливо. Вотъ было блаженное время! Гдѣ же это время, увы! гдѣ же оно! Неужели станемъ мы англичанами или галлами? Мы, быть можетъ, старшіе сыны въ мѣрѣ, и неужели нѣтъ болѣе бретонцевъ въ Брейзъ-Изелль? Неужели умеръ Арморъ? Нѣтъ, я знаю, старецъ, обремененный *железными цѣпями*, лежитъ распростерты на землѣ, охраняемый Іоанномъ

английскимъ. Кругомъ него пляшутъ и поютъ цѣлыя стада грязныхъ и злыхъ варликовъ, говоря: «онъ умеръ, бѣдный Арморъ! Вотъ онъ опрокинутъ на землю! о, да! онъ умеръ, и умеръ со-всѣмъ! онъ умеръ, умеръ, умеръ! бросимъ его тѣло въ море!» Но кто говоритъ все это? Англичане, французы? Нѣтъ, нѣтъ, онъ не умеръ, онъ только дремлетъ. Пойте потише; если онъ зашевелитъ лишь своимъ мизинцемъ, вы умрете отъ страха. Берегитесь же, берегитесь! если вы будете пѣть слишкомъ громко, онъ легко проснется: развѣ вы не видали большого меча Дюгесклена, славнаго воина? Повторяю: берегитесь, если проснется этотъ добрый малый (а это можетъ случиться), тогда вы расквасаетесь, тогда пойдетъ другая пляска! Англичане, вы знаете прекрасно, какъ тяжелъ этотъ мечъ! а вы, французы, вы перестанете смѣяться такъ много! Тогда раздастся: *Ion, ion!* въ воздухъ мечи! на ноги всѣ, въ поляхъ и на вершинахъ, на ноги повсюду! Артуръ пойдетъ съ нами, добрый малый Брейзъ-Изелля! Артуръ, идемъ впередъ, мы не можемъ быть побѣждены!»

О чемъ заботится бретонскій патриотъ, такъ это о томъ, чтобъ эта Бретань осталась, какъ есть, чтобъ бретонцы не забывали своего языка, а писатели чтобъ шли по дорогѣ бардовъ (см. Eug. Gir a-gaog, стр. 3—5). Поэтъ раздѣляетъ всѣ идеи и даже повѣрья своего народа, и посвящаетъ длиннѣйшее свое стихотвореніе какой-то полевой мессѣ (56—77 стр.) подъ названіемъ *Peden ar mederrien euz ar mintin* (утренняя молитва жнецовъ). Безъ этой мессы, говорить онъ, бретонецъ не обойдется: «это можетъ статься гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, какъ, напр., въ Англии или даже, увы, во Франціи, но не среди насъ, не на землѣ Брейзъ, въ странѣ людей прямыхъ и добрыхъ, съ сердцемъ полнымъ вѣры».

Такая месса (наборъ общихъ мѣстъ изъ католической мессы) не только облегчитъ трудъ крестьянину, но и предохранитъ его отъ злыхъ знаменій вѣка, которыхъ видимымъ символомъ является, опять-таки, локомотивъ желѣзной дороги.

«Скоро свистъ желѣзной дороги, звуча со стороны Франціи, раздастся въ ухахъ бретонцевъ, но они не оглянутся даже, чтобы посмотрѣть, если будутъ въ это время работать или молиться. И пока они будутъ сохранять языкъ своихъ отцовъ, предпочитать религію богатству, молиться утромъ и вечеромъ, испрашивая у Бога благословенія на свой трудъ, до тѣхъ поръ, будьте покойны, красный змій, предсказанный Мерлиномъ, древнимъ бардомъ, можетъ проходить, свиста, чрезъ наши поля и

степи, уничтожая цвѣты, разрушая скалы; но никогда и ни коимъ образомъ не можетъ онъ ни увлечь наши сердца, ни уничтожить нашъ старый языкъ съ нашими *gwergz* и *sônes*, нашу вѣру въ Господа Бога, нашего истиннаго отца; каждый человѣкъ въ Брейзѣ скажетъ: я всегда бретонецъ!» (стр. 75—77).

Думая только о національномъ языкѣ и обычаяхъ, поэтъ не вглядывается въ социальный строй народнаго быта: этотъ бытъ ему рисуется въ идиллическомъ видѣ. Вотъ онъ описываетъ жатву, восхищается запахомъ цвѣтовъ, пѣніемъ птицъ, видитъ и потъ на лицахъ жнецовъ, но не останавливается на немъ съ размышленіемъ, а заканчиваетъ такими благодушными словами:

«Земледѣльцы моей страны—храбрые жнецы, вы молитесь каждый день по-бретонски; завтра—воскресенье: послѣ большой обѣдни вы будете танцовать и прыгать по травѣ, а въ часъ захода солнечнаго вы всѣ возвратитесь въ свои дома со смѣхомъ и пѣніемъ, веселые и беззаботные; Эффламъ купить лакомства Фантигѣ, Эрвоанъ и Яннигъ проводятъ своихъ милыхъ. А въ понедѣльникъ вы снова будете работать безъ жалобъ и сожалѣнія, лишь бы молочные блины были хороши, а серпы остры, и такимъ образомъ вы спокойно приблизитесь къ смерти безъ сожалѣнія и страха,—пусть себѣ приходитъ, когда пожелаетъ» (стр. 217—219).

На всѣ вопросы, появляющіеся при видѣ бѣдности, у поэта одинъ отвѣтъ: чистое сердце лучше богатства, — а потому и не ищите послѣдняго, или, какъ говоритъ Маргарита швея (*Marg'haît anna péregez*): «другіе, которые ѣдятъ бѣлый хлѣбъ, жаркое и пьютъ золотистый сидръ, эти богачи, они, быть можетъ, не счастливѣе меня. Я вижу, они часто проходятъ, и рѣдко я вижу ихъ радостными; что-то беспокоитъ ихъ; я не слышу, чтобъ они пѣли» (стр. 251—52). Вообще, съ людьми изъ народа для Люзеля бѣды случаются развѣ тогда, когда дѣвушка-бретонка выходитъ замужъ за француза или офранцуженнаго бретонца, который, конечно, сначала прельщаетъ дѣвушку тѣмъ, что богатъ, а потомъ оказывается пьяницей и негодяемъ (стр. 37, 86, 172). Если и поэтъ замѣчаетъ, что «этотъ свѣтъ не хорошъ», то у него готово утѣшеніе: на томъ будетъ лучше (стихотвореніе *Mergwel'zo v'ed*—надо умереть! стр. 118—120).

При такомъ міросозерцаніи не ждите отъ Люзеля картинъ народной жизни, показывающихъ, что онъ вдумался въ нее, — хотя онъ и много видѣлъ. Лучшія вещи у него—описанія природы (напримѣръ, вечеръ на фермѣ лѣтомъ; 124—128), воспѣ-

ваніе идиллической любви (стр. 162, 200, 228 и слѣд.), чувствительныя баллады во вкусѣ старинной народной поэзіи, напр. Eug zop kloarek, — «пѣсня влоарека», исторія о томъ, какъ юноша ушелъ учиться и какъ его возлюбленная умерла, а онъ сталъ священникомъ въ церкви, на погостѣ которой она погребена (стр. 132); или Ann Itron varia Sant Karé (Богородица въ С.-Каре), о томъ, какъ мать больного отъ безнадежной любви юноши посвятила Богородицѣ С.-Каре сердце (изображеніе изъ воску) сына, чтобъ она исцѣлила его, — какъ св. Дѣва явилась ему ночью, положила палецъ на его сердце, — и юноша умеръ, а мать поетъ хвалу Богородицѣ за то, что она исцѣлила сердце сына, который теперь поетъ съ ангелами (100 стр. и слѣд.); или передѣлка распространенной по всему свѣту сказки о Христѣ, св. Петрѣ, подковѣ и вишняхъ (178 стр. и слѣд.). Заканчиваетъ бретонскій поэтъ свою книжку, какъ началъ — стихотвореніемъ, въ которомъ справедливо требуетъ правъ языку своего народа, пожалуй, справедливо говорить о невниманіи французскаго общества къ этимъ правамъ, но мотивируетъ всѣ эти права вельтской народности все тою же романтичною аргументаціею: «Кто говоритъ, что въ Бретани умерли духъ и вѣра древнихъ, и что съ каждымъ днемъ мы утрачиваемъ нашъ языкъ? Кто говоритъ, что французъ побѣдитъ бретонца, или верба — ерѣвнкій дубъ? Духъ отцовъ нашихъ живъ и будетъ существовать до конца міра, потому что мы предпочитаемъ его богатству. Мы поемъ еще наши старыя пѣсни, и какъ поемъ сегодня, такъ будемъ пѣть и завтра. До тѣхъ поръ, пока не будетъ вереска въ Нижней Бретани и скалы на берегу голубого моря, — до тѣхъ поръ не умретъ нашъ старый языкъ. Присылайте школьныхъ учителей въ наши деревни, мѣстечки и на фермы, чтобы бороться съ нашимъ языкомъ; но сколько ни приплете вы этихъ учителей, дѣти Армора имѣютъ упорныя головы и никогда не послушаютъ ихъ. Если вы не отрѣжете языка ребенку, — новорожденному ребенку, — то борьба ваша будетъ напрасна. Если же вы и замкнете намъ уста, то на всѣхъ кладбищахъ возстанутъ изъ своихъ могилъ наши предки, чтобы учить нашихъ дѣтей говорить ихъ языкомъ, пѣть *gwerz* и чаще молиться. Люди Франціи, оставьте дѣтей Брейза, оставьте ихъ, они не дѣлаютъ никакого зла, и обратите вашъ умъ на чтò другое. Оставьте намъ наши старые обычаи, наши церкви, крестъ и языкъ тѣхъ, которые покоятся теперь въ могилахъ, — наши вечерніе рассказы у очага, зимою, послѣ труда и послѣ ужина. Позвольте нашимъ священникамъ служить

обѣдню, которую слышитъ каждый отъ одного конца до другого, оставьте *отпущены* въ лѣтнее время, на которые спѣшать всѣ, здоровые и больные,—одни, чтобъ молиться, другіе—потанцовать и выпить, молодой—поухаживать за красивой дѣвушкой, на которой думаетъ жениться. Я клянусь, что дѣти Брейза никогда не совершать нигдѣ безпорядка и не станутъ жаловаться. Но уничтожить нашъ милый языкъ! — нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, люди Франціи, и лишь потратите напрасно время. Какъ растутъ дрокъ на нашихъ поляхъ, такъ растутъ церкви, кресты, *zônes* и *gwerz* на землѣ Брейза. Пока будутъ скалы на берегу морскомъ, до тѣхъ поръ древній бардъ будетъ пѣть у своего порога на старомъ языкѣ Армора» (стр. 257—265). Любопытно, что поэтъ народности, подавленной централизованною властью государства, которая началась, конечно, не со вчерашняго дня, не подъ влияніемъ «духа времени», а еще со временъ «старога королевскаго порядка», временъ военно-феодалныхъ; народности, отъ которой отреклась аристократія еще въ эти времена, — все-таки считаетъ необходимымъ похвастать воинственностью своего народа въ пѣсни: «до свиданья, Мари, моя милая, до свиданья, я иду сейчасъ туда—на валы,—умереть, защищая свою страну!— Со всѣхъ сторонъ гремятъ пушки, со всѣхъ сторонъ звучатъ трубы; нужно идти по доброй волѣ и безъ страха, какъ истый бретонецъ!— Да, я пойду съ радостнымъ сердцемъ въ первыхъ рядахъ, поднявъ голову высоко, — я умру безъ сожалѣнія за моего Бога, короля и отечество. Прощай въ этомъ мірѣ, гдѣ мы не должны больше видѣться; когда-нибудь, на небесахъ увидимся вмѣстѣ со всѣми вѣрными солдатами» (стр. 237—239). Сочинялъ ли Люзель это стихотвореніе во время какой-нибудь бонапартковской войны, или на всякій случай, или, какъ вѣроятно, изъ употребленія слова *roué* — король (которое по-французски Люзель переводитъ *monarque*) поэтъ имѣлъ въ виду что-либо въ родѣ бурбонской реставраціи,—во всякомъ случаѣ эта пѣсня любопытна для характеристики той стадіи бретонскаго патріотизма, какую представляютъ стихотворенія Люзеля.

Казалось бы, какъ легко поборнивамъ народности, сохраняющей почти исключительно въ массахъ народа, на которыхъ лежатъ всѣ тяжести современнаго общества, а особенно лежали тяжести стараго, въ массахъ народа, подавленныхъ между прочимъ и слабостью просвѣщенія,—какъ бы легко, казалось, бретонскимъ патріотамъ признать, что только именно духъ вѣка нашего, его демократическія стремленія и положительная наука

могутъ поднять ихъ народъ, а слѣдовательно и народность, насколько ея признаки отвѣчаютъ потребностямъ цивилизаціи,—но нѣтъ: этнографическій и языковой дилеттантзмъ привелъ ихъ къ идеализаціи феодально-католическаго прошлаго и къ союзу съ его остатками въ настоящемъ, ко враждѣ съ прогрессомъ. Само собою разумѣется, что на этой ступени въ наше время не можетъ удержаться цѣликомъ ни одна національно-патріотическая партія,—какъ это случилось и съ бретонофилами, и съ самимъ Лювелемъ.

М. Драгомановъ.

НАШЪ АРГОНАВТЪ

По поводу новыхъ статей и новыхъ идей г. Любимова въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Falsche Eingriffe zur Heilung angeblicher Leiden können bei empfindsamen Körpern leicht den Rest noch vorhandenen Wohlses wirklich zerstören; zu solchen empfindsamen Körpern gehören unzweifelhaft die Universitäten in hohem Grade.

I. BONA MEYER: Deutsche Universitäts-Entwicklung. 1876.

Въ виду назначенія особой комиссiи для пересмотра университетскаго устава, этотъ вопросъ получаетъ совершенно новый интересъ, и потому заслуживаетъ всесторонняго изученiя. Хотя между членами этой комиссiи, помимо служащихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя и официальныхъ лицъ, ректоровъ, только два изъ нынѣ читающихъ профессоровъ, а именно, навѣ знаменитый санскриптологъ г. Коссовичъ и извѣстный профессоръ физики Любимовъ,—но тѣмъ не менѣе комиссiя, повидимому, вовсе не желаетъ себя ограничивать однимъ своимъ составомъ и весьма справедливо выговорила право своему предсѣдателю приглашать экспертовъ, слѣдовательно, выслушивать мнѣнiя со всѣхъ сторонъ. Мы съ особеннымъ удовольствiемъ указываемъ на такое превосходное намѣренiе комиссiи; оно должно совершенно парализировать распространившiйся въ обществѣ слухъ, что извѣстныя статьи г. Любимова объ университетскомъ вопросѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а потомъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, могутъ имѣть при всемъ этомъ какое-то исключительное значенiе. Каковы бы ни были мнѣнiя г. Любимова, въ качествѣ автора тѣхъ статей и вмѣстѣ лица, редактирующаго „Русскiй Вѣстникъ“,

но эти мнѣнія составляютъ принадлежность публицистики, и потому не могутъ имѣть ни малѣйшаго officialнаго значенія. Это—журнальныя статьи, какъ и всякія другія. Нельзя, конечно, не пожалѣть, что въ послѣднихъ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ январьской, февральской и мартовской книжкахъ упомянутаго журнала, самъ публицистъ дѣлаетъ ошибку и нѣсколько самозванно принимаетъ на себя officialный тонъ, даже съ увѣренностью говорить о видахъ и намѣреніяхъ правительства; но до этой ошибки намъ нѣтъ никакого дѣла, и мы тѣмъ не менѣе будемъ разсматривать статьи г. Любимова, какъ мы разсматривали бы всякую другую журнальную статью. Притомъ, мы даже не знаемъ, держится ли въ эту минуту г. Любимовъ мнѣній, высказанныхъ имъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; вѣдь измѣнилъ же онъ, какъ мы увидимъ ниже, свои мнѣнія, которыя онъ поддерживалъ о томъ же предметѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, — по крайней мѣрѣ, это такъ кажется; — почему же ему не измѣнить ихъ вновь? Очень будемъ довольны, если и настоящая наша статья будетъ сколько-нибудь содѣйствовать если не къ тому, чтобы г. Любимовъ вновь измѣнилъ свои мнѣнія, то хоть къ тому, чтобы онъ подумалъ о многомъ, высказанномъ имъ какъ будто второпяхъ, необдуманно и съ небольшимъ багажомъ свѣдѣній о предметѣ, лежащемъ за предѣлами его личныхъ наблюденій — о германскихъ университетахъ.

Онъ не далъ себѣ, впрочемъ, труда изучить и того, что къ нему было болѣе близко, а именно настоящаго положенія нашихъ университетовъ, и замѣнилъ все это фельетонною и мрачною картиною нашей умственной жизни; при помощи голословныхъ обвиненій онъ огуломъ осудилъ профессоровъ и учащихся, а Россію представилъ на краю страшной пропасти, и все это только для того, чтобы заключить самымъ неожиданнымъ образомъ: университеты-моль могутъ быть спасены только новымъ уставомъ, составленнымъ по программѣ г. Любимова, такъ какъ они пали вслѣдствіе недостатковъ устава 1863 г. Конечно, г-ну Любимову было бы крайне неловко пускаться въ подробности, и онъ предпочелъ древній японскій способъ устрашенія — рисовать драконовъ на знамени. Но вѣдь если бы онъ коснулся подробностей, то ему пришлось бы засвидѣтельствовать, что, напримѣръ, со времени устава 1863 г., въ теченіи 10-ти лѣтъ, университетская жизнь, именно благодаря этому уставу, проходила совершенно спокойно; даже недавно, на нашихъ глазахъ, одни университеты оставались въ сторонѣ отъ беспорядковъ въ другихъ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это вѣдь фактъ, и обойти его было бы нельзя, а потому г. Любимовъ ударился въ громкія и голословныя фразы; съ его специальною цѣлью такой фактъ не ва-

зался. Съ другой стороны, ему совершенно невозможно было бы не засвидѣтельствовать другого факта, еще болѣе непріятнаго свойства: извѣстные беспорядки 1861 года въ петербургскомъ университетѣ предшествовали уставу 1863 года и при дѣйствии его не повторялись ни разу; между тѣмъ въ эпоху этихъ беспорядковъ и гораздо прежде ихъ университетскіе совѣты были въ полной зависимости отъ распоряженій департамента и канцеляріи попечителей; г-ну Любимову извѣстны результаты такого вишняго управленія университетскими дѣлами, и онъ благоразумно о томъ умалчиваетъ, такъ какъ онъ самъ предлагаетъ именно то, что было у насъ осуждено собственнымъ опытомъ. Не нужно быть глубокимъ специалистомъ въ исторіи, впрочемъ, уже вѣковой, нашихъ университетовъ, чтобы понимать, какъ близокъ идеаль г. Любимова къ тому, что до устава 1863 года было фактомъ. Стоитъ только, напримѣръ, напомнить исторію петербургскаго университета въ попечительство М. Н. Мусина-Пушкина, и всякій, читая статьи г. Любимова, увидитъ ясно, что въ его идеяхъ нѣтъ ничего собственно новаго: положеніе университетскаго совѣта при Мусинѣ-Пушкинѣ и есть то самое, какимъ теперь плѣнень г. Любимовъ. Теперь не время и не мѣсто пускаться въ подробности университетскаго „хозяйства“ того времени; да притомъ, еще такъ много живетъ свидѣтелей той эпохи, что это было бы и излишне. Достаточно сказать, что событія 1861 года были прямымъ послѣдствіемъ, конечно, не устава 1863 года, но предшествовавшей ему системы, которая поставила учащихся лицомъ къ лицу съ начальствомъ; результаты того памяты и до сихъ поръ. Правда, въ 1855 г. Мусинъ-Пушкинъ былъ замѣненъ лицами другого характера, но система оставалась та же: совѣтъ не чувствовалъ болѣе гнета, но и не пріобрѣлъ отъ того никакого авторитета, и плоды прежней системы могли только созрѣть оттого гораздо скорѣе. Если бы мы захотѣли однимъ словомъ выразить сущность новой системы устава 1863 года, мы должны бы были сказать такъ: этотъ уставъ въ первый разъ поставилъ учащихся лицомъ къ лицу не съ начальствомъ, а съ профессорами, и счастливыми результатами того мы пользуемся до настоящей минуты, несмотря на многое, бывшее неблагоприятнымъ для полноты примѣненія этого устава: нѣкоторые и весьма важные его пункты утратили свою силу, до предпринимаемаго нынѣ его пересмотра.

Отъ всего этого отворачивается г. Любимовъ и старается замѣнить историческое изложеніе дѣла эловенціемъ самаго непристойнаго свойства. При этомъ онъ даже забываетъ, что уставъ 1863 года открылъ множество путей для министерства народнаго просвѣщенія къ наблюденію за ходомъ университетской жизни и предоставилъ ему

вполнѣ законныя средства къ парализованію всякаго злоупотребленія и къ возвращенію совѣта на путь, указанный закономъ. Поэтому, читая статьи г. Любимова и его аттестацію современному положенію нашихъ университетовъ, мы вовсе не спрашиваемъ, какъ могли университеты дойти до такого ужасающаго положенія; несравненно любопытнѣе былъ бы другой вопросъ: гдѣ было все это время министерство народнаго просвѣщенія? Неужели-же оно не пользовалось предоставленнымъ ему по уставу 1863 г. надзоромъ за университетами, такъ что теперь ему приходится узнавать о печальномъ состояніи университетовъ изъ журнальной статьи? Вотъ предъ какою мыслью слѣдовало бы остановиться прежде всего, еслибы въ словахъ г. Любимова была правда. Какъ, напримѣръ, долженъ думать читатель о нашихъ университетахъ, а еще болѣе о надзорѣ за ними со стороны министерства, за эти послѣдніе годы, при такой характеристикѣ ихъ современнаго, по-истинѣ отчаяннаго положенія:

„Что добраго, — восклицаетъ г. Любимовъ, — можно ждать, когда молодой умъ, въ эпоху горячей пылливости, когда слагаются убѣжденія о великихъ загадкахъ бытія, и когда сердце открыто, чтобы повѣрить и привязаться, не получаетъ въ своемъ чтеніи другой пищи, кромѣ настойчивыхъ намековъ на разныя ученія отрицательнаго и разлагающаго свойства, да полуграмотной перефразировки нѣсколькихъ сочиненій, признанныхъ передовыми, сочиненій по ббльшей части критическаго, а не творческаго характера, имѣющихъ значеніе и понятныхъ лишь какъ вѣтви на умственномъ деревѣ эпохи и теряющихъ живой сокъ, какъ скоро огрублены отъ этого дерева. Много ли слышитъ молодой умъ съ *каведры*, что способно было бы прекратить безплодное броженіе скудоумнаго отрицанія и вызвать живую струю исполненнаго надеждъ творчества?“ („Р. В.“, янв., стр. 340).

Обвинительный актъ противъ университетовъ и министерства народнаго просвѣщенія продолжается и въ слѣдующихъ статьяхъ. Еще назидательнѣе становится профессоръ Любимовъ, когда онъ, потупля глаза и краснѣя за лѣнь, невѣжество и мятежный духъ своихъ товарищей, отворачивается отъ нихъ. Будущей организаціи университетовъ онъ противопоставляетъ теперешнюю, „ведущую къ тому, чтобы укрѣпить произволь преподаванія въ чтеніяхъ, требующихъ наименьшей траты труда, и поощрять свободу праздности, бѣгущей занятій“ (янв., 338). Продолженіе на стр. 350: „профессоръ читаетъ въ границахъ своего предмета, что хочетъ и какъ хочетъ, сколько хочетъ, будучи отвѣтственъ лишь предъ своею совѣстью; экзаменуетъ такъ или иначе по своему характеру, темпераменту, расположенію къ строгости или склонности къ популярничанью“ и т. д.

При такой лѣни въ чтеніи курса, неудивительно, что нѣтъ и пло-

довъ кабинетнаго труда. Уставъ 1863 года, замѣчаетъ г. Любимовъ, въ широкихъ рамкахъ увеличилъ ученый персоналъ. Но увеличилась ли пропорціонально ученая производительность? „Много ли появляется курсовъ и книгъ?“ спрашиваетъ авторъ учебника физики, которому скоро предстоитъ праздновать свой 25-лѣтній ученый юбилей! „Говорятъ, что съ тѣхъ поръ вышло много спеціальныхъ работъ. Но,“—спѣшить увѣрить читателя съ видомъ знатока г. Любимовъ,—„лишь небольшой процентъ ихъ выше посредственности и значительный ниже ея“¹⁾.

Вслѣдствіе такого отвращенія къ труду немудрено, что члены университетскихъ совѣтовъ, при дурной организаціи послѣднихъ, обуреваемы мятежнымъ духомъ: еще въ 50-хъ годахъ, „общій ходъ дѣлъ способствовалъ установленію взгляда, до нынѣ не лишеннаго значенія, что каждая ученая корпорація должна представлять собою родъ благороднаго заговора противъ несвѣдущаго начальства и направлять его къ благимъ дѣламъ не настоящими соображеніями, а особенными аргументами, прилаженными къ его пониманію“ (февр., с. 640).

„Какой результатъ,—спрашиваетъ въ другомъ мѣстѣ г. Любимовъ,—имѣло расширеніе круга дѣятельности совѣта? Обращу прежде всего вниманіе на то обстоятельство, состоитъ ли это собраніе, должествующее держать бразды правленія и представлять собою нѣчто въ родѣ конвента (!?) въ миниатюрѣ изъ членовъ съ достаточно независимымъ голосомъ?“ (мартъ, с. 118). Читая все это, приходишь невольно въ ужасъ и не можешь не воскликнуть: какъ это случилось, что министерство народнаго просвѣщенія давно не замѣтило, что университетскіе совѣты превратились въ „конвенты“, положимъ, миниатюрные, но все-таки конвенты, съ миниатюрными Робеспьерами, Маратами и Дантонами. Не одинъ уставъ 1863 г. давалъ ему воз-

¹⁾ Янв., 341 стр.—Ко всѣмъ этимъ мастерскимъ изображеніямъ, для полноты картины, присоединимъ еще одно, въ томъ же самомъ родѣ. Мы встрѣтили его перепечатаннымъ въ „Голосѣ“ (№ 178): „ежегодные отчеты нашихъ университетовъ представляютъ смѣсь самаго неопозволительнаго глумленія надъ русскимъ обществомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, печальную картину положенія и учащихся, и учащихся. Каедрны остаются незанятыми въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ; нѣкоторые каедрны замѣщаются людьми совершенно бездарными... Наука университетская выражается въ цѣломъ рядѣ сочиненій, которыя десятки лѣтъ готовятъ русскими профессорами, и которымъ, вѣроятно, никогда не суждено удивить ученый міръ“. Все это слово въ слово по г-ну Любимову, но редація „Голоса“ увѣряетъ, что она сдѣлала выписку изъ лондонскаго изданія „Впередъ“. Если это вѣрно, то въ объясненіе возможности такого случая мы можемъ только привести французскую поговорку: les beaux esprits se rencontrent! Нашимъ учащимъ и учащимся приходится переживать неудовольствія одновременно и со стороны г-на Любимова, и со стороны его неожиданныхъ единомышленниковъ.

возможность приостановить такую метаморфозу совѣтовъ въ конвенты! Неужели допустить, что оно было такъ невнимательно къ исполненію своихъ обязанностей?! Но мы уже выше сказали въ чемъ дѣло, и конечно потому министерство не принимало никакихъ мѣръ къ обратному превращенію „конвентовъ“ въ совѣты. Но за то послѣ всѣхъ этихъ словозверженій, г. Любимовъ не долженъ удивляться и сердиться, что онъ былъ объявленъ „врагомъ университетовъ“; что „во имя якобы либеральныхъ идей и мнимой преданности святынь университетскихъ правъ, его обвинили въ ретроградномъ направленіи, въ желаніи подслужиться власти, въ измѣнѣ университету“ (мартъ, стр. 69).

Это червь, который постоянно гложетъ сердце г-ну Любимову. Ему такъ хотѣлось бы, по пословицѣ, „и невинность сохранить, и капиталъ приобрести“, т.-е., обезпечивъ себѣ всѣ выгоды ретрограднаго человѣка, прослыть въ то же время за либеральнаго, за истинно либеральнаго! Вотъ это-то и составляетъ затруднительность его положенія. Ему было бы легко прослыть за человѣка подслуживающагося начальству, за охранителя въ области умственной и нравственной, но этого ему мало; ему также хочется нравиться людямъ, которые относятся недовѣрчиво къ извѣстной уже въ исторіи всего міра опеке канцеляріи надъ наукой. И вотъ что дѣлаетъ г. Любимовъ: онъ рѣшительно измѣняетъ свою „тактику“ въ новыхъ статьяхъ „Русскаго Вѣстника“. Прежде, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, онъ безцеремонно бранилъ либерализмъ въ организаціи университетовъ; теперь онъ становится даже подъ его знамя. Въ этомъ послѣднемъ выходѣ предъ публикой онъ является въ извѣстномъ средневѣковомъ двувѣтномъ костюмѣ: одна половина его желтаго цвѣта, другая краснаго. Спереди у него надѣта консервативная маска, а сзади либеральная. Забавно, какъ онъ то-и-дѣло поворачивается предъ публикой и представляется ей то въ одномъ, то въ другомъ видѣ. Его рѣчи обращены то къ людямъ „основныхъ убѣжденій“, то къ людямъ, „не желающимъ отдѣлиться отъ западныхъ идей и порядковъ“, иногда же въ одномъ общемъ аккордѣ звучать и консервативная, и либеральная нота.

Напримѣръ, обращаясь къ либераламъ, г. Любимовъ говоритъ: „Великій запретъ постоянно лежалъ (у насъ) на всякомъ свободномъ проявленіи мыслящаго духа (каково? хоть куда!). Духовная цензура, въ самомъ широкомъ значеніи и разнообразныхъ формахъ, ограждала нашу умственную жизнь отъ опасностей философскаго вольнодумства“. Поворачиваясь къ консерваторамъ: „Но, увы! не оградила она (цензура) наше общество отъ самыхъ дивныхъ теорій, съ жадностью принимаемыхъ неукрѣпленными серьезнымъ убѣжденіемъ молодыми умами; отъ нелѣпыхъ ученій, находящихъ, благодаря выгодному сбыту мно-

гочисленныхъ производителей въ нашей печати и порождающихъ самыя печальныя явленія“ (январь, стр. 340).

Къ либераламъ: „Мы продолжаемъ еще расплачиваться за разореніе нашей школы въ пятидесятыхъ годахъ, за этотъ дорого обошедшійся опытъ, который практически показалъ, что *опасность, отъ которой желательнo охранить общество, не въ свободѣ и дѣятельности мысли, а въ ея безсиліи, въ перазуміи всякихъ видовъ и свойствъ*“ (январь, стр. 341). Но для успокоенія консерваторовъ г. Любимовъ спѣшитъ объяснить, какъ онъ понимаетъ „оживленіе философскаго духа, который долженъ содѣйствовать поднятію общаго образованія“, и что онъ разумѣетъ совершенно особенный *духъ*. Въ февральской статьѣ (стр. 643), гдѣ говорится объ экзаменахъ профессоровъ, г. Любимовъ вдругъ презрительно восклицаетъ: „и какой, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ могъ быть въ экзаменѣ Грановскаго изъ его краснорѣчивыхъ чтеній, которыхъ главное значеніе заключалось въ возбужденіи чувствъ гуманности?“

Чтобы возбудить сочувствіе другихъ въ пользу предстоящихъ измѣненій въ университетской организаціи, г. Любимовъ ясно говорить, что эти измѣненія непременно должны повлечь за собой уменьшеніе числа бѣдныхъ студентовъ. Г. Любимовъ желаетъ, чтобы „бремя государственнаго управленія“ (подъ этимъ онъ разумѣетъ чиновничьи мѣста) разлагалось преимущественно на тѣхъ, для кого жалованье не есть единственное средство къ жизни и кому достатокъ и общественныя связи дадутъ извѣстную независимость положенія. „Вотъ почему,—продолжаетъ онъ,—кажущееся для иныхъ столь либеральнымъ привлеченіе людей изъ бѣдныхъ классовъ къ высшему образованію далеко не таково въ сущности, если образованіе это служитъ лишь орудіемъ къ достиженію чиновничьихъ мѣстъ. Привлеченіе это можетъ вести къ развитію класса искателей мѣстъ, *становящагося классомъ недовольныхъ*, если въ мѣстахъ оказывается недостатокъ, или если они не удовлетворяютъ возбужденнаго самолюбія, такъ легко переходящаго въ зависть и манищаго къ *безнравственнымъ средствамъ*“ (январь, 381).

Поэтому г. Любимовъ чрезвычайно ополчается противъ „вопроса о бѣдныхъ студентахъ“. Онъ съ усмѣшкой замѣчаетъ, что печалованіе о бѣдныхъ студентахъ сдѣлалось *модой*, и съ укворизной вспоминаетъ, что въ эпоху самарскаго голода ревнители за бѣдныхъ студентовъ выманивали и вырывали у общества пожертвованія, которыя должны были бы идти на утоленіе голода въ Самару!

Но, съ другой стороны, г. Любимовъ очень не желаетъ, чтобы проектъ измѣненія устава 1863 г. показался кому-нибудь нелиберальнымъ, и онъ постоянно увѣряетъ, и даже съ претензіей гово-

рить отъ имени правительства, что „правительствомъ заявлено намѣреніе подвергнуть пересмотру университетскія учрежденія исключительно съ точки зрѣнія интересовъ науки и преподаванія“ (февр., стр. 642). „Высшая цѣль, соответствующая видамъ правительства, въ томъ, чтобы поднять духъ науки и ученія въ университетахъ и высшихъ школахъ“ (январь, стр. 337).

Иногда однако встрѣчаются у г. Любимова фразы, неизвѣстно для кого предназначенныя, для тѣхъ ли консерваторовъ, которымъ онъ желаетъ понравиться, или для либераловъ, осужденія которыхъ онъ смертельно боится. Такъ, напр., „соединеніе вопроса о платѣ за слушаніе лекцій съ вопросомъ о мѣрахъ къ предупрежденію студентскихъ волненій — разжигаемыхъ разными вліяніями, и сдѣлавшихся, благодаря общей смутѣ, важнымъ событіемъ, которое *эксплуатировалось* въ разныхъ направленіяхъ — не могло“ и т. д. (январь, стр. 380). Кѣмъ эксплуатировалось? Неужели тутъ идетъ рѣчь о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и ихъ подражателяхъ? Но г. Любимовъ вовсе не озабоченъ рѣшеніемъ имъ возбуждаемыхъ вопросовъ; ему нужно только болѣе или менѣе искусное подтасовываніе консервативныхъ и либеральныхъ фразъ, и на этомъ-то построено все произведеніе автора, редактирующаго „Русскій Вѣстникъ“. Въ прежнихъ статьяхъ своихъ объ университетѣ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, главнымъ предметомъ его нападеній былъ либерализмъ устава 1863 г. и его составителей, а главною цѣлью его желаній — перенесеніе выбора профессоровъ изъ университетскаго совѣта въ канцелярію попечителя. Теперь г. Любимовъ счелъ нужнымъ заявить, что вопросъ о порядкѣ назначенія профессоровъ и объ устройствѣ университетскаго управленія — стоитъ уже на второмъ планѣ сравнительно съ капитальной задачей преобразованія. А этой капитальной задачей является — какъ бы вы думали, читатель, — перенесеніе къ намъ изъ Германіи — *horribile dictu* — *академической свободы*. Эта „академическая свобода“ называется первымъ благомъ и главнымъ правомъ германскихъ университетовъ, важнѣйшимъ условіемъ ихъ процвѣтанія. Не изумляйтесь однако, читатель, смѣлости г. Любимова.

При ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что эта свобода не принесетъ пользы ни *овцамъ* (такъ называетъ г. Любимовъ студентовъ), ни *пастухамъ*. Подъ академической свободой для профессора г. Любимовъ не разумѣетъ права читать безъ стѣсненія и опасенія о всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ извѣстной наукой; ни права печатать безъ цензуры и безъ опасенія быть отданнымъ подъ судъ; ни права получать безъ стѣсненія всякаго рода сочиненія; ни права въ вакаціонное время уѣзжать за границу безъ всякаго отпуска, ни многихъ другихъ подобныхъ правъ, существующихъ для профессоровъ германскихъ университе-

товъ; вовсе нѣтъ. Подъ академической свободой для учащихся г. Любимовъ не разумѣлъ права сходокъ и демонстрацій, права составлять студенческія общества или принадлежать къ нимъ, права одобренія профессорскихъ лекцій, какъ подумалъ бы какой-нибудь нѣмецкій студентъ. Подъ академической свободой, которую слѣдуетъ, для процвѣтанія нашихъ университетовъ, перенести изъ Германіи, г. Любимовъ разумѣетъ только слѣдующіе 4 пункта: 1) гонораръ, т.-е. право профессоровъ получать деньги со студентовъ; 2) приватъ-доцентство съ гонораромъ; 3) экзаменъ на степень въ особыхъ коммиссіяхъ, и 4) назначеніе профессоровъ министромъ (попечителемъ) по рекомендаціи или безъ рекомендаціи со стороны профессоровъ. Вотъ это-то и есть „академическая свобода“; все же прочее въ ней онъ, конечно, оставляетъ нѣмецкимъ университетамъ на ихъ погибель. Но между этими 4-мя пунктами, подумаетъ иной читатель, принимался за чтеніе статей г. Любимова, по крайней мѣрѣ приватъ-доцентство, т.-е. право всякаго имѣющаго университетское образованіе открывать въ университетѣ курсъ какой-нибудь науки, можетъ дѣйствительно содѣйствовать развитію академической свободы, а приватъ-доцентство у насъ не развивалось, можетъ быть, только оттого, что у насъ не было гонорара, и всѣ профессора были экзаменаторами?

Такого добродушнаго читателя статей г. Любимова ждетъ полное разочарованіе. Ему тотчасъ придется убѣдиться, что, во-первыхъ, упомянутые четыре пункта обставлены у г. Любимова такъ, что они не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшей гарантіи академической свободы; а во-вторыхъ, что онъ вовсе не серьезно относится къ своему дѣлу и вовсе не заботится найти практически-полезныя мѣры для осуществленія своихъ совѣтовъ. Seriously заботится онъ только о двухъ вещахъ: о полученіи гонорара сверхъ жалованья и о томъ, чтобы вступленіе молодыхъ профессоровъ, отставка профессоровъ, отслуживающихъ сроки, подобно г-ну Любимову, и положеніе ихъ въ университетѣ зависѣли не отъ ихъ товарищей, а отъ канцеляріи или департамента. Но для осуществленія этихъ двухъ благъ не нужно ломать себѣ голову и придумывать разныя практическія мѣры, а достаточно просто внести въ существующій уже уставъ соотвѣтствующіе два параграфа. Вопросъ о гонорарѣ и срокахъ службы разрѣшенъ у г. Любимова ясно и положительно, потому что это только и интересовало его серьезно; за то все остальное—сбивчиво, противорѣчиво и практически-непримѣнимо или бесполезно.

Впрочемъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ доказательствамъ, коснемся одного интереснаго вопроса. Г. Любимовъ постоянно рисуется передъ читателемъ на своемъ любимомъ конькѣ „германскій университетъ“, и значительную часть его статьи въ 200 страницъ представ-

ляютъ буквальные выписки въ нѣсколько страницъ изъ сочиненій о германскихъ университетахъ... Приемъ нетрудный и, какъ извѣстно, въ журнальной статьѣ хорошо оплачиваемый. Но спрашивается, такой ли авторъ знатокъ нѣмецкой науки, какъ онъ желаетъ заставить думать читателя; лично ли онъ знакомъ съ университетскими порядками въ Германіи, которые онъ желаетъ къ намъ перенести, или только по наслышкѣ? Мы сомнѣваемся—по крайней мѣрѣ вотъ нѣсколько данныхъ, вызывающихъ наше сомнѣніе: если бы г. Любимовъ менѣе выписывалъ, а болѣе говорилъ отъ себя, мы имѣли бы возможность точнѣе судить о степени его знакомства съ исторіей и состояніемъ нѣмецкихъ университетовъ.

Въ одной безконечной выпискѣ у г. Любимова изъ *официальной* рѣчи берлинскаго профессора Дюбуа-Реймона сказано между прочимъ: „при гонорарѣ, между профессоромъ и учащимся устанавливаются личныя сношенія, которыя часто имѣютъ самыя благодѣтельныя послѣдствія и къ коимъ при безплатномъ преподаваніи не имѣется случая. Нѣтъ сомнѣнія, что это одна изъ причинъ, порождающихъ то тѣсное сближеніе нѣмецкихъ профессоровъ со студентами, которое удивляетъ иностранцевъ“ (январь, 357).

Г. Любимовъ, очарованный всѣмъ, что влонится въ пользу гонорара, принадлежитъ, очевидно, къ немногимъ иностранцамъ, удивляющимся тѣсному сближенію нѣмецкихъ профессоровъ со студентами; но кто изъ иностранцевъ не удивляющихся только, а дѣйствительно живущихъ и жившихъ при нѣмецкихъ университетахъ и наблюдавшихъ тамошніе порядки,—кто изъ нихъ не знаетъ настоящаго положенія дѣла?! Кому не случилось видѣть слѣдующую сцену или по крайней мѣрѣ слышать о ней: конецъ семестра; у двери кабинета профессора раздается слабый стукъ. Профессоръ говоритъ „herein“, входитъ молодой человекъ съ билетикомъ въ рукахъ, кланяется и молча останавливается у двери. Этотъ билетъ—удостовереніе, выданное изъ Amt'a, что такой-то студентъ заплатилъ гонораръ. Продолжая разговоръ съ вами, профессоръ молча беретъ билетъ, не спрашиваетъ имени студента, такъ какъ оно значится на билетѣ, удостоверяетъ на немъ, что студентъ слушалъ его курсъ и возвращаетъ билетъ. Студентъ кланяется и уходитъ, встрѣчая своего профессора иногда только на прогулкахъ. Вотъ какъ происходитъ сближеніе между профессорами и студентами при помощи и посредствомъ гонорара!

Возьмемъ другое доказательство. Въ своей январьской статьѣ г. Любимовъ выписываетъ длинный диаграммъ „академической свободѣ“ Германіи изъ рѣчи гейдельбергскаго профессора Куно-Фишера. Но изъ сочиненій Куно-Фишера можно бы было сдѣлать другую вы-

писку, лучше характеризующую академическую свободу въ смыслѣ г. Любимова. Знаетъ ли г. Любимовъ то мѣсто, которое мы имѣемъ въ виду? Если не знаетъ, то онъ долженъ былъ бы его знать; ибо съ нѣкоторыхъ поръ г. Любимовъ, чтобы скрыть въ глазахъ начальства свое архи-реальное происхождение, повадился говорить „о спасительномъ классицизмѣ“ и объ „оживляющемъ духѣ философіи“. Трудно повѣрить, чтобы онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ принялся за изученіе латинской или греческой грамматики, или чтобы онъ успѣлъ въ этомъ. Но философія есть занятіе для зрѣлыхъ умовъ. Въ настоящее время дилеттанты почти исключительно занимаются исторіей философіи, а между исторіями новой философіи самая извѣстная есть исторія философіи Куно-Фишера. Въ предисловіи къ этой исторіи К. Фишеръ рассказываетъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и назидательныхъ эпизодовъ изъ исторіи нѣмецкихъ университетовъ. Онъ началъ свою ученую дѣятельность приватъ-доцентомъ въ гейдельбергскомъ университетѣ, вскорѣ послѣ 1848 года. Ни академическая свобода, ни гонораръ не снасли его; на него поступилъ въ министерство *денно* съ стороны одного изъ профессоровъ о *вредномъ* направленіи его лекцій. Министерство сдѣлало факультету запросъ объ этомъ. Въ факультетѣ только *однимъ* голосомъ высказался противъ Куно-Фишера; то же самое случилось и въ совѣтѣ, куда поступилъ запросъ. Министерство, повидимому, хотѣло, въ виду всего этого, затануть дѣло, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ произошла перемена министра и Куно-Фишеръ вдругъ былъ лишенъ права преподаванія (*venia docendi*). Къ счастью, его спасла ученая децентрализація Германіи,—соперничество ея университетовъ и 25 нѣмецкихъ министровъ народнаго просвѣщенія (въ то время) или исправляющихъ ихъ должность гегаймъ-ратовъ. Баденскій министръ народнаго просвѣщенія гонитъ Куно-Фишера, но остаются еще 24 министра такого же просвѣщенія. Миниатюрный „конвентъ“ (такъ г. Любимовъ, мы видѣли, называетъ совѣтъ университета) въ Кенѣ пріютилъ преступнаго Фишера въ свои нѣдра, тамъ онъ сдѣлался профессоромъ и благоденствовалъ болѣе 10 лѣтъ, пока, наконецъ, не былъ приглашенъ профессоромъ въ тотъ же Гейдельбергъ.

Какъ думаетъ г. Любимовъ, напримѣръ, о такомъ параллельномъ случаѣ? Положимъ, до 1848 года онъ былъ профессоромъ московскаго университета и особенно сдѣлался извѣстенъ въ то время не только открытіями въ физикѣ, но и неутихнующею любовью къ классицизму. Въ 1849 году новое министерство приняло бы другую систему и г. Любимова удалило бы изъ московскаго университета, какъ крайняго классика. Между тѣмъ, порядки въ нашихъ университетахъ были бы устроены еще прежде по идеямъ самого г. Любимова

и вмѣстѣ по образцу нѣмецкихъ университетовъ. При такомъ предположеніи спрашивается: могъ ли бы г. Любимовъ имѣть участь Куно-Фишера, который, бывъ удаленъ изъ Гейдельберга, былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями въ Іенѣ? Напримѣръ, могъ ли бы г. Любимовъ надѣяться на приглашеніе изъ Казани или изъ Харькова? И не погибъ ли бы онъ для отечественной науки, между тѣмъ какъ Куно-Фишеръ погибъ только, и то временно, для Гейдельберга, а для нѣмецкой науки остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ? Но г. Любимовъ не изъ тѣхъ, которые прямо отвѣчаютъ на прямо поставленные ему вопросы. Мы знаемъ, впрочемъ, отвѣтъ г. Любимова. Онъ любитъ Куно-Фишера только въ предѣлахъ нѣкоторыхъ цитатъ изъ него, удобныхъ для г. Любимова, но о самомъ Куно-Фишерѣ онъ, конечно, имѣетъ своего рода понятія. Онъ навѣрное намъ скажетъ, что ему никогда не пришлось бы нуждаться въ приглашеніяхъ другихъ русскихъ университетовъ, такъ какъ онъ вовсе не Куно-Фишеръ, и никогда не доведетъ себя до того, чтобы канцелярія удалила его изъ Москвы, какъ Куно-Фишеръ былъ удаленъ изъ Гейдельберга, а потому ему и нечего опасаться предлагаемыхъ имъ канцелярскихъ порядковъ; онъ не любитъ только совѣтскихъ порядковъ, да и вообще онъ вовсе не думаетъ серьезно пересаживать къ намъ нѣмецкую „академическую свободу“ со всѣми ея недостатками; онъ — человѣкъ прогресса, и ему желательно не слѣпое подражаніе нѣмецкимъ университетамъ, а очищеніе ихъ до вышеупомянутыхъ четырехъ пунктовъ. Поэтому-то въ многословныхъ статьяхъ г. Любимова находится, къ сожалѣнію, чрезвычайно мало указаній и совѣтовъ, которыми могла бы воспользоваться коммиссія по преобразованію устава; притомъ эти указанія и совѣты на каждомъ шагѣ противорѣчатъ другъ другу или принципамъ, которыми руководится г. Любимовъ.

Разсмотримъ поочереди тѣ знаменитые „четыре пункта“. Г. Любимовъ предлагаетъ основать у насъ приватъ-доцентство на гонорарѣ, такъ какъ онъ полагаетъ, что оно существуетъ въ Германіи только благодаря гонорару. Это прежде всего несправедливо и обличаетъ формальное, канцелярское отношеніе къ дѣлу. Но допустимъ, что это вѣрно относительно Германіи. По мнѣнію г. Любимова, изъ этого слѣдуетъ заключить, что гонораръ породитъ приватъ-доцентство и у насъ. „Только чрезъ гонораръ, — говоритъ онъ, — устанавливаются правильныя отношенія *свободно* преподавателя къ *свободнымъ* слушателямъ, и проба способности и призванія получаетъ серьезный характеръ практической оцѣнки приносимой пользы. Чрезъ гонораръ устраняется возможность увеселительныхъ

чтеній и привлеченія на лекціи средствами, независшими отъ ихъ научныхъ достоинствъ. Да и въ матеріальномъ отношеніи доходъ гонорара во многихъ случаяхъ далеко не былъ бы незначителенъ. Сборъ въ тысячу рублей при сотнѣ слушателей есть сумма, которую нельзя назвать маловажною даже въ нашъ вѣкъ дешевыхъ денегъ и неправильной наживы“.

Сколько же въ университетѣ предметовъ, по которымъ привать-доцентъ могъ бы имѣть „сотню“ слушателей? Пусть бы г. Любимовъ сначала перечислялъ эти предметы, а потомъ бранилъ бы нашъ вѣкъ за то, что подобными фразами можно наживать въ немъ деньги въ видѣ построчной платы отъ редакціи. И что за смыслъ въ словахъ: „черезъ гонораръ устраняется возможность увеселительныхъ чтеній?“ Если теперь профессора читаютъ, по мнѣнію Любимова, своимъ обязательнымъ слушателямъ увеселительныя лекціи, то что же будетъ съ Любимовскими привать-доцентами, которые поставлены въ необходимость привлекать къ себѣ на лекціи слушателей уже не ради славы, а ради насущнаго хлѣба! Это—легка, въ которой г. Любимовъ изощрился уже не по учебнику Куно-Финера, а по системѣ отцовъ общества Иисуса, которые, какъ извѣстно, всегда ратуютъ за „свободу совѣсти“.

Г. Любимовъ, впрочемъ, самъ понимаетъ, что журавля баснями не кормить, и потому тутъ же предлагаетъ для обезпеченія привать-доцентства мѣры, не имѣющія ничего общаго съ нѣмецкими порядками и съ академической свободой, которыя онъ хочетъ пересадить къ намъ. Онъ требуетъ *поощренія* для привать-доцентства, припоминая вѣроятно, при этомъ словѣ Гоголя, что у насъ всѣ любятъ поощреніе; это поощреніе, говоритъ онъ, отнюдь не должно принять форму постоянного вознагражденія, то-есть жалованья. „Это измѣнило бы, по его мнѣнію, характеръ учрежденія въ его сущности, которая именно въ томъ состоитъ, чтобы привать-доцентъ пробивался по своей инициативѣ, на свой страхъ, опираясь на свою силу—и лишило бы институтъ *независимости*, которая есть единъ изъ главныхъ его нервовъ. Поощреніе можетъ быть сдѣлано *косвенными* (отлично!) мѣрами: порученіемъ переводовъ и иныхъ научныхъ трудовъ, особыхъ занятій со стипендіатами, занятій по разработкѣ документовъ и т. п. съ хорошимъ вознагражденіемъ, съ обращеніемъ вниманія на индивидуальныя условія каждаго случая и лишь по обнаруженіи достоинствъ“ (январь, стр. 375).

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 386) прибавлено: „въ практическихъ и самостоятельныхъ (sic) студенческихъ упражненіяхъ,—осуществленіе которыхъ требуетъ значительнаго персонала,—привать-доценты могли бы принять дѣятельное участіе, получая надлежащее вознагражденіе“.

Итакъ, Любимовскіе привать-доценты будутъ распадаться на два разряда—возлюбленные и поощряемые, и непоощряемые. Поощреніе будетъ состоять, во-первыхъ, изъ платы за переводъ. Кто же будетъ выбирать счастливыхъ переводчиковъ и подбирать имъ книги по соотвѣтствующей наукѣ? Кто будетъ назначать размѣръ платы? Будетъ ли въ университетскій бюджетъ внесена особенная статья за переводы? Но вѣдь недостаточно перевести книгу—гораздо значительнѣе расходы по *напечатанію* книгъ, чѣмъ по переводу ихъ. Или переводн возлюбленныхъ привать-доцентовъ не будутъ вовсе печатаемы и будутъ такъ свазать *опытными* переводами, т.-е. источникомъ непрерывнаго дохода, который получали нѣкоторые придворные поэты и историографы за сочиненія, никогда не оконченныя?

Второй способъ поощренія: плата за занятія по разработкѣ документовъ. Какихъ? Конечно, историческихъ, хранящихся въ архивѣ. Этотъ способъ будетъ великолѣпенъ въ примѣненіи къ привать-доцентамъ математическаго, естественнаго, медицинскаго, юридическаго факультетовъ и классическихъ языковъ!! Остаются привать-доценты по историческимъ кафедрамъ. Но какіе документы будутъ поручаемы привать-доцентамъ харьковскаго, казанскаго и одесскаго университетовъ? Развѣ архивы тамошнихъ мировыхъ судей? Третій способъ: практическія занятія со студентами; по-просту свазать, репетиторство. Но если репетиторство держится въ военномъ училищѣ, хотя и не приноситъ тамъ особенной пользы, то какъ же примѣнить его къ „академической свободѣ“? И если tutorство не налажено въ маленькіе размѣрахъ спеціальныхъ классовъ Лицея, основаннаго г. Катковимъ, то какъ наладить его въ обширныхъ размѣрахъ университетовъ?

Г. Любимовъ изобрѣлъ еще одинъ способъ: посылать привать-доцента года на два за границу, съ обязательствомъ по возвращеніи быть три года привать-доцентомъ. А чѣмъ же ему жить? Придется посылать только тѣхъ, которые внесутъ въ качествѣ залога, какъ на торгахъ, достаточную сумму для обезпеченія ихъ обязательства. Мы видимъ, что совѣты г. Любимова—Маниловская фантазія, собиравшаяся построить лавочки и т. п. Всего же милѣе то, что по теоріи г. Любимова привать-доценты выиграютъ чрезвычайно отъ поощренія ихъ—въ своей *независимости!*

Вотъ одна изъ великихъ реформъ, проводимыхъ г. Любимовимъ. Онъ очень зло нападаетъ на уставъ 1863 года за то, что послѣдній донуставъ два разряда доцентовъ: частныхъ или вольноопредѣляющихся, которые не получаютъ жалованья, но которымъ совѣтъ можетъ въ концѣ года назначить въ вознагражденіе за ихъ лекціи до 500 р.—и штатныхъ, избираемыхъ совѣтомъ и получающихъ жалованье

въ 1,200 р. И что же предлагаетъ г. Любимовъ? Тѣ же два разряда, съ той же существенной разницей въ выгодахъ и правахъ, такъ какъ „поощряемые“ переводами приватъ-доценты, конечно, будутъ сами легче переведены на ваканси, сравнительно съ своими товарищами, не потратившими время на переводы. Различіе между уставомъ 1863 г. и уставомъ Любимова только касается независимости. Теперешніе штатные доценты, получая свое скромное жалованье, обезпечены относительно насущнаго хлѣба и читаютъ свои 4, 6, 8 до 10 лекцій въ недѣлю по нѣскольку лѣтъ, спокойно работая надъ докторской диссертацией или выжидая ваканси въ своемъ или въ другомъ университетѣ. Любимовскіе доценты будутъ *независимы*. Чуть не каждый мѣсяць они будутъ бѣгать въ канцелярію попечителя или къ людямъ, вліяніе имѣющимъ, и будутъ выпрашивать себѣ переводовъ, документовъ или десяточекъ студентовъ, при которыхъ они будутъ числиться тьюрами.

Такъ перерождается по отношенію къ доцентамъ германская академическая свобода подъ благотворнымъ вліяніемъ свобододолюбиваго и *независимаго* г. Любимова. Точно также преобразуется она по отношенію къ учащимся и профессорамъ.

Учащіяся отбились совсѣмъ отъ занятій, вослищааетъ г. Любимовъ, „а нынѣ чувствуется такая потребность въ поднятій занятій студентовъ и обучающей дѣятельности профессоровъ“ (зав., стр. 339).

Г. Любимовъ очень сѣтуетъ на учащихся. „Они не желаютъ ходить или не ходятъ на лекціи, занимаются или не занимаются, заглядываютъ въ университетъ, или служатъ въ частныхъ должностяхъ, или живутъ на урокѣ гдѣ-нибудь въ Орлѣ, Пензѣ, Саратовѣ. Свобода, да и только“... „Извѣстно“, сказано въ другомъ мѣстѣ той же статьи (стр. 387), „что студенты у насъ вообще неаккуратно посѣщаютъ лекціи, и на нѣкоторыхъ многолюдныхъ факультетахъ присутствіе на лекціи двадцати человекъ, вмѣсто трехсотъ, есть явленіе весьма обыкновенное“.

Кстати, гдѣ открылъ г. Любимовъ *нынѣ* счастливые курсы въ 300 слушателей?

Этой свободѣ нашихъ учащихся противопоставляетъ онъ академическую свободу нѣмецкихъ студентовъ, которые вовсе не стѣснены относительно посѣщенія лекцій, лишь бы они уплатили гонораръ. Если г. Любимовъ никогда въ глаза не видѣлъ нѣмецкихъ университетовъ, то, конечно, ему неизвѣстно техническое выраженіе: „ein Collegium schwänzen“, которое такъ часто услышишь въ устахъ нѣмецкаго студента. Г-ну Любимову едвали извѣстно, что до сихъ поръ значительная часть этихъ студентовъ, особенно на юридическомъ факультетѣ, считаетъ священною обязанностью прогулять вовсе пер-

вый или первые два-три семестра; что студенты и въ Германіи живутъ за-частую на урокъ, даже отбываютъ воинскую повинность во время семестровъ. Чего же хочетъ г. Любимовъ, этотъ поборникъ академической свободы?

Дѣло въ томъ, что „Deutsche Academische Freiheit“ въ русскомъ переводѣ существенно измѣняетъ смыслъ. „Что нѣмцу здорово, то русскому смерть“, гласитъ пословица въ передѣлкѣ г. Любимова.

Вотъ „свобода“, которую онъ назначаетъ: семинаріи, *практическія упражненія, обученія малыми группами, обязательность занятій стипендіатовъ* (январь, стр. 339).

На стр. 386 говорится подробнѣе о занятіяхъ стипендіатовъ. „Было бы полезно, если бы стипендіаты раздѣлялись на группы, занимающіяся практически, подъ общимъ наблюденіемъ профессоровъ, завѣдующихъ университетскими семинаріями и при ближайшей помощи и особомъ наблюденіи молодыхъ руководителей“. Это собственно касается стипендіатовъ, но студенты, учащіеся на свой счетъ,—говоритъ г. Любимовъ,—убѣдившись, что путь правильныхъ занятій есть единственный, ведущій къ цѣли, присоединятся къ группамъ стипендіатовъ“.

Сколько тутъ опять несообразностей!—и это случается всегда, какъ только г. Любимовъ съ широкой коленъ выписокъ собьется на увѣки путь практическихъ совѣтовъ. Во-первыхъ, очевидно, что г. Любимовъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о такъ-называемыхъ въ Германіи профессорскихъ семинаріяхъ и смѣшиваетъ ихъ съ рещиціями въ замкнутыхъ коллегіяхъ. Профессорскія семинаріи могутъ существовать не по всемъ предметамъ, онѣ посѣщаются немногими студентами, специально избравшими извѣстный предметъ изученія. Г. Любимовъ такъ ратуетъ противъ склонности нашихъ студентовъ въ спеціальнымъ занятіямъ, такъ глумится подъ *молодыми специалистами* съ перваго курса, противопологая имъ Лаврерье и Дюма, а теперь вдругъ ищетъ спасенія въ спеціальныхъ семинаріяхъ. Семинаріи въ Германіи родились не изъ потребности „большаго контроля и наблюденія надъ студентами“, которыхъ такъ жаждетъ г. Любимовъ, а изъ потребности при теперешнемъ развитіи отдѣльныхъ наукъ сберечь силы и приступить къ спеціальнымъ занятіямъ еще на студенческой скамьѣ, когда возможно руководство профессоровъ. Оттого въ Германіи семинаріи устроиваются только по предметамъ, изученіе которыхъ приняло болѣе спеціальныи характеръ, посѣщаются только специалистами, и если бы туда нахлынула толпа, какъ воображаетъ г. Любимовъ, то онѣ утратили бы возможность успешнаго существованія; въ семинаріяхъ бываетъ много 5—10 человекъ.

Итакъ, г. Любимовъ объяснитесь: чего вамъ нужно? Настоящія ли нѣмецкія семинаріи съ спеціальнымъ характеромъ, или просто наши репетиціи, заимствованныя у военнаго училища по всѣмъ предметамъ, которые долженъ изучать студентъ?

Но если ввести подобныя репетиціи, столь подходящія къ академической свободѣ, и рядомъ съ лекціями завести обязательныя частныя уроки по группамъ, то подумалъ ли г. Любимовъ, сколько для осуществленія этого дѣла, не на бумагѣ только, нужно лишнихъ преподавателей и денегъ? Или, можетъ быть, онъ думаетъ ограничить свое обязательное благодѣяніе стипендіатами, въ сущности предоставивъ массѣ свободу? Такъ какъ онъ въ то же время совѣтуетъ сосредоточить стипендіи на словесномъ и медицинскомъ факультетахъ, то въ результатѣ получится *нуль*; ибо на этихъ факультетахъ студенты и теперь правильно и усердно ходятъ на лекціи; хуже посѣщаются только лекціи юридическихъ факультетовъ (въ Россіи, какъ и вездѣ), такъ какъ на этомъ факультетѣ легче замѣнить лекціи книгой или приготовиться удовлетворительно по литографированному курсу. Итакъ, по отношенію къ первымъ двумъ факультетамъ мѣра г. Любимова не нужна, а на остальныхъ она не будетъ приведена въ исполненіе, такъ какъ тамъ не будетъ стипендіатовъ.

Но у г. Любимова есть еще одно волшебное средство—отдѣлить экзамены отъ преподаванія, т.-е. предоставить не всѣмъ профессорамъ право экзаменовать, а только нѣкоторымъ, присоединивъ къ нимъ постороннихъ экзаменаторовъ, и устроивъ экзамены не по лекціямъ, а по программѣ, на нѣсколько лѣтъ утверждаемой.

Знаетъ ли г. Любимовъ пѣсню нѣмецкихъ студентовъ:

Ich bin der Doctor Eisenbart,
Curir' die Leut' nach meiner Art, и т. д.

Г. Любимовъ—такой же находчивый врачъ нашихъ университетскихъ недуговъ. Теперь студенты экзаменуются изъ содержанія лекцій и плохо посѣщаютъ лекціи. Экзаменуйте ихъ, говорить онъ, не изъ содержанія лекцій, а по печатаннымъ руководствамъ и курсамъ, и они будутъ ходить на лекціи!!!

Однако, какъ ни плохо средство, предлагаемое г. Любимовымъ для привлеченія студентовъ на лекціи, оно достаточно для того, чтобы обезпечить, относительно слушателей, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ профессоровъ, т.-е. профессоровъ *поощряемыхъ*, которые будутъ засѣдать въ экзаменаціонной комиссіи. Впрочемъ, можетъ быть, этого и не нужно. Пусть студенты только платятъ гонораръ, а готовиться къ экзамену они могутъ по учебнику, который издастъ или

близко опять смѣшались двѣ различныя вещи. Въ Германіи существуютъ два рода экзаменовъ: на *степень* и на *службу*. Экзаменъ на степень предоставленъ исключительно университетамъ и профессорамъ; экзаменъ на службу изъять отчасти отъ университетовъ и раздробленъ по разнымъ функціямъ государственнаго управленія. У насъ до сихъ поръ эти два разряда были слиты: университетскій экзаменъ былъ экзаменомъ на ученую степень и къ то же время экзаменомъ, дававшимъ право вступленія на государственную службу. При этомъ первая сторона была главной — университетское образованіе дѣлало человѣка способнымъ для государственной службы. По проекту г. Любимова выйдетъ наоборотъ — выдержать экзаменъ въ экзаменационной комиссіи будетъ главною цѣлью всякаго студента; университетъ, его лекціи и занятія будутъ интересовать его лишь настолько, насколько они будутъ помогать достиженію его главной цѣли.

Все, что въ университетѣ не будетъ содѣйствовать этой цѣли, должно пасть. Падутъ всѣ курсы, которые можно будетъ замѣнить книгой, особенно если книга будетъ расположена по вопросамъ программъ. Падутъ всѣ предметы, которые не будутъ входить въ программу или преподаватели которыхъ не будутъ членами комиссій. Профессоры не будутъ стараться о научной серьезности своихъ курсовъ, о томъ, чтобы они были выраженіемъ успѣховъ, достигнутыхъ наукой. Главною цѣлью ихъ будетъ приноровиться къ программѣ, т.-е. читать или *диктовать* студентамъ отвѣты на вопросы, которые имъ будутъ предложены. А если какой-нибудь профессоръ не захочетъ подчиниться этому и читать по программѣ? Г-нъ Любимовъ грозитъ ему, что онъ потеряетъ гонораръ, ибо студенты пойдутъ къ приватъ-доценту, который станетъ имъ разжевывать параграфы программы. Въ этомъ случаѣ профессоръ лишится гонорара, но еще болѣе потеряютъ студенты и русская наука, если такіе курсы будутъ пропадать даромъ и выведутся изъ обычая. А если не случится такого приватъ-доцента — тогда студентамъ будетъ невозможно готовиться къ экзамену.

Сказанное сейчасъ относится къ профессорамъ, которые не попадутъ въ комиссію; что же касается до тѣхъ, которые сдѣлаются членами комиссій, то они послѣщаютъ написать учебникъ или перевести таковой съ иностраннаго языка, или же будутъ экзаменовать по своимъ литографированнымъ лекціямъ, и все пойдетъ по старому. Ново будетъ только то, что среди членовъ экзаменационной комиссіи будутъ возникать раздоры. Экзаменаторъ-профессоръ будетъ требовать знакомства съ своими взглядами и изслѣдованіями; экзамене-

наторы же изъ отставныхъ профессоровъ и изъ постороннихъ ученыхъ (!?) будутъ считать это совершенно излишнимъ, а иногда и вреднымъ! Случится одно изъ двухъ: или жизнь возьметъ свое и комиссія будетъ состоять изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, которымъ за немнѣишемъ профессора поручать чтеніе предмета (т.-е. нынѣшнихъ штатныхъ доцентовъ) и каждый изъ нихъ будетъ экзаменовать по своему предмету, т.-е. по лекціямъ; или канцелярія на время возьметъ свое и сдѣлаетъ изъ русскихъ университетовъ репетиторскія школы для приготовленія на десятый или двѣнадцатый классъ.

Таковы всѣ совѣты и указанія г. Любимова! Они очень удобны въ журнальной статьѣ; но человѣкъ практическій остановится предъ ними въ раздумьи—какъ ими воспользоваться, и что изъ всего этого можетъ выдти впоследствии? Какъ бы не выросло то, чего вовсе не желаютъ сѣять? Господамъ Любимовымъ хорошо: они положатъ въ карманъ гонораръ, потомъ сядутъ въ экзаменаціонную комиссію; поощрять кого имъ тамъ нужно переводами—и дѣло въ шляпѣ! Но государственныя цѣли не таковы: тутъ нужно все предвидѣть, и удобство одного завтрашняго дня не считается еще удобствомъ.

Въ нашъ вѣкъ, который, по словамъ г. Любимова, долженъ называться вѣкомъ *дешевой, неправильной жизни*,—всякій благоразумный читатель, когда слышитъ о какомъ-нибудь новомъ проектѣ, хоть въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, долженъ спросить: *qui у gagne?*

Г. Любимовъ старается придать дѣлу видъ, какъ будто выиграетъ правительство и высшее начальство; это — новая его уловка, и потому не даромъ онъ спѣшитъ подѣлиться съ читателями необыкновеннымъ извѣстіемъ, которое онъ только-что узналъ изъ приведенной въ газетахъ рѣчи недавняго министра народнаго просвѣщенія Жюль-Симона, а именно, что Франція почти ничего не тратитъ на высшее, университетское образованіе. Въ 1872 г. французское правительство выдало на высшее образованіе 4.402,921 фр., но получило назадъ въ формѣ взносовъ за слушаніе лекцій и экзамены 4.316,610 франковъ! Только 20,000 рублей! Какъ это дешево и мило! Пожалуй, иной подумаетъ, что до этого дѣло можно довести и у насъ, и мы тогда, согласно желанію г. Любимова, быстро догонимъ Францію въ умственномъ отношеніи, а если совсѣмъ ничего не будемъ трогать, то даже и перегонимъ. Г. Любимовъ призываетъ между прочимъ на помощь Жюлю Симону г. Георгіевскаго и приводитъ, въ видѣ орacula, его слова: „разрядъ приватъ-доцентовъ представить вѣрнѣйшее средство къ пополненію ученаго университетскаго сословія лицами, представившими ручательство за свое научное и нравственное (?)“

достоинство... Онъ устранилъ поводъ къ неудовольствію университетскихъ слушателей доставленіемъ возможности выбора между преподавателями, или же убѣдить ихъ, что недостатокъ преподавателей не зависитъ ни отъ воли университета, ни отъ воли правительства (sic!), и наконецъ, въ будущемъ, чрезъ введеніе системы гонорара, дастъ возможность сократить государственные расходы на содержаніе университета" (явл., 390).

Мысль о пользѣ введенія приватъ-доцентовъ для усиленія студентовъ и примиренія съ плохими профессорами и съ правительствомъ, это — *гениальное* изобрѣтеніе; что же касается до уменьшенія государственныхъ расходовъ, то это или наивность или такая арифметическая ошибка, когда вмѣсто вычитанія дѣлаютъ сложеніе, или, наконецъ, это — какіе-нибудь новые „классическіе шесты“, если эту истину изречь авторъ одной приснопаматной диссертаци. Вѣдь гонораръ пойдетъ профессорамъ, а не въ казну, теперешній же сборъ за слушаніе лекцій идетъ косвенно въ казну, такъ какъ весь употребляется на лабораторіи, кабинеты и клиники, стипендіи студентамъ и магистрантамъ и пр. и ни гроша не даетъ профессорамъ; а потому, съ введеніемъ гонорара и съ уничтоженіемъ нынѣшняго сбора, казніи придется взять на себя расходы, оплачиваемые теперь сборомъ со студентовъ. Г. Любимовъ жалуется, что обстоятельная записка, которую составилъ по этому предмету г. Георгіевскій для ученаго комитета главнаго правленія училищъ, не привела ни къ какимъ результатамъ. Бѣ сожалѣнію, г. Любимовъ привелъ изъ этой записки только упомянутый отрывокъ и мы не знаемъ убѣдительности всей записки. Но судя по этому отрывку мы нисколько не удивляемся: вѣдь это — абсурдъ, или по меньшей степени, переливаніе изъ пустого въ порожнее! Итакъ, новое назначеніе гонорара не уменьшитъ расходовъ казны, а увеличитъ ихъ; но, можетъ быть, эти расходы уменьшатся вслѣдствіе другихъ реформъ, предложенныхъ г. Любимовымъ — введенія казенныхъ переводовъ и поощреній, жалованья „членамъ экзаменаціонныхъ комиссій, не принадлежащимъ къ профессорамъ“, довольно значительнаго прибавленія къ жалованью профессоровъ, которыхъ начальство захочетъ оставить на службѣ и т. д.? Уже изъ этого ясно — *qui u gagna, — выигрываютъ люди поощряемые*, а вовсе не правительство, которое никогда не бываетъ и не можетъ быть замѣшано въ личные интересы. Въ качествѣ приватъ-доцентовъ, „поощряемые“ получаютъ выгодные казенные переводы и первую вакантную профессуру; въ качествѣ профессоровъ, они сдѣлаются членами экзаменаціонныхъ комиссій, а по выслугѣ 25 лѣтъ получаютъ „увеличенное въ довольно значительныхъ размѣрахъ содержаніе“ — кромѣ того, могутъ быть назначены деканами и ректорами.

Но отвѣтъ на вопросъ: qui у gagnera? будетъ еще яснѣе, если мы разслѣдуемъ, что г. Любимовъ разумѣетъ подъ *высшимъ начальствомъ*. Высшее начальство,—подумаете вы, читатель,—министръ? Но развѣ министръ можетъ входить во всѣ мелочи по управленію 8-ми университетовъ въ размѣрахъ, желаемыхъ г. Любимовымъ, при которыхъ начальству придется даже дѣлать фосфорную кислоту между профессорами и приватъ-доцентами химіи! Такъ—попечитель? Но не будемъ отгадывать: г. Любимовъ самъ спѣшитъ объяснить намъ загадку.

Въ прошломъ вѣкѣ, въ эпоху патриархальнаго быта Германіи, когда солдаты носили косички, а профессора ѣздили на левціи верхомъ на старыхъ лошадяхъ, подаренныхъ мѣстнымъ фюрстомъ, процвѣтала въ Германіи ученый Мейнерсъ, котораго г. Любимовъ такъ полюбилъ, что многократно выписывалъ изъ его сочиненій по нѣсколькимъ страницъ. Мейнерсъ объясняетъ, какъ попечитель долженъ управлять университетомъ, и г. Любимовъ великодушно намъ это повѣщаетъ. „Попечители всегда знаютъ въ вѣранныхъ имъ университетахъ *надежныхъ* ученыхъ людей, которые или сами могутъ дать имъ совѣтъ, или *посоветоваться объ этомъ съ своими друзьями и знакомыми* (!). Этими путями легко опредѣлить какъ число, такъ и достоинства кандидатовъ на вакантные мѣста“ (мартъ, стр. 74). Это—одна сторона медали, но вотъ и другая. „Если онъ (попечитель) имѣетъ прямой талантъ и истинное рвеніе, то не преминетъ собрать лучшихъ людей; но слѣдуетъ за нимъ другой, неспособный избира- тель, и мало-по-малу плохіе выборы замѣщаютъ отличныхъ преподавателей рядомъ ничтожностей“ (стр. 77)... „Слѣдовательно, всего лучше, чтобы при выборѣ преподавателей была предоставлена полная свобода *начальникамъ университетовъ*; послѣдніе же, при замѣщеніи преподавательскихъ должностей, совѣтовались бы съ людьми, которые вполне извѣстны имъ какъ самые надежные совѣтники“ (стр. 76). Hier liegt der Hund begraben!—гласитъ одна нѣмецкая поговорка.

Но вѣдь надъ попечителемъ есть министръ, который можетъ контролировать его дѣйствія и его выборъ *надежныхъ* совѣтниковъ изъ числа *друзей и знакомыхъ*. Конечно, но г. Любимовъ спѣшитъ и въ этомъ отношеніи „дать намъ книгу въ руки“. Никто не станетъ спорить, что какъ бы то ни было, но однимъ изъ самыхъ славныхъ министровъ народнаго просвѣщенія въ Россіи былъ графъ Уваровъ. Онъ и самъ былъ ученый, и ревностно исправлялъ свои обязанности. И что же оказывается? Состоя товарищемъ министра, графъ Уваровъ въ 1832 году дѣлалъ обзоръ московскаго университета и составилъ отчетъ объ его состояніи, изъ котораго г. Любимовъ приводитъ его отзывы

о нѣкоторыхъ тогдашнихъ профессорахъ (мартъ, стр. 111). Графъ Уваровъ дѣлитъ въ своемъ отчетѣ профессоровъ на нѣсколько разрядовъ по ихъ достоинству. Въ первый разрядъ, тотчасъ послѣ ветерана Каченовскаго, ставитъ онъ И. И. Давыдова, „болѣе всѣхъ прочихъ владѣющаго языкомъ и даромъ выражать мысли, полезнаго на кафедрѣ русской словесности, нѣкогда можетъ быть легкомысленнаго, но созрѣвшаго чрезъ опытность, любимаго публикою и студентами и въ готовности коего быть, при хорошемъ направленіи, хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства, я не имѣю никакого повода сомнѣваться“. А между тѣмъ, теперь ни для кого не секретъ, что Давыдовъ былъ отнюдь не ученый, а человекъ, который за все хватался ради карьеры и оставилъ по себѣ не всѣмъ завидную славу. Надеждинъ же причисленъ къ профессорамъ, которые находились между двумя крайностями—отличныхъ и негодныхъ, къ людямъ „безъ отличныхъ способностей и безъ разительныхъ недостатковъ“. Объ немъ далѣе сказано: „молодой профессоръ археологін Надеждинъ, слишкомъ рано возведенный въ званіе ординарнаго профессора и который занимается изданіемъ „Телескопа“ и „Молвы“,—двухъ періодическихъ изданій, не заслуживающихъ одобренія ни по содержанію, ни по духу, но, впрочемъ, не лишенный нѣкоторой способности быть со временемъ хорошимъ преподающимъ“.

„Если уже самъ калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ такъ ошибался“, сказалъ одинъ дервишъ—и замолчалъ, вмѣстѣ съ г. Любимовымъ, который предоставляетъ читателю догадаться, какое заключеніе слѣдуетъ вывести изъ того, что даже и гр. Уваровъ ошибался.

Но покончимъ со статьями г. Любимова, охарактеризовавъ ихъ вкратцѣ. Занимая около 200 страницъ „Русскаго Вѣстника“, онѣ представляютъ, какъ мы замѣтили вначалѣ, главнымъ образомъ, буквальные выписки изъ уставовъ заграничныхъ университетовъ, ректорскихъ торжественныхъ рѣчей и нѣкоторыхъ сочиненій объ университетскомъ преподаваніи за-границей, съ которыми читатель гораздо лучше познакомится, если возьметъ въ руки самыя сочиненія и не ограничится тенденціозными выдержками. Затѣмъ, въ разныхъ мѣстахъ этого огромнаго балласта разсыпана брань на русскіе университеты, обвиненія профессоровъ и многое другое, не совсѣмъ благовидное. Наконецъ, настоящій запасъ, которымъ нагруженъ корабль нашего „аргонавта“, т.-е. прямыя указанія и совѣты для предполагаемой реформы, занимаетъ весьма скромное мѣсто—не болѣе 20-ти страницъ. Насколько въ этомъ запасѣ браку, необузданной фантазіи и мертворожденныхъ идей—все это ясно видно изъ буквальныхъ выписокъ, которыя мы привели.

Университетскій вопросъ — такая область, къ которой авторъ счелъ невозможнымъ подплыть на утломъ челнѣ, соответствующемъ запасу его собственныхъ мыслей. Чтобы плыть въ Колхиду, нужно судно большихъ размѣровъ, а такое судно, за неизмѣнимъ товара, нагружается балластомъ. Можно спросить: зачѣмъ же переплывать море, если нѣчего везти? Но такой вопросъ въ данномъ случаѣ былъ бы наивенъ, какъ онъ былъ бы наивенъ и по отношенію къ Язону и его товарищамъ. Они не везли своихъ продуктовъ въ Колхиду; они плыли туда, чтобы оттуда вывезть золотое руно для собственныхъ потребностей. Чѣмъ меньше собственный запасъ мыслей и свѣдѣній, и чѣмъ больше жажда къ приобрѣтенію, тѣмъ труднѣе обойтись безъ дальней экспедиціи, совершаемой хотя и съ однимъ балластомъ, но за то подъ покровительствомъ боговъ. Уставъ 1863 г. при этомъ служить для жертвоприношенія.

В. Н.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1875.

Наше финансовое положеніе.—Пятый выпускъ консолей.—Сравненіе возрастанія расходовъ и доходовъ.—Производительность отдѣльныхъ статей доходовъ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣшеніе вопроса о медико-хирургической академіи.—Полемика объ училищахъ военнаго вѣдомства.

Нельзя не замѣтить, что въ обществѣ болѣе и болѣе утверждается крайне-оптимистскій взглядъ на наше финансовое положеніе. Болѣе всего такому настроенію способствуетъ, повидимому, крайне-высокая, преувеличенная биржевая цѣна выигрышныхъ займовъ. Читатели газетъ видѣли, что цѣна ихъ въ теченіи послѣдняго года постоянно возрастала, возрасла въ сравненіи съ іюньскими цѣнами прошлаго года болѣе чѣмъ на половину номинальной ихъ цѣны; видѣли также, что высокая цѣна этихъ бумагъ существуетъ не только на русскихъ биржахъ, но и на берлинской, и уже одного такого крупнаго факта достаточно для возбужденія иллюзій въ умахъ большинства, которое всегда склонно судить объ общемъ положеніи на основаніи отдѣльнаго, наиболѣе рельефнаго факта, оставляя въ сторонѣ присущія ему исключительныя или случайныя условія. Большинство можетъ игнорировать тотъ фактъ, что выигрышные займы—любимый инструментъ спекуляціи, и что въ необыкновенномъ возвышеніи ихъ цѣны элементъ спекуляціи участвовалъ (и будетъ участвовать, пока продолжится общее твердое настроеніе фондовой биржи и низкость учетнаго процента) болѣе, чѣмъ даже народная страсть къ лотерейнымъ шансамъ. Но справедливо, что и кромѣ такого, въ сущности ничего не доказывающаго по отношенію къ финансамъ, факта, какъ цѣна займовъ выигрышныхъ, существуютъ другіе болѣе солидные признаки благопріятнаго положенія финансовъ. Таковы: хорошее положеніе другихъ государственныхъ займовъ, невыигрышныхъ, и успѣшная реализація въ прошломъ апрѣлѣ новаго желѣзно-дорожнаго займа въ

15 милл. фунтовъ стерл. (пятый выпускъ консолидированныхъ облигацій), приносящаго уже не 5⁰/₀, подобно первымъ четыремъ, а только 4¹/₂⁰/₀, и выпущеннаго по относительно весьма благопріятному курсу 92 фунт. стерл. за 100 ф. нарицательнаго капитала. Если сравнить выпускную цѣну этого 4¹/₂-процентнаго займа съ цѣною выпуска перваго консолидированнаго займа (1870), которая была только 79¹/₄⁰/₀, несмотря на то, что заемъ 1870 г. былъ пятипроцентный, то нельзя было не усмотрѣть въ такомъ результатѣ серьезнаго значенія. Замѣтимъ еще, что биржевая цѣна новаго займа теперь (биржа 9-го іюля) уже слишкомъ 104. Этотъ фактъ во всякомъ случаѣ показываетъ, что условія для заключенія займовъ нашимъ казначействомъ въ настоящее время гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ были въ любомъ изъ ближайшихъ годовъ. Но цѣна 104 облигацій пятаго консолидированнаго займа сама по себѣ, очевидно, не можетъ служить образцомъ или мѣриломъ нашего общаго финансоваго положенія, потому что проценты по консолидированнымъ займамъ уплачиваются звонкою монетою, а въ общемъ положеніи нашихъ финансовъ весьма важный элементъ представляетъ бумажно-денежное обращеніе. Тѣ пятипроцентные фонды, которые не соединены съ условіемъ металлической уплаты, стоятъ всего около 99¹/₂. Но, наконецъ, нельзя не согласиться, что и эта цѣна сравнительно весьма благопріятна. Только при оцѣнкѣ ея, какъ факта финансоваго, спрашивается: въ какой мѣрѣ она зависитъ отъ упроченія кредита, представляетъ доказательство благопріятнаго положенія финансовъ, и въ какой мѣрѣ она зависитъ отъ обилія денежныхъ знаковъ, которое въ свою очередь обусловливается главнымъ образомъ обиліемъ бумажно-денежнаго обращенія, то-есть фактомъ, который не можетъ быть признанъ благопріятнымъ ни въ какомъ случаѣ.

Итакъ, за болѣе надежными справками о дѣйствительномъ положеніи нашихъ финансовъ лучше всего будетъ обратиться прямо къ документамъ, изображающимъ ходъ финансоваго хозяйства: контрольному отчету за 1873 г. и бюджету на 1875 г. Разсматривая роспись 1875 года въ одномъ изъ предшествовавшихъ обзорѣній, мы ограничились на тотъ разъ разсмотрѣніемъ способовъ, принятыхъ въ нашихъ бюджетахъ для вывода годового баланса, и отложили до другаго времени обычное разсмотрѣніе фактовъ, относящихся къ самому хозяйству, возрастанія или уменьшенія доходовъ и расходовъ, и взглядовъ самихъ составителей отчета и росписи на общее положеніе нашего государственнаго хозяйства. Обратиться къ этому теперь тѣмъ болѣе уместно, что съ тѣхъ поръ заключенъ упомянутый новый заемъ на выгодныхъ условіяхъ, и возрастаніе цѣны государственныхъ фондовъ на биржѣ, представляя само по себѣ явленіе благопріятное,

могло внушить обществу иллюзіи, въ которыя впадать не слѣдуетъ, такъ какъ самъ государственный контроль въ послѣднемъ отчетѣ предостерегалъ отъ нихъ.

Относительно общаго вѣроятнаго результата при исполненіи росписи 1875 года, слѣдуетъ замѣтить, что дефицита при исполненіи ея, въ томъ видѣ, какъ она составлена, предвидѣть нельзя, если цифра сверхсметныхъ ассигнованій не превзойдетъ итога 1873 года, а дѣйствительное превышеніе доходовъ противъ показанныхъ въ росписи 1875 года останется въ прежнемъ размѣрѣ. Въ росписи 1875 года приняты такія предосторожности противъ дефицита, которыя дѣлають его мало-вѣроятнымъ: во-первыхъ, общая сумма расходовъ исчислена на 3.255,783 р. ниже общей суммы доходовъ; во-вторыхъ, на недоборъ въ податяхъ опредѣлена та же сумма 4 милл. р., которая въ росписи 1874 года представлялась обусловленною чрезвычайнымъ событіемъ — неурожаемъ; до 1874 г. на недоборъ полагалось только 1 м. р., между тѣмъ на 1875 г. не предвидится послѣдствій неурожая, а сумма на недоборъ въ податяхъ оставлена въ 4 милл. р. Наконецъ, въ-третьихъ, при сліяніи суммъ государственнаго земскаго сбора съ государственными доходами, наличный остатокъ суммъ этого сбора, подлежащій передачѣ изъ специальной его кассы въ распоряженіе государственнаго казначейства послѣ 1-го января 1875 г., введенъ былъ въ роспись 1875 г. въ количествѣ гораздо меньшемъ, чѣмъ онъ дѣйствительно предвидѣлся, — какъ-то удосто-вѣряль докладъ министра финансовъ. Всѣ эти предосторожности, кажется, ручаются за то, что въ результатѣ исполненія росписи 1875 года дефицита оказаться бы не должно, хотя здѣсь умѣстно еще разъ повторить, что между нашей росписью и дѣйствительнымъ ея исполненіемъ проявляется такое значительное разстояніе, что бюджетныя исчисления не могутъ въ дѣйствительности служить основаніями для предположеній о дѣйствительномъ результатѣ исполненія.

Докладъ, при которомъ обнаружена была роспись 1875 года, въ своемъ заключеніи выражался, между прочимъ, такъ: „оказывающееся по росписямъ послѣднихъ лѣтъ превышеніе доходовъ надъ расходами и успѣшное поступленіе доходовъ въ счетъ сметныхъ назначеній ясно доказываетъ, что финансовое положеніе государства ежегодно улучшается“. Разсмотрѣвъ прежде способъ составленія росписей, бросимъ теперь взглядъ на общность финансоваго положенія Россіи по отчету государственнаго контроля за 1873 г. съ предшествующимъ контрольнымъ отчетомъ. Чтобы показать отношеніе дѣйствительнаго исполненія росписей къ ихъ исчислениямъ, достаточно привести итоги росписи и отчета за 1873 годъ. Обыкновенныхъ доходовъ (включая оборотные) на 1873 годъ исчислено было 511.983,742 р., а дѣйстви-

тельно поступило 537.942,322 р., то-есть почти на 26 милл. рублей болѣе. Расходы обыкновенные (со включеніемъ оборотныхъ) исчислены были по росписи въ 506.956,070 р., а между тѣмъ въ дѣйствительности разрѣшено было къ расходу 545.473,892 р., т.-е. на 38¹/₂ милл. рублей болѣе. Изъ этой послѣдней суммы около 12 милл. р. были, впрочемъ, отпущены за счетъ постороннихъ источниковъ и подлежали возврату, такъ что передержка противъ росписи составляла только 26.367,822 р., то-есть примѣрно ту самую цифру, которая представляла превышеніе дѣйствительнаго поступленія обыкновенныхъ доходовъ противъ ихъ исчисленія. Иными словами, доходы были исчислены ошибочно на 26 милл. р., но и расходы—на ту же самую сумму. Цифра 26 милл. р. сверхсмѣтныхъ назначеній представлялась умѣренной сравнительно съ сверхсмѣтными ассигнованіями ближайшихъ четырехъ лѣтъ. Балансъ отчета сравнительно съ балансомъ росписи выразился за 1873 г. слѣдующимъ образомъ: общая сумма исчисленныхъ по росписи доходовъ превышала сумму расходовъ въ росписи на 27,672 рубля. Въ дѣйствительности, по контрольнымъ отчетамъ за два предшествующіе года оказывались превышенія въ доходахъ болѣе значительныя. За 1871 г. оказалось дѣйствительнаго излишка доходовъ предъ расходами на 8.452,944 р.; за 1872 г.—на 629,721 р. Въ виду этого, ожиданіе росписью 1873 года излишка въ 27,672 р. было весьма скромно. Но на дѣлѣ и оно не оправдалось. Доходовъ поступило 537.942,323 р., а расходовъ дѣйствительно произведено было и имѣло быть произведено въ счетъ росписи 539.140,337 р. (изъ общей суммы 545¹/₂ милл., разрѣшенныхъ къ отпуску); то-есть, вмѣсто излишка доходовъ въ 27,672 р., оказался недостатокъ средствъ 1873 г. на покрытіе его расходовъ, дефицитъ въ 1.198,014 рублей. Вотъ, въ виду этого-то результата, контроль въ своемъ отчетѣ за 1873 г. и оговорился противъ выводовъ о „чрезмѣрной упругости финансовыхъ средствъ страны“.

Приведемъ то мѣсто объяснительной записки контроля, въ которомъ, по поводу этого факта, высказывался общій взглядъ на кодъ нашего финансоваго хозяйства за послѣдніе годы: „Изъ нынѣ представляемаго отчета и отчетовъ прежнихъ лѣтъ и изъ объяснительныхъ къ нимъ записокъ видно, въ какой поразительной степени увеличились за послѣдніе годы доходы государства. Въ такомъ безпримѣрномъ у насъ приращеніи доходовъ заключается несомнѣнная и всѣми сознаваемая государственная заслуга финансоваго управленія. Но уравновѣшенію росписей при ихъ составленіи, и въ особенности при ихъ исполненіи, способствовало не мало попеченіе о бережливости въ расходахъ, особенно замѣтно проявившееся съ 1866 г. и не разъ указанное Государемъ Императоромъ въ собственноручныхъ над-

писяхъ Его Величества. Съ постояннымъ однако, изъ года въ годъ, улучшеніемъ нашихъ финансовъ, постоянно ослабѣвало и попеченіе о бережливости, и въ этомъ ослабленіи слѣдуетъ видѣть главнѣйшую причину оказавшагося въ 1873 году, несмотря на продолжавшееся увеличеніе общей массы государственныхъ доходовъ, недостатка сихъ послѣднихъ для покрытія всѣхъ смѣтныхъ расходовъ того года. Посему строгое ограниченіе смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ требованій, всегда обязательное для тѣхъ учреждений, отъ коихъ зависитъ ихъ удовлетвореніе, въ настоящее время становится дѣломъ обще-государственной необходимости, которой должны подчиниться всѣ частныя, хотя бы и дѣйствительно полезныя предположенія отдѣльныхъ распорядительныхъ управленій“. Возрастаніе государственныхъ доходовъ составляло дѣйствительно постоянную характеристическую черту послѣднихъ восьми лѣтъ (за которыя напечатаны контрольные отчеты).

Возрастаніе обыкновенныхъ доходовъ за послѣднее восьмилѣтіе въ каждомъ году сравнительно съ предшествующимъ составляло: въ 1867 г. 41 милл. р.; 1868 г.— $\frac{1}{2}$ м. р.; 1869 г.—34 м. р.; 1870 г.—23 м. р.; 1871 г.— $27\frac{1}{2}$ м. р.; 1872 г.—15 м. р.; 1873 г.—15 м. р.

Сумма обыкновенныхъ доходовъ за послѣдній отчетный годъ (1873) была почти на 156 милл. рублей больше суммы тѣхъ же доходовъ за первый отчетный годъ (1866). Особенно велико было приращеніе доходовъ съ 1866 на 1867 г. За послѣдніе же два года, сумма доходовъ возрастала уже въ гораздо слабѣйшей противъ прежней степени, а именно всего на около 15 м. р. въ каждый годъ. Между тѣмъ, сумма расходовъ изъ году въ годъ также возрастала, но въ гораздо болѣе равномъ размѣрѣ. Естественно, что при этомъ въ первые четыре изъ приведенныхъ годовъ (за исключеніемъ 1868 г.), когда доходы возрастали особенно сильно, въ результатѣ должны были оказываться огромные остатки, а послѣдніе два года, когда возрастаніе доходовъ значительно ослабѣло, между тѣмъ какъ возрастаніе расходовъ продолжалось въ прежнемъ размѣрѣ, должны были оказаться сперва незначительный остатокъ (за 1872 г.), а потомъ и дефицитъ (за 1873 г.).

Дефицитъ, оказавшійся за 1873 годъ, былъ покрытъ изъ запаса, образовавшагося вслѣдствіе благопріятнаго исполненія двухъ предшествовавшихъ росписей и составлявшаго въ 1873 г. 4.487,764 р.; за отчисленіемъ изъ этого запаса 1.198,014 р. 44 к. на покрытіе дефицита, отъ запаса осталось къ 1874 г. только 3.289,749 р. 56 к., которые и могутъ быть обращены на пополненіе недостатковъ будущаго времени. Говоря о возрастаніи доходовъ, необходимо замѣтить, что сумма податныхъ недоимокъ довольно значительна: она состав-

ляла за 1872 г. 22.243,704 р., а въ 1873 г. возросла до 23.681,259 рублей, главнымъ образомъ вслѣдствіе неурожаа, который побудилъ правительство прекратить въ нѣкоторыхъ уѣздахъ всякое взысканіе податей со второй половины 1873 года.

Обратимся теперъ къ возрастанію суммы расходовъ. Въ числѣ этихъ годовъ, только за одинъ 1867 г. представилось необыкновенное явленіе — уменьшеніе цифры расходовъ на около $7\frac{1}{2}$ милл. р. Другіе года восьмилѣтія представляли рядъ постоянного возрастанія расходовъ. Но возрастаніе ихъ съ году на годъ — какъ уже замѣчено выше — шло гораздо ровнѣе, чѣмъ возрастаніе суммы доходовъ. Въ сто колебанія въ предѣлахъ отъ 41 милл. (въ 1867 г.) до 15 милл. рублей (въ 1872 и въ 1873 г.), какое замѣчалось въ ежегодномъ возрастаніи доходовъ, цифры, представляющія ежегодное возрастаніе расходовъ, даютъ за годы 1867 — 1873 такой рядъ: за 1867 г. на $7\frac{1}{2}$ м. р. *меньше*, за 1868 г. *болѣе* на 16 м. р., за 1869 г. болѣе на $27\frac{3}{4}$ м. р., за 1870 г. болѣе на $16\frac{3}{4}$ м. р., за 1871 г. болѣе на $14\frac{1}{4}$ м. р., за 1872 г. болѣе на $23\frac{1}{4}$ м. р., за 1873 г. болѣе на 16 м. р. Отчетъ контроля за 1873 годъ дѣлаетъ сравненіе возрастанія суммъ доходовъ и расходовъ только за пятилѣтіе 1869—1873 гг. Въ теченіи этого пятилѣтія доходы возрасли на $17\frac{1}{2}\%$, а расходы на 15% . Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ при сравненіи собственно обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ нѣльзя сказать, что расходы возрастали въ той прогрессіи, какъ и доходы; расходы возрасли въ меньшей прогрессіи. Но вотъ фактъ менѣе утѣшительный: въ то время какъ возрастаніе доходовъ съ году на годъ, съ 41 м. р. упало до 15 м. р., возрастаніе расходовъ имѣло средней своей цифрой 16 м. р. въ годъ и ниже этой цифры трудно его ожидать и за послѣдующіе годы. Напротивъ, въ слѣдующіе годы можно предвидѣть неминуемость значительнаго увеличенія нѣкоторыхъ расходовъ. Стало бытъ, если только возрастаніе доходовъ (по отчетамъ), остановившееся за послѣдніе два отчетныхъ года на цифрѣ 15 м. р., не поднимется вновь, но, напротивъ, низойдетъ до 14 м. р., то, хотя бы возрастаніе расходовъ и осталось на прежней средней цифрѣ 16 милл. р. (убавленіе которой совершенно невѣроятно), въ результатѣ получится уже неизбежность ежегодныхъ дефицитовъ, по дѣйствительному исполненію росписей. Предполагая эти дефициты не болѣе, чѣмъ въ размѣрѣ 1873 года, запаса отъ благопріятныхъ годовъ не достанетъ на покрытіе трехъ такихъ послѣдующихъ дефицитовъ, а затѣмъ придется вновь прибѣгать къ покрытію ихъ изъ чрезвычайныхъ ресурсовъ — займовъ. Само собою разумѣется, что это можетъ произойти и ранѣе, если бы первый же дефицитъ поглотилъ весь запасъ или ббольшую часть его.

Разсматривая возрастаніе разныхъ государственныхъ доходовъ въ отдѣльности за пятилѣтіе 1869—1873 г. включительно, мы найдемъ, что въ общемъ возрастаніи обыкновенныхъ доходовъ въ 1873 г. противъ 1869 г., выразившемся суммою 80.445,981 р., главное мѣсто занималъ доходъ питейный. Ему одному принадлежала ббльшая половина всего возрастанія доходовъ за пятилѣтіе, а именно онъ возросъ въ теченіи этого періода на 41.447,095 р. Второе мѣсто въ общемъ возрастаніи занималъ доходъ таможенный, который за пятилѣтіе возросъ на 14.287,351 р. Затѣмъ ни по одной изъ другихъ статей государственныхъ доходовъ, возрастаніе за пятилѣтіе не дошло и до 3-хъ милліоновъ (т.-е., разумѣется, сравнивая только годовыя цифры, а не общую сложность), кромѣ пошлинъ крѣпостныхъ и канцелярскихъ, которыя противъ 1869 возрасли на 3.611,388 р. Крупнаго уменьшенія суммы поступленій въ 1873 г. противъ 1869 г. не замѣчалось ни по одному изъ дѣйствительныхъ и постоянныхъ доходовъ; оно оказалось только по возврату ссудъ и случайнымъ доходамъ разнаго рода. Но за то, по сравненію 1873 г. съ ближайшими къ нему тремя годами: 1870, 1871 и 1872, уже замѣчается крупное уменьшеніе поступленій въ податахъ. Въ 1873 году ихъ поступило на 3.426,034 р. менѣе, чѣмъ въ 1870 г.; на 1.325,108 р. менѣе, чѣмъ въ 1871 г.; на 1.233,393 р. менѣе, чѣмъ въ 1872 г. Даже питейный доходъ, постоянно возраставшій и превывсившій въ 1873 г. свои поступленія въ 1871 и 1872 годахъ, все-таки упалъ на 273,896 р. въ сравненіи съ 1870 годомъ, несмотря даже на повышеніе размѣра акциза. Замѣчательно также, что соляной доходъ въ 1873 году упалъ въ сравненіи съ 1871 г. на около милліона рублей, и въ сравненіи съ 1872 на 1.337,882 р.; а такъ какъ вся сумма этого дохода составляла въ 1873 году 11.682,452 р., то это послѣднее уменьшеніе представляетъ гораздо болѣе 10%, что объяснялось, впрочемъ, введеніемъ свободной торговли солью въ царствѣ польскомъ. Но указанное сейчасъ пониженіе въ поступленіи податей представляетъ признакъ довольно-неутѣшительнаго свойства. Податей въ 1873 г. поступило даже на около 1½ милл. руб. менѣе противъ ожиданій росписи того года, что объяснялось неурожаемъ. Что касается главнаго источника возрастанія общей суммы доходовъ за пятилѣтіе, а именно—питейнаго дохода, то слѣдуетъ замѣтить, что увеличенія его поступленія далеко уже нельзя ожидать въ прежнихъ размѣрахъ, напр. въ размѣрѣ 1869—1870 года, когда онъ въ одинъ годъ возросъ на 26 милл. рублей. Въ послѣдующіе годы возрастаніе его было уже гораздо менѣе значительно. Въ 1871 г. онъ поднялся еще на 11 сльшкомъ милл. р. противъ 1870 г.; но въ 1871—1872 и 1872—1873 г. возрасталъ уже только въ размѣрахъ 2 и 6½ милл. р., причемъ послѣднее по-

вышеніе около $6\frac{1}{2}$ милл. р., соотвѣтствовавшее 1873 году, произошло прямо вслѣдствіе возвышенія въ 1873 г. размѣра акциза и выбора патентовъ на право торговли питьями по удвоенной въ 1873 году платѣ, такъ какъ выборъ патентовъ на 1874 г. начался еще въ концѣ 1873 г. Вслѣдствіе возвышенія размѣра акциза и платы за патенты, и въ бюджетахъ на 1874 и 1875 г. предположено на 1874 г. почти равное дѣйствительному поступленію 1873 г., а на 1875 годъ—примѣрно на 7 милл. р. больше. Изъ всего этого слѣдуетъ, что надежды на продолженіе возрастанія доходовъ въ прежнемъ размѣрѣ положительно нѣтъ.

Изъ предшествующаго обзора оказывается, что въ то время, какъ возрастаніе расходовъ шло въ прежней, довольно постоянной прогрессіи, возрастаніе доходовъ, которое давало средства для уравниванія сверхсѣтныхъ расходовъ каждаго года, въ послѣдніе годы уже не происходило въ прежней прогрессіи; и такъ какъ ослабленіе такого возрастанія оказалось въ главномъ изъ нашихъ доходовъ—въ питейномъ сборѣ, то нельзя ожидать, что ежегодное возрастаніе дохода въ послѣдующіе годы будетъ держаться наравнѣ съ ежегоднымъ возрастаніемъ доходовъ. Дефицитъ, оказавшійся по исполненію росписи 1873 года, служилъ первымъ рельефнымъ предостереженіемъ въ этомъ смыслѣ. Причину такой неспособности доходовъ къ прежнему или хотя бы равномѣрному съ доходами возрастанію ясно указываютъ намъ паденіе поступленій въ податяхъ и даже дефицитъ въ дѣйствительномъ ихъ поступленіи за 1873 годъ противъ исчисленія той росписи, несмотря на всю осторожность, съ какою у насъ дѣлаются предположенія о цифрахъ доходовъ въ росписяхъ. Это послѣднее явленіе обнаруживаетъ, что тѣ платежныя средства страны, на которыя рассчитана существующая податная система, уже напряжены до крайности и прежнее податное поле является уже неспособнымъ къ болѣе производительности, несостоятельнымъ къ покрытію расходовъ въ той степени, въ которой они ежегодно возрастаютъ и по необходимости будутъ возрастать. Выводъ изъ этихъ положеній можетъ быть сдѣланъ только одинъ: необходимо, стало быть, подвергнуть общему пересмотру и измѣненію нашу систему податного обложенія. Первой цѣлью такого пересмотра являлась бы потребность усилить производительность податного обложенія. Но этой цѣли не будетъ противорѣчить, а наоборотъ, должно впослѣдствіи содѣйствовать ея достиженію исполненіе еще другой потребности: при преобразованіи системы обложенія, въ видахъ сообщенія ей болѣе производительности, должна быть проведена и болѣе равномѣрность въ обложеніи. О томъ, въ какомъ направленіи могло бы совершиться это преобразование—было бы неумѣстно говорить

здѣсь, по тѣснотѣ рамокъ нашего обзора. Но можно привести, въ видѣ примѣра, фактъ, что земля нынѣ обложена у насъ слишкомъ тяжело, въ сравненіи съ промышленностью и торговлею и въ особенности въ сравненіи съ движимымъ капиталомъ. Подходящій налогъ явился бы неизбѣжнымъ нововведеніемъ при преобразованіи податной системы. Говоря о такомъ преобразованіи, понятно, мы говоримъ не о трудахъ податной комиссіи, которая перебираетъ отдѣльные виды налоговъ и соображаетъ, нѣтъ ли лучшихъ способовъ ко взиманію каждаго изъ нихъ, или рассматриваетъ, нельзя ли отдѣльный налогъ съ выгодой замѣнить другимъ видомъ налога, взимаемаго съ прежнихъ же плательщиковъ. Дѣло не въ перемѣнѣ отдѣльныхъ кирпичей въ зданіи, но въ перестройкѣ его на новомъ, болѣе широкомъ фундаментѣ, такъ какъ на немъ постоянно вырастаютъ новые этажи и нынѣшній фундаментъ оказывается уже ненадежнымъ для дальнѣйшаго возрастанія. Мы говоримъ объ одновременномъ пересмотрѣ всей системы обложенія.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на ту сторону общаго хода финансовыхъ дѣлъ Россіи, которая представляется состояніемъ суммы лежащаго на государствѣ долга. Сумма долговъ государственнаго казначейства къ 1-му января 1871 года составляла на русскую монету 1.858.343,851 р., а къ 1-му января 1874 г. она составляла 1.806.955,102 р.; итакъ, за послѣдніе три отчетныхъ года, сумма государственнаго долга уменьшилась на 51.388,749 рублей. Такой результатъ былъ бы вполне благоприятенъ для русскаго кредита, а также и для облегченія ежегодныхъ платежей процентовъ и погашенія, еслибы одновременно сумма долговыхъ обязательствъ, лежащихъ на государствѣ, не увеличилась въ еще гораздо болѣе степени, чѣмъ размѣръ произведенной уплаты, реализаціею, при посредствѣ правительства и подъ отвѣтственностью казны, трехъ новыхъ займовъ на потребности желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ теченіи того же трехлѣтія, въ которомъ сумма прямого государственнаго долга уменьшена была уплатами на 51 м. 388 т. рублей, сдѣлано было три выпуска желѣзно-дорожныхъ консолидированныхъ облигацій (2, 3 и 4) на сумму, которая къ 1-му января 1874 г. составляла 41.961,200 фунтовъ стерл., то-есть на русскую монету 272.180,759 р. При исчисленіи состоянія государственнаго долга къ 1874 году, эта послѣдняя сумма не была принята въ соображеніе, въ виду того, что выпускъ консолидированныхъ облигацій „въ сущности не составляетъ займа государственнаго казначейства, а есть заемъ для частныхъ обществъ, сдѣланный только при посредствѣ правительства, съ цѣлью обезвечить ихъ фундамъ болѣе выгодное помѣщеніе“. Это объясненіе безусловно вѣрно съ точки зрѣнія хозяйственной, такъ

какъ частныя общества обязаны возвратить казнѣ выданныя имъ ссуды и доставить ей средства къ платежу процентовъ и погашенія по этимъ займамъ. Но тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія финансовой вообще, займы и платежи эти лежатъ на заботѣ казны, которая должна соображать, насколько общества въ дѣйствительности могутъ своевременно доставлять ей эти средства. А съ точки зрѣнія кредитной, желѣзно-дорожныя консолидированныя облигаціи ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ государственныхъ займовъ; онѣ даже прямо называются такимъ именемъ въ текстѣ самихъ облигацій. Онѣ лежатъ прямо на отвѣтственности казны и, сверхъ того, принадлежатъ къ ея займамъ уже и потому, что средства, ими добываемыя, не передаются прямо и полностью въ руки частныхъ обществъ, но поступаютъ въ желѣзно-дорожный фондъ, который находится въ распоряженіи казны и изъ котораго иногда производятся даже временныя позаймствованія для обыкновенныхъ бюджетныхъ надобностей государства, какъ-то, на примѣръ, для производства платежей за границею по системѣ государственнаго кредита. Итакъ, въ смыслѣ кредитномъ, итогъ долговъ, лежащихъ на казнѣ за послѣднее трехлѣтіе, уменьшившись съ одной стороны на 51 милл. р. слишкомъ, съ другой—возросъ на 272 слишкомъ милліона рублей. Этимъ желѣзно-дорожнымъ займамъ соответствовалъ, въ дѣйствительности, долгъ казнѣ, лежащій на частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществахъ, который, къ концу 1873 года, составлялъ 184.123,886 рублей. Всего 5 лѣтъ тому назадъ, общества были должны казнѣ только 110¹/₂ милл. руб., а въ теченіи пятилѣтія долгъ ихъ возросъ на 85.088,959 руб. Такое увеличеніе долга обществъ казнѣ произошло, съ одной стороны, вслѣдствіе ежегодныхъ приплатъ казною обществамъ по гарантіи дохода, затѣмъ—начисленіемъ процентовъ на прежніе долги желѣзно-дорожныхъ обществъ и, наконецъ,—сравнительной незначительностью уплаты по этимъ долгамъ, вслѣдствіе недостаточности чистаго дохода.

Дѣйствительное состояніе свободныхъ, бывшихъ въ распоряженіи правительства, средствъ желѣзно-дорожнаго фонда въ 1873 году, выражалось суммою 113.244,947 р. Большая часть расходовъ, производимыхъ изъ этого фонда, идетъ на приобрѣтеніе облигацій желѣзно-дорожныхъ обществъ. Такъ, въ 1873 г., для этой цѣли употреблено было до 57 милл. р.; затѣмъ, на приобрѣтеніе акцій желѣзно-дорожныхъ обществъ, до 2 м. р., на выдачу или ссуды до 9¹/₂ м. р. и 1³/₄ м. р. на уплату за желѣзно-дорожныя принадлежности и изысканія. На устройство портовъ изъ желѣзно-дорожнаго фонда потребовалось до ¹/₂ милл. р., а всего расходовъ изъ фонда (съ нѣкоторыми дополнительными по желѣзнымъ дорогамъ и на реализацію самого фонда

издержками) было произведено 78.176,898 р., такъ что къ 1-му января 1874 г. наличныхъ средствъ фонда оставалось въ распоряженіи правительства 35.068,048 р. Но эта сумма не представляла всѣхъ чрезвычайныхъ средствъ, которыми правительство могло бы, въ случаѣ нужды, воспользоваться. Сверхъ этой суммы, въ портфель правительства находилось еще *нереализованныхъ* консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ на сумму 29.605,723 металл. рублей и акцій на 1.125,000 фунт. стерл., 16.118,500 мет. р. и 32.954,500 р. кред., кромѣ долговыхъ обязательствъ разныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, на сумму 560,497 фунт. стерл., 11.464,151 металл. руб. и 39.294,439 р. кредитныхъ.

Что касается другой важной финансовой операціи, совершающейся при посредствѣ казны, а именно до выкупной операціи, то сумма дѣйствительно выданныхъ по 1-е января 1874 г. выкупныхъ ссудъ простиралась до 646.906,533 р.; выкупныхъ платежей за 1873 г. поступило 39.687,018 р., а общая сумма недоимокъ, накопившихся доселѣ, составляла до 18 милл. р. Наконецъ, наличность специальныхъ капиталовъ (принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ и имѣющихъ каждый свое особое назначеніе) составляла къ концу 1873 г. 142.909,683 р.

Обнародованіе въ началѣ 1875 года контрольнаго отчета, въ которомъ оказывался нѣкоторый недостатокъ поступившихъ средствъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей казначейства, въ свое время столь же мало вызвало въ публикѣ опасеній, сколько предшествовавшее ему обнародованіе росписи на 1875 г. съ нѣкоторымъ излишкомъ дохода возбудило радости. Мы, конечно, не говоримъ о той публикѣ, которая не даетъ себѣ труда взглянуть на важнѣйшія цифры документовъ государственнаго хозяйства, чтобы попытаться найти взаимное отношеніе между ними. Но и изъ тѣхъ читателей, которые берутъ на себя такой трудъ, представляющій, собственно говоря, обязанность, весьма немногіе выносятъ изъ своего чтенія сколько-нибудь опредѣленное благопріятное или неблагопріятное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что цифры какъ контрольнаго дефицита, такъ и предполагаемаго бюджетомъ на 1875 г. излишка были ничтожны въ сравненіи съ тѣми вѣн-бюджетными средствами, которыми правительство располагало и которыя указаны въ концѣ нашего обзора. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, на это дѣло слѣдовало бы смотрѣть иначе. Какъ бы ни были громадны дѣла, которыя ведетъ частный капиталистъ, его полученія и издержки за свой и чужой счетъ, мы будемъ судить о положеніи его не по громадности оборотовъ его по собственнымъ и принимаемымъ имъ на комиссію или на отвѣтственность операціямъ, но именно по его балансу, который

указываетъ намъ соотношеніе его собственныхъ средствъ съ его потребностями и обязательствами. Поэтому, ничтожная въ сравненіи съ суммою всѣхъ оборотовъ цифра излишка или недостатка въ балансѣ его собственныхъ дѣлъ, на которомъ, какъ на оси, обращается и утверждается весь его оборотъ, по тѣмъ предпріятіямъ, въ которыхъ онъ участвуетъ и за которыя несетъ на себѣ отвѣтственность, для насъ будетъ гораздо важнѣе, чѣмъ сумма его оборотовъ и находящихся въ его распоряженіи условно чрезвычайныхъ ресурсовъ. Громадность оборотовъ, въ которыхъ капиталистъ участвуетъ, можетъ имѣть только то—весьма важное, впрочемъ—значеніе, что при помощи ея представляется болѣе возможности къ тому, чтобы переждать какое-нибудь неблагоприятное время и даже поправить, гдѣ нужно, самую основу собственныхъ дѣлъ капиталиста, посредствомъ ли погашенія какихъ-либо невыгодныхъ для него обязательствъ, или и прямо — посредствомъ улучшенія нѣкоторыхъ частей его хозяйства. Казна находится въ такомъ же положеніи, какъ и частный капиталистъ, съ тою—для нея невыгодною—разницей, что она не можетъ по усмотрѣнію прекращать и ликвидировать всѣ дѣла, которыя оказываются убыточными. Контрольный отчетъ за 1873 годъ, показавъ намъ хотя и ничтожный по цифрѣ дефицитъ и ослабленіе въ доходахъ способности къ возрастанію, указываетъ прямо на необходимость улучшенія основъ хозяйства, а громадность средствъ, находившихся въ распоряженіи казны, свидѣтельствуетъ только о возможности приступить къ такому улучшенію. Въ то время, какъ разсмотрѣніе росписи на 1875 годъ указывало намъ на необходимость дальнѣйшихъ улучшеній въ самомъ способѣ составленія бюджетовъ, для достиженія болѣе точности и опредѣленности въ самомъ годовомъ хозяйствѣ, приведенныя показанія контрольнаго отчета за 1873 годъ свидѣтельствуютъ о необходимости пересмотра всей системы податнаго обложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, контрольный отчетъ, излагая намъ, съ другой стороны, громадность средствъ, находящихся въ распоряженіи казны не только для ея надобностей, но и на веденіе дѣлъ, въ которыхъ она принимаетъ посредственное или непосредственное участіе, доказываетъ намъ, что приступить къ улучшеніямъ и въ системѣ податей, и въ системѣ кредита возможно.

Отъ предмета, о которомъ мы привыкли говорить съ наибольшимъ просторомъ, перейдемъ къ предмету, въ обсужденіи котораго мы должны всегда соблюдать особую осторожность, безъ сомнѣнія потому, что нѣкоторые органы печати своими вѣчными опасеніями за прочность его приучили насъ къ самому бережливому съ нимъ обхожденію. Мы хотимъ говорить о наличности въ государствѣ силъ

образовательныхъ, послѣ того, какъ мы бесѣдовали объ орудіяхъ матеріальнаго благосостоянія—финансахъ. Опубликованное въ прошломъ мѣсяцѣ извлеченіе изъ отчета министерства народнаго просвѣщенія за 1873 годъ о высшихъ и среднихъ училищахъ (отчетъ о другихъ школахъ еще не напечатанъ) представляетъ нѣсколько утѣшительныхъ данныхъ. Въ числѣ ихъ прежде всего отмѣтимъ, что число профессорскихъ вакансій въ университетахъ, составлявшее въ 1873 г. (безъ дерптскаго университета) 179, въ 1874 году составляло уже только до 135; въ 1872 г. преподавателей въ 8 университетовъ было 545, въ 1873 году уже 569, то-есть прибавилось 24 человѣка; въ предшествовавшемъ же году это годовое возрастаніе числа университетскихъ преподавателей представлялось цифрою 33 чел. Къ сожалѣнію, число учащихся въ университетахъ уменьшилось и въ 1873 году. Въ 1873 году было 6,697 учащихся, менѣе противъ 1872 г. на 554 чел.; а къ 1-му января 1874 года учащихся было 6,145 чел., т.-е. менѣе противъ 1873 на 552 чел. Такимъ образомъ, уменьшеніе общаго числа студентовъ за два послѣдніе года происходило въ равномъ размѣрѣ. Очевидно, впрочемъ, что по прошествіи еще нѣсколькихъ лѣтъ годовое уменьшеніе числа студентовъ не можетъ сохранить этого размѣра уже потому, что число студентовъ будетъ вѣроятно меньше нынѣшняго.

Нельзя не признать благоприятнымъ то явленіе, что отношеніе числа студентовъ, окончившихъ курсъ, къ числу студентовъ, выбывшихъ до окончанія курса за 1873 годъ, было больше соответствующихъ отношеній за два предшествующихъ года. Но для того, чтобы окончательно убѣдиться въ томъ значеніи, какое придано этому явленію отчетомъ, а именно, что оно должно служить доказательствомъ „улучшенія за послѣднее время состава учащихся“, придется обождать результатовъ еще нѣсколькихъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, измѣненіе въ упомянутомъ отношеніи замѣчалось не особенно значительное (14% и 15%, 18% и 14%, 19 и 13% общаго числа студентовъ); ясно, что требуется болѣе продолжительный рядъ постепенно возрастающихъ отношеній, чтобы устранить всякую мысль о случайности; во-вторыхъ же, такъ какъ извлеченіе изъ отчета не показываетъ намъ вмѣстѣ съ приведенными цифрами данныхъ о томъ, сколько оставалось въ курсахъ на второй годъ въ 1873 году, сравнительно съ предшествующими годами, то мы не можемъ судить, насколько уменьшеніе числа выбывшихъ свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ успѣхѣ оставшихся. Въ-третьихъ, наконецъ, окончившіе университетскій курсъ въ 1871, 1872 и 1873 годахъ, взятыхъ для сравненія, не были еще учениками гимназій послѣ преобразованія послѣднихъ по уставу 1871 года. Итакъ, улучшеніе состава уча-

щихся въ университетахъ, если признать его доказаннымъ, могло бы относиться только къ ббльшей требовательности вступительныхъ экзаменовъ, но не къ результатамъ преобразованія гимназій. Университетскій опытъ для учениковъ преобразованныхъ гимназій еще едва начинается. Только въ прошломъ, 1874 году, въ университетъ могли поступить ученики, прошедше три высшихъ класса гимназій со времени ихъ преобразованія. Само собою разумѣется, что и эти ученики еще не могутъ быть разсматриваемы какъ настоящіе продукты преобразованныхъ гимназій, такъ какъ преобразование застало ихъ прошедшими уже ббльшую половину гимназическаго курса. Но до нѣкоторой степени реформа на нихъ все-таки отразилась. Къ сожалѣнію, результатъ переводныхъ экзаменовъ въ петербургскомъ университетѣ съ перваго на второй курсъ, происходившихъ весною нынѣшняго года, по слухамъ, представлялъ мало утѣшительнаго, такъ что для удостовѣренія благоприятныхъ послѣдствій преобразованія гимназій этотъ результатъ еще не годится. Относительно среднихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, отчетъ за 1873 годъ свидѣтельствуетъ о весьма важномъ и безусловно-благоприятномъ фактѣ: этотъ годъ ознаменовался открытіемъ 34-хъ новыхъ среднихъ училищъ, а именно — одной гимназій, десяти прогимназій и двадцати-трехъ реальныхъ училищъ.

Послѣ этихъ указаній на главные данныя отчета относительно высшихъ и среднихъ училищъ, обратимся къ свѣдѣніямъ о результатѣ „испытаній зрѣлости“ въ гимназійхъ въ 1874 г. свѣдѣніямъ, которыя также опубликованы въ минувшемъ мѣсяцѣ. Прошлый годъ былъ вторымъ годомъ примѣненія новыхъ правилъ о выпускныхъ экзаменахъ въ гимназійхъ, и рядомъ съ цифрами, оказавшимися въ 1874 году, мы будемъ приводить соотвѣтствующія цифры 1873 года. При этомъ, хотя на нынѣшній разъ имѣются и цифры дерптскаго округа, которыхъ въ свѣдѣніяхъ за 1873 г. не было, но мы оставимъ цифры того округа въ сторонѣ, по различію въ учебной системѣ, порядкѣ допущенія къ экзамену и языкѣ преподаванія, различію, которое не допускаетъ смѣшенія статистическихъ данныхъ, относящихся къ балтійскимъ гимназіймъ, съ прочими. Итакъ, въ 1874 г. выпускному экзамену въ гимназійхъ (за исключеніемъ дерптскаго округа) подверглись 1,090 человекъ (въ 1873 г. — 1,037); изъ этого числа не выдержали экзамена 317 (въ 1873 г. изъ 1,039 чел. — 354). Процентныя отношенія невыдержавшихъ экзамена къ числу экзаменовавшихся по каждому разряду оказались слѣдующія: изъ постороннихъ лицъ 74,8% (въ 1873 г. 68,2%), изъ гимна-

зистовъ старшаго отдѣленія 22,6% (25,4%), изъ гимназистовъ младшаго отдѣленія 6,3% (14%). По отношенію ко всѣмъ категоріямъ экзаменовавшихся наименѣе успѣшно шло испытаніе изъ математики; но статья удостовѣряетъ, что этотъ результатъ зависѣлъ преимущественно отъ малоуспѣшности въ математикѣ лицъ постороннихъ. Воспитанники же правительственныхъ гимназій, хотя и не особенно успѣшно экзаменовались изъ математики, но еще менѣе успѣшно—изъ латинскаго языка. Неудовлетворительныхъ отвѣтовъ на 100 учениковъ правительственныхъ гимназій, державшихъ испытаніе, приходилось отъ 36 до 37; это число распалось по предметамъ слѣдующимъ образомъ: по греческому языку на 4—5; по русскому сочиненію 8—9; по математикѣ 10—11, и наконецъ по латинскому языку 12. Приведемъ изъ статьи еще одно статистическое сравненіе: на 100 неудовлетворительныхъ русскихъ сочиненій приходится неудовлетворительныхъ отвѣтовъ и тамъ по латинскому языку 138, по математикѣ 124, между тѣмъ какъ по греческому языку неудовлетворительныхъ отвѣтовъ и упражненій оказывается только 54. Можно ли вывести изъ этихъ данныхъ такое заключеніе, что ученики успѣваютъ въ греческомъ языкѣ почти вдвое болѣе, чѣмъ въ русскомъ (!), въ математикѣ на одну четверть менѣе, чѣмъ въ русскомъ языкѣ, а въ латинскомъ языкѣ значительно менѣе, чѣмъ въ математикѣ? Едва ли. Если наименѣе удовлетворительные успѣхи оказываются именно въ латинскомъ языкѣ, которому въ гимназіяхъ посвящено наибольшее число уроковъ, въ сравненіи съ каждымъ изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, то это было бы слишкомъ неутѣшительно. Но мы не можемъ придавать приведеннымъ цифрамъ подобнаго значенія. Мы еще готовы были бы допустить, что наиболѣе слабо поставлено въ гимназіяхъ обученіе математическимъ наукамъ. Но не можемъ допустить, чтобы латинскій языкъ шелъ еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ математика, а въ особенности—чтобы въ греческомъ языкѣ были такіе поразительные успѣхи. Изъ сравненія приведенныхъ данныхъ, казалось бы возможнымъ сдѣлать сколько-нибудь правильное заключеніе только о степени требовательности экзаменаторовъ по разнымъ предметамъ. Если примемъ за норму требовательность по русскому сочиненію и увидимъ, что на 100 русскихъ сочиненій, признанныхъ неудовлетворительными, было только 54 неудовлетворительныхъ extemporalia и отвѣтовъ по греческому языку, то мы скорѣе всего можемъ выводить отсюда заключеніе, что требовательность по греческому языку была вдвое меньше, чѣмъ по русскому сочиненію. И въ самомъ дѣлѣ, изъ сообщаемыхъ въ той же статьѣ примѣровъ тамъ по разнымъ предметамъ, мы видимъ, что въ гимназіяхъ петербургскаго округа задана была гимназистамъ для

русскаго сочиненія слѣдующая тема: „Татьяна и Ольга Пушкина—параллельныя характеристики“ (1). Но вѣдь эта тема,—можемъ сказать съ увѣренностью, судя по имѣющимся образцамъ,—пришлась бы не подъ силу и присяжному критику „Русскаго Вѣстника“; на *три* онъ еще, можетъ быть, и написалъ бы о ней, но на *пять* едва-ли. Спрашивается: какова же должна быть требовательность по латинскому языку, если допустить, что она больше требовательности по русскому сочиненію настолько, насколько 138 больше 100? (Справедливость побуждаетъ насъ, впрочемъ, сказать, что въ статьѣ, нами разсматриваемой, упомянутая тема признается слишкомъ трудною). Въ статьѣ, о которой мы говоримъ, допускается, что „сочиненіямъ на отечественномъ языкѣ можно придавать значеніе преимущественнаго мѣрила развитости и умственной зрѣлости учениковъ“. Но сочиненія на русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ петербургскаго округа подали профессору Миллеру поводъ къ слѣдующему замѣчанію: „ученики гимназій пишутъ вообще грамотно и излагаютъ свои мысли въ логической послѣдовательности, но какихъ-либо особенныхъ признаковъ даровитости въ ихъ сочиненіяхъ, на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не оказалось“. Между тѣмъ, по другому замѣчанію того же профессора, постороннія лица хотя вообще и уступаютъ гимназистамъ въ правильности, „но за то въ нѣкоторыхъ изъ сочиненій постороннихъ лицъ попадаются проблески оригинальности во взглядѣ и изложеніи, иногда угловатой, но *всегда* свидѣтельствующей о *живой работѣ* ума“. Будемъ надѣяться, что такой сравнительный результатъ по предмету, могущему служить преимущественнымъ мѣриломъ общей развитости, представлялъ только случайное явленіе на одинъ этотъ разъ, и то только для гимназій петербургскаго округа, которыя, впрочемъ, по числу полученныхъ медалей, сравнительно съ общимъ числомъ экзаменовавшихся, занимали нынѣ первое мѣсто въ ряду всѣхъ учебныхъ округовъ.

Но возвратимся на минуту опять отъ напечатанной въ журналѣ статьи къ помѣщенному въ немъ же отчету.

Отчеты министерства народнаго просвѣщенія, какъ извѣстно, печатаются въ его журналѣ не цѣликомъ, но въ видѣ извлеченій; дѣлается это, очевидно, не съ цѣлью сокращенія при помѣщеніи пространнаго документа въ журналѣ, такъ какъ для достиженія такой цѣли приходилось бы сокращать только подробности, а между тѣмъ именно подробности сокращенію, повидимому, не подвергаются, такъ какъ трудно представить себѣ, какія еще подробности могли бы заключать въ себѣ отчеты сверхъ тѣхъ, которыя мы въ извлеченіяхъ находимъ. Не говоря уже о перечнѣ занятій разныхъ обществъ и та-

блицахъ, которыя входятъ въ печатаемое извлеченіе, мы находимъ въ нынѣшнемъ извлеченіи изъ отчета за 1873 годъ мѣстами буквально-повторенныя мѣста изъ прошлогодней статьи журнала о дѣятельности министерства въ 1873 году. Выписана ли была эта статья изъ отчета, или въ отчетъ вошли мѣста изъ статьи, это неважно, но если уже однажды напечатанное черезъ годъ буквально перепечатывается въ томъ же журналѣ, то явно, что исключеніе изъ отчета нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя еще изданы не были, дѣлается не съ цѣлью сокращенія. Какъ бы то ни было, воль скоро отчетъ печатается въ извлеченіи, отъ лицъ, редактирующихъ извлеченія, вполне зависитъ помѣщать или не помѣщать въ журналѣ то или другое мѣсто отчета. При этомъ условіи, могло нѣсколько удивить помѣщеніе въ июльской книгѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія того мѣста отчета, въ которомъ упоминалось (и упоминалось въ свое время вполне умѣстно) признаніе верховной властью, что медико-хирургическая академія въ Петербургѣ „по самому существу своему несомнѣнно принадлежитъ къ числу медицинскихъ факультетовъ“, между тѣмъ, какъ еще 13-го іюня состоялось высочайшее повелѣніе, согласно постановленію комитета министровъ, объ оставленіи академіи въ военномъ вѣдомствѣ „въ качествѣ высшаго общепросвѣдательнаго медицинскаго заведенія, имѣющаго притомъ спеціальною цѣлью приготовленіе врачей для военно-медицинской службы“. Впрочемъ, такое совпаденіе проще всего можетъ быть объяснено недосмотромъ при редактированіи извлеченія изъ отчета, и едва ли возможно усматривать въ напечатаніи приведенной цитаты въ настоящую минуту, послѣ законодательнаго рѣшенія вопроса о медико-хирургической академіи, чью-либо мысль о неокончателности этого рѣшенія и ожиданіе, что академія все-таки современемъ будетъ причислена къ медицинскимъ факультетамъ университетовъ, то-есть передана въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Министерство это само такъ дорожитъ прочностью, окончательностью рѣшеній о положеніи учебныхъ заведеній вообще, что оно во всякомъ случаѣ не можетъ не считать вопросъ о положеніи медико-хирургической академіи нынѣ рѣшеннымъ окончательно и безповоротно.

Мы не вмѣшивались въ обсужденіе вопроса объ академіи въ то время, когда онъ былъ предметомъ оживленной газетной и не-газетной полемики. Причиной тому было наше убѣжденіе, что вопросъ этотъ только случайно, въ силу особаго и далеко не первостепенно-важнаго обстоятельства, получивъ-было по наружности какое-то государственное значеніе, для общественнаго мнѣнія былъ скорѣе вопросомъ самолюбій, какъ это вообще въ вопросахъ о „завѣдываніи“

болѣе естественно, чѣмъ во всякихъ иныхъ вопросахъ. Въ самомъ дѣлѣ, весь вопросъ тутъ заключался въ томъ, кому завѣдывать академію, въ какомъ вѣдомствѣ ей состоять. Правда, вопросъ поставленъ былъ иначе, по крайней мѣрѣ въ газетной полемикѣ. Онъ формулировался не какъ вопросъ о передачѣ академіи изъ военнаго вѣдомства въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, но какъ вопросъ о „присоединеніи академіи къ университету въ качествѣ медицинскаго факультета“. Но такая постановка вопроса не соответствовала ни происхожденію его на дѣлѣ, ни тому смыслу, какой онъ могъ представлять на практикѣ. Вопросъ возникъ вовсе не такимъ образомъ, чтобы при ровномъ, спокойномъ теченіи всѣхъ дѣлъ, петербургскій университетъ, находясь на Васильевскомъ островѣ, вдругъ почувствовалъ крайнюю тоску по академіи, стоящей на Выборгской сторонѣ, и жгучее стремленіе къ академіи, подобно тому, какъ у Гейне сосна и пальма:

Er träumt von einer Palme,
Die fern im Morgenland
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand,—

съ той только разницей, что роль снѣга и раскаленнаго утеса здѣсь представлялась бы двумя рукавами Невы. Вопросъ возникъ не такимъ образомъ, чтобы петербургскій университетъ, который самъ былъ основанъ позже академіи и преспокойно жилъ безъ нея болѣе полувѣка, вдругъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ ощутилъ невозможность или по крайней мѣрѣ затруднительность дальнѣйшаго существованія безъ медицинскаго факультета. Въ такомъ случаѣ, дѣло возникло бы изъ ходатайства петербургскаго университета, а между тѣмъ оно возникло совершенно инымъ путемъ, и университетъ былъ тутъ совершенно въ сторонѣ. Лѣтомъ прошлаго года, министерство народнаго просвѣщенія подняло вопросъ о пріемныхъ экзаменахъ въ медицинскую академію, и по его инициативѣ состоялись извѣстные ограниченія относительно этихъ экзаменовъ. Затѣмъ, осенью прошлаго года среди студентовъ академіи произошли беспорядки, которые, впрочемъ, отозвались и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ школахъ, между прочимъ въ горномъ институтѣ. Вотъ, собственно изъ этихъ двухъ обстоятельствъ, случайныхъ и не имѣвшихъ ровно никакого отношенія къ потребности университета въ медицинскомъ факультетѣ, и возникъ *на дѣлѣ* вопросъ о передачѣ академіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Но такъ какъ, несмотря на всегда возможныя разногласія между отдѣльными вѣдомствами, мы живемъ въ одномъ государствѣ, то соглашеніе экзаменовъ въ

разныхъ училищахъ, очевидно, возможно и безъ аннектированія всѣхъ школъ однимъ вѣдомствомъ. Вѣдь институтъ путей сообщенія и технологическій институтъ лишены же министерствомъ народнаго просвѣщенія права производить пріёмныя испытанія изъ обще-образовательныхъ предметовъ, и въ настоящее время предполагается, по мысли того же министерства, лишить того же права и строительное училище министерства внутреннихъ дѣлъ. Что касалось безпорядковъ, то это явленіе совершенно случайное и независящее отъ того, въ какомъ вѣдомствѣ состоитъ училище. Безпорядки бывали и въ университетахъ, и притомъ, одновременно съ бывшими въ академіи, произошли безпорядки и въ нѣкоторыхъ другихъ училищахъ, а между тѣмъ о передачѣ, напр., горнаго института въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія вопроса и не возникало.

Когда случайныя обстоятельства, давшія поводъ возбудить вопросъ о передачѣ академіи, утратили свое значеніе, вопросъ этотъ очутился лицомъ къ лицу съ нормальными условіями и потребностями; а тогда и оказалось, что дѣйствительныя потребности болѣе препятствуютъ сліянію академіи съ университетомъ, чѣмъ требуютъ такого сліянія. Оказалось, какъ то было признано комитетомъ министровъ, что „медико-хирургическая академія стоитъ не только не ниже отечественныхъ и заграничныхъ факультетовъ, но по научному значенію, съ своими клиниками и клиническимъ госпиталемъ, находится, во многихъ отношеніяхъ, въ образцовомъ положеніи“; что для сліянія потребовались бы значительныя денежныя затраты, а „разъединеніе академіи съ существующимъ при ней клиническимъ госпиталемъ, низвело бы ее съ того положенія, которое она теперь занимаетъ; наконецъ, что необходимо сохранить за военнымъ вѣдомствомъ источникъ образованія медицинскаго персонала спеціально для военныхъ надобностей, особенно въ виду введенія у насъ общей воинской повинности“. По этимъ соображеніямъ, вопросъ и былъ рѣшенъ окончательно противъ сліянія академіи съ университетомъ. Но на дѣлѣ такое „слияніе“ вовсе и не могло бы состояться; если бы на словахъ оно состоялось, то единственнымъ практическимъ значеніемъ такого рѣшенія было бы только то, что академія поступила бы въ завѣдываніе департамента народнаго просвѣщенія, вмѣсто того, чтобы состоять въ вѣдѣніи главнаго военно-медицинскаго управленія. Еслибы академія и была причислена къ университету, то на дѣлѣ она все-таки не обратилась бы въ факультетъ, равный прочимъ университетскимъ факультетамъ. Помѣщаясь отдѣльно отъ университета въ зданіяхъ, которыхъ комплексъ, включая клинической госпиталь, больше помѣщенія всѣхъ университетскихъ факультетовъ, взятыхъ вмѣстѣ; съ бюджетомъ равнымъ или ббльшимъ въ сравне-

для общественнаго мнѣнія, которое не могло не заниматься этимъ вопросомъ потому, что усерднѣйшими адвокатами въ пользу передачи академіи въ вѣдомство народнаго просвѣщенія явились именно двѣ газеты, „Московскія Вѣдомости“, которыхъ отношенія извѣстны, и „Русскій Міръ“, котораго отношенія также извѣстны. Какъ было общественному мнѣнію не догадываться, что „Русскій Міръ“, котораго рвеніе таково, что, какъ недавно оказалось, онъ готовъ неправяицѣся ему дѣйствія австрійскаго военнаго министерства приписать нашему военному министерству, и „Московскія Вѣдомости“, которыя недавно выставляли одного изъ своихъ редакторовъ творцомъ новаго устава гимназій,—разработывали вопросъ объ академіи съ необыкновенной горячностью именно съ точки зрѣнія личныхъ отношеній. Тутъ и догадываться даже было нечего, такъ какъ самое веденіе спора названными органами имѣло чисто личный характеръ. „Русскій Міръ“ выставилъ въ видѣ главнаго аргумента противъ оставленія академіи въ военномъ вѣдомствѣ—случай назначенія этимъ вѣдомствомъ профессоромъ въ академію помимо конференціи. „Русскій Міръ“ при этомъ не зналъ, что сколько бы такихъ случаевъ ни было (не мы, конечно, будемъ защищать ихъ необходимость), но все-таки это были отдѣльные случаи, которые бывали и въ другихъ вѣдомствахъ, а между тѣмъ существуетъ предположеніе о пересмотрѣ университетскаго устава; стало быть, система, основанная на выборномъ началѣ, не можетъ почитаться упроченною и въ университетахъ. „Московскія Вѣдомости“, въ редакціи которыхъ участвовали гг. Леонтьевъ и Любимовъ, не могли—*et pour cause*—вмѣнять въ главную вину конференціи академіи—неизбраніе того или другого профессора, а военному вѣдомству—назначеніе такого профессора министерскимъ распоряженіемъ. Но доводы ихъ тѣмъ не менѣе имѣли совершенно личный характеръ, причемъ мнимая „потребность петербургскаго университета въ медицинскомъ факультетѣ“ въ ихъ рукахъ была чѣмъ-то въ родѣ носового платка въ рукахъ жестикулирующаго адвоката.

Роль медико-хирургической академіи въ военномъ вѣдомствѣ, по отзыву этой газеты, кажется уже достаточно опредѣлилась: она служитъ орудіемъ борьбы противъ всѣхъ начинаній и предположеній министерства народнаго просвѣщенія“. Ограничимся приведеніемъ этого образчика разсужденій московской газеты; не желая подражать ей въ противопоставленія одного вѣдомства другому, избѣгая даже самаго упоминанія о настоящемъ вопросѣ до рѣшенія его, чтобы не вмѣшиваться въ вопросы о личностяхъ, мы не рѣшаемся и теперь прописать подъ строками „Московскихъ Вѣдомостей“ соответствующихъ справокъ и поправокъ, а потому цитировать ихъ не бу-

демъ. Приведенныхъ словъ достаточно, чтобы показать, въ какомъ смыслѣ эта газета разумѣла вопросъ о передачѣ медицинской академіи изъ одного вѣдомства въ другое — въ смыслѣ борьбы между вѣдомствами военнымъ и народнаго просвѣщенія.

Для насъ, также какъ, по убѣжденію нашему, и для самихъ вѣдомствъ, участвовавшихъ въ рѣшеніи вопроса, онъ заключался не въ дразгахъ личнаго свойства: онъ долженъ былъ заключаться въ интересахъ самаго дѣла. Если бы медицинской академіи въ Петербургѣ не было, и здѣшній университетъ не имѣлъ бы медицинскаго факультета, то вполне естественно было бы говорить о потребности медицинскаго факультета для петербургскаго университета, и по всей вѣроятности университетъ не просуществовалъ бы 56-ти лѣтъ, не заявивъ ходатайства объ учрежденіи въ немъ медицинскаго факультета. Но медицинская академія въ Петербургѣ существуетъ, а стало быть, и потребности университета въ медицинскомъ факультетѣ быть не можетъ. Польза соединенія всѣхъ факультетовъ въ университетѣ въ значительной степени заключается въ пользѣ сосредоточенія всѣхъ факультетовъ въ одномъ *городѣ*. Во Франціи въ настоящее время многіе просвѣщенные умы, между прочимъ Ж. Симонъ, порицаютъ существующее тамъ дробленіе факультетовъ по городамъ (кромѣ Парижа, гдѣ они соединены) и отдають предпочтеніе соединенію всѣхъ факультетовъ въ нѣсколькихъ университетскихъ городахъ. Но отсюда до аннектированія университетами всѣхъ высшихъ училищъ, въ которыхъ преподаются нѣкоторые университетскіе же предметы на равной высотѣ, еще очень далеко. Приверженцы мысли о сосредоточеніи разбросанныхъ по разнымъ городамъ отдѣльныхъ факультетовъ вовсе не требуютъ, чтобы существующіе въ Парижѣ отдѣльно французскій коллегіумъ, нормальная и политехническая и др. школы, были непременно соединены съ Сорбонною. Вѣдь если разсуждать такъ, какъ разсуждаютъ „Московскія Вѣдомости“, — что не только военно-медицинская академія, но и военно-учебныя заведенія „противопоставляють себя“ училищамъ министерства просвѣщенія, создаютъ порядки и воззрѣнія, „противопоставляющіяся“ порядкамъ и воззрѣніямъ министерства народнаго просвѣщенія, — то пришлось бы закрыть всякія школы въ государствѣ, кромѣ состоящихъ въ завѣданіи министерства народнаго просвѣщенія: всякая школа, стоящая внѣ его, если хотите, противопоставляется его училищамъ или, лучше сказать, можетъ быть противопоставляема имъ „Московскими Вѣдомостями“ и всякимъ, кто захочетъ разсуждать столь же добросовѣстно. Если молодой человѣкъ поступаетъ въ школу, изъ которой онъ выйдетъ инженеромъ или архитекторомъ, а не филологомъ, то такая школа, очевидно, можетъ быть противопоставляема филоло-

гическому факультету: не будь такой школы, молодой человек, может быть, и сдѣлался бы филологомъ. Въ самомъ составѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія реальныя школы, тѣмъ самымъ, что онѣ существуютъ, противопоставляютъ себя гимназіямъ; не будь реальныхъ школъ, ихъ ученики, по необходимости, шли бы въ гимназію. Но пусть апробаціею московской газеты пользуются въ равной мѣрѣ гимназіи и реальныя училища, филологическій и всѣ прочіе факультеты, если только они состоятъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Ясно однако, что молодой человекъ съ самымъ убѣдительнымъ „аттестатомъ зрѣлости“ не можетъ же прямо поступить въ академію генеральнаго штаба, уже потому, что онъ совершенно незнакомъ съ основаніями военной службы; что неграмотный кирасиръ не можетъ идти въ ту школу, въ которой министерство народнаго просвѣщенія учитъ азбуку пятилѣтнихъ дѣтей. Стало быть, не можетъ подлежать сомнѣнію, что какъ для одной категоріи военныхъ учениковъ, такъ для другой и третьей, то-есть именно для высшей, средней и низшей нужны особыя школы. А если эти особыя школы нужны, то нуженъ и военно-учебный комитетъ (столь неурядищся „Московскимъ Вѣдомостямъ“), вырабатывающій для военныхъ школъ и спеціальныя, и даже обще-образовательныя программы. Довольно поватно, что приведеннаго нами кирасира излишне было бы учить грамотѣ по программѣ, предписанной для малолѣтнихъ дѣтей, и по учебникамъ, для нихъ утвержденнымъ; спрашивать его, напримѣръ—для развитія его способностей—что находится внизу: полъ или потолокъ? или которая рука у него лѣвая, та, въ которой онъ держитъ палашъ, или та, въ которой онъ держитъ поводъ?

Жалобы „Московскихъ Вѣдомостей“ и ихъ спутниковъ на „колебаніе основъ учебнаго дѣла“ „противопоставленіемъ“ разныхъ учебныхъ типовъ въ сущности не что иное, какъ притворство. Но если бы принимать ихъ серьезно, то вѣдь онѣ сводились бы къ недовольству тѣмъ, что въ государствѣ существуютъ вообще различныя профессіи, требующія различной учебной подготовки. Нельзя требовать, чтобы всѣ молодые люди, которые должны получить среднее образованіе, оканчивали курсъ въ классическихъ гимназіяхъ. Такого требованія не предъявляютъ даже и фанатическіе приверженцы классицизма, по очевидной его неисполнимости. Но даже и типъ, представляемый низшими классами гимназій, типъ прогимназіи не можетъ быть обязательенъ для всѣхъ, потому что въ классической прогимназіи все-таки слишкомъ много времени употребляется на усвоеніе формъ древнихъ языковъ, а между тѣмъ знаніе однихъ этихъ формъ или обученіе древнимъ языкамъ въ размѣрѣ курса прогимна-

зій не можетъ принести никакой пользы тѣмъ, кто въ дальнѣйшемъ періодѣ ученія древними языками заниматься не будетъ. Размѣры курса прогимназіи таковы, что курсъ этотъ не представляетъ собой ничего законченнаго, и прогимназія сама по себѣ никакого учебнаго типа представлять не можетъ. Среднее образованіе получаетъ свой опредѣленный характеръ именно въ высшихъ классахъ и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, отъ 14 до 18 или 20 лѣтъ. Стало быть, есть ли какое-нибудь серьезное основаніе настаивать, чтобы низшая половина средняго курса проходила не иначе, какъ именно въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ, по однимъ и тѣмъ же программамъ и учебникамъ? Наоборотъ, слишкомъ ясно, что если ученикъ долженъ закончить свое среднее образованіе не въ гимназіи, то чѣмъ менѣе и въ первой половинѣ средняго курса у него будетъ отнято времени на изученіе формъ языковъ, которые для него останутся навсегда въ самомъ дѣлѣ мертвыми, тѣмъ больше у него останется времени для занятія тѣми предметами средняго курса, съ которыми онъ долженъ ознакомиться основательно. Поэтому, всякая прогимназія, военная или иная, будетъ для него полезнѣе классической прогимназіи. Правда, въ системѣ средняго образованія, принятой въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, существуютъ реальныя училища. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы курсъ реальныхъ училищъ былъ согласованъ единственно съ потребностями общаго образованія безъ древнихъ языковъ, то-есть, былъ бы свободенъ отъ всякой спеціализаціи, то училища эти могли бы служить и для военнаго и для всѣхъ техническихъ вѣдомствъ. Но такъ какъ наши реальныя училища имѣютъ курсъ спеціализированный, приспособленный къ нѣкоторымъ профессіямъ, какъ-то: коммерческой, химической или механической, то не ихъ приверженцы во всякомъ случаѣ имѣютъ право удивляться, что существуютъ еще реальныя училища, приспособленные къ другой спеціальной профессіи, именно — военной. Вѣдь если уже принято въ основаніе, что реальныя училища имѣютъ цѣлью не давать общее образованіе безъ древнихъ языковъ, но именно „подготовлять молодыхъ людей къ полезной практической дѣятельности“, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что должны существовать не только реальныя училища, приготовляющія купцовъ и механиковъ, но еще реальныя училища, приготовляющія офицеровъ. Затѣмъ, весь вопросъ сводится и здѣсь къ вопросу о „завѣдываніи“, который и лежитъ на днѣ всѣхъ учебныхъ вопросовъ, поднимаемыхъ „Московскими Вѣдомствами“. Все сводится къ тому, въ какомъ вѣдомствѣ должны находиться реальныя училища, подготовляющія къ спеціальностямъ. По нашему убѣжденію, такія училища должны бы находиться въ вѣдѣніи

тѣхъ же управленій, которыя завѣдуютъ высшими спеціальными школами. Такъ, реальныя училища съ курсомъ коммерческимъ могли бы находиться въ одномъ вѣдомствѣ съ спеціально-коммерческими училищами; реальныя училища съ механическимъ или химическимъ курсами—въ однихъ вѣдомствахъ съ технологическимъ институтомъ, институтомъ путей сообщенія и горнымъ институтомъ; реальныя училища, подготовляющія къ военной службѣ—въ одномъ вѣдомствѣ съ спеціально-военными училищами и военными академіями. Затѣмъ, въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія оставались бы только тѣ среднія училища, которыя не принаровлены ни къ какой практической цѣли, и имѣютъ въ виду только общее образованіе, а таковы у насъ въ настоящее время только классическія гимназіи. Такое подраздѣленіе представлялось бы наиболѣе естественнымъ, такъ какъ чѣмъ болѣе связи вообще между среднею и высшею школою—тѣмъ лучше для обѣихъ. Но въ отношеніи собственно къ военнымъ гимназіямъ не можетъ быть и сомнѣнія, въ чемъ вѣдомствѣ имъ состоять. Одно изъ двухъ—или онѣ должны находиться въ военномъ вѣдомствѣ, какъ находятся нынѣ, къ неудовольствію „Московскихъ Вѣдомостей“ и вообще приверженцевъ учебной аннексации, или министерство народнаго просвѣщенія, рядомъ съ своими реальными училищами, принаровленными къ нѣкоторымъ спеціальностямъ: коммерческой, механической и проч., должно бы отереть въ своемъ вѣдѣніи еще реальныя училища, принаровленные къ спеціальности военной, въ которой преподаватели министерства народнаго просвѣщенія обучали бы воспитанниковъ пѣшему строю, верховой ѣздѣ, сигналамъ и т. д.

Когда мы видимъ, что приверженцы мысли о спеціализаціи реального образованія, отвергающіе его обще-образовательное значеніе, допускающіе въ немъ только подготовку къ полезной практической дѣятельности, утверждающіе, что должны быть особыя реальныя училища для подготовленія къ занятію торговой частью, отвергаютъ необходимость отдѣльныхъ реальныхъ училищъ для подготовленія къ военной службѣ—то не вправѣ ли мы сказать, что они сознательно идутъ противъ собственнаго своего убѣжденія, если оно у нихъ есть, или что ими руководитъ въ данномъ случаѣ чистѣйшее притворство? Ихъ-то именно и занимаетъ въ сущности исключительно вопросъ о завѣдываніи. Сотрудники московской газеты не только по приемамъ, но и по цѣли—хотя не всегда по уму—похожи на іезуитовъ. Они согласны на многія уступки, не только въ обрядахъ, но, пожалуй, даже въ нѣкоторыхъ догматахъ, лишь бы завоевать возможно-обширнѣйшія области главному, существенному принципу—признанію папской власти и папской непогрѣшимости. Іезуиты допускали не только

богослуженіе на мѣстномъ языкѣ, различіе въ обрядахъ и облаченіи духовенства, но и причащеніе въ двухъ видахъ, лишь бы только была *унія*, то-есть лишь бы было „одно завѣдываніе“, единъ пастырь. Сотрудники московской газеты видятъ въ реальныхъ училищахъ, состоящихъ, по ея выраженію, въ завѣдываніи „настоящаго, дѣйствительнаго министерства народнаго просвѣщенія“—нѣчто въ родѣ уніи. Реалисты для нихъ то же, что уніаты для іезуитовъ; изъ убѣжденій, которыя открыто проповѣдуются тѣми и другими іезуитами, слѣдовало бы, что при столь существенныхъ различіяхъ, отдѣляющихъ уніатовъ или реалистовъ отъ католиковъ или классиковъ, первымъ трудно получить душевное спасеніе. Но по мысли, которой они держатся внутренно или которая, по крайней мѣрѣ, лежитъ въ основѣ ихъ политики—спасеніе нѣкотораго числа несчастныхъ душъ, которыя все равно бы погибли, вовсе не представляетъ такого интереса, какой представляетъ прочность основъ единоспасающей церкви и господство папы, достигаемое посредствомъ уніи.

Безцеремонная настойчивость многими принимается за силу убѣжденія. Вотъ почему полезно обличать настойчивое притворство, указывая тѣ случаи, въ которыхъ настойчивость идетъ именно наперекоръ провозглашаемымъ убѣжденіямъ. Такой случай и представляется, когда фанатическіе приверженцы реальныхъ училищъ коммерческихъ съ запальчивостью доказываютъ, что реальныхъ училищъ военныхъ быть не можетъ и не должно, когда защитники специализации реального обученія отвергаютъ специализацію его. Но мы должны еще замѣтить, что тѣ же сотрудники измѣняютъ своимъ убѣжденіямъ не только тѣмъ, что иногда сами противорѣчатъ имъ, но еще тѣмъ, что отказываются проводить свои убѣженія послѣдовательно, проводить ихъ произвольно, когда имъ то кажется желательнымъ, и не проводятъ ихъ въ иныхъ случаяхъ, имѣя въ виду особня цѣли, которымъ они готовы пожертвовать этими убѣженіями. Если, по убѣженію сотрудниковъ московской газеты въ учебномъ дѣлѣ необходимо полное объединеніе, если военно-медицинская академія самымъ фактомъ своего отдѣльнаго отъ университетовъ существованія является уже какъ орудіе борьбы противъ извѣстной учебной системы, то почему же этотъ органъ требуетъ сліянія съ университетомъ только медицинской академіи, съ гимназіями только военныхъ гимназій, а не говорить ни объ училищѣ правовѣдѣнія, ни объ александровскомъ лицей? Почему московская газета и не возбуждаетъ вопроса о присоединеніи высшихъ классовъ этихъ училищъ къ университетскимъ факультетамъ, а низшихъ—къ гимназіямъ? Если медицинская академія, въ которой курсъ ученія не легче и не короче университетскаго, а сообщаемыя студентамъ при окончаніи курса правъ не выше универ-

ситетскихъ, можетъ колебать основы университетовъ, то что же скажутъ „Московскія Вѣдомости“ о такихъ высшихъ заведеніяхъ, въ которыхъ курсъ короче и легче, чѣмъ въ университетахъ, а правдѣ, сообщаемыя этимъ курсомъ, выше, чѣмъ сообщаемыя университетомъ? Мы очень хорошо знаемъ, что должны были бы сказать на это „Московскія Вѣдомости“, еслибы они руководствовались убѣжденіями. Но мы видимъ также, что газета объ этомъ вопросѣ не говоритъ ничего и ничего не скажетъ, потому что ея руководить притворство. Сила искреннаго убѣжденія никогда не позволяетъ то заявлять его громкогласно по особымъ соображеніямъ, то намѣренно замалчивать его, въ виду другихъ цѣлей. Но объяснить приведенное противорѣчіе въ дѣйствіяхъ московскаго органа весьма легко. Допустимъ, что усиленіемъ требовательности на всѣхъ ступеняхъ, ведущихъ молодыхъ людей изъ массы народа къ университетскому образованію и университетскому диплому, число такихъ людей естественно бы сократилось. Уже одинъ этотъ результатъ былъ бы важенъ для единомышленниковъ г. Любимова, возстающихъ противъ искусственнаго поощренія бѣдныхъ къ высшему образованію. Но это еще не все. Если рядомъ съ этимъ новымъ результатомъ остался бы неизмѣннымъ прежній фактъ, что молодые люди изъ состоятельна „культурнаго слоя“, по выраженію г. Оадѣва, имѣли бы сокращенный и облегченный путь къ правамъ высшаго образованія, то результатъ вышелъ бы уже вполне желательный для сотрудниковъ г. Любимова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Вотъ почему для нихъ въ учебномъ вопросѣ, съ одной стороны, вопросъ о „завѣдываніи“ важнѣе самой учебной системы; а съ другой—даже и вопросъ о „завѣдываніи“ отступаетъ на задній планъ, становится ненужнымъ тамъ, гдѣ, для достиженія той же конечной цѣли, необходимо уже не полное объединеніе, но нѣкоторое разьединеніе высшаго образованія.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 іюля.

Финансовыя затрудненія и оппозиція. Выборы въ Баваріи.

Meine güldenenen Ducaten,
Sagt, wo seid Ihr hin gerathen?

НѢМЦЪ.

„Государственный указатель“, который ведетъ точный счетъ размѣрамъ еженедѣльнаго чевана звонкой монеты на германскихъ монетныхъ дворахъ, показываетъ по 3-е іюля общую сумму металлическихъ денегъ въ слѣдующихъ цифрахъ: 885.539,460 марокъ въ двойныхъ кронахъ (монета въ 20 марокъ), 263.733,840 марокъ въ кронахъ (монета въ 10 марокъ), и того 1.149,273,300 марокъ въ монетѣ золотой; затѣмъ — нѣсколько болѣе 109 милліоновъ марокъ въ монетѣ серебряной, 12 милліоновъ марокъ въ монетѣ изъ никкеля и 4½ милліона въ монетѣ мѣдной. Итогъ выходитъ весьма почтенный. А между тѣмъ, если вамъ придется въ настоящее время получать деньги въ Берлинѣ по какому-либо счету, то можете держать пари 10 противъ 1, что получите ихъ не въ видѣ красивыхъ кронъ, но въ образѣ новыхъ имперскихъ билетовъ казначейства, а можетъ быть и растрепанныхъ и грязныхъ кредитныхъ талеровъ. Въ особенности у банкира навѣрное не получишь ни одного червонца, потому что именно банкиръ знаетъ, какъ можно нажать на немъ.

Исчезновеніе золота, выпущеннаго въ обращеніе, было замѣчено уже давно. Еще въ январѣ говорилось о томъ и въ печати, и на сеймѣ (особенно при обсужденіи закона о банкахъ), но это неблагоприятное явленіе возрасло въ послѣдніе мѣсяцы до поразительныхъ размѣровъ. Вексельные курсы на Англію сдѣлались весьма невыгодны для Германіи, и волненіе, вызванное этими обстоятельствами въ обществѣ, еще усилилось, когда сдѣлался извѣстенъ торговый балансъ за 1872 и 1873 годы, балансъ, который оказывается замѣчательно неблагоприятнымъ для Германіи. Въ 1872 году ввозъ Германіи представлялъ цѣнность 3.468 милл. марокъ, и вывозъ въ 2.495 милл., то есть почти на 974 милл. менѣе ввоза. Въ 1873 году ввозъ составлялъ 4.257 милл., марокъ, а отпускъ 2.488 милл., такъ что мы ввезли товаровъ на 1.768 милл. болѣе, чѣмъ отпустили. Эти цифры на первый взглядъ пугаютъ и какъ бы предвѣщаютъ промышленно-

сти Германіи разореніе. Является вопросъ, не окажется ли нужнымъ для покрытія такихъ огромныхъ долговъ торговли отпустить вскорѣ и послѣднюю золотую монету изъ страны? Оппозиція, разумѣется, искусно воспользовалась этими невыгодными результатами для своихъ цѣлей, причемъ радикалы шли рука объ руку съ реакціонерами. Вѣдь государственное хозяйство въ теченіи 10 лѣтъ находилось въ рукахъ средней либеральной партіи, а когда финансовая политика приходитъ въ банкротству, то можно питать надежду, что и вся система не устоитъ.

Но даже въ самой средней партіи предъявлены были не совсѣмъ благоприятныя оцѣнки и разнообразныя предложенія, однимъ словомъ, воплѣ довольныхъ не оказалось никого. Несмотря на это, министры, и въ особенности Кампгаузенъ, стоятъ твердо на своемъ и надѣются, что полное осуществленіе монетнаго преобразованія возможно. Трудностей его они отъ себя не скрывали и ранѣе. Кампгаузенъ еще въ январѣ, отвѣчая въ сеймѣ на нападки, говорилъ, что торговый міръ самъ высказался прежде за введеніе золотой единицы цѣнности, а когда новая система была введена, первый испугался ея; министръ прибавлялъ, что онъ все-таки считаетъ сдѣланный шагъ вѣрнымъ, но что нужно спокойно выждать его послѣдствія. Онъ ссыдался притомъ на фактъ, что преобразование монетной системы было не его личнымъ дѣломъ, но дѣломъ большинства сейма, съ которымъ былъ согласенъ и онъ. И это воплѣ справедливо. Хотя внѣшняя политика направлялась княземъ Бисмаркомъ наперекоръ всѣмъ желаніямъ либеральной партіи, но политика внутренняя и особенно финансовая, банковое и монетное дѣло направлялись въ полномъ согласіи съ либеральной партіею. Поле было выбрано несовсѣмъ благоприятное для опыта надъ политическою способностью партіи, такъ какъ въ финансовыхъ дѣлахъ случаются удивительныя неожиданности и въ отношеніи къ нимъ воплѣ оправдалось изреченіе Гёте: „*glaub, Freund, ist alle Theorie*“. Кто могъ ожидать, что во Франціи, когда пораженіе слѣдовало за пораженіемъ и введенъ былъ принудительный курсъ, лажъ явился только незначительный? Кто могъ предвидѣть, что французы уплатятъ колоссальную контрибуцію безъ сколько-нибудь серьезнаго разстройства своихъ дѣлъ? Германскіе политико-экономы не убоялись такихъ неожиданностей, непремѣнно пожелали примѣнить свои теоріи къ практикѣ, и примѣнили; но разумѣется надо обождать, что покажетъ опытъ въ его совокупности. Если же онъ оказался бы неудачнымъ, то это было бы сильнымъ ударомъ не только для нихъ, но и для страны, принесшей большія жертвы установленію золотой единицы цѣнности; наследство перешло бы тогда въ руки реакціонеровъ, радикаловъ и полу-

соціалистовъ, которые произвели бы новые опыты страннаго свойства. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я хочу изложить краткій обзоръ хода законодательства о монетѣ, имѣвшаго конечной цѣлью переходъ къ золотой валютѣ.

Въ Германіи первымъ научнымъ теоретикомъ золотой валюты явился директоръ берлинскаго статистическаго бюро, Гоффманъ. Въ вышедшемъ въ 1838 г. сочиненіи его, „Ученіе о золотѣ“, собраны были тѣ аргументы въ пользу установленія золотой единицы цѣнности, которые наконецъ и одержали верхъ. Сущность его разсужденія заключалась въ слѣдующемъ: золото наиболѣе соотвѣтствуетъ всѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ общаго мѣрила цѣнностей; оно—самый цѣнный изъ металловъ, и потому легче можетъ быть доставляемо на большія разстоянія, такъ какъ издержка на провозъ его ничтожна въ сравненіи съ его цѣною; оно наиболѣе удобно для чекана монеты, и золотая монета легче другой можетъ быть изъята изъ обращенія для перечеки, какъ только разность въ вѣсѣ, причиненная продолжительнымъ обращеніемъ, становится чувствительною. Предложенія эти вездѣ были отклонены и золотая валюта согласно признавалась непримѣнимою къ финансовымъ обстоятельствамъ Германіи, а открытіе калифорнскихъ и австралійскихъ золотыхъ россыпей обратило мысль о возможности введенія въ Германіи золотой валюты въ парадоксъ, который считался не требующимъ и опроверженія. Германія почитала себя счастливою тѣмъ, что удержала единицу серебряную. Адольфъ Зотберъ, въ пятидесятныхъ годахъ, также безуспѣшно старался убѣдить, что открытіе россыпей по всей вѣроятности не будетъ имѣть послѣдствіемъ паденія цѣны золота, въ сравненіи съ серебромъ, такъ какъ золотая единица принята въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи, что на многіе годы будетъ препятствовать общему паденію цѣны золота. На практикѣ первый толчокъ неожиданно данъ былъ Австрію. Въ торговомъ и таможенномъ трактатѣ 19-го февраля 1853 г., заключенномъ германскимъ Таможеннымъ Союзомъ съ Австрію, было, между прочимъ, условлено, что обѣ стороны приступятъ къ переговорамъ о заключеніи еще монетной конвенціи. Въ собраніи уполномоченныхъ для этой цѣли, въ 1854 г. во Франкфуртѣ, Австрія потребовала принятія исключительно золотой единицы въ монетной системѣ, такъ какъ золотая валюта фактически установилась основаніемъ монетной системы въ трехъ первостепенныхъ торговыхъ странахъ. Предложеніе Австріи принято не было, но оно все-таки послужило первымъ практическимъ поводомъ къ дальнѣйшему обсужденію вопроса. Вопросомъ этимъ занималась затѣмъ торговая депутація въ Гамбургѣ, когда въ 1856 году оказался сильный запросъ на серебро въ Англію, но вопросъ и тогда

рѣшенъ не былъ, такъ какъ этому помѣшалъ торговый кризисъ 1857 года. Въ 1861 г. первый коммерческій съѣздъ въ Германіи устранилъ этотъ вопросъ изъ опасенія помѣшать достиженію главной цѣли—монетнаго единства Германіи (скажу мимоходомъ, что именно тогда была предложена счетною единицей марка). Собиравшійся въ томъ же году конгрессъ германскихъ экономистовъ заявилъ мысль о чеканѣ золотыхъ монетъ 20-ти-франковаго достоинства (т.е. по 77 штукъ на фунтъ золота 90-й пробы). Значительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ на такомъ же конгрессѣ, происходившемъ 26—29-го августа 1867 г., въ Гамбургѣ. Война съ Австріею была уже годъ тому назадъ и сѣверо-германскій союзъ существовалъ; для него было желательно единство монетной системы, и оно могло быть проведено въ связи съ рѣшеніемъ вопроса о введеніи золотой валюты. Матеріалы для обсуждения этого вопроса были уже на лицо: они были приготовлены парижскою монетною конференціею, которая происходила во время всемірной выставки. На конгрессѣ, происходившемъ въ Гамбургѣ, Зотбергъ въ качествѣ докладчика поставилъ альтернативу, что должно быть принято за счетную единицу въ Германіи: марка цѣною въ $\frac{1}{3}$ талера или франкъ.

По рѣшеніи этого вопроса, предстояло бы рѣшить другой: слѣдовало ли тотчасъ перейти къ установленію золотой валюты, и затѣмъ, какую золотую монету положить въ основаніе новой монетной системы. Если бы счетною единицей былъ принятъ франкъ, то въ основаніе системы, основанной на золотой валютѣ, естественно было принять золотую монету въ 10 франковъ, такъ какъ она служила бы къ примѣненію десятичнаго счета; 20-ти-франковая же монета могла служить главнымъ орудіемъ при производствѣ платежей. Но если бы за единицу счета была принята марка, то 10-франковая золотая монета уже не годилась бы какъ основаніе новой монетной системы, такъ какъ въ 10 франкахъ—8 марокъ, и десятичный счетъ, который всегда признавался важнѣйшимъ улучшеніемъ монетнаго дѣла, былъ бы непримѣнимъ. Пришлось бы обратиться уже къ англійскому соверену или полу-соверену, или чеканить золотыя монеты цѣнностью въ $12\frac{1}{2}$ и 25 франковъ (то-есть въ 10 и 20 марокъ).

Въ этихъ предложеніяхъ уже заключались основанія нынѣшней монетной системы, принятой въ Германіи. Оба мнѣнія сталкивались въ весьма жаркихъ преніяхъ. Зотбергъ самъ принадлежалъ къ наиболѣе умѣреннымъ приверженцамъ введенія золотой валюты; онъ настаивалъ болѣе всего на установленіи монетнаго единства и десятичнаго счета, предоставляя введеніе золотой валюты будущему времени. Другіе ораторы конгресса были гораздо нетерпѣливѣе; таковы

были въ особенности Михаэлисъ (который впоследствии получилъ мѣсто начальника отдѣленія въ союзной канцеляріи и считается душою германской финансовой политики) и Александръ Мейеръ, одинъ изъ талантливѣйшихъ приверженцевъ началъ свободной торговли. Послѣдній объявилъ, что введеніе золотой валюты есть неотразимая культурно-историческая необходимость. Въ пользу ея приводятъ обыкновенно то замѣчаемое явленіе, что серебро вывозится въ восточную Азію. Но это явленіе есть одинъ изъ древнѣйшихъ фактовъ исторіи: исторія началась съ него, началась съ обмѣна индусами ихъ продуктовъ на благородные металлы. Фактъ этотъ остается непреложнымъ доселѣ. Народы полу-цивилизованные предпочитали (напр. мексиканцы) и предпочитаютъ (жители восточной Азіи) серебро золоту, а народы культурные, начиная отъ грековъ, предпочитаютъ золото именно вслѣдствіе утонченнаго вкуса, такъ какъ золото поддается болѣе тонкой работѣ, чѣмъ серебро. Практичнѣе говорилъ Михаэлисъ: онъ доказывалъ, что цѣлью конгресса должно быть именно содѣйствіе установленію золотой валюты, такъ какъ серебро слишкомъ тяжело для нынѣшнихъ оборотовъ; пересылка большихъ суммъ въ серебрѣ слишкомъ затруднительна, а это искусственно вызываетъ усиленную потребность въ цѣнностяхъ бумажныхъ, что въ свою очередь ведетъ къ обманнымъ банковымъ предпріятіямъ. Нѣкоторые ораторы защищали принятіе счетной единицей франка, такъ какъ этой единицѣ, уже употребляемой сотнею милліоновъ людей, очевидно принадлежитъ будущность; только одинъ ораторъ предлагалъ принятіе англійской золотой монеты за основу монетной системы. Собраніе наконецъ постановило рѣшеніе въ пользу полнаго монетнаго единства Германіи и скорого перехода къ золотой валютѣ, согласно съ принципами, провозглашенными монетной конференціей.

Необходимо было упомянуть обо всемъ этомъ, дабы выяснить, что принятіе золотой единицы не явилось какъ результатъ каприза правительства или партіи. Во Франціи краснорѣчивымъ приверженцемъ двойной валюты, золотой и серебряной, постоянно являлся отличный экономистъ Воловскій. Въ сочиненіи, изданномъ въ 1868 году: „*Quelques notes sur les questions monétaires*“, онъ исходитъ изъ мысли, что нѣтъ непремѣннаго мѣрила цѣнности; матеріаль, принятый за общее мѣрило цѣнностей, самъ измѣняется въ своей цѣнности, подобно тѣмъ предметамъ, для измѣренія цѣнности которыхъ онъ служитъ. Драгоценные металлы приняты за мѣрило потому, что измѣненія ихъ цѣнности происходятъ въ сравнительно болѣе долгое время. Инструментъ для измѣренія цѣнностей будетъ устойчивѣе, если его сдѣлать изъ двухъ благородныхъ металловъ, подобно тому, какъ

мятникъ, составленный изъ двухъ металловъ, вѣрише, потому что посредствомъ компенсаціи оказывается менше подверженнымъ дѣйствію температуры. Поэтому должнику долженъ быть предоставленъ свободный выборъ, въ какомъ металлѣ онъ хочетъ произвести уплату, а такъ какъ главнымъ должникомъ всегда будетъ казна или государственный банкъ, то имъ должна быть предоставлена такая же свобода. Французскій банкъ всегда пользовался этимъ правомъ выбора и обязанъ ему большими успѣхами.

Но эти воззрѣнія Волловскаго не произвели особеннаго вліянія, и въ средѣ экономистовъ приверженцы исключительно золотой валюты постоянно умножались.

Наступила война, потомъ миръ съ громаднымъ военнымъ вознагражденіемъ; казалось, если когда-либо, то именно въ то время монетный вопросъ подлежалъ рѣшенію. Обновленная Германія, начиная съ 1866 г., выказала способность къ законодательству въ области экономической цѣлымъ рядомъ новыхъ положеній: уже сѣверо-германскій сеймъ постановилъ законы объ отмѣнѣ обязательности паспортовъ, о введеніи свободы перехода и поселенія, объ отмѣнѣ ограниченія размѣра долгового процента (по примѣру, данному сперва Пруссіею) и тѣмнѣнаго заключенія несостоятельныхъ должниковъ, выработалъ новый ремесленный уставъ, устранившій ограниченія ремесленной свободы. Теперь изъ сѣверо-германскаго сейма возникъ сеймъ германскій; всѣ лучшія силы Германіи соединились въ *одномъ* собраніи. Если Германія способна была воспользоваться парламентской формой въ широкихъ размѣрахъ, то, казалось, именно теперь такая способность должна была проявиться. Конгрессъ экономистовъ, происходившій въ августѣ 1871 года въ Любекѣ, взялъ на себя указать пути для этого въ вопросахъ финансовыхъ. Сужденія этого конгресса привели вопросъ о монетной реформѣ къ зрѣлости. Въ сужденіяхъ этихъ принимали участіе Принцъ-Смитъ, блестящій представитель нѣмецкой школы свободной торговли, и Зотберъ. Принцъ-Смитъ указывалъ, что *золото* принято за единственное орудіе производства значительныхъ платежей въ Великобританіи, Австраліи, Каплендѣ (англ. колонія на Мысѣ Доброй Надежды), Португаліи, Персіи, Соединенныхъ Штатахъ, Чили и Бразиліи, странахъ, имѣющихъ въ совокупности 93 милл. жителей. *Золото и серебро* вмѣстѣ, и притомъ въ отношеніи цѣнности равномъ $15\frac{1}{2} : 1$, то-есть такъ, что за 2 лота высокопробнаго золота дается 31 лоть высокопробнаго серебра, приняты какъ совмѣстныя орудія платежей во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Италіи, Греціи, Испаніи, Перу, Новой Гренадѣ, Эквадорѣ, Боливіи и Японіи, съ общимъ населеніемъ въ 130 милл. душъ, такъ что страны, въ которыхъ золото признано за-

кономъ за орудіе платежей, одно или совмѣстно съ серебромъ, представляютъ совокупность населенія въ 223 милл. душъ. Исключительно *серебро* служитъ орудіемъ платежей въ Германіи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи, центральной Америкѣ, Остѣ-Индіи и Китаѣ, къ которымъ слѣдуетъ еще причислить Австрію и Россію, такъ что населеніе странъ, въ которыхъ серебро служитъ исключительнымъ орудіемъ платежей, состоитъ изъ болѣе 800 милл. душъ. Эти цифры показались въ то время важными потому собственно, что возникало опасеніе, какъ-бы серебро не упало вдругъ значительно въ цѣнѣ, если Германія освободилась бы отъ своего серебра для перехода къ золоту. Но въ дѣйствительности пониженіе въ цѣнѣ серебра, хотя Германія совершала его продажу съ осторожной медленностью, весьма затруднило самое введеніе золотой валюты. Изъ приведеннаго видно, что главныя торговыя страны, съ которыми Германія ведетъ дѣла, употребляютъ золото орудіемъ платежей. Стало бытъ, Германіи представлялось удобнымъ принять то же платежное орудіе, для облегченія своихъ международныхъ платежей звонкой монетой. Такіе платежи, дѣйствительно, происходятъ, и держатся въ извѣстныхъ границахъ, исключая того случая, если въ данной странѣ металлическая наличность изгоняется изъ обращенія сильнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Ясно было, что необходимымъ условіемъ при переходѣ къ золотой валютѣ должно было служить ограниченіе бумажно-денежнаго обращенія, для того, чтобы очистить золотой монетѣ мѣсто на внутреннемъ рынкѣ. Если же, напротивъ (предварялъ Принцъ-Смитъ, и я повторяю его слова потому, что въ несоблюденіи указанной имъ предосторожности, повидимому, и заключалась главная ошибка), бумажно-денежное обращеніе не будетъ сокращено въ той же мѣрѣ, въ какой будетъ увеличена наличность звонкой монеты въ обращеніи, тогда случится, что золотыя монеты такъ же скоро исчезнутъ изъ обращенія, какъ были введены въ него. Замѣчательно, что Принцъ-Смитъ, въ заключеніи, все-таки пришелъ къ необходимости *двойной валюты*, несмотря на все, что говорилъ въ пользу золота; но большинство конгресса не хотѣло и слышать о томъ.

Послѣ этого конгресса вопросъ созрѣлъ, и когда стали поступать первые платежи изъ Франціи, правительство внесло въ сеймъ—5-го ноября 1871 года—проектъ закона о чеканѣ имперской золотой монеты, который послужилъ основаніемъ для всей монетной реформы. Законъ, по утвержденіи его, былъ обнародованъ уже 4-го декабря 1871 года. Имъ постановлялось, что будетъ чеканиться имперская золотая монета въ 10 марокъ, по 139½ таковыхъ монетъ изъ фунта высокопробнаго серебра; сверхъ этой—установилась еще золотая монета въ 20 марокъ. Канцлеру предоставлено было, въ соглашеніи

съ союзнымъ совѣтомъ, опредѣлять количество серебра, постепенно назначаемого на приобрѣтеніе золота и распредѣлять золото между различными монетными дворами. Всѣ платежи, которые доселѣ по закону должны были или могли производиться на серебро, могли, по новому закону, быть производимы золотомъ, съ такимъ расчетомъ, что монета въ 10 марокъ считается равноцѣнною $3\frac{1}{3}$ прусскимъ талерамъ или 5 гульденамъ 50 крейцерамъ южно-германской монеты.

Хотя этотъ законъ и не устанавливалъ прямо единственной валютой золото, однако ясно было, что онъ предполагалъ это конечной цѣлью. Законъ этотъ, какъ мы видѣли, рѣшилъ споръ о счетной единицѣ въ пользу особой единицы и противъ присоединенія къ франковой десятичной системѣ. Приверженцы послѣдней, прежде многочисленные, исчезли и Дельбрюкъ объяснилъ въ сеймѣ, что настоящее время было неудобно для международныхъ соглашеній, которыхъ потребовало бы приступленіе Германіи къ децимальной монетной системѣ; выжидать же для нихъ удобнаго времени, значило отсрочивать неопредѣленно преобразование національной монетной системы. Положимъ, что это и было такъ, но спрашивается, не представляло ли международное монетное единство интереса болѣе важнаго, чѣмъ преобразование національной монетной системы. Но въ пользу сохраненія отдѣльной счетной системы приводились еще другіе аргументы, какъ-то: германское правительство обязывалось извлекать изъ обращенія монету, утратившую вѣсъ отъ долгаго употребленія (а не обрѣзанную, конечно), стало быть, самая старая монета изъ всѣхъ странъ, имѣющихъ ту же систему, должна была приливать въ Германію; при единствѣ монетнаго счета, и бумажныя цѣнности, рассчитанныя на франки, могли явиться изъ сосѣднихъ странъ въ Германію въ большихъ количествахъ, наводнить ея рынокъ; переходъ отъ прежняго счета въ франковому былъ слишкомъ неудобенъ, такъ какъ разница цѣнности между 1 франкомъ и 8 зильбергрошами составляетъ всего $1\frac{1}{4}\%$, такъ что купоны по $4\frac{1}{2}\%$ процентнымъ займамъ пришлось бы платить не 6-ю марками, а 6.834375 марками.

Но хотя счетная единица была принята особая, систему счета законъ установилъ десятичную. Отношеніе цѣнности серебра и золота было установлено закономъ въ $1:15\frac{1}{2}$. Теперь больше всего возстаютъ именно противъ этого установленнаго отношенія; но замѣтимъ, что и въ 1871 г. министръ финансовъ не скрывалъ затруднительности вѣрно установить это отношеніе, а только высказалъ надежду, что при тогдашнихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ

можно было рассчитывать, что это отношеніе легко будетъ поддерживать. Мы увидимъ далѣе, осуществилась ли эта надежда.

Монетные дворы начали свою работу, стали появляться красивыя новыя деньги, и въ то время, сколько помнится, никто не жаловался. Уплата Франціею контрибуціи производилась исправно, въ Германіи правительство дѣлало огромные заказы для арміи и крѣпостей (такъ-называемое „возстановленіе“, das Retablissement), оживлявшіе промышленность—но, впрочемъ, къ чему напоминать о томъ времени? Это было время „основаній“ предпріятій, die Gründungszeit, когда всѣ жили въ странѣ съ молочными рѣчками, при кисельныхъ берегахъ, и думали, что такъ и всегда будетъ. При такихъ обстоятельствахъ, правительство сдѣлало новый шагъ въ монетномъ преобразованіи, а именно, внесло въ сеймъ, въ мартѣ 1873 года, монетный законъ, имѣвшій цѣлью новое опредѣленіе чекана тѣхъ монетъ марочной системы, которыя не могли быть представлены въ золотѣ, а также установленіе всей будущей монетной системы въ Германіи на началахъ золотой валюты и счета въ маркахъ. Пренія серебряныя монеты оставлялись въ обращеніи до того времени, когда представилось бы возможнымъ выпустить достаточное количество новой серебряной монеты. Въ мотивахъ къ этому закону объяснялось, что имъ создается переходное положеніе отъ прежней системы къ системѣ исключительно золотой валюты, и выражалась надежда, что серебряныя талеры могутъ быть извлекаемы изъ обращенія по мѣрѣ успѣховъ чекана золотой монеты, что обѣщало выгоду уже въ устраненіи слишкомъ большого давленія на цѣну серебра. Но расчетъ этотъ, какъ теперь оказалось, былъ ошибоченъ. Депутатъ Гонпельтъ замѣтилъ, между прочимъ, что золото должно, въ теченіи ближайшихъ десятилѣтій, постепенно подниматься въ цѣнѣ; при такомъ условіи та нація, которая предприметъ установить прочнымъ образомъ соотношеніе золота и серебра, подвергнется явной опасности; что золото, въ которомъ она будетъ нуждаться и которое она не можетъ замѣнить никакими суррогатами, будетъ уходить отъ нея и ей придется возобновлять его запасъ у себя, покупая его постепенно все дороже.

Такъ и случилось. Понятно, что такъ и должно было случиться, какъ только цѣна серебра въ дѣйствительности упала ниже опредѣленнаго закономъ отношенія ея къ цѣнѣ золота (1:15 $\frac{1}{2}$). Во время преній сейма объ этомъ законѣ затронуть былъ и другой вопросъ—о необходимости ограничить бумажно-денежное обращеніе (билетовъ казначейства и банковыхъ билетовъ) и извлечь часть его, именно наименьшія наименованія. Правительство давно уже обѣщало представить новый законъ о банкахъ. Покамѣстъ дѣйствовалъ временный

законъ, который запрещалъ банкамъ производить новыя выпуски билетовъ, до опредѣленія этого предмета новымъ специальнымъ союзнымъ постановленіемъ. Этотъ временной законъ былъ изданъ въ мартѣ 1870 года, срокомъ до іюля того же года, а потомъ дѣйствіе его было продолжено до конца іюня 1873 года. Но законъ этотъ оказывался недостаточнымъ, такъ какъ масса уже выпущенныхъ прежде бумажныхъ денегъ была слишкомъ велика, несоразмѣрна съ потребностями (совокупность банковыхъ билетовъ и государственныхъ бумажныхъ денегъ считали въ 400 милл. талеровъ).

Монетный законъ былъ принятъ сеймомъ. Между тѣмъ въ Австріи разразился огромный кризисъ, который, распространяясь какъ эпидемія, вскорѣ втянулъ въ себя Германію.

Въ 1873 г. и началѣ 1874 г. не произошло ничего новаго въ монетной политикѣ, но въ мартѣ 1874 г. предложенъ былъ сейму проектъ закона о выпускахъ имперскихъ билетовъ казначейства. Законъ этотъ былъ принятъ, хотя оказалась одна партія, которая и слышать не хотѣла о бумажныхъ деньгахъ. Затрудненія по преобразованію монетной системы въ то время уже стали обнаруживаться: золотыя монеты, только-что отчеканенныя, исчезали изъ обращенія. Неизвѣстно, имѣлъ ли министръ финансовъ Кампгаузенъ полную свободу дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ въ дѣлѣ бумажныхъ денегъ. Ихъ было выпущено много второстепенными государствами союза, и съ ними связаны многіе интересы; сама промышленность требуетъ „дешевыхъ денегъ“, забывая, что дешевыя деньги только соответствуютъ „дорогому товару“ и ничего сами по себѣ не означаютъ. Законъ объ имперскихъ билетахъ казначейства опредѣлялъ выпускъ такихъ билетовъ на 120 милл. марокъ, достоинствомъ въ 5, 20 и 50 марокъ, съ распредѣленіемъ этого количества между государствами союза, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ обязывались по возможности скоро извлечь изъ обращенія выпущенныя ими до того времени государственныя бумажныя деньги. Наконецъ, закономъ объ учрежденіи имперскаго банка, который былъ принятъ сеймомъ въ послѣдней сессіи, право банковъ выпускать кредитные билеты было крайне ограничено. Въ совокупности всѣхъ банковъ, могутъ быть выпущены сверхъ суммы, обезпеченной равнымъ металлическимъ фондомъ, только 380 милл. марокъ въ банковыхъ билетахъ; изъ этого количества 250 милл. приходится на имперскій банкъ и 130 милл. на остальные 32 банка, и всѣ эти билеты подлежатъ налогу въ размѣрѣ 5%.

Чтобы окончательно убѣдиться, осуществимо ли предпринятое монетное преобразованіе, можетъ ли въ Германіи удерживаться золото въ количествѣ, достаточномъ для производства платежей, приходится ожидать окончанія изыатія изъ обращенія старыхъ бумаж-

ныхъ денегъ, которому назначено срокомъ 1 января 1876 года. Правительство имѣетъ теперь хорошія надежды, такъ какъ вексельный курсъ на Лондонъ въ послѣднее время настолько понизился, что вывозить золото изъ Германіи не стоить; но ручаться за будущее нельзя.

Переходя къ обвиненіямъ, предъявленнымъ по поводу монетной реформы на правительство, замѣчу, что наиболѣе шума произвели статьи „Крестовой Газеты“, въ которыхъ были собраны всѣ невыгодныя послѣдствія и выведено заключеніе, что вся политика Германіи слѣдуетъ внушеніямъ евреевъ и особенно — извѣстнаго банкира — еврея Влейхрѣдера. Конечно, это вздоръ, но требуется не мало дерзости, чтобы обращать подобныя ругательства на людей заслуженныхъ какъ Бисмаркъ, Дельбрюкъ и ихъ товарищи. Главный упрекъ, который слышится нынѣ, состоитъ въ вопросѣ: зачѣмъ не была принята двойная валюта? Но выше уже объяснено, что Кампгаузенъ болѣе уступилъ требованіямъ экономистовъ, чѣмъ предпринялъ это дѣло самъ. За то справедливо, что вся реформа была проведена безсвязно и безъ общаго органическаго принципа. Хуже всего было, что во-время не было очищено мѣсто для золотой монеты посредствомъ извлеченія бумажныхъ денегъ или серебра изъ обращенія; къ бумажнымъ деньгамъ присоединялись во внутреннихъ платежахъ еще купоны всевозможныхъ обществъ и вся эта тяжесть давила рынокъ. Сверхъ того, вліяніе оказало и невыгодное состояніе торговаго баланса, и плачевное положеніе промышленности. Въ эпоху высшаго процвѣтанія школы свободной торговли, значеніе торговаго баланса отрицалось совершенно; между тѣмъ его нельзя не признавать въ извѣстномъ смыслѣ. Разумѣется, не одинъ вывозъ, но и ввозъ бываетъ полезенъ для развитія внутренней промышленности; только необходимо дѣлать различіе между ввозомъ предметовъ въ самомъ дѣлѣ полезныхъ и — предметовъ роскоши. Во всякомъ случаѣ ясно, что при перевѣсѣ ввоза звонкая монета будетъ стремиться изъ страны, и это явленіе весьма неблагоприятно именно въ такое время, когда совершается переходъ къ золотой валютѣ. Страна по природѣ столь бѣдная, какъ Германія, должна сильно работать, чтобы пользоваться благосостояніемъ; но производительность земледѣлія имѣетъ свои предѣлы, стало быть, ремесла, фабрикація и торговля должны создавать это богатство. Для процвѣтанія ихъ необходима прежде всего способность выдерживать конкуренцію съ другими странами, — эта-то способность именно и ослаблена въ высокой степени. Торговля и фабричное производство переносятъ теперь тяжкое испытаніе, какъ это замѣтилъ министръ финансовъ въ рѣчи 20 января нынѣшняго года. По его мнѣнію, кризисъ происходитъ отъ перемены цѣнъ, которыя еще не успѣли

установиться вновь въ правильное соотношеніе. Кризисъ, по его отзыву, будетъ продолжаться, пока мы не обратимся къ вѣрнымъ спасительнымъ мѣрамъ, которыхъ сущность онъ резюмировалъ словами: „производить дешевле“. А для того, чтобы производить дешевле, говорилъ онъ, мы должны стать *прилежныя, экономныя, хозяйственныя*. Промышленные кризисы неизбежны. Отчего, напр., упали недавно желѣзнодорожныя бумаги? Оттого, что всѣ порывались къ постройкамъ, забывая принципъ бережливости и настроили дорогъ столько, что сборъ на нихъ упалъ. Далѣе министръ высказалъ мнѣніе, что Германіи придется иначе регулировать размѣръ платы рабочимъ, предъявляя къ нимъ большія требованія, но не возвышая имъ платы, а наоборотъ, во многихъ случаяхъ понизивъ ее. Дѣйствительно, вездѣ, гдѣ вліяніе социальныхъ демократовъ сказывается, оно ведетъ къ требованію сокращенія рабочихъ часовъ и равенству вознагражденія дурнымъ и хорошимъ рабочимъ. Берлинъ наиболѣе пострадалъ отъ этихъ условий. Онъ былъ большимъ мануфактурнымъ городомъ, но теряетъ этотъ характеръ съ каждымъ годомъ болѣе. Мануфактуры шерстяныхъ издѣлій по большей части выселились въ небольшіе города, типографское дѣло (за исключеніемъ типографій, занятыхъ газетною и казенною работами) почти уничтожилось, машинное строительство—иногда гордость Берлина—чакнетъ. Вотъ почему надеждѣ честолюбивыхъ берлинцевъ, что ихъ городъ скоро будетъ имѣть миллионъ жителей, кажется, не такъ-то скоро суждено оправдаться и ростъ населенія теперь идетъ только весьма медленно.

Особое бѣдствіе постигло въ прошломъ году желѣзное дѣло. Въ теченіи 1873 года цѣны стояли очень высокія и потребленіе, вслѣдствіе того, сократилось. Между тѣмъ производители, полагая, что потребленіе опять поднимется, не хотѣли сперва продавать свои продукты ниже цѣны, въ которую они обходились имъ самимъ, и такимъ образомъ накопились такіе запасы издѣлій, что, наконецъ, пришлось сбывать ихъ по всякой цѣнѣ. Тогда цѣны упали такъ, что почти сравнялись съ цѣнами 1869 года. Результатомъ было, что заводы работали въ убытокъ, многіе закрылись, вообще стоимость ихъ быстро понизилась, и такимъ образомъ значеніе катастрофы еще увеличилось. Если нѣтъ желѣза и угля, то желѣзнымъ дорогамъ недостааетъ главнаго ихъ груза. Такъ-то отдѣльныя кольца смыкаются въ цѣпы! Какъ всегда бываетъ, люди впадаютъ изъ одной крайности въ другую. Во время прежней спекулятивной горячки, они думали, что повышеніе цѣнъ не будетъ имѣть конца, теперь говорятъ, что кризисъ еще только начался и что пропадетъ все. Министръ торговли Ахенбахъ на обѣдѣ, данномъ ему въ Кёнигсбергѣ, куда онъ ѣздилъ въ прошломъ мѣсяцѣ по случаю ремесленной выставки, сказалъ по

этому поводу между прочимъ слѣдующее: „надо сознаться, что въ послѣдніе годы сдѣлано было многое такое, что не представляло здороваго развитія; но нельзя также осуждать рѣшительно все, что было сдѣлано, потому только, что многое было неблагоразумно; трудно посреди господствующаго переполоха сохранить спокойный взглядъ на вещи; теперь уже не хотятъ болѣе вѣрить въ будущность никакого предпріятія, а все-таки Пруссія и Германія еще поправятся и въ области ремесленной и торговой“. Эти слова произвели повсемѣстно очень хорошее впечатлѣніе и, кажется, какъ будто въ самомъ дѣлѣ дѣла уже начинаютъ поправляться. Поправленіе во всякомъ случаѣ должно когда-нибудь явиться, такъ какъ германскій народъ не пересталъ еще работать; со времени „Krachs'a“ уже и сбережено вновь не мало, но деньги прячутся изъ недостатка довѣрія.

Впрочемъ, не одинъ Ахенбахъ въ послѣднее время вступилъ въ прямое общеніе съ народомъ; товарищи его, министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, д-ръ Фалькъ, и министръ сельскаго хозяйства, д-ръ Фриденталь, воспользовались перерывомъ сессіи для совершенія большихъ поѣздокъ: первый—въ рейнскую провинцію, второй—въ восточную и западную Пруссію. Какъ непосредственный представитель церковной политики, Фалькъ ненавистенъ ультрамонтанамъ, которые постоянно представляли положеніе дѣлъ такъ, какъ будто грозитъ неминуемый взрывъ. Правда, ультрамонтаны ненавидятъ и Бисмарка, но тотъ все-таки слишкомъ популяренъ въ странѣ. Такимъ образомъ Фалькъ рѣшился отправиться въ берлогу льва, и вдругъ поѣздка его оказалась настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ. Повсюду—въ Кельнѣ, Ахенѣ, Дюссельдорфѣ и т. д.—его встрѣчали съ восторгомъ, устраивали для него банкеты, факельцуги и т. д. Вездѣ онъ произносилъ сильныя ободрительныя рѣчи, которыя принимались съ сочувствіемъ. Конечно, все это еще не доказываетъ, что масса населенія рейнской провинціи стоитъ на сторонѣ правительства; еслибы произвестъ теперь новые выборы въ имперскій сеймъ, то результатъ ихъ, вѣроятно, былъ бы не менѣе благопріятенъ ультрамонтанству, чѣмъ результатъ послѣдне-бывшихъ. Но нѣчто этими демонстраціями все-таки доказывается, а именно, что мѣстные образованные классы сочувствуютъ правительству и не боятся возбудить противъ себя неудовольствіе массы, обнаруживая, съ другой стороны, что ультрамонтанамъ не удалось предупредить такихъ демонстрацій. Для революціоннаго движенія недостаетъ дѣйствительнаго стимула: искренняго голоса совѣсти. Всѣ видятъ, что католическое богослуженіе отправляется безпрепятственно. Надежды ультрамонтанскихъ вождей на восстановленіе легитимнаго престола во Франціи, на побѣду донъ-Кар-

доса—не сбылись, а свиданія государей Россіи, Германіи, Австріи и Швеціи служатъ ручательствами мира.

Вопросъ о борьбѣ между духовенствомъ и государствомъ сводится къ вопросу: кто долѣе выдержитъ,—но вѣдь ясно, что государство находится при этомъ въ болѣе благопріятномъ положеніи. Многие священники уже заявили готовность повиноваться церковнымъ законамъ. Сами епископы подчинились послѣднему изъ нихъ, именно, закону объ управленіи церковными имуществами, чтобы не быть совершенно отъ него устраненными.

Съ другой стороны, въ средѣ приверженцевъ правительства оживленно разсуждаютъ о пересмотрѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе жесткихъ постановленій, и если будутъ видны на замиреніе, то навѣрное будутъ взяты назадъ постановленія, наиболѣе вызывающія ненависть, и именно тѣ, которыя приводятъ къ частому заключенію въ тюрьму духовныхъ лицъ. Правительство показывало строгость не столько потому, чтобы она была безусловно необходима, сколько съ цѣлью доказать духовенству, что оно серьезно требуетъ послушанія.

Въ политикѣ не было за послѣднее время ничего примѣчательнаго, кромѣ выборовъ въ баварскую палату депутатовъ, при которыхъ ультрамонтаны напрягли всѣ свои силы. Съ 1869 года баварская палата раздѣлялась поровну на клерикаловъ и либераловъ; теперь старанія ультрамонтановъ имѣли цѣлью пріобрѣсть въ ней большинство компактное, по возможности — двухъ-третьей голосовъ, которое по баварской конституціи необходимо для важнѣйшихъ рѣшеній. Во всякомъ случаѣ, за пріобрѣтеніемъ большинства въ палатѣ ультрамонтанами послѣдовало бы образованіе ультрамонтанскаго кабинета, который, пользуясь предоставленными Баваріи отдѣльными правами въ союзѣ, старался бы распатать по возможности ея связь съ нимъ. Баварскіе ультрамонтаны все еще проповѣдуютъ, что главный врагъ Баваріи — Пруссія, а лучший другъ — Франція, и что вступленіе въ имперскій союзъ разоритъ Баварію и уничтожитъ ея самостоятельность. На этотъ разъ надежды ультрамонтановъ были тѣмъ крѣпче, что успѣху ихъ содѣйствовали слухи о войнѣ, бывшіе въ апрѣлѣ, и церковная борьба въ Пруссіи, которой придали значеніе борьбы съ цѣлью уничтоженія католицизма. Либералы (т.-е. въ Баваріи всѣ, кто не принадлежитъ къ клерикаламъ; другого различія въ партіяхъ здѣсь нѣтъ) находились въ уныніи, но въ послѣднюю минуту произошли два обстоятельства, которыя ободрили ихъ. Во-первыхъ, въ средѣ ультрамонтановъ произошелъ раздоръ: крайніе поссорились съ умѣренными, которые включали въ свои программы заявленіе о своей преданности имперіи; ихъ упрекали въ слабости и епископы въ своихъ посланіяхъ совѣтовали избирать только „патри-

отовѣ". Во-вторыхъ, заслуживающій особаго вниманія интересъ, обнаруженный французами къ баварскимъ выборамъ, далъ германскому послу въ Парижѣ, князю Гогенлоэ, поводъ напечатать письмо, обращенное имъ къ одному депутату-пріятелю, въ которомъ онъ указывалъ на опасность, могущую произойти для Германіи отъ побѣды ультрамонтановъ на выборахъ въ Баваріи. Французы хорошо понимаютъ, что для возобновленія ими войны съ Германіею необходимо одно изъ двухъ условій: или найти союзника внѣ Германіи, или воспользоваться внутреннимъ раздоромъ въ самой Германіи. Первое доселѣ не удалось, а отъ второго они никакъ не хотятъ отказаться, хотя для всѣхъ безпристрастныхъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что стремленіе къ національному единству въ Германіи, однажды осуществясь, слишкомъ прочно, чтобы можно было рассчитывать на его ослабленіе. Если бы случилось такъ, что имперія распалась бы, и осуществилась одна изъ наполеоновскихъ идей или возстановилось бы положеніе дѣлъ, бывшее между 1866 и 1870 годами, и Германія при этомъ утратила бы часть территоріи, то всѣ, даже тѣ, кто теперь говоритъ противъ единства, сѣмѣли бы одѣвнуть такую потерю и всѣ стремленія, всѣ желанія направились бы къ возвращенію утеряннаго. Письмо князя Гогенлоэ не было имъ подписано, но имя автора тотчасъ стало извѣстно. Впрочемъ, положеніе вопроса было столь ясно, что не требовалось даже и этой демонстраціи для уясненія его. Баварскіе либералы подняли голову, стали въ свою очередь работать съ энергіею. Выборы въ Баваріи производятся въ двухъ степеняхъ: сперва избираются избиратели, которые потомъ избираютъ депутатовъ. Но отношенія партій столь извѣстны, что вопросъ положительно рѣшается уже выборомъ избирателей. Судя, на основаніи послѣднихъ извѣстій, по числу выбранныхъ избирателей, депутаты раздѣляются на 77 либераловъ и 79 ультрамонтановъ ¹⁾, что первыми считается за побѣду, а послѣдними за поражение. Хотя побѣда эта для либераловъ имѣетъ только относительное значеніе и ультрамонтаны все-таки будутъ располагать слабымъ большинствомъ, но оно вовсе не такъ твердо, чтобы нѣсколько голосовъ не могли не отпасть отъ него, какъ то было и въ палатѣ 1869 года. Ультрамонтаны уже теперь грозятъ такимъ измѣнникамъ, стало быть—боятся, что таковые окажутся. Во всякомъ случаѣ положеніе страны, которой населеніе дѣлится на равныя или почти равныя по численности партіи (на послѣднихъ выборахъ въ имперскій сеймъ, при которыхъ вліяніе массъ бываетъ сильнѣе, такъ какъ выборы эти — прямыя, въ Баваріи было избрано 32 ультрамонтана и только 16 либераловъ), несовсѣмъ

¹⁾ Такъ и случилось. *Ред:*

благоприятно. Надо замѣтить, что преимущество въ образованности и достатѣ положительно на сторонѣ партіи либеральной. Она и одержала побѣду въ большихъ городахъ, какъ въ Мюнхенѣ, гдѣ доселѣ имѣли верхъ ультрамонтаны, и въ Вюрцбургѣ, на который послѣдніе также разсчитывали. Въ Пфальцѣ выборы были рѣшительно въ пользу либераловъ, и усилили эту партію въ палатѣ 10-ю чел. Въ альгауской области либералы также одержали верхъ, на этотъ разъ послѣ сильной борьбы. Но гдѣ духовенство сохранило прежнее вліяніе, тамъ не прошелъ ни одинъ либераль. Эти рѣзкіе контрасты весьма неутѣшительны. Партіи стоятъ непримиримо одна противъ другой, съ той разницей, что либералы въ случаѣ побѣды сохранили бы клерикаламъ законную свободу, но тѣ, въ случаѣ своей побѣды, не пощадили бы либераловъ.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся и здѣсь съ главнымъ вопросомъ, передъ которымъ даже война Германіи съ Франціею представлялась незначительнымъ дѣломъ. Свѣтъ не перемѣнится отъ того, что Эльзась перешелъ изъ однихъ рукъ въ другія, но перемѣнился бы, если бы Римъ побѣдилъ государство, если бы Риму поворилась Пруссія, а за нею и другія протестантскія государства. Правда, этому трудно вѣрить; деревья не врастаютъ корнями въ небо, и еслибы Римъ побѣдилъ протестантство, то въ самыхъ католическихъ земляхъ онъ все-таки встрѣтилъ бы непобѣдимую оппозицію. Такъ думаютъ французскіе либералы, предоставляя новыми законами о свободѣ высшаго обученія обученіе это въ руки іезуитовъ. Сходно съ такимъ взглядомъ и мнѣніе тѣхъ протестантовъ, которые изъ ложнопонятаго консерватизма вступаютъ въ союзъ съ Римомъ, полагаясь на крѣпость протестантства въ Сѣверной Германіи. Но римская церковь думаетъ не такъ. Она никогда не скрывала своихъ притязаній и нынѣ еще полна надежды на осуществленіе ихъ. Надъ этимъ можно смѣяться, но въ политическомъ словарѣ не должно бы быть слова „невозможность“. Вѣриже—не успокаивать себя „невозможностью“, но дѣлать все, чтобы отвратить „возможность“.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

12/24 іюля, 1875.

РАБОЧИЙ КЛАССЪ И АНГЛІЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Безъ сомнѣнія, нигде на континентѣ не догадывается о *соціализмѣ* Дизраэли. Что же касается меня, то я былъ увѣренъ, что рано или поздно дѣятельность его кабинета доставитъ мнѣ поводъ заговорить объ этомъ предметѣ. Также мало оцѣнена вообще заслуга, оказанная французомъ Луи Рейбо государственнымъ людямъ всѣхъ странъ, въ тотъ день, когда онъ обогатилъ словарь этимъ неологизмомъ. Какъ оказывается, изобрѣтеніе этого слова дѣйствительно принадлежитъ ему. Реформаторы, которыхъ онъ желалъ заклеить этимъ прозвищемъ, наоборотъ, стали вичиться даннымъ имъ названіемъ, какъ въ былое время извѣстные *ducs* принца Оранскаго. До сихъ поръ, въ Англіи существуетъ общество подъ послѣднимъ именемъ, въ числѣ членовъ котораго фигурируютъ самыя аристократическія имена; цѣль его состоитъ въ поощреніи соціальныхъ наукъ.

Въ данное время политика, эта краеугольная наука государствъ и общества, распалась на двѣ половины, или, вѣрнѣе, изъ нея выдѣлили незначительную часть, которая подъ наименованіемъ социализма, трактующаго въ дѣйствительности исключительно объ экономическихъ вопросахъ, старается захватить первенствующую роль. Реформаторы, на которыхъ я только-что намекнулъ, преувеличили еще эту тенденцію, а государственные люди воспользовались этимъ, чтобы упростить свои задачи. Такъ на примѣръ, въ Лондонѣ, въ то время, какъ Гладстонъ преимущественно работаетъ надъ разрѣшеніемъ политическихъ вопросовъ, Дизраэли специально занимается „соціальными“. Въ томъ же смыслѣ, Наполеонъ III былъ также социалистъ въ своемъ родѣ: въ его царствованіе послѣдовали отміны и измѣненія статей уголовного кодекса, направленныхъ противъ стачекъ рабочихъ. А что происходитъ нынѣ въ средѣ англійскаго парламента? Въ одну изъ самыхъ тихихъ и миролюбивыхъ сессій, посвященныхъ разработкѣ крохотныхъ законодательныхъ вопросовъ, чисто-мѣстнаго и узкаго характера, въ числѣ этихъ законовъ (всѣ они еще находятся въ видѣ проектовъ или биллей), изъ семи, четыре принадлежатъ къ разряду того, что принято называть „соціальными“ вопросами. Именно: билль о конспираціяхъ („Conspiracy bill“), билль о наймѣ земли („Agricultural holding bill“), законы объ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ и

объ обществахъ взаимной помощи. „Всѣ они, — говоритъ „Daily-Telegraph“, — касаются самой сущности животрепещущаго вопроса и, быть можетъ, предназначены открыть собою эру примиренія между трудомъ и капиталомъ“.

Теперь въ модѣ выставлять новымъ и исключительно современнымъ явленіемъ фактъ борьбы между рабочимъ и капиталистомъ, говоря другими словами, между бѣднымъ и богатымъ. А между тѣмъ всякій, кто потрудится прочесть со вниманіемъ одинъ изъ трактатовъ о древней политикѣ, удостовѣрится, что большинство революцій въ греческихъ республикахъ происходило вслѣдствіе постоянныхъ непримиримыхъ столкновеній бѣдныхъ съ богатыми, взаимно оспаривавшихъ другъ у друга власть. Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, Аристотель сказалъ: „неравенство — источникъ всѣхъ революцій“. Главное правило всякой политики, какъ въ наше время, такъ равно и во времена Перикла и Клеона, должно состоять въ стремленіи сгладить по возможности это неравенство и уничтожить антагонизмъ сословій, столь вредный для существованія и благоденствія государствъ. Но, отдѣлять эти вопросы подъ именемъ социализма отъ общей политики, чистая фантазія: политика — наука, одна и нераздѣльная, и всѣ отрасли ея должны развиваться совмѣстно.

Съ этой точки зрѣнія послѣ политическихъ реформъ, совершенныхъ кабинетомъ Гладстона, было бы совершенно логично привѣтствовать социальныя реформы министерства Дизраэли, еслибы онѣ были, я не скажу искренни, но дѣйствительны и серьезны. Вообще у насъ, въ Англіи, господствуютъ самыя смутныя понятія о настоящемъ положеніи нашего рабочаго класса. Съ одной стороны, еще пробавляются разсказами о маленькихъ дѣвочкахъ, съ голыми ногами, которыхъ заставляютъ возить въ рудникахъ, на четверенькахъ, тяжелыя телѣги, нагруженныя углемъ. Другіе, вполнѣ полагаясь на девизъ „свободная Англія“, вѣрять въ совершенную независимость и равенство всѣхъ передъ закономъ. Истина находится между этими двумя крайностями.

Дѣло въ томъ, что Англія богата, даже очень богата. Въ теченіи послѣдней четверти текущаго столѣтія цифра вывоза возросла съ 50.000,000 фунт. стерл. до 250.000,000. Ввозъ повысился въ соответственной пропорціи. Съ перваго взгляда кажется, что такое громадное приращеніе богатствъ должно было, въ извѣстной степени, распредѣлиться между всѣми классами общины. Но ничуть не бывало; для рабочаго класса повышенія заработной платы отъ этого не послѣдовало. Въ Биркенгедѣ, въ „Canada Engineering Works“, работники раздѣлены на тринадцать категорій: токарей, кузнецовъ и т. д. Изъ этихъ тринадцати группъ, шесть получали въ 1869 году меньшую

плату, чѣмъ въ 1856 году; три—ту же самую, и только четыре добились легкой прибавки ¹⁾. Это печальное явленіе объяснялось различно; я считаю его печальнымъ, потому что въ дѣйствительности оно составляетъ ничто иное, какъ значительное пониженіе, въ виду общаго повышенія цѣнъ на всѣ продукты, въ такомъ размѣрѣ, что сумма, достаточная двадцать лѣтъ тому назадъ на покупку предмета, теперь составляетъ лишь три четверти его стоимости. Между многими другими причинами приводили и ту, что англійское золото перешло массами на иностранные рынки; фактъ справедливъ, но не объясняетъ однакоже разбираемаго явленія.

Одинъ замѣчательный экономистъ, членъ парламента, профессоръ Фаусеттъ, даетъ болѣе удовлетворительныя объясненія. Увеличеніе массы труда первоначально и временно увеличило благосостояніе и тѣмъ самымъ способствовало къ увеличенію числа браковъ въ рабочемъ классѣ, отсюда сильное приращеніе народонаселенія и избытокъ рабочихъ рукъ. Прибавьте къ этому возвышеніе цѣнъ на продукты, происшедшее отъ увеличенія числа потребителей, затѣмъ усовершенствованіе машинъ, упразднившее большое количество рукъ—и вы получите объясненіе, столь страннаго на первый взглядъ факта, что громадное увеличеніе богатства въ государствѣ существуетъ рядомъ съ застоємъ рабочей платы и постоянною нищетою большинства населенія.

Существованіе крайней нищеты, и поразительность ея размѣровъ составляютъ факты несомнѣнные, въ особенности для Лондона. Вопросъ въ томъ, насколько виноваты въ этомъ положеніи дѣла сами бѣдствующіе?—Работникамъ постоянно проповѣдуется нравственность и экономія; это совершенно правильно. Въ болѣе части промышленныхъ городовъ, которыхъ такое множество въ Великобританіи, есть работницы, получающіе до пяти фунтовъ стерл. въ недѣлю и болѣе, и которые тратятъ все до послѣдняго фартинга. Ихъ заработокъ возвращается государству цѣликомъ посредствомъ налога на потребленіе спиртныхъ напитковъ. Но рядомъ съ этимъ, сколько другихъ гораздо болѣе многочисленныхъ случаевъ совершенно иного свойства. Возьмемъ, для примѣра, хотя условія несчастныхъ работниковъ на докахъ, зарабатывающихъ восемнадцать шиллинговъ въ недѣлю (около шести рублей), на которые имъ приходится прокармливать семью, состоящую обыкновенно изъ пяти-шести человѣкъ дѣтей. Въ этомъ случаѣ экономія будетъ состоять уже въ томъ, чтобы уберечься какъ можно искуснѣе отъ голодной смерти. Но наступи только злополуч-

¹⁾ Цифры эти заимствованы изъ очень дѣльнаго сочиненія м-ра Брассей: *Work and Wages*. London, 1873.

ный восточный вѣтеръ, закрывающій кораблямъ входъ въ Ламаншъ, доки опустѣютъ, и вотъ несчастная семья забастовавшаго по неволѣ работника—на мостовой.

Между тѣмъ, недѣльный заработокъ въ восемнадцать шиллинговъ все еще порядочная сумма; бываетъ хуже. Если мы заглянемъ въ жалкій кварталъ, лежащій на краю восточной части города и называющійся Уайтчепель, и войдемъ въ одинъ изъ безчисленныхъ домиковъ, расположенныхъ длинными линиями, тянущимися въ убиственномъ однообразіи, мы найдемъ непременно въ нижнемъ этажѣ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: мужъ безъ работы, жена, около которой вертится съ полдюжины крикливыхъ ребятъ, сидитъ за шитьемъ дѣтскихъ шапокъ для мальчиковъ. Она сбываетъ ихъ торговцу по $4\frac{1}{2}$ пенса за штуку (около 11 коп.). Работая безостановочно, она можетъ изготовлять по шести шапокъ въ день, а такъ какъ барышъ ея заключается въ двухъ пенсахъ со штуки, то она зарабатываетъ шиллингъ въ день, итого шесть шиллинговъ въ недѣлю. Но и это еще не худшее. Здѣсь намъ приходится вникнуть глубже въ подробности невѣроятныхъ ремеслъ и непонятныхъ по скудости своей существовавшей, звать о которыхъ однакоже надлежитъ какъ законодателю, такъ и филантропу. Лондонъ, какъ и всѣ прочіе большіе города, и болѣе остальныхъ, обильно населенъ кошками и собаками. Существуютъ бѣдняки, которые промышляютъ собирая выброшенные куски негоднаго мяса и продавая его по домамъ на продовольствіе и услажденіе этихъ четвероногихъ. И что же? есть женщины, которыя находятъ средство добывать скудный заработокъ издѣліемъ вилочекъ, на которыя насаживаютъ эти обрѣзки мяса. Тысяча вилочекъ оплачивается восемью пенсами (20 копеекъ), при этомъ матеріалъ долженъ быть отъ работницы ¹⁾.

Спутавшись на такую ступень нищеты, гдѣ искать нить причины, породившей ее?—Въ сущности ихъ три, и связаны онѣ между собою гораздо тѣснѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ: *нравственное*, порождающее *плытство*, ведущее въ свою очередь къ *чрезмѣрному размноженію народонаселенію*. Меня всегда поражало, что религіозные моралисты съ одной стороны и французскіе социалисты—съ другой, въ томъ числѣ и Прудонъ, такъ неистово возстаютъ противъ „moral restraint“ (воздержанія) и разумнаго ограниченія числа дѣтей въ семьѣ. „Moral restraint“ хотя и не составляетъ, быть можетъ, церковной добродѣтели, навѣрное входитъ въ число похвальныхъ чело-

¹⁾ „Contrasts“—сочиненіе, вышедшее безъ имени автора, посвященное лондонскимъ „rate payers“, London, 1873 г.

вѣческихъ качествъ и въ древности законодатели считали долгомъ опредѣлить, по возможности, границы размноженія. Мальтусъ только напомнилъ объ этой основной истинѣ, которую, въ несчастіе, приправилъ заключеніями сомнительной справедливости. Въ этомъ ничего нѣтъ противнаго истинной нравственности, что ни говорилъ Прудонъ, призывавшій на помощь библію. Скорѣе же безнравственно заваливать приходъ и государство дѣтми болѣе или менѣе здоровыми, безтолково распложаемыми, и чаще всего, по крайней мѣрѣ въ бѣдныхъ классахъ Англіи, зачатыми въ состояніи опьянѣнія отъ джина и виски. На это нѣтъ конечно статистическихъ данныхъ; но по всей вѣроятности. пьянство играетъ роль не менѣе важную, чѣмъ простая непредусмотрительность, въ непоимѣрной плодovitости одной изъ частей англійскаго населенія. Можно сослаться на всѣхъ видѣвшихъ Лондонъ: каково количество пьяныхъ, встрѣчающихся на улицахъ по вечерамъ въ субботніе дни, и таковая же пропорція, поражающая еще болѣе неприятно, пьяныхъ женщинъ—но понедѣльникамъ, потому что послѣднія избираютъ день луны (monday) или Феба для приношенія жертвенныхъ возліаній своихъ Бахусу. Причина этому самая простая и не заключаетъ въ себѣ ровно ничего міеологическаго. Мужъ, отправляясь на работу въ понедѣльникъ оставляетъ женѣ деньги, нужныя на содержаніе хозяйства въ теченіи недѣли. Она начинаетъ съ того, что пропиваетъ часть ихъ, иногда же спускаетъ всю сумму, безъ остатка. Ей дѣла нѣтъ до восхлипанія бѣднаго Кассіо: „Каждая лишняя чарка проклята и чортъ сидитъ въ ней ¹⁾“. Глядя на жадность, съ которою эти несчастныя, съ блѣдными дряблыми лицами, съ повисшими щеками, и мутными глазами, глотаютъ порцію джина или виски, можно было бы скорѣе всего предположить, что стаканы ихъ наполнены струями живой воды и онѣ ищутъ на днѣ ихъ восстановленія своей красоты и молодости. Но для многихъ это только влага Леты.

Мнѣ очень хорошо извѣстно, что климатъ—сѣверъ, холодъ и сырость—являются извиненіемъ, если не утѣшеніемъ во всемъ этомъ, но, повторяю, главное тутъ—невѣжество. Въ результатъ получается пьянство, непропорціональный приростъ населенія, нищета и такъ далѣе,—весь заколдованный кругъ или, скорѣе, гибельный водоворотъ, въ которомъ вертится человѣкъ и спускается ниже и ниже до послѣдней ступени паденія. Надо пожить здѣсь, чтобы оцѣнить по достоинству огромное знаніе великой школы англійскихъ эконоомистовъ, именуемой школою утилитаризма, которая служить дѣйствительнымъ проводни-

¹⁾ Отелло. Актъ II, сц. 5.

комъ науки и истинной нравственности. Все, что я говорю о пьянствѣ и его губельныхъ послѣдствіяхъ, ни мало не противорѣчитъ мнѣнію, высказанному профессоромъ Фаусеттомъ, относительно вліянія благосостоянія на приращеніе населенія. Благосостояніе умножаетъ браки, а пьянство расплождаетъ дѣтей какъ въ средѣ браковъ, такъ и внѣ ихъ.

Противъ этихъ бѣдствій, рабочее населеніе имѣетъ два различныхъ средства: одно получается имъ извнѣ отъ общины; оно заключается въ важномъ отдѣлѣ англійскаго законодательства, извѣстномъ подъ именемъ законы о бѣдныхъ; другое лежитъ въ ней самой и выработано ея собственной инициативой: это — стачки.

Система закона о бѣдныхъ въ настоящемъ ея видѣ, за исключеніемъ немногихъ перемѣнъ, ведетъ начало съ царствованія Елизаветы. До временъ Ричарда II, пауперизмъ и нищенство преслѣдовались какъ преступленія и наказывались наравнѣ съ воровствомъ, хотя пользовались меньшимъ почетомъ и уваженіемъ; ибо грабительство на большой дорогѣ, совершенное съ ловкостью и удачею, входило въ разрядъ чуть-ли не рыцарскихъ подвиговъ. Это можно видѣть напримѣръ, у Шекспира въ сценѣ изъ „Генриха IV“, когда принцъ Генрихъ обсуждаетъ съ „толстымъ рыцаремъ“ сэромъ Джономъ Фальстафомъ планъ нападенія на купцовъ. Различные подвиги такого сорта повторялись еще при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI. Наконецъ, въ 1601, въ 43-й годъ царствованія Елизаветы, былъ изданъ первый законъ, положившій прочное основаніе существующей системы. Каждый приходъ обязывался содержать своихъ бѣдныхъ; для этой цѣли былъ установленъ налогъ съ жителей каждаго дома. На нѣсколькихъ обывателей, избранныхъ самими прихожанами изъ своей среды, возлагалась обязанность наблюдать, совмѣстно съ церковными старостами или попечителями, за правильнымъ распределеніемъ собранныхъ суммъ. Законъ этотъ, какъ легко вообразить себѣ, принимался медленно и встрѣтилъ большія затрудненія со стороны плательщиковъ налога, сопротивленіе которыхъ, обезсилѣвъ отъ времени, тѣмъ не менѣе еще не вполне улеглось и теперь, и отголосокъ его продолжаетъ существовать въ формѣ ромота и постоянного неудовольствія.

Въ 1691 году, законъ „Уильяма и Маріи“ потребовалъ матрикулированія бѣдныхъ: внесеніе въ реестры прихода сдѣлалось необходимымъ условіемъ для полученія пособія. Это повело къ любопытной борьбѣ между различными приходами: каждый изъ нихъ, отклоняя отъ себя лицъ, не родившихся на его территоріи и не внесенныхъ раньше въ его книги, старался въ то же время

свалить косвенными путями съ своихъ плечъ и своихъ бѣдныхъ. Но самая важная мѣра была введена въ 1723 году, при Георгѣ I. До той поры бѣдные получали пособія на дому, имъ выдавалось такъ называемое здѣсь „out door relief“. Новое постановленіе запретило эти выдачи и издало приказъ, чтобы отнынѣ всѣ бѣдные содержались и призрѣвались въ специальныхъ зданіяхъ, отведенныхъ для этой цѣли: отсюда возникли извѣстные „Workhouses“, т.-е. рабочіе дома призрѣнія, имя которыхъ пробуждаетъ, иногда несправедливо, столько печальныхъ и мрачныхъ мыслей. Позднѣе, въ концѣ XVIII столѣтія было снова разрѣшено выдавать небольшія пособія на сторону, въ видѣ добавленія къ недостаточной заработной платѣ.

Какъ бы то ни было, система водворилась. Въ 1801 году, налогъ для бѣдныхъ доставилъ четыре милліона фунтовъ стерл. Въ 1820 онъ достигъ громадной цифры семи милліоновъ. Были приходы, гдѣ всѣ землепашцы были поголовно занесены въ реестръ бѣдныхъ; доходъ отъ пособія превышалъ то, что они могли зарабатывать, и еще увеличивался въ случаѣ женитбы на бѣдной и особенно въ случаѣ рожденія дѣтей. Подобное положеніе не могло продолжаться. „Этимъ путемъ—воскликнулъ наконецъ одинъ изъ членовъ парламента,—нищета совершенно проглотить собственность“. Первая коммиссія, созванная по этому вопросу въ 1817 году, не привела ни къ какому результату. Въ 1832 учреждена была вторая коммиссія, и труды участвовавшихъ въ ней членовъ привели къ закону 1834 года, дѣйствующему донинѣ. Пособія снова, по возможности, сосредоточены на рабочихъ домахъ и центральная власть, *Public Board* (замѣнившая коммиссію въ 1848 году), контролируетъ администрацію. Расходы на бѣдныхъ уменьшены были на половину ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе они все еще и до сихъ поръ весьма значительны; *poor-rates* составляетъ самый тягостный налогъ для плательщиковъ податей Соединеннаго Королевства. Распредѣленіе его особенно безобразно въ Лондонѣ. Столица эта, какъ извѣстно, состоитъ изъ нѣсколькихъ приходовъ, ведущихъ свои дѣла отдѣльно. Изъ этого происходитъ слѣдующее. Въ то время, какъ въ богатыхъ кварталахъ, напримѣръ въ окрестностяхъ Гайдъ-Парка, платится налога для бѣдныхъ восемь фунтовъ въ годъ, съ дома, наемная сумма котораго опредѣлена въ семьдесятъ фунтовъ, въ приходѣ Св. Панкратія, идущаго отъ Гемстида къ центру города и обнимающаго самые бѣдные кварталы, взимается налогъ въ тринадцать фунтовъ съ дома равной стоимости.

¹⁾ Бѣдные приходы соединяются между собою для содержанія своихъ рабочихъ домовъ.

Но несмотря на все, скажемъ смѣло наше мнѣніе, что, несмотря на всѣ злоупотребленія и недостатки, несмотря на скандальное поведеніе администраціи нѣкоторыхъ рабочихъ домовъ, пока будутъ существовать нищія и пауперизмъ не изсякнетъ, существующіе законы слѣдуетъ признавать хорошими въ принципѣ и сносными въ примѣненіи. Въ научной политикѣ давно уже признается за аксіому правило, что община обязана обезпечивать существованіе всѣмъ своимъ членамъ. Это отнюдь не открытіе современнаго социализма. „Государство не должно допускать никого нуждаться въ необходимомъ“, говоритъ Аристотель. Англія, съ помощью своего закона о бѣдныхъ, удовлетворяетъ кое-какъ этому требованію. Сомнѣваюсь, чтобы гдѣ бы то ни было въ другихъ странахъ существовало такое определенное, такое грубое, отважусь я сказать, примѣненіе великаго принципа государственной власти; впрочемъ, мнѣ уже не впервые приходится указывать на ея проявленія въ такъ называемой классической странѣ индивидуализма. Замѣтимъ, что рабочіе дома, какъ и множество другихъ британскихъ общественныхъ учрежденій, значительно улучшились въ послѣднее время, подѣ вліаніемъ общественнаго мнѣнія. Если необходимость разлучать членовъ семьи и представляется весьма жестокою мѣрою, въ случаѣ крайней нищеты или болѣзни, все же она предпочтительнѣе безпомощной и безотрадной смерти.

Другое средство противъ нищеты англійскіе рабочіе находятъ въ устройствѣ стачекъ. Объ этомъ предметѣ уже столько говорено и онъ такъ часто и подробно былъ изслѣдованъ въ вашемъ журналѣ, что останавливаться на немъ совершенно излишне. Я удовольствуюсь напоминаніемъ нѣсколькихъ фактовъ. Только въ 1825 году были уничтожены „Combination Laws“, т. е. законы противъ стачекъ и ассоціацій. До этого рабочіе классы находились въ невыносимомъ положеніи, которое, начиная съ этого времени, стало постепенно улучшаться. Союзы ремесленниковъ (Trades'Unions) съ той поры начали умножаться. Шеффилдскія событія, на одинъ моментъ, бросили тѣнь на эти ассоціаціи. Но общественное мнѣніе, сбитое съ толку несомнѣнно исключительными обстоятельствами, мало по малу вернулось въ правильной оцѣнѣ дѣйствительности. Занялись изслѣдованіемъ дѣла и это привело къ признанію справедливыхъ требованій работниковъ, и уже въ 1871 г. посредствомъ „Trades'Unions Act“ дано ассоціаціямъ право легальнаго существованія. Но въ то же время, имѣли несчастную мысль издать другой законъ „Criminal Law amendment Act“, въ силу котораго въ случаѣ оскорбленій, дракъ и т. п. между рабочими, примѣнялись уголовные законы. Ничего неудачнѣе этого не могло быть, потому что это значило отни-

мать одной рукой то, что давали другой, и продолжать поддерживать кастовое неравенство передъ закономъ, которое съ такимъ удивленіемъ встрѣчаешь въ Англии. Слѣдуетъ указать на стремленіе союзовъ соединяться между собою. Такъ соединенное общество механиковъ, инженеровъ и проч. насчитываетъ до двѣнадцати тысячъ членовъ и имѣетъ въ своей кассѣ двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ прошедшемъ году, двое изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей и вождей союзовъ, А. Макдональдъ и Бёртъ, были избраны въ члены парламента, какъ я уже имѣлъ случай сообщить.

Главною задачею ихъ было добиться отмены законовъ, направленныхъ противъ рабочаго класса, каковы „Criminal Law amendment Act“, „Masters and Servants“ и „Conspiracy laws“. Дизраэли отнесся съ полною готовностью къ проведенію социальныхъ реформъ, составляющихъ спеціальность его администраціи; была назначена коммиссія, въ составъ которой вошли члены всѣхъ отѣнковъ, между прочемъ и м-ръ Макдональдъ. Назначеніе коммиссіи было встрѣчено, нельзя скрыть этого, съ содраганіемъ со стороны заинтересованныхъ, знающихъ отлично неторопливость, отличающую обыкновенно этотъ способъ веденія дѣлъ. Однако Дизраэли заставилъ внести недавно въ палату два закона, имѣющіе цѣлью установить отношенія между хозяевами и рабочими на болѣе справедливыхъ основаніяхъ: „два закона,—говоритъ „Saturday Review“,—которые докажутъ свое безпристрастіе тѣмъ, что не удовлетворятъ равно ни хозяевъ, ни рабочихъ“. Дѣйствительно „Employers and Workmen bill“ (билль о нанимателяхъ и рабочихъ), „Conspiracy“ и „Protection of Property bill“ (билль о заговорахъ и о покровительствѣ собственности), хотя и смягчаютъ наказанія, но продолжаютъ сохранять въ прежнемъ видѣ неравенство. Работники, служители и проч. по прежнему подлежатъ тюремному заключенію въ случаѣ нарушенія контракта, отъ чего изъяты хозяева. Только сокращенъ срокъ ихъ заключенія на двѣнадцать дней. Съ другой стороны, по статьямъ законовъ, касающимъ стачекъ и огражденія правъ собственности, рабочіе опять-таки присуждаются къ трехмѣсячному заключенію, если нарушеніе контракта происходитъ на общественныхъ работахъ, къ которымъ причислены снабженіе водою и газомъ. По поводу всего этого „Examiner“, радикальный органъ, говоритъ: „разсматривая эти два новые закона, мы не можемъ удержаться отъ заявленія, что, по нашему мнѣнію, они оба заключаютъ порядочную дозу лицемерія“.

Несчастье состоитъ въ томъ, что „соціализмъ“ м-ра Дизраэли, приобрѣтая ему мало друзей въ рабочемъ классѣ, порождаетъ ему много враговъ среди деревенской джентри, которая чувствуетъ мало довѣ-

рля къ такому сомнительному тори. Вдобавокъ премьеръ внезапно вътомленіе: его парламентскій походъ, въ нынѣшнемъ году, былъ очень неблестящій. Въ этомъ у него есть извиненіе: уже съ годъ,—я это знаю изъ вѣрнаго источника,—его здоровье сильно хромаетъ. Отъ прежняго блестящаго Конингсби остается уже весьма мало, уцѣлѣла развѣ иронія, принявшая нынѣ болѣзненный характеръ и которая, какъ кажется, слишкомъ часто и слишкомъ ядовито направляется имъ на своихъ сотоварищей. Къ счастью, онъ имѣетъ даръ залечивать нанесенныя имъ раны добродушіемъ и любезностями. Тѣмъ не менѣе уже поговариваютъ о преемникѣ, по крайней мѣрѣ партія начинаетъ намѣчать для будущаго—сэра Стаффорда Норткота. А впрочемъ, быть можетъ, еще на нѣкоторое время все пойдетъ по старому.

Избавляю васъ отъ разбора другихъ социальныхъ реформъ, касающихся *найма* земли; реформы эти еще менѣе интересны, чѣмъ предыдущія по своей ничтожности. Я бы не сталъ также говорить и о биллѣ касательно торговыхъ судовъ, еслибы не произошло по поводу его важнаго столкновения въ тотъ самый моментъ, когда я пишу. Палата общинъ была вчера (10/22 іюля) свидѣтельницей скандала, который останется надолго пятномъ на лѣтописяхъ британской респектабельности. Послѣ эпизода Кинили—событіе Плимсолля, ужасное послѣ смѣшного, — этого ужъ чересчуръ много для одной сессіи!

М-ръ Плимсолль—членъ парламента отъ Дерби и нѣсколько лѣтъ сряду уже посвятилъ преслѣдованію задачи чисто филантропическаго характера. Онъ предпринялъ защитити отъ смерти множество несчастныхъ матросовъ, погибающихъ ежегодно жертвами безпечности и черствой скуности судохозяевъ—торговаго флота. Публикѣ вообще мало извѣстно, что большинство кораблекрушеній происходитъ отъ дурнаго состоянія судовъ; но это хорошо извѣстно самимъ хозяевамъ. Еще недавно указывали на фактъ, что одно судно было такъ старо и негодно, что продавалось хозяевами на дрова и въ домъ, но нашолся покупатель, который взялъ его цѣликомъ, поправилъ на скорую руку, подкрасилъ, подчистилъ, далъ ему новое имя и спустилъ въ море съ экипажемъ, обреченнымъ на добычу волнамъ и рыбамъ, что и совершилось при третьемъ плаваніи. Противъ этихъ-то и подобныхъ злоупотребленій, Плимсолль и рѣшился вести борьбу. Записки, памфлеты, рѣчи, время и деньги,—онъ не щадилъ ничего; его имя между моряками прославилось точно имя ангела-хранителя. Но публику онъ утомилъ несмотря на эту популярность; во Франціи его уже подняли бы давно на смѣхъ, и даже, быть можетъ, какому-нибудь вліятельному судохозяину удалось бы

засадить его, какъ маніака, въ домъ умалишенныхъ. Въ Англіи есть по крайней мѣрѣ, за неизмѣнимъ лучшаго, хорошая привычка не смѣяться надъ искренними людьми, работающими надъ серьезными задачами.

Дѣло въ томъ, что такъ или иначе великодушныя усилія члена отъ Дерби были близки къ увѣнчанію. Билль о торговомъ мореплаваніи стоялъ на очереди, когда Дизраэли объявилъ, что, по неотложности другихъ дѣлъ, этотъ вопросъ откладывается до слѣдующей сессіи. Послѣ этого-то и разыгралась „необыкновенная сцена“, какъ выразились газеты. Плимсолль всталъ въ состояніи сильнаго возбужденія и произнесъ свое обвиненіе противъ правительства и „судохозяевъ съ кровожадными стремленіями (shipowners of murderous tendencies), находящихся внѣ стѣнъ палаты и въ средѣ ея“. Посыпались протесты, крики, призывы къ порядку. „Безъ обвиняемыхъ, называйте!“ кричали ему со всѣхъ сторонъ. „Вы хотите именъ,—отвѣтилъ ораторъ, и обращаясь, по англійскому обыновенію къ спикеру,—хорошо, милостивый государь! Объявляю, что въ будущій вторникъ я внесу слѣдующій запросъ въ торговый совѣтъ и попрошу его прислать въ палату отвѣтъ о нижеслѣдующихъ корабляхъ: Thetis, Melbourne, Norah Grey, погибшихъ въ 1874 году, съ 87 человекѣми, о Foundling, покинутыхъ въ нынѣшнемъ году,—я спрошу у Sydney Dacre торговаго совѣта, не составляютъ ли всѣ эти корабли собственность Эдварда Бэтса, члена отъ Плимута... Я принялъ рѣшеніе сорвать маску съ мерзавцевъ (villains), посылающихъ столькихъ людей на вѣрную смерть и гибель!“ На приглашеніе взять свои слова назадъ, Плимсолль отвѣтилъ отказомъ. Дизраэли всталъ тогда и потребовалъ, чтобы оратору былъ сдѣланъ выговоръ. Вслѣдъ за этимъ Плимсолль оставилъ палату, крича и показавъ кулакъ большинству, оппозиціи и спикеру. Ему данъ восьмидневный срокъ для явки и представленія объясненій своего поступка.

Сцена вышла рѣзкая, „shoking“—до крайности. Сквайры готовились видѣть паденіе стѣнъ Вестминстера и имъ казалось, что волосы на почтенномъ парикѣ президента поднимаются дыбомъ отъ ужаса. Но Плимсолль все-таки правъ, и всѣ журналы почти безъ исключенія становятся на его сторону, хотя и винятъ его въ нарушеніи приличій. Отсрочка закона непременно повлечетъ за собой смерть нѣсколькихъ людей, въ теченіи будущей зимы, потому что ихъ отправятъ въ море на гнилыхъ судахъ. „Это суцая правда,—говоритъ Pall-mall Gazette,—и въ виду такого результата, трудно придумать, что скажетъ правительство въ свое оправданіе“. „Хотя мы и сожалѣемъ, что произошла такая бурная сцена,—говоритъ „Times“,—

но это несколько не уменьшаетъ нашихъ симпатій къ человѣку, допустившему себя до нея". Словомъ, это плохая исторія для кабинета и заслуженная пощечина для нѣкоторыхъ людей, смотрящихъ уже черезчуръ легко на жизнь своихъ подчиненныхъ.

Внѣшняя политика болѣе благоприятствовала правительству. По крайней мѣрѣ оно сочло возможнымъ похвалиться внѣшательствомъ державъ въ франко-нѣмецкое столкновеніе. По словамъ нѣкоторыхъ восторженныхъ органовъ журналистики, Англія возвратила себѣ прежнее вліяніе на европейскія дѣла и „непреклонное поведение“ лорда Дерби чуть ли не заслонило собой все и не заставило забыть весьма существенныя дѣйствія Россіи. Но Россія, однако же, занимала, болѣе чѣмъ когда-нибудь, англійскую прессу въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ. „Saturday Review“, избравшій себѣ, кажется, роль стража Средней Азіи, печаталъ статью за статью, подъ заголовками „Россія и Европа“, „Россія и Англія“ и т. д.; каждую субботу неминуемо являлись тутъ длинныя статьи объ этомъ предметѣ. Выписываю лишь нѣсколько строкъ, которыя служатъ подтвержденіемъ моего мнѣнія о возможности будущаго англо-германскаго союза ¹⁾. Упомянувъ о дружескихъ связяхъ, соединяющихъ Германію съ Россією, торійскій журналъ прибавляетъ: „но Германія слишкомъ близко граничитъ къ Россіи, она слишкомъ могущественна и опасна для того, чтобы на успѣхи ея смотрѣли съ полнымъ удовольствіемъ. Русская цивилизація въ сильной степени—нѣмецкаго происхожденія, и русскіе, по обще-человѣческимъ свойствамъ, необходимо должны ненавидѣть тѣхъ, кто былъ имъ полезенъ, и отплатить обычною за то монетою. Германія заняла теперь то мѣсто, которымъ въ былое время стремилась завладѣть Франція, для того, чтобы подорвать московское честолюбіе. Дунай защищается нынѣ въ качествѣ нѣмецкой рѣки, по примѣру того, какъ нѣкогда Франція покровительствовала Константинополю, считая его ключомъ такъ-называемаго французскаго озера“ (№ 22, май). Какъ видите, это не безъ желчи! Въ № отъ 26 іюня въ томъ же изданіи обращено вниманіе на статью „Кельнской Газеты“, выразившей самыя теплыя чувства по поводу союза Германіи съ Англією и также коснувшейся неназваемою тѣмъ центральной Азіи! „Дѣйствительно,—равсуждаетъ въ свою очередь англійская газета,—Россія не перестаетъ подвигаться къ Индіи и всѣ ея стремленія направлены къ тому, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ будущія желѣзныя дороги въ Азіи. Проекты желѣзной дороги, избирающіе Пешауеръ или Гератъ конечной точкой линій, воз-

¹⁾ См. выше „Корреспонденція изъ Лондона“, февраль.

никаютъ, конечно, не изъ торговыхъ цѣлей. Правительство и народъ Англіи не имѣютъ ни права, ни власти препятствовать успѣхамъ Россіи въ Средней Азіи, а потому было бы приличнѣе и умнѣе прикрываться равнодушіемъ, чѣмъ обнаруживать гнѣвъ и зависть, которыми суждено оставаться бесплодными“.

„Эдинбургское Обзорѣніе“ въ послѣдней книжкѣ (іюль) воспользовалось этимъ совѣтомъ, чтобы написать панегирикъ Россіи и ея поступательному движенію въ Среднюю Азію. Оно доказываетъ, что въ этомъ случаѣ Россія просто повинуетса, какъ и англичане въ Индіи, „непобѣдимой силѣ обстоятельствъ“. „Times“, до нѣкоторой степени, одобряетъ эту статью, но съ помощью различныхъ литературныхъ ухищреній кончаетъ тѣмъ, что придаетъ совершенно иной оборотъ вопросу. „Неизбѣжны ли или нѣтъ успѣхи Россіи, — говоритъ онъ, — по дѣлу въ томъ, что они очевидны. Она занимаетъ всѣ главные рынки своими товарами и стремится вытѣснить наши, посредствомъ пошлинъ, которыми она ихъ облагаетъ... Вдобавокъ политика Россіи и Англіи въ Европѣ идетъ по различнымъ путямъ, выражаясь умѣренно. Хотя обѣ державы въ настоящее время состоятъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, но онѣ способны разойтись въ мнѣніяхъ относительно Турціи, а такъ какъ онѣ уже ссорились по поводу этой затруднительной націи, то существуетъ возможность новой ссоры. Мы надѣемся, что этого не будетъ. Но дипломатія и стратегія занимаются существующимъ и охраненіемъ его, а не желаніями. Мы должны приготовиться къ моменту, когда Россія переступитъ границы Афганистана, при помощи обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній, которыя дадутъ ей средство передвигать войска въ нѣсколько недѣль, или же въ тому моменту, когда намъ, быть можетъ, придется помѣряться съ ней силами въ Европѣ, а она будетъ имѣть способъ поднять противъ насъ нашихъ подданныхъ на Востокѣ, которые ненавидятъ наше иго, — не высылая даже ни одного изъ полковъ своихъ къ сѣверо-западной границѣ“ („Times“, 21-го іюля). Я нарочно сдѣлалъ всю эту выписку изъ газеты, служащей органомъ англійскаго общественнаго мнѣнія, чтобы показать, до какой степени она вышла изъ безцвѣтнаго и валаго тона, которымъ доселѣ говорила объ этомъ предметѣ. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ моихъ недавнихъ словъ, а именно, что безцвѣтность эта была лишь временная и перейдетъ въ болѣе энергическую рѣчь при первомъ поводѣ. На всякій случай, въ предвидѣніе будущихъ усложненій, здѣсь разсудили, что не дурно было бы привлечь къ себѣ по возможности „восточныхъ подданныхъ“ и посѣщеніе индійскихъ владѣній принцемъ Уэльскимъ, проектируемое съ нѣкотораго вре-

мени, теперь окончательно рѣшено, голосовано и оплачено. Говоря, что оно „оплачено“, я нѣсколько преувеличиваю, такъ какъ 142,000 фунтовъ, ассигнованные парламентомъ, конечно, не покроютъ всѣхъ издержекъ. Въ сущности, никто не доволенъ, ни радикалы и работники, находящіе, что дали слишкомъ много, — ни противоположная сторона, находящая, что дано мало. На самомъ дѣлѣ, въ подобныхъ случаяхъ, нужно давать все или ничего. Конечно, лучше было бы послѣднее, съ точки зрѣнія бюджета. Но смотря на это путешествіе какъ на политическую необходимость, слѣдовало устроить его на широкую ногу. Не надо забывать, что дѣло идетъ о посѣщеніи страны великаго Могола и Голкондскаго золота, гдѣ сто-пятьдесятъ вѣнценосныхъ данниковъ собираются истратить въ честь гостя хорошую долю милліоновъ, получаемыхъ ими съ индійскихъ подданныхъ Великобританіи. Какую роль будетъ играть принцъ предъ обществомъ Пенджаба, которое открываетъ въ настоящее время подписку на 20,000 ф. для устройства ему встрѣчи и шлетъ адреса въ духѣ и стилѣ „Тысячи и Одной Ночи“, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго образчика: „Адресъ пенджабскаго общества: чистѣйшей, величайшей изъ жемчужинъ короны верховной власти, королевской жемчужинѣ, достойной всякаго счастья и благополучія, — его королевскому высочеству, *видимому наслѣднику*, властителю міра и міровъ, князю вселенной!.. Да сниспошлетъ Господь долги лѣта и счастье принцу королевства. Для насъ король—тѣнь Бога на землѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ея августѣйшее королевское величество, королева королевства, есть тѣнь Бога на землѣ, а ваше королевское высочество—отблескъ ея тѣни. Ея августѣйшее величество—облако, орошающее всѣхъ милостями, а ваше королевское высочество—распредѣлитель щедротъ“ и т. д. Какая роскошь и щедрость могутъ стать въ уровень съ подобными похвалами и оправдать ихъ. Очевидно, что принцу, по возвращеніи, придется просить дополненія къ полученному кредиту, — это болѣе чѣмъ вѣроятно.

Путешествіе чуть не разстроилось въ виду войны, которая, казалось, неминуемо должна была завязаться съ бирманскимъ королемъ. Нѣкто Маргари былъ недавно убитъ китайцами въ китайскихъ владѣніяхъ, прилегающихъ къ Бирмѣ, и некинское правительство отозвалось невозможностью дѣйствовать своею властью. Тогда вице-король Индіи рѣшился послать войска для отысканія и наказанія виновныхъ. Приходилось переходить черезъ бирманское королевство, но король положительно отказывался пропустить англійскія войска черезъ свою территорию. Делепи оповѣщали о неизбежности войны, но послѣдняя телеграмма лорда Нортбрука сообщила о возможности соглашенія.

Вѣроятно это не болѣе какъ отсрочка, такъ какъ индійскія власти, кажется, твердо держатся намѣренія присоединить территорію бѣлаго слона. Извѣстно, что послѣдняя война съ Бирмой привела уже къ присоединенію королевства Пегу.

Лондонскій „сезонъ“ кончается посреди проливныхъ дождей, которые еще ускоряютъ разѣздъ лондонцевъ, спѣшащихъ укрыться подъ болѣе благорастворенныя небеса. Великобританія не избѣжала также бѣдствія наводненій и жители ея, подписавшись на значительныя суммы въ пользу пострадавшихъ на югѣ Франціи, должны были перенести свои заботы на домашнія невзгоды, которыя, въ счастію, не могутъ сравниться съ ужасными бѣдствіями, разразившимися надъ Тулузою.

Сезонъ 1875 года тѣмъ не менѣе былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ. Никогда еще артистическій вкусъ, составляющій отличительный признакъ и прелесть цивилизованныхъ націй, не проявлялся съ такою яркостью. Въ нынѣшнемъ году лондонское общество оказало значительные успѣхи по части пониманія изящнаго. На первомъ планѣ приходится отмѣтить успѣхъ, выпавшій на долю Рихарда Вагнера и оперы его „Лоэнгринъ“. Въ лѣтній сезонъ два театра даютъ здѣсь оперныя представленія: „Королевская опера“, помѣщающаяся въ обширной залѣ Ковентъ-Гардена, гдѣ подъ ученымъ и искуснымъ управленіемъ г. Джая намъ досталось наслажденіе слушать Фора и Патти; потомъ „Her majesty opera“, временно занимающій зданіе Дрюри-Лэна, гдѣ звѣздами являются г-жи Нильсонъ и Титіенсъ. Въ нынѣшнемъ году, въ первый разъ оба театра поставили „Лоэнгринъ“. Ковентъ-Гарденъ опередилъ приготовленія своего соперника и передъ залой, переполненной восторженными зрителями, развернулась поэтическая картина мелодической любви Эльзы брабантской и рыцаря Лебеда (г-жа Альбани и теноръ Николини).

Мы пережили свою войну Глюкенистовъ и Пиччинистовъ; теперь она окончена и наступилъ миръ или, вѣрнѣе, какъ въ минувшее время Глюкъ, такъ теперь Вагнеръ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы. Честь этой побѣды должна быть приписана, главнымъ образомъ, г. Джая. Ему принадлежитъ инициатива этого дѣла въ Англіи; тщательность и роскошь постановки „Лоэнгринъ“ свидѣтельствуютъ объ его вкусѣ и щедрости.

„Лоэнгринъ“ на Дрюри-Лэнской сценѣ имѣлъ также большой успѣхъ. Тамъ была не малая приманка: г-жа Нильсонъ въ роли Эльзы. Всѣ условія были за нее, ея вѣшность, я скажу даже, ея національность. Дочь Скандинавіи, она какъ разъ была на своемъ мѣстѣ въ этой легендѣ сѣвера. Къ несчастью, во многихъ мѣстахъ партитура написана

слишкомъ низко для ея высокаго сопрано. Что же касается до тенора Компанини, то онъ принадлежитъ къ категоріи невыносимыхъ нѣвцовъ, поющихъ безъ голоса. Наконецъ, хотя для Ортруды и не обязательно являть особенную стройность и ээирность, но г-жа Титенсъ пользуется чрезчуръ роскошной полнотой, чтобы фигурировать прилично въ этой воздушной и призрачной поэмѣ, гдѣ лебеди и голуби вьзять безъ малѣйшаго усилія рыцарей въ полномъ вооруженіи.

Въ этомъ театрѣ всѣ лавры принадлежать по преимуществу оркестру и хорамъ, исполненіе которыхъ достигло почти полнаго совершенства. Въ результатъ всего этого, Вагнеръ и его музыка прочно водворены на англійскую территорію, къ великому удовольствію серьезныхъ любителей искусства.

Не малое торжество было доставлено послѣднимъ также поворотомъ пристрастія публики къ Шекспиру и „Гамлету“, въ роли котораго Ирвингъ такъ отличался въ театрѣ „Lyceum“. Я уже говорилъ объ этомъ ранѣе. Успѣхъ „Гамлета“ повлекъ за собой другой успѣхъ. Итальянскій трагикъ, несомнѣннаго таланта, Сальвини, игралъ Отелло въ теченіи всего сезона, въ большиимъ успѣхомъ. Весь Лондонъ смотрѣлъ его или стремился его видѣть и не напрасно. Онъ пробовалъ также играть Гамлета, но съ гораздо менѣе удовлетворительнымъ результатомъ. Оно и понятно: Гамлетъ, настоящая шекспировская драма, вся изъ психическихъ тонкостей и написанная широкой манерой Эсхила. Не думаю, чтобы итальянецъ или французъ совладали вполнѣ съ этой ролью, развѣ, быть можетъ, Фредерикъ Леметръ. Но традиціи великой его школы утрачены, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Драма „Отелло“, напротивъ, гораздо ближе подходитъ къ французской и итальянской трагедіи Расина и Альфьери, составляющей усовершенствованное подражаніе римской трагедіи Сенеки, а вовсе не греческому театру, какъ ошибочно думаютъ. Кромѣ того, съ помощью нѣкоторыхъ пропусковъ, шекспировскій Отелло сглаженъ и еще болѣе приближенъ къ типу такъ-называемой классической драмы. Въ этой роли у Сальвини есть превосходные моменты, но есть масса другихъ, въ которыхъ онъ слишкомъ плаксивъ. Ужасающій реализмъ движенія, съ которымъ онъ перерѣзываетъ себѣ горло, заставилъ нѣсколькихъ женщинъ лишиться чувствъ, что, разумѣется, привлекло множество другихъ. Эта сцена у него положительно прекрасна и поразительна, но вовсе не классична, т.-е. не вычурна. Въ итогѣ, исключая указаннаго недостатка, о Сальвини можно сказать, что онъ, безспорно, одинъ изъ величайшихъ современныхъ актеровъ.

Мнѣ остается уже немного мѣста для отчета о выставкѣ въ „Royal Academy“. По правдѣ сказать, я радъ этому и было бы еще лучше обойти ее совсѣмъ молчаніемъ. Милле остался ниже обыкновеннаго своего уровня, а остальные не поднялись съ своей неизменной ступени. Однакоже я обязанъ упомянуть объ одной юной артисткѣ, которой предстоитъ, какъ кажется, занять въ будущемъ почетное мѣсто между знаменитостями. Это—миссъ Элизабета Томпсонъ. Она выступила въ прошломъ году съ замѣчательной картиной, представляющей сборъ взвода англійскихъ солдатъ послѣ битвы, въ Крыму (the Roll-Coll). Въ нынѣшнемъ году выставленная ею картина изображаетъ эпизодъ сраженія при Катръ-Бра, происходившаго за два дня передъ Ватерлоо. Миссъ Томпсонъ избрала жанръ Ораса Верне. Англійскій 28-й полкъ, построенный въ каре, обороняется отъ атаки французскихъ кирасиръ и польскихъ уланъ. Артистка не любитъ писать большихъ массъ, интересъ у нея сосредоточивается на подробностяхъ, на позахъ солдатъ, на физиономіяхъ, по большей части молодыхъ и забубенныхъ, выраженіе лицъ которыхъ дѣйствительно замѣчательно хорошо схвачено. Это было лучшею вещью нынѣшняго салона, помимо всякаго патріотизма. Миссъ Томпсонъ еще очень молода, и по всей вѣроятности пойдетъ далеко.

Такъ какъ я уже говорилъ въ прошедшемъ письмѣ о комитетѣ, учрежденномъ для сооруженія памятника лорду Байрону, мнѣ слѣдуетъ сообщить объ измѣненіи, счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ, первоначальнаго проекта. Статуя поэта будетъ поставлена въ Лондонѣ. Дизраэли предсѣдательствовалъ на митингѣ, собиравшемся на дняхъ по этому поводу. Желательно, чтобы памятникъ благородному лорду былъ исполненъ помпознѣе и не увеличилъ собою числа странныхъ монументовъ, „безобразіе которыхъ, — свромно сознается „Times“, — поражаетъ удивленіемъ иностранцевъ, посѣщающихъ Лондонъ“.

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

V *).

НАВОДНЕНІЕ.

Большое бѣдствіе посѣтило Францію. Бассейнъ Гаронны, превращенный страшнымъ наводненіемъ въ озеро, въ теченіи недѣли кишилъ трупами и всевозможными обломками. Жертвы насчитываются сотнями, матеріальные убытки оцѣниваются въ миллионы. Давно уже не происходило такой колоссальной драмы на такой обширной сценѣ. Цѣлая часть страны погружена въ слезы и нищету. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ раздаются одни рыданія. Парижъ прожилъ недѣлю въ тяжкомъ кошмарѣ, ужасовъ, совершившихся тамъ, въ глубинѣ черныхъ волнъ. Считали утопленниковъ, подводили итоги разрушенныхъ домовъ, словомъ, жили воображеніемъ посреди пострадавшаго населенія, и теперь еще дрожь не прошла, сердце сжимается. Конечно, помощь является со всѣхъ сторонъ, открываются подписки, и благотворительность никогда еще не оказывала болѣе щедрыхъ усилій; но полученная рана такъ глубока, что залечивать ее придется долго.

О чемъ возможно говорить среди всеобщаго унынія? Всякій разговоръ невольно переходитъ на потрясающіе эпизоды ужасной катастрофы. Я не могу не поддаться общему теченію и говорить о чемъ-либо иномъ, какъ о наводненіи. Мнѣ только-что случилось бесѣдовать съ очевидцемъ, старымъ крестьяниномъ изъ села Сень-Жори, нынѣ вполне уничтоженнаго. Никогда не слыжалъ я ничего трагичнѣе, рассказанной имъ, его собственной исторіи; въ свою очередь, я повторю его рассказъ, онъ обрисовываетъ достаточно всѣ ужасы бѣдствія. Слезы текли, слушая крестьянина. Я бы желалъ вызвать вездѣ такія же слезы и заставить ихъ течь не бесплодно, а вдохнуть во всѣхъ потребность придти на помощь несчастнымъ.

*) См. „В. Е.“ мартъ, 441 стр.; май, 482 стр.; июнь, 874; июль, 881 стр.

I.

Зовутъ меня Луи Рубё, мнѣ семьдесятъ лѣтъ отъ роду; родился я въ селеніи Сень-Жори, лежавшемъ въ нѣсколькихъ лѣ отъ Тулузы, по верховью Гаронны. Четырнадцать лѣтъ бился я съ землей изъ-за одного хлѣба. Наконецъ, добился до достатка и, не болѣе какъ нѣсколько дней тому назадъ, былъ еще самымъ богатымъ фермеромъ всего околотка. Нашъ домъ казался благословеннымъ. Счастье пустило въ немъ корни. Солнце дружило намъ, и я уже не помню плохого урожая. На фермѣ, въ этомъ привольѣ, жило насъ около дюжины человѣкъ. Во-первыхъ, самъ я, еще бодрый, работаю во главѣ семьи; затѣмъ, мой братъ Пьеръ, старый холостякъ, отставной сержантъ, моложе меня нѣсколькими годами; затѣмъ, сестра Агата, поселившаяся у насъ послѣ смерти своего мужа, король-баба, огромнаго роста и такая веселая, что смѣхъ ея слышенъ былъ на другомъ концѣ деревни, когда она, бывало, расхохочется. А вслѣдъ за ней и весь выводокъ: сынъ Жакъ, его жена Роза и ихъ три дочки: Эмэ, Вероника и Мари; старшая замужемъ за Сиприеномъ Бонисономъ, рослымъ молодцомъ, отъ котораго у нея было двое малютокъ, одинъ по третьему году и второй десятилѣтний. Вторая дочь была просватана съ прошедшаго мѣсяца и должна была видти за мужа за Гаспара Работо, и младшая, настоящая барышня; шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, да такая бѣлая и бѣлокурая, что, казалось, будто она не могла родиться иначе, какъ въ замкѣ. Счетомъ всѣхъ, слѣдовательно, было десять. Какъ видите, немногимъ не доставало до дюжины. Я былъ дѣдомъ и прадѣдомъ. Когда мы садились за столъ, сестра Агата садилась по правую мою руку, а братъ Пьеръ по лѣвую, дѣти разсаживались кругомъ, по старшинству лѣтъ, и лѣстница головъ шла, понижаясь, до десятилѣтняго малютки, который ѣлъ свой супъ уже какъ взрослый. Послушали бы вы, какъ постукивали ложки по тарелкамъ! Выводокъ ѣлъ исправно. И что за доброе веселье бывало у насъ между двумя глотками. Я чувствовалъ, какъ гордость и счастье разогрѣвали мою кровь, когда во мнѣ протягивались руки съ возгласомъ:

— Дѣвушка, передай-ка намъ хлѣбца... да ломтикъ-то потолка отрѣжь!

Хорошіе то были дни. Ферма за работой звучала пѣснями, отъ крыльца до чердака. По вечерамъ, братъ Пьеръ заводилъ игры, рассказывалъ исторіи о своемъ полку. Тетюшка Агата, по воскресеньямъ, пѣла лепешки для нашихъ дѣвочекъ. Мари умѣла пѣть гимны, и какъ же она выводила эти гимны своимъ голосомъ, что у твоего

пѣвчаго. Она была похожа на святую, съ бѣлокурыми волосами по плечамъ, со сложенными поверхъ фартука рученками.

Домъ надстроили однимъ этажемъ, когда Эмэ вышла за Сиприена, и мы, бывало, въ шутку говоримъ, что придется опять строиться послѣ свадьбы Вероники и Гаспара, такъ что, пожалуй, дому придется вырасти до небесъ, если продолжать его надстраивать съ каждой свадьбой. Пуще всего, намъ не хотѣлось разставаться. Мы бы предпочли выстроить цѣлый городъ, за фермой, на своей землѣ. Когда семья дружная, любо жить и умирать на томъ же мѣстѣ, гдѣ выросъ.

Въ нынѣшнемъ году май мѣсяцъ простоялъ дивный. Давно уже урожаи не подавали такихъ надеждъ. Въ этотъ самый день мы, съ сыномъ моимъ Жакомъ, какъ разъ все обошли. Мы вышли изъ дома около трехъ часовъ пополудни. Луга наши, на берегу Гаронны, тянулись темно-зеленой, почти черной скатертью, трава была вышиною съ футъ и камышовый разсадникъ, разведенный прошлымъ лѣтомъ, давалъ уже прекрасные побѣги. Оттуда мы прошли къ хлѣбнымъ полямъ и виноградникамъ, купленнымъ по клочкамъ, по мѣрѣ того, какъ росли наши средства; хлѣба поднимались густо, виноградники въ полномъ цвѣту сулили необычайный сборъ. Жакъ, посмѣиваясь своимъ добродушнымъ смѣхомъ и похлопывая меня по плечу, говорилъ:

— Ну, отецъ, будетъ намъ хлѣбца и вина на старости лѣтъ... Скажите, въ какомъ уголкѣ вы повстрѣчались съ Богомъ и выманили у него обѣщаніе, чтобы онъ поливалъ денежнымъ дождемъ ваши земли?..

Случалось часто, что мы поминали такими манеромъ о прошлой нуждѣ. Жакъ былъ правъ: мнѣ вѣроятно посчастливилось залучить дружбу кого-нибудь изъ святыхъ или самого Господа, потому что все, что ни случалось въ нашемъ краѣ, шло мнѣ въ прокъ. Пойдетъ ли градъ, туча какъ разъ минуетъ наши поля. Появляется ли у сосѣдей болѣзнь винограда, наши виноградники стоятъ невредимы, точно обнесенные стѣною. Подъ конецъ мы привыкли считать это только справедливымъ. Мы никому не дѣлали зла и думали, что этимъ заслужили свое счастье.

Возвращаясь, мы прошли другими участками, которыми мы владѣли по другую сторону селенія. Шелковичная плантація начинала разрастаться, а миндальные деревья уже приносили хорошій доходъ. Мы весело болтали, строили разные планы:—какъ мы прикупимъ, когда у насъ будутъ нужны деньги, еще нѣкоторые участки, чтобы соединить тѣ разрозненные клочья, которые у насъ уже были, и такимъ образомъ сдѣлаемся собственниками цѣлаго кругленькаго

уголка общины. У насъ уже было приковано двѣ-трети нужной суммы, а урожаи нынѣшняго лѣта, еслибы они сдержали обѣщанія, должны были дать намъ средства осуществить нашу мечту.

Подходя къ дому, мы увидали Розу, которая намъ нетерпѣливо махала и кричала:

— Идите же скорѣе!

Одна изъ нашихъ коровъ отелилась двумя телятами. Это привело всѣхъ въ волненіе. Тетка Агата катала взадъ и впередъ свою массивную фигуру. Дѣвушки разглядывали новорожденныхъ. Рожденіе этихъ двухъ близнецовъ казалось новымъ благословеніемъ дому. Еще недавно намъ пришлось увеличить скотный дворъ на нѣсколько стойлъ. У насъ уже была не одна сотня головъ разнаго скота, лошадей, коровъ, и въ особенности много овецъ.

— Счастливый день сегодня,—сказала я,—такъ и быть, мы разопьемъ бутылочку вина!

Между тѣмъ Роза отвела насъ въ сторону и сказала, что Гаспарь, женихъ Вероники, пришедшій съ цѣлью условиться о свадебномъ днѣ—дожидается. Она удержала его обѣдать. Гаспарь, старшій сынъ фермера изъ Моранжа, былъ высокій двадцатилѣтній юноша, извѣстный во всемъ околоткѣ своею необычайною силою. На праздникѣ, въ Тулузѣ, онъ поборолъ Марсіала, знаменитаго нашего южнаго льва. При этомъ необыкновенно добрый малый, съ золотымъ сердцемъ, только нѣсколько черезъ-чуръ уже застѣнчивый и краснѣвшій всякій разъ, когда Вероника спокойно глядѣла ему въ лицо.

Я просилъ Розу позвать его. Онъ оставался на дворѣ и помогалъ служанкамъ развѣшивать бѣлье послѣ стирки. Когда онъ вошелъ въ столовую, гдѣ мы сидѣли, Жакъ обернулся ко мнѣ со словами:

— За вами рѣчь, батюшка.

— Что же,—сказала я,—ты пришелъ, молодець, съ вопросомъ, какой день мы согласны выбрать для великаго торжества?

— Точно такъ, отецъ Рубѣ,—отвѣтилъ онъ, сильно покраснѣвши.

— Нечего краснѣть, парень,—продолжалъ я. Если хочешь, мы назначимъ свадьбу на святую Фелиситѣ, 10-го іюля. Сегодня 23-го іюня, остается менѣе двадцати дней тебѣ ждать... Мою бѣдную покойную жену звали Фелиситѣ, это вамъ принесетъ счастье... Что-жь, такъ что ли?—идеть уговоръ?

— Да и прекрасно, въ день св. Фелиситѣ, отецъ Рубѣ.—И онъ отвѣсилъ намъ, Жаку и мнѣ по такому удару по рукамъ, которымъ можно было убить наповаль быка. Потомъ обнялъ Розу, называя ее матерью. Этотъ рослый парень, съ геркулесовскими кулаками, лю-

былъ Веронику до того, что терялъ способность пить и ѣсть. Онъ говорилъ намъ, что непременно бы заболѣлъ, еслибы мы отказали ему въ ея рукѣ.

— Теперь,—сказалъ я,—ты будешь съ нами обѣдать,—не правда ли?... Ну, всё по мѣстамъ! Меня разбираетъ волчій голодъ!

Насъ сѣло, въ этотъ вечеръ, одиннадцать человѣкъ за столъ. Гаспара посадили рядомъ съ Вероникою и онъ, засматриваясь на нее, забывалъ ѣсть; онъ былъ такъ счастливъ ея сосѣдствомъ, что минутами крупныя слезы навертывались у него на глаза. Сиприентъ и Эмэ, женатые не болѣе трехъ лѣтъ, переглядывались съ улыбками. Жакъ и Роза, супружеству которыхъ стукнуло уже двадцать пять лѣтъ, держались солиднѣе, но и они украдкою обмѣнивались взглядами, гдѣ просвѣчивала старая нѣжность. Что касается меня, то я переживалъ свою молодость, глядя на двухъ влюбленныхъ глупцовъ, которые превращали нашъ семейный деревенскій обѣдъ въ настоящій уголокъ рая. И что за вкусный супъ хлебали мы въ тотъ вечеръ! Тѣтка Агата, у которой всегда вертѣлось веселое словцо на языкѣ, немного пересолила свои шутки. Ей пришлось унимать. Затѣмъ, добрякъ Пьеръ пустился рассказывать свои любовныя приключенія съ одной лонской барышней. Къ счастью, это было уже за десертомъ и всё говорили заразъ. Я принесъ съ погреба двѣ бутылки вина. За десертомъ чокались, желая счастливаго шанса Гаспару и Вероникѣ; у насъ въ обыкновеніи такъ говорить; подъ счастливымъ шансомъ мы подразумѣваемъ отсутствіе дракъ въ супружествѣ, изобиліе дѣтей и пузатыхъ мѣшковъ съ деньгами. Потомъ стали пѣть. Гаспаръ зналъ любовныя пѣсни на старомъ патуа. Въ заключеніе, попросили Мари спѣть гимнъ; она встала, ея голосъ, высочій и звонкій какъ флейта, такъ и щекоталъ ухо.

Тѣмъ временемъ я перебрался къ окошку, и такъ какъ Гаспаръ подошелъ ко мнѣ, спросилъ у него:

— Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго?

— Ничего нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—поговариваютъ только о сильныхъ дождяхъ, бывшихъ на прошедшихъ дняхъ, и боятся какъ бы они не надѣлали бѣды.

Дѣйствительно, въ предыдущіе дни дождь лилъ около шестидесяти часовъ безъ перерыва. Гаронна очень поднялась со вчерашняго дня. Но мы довѣряли ей, и, пока она не выступала изъ береговъ, мы не могли считать ее дурной сосѣдкой. Она оказывала намъ столько дружескихъ услугъ, ея водяная равнина была такая красивая и спокойная. Къ тому же, крестьянинъ не легко разстается съ своей норой, даже и тогда, когда кровля грозитъ обрушиться на его голову.

— Ба,—вскричалъ я, пожимая плечами,—ничего не будетъ. Всякій годъ повторяется то же: рѣка щетинится, будто сердится, а потомъ въ одну ночь и успокоится, уйдетъ въ берега и затихнетъ смириѣе агневеа. Увидишь, братецъ, еще разъ, что это фальшивая тревога... Посмотри только, что за чудная погода!

И рукой я указалъ ему на небо. Было семь часовъ, солнце садилось. Боже, что за синева! Все небо было голубое, какъ безпредѣльная голубая скатерть, совершенно чистая, и по которой закатывавшееся солнце рассыпалось золотой пылью. Сверху струилась тихая радость, спокойствіе и миръ все шире и шире охватывали весь горизонтъ. Чувствовалось приближеніе сна въ какомъ-то медленномъ убавчаніи. Никогда наше селеніе не имѣло болѣе веселаго, болѣе безпечнаго вида, чѣмъ въ этотъ вечеръ. Черепицы на крышахъ отливали розовыми отблесками заката. Издали долеталъ до меня смѣхъ одной изъ сосѣдокъ, затѣмъ звенѣли дѣтскіе голоса, съ дороги, противъ насъ: дѣти, должно быть, играли въ какую-нибудь шумную игру. Кромѣ этого, смягченные разстояніемъ, неслись мычаніе и блѣяніе загоняемыхъ въ стойла стадъ, и тѣ неопредѣленные звуки, которые слышатся въ деревнѣ въ затишьѣ сумерекъ. Густой голосъ Гаронны продолжалъ тоже безостановочно свое рокотаніе, но онъ поднимался для меня незамѣтно, какъ само безмолвіе: такъ сильно я привыкъ къ его гулу. Мало-по-малу небо блѣднѣло, и село отходило на отдыхъ. То былъ вечеръ чудеснаго дня, и мнѣ казалось, что наше счастье, тучные урожаи, домъ полный довольства, помолвка Вероники, спускались на насъ чистой росой съ безоблачнаго и яснаго неба. Угасавшій день посыпалъ намъ торжественное прощальное благословеніе.

Однако же я снова перешелъ на середину комнаты. Всѣ женщины болтали. Вообще было порядочно шумно. Я улыбался, когда внезапно со стороны безмолвной деревни раздался крикъ отчаянія и гибели:

— Гаронна! Гаронна!

II.

Мы выбѣжали на дворъ.

Сень-Жори лежитъ въ котловинѣ, идущей вдоль берега, на разстояніи около пятисотъ метровъ отъ рѣки. Куртины высокихъ топей, которыми обсажены дуга, застилаютъ собой Гаронну.

Отъ насъ ничего не было видно. Но зловѣщій вопль: „Гаронна! Гаронна!“ продолжалъ раздаваться.

Внезапно на широкую дорогу, пролежавшую передъ нами, выбѣ-

жали двое мужчинъ и три женщины. Одна изъ нихъ несла на рукахъ ребенка. Обезумѣвъ отъ страха, они кричали и бѣжали со всѣхъ ногъ по жесткой землѣ. По временамъ они оглядывались и лица ихъ были искажены такимъ испугомъ, какъ будто по пятамъ ихъ гналась цѣлая стая волковъ.

— Что такое съ ними? — спросилъ Сипріенъ. Дѣдъ, видите вы что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорю я: — листья даже не шелохнутся.

Дѣйствительно, вся линія горизонта лежала неподвижно и спокойно. Но я не успѣлъ еще договорить послѣднихъ словъ, какъ у насъ всѣхъ разомъ вырвался крикъ. Слѣдомъ за бѣгущими, между стволовъ и тополей, по густымъ пучкамъ травы мы увидали цѣлое стадо сѣрыхъ и желтыхъ валовъ, которые прыгали и скакали какъ разъяренные звѣри. Со всѣхъ сторонъ набѣгали, возвышались волны, изрыгая клубы пѣны, какъ слюнявая пасть бѣшеной собаки; цѣлые потоки громадными массами напирали другъ на друга, и безконечные ряды ихъ потрясали почву глухимъ шумомъ своего тяжелого бѣга. Крупные валы однимъ прыжкомъ перескакивали черезъ меньшіе, какъ-бы охваченные страстью перегнать ихъ. Они тѣснились и неслись впередъ какъ быки, вырвавшіеся на свободу, и по натиску ихъ можно было предугадать силу и величину ихъ рядовъ, которые растагивались болѣе чѣмъ на двадцать лѣ въ окрестности.

Въ свою очередь мы испустили вопль отчаянія:

— Гаронна! Гаронна!

Двое мужчинъ и три женщины бѣжали все скорѣе и скорѣе по дорогѣ. Они слышали за собой ускоряющійся бѣгъ страшной погони. Грозное стадо валовъ уже занимало собою всю линію горизонта. Они уже выстроились стройными рядами и, клубясь, падали съ громовыми перекатами правильнаго боевого огня. Подъ ихъ ударами пали три тополя, высокая листва ихъ покачнулася и исчезла мгновенно. Направо и налѣво волны грызали и ломали попадавшіеся имъ на пути препятствія. Досчатая избушка, стѣна, распряженные телѣги были поломаны и снесены какъ соломенки. Но бѣгущіе люди казались главною цѣлью преслѣдованія. Волны пѣнились по ихъ слѣдамъ, все ближе и ближе подступая къ нимъ, и все громче усиливая свой ревъ съ каждой захваченной пядью. Затѣмъ, выведенныя изъ терпѣнія жертвами, пытавшіеся ускользнуть отъ нихъ, онѣ прибѣгли къ хитрости; скатились гигантскимъ водопадомъ съ одной крутой извилины дороги, и этимъ маневромъ отрѣзали всѣ пути бѣглецамъ, у ногъ вторыхъ онѣ разлились широкой лужею. Но люди продолжали бѣжать, расплескивая воду крупными шагами, они не кричали болѣе, ужасъ охватывалъ и отуманивалъ ихъ. Вода, вздуваясь, захлестывала

имъ ноги и медленно, сильно наступала на нихъ. Громадная волна набросилась на женщину, несшую ребенка, схватила ее за бедра и свалила. Но она еще могла подняться, снова побѣжала, когда другія волны подошли, кинулись ей на плечи, на руки, потащили ее зелеными своими пастями, ожесточенно потрясая ею. И все понеслось вдоль улицы села.

— Скорѣе, скорѣе!—закричалъ я.—Идемте наверхъ, домъ крѣпокъ. Намъ нечего бояться. Изъ предосторожности мы тотчасъ же поднялись во второй этажъ. Дѣвушекъ заставили войти первыми. Я стоялъ на томъ, чтобы войти послѣднимъ. Впрочемъ, я даже не успѣлъ промочить ногъ. Домъ стоялъ на пригорѣхъ, возвышавшемся метра на два надъ дорогой. Вода, медленно, тихо поплескивая, вступала во дворъ. Я долженъ сказать, что въ это время мы не были особенно перепуганы.

— Ну!—говорилъ Жакъ, желая успокоить семью,—ничего не случится. Помните, батюшка, въ 55 году у насъ также вода была во дворѣ. Она поднялась до фута, а затѣмъ преспокойно убыла.

— Все же это очень плохо для полей, — вполголоса вздохнулъ Сиприенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ровно ничего не значить,—сказалъ я въ свою очередь, увидя испуганные глаза дочерей.

Эмѣ уложила своихъ ребятъ на постель. Она сидѣла у изголовья въ обществѣ Вероники и Мари. Тѣтка Агата собиралась подогрѣть бутылку вина, которую она достала, чтобы приободрить общество. Жакъ и Роза, стоя у одного окна, смотрѣли въ него. Я стоялъ у второго съ братомъ, Сиприеномъ и Гаснаромъ.

— Пойдите сюда!—крикнулъ я служанкамъ, которыя бѣжали по двору по колѣна въ водѣ.—Не стойте такъ въ мокротѣ.

— А скотъ-то,—отвѣчали онѣ:—онъ совсѣмъ перепуганъ, и того и гляди перебѣется въ стойлахъ.

— Оставьте, говорю вамъ, идите сюда. Погодите. Надо будетъ что-нибудь придумать.

Я зналъ, что если опасность возрастетъ, то спасеніе скота будетъ невозможно. Но я считалъ лишнимъ пугать всѣхъ. Я силился даже выказывать какъ можно болѣе спокойствія. Опершись о подоконникъ, я разговаривалъ, и дѣлалъ наблюденія надъ успѣхами наводненія. Вода, принявшись за осаду деревни, овладѣла ею до малѣйшихъ переулковъ и окружила ее со всѣхъ сторонъ. Ожесточенное нападеніе прыгающихъ волнъ прекратилось, вода изъ глубины горизонта разстиралась вокругъ всѣхъ строеній и все тѣснѣе сжимала ихъ въ своихъ тяжелыхъ объятіяхъ. Котловина, на днѣ которой находилось селеніе, превращалась въ озеро. Вода на нашѣмъ

дворѣ вскорѣ дошла до фута. Я видѣлъ, какъ она все поднималась, но увѣрялъ, что она остается все на одномъ уровнѣ и пробовалъ даже утверждать, что она убываетъ.

— Ты принужденъ заночевать здѣсь, другъ мой,—обратился я къ Гаспару.—А впрочемъ, черезъ нѣсколько часовъ дороги, быть можетъ, и отероятся... не правда ли?

Онъ поглядѣлъ на меня молча; лицо его было очень блѣдно, и я замѣтилъ, какъ вскорѣ послѣ этого взглядъ его перенесся на Веронику съ выраженіемъ безконечной тревоги.

Время было около половины девятаго. На дворѣ еще было очень свѣтло, стояли бѣлыя печальныя сумерки подѣ глубокой синевой неба. Служанки, идя наверхъ, весьма кстати захватили съ собою двѣ лампы. Я приказалъ зажечь ихъ, думая, что ихъ свѣтъ придастъ болѣе веселый видъ комнатамъ, въ которой мы укрывались и гдѣ становилось уже темно. Агата выдвинула на середину столъ и хотѣла затѣять игру въ карты. Добрая душа, глаза которой часто искали встрѣтиться съ моимъ взглядомъ, болѣе всего заботилась развлечь дѣтей. Съ непоколебимою твердостью духа, она сохраняла свою обычную веселость и смѣялась, чтобы побороть ужасъ, который она чужала вокругъ себя. Партія состоялась. Тетушка насильно усадила за столъ Эмѣ, Веронику и Мари. Всунула имъ въ руки карты и сама стала играть съ азартомъ, тасуя, снимая, сдавая игру и приправляя все это такой словоохотливой болтовней, что голосъ ея почти заглушалъ шумъ воды, слышавшійся извнѣ. Но молодежь наша не въ силахъ была развлечься. Дѣвушки сидѣли, побѣдѣвши какъ положено, съ лихорадочными руками, невольно прислушиваясь. Онѣ не могли заинтересоваться игрою и съ нервными подергиваніями сбрасывали карты. Каждая двѣ-три минуты игра останавливалась. Которая-нибудь изъ нихъ оборачивалась и полу-шопотомъ спрашивала меня:

— А что, дѣдушка, все еще поднимается?

Вода поднималась съ страшной быстротой. Я, смѣясь, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, играйте себѣ спокойно. Опасности нѣтъ.

Никогда еще сердце не замирало во мнѣ съ такой тоской. Отъ времени до времени какой-то смертельный холодъ охватывалъ мои ноги и затѣмъ разливался по всему тѣлу. Я знаками показавъ мужчинамъ, чтобы они стали у оконъ, чтобы заслонить собой страшное зрѣлище. Мы старались улыбаться, обратившись лицомъ въ комнату, гдѣ лампа бросала на столъ свой мирный кругъ свѣта. Мнѣ вспоминались наши зимніе вечера, когда мы собирались всѣ вокругъ этого стола. Я видѣлъ тотъ же тихій семейный кружокъ, полный теплою привязанности и дружбы. И въ то время, какъ здѣсь цар-

ствовалъ миръ, я слышала за спиной грозный вой рѣки, которая поднималась все выше и выше.

— Луи,—сказалъ мнѣ братъ, поглядѣвши внизъ,—вода уже въ трехъ футахъ отъ окна, надобно подумать...

Я заставилъ его умолкнуть, сдавивъ ему руку. Но опасность нельзя было скрывать долѣе. Въ стойлахъ нашъ скотъ бился. Внезапно раздались страшныя мычанія и крики вступленныя животныхъ, лошади испускали потрясающее, дикое ржаніе, которое такъ далеко слышится, когда онѣ находятся въ смертельной опасности.

— Боже мой! Боже мой!—вскрикнула Эмѣ, вскочивъ на ноги, сжимая кулаками виски и трясясь какъ въ сильномъ ознобѣ. За ней вскочили остальные, и ихъ невозможно было остановить броситься къ окнамъ. Заглянувши въ нихъ, онѣ такъ и замерли, молча выпрямившись, въ то время какъ ужасъ вздымалъ имъ волоса. Сумерки ступились. Тусклый свѣтъ мерцалъ надъ тинистой поверхностью. Блѣдное небо походило на бѣлый саванъ, брошенный на ликъ умирающей земли. Вдали тянулись дымныя полосы, какъ будто разъяренная стихія гнѣвно дышала. Все перепутывалось, свѣтъ въ агоніи боролся противъ надвигавшагося бѣдствія, и погасалъ въ ночи смерти. Ни одного человѣческаго голоса, только гулъ все расширявшагося моря, да крикъ и ржаніе животныхъ въ хлѣвахъ наполняли воздухъ.

— Боже мой! Боже мой! — повторяли женщины шопотомъ, какъ будто опасаясь возвысить голосъ.

Въ тотъ же моментъ внизу раздался сильный трескъ. Обезумѣвшій скотъ взломилъ двери хлѣва. И мы видѣли, какъ всѣ они пронеслись мимо насъ поочередно въ желтыхъ волнахъ, отбиваясь, захлебываясь и наконецъ побѣжденные осилившимъ ихъ потокомъ. Овцы неслись какъ сухіе листья, цѣльными вереницами, кружась въ водоворотахъ. Коровы и лошади боролись, шли, затѣмъ теряли почву изъ-подъ ногъ. Въ особенности нашъ сѣрый не хотѣлъ умирать, взвивался на дыбы, вытягивалъ шею, дулъ, фыркалъ съ силой кузнечнаго мѣха; но упорныя волны не выпускали добычи, громоздились на спину, били въ бока: мы были зрителями того, какъ онъ сдался и пересталъ бороться.

Тогда мы начали кричать. Крики вырывались изъ груди произвольно. Мы испытывали потребность кричать. Протанувши руки ко всѣмъ этимъ дорогимъ животнымъ, которыя погибали, мы громко жаловались, не слыша другъ друга и давая полную волю слезамъ и рыданіямъ, до сихъ поръ тщательно сдерживаемымъ. Время пощадить себя и другихъ прошло, мы не могли удержаться отъ громкихъ жалобъ на нашу судьбу. Вотъ оно, разореніе! пропали наши урожан,

погибъ нашъ скотъ, и все наше состояніе истреблено въ нѣсколько часовъ. Богъ несправедливъ, мы ничего не сдѣляли ему, а онъ у насъ отнялъ все! Я грозилъ кулакомъ горизонту. Говорилъ о давишней прогулкѣ: о лугахъ, хлѣбахъ и виноградникахъ, сулившихъ намъ столько надеждъ. И все это было обманъ! Счастье лгало. Лгало солнце, когда оно съ такимъ миромъ и спокойствіемъ закатывалось посреди торжественной тишины полей и села.

Вода все поднималась. Пьеръ, который былъ насторожѣ, свазалъ мнѣ:

— Луи, нельзя медлить, вода дошла до окошва.

Его окрикъ вывелъ насъ изъ припадка отчаянія. Я пришелъ въ себя и, пожимая плечами, сказалъ:

— Ба! деньги ничего. Пока мы всё цѣлы, еще не о чемъ плакать... Мы снова примемся за работу.

— Да, вы правы, батюшка, — возразилъ Жакъ порывисто. — Мы не въ опасности, стѣны наши крѣпки... мы взберемся на крышу. У насъ, дѣйствительно, другого убѣжища уже не оставалось. Вода, заливавшая ступеню за ступеней, съ упорнымъ плескомъ уже достигла двери и разливалась уже подъ нашими ногами небольшими струйками. Всѣ бросились къ чердаку, не отставая другъ отъ друга ни на одинъ шагъ, но непреодолимому инстинкту, заставляющему людей въ опасности жаться тѣснѣе одинъ къ другому. Одинъ Сиприенъ исчезъ. Я сталъ звать его, и скоро онъ показался изъ сосѣдней комнаты съ измѣнившимся лицомъ. Такъ какъ я замѣтилъ также отсутствіе двухъ служанокъ и хотѣлъ дожидаться ихъ, онъ поглядѣлъ на меня страннымъ взглядомъ и шепнулъ мнѣ на ухо:

— Умерли. Уголъ сарая подъ ихъ комнатою обрушился.

Бѣдняги отправились вѣроятно въ свою комнату, чтобы вынуть изъ сундуковъ свои вещи. Онъ сообщилъ мнѣ все шопотомъ, что онъ, съ помощью лѣстницы, перекинутой какъ мостъ, перебрались въ сосѣднее зданіе. Я приложилъ палецъ къ губамъ, чтобы приказать ему молчать. Я почувствовалъ, какъ холодная струя пробѣжала по моему черепу: то смерть переступила порогъ нашего дома.

Когда мы, въ свою очередь, стали взбираться на чердакъ, то и не подумали погасить лампы. Карты оставались на столѣ. Въ комнатѣ вода уже была на футъ отъ пола.

III.

Крыша, по счастью, была объемиста и очень отлога. Выходъ на нее былъ черезъ слуховое окошко, подъ которымъ была небольшая платформа. Тутъ-то и помѣстилось все наше общество. Женщины сидѣли. Мужчины пускались на рекогносцировки и пробирались по черепицамъ до двухъ большихъ трубъ, находившихся по обѣимъ оконечностямъ кровли. Я же, прислонившись къ окошку, изъ котораго мы пролѣзли, стоялъ и оглядывалъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ.

— Помощь не замедлитъ явиться, — храбро обнадеживалъ я себя: — у сѣтинскихъ крестьянъ есть лодки. Навѣрное они подѣдутъ... Смотрите, не фонарь ли это виднѣется тамъ, на водѣ?

Никто не отвѣчалъ мнѣ. Пьеръ, не давая, впрочемъ себѣ, какъ кажется, отчета въ томъ, что дѣлалъ, зажегъ свою трубку и курилъ такъ неистово, что послѣ каждой затяжки выплевывалъ куски мундштука. Жакъ и Сиприенъ, также какъ я, смотрѣли вдаль, съ суровымъ видомъ. Гаспаръ, сжимая кулаки, продолжалъ лазить по крышѣ, будто ища выхода. У нашихъ ногъ, женщины сидѣли кучкой, безмолвныя, дрожащія, закрывая лица руками, чтобы ничего не видать. Вдругъ Роза подняла голову, оглянулась кругомъ и спросила:

— Гдѣ же служанки? Почему онѣ не пришли сюда?

Я не отвѣчалъ. Тогда она еще разъ повторила вопросъ, обращаясь прямо ко мнѣ и глядя на меня въ упоръ.

— Гдѣ служанки?

Я отвернулся, не имѣя силы солгать. И я почувствовалъ, что холодъ смерти, испытанный уже мною, пробѣжалъ по женщинамъ и дорогимъ дочерямъ нашимъ. Онѣ поняли. Мари вскочила на ноги, глубоко вздохнула, затѣмъ вдругъ опустилась и разразилась слезами. Эмэ плакала тоже, укутывая въ свои юбки малютокъ, которыхъ прижимала къ себѣ, какъ будто защищая. Вероника закрыла лицо руками и не шевелилась. Сама тѣтка Агата совсѣмъ побѣглѣла, она широко крестилась и шептала молитвы. Мы занимали очень небольшое пространство на большой крышѣ, тѣснились другъ къ другу, изъ чувства самосохраненія, чтобы меньше ощущать свою безпомощность.

А между тѣмъ, окружавшее насъ зрѣлище было полно величія. Наступившая ночь продолжала сохранять всю мягкость лѣтней ночи. Ночь была безлунная, но небо, испещренное звѣздами, было такъ чисто, что наполняло все пространство голубоватымъ, живымъ, глубокимъ свѣтомъ. Казалось, что вечерняя заря еще не догорѣла, — такъ

свѣтель былъ горизонтъ. Громадное море разстидалось подъ прозрачнымъ небомъ, бѣля и блестя какимъ-то собственнымъ фосфорическимъ свѣтомъ, зажигающимъ блески на гребнѣ каждой волны. Земли не было видно нигдѣ, вся равнина, должно быть, уже была залита. Сама вода будто дремала, она повышалась торжественно и плавно, въ ней было что-то успокоивающее, убаюкивающее, прибавлявшее еще болѣе тишины этой тихой ночи. Никогда не видалъ я такого неалобиваго океана, съ такимъ мѣрнымъ, ласковымъ колыханіемъ. Минутами я забывалъ опасность, забывалъ о коварствѣ этой воды. Вдали серебристая рябь принимала видъ сѣраго атласа. Мѣстами она лежала гладкими стальными зеркалами, точь-въ-точь какъ озерко, дремлющее въ тѣни лѣса, безъ малѣйшаго движенія. Однажды вечеромъ, подъ Марселью, я видѣлъ море въ такомъ же видѣ, и оно привело меня въ восторгъ, полный умиленія.

— Вода поднимается, вода поднимается,—повторялъ братъ Пьеръ, откалывая зубами новые куски отъ мундштука давно погасшей трубки.

Между крышей и водой разстояніе было уже не болѣе фута. Мало-по-малу вода терала свой дремлющій видъ. Тамъ-и-сямъ образовывались стремительныя теченія. При извѣстномъ повышеніи уровня воды, холмъ, лежащій передъ селомъ, не могъ служить намъ болѣе оплотомъ. Четверть часа спустя насъ окружало грозное, желтое море, все покрытое разными обломками: бочками, бревнами, клочками травы, которые оно съ гнѣвомъ трепало и катало изъ стороны въ сторону. Теперь бушевали цѣлыя горы пѣны, шла осада противъ стѣнъ, противъ деревьевъ, завязывались схватки, оглушительный шумъ которыхъ долеталъ до насъ. Около насъ волны сталкивались и кружились, обдавая водяной пылью безоблачное небо. Тополи падали со стономъ умирающихъ, дома обрушивались съ трескомъ камней, ссыпаемыхъ на мостовую изъ тележки каменотеса. Побѣдоносная вода, подеравшись ползкомъ, теперь бѣгала по равнинѣ во весь ростъ, разрушая, убивая и истребляя все.

Жакъ, истерзанный рыданіями женщинъ, сидѣвшихъ у нашихъ ногъ, говорилъ, ломая себѣ руки:

— Не можемъ же мы сидѣть здѣсь и хлопать глазами. Надо сдѣлать что-нибудь... Умоляю васъ, батюшка, сдѣлайте что-нибудь.

Я колебался, бормоталъ вслѣдъ за нимъ:

— Да, да, сдѣлаемъ что-нибудь.

А сами мы не знали что сдѣлать. Гаспаръ предлагалъ взять на спину Веронику и спастись съ ней. Пьеръ говорилъ объ устройствѣ плота. Все это было безумно. Сипріенъ наконецъ сказалъ:

— Еслибы намъ удалось добраться только до церкви! Церковь продолжала стоять невредима, возвышая свою маленькую четырех-

угольную колокольню надъ водой. Насъ раздѣляли семь домовъ. Наша ферма стояла на краю села, она упиралась въ сосѣднее строеніе, которое было выше нашего дома, строеніе это въ свою очередь подпирало сосѣднее. Дѣйствительно, по крышамъ, можетъ быть, была возможность добраться до дома священника, а откуда уже легко было бы попасть въ церковь. Вѣроятно тамъ укрылось уже много народа, потому что сосѣднія крыши были пусты, а до насъ долетали голоса, слышавшіеся несомнѣнно съ колокольни. Но сколько предстоитъ опасностей, чтобы попасть туда!

— Это невозможно,—говорилъ Пьеръ:—домъ Рэнбо слишкомъ высокъ, намъ не обойтись безъ лѣстницы.

— А все же я попробую,—возразилъ Сипріенъ.—Я вернусь, если нельзя будетъ пройти. Если же можно, то мы всѣ отсюда уйдемъ; женщинъ перенесемъ на рукавъ.

Я отпустилъ его. Онъ былъ правъ. Надобно было что-нибудь предпринять. Съ помощью желѣзнаго крюка, прикрѣпленнаго къ трубѣ, онъ взобрался на сосѣдній домъ. Въ эту минуту Эмэ, жена его, поднявъ голову и замѣтивъ, что его нѣтъ болѣе подлѣ нея, закричала:

— Гдѣ онъ? Я не хочу, чтобы онъ уходилъ отъ меня. Мы живемъ вмѣстѣ, такъ и умирать надо вмѣстѣ.

Увидавъ его на сосѣдней крышѣ, она побѣжала по черепицамъ, не спуская съ рукъ дѣтей, и крикнула ему:

— Сипріенъ, подожди меня. Я пойду съ тобой. Я хочу умереть съ тобой.

Она остановилась. Онъ нагнулся, умолялъ ее, увѣряя, что вернется, что это необходимо для спасенія всѣхъ. Но она, съ потеряннымъ видомъ, мотала головой и повторяла:

— Я иду съ тобой, иду съ тобой. Какое тебѣ до этого дѣло? Я пойду съ тобой.

Ему пришлось взять дѣтей. Она и ихъ хотѣла имѣть при себѣ. Затѣмъ онъ помогъ ей взлѣзть. Мы могли слѣдить за ними, когда они пробирались по гребню дома. Они подвигались медленно. Она снова взяла дѣтей на руки, они плавали. Онъ же оборачивался на каждомъ шагѣ и поддерживалъ ее.

— Вернись сейчасъ же, оставь ее здѣсь, въ безопасномъ мѣстѣ!—кричалъ я.

Я видѣлъ его жестъ, но отвѣта не могъ разслышать за гуломъ волнъ. Затѣмъ они скрылись. Они спустились на слѣдующій домъ, ниже перваго. Черезъ пять минутъ они показались уже на четвертомъ домѣ, крыша котораго, вѣроятно, была очень поката, потому что они ползли вдоль ея верхушки на колѣняхъ. На меня напалъ внезапный страхъ. Приставивши руки къ губамъ, я закричалъ изо всей мочи:

— Вернитесь, вернитесь!

И всё: Пьеръ, Жакъ, Гаспаръ—кричали имъ то же. Наши голоса на минуту остановили ихъ. Но затѣмъ они снова стали подвигаться впередъ. Теперь они находились на углу улицы, противъ дома Рэнбо, высокаго строенія, превышавшаго метра на три, по крайней мѣрѣ, остальные дома. Мы видѣли ихъ минутное колебаніе. Потомъ Сипріенъ взобрался вверхъ по трубѣ съ необычайной силой и ловкостью; вѣроятно Эмэ согласилась остановиться и подождать. Она стояла на крышѣ. Мы ясно различали ее, съ обоими дѣтьми на рукахъ; ея черная фигура вырисовывалась на свѣтломъ фонѣ неба и казалась выросшей. И вотъ, тутъ-то началось ужасное несчастіе.

Домъ Рэнбо, предназначавшійся сначала для какого-то промышленнаго предпріятія, былъ выстроенъ очень непрочо. Кромѣ того, въ его фасадъ ударилось со всего размаха теченіе, образовавшееся въ улицѣ. Мнѣ казалось, что я вижу, какъ онъ сотрясается подъ ударами хлеставшихъ его волнъ, и я слѣдилъ, задыхаясь, за Сипріеномъ, который ползъ на рукахъ вдоль крыши. Вдругъ раздался страшный трескъ. Вскочила луна; круглая, громадная, выкатилась она на чистое небо и озарила яркимъ свѣтомъ, какъ лампа, необъятное озеро. Ни одна изъ подробностей страшной катастрофы не ускользнула отъ насъ. Сомнѣнія не было—домъ Рэнбо развалился. Вопль отчаянія вырвался у всѣхъ насъ. Сипріенъ исчезъ. Но мы ничего не различали еще послѣ обвала кромѣ бури волнъ, всплеска воды подъ распадающейся крышей и кучи обломковъ, несущихся по теченію. Послѣ этого настала тишина, водяная поверхность разгладилась, пришла въ уровень съ темной прорѣхой разрушеннаго дома, выставлявшаго изъ-подъ воды свой расщепленный остовъ. Тутъ громоздилась цѣлая куча перепутанныхъ балокъ, точно развалина полусохранившагося собора, съ качающимися въ воздухъ надломанными перекладинами. Но между балками я вдругъ замѣтилъ какое-то движущееся тѣло, что-то живое, дѣлавшее нечеловѣчскія усилія.

— Онъ живъ!—воскликнулъ я.—Слава Богу, онъ живъ!.. Вонъ тамъ, надъ бѣлой полосой воды, освѣщенной луною.

На всѣхъ насъ нашель судорожный смѣхъ. Мы хлопали отъ радости въ ладоши, мы точно сами были спасены.

— Онъ поднимется,—говорилъ Пьеръ.

— Да, да, смотрите,—объяснялъ Гаспаръ:—вонъ онъ старается схватиться за бревно, налѣво.

Смѣхъ нашъ оборвался. Мы не обмѣнялись болѣе ни словомъ, и сердце въ насъ застыло отъ ужаса. Мы поняли безвыходное положеніе Сипріена. При обвалѣ дома его ноги попали между двумя балками, и онъ повисъ головою внизъ на разстояніи нѣсколькихъ сан-

тиметровъ отъ воды, не имѣя силъ высвободить защемленныя ноги. Агонія его была ужасна. На крышѣ сосѣднаго дома стояла Эме, съ дѣтьми на рукахъ. Ея темный силуэтъ на бѣлѣвшемъ отъ луны небѣ, казался, еще выросъ. Волосы ея распустились, судорожная дрожь колыхала ея тѣло. Она присутствовала при смерти мужа, не спуская глазъ съ несчастнаго, висѣвшаго въ нѣсколькихъ метрахъ подъ ея ногами. Она испускала непрерывный вой, вой собакъ, вой сумасшедшей.

— Мы не можемъ оставить его умереть такъ, — сказали Жакъ, у котораго зубы стучали отъ ужаса:—надо идти туда.

— Еще, быть можетъ, возможно спуститься по перекладинамъ, — замѣтилъ Пьеръ.—Тогда мы освободимъ его.

И они направились къ сосѣдней крышѣ; но тутъ обвалился третій домъ. Дорога была намъ отрѣзана. Мы обмерли. Машинально схватились за руки, вѣрнѣе пожимали ихъ другъ другу и не могли отвести глазъ отъ раздирательнаго зрѣлища.

Сначала Сиприенъ силился выпрямиться. Съ помощью необычайнаго напряженія онъ отстранялся отъ воды и старался держаться въ горизонтальномъ положеніи. Но наступила усталость. Однако же, онъ еще продолжалъ бороться, пробовалъ ухватиться за балки, разводилъ руками вокругъ себя, ища не попадется ли чего-нибудь, за что ему можно будетъ уцѣпиться. Затѣмъ, утомленный борьбой, онъ покорился смерти; опустился, снова повисъ, безъ движеній, обезсиленный. Но смерть медленно наступала. Кончикъ волосъ его касался воды, но она неспѣшно поднималась, увѣренная въ своей добычѣ. Онъ долженъ былъ слышать ея плескъ, когда она прикасалась къ его лбу. Первая волна только оросила его лицо, и ушла. Слѣдующая докатилась до глазъ. Вода все еще поднималась; мы видѣли, какъ постепенно въ нее погружалась голова. Икота потрясала все туловище.

Женщины у нашихъ ногъ вѣрнѣе сжимали лица своими сложенными руками. Мы упали на колѣни, протягивая руки, плача, бормоча мольбы и глядя на небо. А тамъ, вдали, на крышѣ, Эме все стояла, прижимая къ себѣ дѣтей и выла все громче и громче.

IV.

Не знаю, сколько времени мы провели въ оцѣпенѣннн послѣ этой муки. Когда я очнулся, вода еще повысилась. Она уже омывала черепицы. Крыша превратилась въ узкій островокъ надъ поверхностью громаднаго пространства воды. Направо и налево дома, вѣроятно, обрушились. Мы теперь были совсѣмъ одиноки, отрѣзанные отъ всего. Вокругъ насъ разстилалось море.

— Мы плывемъ,—шептала Роза, цѣпляясь за череницы.—Мы всё испытывали ощущение вачки, какъ-будто врыну смесло и она обратилась въ плотъ. Колыханіе воды вокругъ зачичивало насъ. Но когда мы взглядывали на церковную волокольную, недвижно стоявшую противъ насъ, головокруженіе прекращалось; мы удостовѣрялись, что остаемся на прежнемъ мѣстѣ, и что кажущееся намъ движеніе происходитъ отъ сотрясенія нашего утеса.

Вода уже начала свою осаду противъ нашего дома. Мы сдѣлались мишенью новаго теченія. До сихъ поръ оно шло вдоль улицы, но груди навалившихся на нее развалинъ запрудили ее и, заставляя потокъ повернуть съ дороги, образовали вокругъ насъ бурный водоворотъ. Осада велась по всѣмъ правиламъ, съ искусными и послѣдовательными приѣмами и стѣннотными орудіями. Какъ только какой-нибудь обломокъ, доска или бревно преплывали мимо теченія, оно немедленно завлаждывало имъ и, покачавъ его съ минуту, пускало его въ насъ, какъ тараномъ. Оно уже не выпускало его; относило его назадъ, и снова пускало имъ въ стѣну съ удвоенной силой; удары повторялись правильно, настойчиво, мѣтя все въ одно и то же мѣсто. Въ скоромъ времени уже десять или двѣнадцать такихъ бревенъ колотили насъ съ разныхъ сторонъ. Вода ревѣла, поддавала всей своей тяжестью, насыпала на насъ полчища своихъ волкъ, которыя поддерживали игру бревенъ. Брызги пѣны смачивали наши ноги. Стѣны глухо скрипѣли, налившіяся водою домъ гулко начиналъ давать трещины по перегородкамъ. Минутами, когда приступъ шелъ жарче и бревна ударили съ размаха, намъ казалось, что всему насталъ конецъ: стѣны разрушаются и сквозь разверстыя свои брени выдаютъ насъ нашимъ разъяреннымъ врагамъ. Гаспаръ отважился пробраться къ самому краю врыши. Ему удалось остановить небольшое бревно, второе онъ потащилъ къ себѣ, своими крѣпкими руками атлета.

— Намъ слѣдуетъ обороняться,—вскричалъ онъ.

Жакъ, съ своей стороны, старался поймать длинную жердь. Пьеръ помогъ ему. Я проклиналъ старость, вторая, отнявъ силы, обрекала меня на бесполезность ребенка. Началась оборона, гигантскій поединокъ, борьба между тремя мужчинами и океаномъ. Гаспаръ, придерживая свое бревно, поджидалъ деревянные тараны теченія, и круто отпихивалъ ихъ, когда они подступали на близкое разстояніе. Иногда толчокъ былъ такъ силенъ, что сшибалъ его съ ногъ. Рядомъ съ нимъ, Жакъ и Пьеръ работали длинною жердью, отталкивая также пловучіе обломки, непрерывный прибой которыхъ могъ быть для насъ губителенъ. Борьба эта длилась около часу. Они сторожили во всѣ глаза, перебѣгали съ одного конца на другой, должимъ были одновременно отражать двадцать нападений. Но, мало-по-малу, возбужде-

ніе ударило имъ въ голову, въ изступленіи они ругались съ океаномъ, расточали ему удары и угрозы. Гаспаръ взмахивалъ бревномъ, билъ по волнамъ, буравилъ ихъ какъ вражьи груди въ рукопашной схваткѣ; какъ кузнецъ по наковальнѣ, онъ колотилъ безостановочно, съ ожесточеннымъ усердіемъ. Но волны сохраняли свое дикое упорство, невредимыя подъ ударами, спокойныя и непобѣдимыя; бревна продолжали свою налаженную работу, точно движимыя инстинктомъ зла; они казались живыми существами: такъ хитро изловчались они избѣгать ударовъ, угрожавшихъ имъ, и такъ настойчиво, во что бы то ни стало, добивались удариться о-домъ въ нацѣленное мѣсто. Жакъ и Пьеръ опустили руки. Они сѣли на крышу измученные, разбитые. Гаспаръ въ послѣднемъ порывѣ подставилъ свое оружие теченію, которое вырвало у него изъ рукъ бревно, и снова принялось пробивать имъ свою брешь. Борьба была невозможна.

Минута была ужасная. Женщины слѣдили съ трепетнымъ напряженіемъ за обороной. Онѣ считали нашу побѣду за спасеніе, онѣ не чувствовали опасности, когда не слышали глухихъ ударовъ прибоа, отъ которыхъ имъ казалось всякій разъ, что домъ рушится. Онѣ всѣ встали, несмотря на свой страхъ, чтобы лучше видѣть. Но когда онѣ увидали обезоруженнаго Гаспара, Пьера и Жака, задыхавшихся отъ утомленія, онѣ начали громко рыдать и отчаяваться. Опять домъ сильно сотрясаясь, онъ дрожалъ подъ ногами, и при нѣкоторыхъ болѣе сильныхъ ударахъ, онѣ всѣ разомъ вскрикивали долгимъ, протяжнымъ крикомъ.

Мари и Вероника бросились въ объятія другъ друга. Онѣ повторяли раздрающимъ голосомъ все одну и ту же фразу, вопль ужаса, который и до сихъ поръ еще постоянно раздается у меня въ ушахъ:

— Не хочу я умирать, Воже мой! Не хочу я умирать!

Роза унимала ихъ. Она хотѣла утѣшить, ободрить ихъ. Но сама она вся тряслась, поднимала голову и повторяла за ними въ полголоса:

— Нѣтъ, не хочу я умирать, Воже мой!

Одна тетушка Агата не говорила ни слова. Она уже не молилась болѣе, не крестилась. Она гладѣла бессмысленно въ пространство и старалась улыбнуться, когда глаза ея встрѣчались съ моими. Вода еще повысилась. Она уже набѣгала на черепицы. Никакой помощи нельзя было ожидать. Крики доносились къ намъ издали; намъ на минуту показалось, будто два фонаря промелькнули въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ. Затѣмъ все смолкло, и желтая скатерть одна разстирала свою обнаженную, безбрежную поверхность. Жители Сѣнтина, у которыхъ были лодки, вѣроятно, были раньше насъ застигнуты наводненіемъ, а между тѣмъ мы роптали на нихъ и полагаали, что они подло успѣшили укрыться отъ опасности. Отчаяніе насъ ожесточало.

Гаспаръ однако же возобновилъ свои обходы вокругъ крыши. Вдругъ онъ позвалъ насъ.

— Подите сюда, помогайте мнѣ. Держите меня крѣпче.

Съ жердью въ рукахъ, онъ сторожилъ громадную черную массу, которая медленно подплывала къ намъ. Это была большая крыша съ амбара, сколоченная изъ крѣпкихъ досокъ; снесенная водой цѣликомъ, она плавала теперь какъ плотъ. Когда она подошла близко, Гаспаръ уперся въ нея жердью, но его потащило и онъ еще разъ закричалъ намъ, чтобы мы помогали. Мы держали его крѣпко, обнявши за станъ. Какъ только плотъ вступилъ въ теченіе, онъ самъ собой присталъ къ нашей крышѣ, и даже стукнулся о-нее съ такой силою, что мы на минуту опасались, чтобы онъ не развалился.

Гаспаръ смѣло вскочилъ на этотъ импровизированный плотъ, который судьба послала намъ. Онъ осматривалъ его со всѣхъ сторонъ, чтобы удостовѣриться въ его прочности, въ то время какъ Пьеръ и Жакъ держали его съ крыши, чтобы онъ не уплылъ. Гаспаръ смѣялся и говорилъ весело:

— Вотъ, дѣдушка, мы и спасены... Не плачьте вы, женщины!.. Вѣдь это настоящая лодка! Посмотрите, я даже ногъ не промочилъ. Она снесетъ насъ всѣхъ. Мы будемъ на ней какъ дома!

Однако же, онъ нашелъ нужнымъ еще укрѣпить плотъ. Онъ ловилъ бревна, плававшія вокругъ, и привязывалъ ихъ къ нему веревками, захваченными на всякій случай Пьеромъ изъ дома, когда мы выбирались изъ нижняго этажа. Онъ, перегнувшись, упалъ въ воду, но на нашъ крикъ онъ отвѣчалъ только смѣхомъ. Вода знаетъ его. Онъ не даромъ проплывалъ по цѣлой лѣѣ по Гароннѣ. Онъ вернулся обратно на крышу, встряхнулся и сказалъ:

— Ну, садитесь, времени терять нечего.

Женщины попадали на колѣни. Онѣ благодарили Бога. Гаспаръ снесъ на рукахъ Веронику и Мари на плотъ, на середину котораго усадилъ ихъ. Роза и тетущка Агата сами скатились съ черепицъ и помѣстились подлѣ молодыхъ дѣвушекъ. Въ этотъ моментъ я оглянулся въ сторону колокольни. Эжѣ еще все стояла тамъ, въ небольшомъ разстояніи отъ насъ. Она держалась за трубу и поднимала дѣтей на вытанутыхъ кверху рукахъ, вода была ей уже по поясъ.

— Не печальтесь, дѣдушка,—сказалъ мнѣ шопотомъ Гаспаръ.— Мы захватимъ ее мимоѣздомъ, обещаюсъ вамъ.

Пьеръ и Жакъ были уже на плоту. Я тоже прыгнулъ на него. Онъ немного наклонился на одинъ бокъ, но былъ дѣйствительно достаточно проченъ, чтобы выдержать нашу тяжесть. Гаспаръ, наконецъ, послѣдній спустился съ крыши. Онъ напомнилъ намъ захватить жерди, которыми онъ запасся; онѣ должны были служить намъ

всѣми. Самъ же онъ взялъ очень длинный шестъ, которымъ дѣйствовалъ съ большой ловкостью. Мы предоставили ему распорядиться. По его командѣ, мы уперли всѣ наши жерди о-домъ, чтобы заставить плоть отчалить. Но онъ точно приросъ въ нашей крышѣ, и, несмотря на всѣ наши усилія, мы не могли отпихнуться. Едва мы усиѣвали, налегая всѣми силами на шесты, отдѣлится на два или три метра отъ дома, какъ течение яростно снова прибывало насъ къ нему. А этотъ маневръ былъ не безомасна, потому что столкновение было настолько жестоко, что великій разъ грозило разбить въ дребезги достаникъ, на которомъ мы находились.

И опять мы почувствовали свое безсиліе. Мы считали себя спасенными, а между тѣмъ все еще были во власти разлившейся рѣки. Мои опасенія даже возросли, я жалѣлъ, что женщины оставили крышу; здѣсь ежеминутно онъ представлялись моему воображенію сброшенными въ пучину и борющимися съ смертью. Но когда я заговаривалъ о возвращеніи, всѣ въ одинъ голосъ кричали:

— Нѣтъ, нѣтъ, попытаемся еще. Лучше умремъ здѣсь!

Гаспаръ не смѣялся больше, и мы всѣ хранили мрачное молчаніе, возобновляя наши усилія, налегая на жерди и усугубляя нашу энергію. Пьеру пришла мысль вернуться на крышу и оттуда, съ помощью веревки, перетянуть насъ на-лѣво; такимъ манеромъ онъ насъ вывелъ изъ теченія. Когда онъ снова вспрыгнулъ на плотъ, мы уже легко могли отпихнуться и выплыть въ открытое мѣсто. Гаспаръ вспомнилъ обѣщаніе, сдѣланное мнѣ: захватить по дорогѣ нашу бѣдную Эмѣ, жалобный вой которой не переставалъ еще раздаваться. Но для этого надо было переѣхать улицу, гдѣ было ужасное теченіе, противъ котораго мы такъ тщетно боролись. Онъ бросилъ мнѣ просительный взглядъ. Я совершенно растерялся: никогда еще во мнѣ не происходило такой жестокой борьбы. Для спасенія этой несчастной приходилось рисковать восемью душами. И хотя я колебался на мгновеніе, но не имѣлъ силы устоять противъ ея унылаго зова, который раздавался посреди ночи, какъ смертный стонъ.

— Да, да, — отвѣчала я Гаспару. — Мы не можемъ уѣхать безъ нея.

Онъ опустил голову, не сказавъ ни слова, и сталъ двигать плотъ, упираясь шестомъ во всѣ удѣлѣнія стѣны. Мы прошли вдоль сосѣдняго дома, переѣхали надъ своими хлѣвами; но едва мы вѣхали на улицу, какъ всѣ вскрикнули разомъ. Теченіе подхватило насъ съ новою силою, увлекало и снова прибывало насъ къ нашему дому. Мы ичались вихремъ двѣ или три секунды. Насъ несло, какъ соломенку, съ такою быстротой, что нашъ крикъ уже окончился въ страшномъ ударѣ плота о-череницы. Что-то треснуло, расколота

доски завертѣлись и насъ всѣхъ разбросало. Я не знаю, что произошло далѣе. Помню только, что, падаю, и видѣлъ Агату, распростершую плашмя на водѣ; юбки поддерживали ее, но она опускалась, закинувъ голову назадъ, безъ борьбы, какъ жертва.

Острая боль заставила меня очнуться. Это Пьеръ волокъ меня вдоль черепицъ за волосы. Я лежалъ, озираясь кругомъ въ совершенномъ одуреніи. Пьеръ бросился въ воду. Я видѣлъ какъ онъ плавалъ, въ отчаяніи, отыскивая что-то въ водѣ. Въ полусознаніи, изъ котораго я еще не вытѣлъ, я былъ очень удивленъ, увидя вдругъ Гаспара на томъ мѣстѣ, куда нырнулъ Пьеръ; юшопа держалъ на рукахъ Веронику. Положивъ ее рядомъ со мной, онъ опять бросился въ теченіе и вытащилъ изъ него Мари, бѣлую какъ воскъ, всю зачоченѣлую и недвижимую, такъ что я принялъ ее за мертвую. Онъ же бросился въ третій разъ. Но уже безуспѣшно. Пьеръ подосѣлъ къ нему. Они что-то говорили, показывали другъ другу, но я ничего не могъ слышать. Когда они вернулись на крышу, утомленные, я вскричалъ:

— А тѣтушка Агата! А Жакъ! А Роза!

Они повачали головою. Крупныя слезы катились у нихъ изъ глазъ. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ ими, я понялъ приблизительно, что Жаку, должно быть, проломилъ черепъ ударомъ о-бревно. Роза ухватилась за трупъ мужа и была увлечена имъ въ бездну. Тѣтушка Агата исчезла. Гаспаръ нелгала, что теченіемъ ея трупъ былъ занесенъ въ домъ, подъ нами, чрезъ какое-нибудь открытое окно.

Приподнимаясь, я вспомнилъ объ Эмѣ, и повернулъ голову по направлению къ крышѣ, гдѣ нѣсколько минутъ тому назадъ она еще стояла. Но вода еще поднялась. Эмѣ умогла. Я увидалъ только ея двѣ зачоченѣвшія руки, которыя продолжали поддерживать дѣтей надъ водою. Затѣмъ все пропало, вода все затанула ровной, гладкой скатертью, серебрившейся сонными лучами луны.

V.

Последній актъ страшной драмы наступилъ. Насъ оставалось пятеро на кровлѣ. Вода оставила намъ только узкую полосу вдоль гребня дома. Съ одной стороны смыло трубу. Намъ приходилось держать Веронику и Мари, неочнувшись еще отъ обморока, въ стоячемъ положеніи, чтобы онѣ не измокли окончательно. Наконецъ онѣ пришли въ себя, и намъ стало еще тяжелѣе смотрѣть на нихъ; измокшія, дрожа отъ холода, онѣ опять принялись кричать, что онѣ

не хотѣть умирать. Мы старались успокоить ихъ, какъ успокаиваютъ дѣтей, говорили имъ, что онѣ не умрутъ, что мы тутъ и не отдадимъ ихъ смерти. Но онѣ уже не вѣрили намъ, онѣ мотали головой: онѣ знали, что имъ предстоитъ умереть. И всякій разъ, какъ это слово „умереть“ касалось ихъ губъ, ихъ зубы стучали какъ въ лихорадкѣ, и онѣ съ неописанной тоской бросались обнимать другъ друга.

Приближался конецъ. Разрушенная деревня изъ-подъ воды выглядывала только кое-гдѣ уцѣлѣвшими остатками стѣнъ. Нашъ домъ стоялъ еще долѣе другихъ. Одна церковь продолжала невредимо выставять свою колокольню, и только оттуда слышалось неясное жужжаніе голосовъ, тамъ спасшіеся люди говорили о смерти и разрушеніи, происходившихъ вокругъ нихъ. Съ этой стороны мы не могли рассчитывать на помощь. На нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, мы видѣли троицъ людей, взлѣзшихъ на деревья и поднимавшихся по сучьямъ, спасаясь отъ наводненія; теперь вода закрывала верхушки тѣхъ деревъ: смерть и тамъ уже совершила свое дѣло. Наше вниманіе было привлечено также другою попыткою спасенія, происходившею въ домѣ позади насъ, на берегу рѣки. Въ этой мѣстности разливъ залилъ только нижній этажъ. Жители его, съ помощью связанныхъ простыней, спустились изъ оконъ на плотъ, который вѣроятно былъ, также какъ и нашъ, какимъ-нибудь пловучимъ обломкомъ, который имъ удалось остановить. Позднѣе мы потеряли изъ виду этотъ плотъ. Раздирающій крикъ, поднявшійся вскорѣ послѣ ихъ исчезновенія, заставилъ насъ думать, что и они разбились о какое-нибудь препятствіе. Теперь направо и налево ничего не слышалось болѣе, кромѣ громкаго ропота волнъ. Даже обвалы домовъ, раздававшіеся какъ камни, ссыпанные съ телѣги на мостовую, прекратились. Все опустѣло; мы находились, какъ послѣ настоящаго кораблекрушенія, посреди океана, отдѣленные отъ земли льѣ на триста, въ громадной пустынѣ, не видя ничего впереди, кромѣ смерти.

На мгновеніе, намъ почудился звукъ весель. Мѣрный, ударявшій въ ритмъ, онъ шелъ, усиливаясь. Боже, какой дивной, желанной музыкой показался онъ намъ, и какъ мы вытягивались и напрягали слухъ и зрѣніе, вопрошая пространство. Мы удерживали дыханіе, проклинали шумъ волнъ, бушевавшихъ у нашихъ ногъ и мѣшавшихъ намъ ясно слышать. Но ничего не показывалось. Желтая влага, покрытая тѣневыми пятнами, одна разстилалась подъ глазами. Ни одна изъ тѣней, верхушки деревьевъ, уцѣлѣвшіе остовы стѣнъ не двигались, не приближались къ намъ. Обломки, пустыя бочки, травы нѣсколько разъ вводили насъ въ заблужденіе: мы хлопали въ ладоши, махали платками, пока не убѣждались въ ошибкѣ, и снова начинали

прислушиваться къ шуму, который не переставалъ доходить до насъ, хотя мы и не могли различить, откуда онъ происходитъ.

— Ахъ, я вижу ее,—завричалъ вдругъ Гаспаръ.—Видите, тамъ вонъ большая лодка!

И онъ указывалъ вытянутой рукой на далекую точку, между темными тѣновыми пятнами. Я не различалъ ничего, Пьеръ тоже. Но Гаспаръ стоялъ на своемъ. Дѣйствительно, это была лодка. Стукъ весель сталъ еще отчетливѣе доходить до насъ. И мы вскорѣ стали ее видѣть. Она медленно плыла, точно кружась около насъ, но не приближаясь. Я помню, что тогда мы всё точно помѣшались. Мы махали неистово руками, кричали до хрипоты, и наши крики переходили въ протяжный вой. Мы осыпали барку ругательствами, называли ее подлой, обвиняли ее въ нашей смерти. Мы нѣсколько времени продолжали преслѣдовать ее кривами и бранью. Она же безмолвно, тихо вертѣлась. Была ли это лодка въ самомъ дѣлѣ? Я этого не знаю до сихъ поръ. Когда она скрылась, она унесла послѣднюю нашу надежду.

Теперь каждую секунду мы ждали своей гибели и разрушенія дома. Онъ былъ весь разбитъ; вѣроятно, онъ лѣнился еще благодаря какой-нибудь крѣпкой стѣнѣ, которая неминуемо увлечетъ и его въ своемъ паденіи. Онъ качался, какъ дерево, прикрѣпленное къ землѣ только одной третью корней. Но меня въ особенности пугало то обстоятельство, что я чувствовалъ, какъ крыша подается подъ нами. Домъ, быть можетъ, и продержался бы еще долго, но черепицы, переломанныя и постоянно сотрясаемая прибоемъ, гнулись. Мы выбрали мѣстомъ своего убѣжища лѣвую сторону, гдѣ стропила, казалось, могли выдержать нашу тяжесть. Но площадка эта была очень тѣсна, и мы съ трудомъ помѣщались на ней пятеромъ. Нѣсколько спустя и это мѣсто начало опускаться. Очевидно, оно должно было провалиться, если кто-нибудь изъ насъ не сойдетъ съ него.

Уже нѣсколько минутъ, какъ братъ Пьеръ опять взялся за свою трубку, съ безпечнымъ жестомъ. Онъ покручивалъ свои старыя солдатскіе усы, морщилъ брови, ворчалъ себѣ подъ носъ. Возраставшая опасность, которая окружала его и противъ которой онъ ничего не могъ сдѣлать своей храбростью, начинала выводить его изъ терпѣнія. Онъ два или три раза плюнулъ на воду съ видомъ презрительнаго гнѣва. Потомъ, въ то время, какъ мы понемногу все опускались, онъ принялъ какое-то рѣшеніе, спустился съ крыши по козлѣнн въ воду.

— Пьеръ, Пьеръ!—окрикнулъ я его, боясь понять его намѣреніе.

Онъ обернулся и спокойно сказалъ:

— Прощай, Луи... видишь ли, это слишкомъ долго продолжается для меня. Къ тому же, и вамъ будетъ больше мѣста.

И, бросивъ напередъ трубку, онъ бросился самъ въ самую глубь потока, съ словами:

— Прощайте, съ меня будетъ!

Онъ не всплывалъ. Онъ плохо плавалъ. Вѣроятно, къ тому же онъ и не силился плыть, его сердце было разбито разореніемъ и смертью всѣхъ нашихъ, и онъ не захотѣлъ пережить ихъ.

Мы съ полчаса могли еще продержаться на этомъ мѣстѣ крови, которая теперь опускалась менѣе сильно. Должно было быть около двухъ часовъ, ночь была на исходѣ, эта ужасная ночь слезъ и мукъ. Но небо еще было подернуто рѣзкой синевой и все нестрѣло звѣздами. Ни единая полоса свѣта еще не показывалась на горизонтѣ, дремавшемъ подъ лучами луны. А площадь подъ нашими ногами все мало-по-малу убавлялась. Съ нѣжнымъ журчаніемъ ручейка, крохотныя волны подбирались и ползли толпами на крышу, ласково подталкивая другъ друга. Еще разъ течение переизменило направленіе, плывучіе обломки плавно проходили мимо насъ, по правую сторону села, какъ будто вода, передъ моментомъ достиженія своей наибольшей высоты, лѣниво отдыхала отъ утомленія.

Гаспаръ быстро разулся и сбросилъ куртку. Я уже замѣтилъ нѣсколько минутъ, что онъ былъ въ сильномъ волненіи и горѣлъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, сжималъ руки, хрустѣлъ пальцами. Когда же я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Слушайте, дѣдушка,—сказалъ онъ,—я умираю тутъ отъ ожиданія. Я не могу больше оставаться... Позвольте мнѣ, я спасу ее.

Онъ говорилъ о Вероникѣ. Я хотѣлъ противиться его мысли. У него не хватить силъ донести дѣвушку вплавь до колокольни. Но онъ упорствовалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня надежныя руки, я чувствую себя въ силахъ... Вы увидите.

И онъ добавлялъ, что лучше если онъ немедленно предприметъ попытку, что онъ расслабѣваетъ, какъ баба, сидя тутъ и прислушиваясь, какъ дождь размываетъ по крошкамъ у насъ подъ ногами.

— Я люблю ее, и спасу ее,—повторялъ онъ.

Затѣмъ, когда, умоливъ, я привлекъ къ себѣ Мари, онъ подумалъ, что я обвиняю его въ дурствѣ за его эгоизмъ влюбленнаго, и сказалъ, запинаясь:

— Я вернусь за Мари, клянусь вамъ. Найду лодку, устрою что-нибудь для спасенія... Надѣйтесь на меня, дѣдушка.

Я смотрѣлъ на его сборы; онъ все съ себя снялъ, кромѣ панталонъ. Потомъ быстро, шопотомъ, онъ началъ объяснять Вероникѣ,

что она не должна отбиваться, должна совсѣмъ довѣриться ему и не двигаться, а главное, не слѣдуетъ бояться. Дѣвушка на каждое предписаніе отвѣчала „да“, съ растеряннымъ видомъ. Онъ же, перекрестясь, хотя въ обыкновенное время и не отличался набожностью, скатился съ крыши, держа Веронику за веревку, которою онъ подвизалъ ей подъ мышки. Она вскрикнула, всѣми членами стала бить воду, затѣмъ задохнулась и лишилась чувствъ.

— Этакъ даже лучше, — крикнулъ мнѣ Гаснаръ, — теперь я отвѣчаю за нее.

Можно себѣ представить, съ какими трепетомъ я провожалъ ихъ глазами. На свѣтлой водѣ я видѣлъ каждое малѣйшее движеніе Гаснара. Съ помощью веревки, которую онъ обвилъ себѣ вокругъ шеи, онъ поддерживалъ дѣвушку надъ водой и несъ ее, перевинутую черезъ правое плечо. Тяжелый грузъ иногда заставлялъ и его самого погружаться, но онъ все плылъ впередъ съ необычайной силою и нечеловѣческимъ мужествомъ.

Я пересталъ сомнѣваться; онъ уже проплылъ треть разстоянія, когда наткнулся на что-то скрытое подъ водой. Ударъ былъ жесточайшій. Оба исчезли. Затѣмъ я видѣлъ, какъ онъ всплылъ одинъ; веревка вѣроятно оборвалась. Онъ нырнулъ два раза. Наконецъ снова выплылъ, держа Веронику, которую положилъ себѣ опять на спину. Но веревки уже не было какъ прежде, чтобы держать ее, и она давила его сильнѣе всюю тяжестью; черезъ каждые три-четыре шага, ему приходилось останавливаться и придержать ее, чтобы она не соскользнула. Однакоже онъ все подвигался, движимый силою воли и геройства. Я трясся съ головы до ногъ, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ колокольнѣ. Имъ оставалось до нея не болѣе двадцати метровъ. Вдругъ, я хотѣлъ крикнуть, я увидалъ бревна, плившія на нихъ боку. Я успѣлъ только разинуть ротъ, какъ новое столкновеніе уже разлучило ихъ и они оба исчезли; я считалъ ихъ окончательно погибшими. Водяная площадь опять сравнялась. Я прождалъ долгія секунды, не видя никакого движенія. Наконецъ Гаснаръ показался, ему еще разъ удалось найти Веронику; но силы его истощались, онъ долженъ былъ испытывать сомнѣнія добраться до крыши церковнаго дома. Но онъ крѣпко боролся. Онъ то плылъ одной рукой, то переставалъ плыть и просто толкалъ дѣвушку впередъ, шагая за ней въ водѣ, въ силу какого-то чуда любви. Наконецъ они доплыли до цѣли; онъ положилъ ее на крышу церковнаго дома, которая сообщалась съ колокольней посредствомъ высокаго стрѣльчатого окна.

— Экой славный малый! спасибо! молодецъ! — кричалъ я, забывая, что онъ не могъ меня слышать.

Вероника приходила въ себя, Гаспаръ протягивалъ къ ней руки, улыбаясь. И вдругъ камень съ колокольни, разбитый вѣроятно послѣдними дождями, какъ разъ въ эту минуту свалился внизъ прямо въ темя Вероники и раздробилъ ей черепъ. Смерть должно быть послѣдовала мгновенно, непредвидѣнная, ужасная, въ которой наводненіе, грозившее намъ уже полъ-сутокъ всевозможными опасностями, было ни при чемъ. Я отчетливо видѣлъ Гаспара. Онъ продолжалъ стоять, все еще поддерживая трупъ Вероники, ошеломленный, помѣшанный. Неужели онъ спасъ ее отъ вѣрной смерти, бился съ волнами, у которыхъ дважды отнял ее, а она умираетъ тутъ на его рукахъ подъ ударомъ, котораго онъ не могъ предвидѣть! Она принадлежала ему, онъ заслужилъ ее, и какъ еще заслужилъ, а смерть отнимаетъ ее у него такъ глупо и жестоко! Онъ спасъ ее, а она все же погибла! Тогда я увидаль, какъ имъ тоже овладѣла жажда смерти, онъ страстно жалъ ее въ свои объятія и порывисто бросился въ желтую пучину, противъ которой онъ такъ недавно еще боролся. Вода сомкнулась надъ ихъ головами. Гаспаръ умеръ тоже, не разставаясь съ Вероникою.

Съ этой минуты я потерялъ уже всякую способность понимать. Эти двѣ новыя смерти, послѣдовавшія за остальными, довергли меня въ какое-то мрачное оцѣпенѣніе. У меня сохранился только инстинктъ животнаго, заботящагося о самосохраненіи. Когда вода наступала, я пятился,—вотъ и все. Въ этомъ идиотическомъ состояніи я долго слышалъ смѣхъ, не трудясь дать себѣ отчета, кто можетъ такъ смѣяться подлѣ меня.

Занимался день; бѣлая заря выступала на небѣ и обдавала часть разлива молочнымъ отбѣнкомъ. Было хорошо, свѣжо и тихо, какъ на берегу озера, просыпающагося на восходѣ солнца. Но смѣхъ продолжался; оглянувшись, я увидаль Мари: она стояла въ своемъ вымокшемъ платьѣ и смѣялась.

Бѣдная, дорогая дѣвочка, какъ она была мила и красива въ это раннее утро! Я видѣлъ, какъ она пригнулась, зачерпнула воды въ свою горсточку и умыла себѣ лицо. Потомъ она закрутила свои роскошные бѣлокурые волосы, распустившіяся за ночь, обвила ихъ вокругъ головы. Она дѣлала утренній туалетъ: можетъ быть, она думала, что встанетъ въ своей комнатѣ, въ воскресенье, когда колокола радостно звонятъ. И она все смѣялась, своимъ дѣтскимъ смѣхомъ, съ ясными глазами и съ счастливымъ лицомъ.

Я тоже началъ вторить ея смѣху, ея помѣшательство заражало меня. Она потеряла рассудокъ отъ ужаса, и это было для нея благодѣяніемъ: съ такимъ невозмутимымъ счастьемъ она теперь наслаждалась яснымъ весеннимъ утромъ.

Я не мѣшалъ ея торопливымъ сборамъ, ничего не понимая, продолжая улыбаться ей. Она все охорашивалась. Затѣмъ, когда она сочла себя готовой, она принялась пѣть одинъ изъ своихъ гимновъ звучнымъ, милымъ голоскомъ своимъ. Вдругъ она прервала пѣніе и сказала, точно отвѣчая голосу, который звалъ ее и слышать былъ ей одной:

— Иду, иду!

Она продолжала свой гимнъ, стала спускаться по отлогу крыши и вошла въ воду; которая тихо, неслышно прикрыла ее. Я же все продолжалъ улыбаться. Я глядѣлъ, съ счастливымъ лицомъ, на мѣсто, гдѣ она только-что скрылась.

Далѣе, я ничего не помню. Я былъ одинъ на крышѣ. Вода еще прибыла. Одна изъ трубъ стояла еще; какъ кажется, я за нее цѣплялся изъ всѣхъ силъ, какъ животное, которое избѣгаетъ смерти. А потомъ все исчезло, все, темная пропасть, забвѣе.

VI.

Какимъ образомъ и зачѣмъ я въ живыхъ? Сказывали мнѣ, что поселяне Сэнтина, рано утромъ, въ шесть часовъ, пріѣхали къ намъ на лодкахъ и нашли меня сидящимъ, безъ чувствъ, на трубѣ. Ахъ, зачѣмъ наводненіе было настолько жестоко, что не унесло меня вслѣдъ за всѣми моими, въ то время, когда я не чувствовалъ своего горя!

Одинъ я, старикъ, уцѣпился за жизнь, всѣ мои ушли: дѣти въ пленкахъ, дѣвушки невѣсты, молодые четы, старья четы. Я одинъ живу, какъ сорная трава, жесткая и сухая, приросшая къ булыжнику. Еслибы хватило у меня мужества, я бы поступилъ, какъ Пьеръ, я сказалъ бы: „довольно съ меня, прощайте!“ и бросился бы въ Гаронну, чтобы уйти тою же дорогою, по которой ушли всѣ. У меня не осталось ни одного изъ дѣтей моихъ, домъ мой разрушенъ, поля мои загублены. Гдѣ вечера, когда мы всѣ сидѣли вокругъ стола, старики посередкѣ, молодые по бокамъ, и меня окружала и согрѣвала вся эта веселость? Гдѣ вы, славные дни жатвы и сбора винограда, когда всѣ отправлялись мы вмѣстѣ на работу и возвращались, гордясь и радуясь нашими богатствами! О, мои красавчики-внуки и чудные гроздья, красавицы-дочки и хорошіе хлѣба, вся радость моей старости, живая награда цѣлой жизни труда и любви! Если все это погибло, Господи, зачѣмъ же Ты хочешь, чтобы я жилъ!

Утѣшенія нѣтъ. Пособій не хочу. Я отдамъ мои поля людямъ, у

которые остались дѣти. У нихъ хватить мужества очистить землю отъ тины и снова приступить за обработку ея. У кого нѣтъ дѣтей, тому достаточно уюта, гдѣ бы умереть. Я найду особъ угловокъ умирать. У меня осталось одно желаніе, послѣднее. Мнѣ бы хотѣлось отыскать тѣла всѣхъ моихъ дѣтей и похоронить ихъ на нашемъ кладбищѣ, куда бы ежедневно я сталъ ходить на ихъ могилы. Но Гаронна похитила у меня многихъ покойниковъ. Трое или четверо изъ нихъ найдены между развалинами строеній, но они были уже зарыты въ перемежку съ чужими трупами другихъ жертвъ, когда я вернулся изъ Сентина, гдѣ одно семейство приняло меня. Рассказывали мнѣ, что много труповъ, унесенныхъ рѣвою, вытащено изъ воды въ Тулузѣ. Я рѣшился отправиться туда, разспросить, надѣясь еще подоспѣть во-время, чтобы отыскать кого-нибудь изъ дорогихъ моихъ покойниковъ. А какіе ужасы въ Тулузѣ! Около двухъ тысячъ домовъ разрушено; семьсотъ человѣкъ погибло; всѣ мосты снесены; цѣлый кварталъ истребленъ и затопленъ грязью; какія страшныя драмы! Двадцать тысячъ человѣкъ безъ крова, одежды и хлѣба. Весь городъ погруженъ въ смрадь отъ разлагающихся труповъ и въ страхъ грозящаго ему тифа. Вездѣ трауръ, всѣ улицы закружены погребальными процессіями. Благотворительность безсилна перевязать всѣ вѣдущія раны. Но я проходилъ мимо всего этого горя и развалинъ, ничего не видя. Собственные утраты, собственныя развалины давили меня.

Мнѣ подтвердили, что дѣйствительно много труповъ вытащили изъ рѣки. Но всѣ они уже были зарыты, длинными рядами, въ одномъ изъ участковъ кладбища. Однакоже игъли предусмотрительность снять фотографическіе портреты съ лицъ, оставшихся неизвѣстными. Между этими печальными изображеніями нашелъ я снимокъ съ Гаспара и Вероники. Помолвленные, такъ и остались соединенными въ смерти страстнымъ объятіемъ, обмѣниваясь мертвыми устами брачнымъ поцѣлуемъ. Они такъ крѣпко сплелись заостренными руками, что пришлось бы ломать ихъ кости, чтобы разлучить ихъ. Такъ они и сняты вмѣстѣ на фотографіи, и такъ вмѣстѣ и почили подъ землею.

Они одни остались у меня: этотъ ужасный портретъ двухъ дѣтей-красавцевъ. Распухшіе, обезображенные, они сохранили и на искаженныхъ лицахъ печать героизма и величія любви. Я гляжу на нихъ — и плачу.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданія Комитета 17-го іюня и 2 іюля.

- 1) Выдано 50 р. больной писательницѣ, не имѣющей средствъ на леченіе.
- 2) Выдано 75 р. писателю, поставленному болѣзнью въ крайне затруднительное положеніе.
- 3) Выслано 100 р. писателю, имѣющему надобность въ пособіи для спеціальнаго изученія предмета его учено-литературныхъ занятій.
- 4) Выдано 100 р. писателю, находящемуся въ бѣдственномъ положеніи.
- 5) Выдано 26 р. бывшему студенту университета на уплату невнесенныхъ имъ денегъ за слушаніе лекцій, вслѣдствіе чего канцелярію университета удержаны его документы.
- 6) Отклонены ходатайства 4-хъ лицъ о пособіи, за неимѣніемъ основанія къ выдачѣ его, 2-хъ лицъ о ссудѣ за непредставленіемъ ручательства, 1-го лица о мѣстѣ за неимѣніемъ въ виду, и 1-го лица объ опредѣленіи дочери въ учебное заведеніе на счетъ Общества, ибо другая дочь того же лица воспитывается на счетъ Общества съ 1864 г.
- 7) Больному писателю выданъ бесплатный билетъ въ лечебницу.
- 8) По ходатайству одного лица сдѣлано сношеніе съ редакціею газеты о возвращеніи рукописи.
- 9) Ходатайство одного лица передано въ другое благотворительное общество.
- 10) Изъявлена благодарность Общества за содѣйствіе Комитету А. С. Фаминцыну и Д. А. Корсакову.
- 11) Прочитанъ отчетъ казначея за іюнь мѣсяцъ. Къ 1-му іюня въ кассѣ было 63,048 р. 10 к. Поступило: процентовъ на капиталъ 486 р. 18 к. и отъ продажи процентныхъ бумагъ Общества 56,950

р. 50 к., всего 57,436 р. 68 к. Израсходовано: на пенсіи 4 лицамъ 220 р., единовременныя пособія 3 лицамъ 225 р., въ пособіе на воспитаніе 2 лицамъ 190 р. и куплено процентныхъ бумагъ на 53,900 р. (нарицательной стоимости), всего 54,535 р. Въ кассѣ къ 1-му іюля 65,949 р. 78 к.

ПОПРАВКИ.

Въ іюльской книгѣ слѣдуетъ исправить:

<i>Стран.</i>	<i>Строч.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>вмѣсто:</i>
66	17 св.	Гріона	Грюна
69	10 св.	человѣческая	гегелевская
136	1 св.	167,386	67,366
397	2 св.	шиповникомъ	шиповникомъ

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ЮЛЬ—АВГУСТЪ 1875.

Книга седьмая.—Июль.

	СТР.
МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БОНАРОТТИ, ЗОДЧІЙ, ВАЯТЕЛЬ И ЖИВОПИСЕЦЪ.—1475-1564.—А. ДР. ПРАХОВА	5
ПЬЕРЬ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья вторая.—I—VII.—Д.—ЕВА	32
ГЕРМАНІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.—Историческія этюды.—XIII. Австрійскій Габсбургъ.—XIV. Прусскій Гогенцоллернъ.—XV. Нѣмецкое единство до Фридриха Великаго.—А. С. ТРАЧЕВСКАГО	78
ИЗЪ ГЕЙНЕ.—Лирическія стихотворенія.—АЛЕКСѢЯ ГИЛЯРОВА	124
ЕВРЕИ И ПОЛЯКИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.—По новымъ матеріаламъ для юго-западнаго края.—I-IV.—М. П. ДРАГОМАНОВА	133
НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Письма изъ Англій.—Второе письмо.—А. РЕНЬЯРА	180
АМЕРИКАНСКІЕ ПОНЕВРЕ.—I-II.—А. КУРБСКАГО	214
ЭМИГРАНТЬ.—Сатирическій романъ Яна Лама.—Статья первая.—Е. Д.	278
ПЕРВЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ КОМЕДІИ „ГОРЕ ОТЪ УМА.“—1827-1832.—Изъ воспоминаній участника.—М. Г.	319
ХРОНИКА.—Психологическая критика.—Замѣчанія Ю. О. Самарина на книгу „Задачи Психологій“.—Окончаніе.—Б. Д. КАВЕЛИНА	333
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Десятилѣтіе земскихъ учреждений.—Городовое положеніе въ западныхъ губерніяхъ.—Вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ области войска донскаго.—Историческій взглядъ на военное управленіе областью.—Вопросъ о подвѣдомственности донскаго земства.—Земство уфимское.—Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства.—Литературная дѣловина	356
ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—IV.—Шарль де-Ремюза.—Скачки и игра.—Торжества въ память Вольфѣ.—Осужденіе Ла-Фонтэна.—Трагическій Парижъ.—Е. Z—I—	381
ЧТО ДУМАТЬ О СПИРИТИЗМѢ?—По поводу письма проф. Вагнера.—III.—А. С. ШКЛЯРЕВСКАГО	409
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	419
Библиографическій Листокъ	

Книга восьмая.—Августъ.

	СТР.
Эмигрантъ.—Сатирический романъ Яна Лама.—Окончаніе.—Е. Д.	425
Англія и ея видъ на Россію въ XVI-мъ вѣкѣ.—По новымъ документамъ.—I-X.— Ю. В. ТОЛСТОГО	477
Пьеръ-Жозефъ Прудонъ въ письмахъ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.— Статья вторая.—VIII-XIV.—Д.—ЕВА.	523
Американскіе понеры.—III.—А. КУРВСКАГО	568
Паоло и Франческа.—Изъ Данта.—А. Д. ОРЛОВА	610
Германія наканунѣ революціи.—Историческіе этюды.—Окончаніе.—XVI. Союзъ фюрстовъ и нѣмецкая политія Россіи.—XVII. Наполеонъ I и февраль- ская революція.—XVIII. Садовая и Седанъ.—А. С. ТРАЧЕВСКАГО	613
Гревцовская Москва, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.— 1812-1818 гг.—Окончаніе.—1817-й и 1818-й годы.—М. СВИСТУНОВОЙ.	660
Ново-Кельтское и Провансальское движеніе во Франціи.—I-IV.—М. П. ДРА- ГОМАНОВА	688
Хроника.—Нашъ аргонавтъ.—По поводу новыхъ статей и новыхъ идей г. Лю- бимова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—В. Н.	741
Внутреннее Озвращеніе.—Наше финансовое положеніе.—Пятый выпускъ консо- лей.—Сравненіе возрастанія расходовъ и доходовъ.—Производительность отдѣльныхъ статей доходовъ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣ- щенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣ- шеніе вопроса о медико-хирургической академіи.—Полемика объ увели- щеніи военнаго вѣдомства	765
Корреспонденція изъ Берлина.—Финансовыя затрудненія и оппозиція.— Выборы въ Баваріи.—К.	792
Корреспонденція изъ Лондона.—Рабочій классъ англійской законода- тельство.—R.	808
Парижскія письма.—V.—Наводненіе.—I-VI.—E. Z.—	825
Ивѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	853
Библиографическій листокъ.	

ВАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (отъ Петра до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Составилъ *И. В. Евстафьевъ*. Спб. 1875. 255 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ имѣлъ въ виду своимъ учебникомъ полнить двѣ задачи: во-первыхъ, облегчить обществу основательное знакомство съ важными произведениями нашей художественной жизни; во-вторыхъ, сдѣланный имъ подборъ главнѣйшихъ произведеній нашихъ писателей и способъ анализа должны послужить необходимой ступенью для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій юношества отечественною литературой.

Учебникъ составленъ недурно; но общій онъ совершенно таковъ же, какъ вообще въ вѣднѣхъ учебникахъ словесности. Изъ всей литературы прошлаго и нынѣшняго столѣтія рѣшено только небольшое число основныхъ сателитовъ, и предполагается, что ихъ характеристики передаютъ все развитіе литературы. Такова, кажется, обязательная программа учебниковъ. Но повидно, что цѣль ознакомленія съ литературой не совсѣмъ этимъ достигается; ащійся остается безъ всякихъ свѣдѣній о другихъ фактахъ литературы, которые были-бы очень интересными для ея пониманія, и въ этомъ отношеніи гораздо была лучше прежніе учебники, которые имѣли въ виду представлять постепенное развитіе литературы и, кромѣ чистой беллетристики, знакомили читателя и съ ходомъ образованія, и съ развитіемъ и совершенствованіемъ языка, и т. п. Къ нынѣшнему учебнику должна прибавиться масса дополнительныхъ объясненій, для того, чтобы онъ съ нѣкоторой полнотой ознакомилъ учащагося съ предметомъ.

Было бы очень желательно, чтобы авторы съ особенності учебниковъ заботились больше о корректурѣ. Вообще взгляды у добрыхъ людей въ такого неряшливства въ типографскомъ отношеніи, какъ у насъ. Г. Евстафьевъ заставляетъ омоносою жить Маусавловы вѣки: „1171—765“; Марина Минаева отчалася у него въ столбѣиъ“, и т. п. Первую ошибку авторъ въ концѣ поправилъ; но относительно Марины учащемуся предоставляемо недоумѣвать о истоплотности Марины.

Общинное землевладѣніе. *А. Посникова*. Выпускъ I. Ярославль, 1875. Стр. 171.

Диссертация г. Посникова объ общинномъ землевладѣніи представляетъ цѣнное приобритіе для русской науки. Строгая логика мысли и изложенія, оригинальная и остроумная, при всей простотѣ своей, аргументация естественно вытекаютъ изъ факта, что автору, во-первыхъ, хорошо известно все, что сказано было другими по тому же вопросу, а во-вторыхъ, что ему вполнѣ ясно то, что самъ онъ имѣетъ сказать о немъ. При такихъ условіяхъ эта книга—почти брошюра—заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ такая объемистая книга компилятивнаго свойства. Назадки на общинное пользованіе землею въ настоящее время въ Россіи авторъ относитъ не къ действительному сознанію вреда этой формы владѣнія, но къ потребности „капиталистической формы производства“. Для усиленнаго дѣйствія этой послѣдней силы нужны „руки“, то-есть рабочіе, не имѣющіе никакого обезпеченія, никакого средства къ прокормленію, кромѣ личнаго найма. Наше крестьянство не представляетъ рабочаго класса въ этомъ смыслѣ; такого класса у насъ почти нѣтъ, или

исключеній. Отсюда—общія жалобы на недостаточность „рукъ“ и ва „вредная экономическія послѣдствія общины“, и обращеніе къ власти, съ цѣлью сломить общину, обращеніе, которое само по себѣ вполнѣ противорѣчитъ системѣ laissez faire, которая есть основа „капиталистической формы“ производства; но основа эта громко провозглашается только тогда, когда законодательство уже лишло рабочей классъ всякой самостоятельности передъ капиталистами.

Обращаясь затѣмъ къ сущности вопроса объ эксплуатаціи земли, авторъ доказываетъ примѣромъ британскихъ острововъ,—которыхъ экономическія условія послужили основаніемъ для экономической науки въ ея первоначальномъ видѣ,—что высокое положеніе сельскаго хозяйства создано въ этой странѣ не безусловною частной собственности, но совмѣстъ напротивъ—срочными владѣльцами земли, фермерами, и помощью правительства; что неподвижная собственность оставалась почти только зрительницею улучшеній; что, наконецъ, сама эта собственность именно на британскихъ островахъ не представляетъ тѣхъ условій, въ силу которыхъ нѣкоторые континентальные экономисты противопоставляютъ ее общинному пользованію землею, какъ форму наиболѣе выгодную. Британская земельная собственность, во-первыхъ, не существуетъ въ юридическомъ принципѣ (земля принадлежитъ коронѣ); во-вторыхъ, крайне стѣснена въ сколько-нибудь значительныхъ распоряженіяхъ необходимою заручаться соглашеніемъ ближайшаго наследника. Все сдѣлалъ фермеры, а для процвѣтанія срочнаго фермерскаго хозяйства не требуется даже долгосрочности, но требуется вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія (tenant-right). Перехода къ великорусской общинѣ, авторъ доказываетъ, что передѣлы земли столь же мало могутъ быть вредны, какъ и истеченіе контрактовъ, и указываетъ только на два необходимыхъ условія: законодательное опредѣленіе, что передѣлы не могутъ имѣть мѣста въ произвольный срокъ, но должны наступать не ранѣе срока, однажды принятаго общаемо въ мѣстности, каковы бы онъ ни были,—во-вторыхъ, чтобы членъ общины, при передѣлѣ, получалъ вознагражденіе отъ общины за сдѣланныя улучшенія.

Здѣсь не мѣсто предьявлять возраженія. Замѣтимъ только, что авторъ не коснулся вопроса о законодательной обязательности общины (условія $\frac{2}{3}$ голосовъ для ея отиѣны) и о круговой поруцѣ. Въ какой мѣрѣ онъ находитъ ихъ сообразными съ рациональнымъ пользованіемъ землею и обезпеченіемъ бита крестьянства? Но такъ какъ мы имѣемъ только первый выпускъ, то не вправѣ дѣлать упрекъ въ пропускѣ этой немаловажной стороны вопроса объ общинѣ. Нѣкоторыя мелкія неточности (напр., рѣша почему-то вездѣ называется турпенсомъ) легко могутъ быть оговорены въ слѣдующемъ выпускѣ.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ *А. Н—евъ*. Въ текстѣ помѣщаются рисунки. Спб. 1875. Стр. 405. Ц. 3 р.

Въ этой книгѣ собраны не только всѣ относящіяся до предмета законопенія, но и практическія указанія о способѣ тушенія пожаровъ разнаго рода, начиная отъ пожара театровъ и до пожара лѣснаго и торфяного, о спасеніи людей и животныхъ, и врачебной помощи при пожарахъ. Присоединены: проектъ устава вольной пожарной дружины.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова),
на Кузнецкомъ-Мосту.

Подписная цѣна на годовою экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе	
въ С.-Петербургѣ:	{ 15 р. 50 коп. безъ доставки. 16 р. — „ съ доставкою на домъ.
Иногородные:	
1) въ Москвѣ:	{ 16 р. — „ безъ доставки. 17 р. — „ съ доставкою на домъ.
2) въ губерніи:	17 р. — „ съ пересылкою.
Иностранные:	
	19 р. — вся Европа (кроме Франціи), Египеть и Сѣв.-Ам. Штаты; 21 р. — Франція; 24 р. — Азія; 25 р. — остальная Америка.

Примчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (быш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

КОММИССИОНЕРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

С.-Петербургъ	{ Базуновъ, Нев. пр., 30. Исаковъ, Гос. Дв., 24. Чересовъ, Нев. пр., 50. Магаз. для Иногор., Нев. пр., 44.	Москва	{ Соловьевъ, Страстн. Бульв. Центр. Книжн. магаз., Слав. Базаръ.

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Свб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: ил., отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса проситъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго вѣдомства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣвъ по государствамъ.

Жалобы выслушаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Свб., Галерная, 20. Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.